

Н. ЛЕНИН
/ В. УЛЬЯНОВ /

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

XI

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Б 52 52-2

Т

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевики)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Н. ЛЕНИН (В. УЛЬЯНОВ)

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Т. XI

ГОДЫ КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ

1908—1911 г.г.

Часть II

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

*Печатается по постановлению
IX съезда Р. К. П.*

ТИПОГРАФИЯ
ГОСУД. ИЗДАТ.
ИМЕНИ ГУТЕНБЕРГА.
ЛЕНИНГРАД,
СТРЕМЯННАЯ, 12.

Часть II
1910 и 1911 годы

1910 год.

К е д и н с т в у.

Ровно год тому назад, в феврале 1909 года, в № 2 «Социал-Демократа» мы характеризовали работы партийной Конференции Р. С.-Д. Р. П., как выводящие партию «на дорогу» после «года развала, года идейно-политического разброда, года партийного бездорожья» (статья: «На дорогу» *). Мы указывали там, что тяжелый кризис, переживаемый нашей партией, несомненно, не только организационный, но и идейно-политический. Мы усматривали залог успешной борьбы партийного организма с разлагающими влияниями контр-революционного периода прежде всего в том, что тактические решения Конференции верно решили основную задачу: полное подтверждение рабочей партией ее революционных целей, вынесенных из недавнего времени бури и натиска, ее революционно-социал-демократической тактики, подтвержденной опытом непосредственной борьбы масс, и в то же время учетывание громадных экономических и политических изменений, происходящих у нас перед глазами, попытки самодержавия приспособиться к буржуазным условиям эпохи, сорганизоваться в буржуазную монархию, обеспечить интересы царизма и черносотенных помещиков путем открытого, широко и систематически проводимого союза с буржуазными верхами деревни и с воротилами торгово-промышленного капитализма. Мы отмечали организационную задачу партии, связанную с новым историческим моментом,—задачу использования нелегальной партией всевозможных легальных учреждений—и думской социал-демократической фракции в том числе, для создания опорных пунктов революционной социал-демократической работы в

*) См. 209—216 стр. 1-й части этого тома. Ред.

массах. Указывая сходство этой организационной задачи с той, которую решили наши немецкие товарищи в эпоху исключительного закона, мы говорили о «печальном уклонении от выдсержанной пролетарской работы» в виде отрицания думской работы социал-демократии или отказа от прямой и открытой критики л и н и и нашей думской фракции, в виде отрицания или принижения нелегальной Социал-Демократической Партии, попыток заменить ее бесформенной нелегальной организацией, укоротить наши революционные лозунги и т. д.

Бросив этот взгляд назад, мы можем правильнее оценить значение недавно состоявшегося пленума Центрального Комитета нашей партии. Читатели найдут в другом месте настоящего номера текст важнейших резолюций, принятых пленумом. Значение этих резолюций—крупный шаг к фактическому единству партии, к сплочению всех партийных сил, к е д и н о г л а с н о м у признанию тех основных положений относительно тактики партии и ее организации, которые определяют д о р о г у социал-демократии в наше трудное время. Эта дорога была указана год тому назад в е р н о, и на нее вступает теперь в с я партия, в ее верности убедились в с е фракции в партии. Пережитый год был годом новых фракционных дроблений, новой фракционной борьбы, годом обострения опасности р а з в а л а партии. Но условия работы на местах, трудное положение социал-демократической организации, неотложные задачи экономической и политической борьбы пролетариата,—все это толкало к сплочению социал-демократических сил всей фракции. Чем больше укреплялась, нагнела и неистовствовала контр-революция, чем шире распространялось подлое ренегатство и отречение от революции в либеральных и мелко-буржуазно-демократических слоях, тем сильнее была тяга к п а р т и и у всех социал-демократов. Крайне характерно, что под влиянием всей этой совокупности условий во второй половине 1909 года за партийность высказывались столь далеко между собой расходящиеся члены нашей партии, как меньшевик товарищ Плеханов, с одной стороны, и группа «Вперед» (группа большевиков, отошедших от ортодоксального большевизма),—с другой. Первый решительно выступил в августе 1909 года против раскола и линии раскола партии с лозунгом: «борьба за влияние в партии». Вторая выпустила платформу, в которой говорится, правда, в начале о «борьбе за восстановление единства большевизма», но в конце решительно осу-

ждается фракционность, «партии в партии», «обособленность и замкнутость фракций», решительно требуется их «растворение» в партии, их «слияние», превращение фракционных центров в центры «действительно лишь идейные и литературные» (стр. 18 и 19 брошюры: «Современное положение и задачи партии»).

Ясно намеченную большинством партии дорогу—признали теперь—разумеется, не в деталях, а в основном—единогласно все фракции. Год обостренной фракционной борьбы привел к решительному шагу в пользу уничтожения всех фракций и всякой фракционности, в пользу единства партии. Решено силотить все силы на неотложных задачах экономической и политической борьбы пролетариата; объявлено о закрытии фракционного органа большевиков ¹⁾; единогласно принято решение о необходимости закрытия «Голоса Социал-Демократа», т.-е. фракционного органа меньшевиков. Единогласно принят ряд резолюций, из которых мы должны особо выделить здесь, как наиболее важные, резолюцию о положении дел в партии и о созыве ближайшей партийной конференции *). Первая из этих резолюций, будучи, так сказать, платформой объединения фракций, заслуживает особенно обстоятельного разбора.

Она начинается словами: «в развитие основных положений резолюций партийной Конференции 1908 года»... Мы привели выше эти основные положения трех главных резолюций Декабрьской Конференции 1908 года: об оценке момента и о политических задачах пролетариата, об организационной политике партии и об отношении ее к думской социал-демократической фракции. Не может подлежать ни малейшему сомнению, что в партии нет единогласия относительно каждой детали, относительно каждого пункта этих резолюций, что для их критики, для их переработки соответственно указаниям опыта и урокам усложняющейся экономической и политической борьбы должны быть широко открыты двери партийной печати, что эту работу критики, применений, улучшений, должны рассматривать отныне все фракции, вернее: все течения в партии, как дело своего собственного самоопределения, как дело уяснения своей собственной линии. Но работа критики и исправления партийной линии не должна мешать единству партийного действия, которое не может приостановиться ни на минуту, которое не может

*) См. Приложение к этому тому, № 3.

быть колеблющимся, которое должно во всем направляться сообразно основным положениям указанных резолюций.

Развивая эти положения, первый пункт постановления Центрального Комитета напоминает «принципиальные основы» социал-демократической тактики, которая, согласно методу всей международной социал-демократии, не может быть рассчитываема—особенно в такую эпоху, какую переживаем мы—«на данную лишь конкретную обстановку ближайшего момента», а должна быть рассчитана на различные пути, на все возможные ситуации, и на случай «быстрой ломки» и на случай «сравнительной неподвижности обстановки». Пролетариату впервые открывается возможность планомерно и последовательно применять этот тактический метод. Тактика нашей партии должна в одно и то же время, в одном и том же действии пролетариата, в одной и той же сети организационных ячеек, «делать пролетариат готовым к новой открытой революционной борьбе» (без этого мы утратили бы право причислять себя к революционной социал-демократии, мы не исполнили бы основного своего дела, завещанного эпохой 1905 года и предписываемого каждой чертой современной экономической и политической обстановки),—и «давать пролетариату возможность использовать для себя все противоречия неустойчивого режима контр-революции» (без этого наша революционность превратилась бы в фразу, в повторение революционных слов вместо применения всей суммы революционного опыта, знаний и уроков международной социал-демократии, к каждому практическому действию, к использованию каждого противоречия и колебания царизма, его союзников и всех буржуазных партий).

Второй пункт резолюции дает характеристику того перелома, который переживает рабочее движение в России. Сплотимся и пойдем на помощь новому поколению социал-демократических рабочих, чтобы оно смогло решить свою историческую задачу, обновить партийную организацию, выработать новые формы борьбы, нисколько не отказываясь от «задач революции и методов ее», а, напротив, отстаивая их, готовя более широкую и более прочную базу для более победоносного применения этих методов в грядущей новой революции.

Третий пункт резолюции обрисовывает те условия, которые вызвали повсюду у сознательных рабочих «тягу к концентрации партийных социал-демократических сил, к укреплению партийного

единства». Во главе этих условий стоит широкое контр-революционное течение. Враг сплачивается и наступает. К старым врагам—царизму, произволу и насилию чиновников, к угнетению и бесстыдному надругательству со стороны помещиков-крепостников—присоединяется новый враг: все более объединяющаяся на сознательной, собственным опытом подкрепленной, вражде к пролетариату буржуазия. Революционеров истребляют, пытаются и мучат, как никогда. Революцию стараются оплывать, опозорить, вытравить из памяти народа. Но рабочий класс ни в одной стране никогда не давал еще врагам отнять главное завоевание всякой, сколько-нибудь заслуживающей этого названия, революции, именно: опыт массовой борьбы, убеждение миллионов трудящихся и эксплуатируемых в ее необходимости для всякого серьезного улучшения в своем положении. И рабочий класс России через все испытания вынесет ту готовность к революционной борьбе, тот героизм массы, с которым он побеждал в 1905 году и сумеет победить еще не раз.

Нас сплачивает не только гнет контр-революции и разгул контр-революционных настроений. Нас сплачивает и каждый шаг скромной, повседневной практической работы. Думская работа социал-демократии идет неуклонно вперед, освобождаясь от ошибок, неизбежных в начале, преодолевая скептицизм и равнодушие, выковывая ценимое всеми социал-демократами орудие революционной пропаганды, агитации, организованной классовой борьбы. И всякий легальный съезд, в котором участвуют рабочие, всякое легальное учреждение, куда просачивается пролетариат и приносит свою классовую сознательность, открытую защиту интересов труда и требований демократии,—ведут к сплочению сил и к развитию движения в целом. Никакие преследования правительства, никакие ухищрения его черносотенных и буржуазных союзников не в силах уничтожить проявлений пролетарской борьбы в самых различных и подчас неожиданных формах, ибо самый капитализм каждым шагом своего развития обучает и сплачивает, умножает ряды и усиливает возмущение своих могильщиков.

В том же направлении (тяга к партийности) действует разрозненность социал-демократических групп и «кустарничество» в работе, от которых так страдает наше движение в течение последних полутора-двух лет. Практическую работу становится невозможным поднять без концентрации сил, без создания руководящего центра. Центральным Комитетом принят ряд решений

об организации и функционировании этого центра, о расширении его состава практическими силами, о более тесном соединении его работы с работой на местах и т. д. Теоретические интересы, которые неизбежно выдвигаются вперед во времена застоя, равным образом требуют сплочения на защите социализма вообще и марксизма, как единственно научного социализма, в особенности пред лицом буржуазной контр-революции, которая мобилизует все силы для борьбы против идей революционной социал-демократии.

Наконец, последний пункт резолюции говорит об идейно-политических задачах социал-демократического движения. Острый процесс внутри социал-демократического движения в 1908—1909 годах привел к тому, что и эти задачи ставились до сих пор чрезвычайно остро и решались самой ожесточенной борьбой фракций. Это было не случайностью, а необходимым явлением в обстановке кризиса и развала партийных организаций. Но это именно б ы л о необходимо, и единогласное принятие разбираемой резолюции показало наглядно общее стремление пойти вперед, от борьбы за спорные основные положения перейти к признанию их бесспорными и к дружной усиленной работе на почве этого признания.

Резолюция признает, что двоякого рода отклонения в сторону от правильного пути порождаются неизбежно современной исторической обстановкой и буржуазным влиянием на пролетариат. Одно из этих отклонений ²⁾, по сути дела, характеризуется следующими чертами: «отрицание нелегальной социал-демократической партии, принижение ее роли и значения, попытки укоротить программные и тактические задачи и лозунги революционной социал-демократии и т. д.». Понятна связь этих ошибок внутри социал-демократии с контр-революционным буржуазным потоком вне ее. Ничто так ненавистно буржуазии и царизму, как нелегальная социал-демократическая партия, своей работой доказывающая свою верность заветам революции, свою непреклонную готовность к беспощадной борьбе с основами Столыпинской «легальности». Ничто так ненавистно буржуазии и слугам царизма, как революционные задачи и лозунги социал-демократии. Отстаивание того и другого есть наша безусловная задача, и именно сочетание нелегальной и легальной работы особенно требует от нас борьбы со всяким «принижением роли и значения» нелегальной партии. Именно необходимость на более мелких вопросах, в более скромных размерах, по частным поводам, в

легальных рамках защищать партийную позицию особенно требует наблюдения за тем, чтобы эти задачи и лозунги не у к о р а ч и в а л и с ь, чтобы изменение формы борьбы не ликвидировало ее содержания, не ослабляло ее непримиримости, не уродовало исторической перспективы и исторической цели пролетариата: вести всех трудящихся и эксплуатируемых, вести все массы народа через ряд буржуазных революций, завоевывающих демократическую республику, к пролетарской революции, ниспровергающей самый капитализм.

Но, с другой стороны,—и здесь мы переходим к характеристике другого уклонения ³⁾—нельзя вести на практике повседневно-революционной социал-демократической работы, если не научиться видоизменять ее формы, приспособляя их к своеобразию каждого нового исторического момента. «Отрицание думской социал-демократической работы или использования легальных возможностей, непонимание важности того и другого» представляет из себя как раз такое уклонение, при котором на деле ведение классовой социал-демократической политики становится невозможным. Новый этап исторического развития России ставит перед нами новые задачи: это не значит, чтобы старые задачи уже были решены, чтобы от них позволительно было отречься; нет, но это значит, что нужно учесть эти новые задачи, найти новые формы борьбы, выработать соответствующие им тактику и организацию.

Раз в партии начало устанавливаться согласие относительно этих основных вопросов, согласие относительно необходимости «п р е о д о л е т ь», главным образом, путем расширения и углубления социал-демократической работы оба указанные уклонения,—главное для правильного определения «идейно-политических задач социал-демократического движения» достигнуто. Надо теперь систематически провести это достигнутое в жизнь, добиться полной ясности понимания этих задач всеми кругами партии, всеми местными работниками, довести до конца разъяснение опасности обоих уклонов во всех областях работы, поставить работу так, чтобы с д е л а т ь н е в о з м о ж н ы м и шатавания в ту или другую сторону. Практические шаги по осуществлению принятых решений, потребности самой экономической и политической борьбы покажут затем сами собой, что и как тут остается доделать.

В числе этих потребностей есть одна, входящая в обычный ход партийной жизни (когда есть этот «обычный ход»). Мы гово-

рим о партийной конференции, которая бы свела вместе действительно занятых работой на местах представителей партийных социал-демократических организаций и групп со всех концов России. Как ни скромна эта задача, но современный развал страшно затруднил ее. Резолюция Центрального Комитета учитывает новые трудности (выбор областных делегатов отдельными местными ячейками, а не областными конференциями, раз созыв таковых невозможен) и новые задачи (привлечение с совещательным голосом партийных деятелей из легального движения).

Объективные условия требуют того, чтобы в основе организации партии лежали скромные по размерам и по теперешним формам работы нелегальные рабочие ячейки. Но чтобы научиться вести революционную социал-демократическую работу систематически, неуклонно, планомерно при современной тяжелой обстановке,—от них требуется гораздо больше инициативы и самостоятельности, чем прежде, тем более, что помощи от опытных, старых товарищей в массе случася им не дожидаться. И эти ячейки не могут решить задачи постоянного влияния на массы и взаимодействия с массами без создания, во-первых, прочной связи друг с другом, а во-вторых, без создания опорных пунктов в виде всяческих и всевозможных легальных учреждений. Отсюда необходимость конференции делегатов этих нелегальных ячеек,— в первую голову, прежде всего, немедленно и во что бы то ни стало. Отсюда необходимость привлечения п а р т и й ц е в социал-демократов из легального движения, привлечение представителей «от социал-демократических групп в легальном движении, готовых установить п р о ч н у ю о р г а н и з а ц и о н н у ю связь с местными партийными центрами». Кто действительно, на деле, а не на словах только, партиен из наших легальных социал-демократов, кто из них действительно понял отмеченные выше новые условия работы и сочетание с ними старых задач революционной социал-демократии, кто искренно готов работать над выполнением этих задач, какие группы действительно готовы установить прочную организационную связь с партией,—это может быть определено только на местах, в самом ходе повседневной нелегальной работы.

Будем надеяться, что на этой работе сплотятся теперь все социал-демократические силы, что за подготовку конференции возьмутся со всей энергией партийные работники в центре и на

местах, что эта конференция поможет окончательно закрепить наше партийное единство и дружно двинуть вперед создание более широкой, более прочной, более гибкой пролетарской базы для грядущих революционных битв.

*«Социал-Демократ» № 11,
от 13 (26) февраля 1910 г.*

Заметки публициста.

I.

**О «платформе» сторонников и защитников
отзовизма.**

Недавно вышла в свет в Париже, в издании группы «Вперед», брошюра: «Современное положение и задачи партии. Платформа, выработанная группой большевиков». Это—та самая группа большевиков, об образовании которой новой фракции расширенная редакция «Пролетария» заявляла весной прошлого года ⁴⁾. Теперь эта группа «в составе 15 членов партии—7 рабочих и 8 интеллигентов» (как она нам сообщает) выступает с попыткой цельного, систематического, положительного изложения своей особой «платформы». Текст этой платформы носит на себе явные следы осторожной и заботливой коллективной обработки, направленной к сглаживанию всех шероховатостей, к стиранию острых углов, к подчеркиванию не столько того, в чем группа с партией расходится, сколько того, в чем она с ней сходится. Тем ценнее для нас новая платформа, как официальное изложение взглядов известного течения.

Группа большевиков излагает сначала, как она «понимает современное историческое положение нашей страны» (§ I, стр. 3—13), затем как она «понимает большевизм» (§ II, стр. 13—17). И то и другое понимает она плохо.

Возьмем первый вопрос. Взгляд большевиков (и взгляд партии) изложен в резолюции Декабрьской Конференции 1908 г. о современном моменте. Разделяют ли авторы новой платформы взгляды, выраженные в этой резолюции? Если да, отчего бы им не сказать это прямо? Если да, к чему было составлять особую платформу, браться за изложение своего особого «понимания» момента? Если нет, почему опять-таки не сказать ясно, в чем именно вступает новая группа в оппозицию взглядам партии?

В том-то и дело, что новой группе самой не ясно значение этой резолюции. Новая группа бессознательно (или на половину бессознательно) клонит ко взглядам отзовистов, не примиримым с этой резолюцией. Новая группа дает в своей брошюре популярное истолкование не всех положений этой резолюции, а лишь одной ее части, не понимая (может быть, даже не замечая значения) другой части. Основные факторы, вызвавшие революцию 1905 года, продолжают действовать,—говорит резолюция. Новый революционный кризис назревает (пункт е). Целью борьбы остается свержение царизма и завоевание республики; пролетариат должен играть «руководящую» роль в борьбе и стремиться к «завоеванию политической власти» (пункты д и i). Условия мирового рынка и мировой политики делают «международную обстановку все более революционной» (пункт жс). Вот э т и положения новая платформа популярно истолковывает и п о с т о л ь к у она идет вполне рука об руку с большевиками и с партией, п о с т о л ь к у она излагает правильные взгляды и делает полезную работу.

Но в том-то и беда, что приходится подчеркивать э т о п о с т о л ь к у. В том-то и беда, что д р у г и х положений этой резолюции новая группа н е п о н и м а е т, не понимает их связи с остальными, не понимает в особенности их с в я з и с тем непримиримым отношением к отзовизму, которое свойственно большевикам и которое несвойственно этой группе.

Революция снова неизбежна. Революция снова должна свергать и свергнуть самодержавие—говорят авторы новой платформы. Верно. Но это не все, что надо знать и помнить с о в р е м е н н о м у революционеру с.-д. Он должен уметь понять, что эта революция идет к нам по-новому, что мы должны идти к ней по-новому (иначе чем прежде; не только так, как прежде; не только с теми орудиями и средствами борьбы, как прежде), что само самодержавие есть не то, что прежде. Вот этого-то и не хотят видеть защитники отзовизма! Они упорно хотят оставаться односторонними и э т и м, вопреки своей воле, независимо от своего сознания, они о к а з ы в а ю т у с л у г у оппортунистам и ликвидаторам, они односторонностью в одну сторону поддерживают односторонность в другую сторону.

Самодержавие вступило в н о в у ю историческую полосу. Оно делает шаг по пути превращения в буржуазную монархию. III Дума есть союз с определенными классами. III Дума есть не случайное, а необходимое учреждение в системе этой новой мо-

нархии. Новая аграрная политика самодержавия тоже не случайность, а необходимое, буржуазно-необходимое и в своей буржуазности необходимое составное звено политики нового царизма. Перед нами с в о е о б р а з н а я историческая полоса с с в о е о б р а з н ы м и условиями зарождения новой революции. Нельзя овладеть этим своеобразием, нельзя подготовиться к этой новой революции, если действовать только по-старому, если не уметь использовать самой думской трибуны и т. д.

Вот этого последнего положения не могут понять отзовисты. А защитники отзовизма, объявляющие его «законным оттенком» (стр. 28 рассматриваемой брошюры), не могут до сих пор понять с в я з и этого положения с целым кругом идей, с признанием своеобразия современного момента, с стремлением у ч е с т ь это своеобразие в своей тактике! Они повторяют, что мы переживаем «межреволюционный период» (стр. 29), что «современное положение есть переходное между двумя волнами демократической революции» (стр. 32), но в чем с в о с о б р а з и е этого «п е р е х о д а», они понять не в состоянии. А не поняв этого п е р е х о д а, нельзя изжить его с пользой для революции, нельзя подготовиться к новой революции, нельзя п е р е й т и ко второй волне! Ибо подготовка к новой революции не может ограничиться повторением того, что она неизбежна; подготовка должна состоять в такой постановке пропаганды, агитации и организации, которая бы учитывала своеобразие этого переходного п о л о ж е н и я.

Вот вам пример того, как люди о п е р е х о д н о м положении говорят, а в чем этот п е р е х о д состоит, не понимают. «Что в России никакой действительной конституции нет, а Дума—лишь ее призрак, без власти и значения, это не только по опыту знают хорошо массы населения, но теперь это становится ясным всему миру» (стр. 11). Сопоставьте с этим оценку III Думы декабрьской резолюцией: «Открыто признан и закреплен государственным переворотом 3 июня и учреждением III Думы союз царизма с черносотенными помещиками и верхами торгово-промышленной буржуазии».

Неужели не «ясно всему миру», что авторы платформы так-таки и не поняли резолюции, хотя ее в течение года жевали и расжевывали в партийной прессе на тысячу ладов? И не поняли не в силу своей непонятливости, конечно, а в силу тяготения над ними отзовизма и отзовистского круга идей.

Наша III Дума есть черносотенно-октябристская Дума. Что октябристы и черносотенцы в России не имеют «власти и значения» (как это вышло у авторов платформы), это нелепость. Отсутствие «действительной конституции», сохранение полноты власти за самодержавием нисколько не исключает того своеобразного исторического положения, когда эта власть вынуждена организовывать контр-революционный союз известных классов в общенациональном масштабе, в открыто действующих учреждениях, имеющих общегосударственное значение, и когда известные классы сами организуются, снизу, в контр-революционные блоки, протягивающие руку царизму. Если «союз» царизма с этими классами (союз, стремящийся сохранить власть и доходы за крепостниками-помещиками) есть своеобразная форма господства классов и господства царя с его шайкой в данный, п е р е х о д н ы й период, форма, порождаемая буржуазной эволюцией страны при условии поражения «первой волны революции»,—тогда н е м о ж е т б ы т ь и р е ч и об использовании переходного времени без использования думской трибуны. Своеобразная тактика использования той трибуны, с которой говорят контр-революционеры, в ц е л я х подготовки революции—является тогда о б я з а т е л ь н о й, вытекающей из своеобразия все й исторической обстановки. Если же Дума есть лишь «призрак» конституции, «без власти и значения», тогда никакого н о в о г о этапа в развитии буржуазной России, буржуазной монархии, в развитии формы господства высших классов и т. д. перед нами нет, и тогда отзовисты, конечно, п р и н ц и п и а л ь н о оказываются правыми!

И не думайте, что приведенная нами фраза платформы есть случайная обмолвка. В специальной главе «О Государственной Думе» (стр. 25—28) мы читаем с самого начала: «все Государственные Думы до настоящего времени представляли учреждения, не имеющие реальной силы и власти, не выражающие действительного соотношения сил в стране. Правительство созывало их под натиском народного движения для того, чтобы, с одной стороны, отвести массовое возбуждение от путей непосредственной борьбы на пути мирно-избирательные, с другой стороны, чтобы столкнуться в этих Думах с теми общественными группами, которые могли бы поддержать правительство в борьбе с революцией»... Это—целый клубок путаных мыслей или обрывков мыслей. Если правительство созывало Думы, чтобы столкнуться с контр-револю-

ционными классами, то отсюда выходит как раз то, что первая и вторая Думы *не* имели «силы и власти» (чтобы помочь революции), а III *имела и имеет* (чтобы помочь контр-революции). Революционеры могли (а при известных условиях и должны были) не участвовать в учреждении, которое бессильно было помочь революции. Это бесспорно. Объединяя вместе такие учреждения революционного периода с Думой «межреволюционного периода», которая имеет силу помогать контр-революции, авторы платформы совершают чудовищную ошибку. Они распространяют правильные большевистские рассуждения как раз на такие случаи, на которые они на самом деле не распространяются! Это именно и значит превращать большевизм в карикатуру.

Резюмируя свое «понимание» большевизма, авторы платформы выдвинули даже особый пункт *д* (стр. 16), в котором эта «карикатурная» революционность нашла себе классическое, можно сказать, выражение. Вот этот пункт полностью:

«и) Впредь до завершения революции все полулегальные и легальные способы и пути борьбы рабочего класса, в том числе также участие в Государственной Думе, не могут иметь самостоятельного и решающего значения, но являются лишь средством собирания и подготовки сил для прямой революционной, открыто-массовой борьбы».

Выходит, что *п о с л е* «завершения революции» легальные способы борьбы, и парламентаризм «в том числе» *м о г у т* иметь самостоятельное и решающее значение!

Неверно. И тогда не могут. В платформе «впередовцев» написана бессмыслица.

Далее. Выходит, что «до завершения революции» все способы борьбы *к р о м е* легальных и полулегальных, т.-е. *в с е н е л е г а л ь н ы е* способы борьбы *м о г у т* иметь самостоятельное и решающее значение!

Неверно. Есть такие нелегальные способы борьбы, которые *п о с л е* «завершения революции» (например, нелегальные кружки пропаганды) и «до завершения революции» (например, захват денежных средств у неприятеля или освобождение насильем арестованных или убийство шпионов и т. п.) *н е* могут иметь самостоятельного и решающего значения, но являются *л и ш ь* и т. д., как в тексте «п л а т ф о р м ы».

Далее. О каком это «завершении революции» здесь говорится? Очевидно, *н е* о завершении социалистической революции, ибо

тогда не будет борьбы рабочего класса, раз не будет вообще классов. Значит, речь идет о завершении буржуазно-демократической революции. Теперь посмотрим, что же «понимали» авторы платформы под завершением буржуазно-демократической революции?

Вообще говоря, под этим термином можно понимать две вещи. Если его употребляют в широком смысле, то под ним разумеют решение объективных исторических задач буржуазной революции, «завершение» ее, т.-е. устранение самой почвы, способной родить буржуазную революцию, завершение всего цикла буржуазных революций. В этом смысле, например, во Франции буржуазно-демократическая революция завершена была лишь 1871-ым годом (а начата в 1789 г.). Если же употребляют слово в узком смысле, то имеют в виду революцию отдельную, одну из буржуазных революций, одну из «волн», если хотите, которая бьет старый режим, но не добивает его, не устраняет почвы для следующих буржуазных революций. В этом смысле революция 1848 года в Германии была «завершена» в 1850-м году или в 50-х годах, несколько не устранив этим почвы для революционного подъема 60-х годов. Революция 1789 года во Франции была «завершена», скажем, в 1794 году, несколько не устранив этим почвы для революции 1830, 1848 годов.

Толковать ли слова платформы «впредь до завершения революции» в широком или узком значении, — во всяком случае смысла в них не доискаться. Нечего и говорить, что пытаться определить теперь тактику революционной социал-демократии впредь до завершения всего периода возможных буржуазных революций России — было бы совсем нелепо. А про революционную «волну» 1905—1907 г.г., т.-е. про первую буржуазную революцию в России, платформа сама вынуждена признать, что «первую волну революции оно (самодержавие) победило» (стр. 12), что мы переживаем период «межреволюционный», «между двумя волнами демократической революции».

В чем же источник этой бесконечной и безысходной путаницы в «платформе»? Да именно в том, что платформа дипломатично отгораживается от отзовизма, несколько не выходя из круга идей отзовизма, не поправляя его основной ошибки и даже не замечая ее. Именно в том, что для «передовцев» отзовизм «законный оттенок», т.-е. для них закон, образцом, непревзойденным образцом является отзовистский оттенок карикатурного

большевизма. Кто встал на эту наклонную плоскость, тот неудержимо катится и будет катиться в б о л о т о безысходной путаницы; тот п о в т о р я е т слова и лозунги, не умея п р о д у м а т ь условия применимости и пределы значения их.

Почему, например, большевики в 1906—1907 г.г. так часто противопоставляли оппортунистам лозунг: революция не кончилась? Потому, что объективные условия были таковы, что о завершении революции в узком смысле слова не могло быть и речи. Возьмите хоть период II Думы. Самый революционный парламент в мире и едва ли не самое реакционное самодержавное правительство. Отсюда не было непосредственного выхода кроме переворота сверху или восстания снизу и, как бы ни качали теперь головой великомудрые педанты, а до переворота никто не мог ручаться, что он правительству удастся, что он сойдет гладко, что Николай II не сломит себе на нем шеи. Лозунг «революция не кончилась» имел самое живое, непосредственно важное, практически ощутимое значение, ибо т о л ь к о он правильно выражал, что есть, к чему дело идет в силу объективной логики событий. А теперь, когда отзовисты сами признают данное положение «межреволюционным», пытаются представить этот отзовизм «законным оттенком революционного крыла» — «впредь до завершения революции», — разве это не беспомощная путаница?

Чтобы выбраться из этого безысходного круга противоречий, надо не дипломатничать с отзовизмом, а подрезать его идейные основы; надо встать на точку зрения декабрьской резолюции и продумать ее до конца. Данный межреволюционный период объясняется не случайностью. Теперь уже нет сомнений, что перед нами особый этап развития самодержавия, развития буржуазной монархии, буржуазно-черносотенного парламентаризма, буржуазной политики царизма в деревне, поддержки всего этого контр-революционной буржуазией. Этот период, несомненно, есть п е р е х о д н ы й период «между 2 волнами революции», но чтобы подготовиться ко второй революции, необходимо как рав овладеть своеобразием этого перехода, уметь приспособить свою тактику и организацию к этому трудному, тяжелому, темному, но навязанному нам ходом «кампании» переходу. Использование думской трибуны, как и всяких других легальных возможностей, принадлежит к числу весьма невысоких средств борьбы, ничего «яркого» с собой не несущих. Но переходный период потому и есть переходный, что его специфической задачей является

подготовка и соби́рание сил, а не их непосредственное, не их решительное выступление. Уметь поставить эту лишенную высшего блеска деятельность, уметь использовать для нее все те полуоткрытые учреждения, которые свойственны эпохе черносотенно-октябристской Думы, уметь отстоять и на этой почве все традиции революционной социал-демократии, все лозунги ее недавнего героического прошлого, весь дух ее работы, всю непримиримость ее по отношению к оппортунизму и реформизму, — вот задача партии, вот задача момента.

Мы разобрали первое отступление новой платформы от той тактики, которая изложена в резолюции Декабрьской Конференции 1908 г. Мы видели, что это есть отступление в сторону идей отзовистских, в сторону идей, ничего общего не имеющих ни с марксистским анализом переживаемого момента, ни с основными посылками тактики революционных социал-демократов вообще. Нам надо рассмотреть теперь вторую оригинальную черту новой платформы.

Это—провозглашаемая новой группой задача «создать» и «распространить в массах новую, пролетарскую культуру: развивать пролетарскую науку, укреплять истинно-товарищеские отношения в пролетарской среде, вырабатывать пролетарскую философию, направлять искусство в сторону пролетарских стремлений и опыта» (стр. 17).

Вот образчик той наивной дипломатии, которая служит в новой платформе для прикрытия сути дела! Ну, разве это не наивно, когда между «наукой» и «философией» вставляют «укрепление истинно-товарищеских отношений»? В платформу вносит новая группа свои предполагаемые обиды, свои обвинения других групп (именно: ортодоксальных большевиков в первую голову) в нарушении ими «истинно-товарищеских отношений». Именно таково реальное содержание этого забавного пункта.

«Пролетарская наука» выглядит здесь тоже «грустно и некстати». Во-первых, мы знаем теперь только одну пролетарскую науку—марксизм. Авторы платформы почему-то систематически избегают этого единственно точного термина, ставя везде слова: «научный социализм» (стр. 13, 15, 16, 2), 21). Известно, что на этот последний термин претендуют у нас в России и прямые противники марксизма. Во-вторых, если ставить в платформу за-

дачу развития «пролетарской науки», то надо сказать ясно, какую именно идейную, теоретическую борьбу нашего времени имеют здесь в виду и на чью именно сторону становятся авторы платформы. Молчание об этом есть наивная хитрость, ибо с у т ь д е л а ясна всякому, кто знает литературу с.-д. 1908—1909 годов. В н а ш е время в области науки, философии, искусства выдвинулась борьба марксистов с махистами. По меньшей мере смешно закрывать глаза на этот общеизвестный факт. «Платформы» следует писать не для затушевания разногласий, а для разъяснения их.

Неловко же выдают себя наши авторы цитированным местом платформы. Всем известно, что н а д е л е под «пролетарской философией» имеется в виду именно м а х и з м, — и всякий толковый социал-демократ сразу раскроет «новый» п с е в д о н и м. Не к чему было и выдумывать этот псевдоним. Не к чему прятаться за него. На деле самое влиятельное литературское ядро новой группы есть махистское, которое считает не-махистскую философию не-«пролетарской».

Так и надо было сказать, если хотели говорить об этом в платформе: новая группа объединяет людей, которые будут бороться против не-«пролетарских», т.-е. не-махистских теорий в философии и искусстве. Это было бы прямое, правдивое, открытое выступление всем известного и д е й н о г о течения, выступление на борьбу с другими течениями. Когда идейной борьбе придают важное значение для партии, то именно с прямым объявлением войны и выступают, а не прячутся.

И мы будем звать всех к определенному, ясному ответу на прикрытое выставление философской борьбы с марксизмом в платформе. Н а д е л е именно б о р ь б у с м а р к с и з м о м прикрывают все фразы о «пролетарской культуре». «Оригинальность» новой группы та, что она в партийную платформу внесла ф и л о с о ф и ю, не сказав прямо, какое и м е н н о течение в философии она защищает.

Впрочем, нельзя было бы сказать, что целиком отрицательным является то реальное содержание, которое имеют цитированные слова платформы. За ними кроется и некоторое положительное содержание. Это положительное содержание можно выразить одним словом: М. Горький.

В самом деле, не к чему скрывать факта, о котором прокричала уже (исказив и извратив его) буржуазная пресса, именно, что М. Горький принадлежит к сторонникам новой группы. А

Горький—безусловно крупнейший представитель пролетарского искусства, который много для него сделал и еще больше может сделать. Всякая фракция Социал-Демократической Партии может законно гордиться принадлежностью к ней Горького, но на этом основании вставлять в платформу «пролетарское искусство» значит выдавать этой платформе свидетельство о бедности, значит сводить свою группу к литераторскому кружку, который изобличает себя сам именно в «авторитарности». Авторы платформы очень много говорят против признания авторитетов, не поясняя прямо в чем дело. Дело в том, что им кажется отстаивание материализма в философии и борьба с отзовизмом у большевиков предприятием отдельных «авторитетов» (тонкий намек—на толстое обстоятельство!), которым враги махизма дескать «слепо доверяют». Подобные выходки, конечно, совершенно детские. Но с авторитетами именно «передовцы» обращаются нехорошо. Горький—авторитет в деле пролетарского искусства, это бесспорно. Попытаться «использовать» (в идейном, конечно, смысле) этот авторитет для укрепления махизма и отзовизма значит давать образчик того, как с авторитетами обращаться не следует.

В деле пролетарского искусства М. Горький есть громадный плюс, несмотря на его сочувствие махизму и отзовизму. В деле развития социал-демократического пролетарского движения платформа, которая обособляет в партии группу отзовистов и махистов, выдвигая в качестве специальной групповой задачи развитие якобы «пролетарского» искусства, есть минус, ибо эта платформа в деятельности крупного авторитета хочет закрепить и использовать как раз то, что составляет его слабую сторону, что входит отрицательной величиной в сумму приносимой им пролетариату громадной пользы.

*«Дискуссионный Листок» № 1
от 6 (19) марта 1910 г.*

Листок о Гаивасе.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

З. Б. Ц. К. доводит до сведения всех зарубежных групп следующее письмо, получен-

ное им от представителя Р. С.-Д. Р. П. в Межд. Соц. Бюро, т. Ленина.

18 марта 1910 г.

«Секретарь Международного Социалистического Бюро обратился с письмом к представителю Р. С.-Д. Р. П. в Межд. Соц. Бюро по следующему поводу:

Русское правительство потребовало от Бельгии выдачи некоего **Гаиваса** (Gaïvas), обвиняемого в экспроприации, совершенной им, по словам русского правительства, 16 мая 1907 года близ участка Полубатовка (Сумский уезд, село Чернечинское: la ferme de Poloubatovka, d' la commune de Tchernetschinsky, du district de Soumi). Эта экспроприация совершена, де, с участием **Михаила Бряскуна**, **Михаила Мельника**, **Сергея Никифорова** и **Павла Демьяненко**, которые уже осуждены **военным** судом в 1907 году.

Имя экспроприированного—некий Головин, потомственный почетный гражданин.

«Русская колония в Брюсселе,—пишет секретарь Международного Социалистического Бюро,—убеждена, что дело Гаиваса есть дело политическое и что Гаиваса надо спасти как в его личных интересах, так и для того, чтобы выдача **его не создала прецедента, крайне опасного**».

Судебное разбирательство по делу о выдаче Гаиваса состоялось в Брюсселе 17 марта 1910 года. Суд колеблется, не зная, есть ли это дело политическое.

«Самый влиятельный член суда и представитель его,—пишет секретарь Международн. Социалистического Бюро,—ставит решение в зависимость от того, доказано ли, что его участники судились военным судом. Если это так, то он считал бы это доказательством политического характера преступления».

Дело отложено на неделю, чтобы Гаивас и его защитник могли доставить доказательство.

Поэтому крайне важно **немедленно** собрать все справки и сведения, которые в целях быстроты желательно (или можно) доставить **прямо** защитнику Гаиваса.

М. В. Jofé, Avocat
55, Rue Bosquet, 55.
Bruxelles (Belgique).

Представитель Р. С.-Д. Р. П. в М. С. Б. просит поэтому З. Б. Ц. К., а также правление **всех** парижских групп Р. С.-Д. Р. П. немедленно принять меры к наведению справок и собранию сведений, путем ли гектографирования и рассылки по группам настоящего письма или иными средствами.

Удостоверения групп, **если есть время**, могут быть в случае надобности присланы в З. Б. Ц. К. для подписи З. Б. Ц. К. или представителя Р. С.-Д. Р. П. в М. С. Бюро».

Н. Ленин.

С тов. приветом З. Б. Ц. К.
18/III 1910 г.

За что бороться.

Недавние выступления господствующей в Думе партии, октябристов, в связи с думскими и внедумскими речами правых кадетов имеют, несомненно, крупное симптоматическое значение. «Мы изолированы в стране и в Думе», жаловался глава партии контр-революционных капиталистов, г. Гучков. Авеховец, г. Булгаков, как бы вторит ему в «Московском Еженедельнике»: «... и реакция, и революция отрицают непрекосновенность личности»; напротив, телом и душой исповедуют ее «прикосновенность» — совершенно одинаково Марков 2-ой с травлей инородцев и погромной моралью и с.-д. Гегечкори, во имя неприкосновенности личности, апеллирующий ко второй великой русской революции» (№ 8, 20 п. 10, стр. 25).

«Мы ждем», обращался г. Гучков в Думе к царскому правительству, констатируя этим, что до сих пор буржуазия, душой и телом отдававшаяся контр-революции, не может признать свои интересы обеспеченными, не может видеть ничего действительно прочного и устойчивого в смысле создания пресловутого «обновленного» строя.

А веховец Булгаков вторит: «... я с неутихающей болью думаю старую, горькую и больную думу: да ведь это одно и то же (т.-е. и реакция, и революция все то же, именно —) ... тот же насильственно осуществляемый максимализм... Ведь в последнее время и н ы е о п я т ь у ж е н а ч и н а ю т в з д ы х а т ь о н о в о й р е в о л ю ц и и, как будто теперь, после пережитого опыта, можно от нее ожидать чего-либо, кроме окончательного развала России» (стр. 32).

И думский вождь самой крупной буржуазной партии, и популярный в либеральном «обществе» право-кадетский публицист («Вехи» выходят и я т ы м изданием)—оба жалуются, оба стонут, оба констатируют, что о н и и з о л и р о в а н ы. Изолированы идейно, среди максималистов реакции и «максималистов» революции, среди героев черной сотни и «вздыхающих о новой революции» (либералов?),—«изолированы в Думе и в стране».

Это изолирование «центра», изолирование буржуазии, желающей изменения старого режима, но не желающей борьбы с ними, желающей «обновления» царизма, но боящейся свержения его,—явление не новое в истории русской революции. В 1905 году, когда неуклонно росло массовое революционное движение, нанося удар за ударом царизму, «изолированными» чувствовали себя и кадеты и октябристы. Кадеты (тогдашние «освобожденцы») начали упираться уже после 6 августа 1905 г., высказываясь против бойкота Булыгинской Думы. Октябристы окончательно «уперлись» после 17 октября. В 1906—1907 г.г. кадеты были «изолированы» в обеих Думах, бессильны использовать свое большинство, беспомощны в метаниях между царизмом и революцией, между черносотенными помещиками и пролетарски-крестьянским натиском. Несмотря на большинство в обеих Думах, кадеты были все время изолированы, были сжаты между Треповым и подлинным революционным движением и бесславно сошли со сцены, не одержав ни единой победы. В 1908—1909 г.г. октябристы были в большинстве в III Думе, шли рука об руку с правительством, поддерживали его не за страх, а за совесть,—и они вынуждены признать теперь, что на деле командовали не они, а черносотенцы, что октябристская буржуазия и з о л и р о в а н а.

Таковы итоги относительно исторической роли буржуазии в русской буржуазной революции. Опыт пятилетия (1905—1909 годы), наиболее богатого событиями и наиболее открыто развернувшего борьбу масс, борьбу классов в России, доказал ф а к т и ч е с к и, что оба крыла нашей буржуазии, и кадетское и октябристское, оказались н а д е л е нейтрализованными борьбой революции и контр-революции, оказались бессильными, беспомощными, жалкими, мечущимися между враждебными лагерями.

Своими беспрерывными изменами революции буржуазия вполне заслужила те грубые шипки, те надругательства, то оплевывание, которые достаются ей в течение столь долгого времени от черносотенного царизма, от царско-помещичьей черной сотни. II.

конечно, не какие-нибудь особые моральные свойства вызвали эти измены со стороны буржуазии и это историческое возмездие, полученное ею, а противоречивое экономическое положение капиталистического класса в нашей революции. Этот класс боялся революции больше, чем реакции, победы народа — больше, чем сохранения царизма, конфискации помещичьих земель — больше, чем сохранения власти крепостников. Буржуазия не принадлежала к тем элементам, которым нечего было терять в великой революционной битве. Таким элементом в нашей буржуазной революции был только пролетариат, а за ним миллионы разоренного крестьянства.

Русская революция подтвердила тот вывод, который сделан был Энгельсом из истории великих буржуазных революций Запада, а именно: чтобы добиться даже только того, что непосредственно необходимо буржуазии, революции надо было з а й т и д а л ь ш е требований буржуазии. И пролетариат России вел, ведет и п о в е д е т нашу революцию вперед, толкая события дальше того, где бы их хотели остановить капиталисты и либералы.

В банкетной кампании 1904 года ⁵⁾ либералы всячески удерживали с.-д., боясь их бурного вмешательства. Рабочие не дали себя запугать призраком запуганного либерала и повели движение вперед, к 9 января, к всероссийской волне непрерывных стачек.

Либеральная буржуазия вплоть до «нелегальных» в ту пору «освобожденных» звала пролетариат к участию в Булыгинской Думе. Пролетариат не дал себя запугать призраком запуганного либерала и повел движение вперед, к октябрьской великой стачке, к первой народной победе.

Буржуазия раскололась после 17 октября. Октябристы решительно встали на сторону контр-революции. Кадеты отстранились от народа и метнулись в переднюю к Витте. Пролетариат пошел вперед. Он мобилизовал, встав во главе народа, такие миллионные массы к самостоятельному историческому действию, что несколько недель настоящей свободы раз-на-всегда положили неизгладимую грань между старой и новой Россией. Пролетариат поднял движение до высшей возможной формы борьбы, — до вооруженного восстания в декабре 1905 года. Он потерпел поражение в этой борьбе, но он не был разбит. Его восстание подавили, но он достиг того, что сплотил в бою все революционные силы народа, не дал деморализовать себя отступлением, показал массам, — впервые в новейшей истории России показал массам, — возможность

и необходимость борьбы до конца. Пролетариат был отброшен назад, но он не выпустил из рук великого знамени революции, и в то время, когда кадетское большинство I и II Думы отстрекалось от революции, старалось потушить ее, уверяло Трепова и Столыпиных в своей готовности и способности потушить ее,— пролетариат открыто поднимал это знамя, продолжал звать к борьбе, воспитывать, сплачивать, организовывать силы для борьбы.

Советы Рабочих Депутатов во всех крупных промышленных центрах, ряд экономических завоеваний, вырванных у капитала, советы солдатских депутатов в армии, крестьянские комитеты в Гурии и в друг. местах, наконец, мимолетные «республики» в нескольких городах России ⁶⁾,— все это было началом завоевания политической власти пролетариатом, опирающимся на революционную мелкую буржуазию, в особенности на крестьянство.

Декабрьское движение 1905 г. велико потому, что оно в первый раз превратило «жалкую нацию, нацию рабов» (как говорил Н. Г. Чернышевский ⁷⁾ в начале 60 годов) в нацию, способную под руководством пролетариата довести до конца борьбу с гадюгой самодержавия и потянуть к этой борьбе массы. Это движение велико потому, что пролетариат показал здесь на опыте возможность завоевания власти демократическими массами, возможность республики в России, показал, «как это делается», показал практический приступ масс к конкретному выполнению этой задачи. Декабрьской борьбой пролетариат оставил народу одно из тех наследств, которые способны идейно-политически быть маяком для работы нескольких поколений.

И чем темнее теперь сгущаются тучи бешеной реакции, чем больше зверства контр-революционной царской черной сотни, чем чаще приходится видеть, как да же октябристы качают головой, говоря, что «они ждут» реформ и не могут дождаться, чем чаще «вздыхают о новой революции» либералы и демократы, чем подлее речи веховцев («нужно сознательно не хотеть революции»: Булгаков, там же, стр. 32),— тем энергичнее должна рабочая партия напоминать народу, за что бороться.

О том, что бороться за цели, поставленные 1905-м годом, за задачи, к осуществлению которых вплотную подошло тогдашнее движение, необходимо теперь в иных формах, в силу изменившихся условий, в силу иной обстановки данного исторического момента, об этом мы говорили уже неоднократно. Попытки само-

державия перестроиться по типу буржуазной монархии, длительные сговоры его с помещиками и буржуазией в III Думе, новая буржуазная аграрная политика и т. д.—все это ввело Россию в своеобразную полосу развития, поставило перед рабочим классом на очередь длительные задачи подготовки новой пролетарской армии—и новой революционной армии—задачи воспитания и организации сил, использования думской трибуны и всех возможностей полуоткрытой легальной деятельности.

Надо уметь вести и а ш у тактическую линию, надо уметь построить нашу организацию таким образом, чтобы, учитывая изменившуюся обстановку, н е у м а л я т ь задач борьбы, не укорачивать их, не приижать идейно-политического содержания даже самой скромной, неяркой, мелкой на первый взгляд работы. Было бы имепно таким умалением задач и выхолащиванием идейно-политического содержания борьбы, если бы мы поставили, напр., перед с.-д. партией лозунг борьбы за открытое рабочее движение.

Как самостоятельный лозунг, это—не социал-демократический, а кадетский лозунг, ибо только либералы мечтают о возможности открытого рабочего движения без новой революции (и, мечтая об этом, проповедают народу фальшивые учения). Только либералы ограничивают свои задачи подсобной целью, рассчитывая—как и либералы Западной Европы—примирить пролетариат с «реформированным», подчиненным, «улучшенным» буржуазным обществом.

Социал-демократический пролетариат не только не боится такого исхода, а, напротив, он уверен в том, что всякая заслуживающая этого названия реформа, всякое расширение рамок его деятельности, базы его организации, свободы его движения удесатерит его силы и увеличит революционную массовидность его борьбы. Но как раз для того, чтобы добиться действительного расширения рамок своего движения, чтобы добиться частичного улучшения, как раз для этого нужно ставить перед пролетарскими массами не урезанные, не укороченные лозунги борьбы. Частичные улучшения могут быть (и всегда бывали в истории) лишь побочным результатом революционной классовой борьбы. Только ставя перед рабочими массами во всей их широте, во всем их величии те задачи, которые завещал нашему поколению 1905 год, мы в состоянии на деле расширить основу движения, втянуть в него большие массы, вдохнуть в них то настроение беззаветной революционной

борьбы, которое всегда вело угнетенные классы к победе над их врагами.

Не пренебрегать ни малейшей, ни единой возможностью открытого действия, открытого выступления, расширения базы движения, вовлечения в него новых и новых слоев пролетариата, использования всякого слабого пункта в позиции капиталистов для нападения на нее и завоевания улучшения быта,—и в то же время наполнение всей этой деятельности духом революционной борьбы, разъяснение на к а ж д о м шагу движения и при каждом повороте его в с е й п о л н о т ы задач, к которым мы подошли в 1905 году и которых мы не решили тогда,—вот какова должна быть политика и тактика Российской Соц.-Демократической Рабочей Партии.

*«Социал-Демократ» № 12
от 23 марта (5 апреля) 1910 г.*

«Голос» ликвидаторов против партии.

(О т в е т «Г о л о с у С о ц . - Д е м о к р а т а ».)

«Голос С.-Д.» № 19—20 и манифест т.т. Аксельрода, Дана, Мартова и Мартынова, изданный отдельно под названием «Письмо к товарищам», представляют из себя такую бомбу, предназначенную для взрыва партии тотчас после объединительного пленума, что мы вынуждены выступить с немедленным, хотя бы кратким, хотя бы неполным предупреждением, обратиться с предостережением ко всем социал-демократам.

Начнем с того, что «Голос С.-Д.» стреляет против нас, против редакции Ц. О. Он обвиняет нас устами т. Мартова, в направлении статьи этого последнего в «Дискуссионный Листок». «Моя статья вовсе не д и с к у т и р у е т о решениях пленума», пишет и подчеркивает т. Мартов; буквально повторено это в «Письме к товарищам».

Всякий, кто пожелает прочесть статью т. Мартова, озаглавленную «На верном пути», увидит, что она п р я м о д и с к у т и р у е т решения пленума, прямо выступает п р о т и в решения о составе Ц. О., подробно мотивирует теорию равноправия течений, «н е й т р а л и з а ц и и» течений. Вопиющая неправда, которую говорит т. Мартов и вся редакция «Голоса», будто спор-

ная статьи «не дискутирует» решений пленума, похоже на прямое издевательство над партийным решением.

Если кому-нибудь неясно различие между дискутированием решений пленума и добросовестным ведением л и н и и пленума в самом Ц. О., то мы приглашаем таких людей, и о с о б е н н о м е н ь ш е в и к о в, подумать над поучительной статьей т. Плеханова в настоящем № Ц. О. и над не менее поучительным № 11 «Дневника С.-Д.» того же автора. Ни один меньшевик, который не пожелает издеваться над партийным решением и над партийным объединением, не сможет отрицать, что в «Дневнике» т. Плеханов д и с к у т и р у е т решения пленума, а в статье «В защиту подполья» он защищает п а р т и й н у ю л и н и ю. Можно ли не понять этой разницы, если не преследовать злобной цели с о р в а т ь решения пленума?

Но мало того, что т. Мартов и вся редакция «Голоса» говорят вопиющую неправду, будто в статье «На верном пути» не дискутируются решения пленума. В статье есть нечто гораздо худшее. Статья построена вся на т е о р и и р а в н о п р а в и я нелегальной партии, т.-е. Р. С.-Д. Р. II. — с одной стороны и оторвавшихся от партии л е г а л и с т о в, желающих именоваться с.-д-ами, — с другой. Статья построена вся на теории раскола э т и х «д в у х ч а с т е й» рабочего авангарда, «д в у х ч а с т е й с о ц и а л д е м о к р а т и и», долженствующих соединиться на тех же началах «равноправия и нейтрализации», на которых всегда соединяются всякие расколовшиеся части целого!

Недостаток места не позволяет нам умножать цитаты в подтверждение такой характеристики взглядов Мартова. Это будет сделано в ряде других статей, если это понадобится вообще, ибо отрицать «теорию равноправия» у Мартова едва ли кто решится.

А эта новая теория есть прямое выступление против постановлений пленума, более того: есть п р я м о е и з д е в а т е л ь с т в о над ними. Ясный для всех добросовестно исполняющих решения пленума смысл этих решений состоит в том, что устранению подлежит раскол партийных меньшевиков и партийных большевиков, раскол этих старинных ф р а к ц и й, а вовсе не «раскол» между все ми вообще легалистами и нашей нелегальной Р. С.-Д. Р. II. Оторвавшиеся от партии легалисты отнюдь не рассматриваются как подобная партии или равноправная партии «часть социал-демократии». Напротив, их зовут н а з а д в п а р т и ю под определенно выраженным у с л о в и е м разрыва с

ликвидаторством (т.-е. с легализмом во что бы то ни стало) и перехода на партийную точку зрения, перехода к «партийному образу жизни». Письмо Ц. К. о конференции, этот о ф и ц и а л ь н ы й и безусловно обязательный для партии комментарий к резолюциям пленума, говорит с полнейшей ясностью, что с у д и т ь о том, п а р т и й н ы ли легалисты на деле, должны н е л е г а л ь н ы е о р г а н и з а ц и и *), т.-е. специально отвергает «теорию равноправия»!

Это письмо Ц. К. составлено по специальному постановлению пленума особой комиссией из т. т. Григория, Иннокентия ⁸⁾ и Мартова. Письмо утверждено всей этой комиссией е д и н о г л а с н о. Теперь т. Мартов — точно под влиянием какого-то злого духа — меняет фронт, пишет статью, насквозь пропитанную п р я м о о б р а т н о й теорией, и еще жалуется, точно насмехаясь над партией, когда эту статью объявляют дискуссионной!

Само собой очевидно, что эта теория равноправия, выраженная во всех остальных статьях «Голоса», еще гораздо более резко и грубо, чем у Мартова, — на деле ведет к н о д ч и н е н и ю п а р т и и л и к в и д а т о р а м, ибо такой легалист, который противопоставляет себя нелегальной партии, считая себя равноправным с ней, и есть не что иное, как ликвидатор. «Равноправие» травимого полицией нелегального с.-д. с легалистом, обеспеченным своей легальностью и своей оторванностью от партии, на деле есть «равноправие» рабочего и капиталиста.

Все это до такой степени очевидно, издевательство «Голоса» над решением пленума и разъяснением его в письме Ц. К. до такой степени явно, что статью Мартова нельзя назвать иначе, как указывающей «в е р н ы й п у т ь»... к победе ликвидаторов над партией.

Партийные меньшевики уже увидели эту опасность. Доказательство—№ 11 «Дневника С.-Д.», в котором меньшевик Плеха-

*) См. № 11 Ц. О., стр. 11—12: «Только местные организации смогут обеспечить, чтобы это дополнительное представительство распространилось лишь на д е й с т в и т е л ь н ы х (курсив «Письма») партийцев; местные наши работники будут судить не только по словам этих деятелей легального движения, но и по их делам, и приложат все усилия к тому, чтобы привлечены были только те, кто по существу дела и теперь составляет часть нашей партии, кто хочет идти в нашу партийную организацию, чтобы действительно работать на нее, укреплять ее подчиняться и служить ей» и т. д.

нов, только прочитавши резолюцию пленума, не видя еще «Письма» Ц. К., специально указывает на то, что при «невнимательном отношении» к словам резолюции о легалистах, «готовых установить прочную организационную связь с местными партийными центрами» — «ликвидаторы могут сделать тут для себя удобную лазейку» (стр. 20).

Не очевидно ли, что Плеханов прекрасно изучил своих голосовцев? Он указал ту самую лазейку ликвидаторов, которую из всех сил, почти во всех статьях, от первой до последней строчки «разрабатывает» «Гол. С.-Д.» № 19—20. Не вправе ли мы назвать его «Голосом» ликвидаторов?

До чего доходит защита ликвидаторства у голосовцев, показывает следующее место в «Письме к товарищам»:

«...Ц. О.... должен завоевать себе доверие, как среди жизнеспособных элементов старых подпольных организаций...» (подпольные партийные организации оказывают полное доверие и Ц. К. и Ц. О.; тут смешно и говорить о «завоевании»).... «так и среди новых открытых организаций, являющихся теперь главным очагом (вот как!) с.-д-ой работы». Итак, оторвавшиеся от партии легалисты—главный очаг. Не они должны завоевать доверие партии, стать партийцами на деле, войти в партию, вернуться к партийности, а партия в лице Ц. О. должна «завоевать их доверие»—очевидно, той прикрытой защитой ликвидаторства, тем подготовлением лазеек для ликвидаторства, которые мы видим в «Голосе»!!

Вся статья т. Ф. Дана «Борьба за легальность» насквозь пропитана ликвидаторским духом, доходящим до прямого реформизма. Говоря, что «борьба за легальность» есть «одна из основных революционных задач», есть «знамя» и т. д., т. Дан защищает не с.-д-ую, а кадетскую точку зрения. «Нелегальное сплочение, как необходимое в борьбе за легальность»—провозглашает т. Дан. Это по-кадетски. У кадетов партия нелегальна, но их нелегальность есть именно лишь «необходимое орудие в борьбе за легальность». У социал-демократии легальное сплочение является в настоящее время одним из необходимых орудий нелегальной партии.

«...В свете ее (борьбы за легальность), во имя ее только и возможна в настоящее время такая борьба пролетариата, которая ставит себе... целью... низвержение самодержавия»...

Это рассуждение опять-таки необходимо перевернуть наизнанку, чтобы оно стало социал-демократическим рассуждением. Только в свете

борьбы за низвержение самодержавия, только во имя ее возможна действительно с.-д.-ская работа в легальных организациях. Только во имя борьбы за неукороченные революционные требования пролетариата, только в свете программы и тактики революционного марксизма возможно действительно успешное использование с.-д.-ей всех и всяческих легальных возможностей, возможно и необходимо самое упорное отстаивание их и превращение в опорные пункты нашей партийной работы.

Но и это еще не все. Голосовцы прямо бьют в лицо решениям пленума, когда выступают и в своем письме и в своей газете с агитацией за п р о д о л ж е н и е «Г о л о с а» вопреки решениям Ц. К. Мы не станем здесь разбирать той смешной и жалкой софистики, которой хотят оправдать срыв партийного решения. Мы ограничимся лучше—по крайней мере в настоящей краткой статье—ссылкой на г о л о с п а р т и й н о г о м е н ь ш е в и з м а, на № 11 «Дневника». Тов. Плеханов и эту лазейку ликвидаторов предвидел, сказав прямо, просто и ясно то, в чем не может сомневаться ни один лойяльный соц.-дем.: «агитация п р о т и в закрытия Голоса»—пишет он на стр. 18—есть «агитация против уничтожения фракции, т.-е. за с в е д е н и е к н у л ю самого главного из возможных результатов пленарного заседания Ц. К.». «Что такое «Голос С.-Д.» для меньшевиков известного направления? Это их практический фракционный—притом безответственный—центр».

Именно так. С в е д е н и е к н у л ю объединения—вот к чему сводится дело «Голоса» № 19--20 и манифеста четырех редакторов «Голоса» против решений пленума. После объединительного пленума они выступили с гораздо более откровенной, гораздо более бесцеремонной защитой ликвидаторства, чем до пленума. Когда их манифест сообщает меньшевикам, что письмо З. Б. Ц. К. по группам, письмо, зовущее к созданию действительного единства, п р и н я т о п р о т и в г о л о с о в м е н ь ш е в и с т с к о г о и б у н д о в с к о г о ч л е н о в З. Б. Ц. К. то всякий понимает, что перед нами плохо прикрытый п р и з ы в к н е п о д ч и н е н и ю э т о м у письму, к срыву заграничного единения. Пусть партийные меньшевики, осуждающие голосовцев, перейдут от осуждения к д е л у, если они хотят во что бы то ни стало отстоять партийное объединение. От партийных меньшевиков зависит теперь это объединение, от их готовности и способности провести прямую борьбу и с заграничным и с русским «фактическим центром» голосовцев-ликвидаторов.

Этот русский центр, русский М. Ц. (меньшевистский центр) выступает прямо в № 19—20 «Голоса», выступает с «открытым письмом», в котором Плеханов объявляется «ликвидатором идей меньшевизма». Уход меньшевиков из партии этот русский М. Ц. объясняет, — а вернее будет сказать: оправдывает, — «общеизвестным явлением омертвелости партийных ячеек»!! Уходящие — говорят нам манифест М. Ц. — «обычно именуются ликвидаторами» (стр. 24 «Голоса»).

Мы спрашиваем сколько-нибудь способных на беспристрастие с.-д-ов, мы спрашиваем в особенности рабочих с.-д-в без различия течений, не означает ли появление такого манифеста М. Ц. на другой день после пленума с в е д е н и е к н у л ю дела объединения?

Мы считаем своим долгом сообщить всей партии имена подписавших этот знаменитый — мы уверены, что он станет геростратовски знаменитым — документ: 1) Августовский, 2) Антон, 3) Вадим, 4) В. Петрова, 5) Георгий, 6) Георг, 7) Евг. Га — аз, 8) Крамольников, 9) Д. Кольцов, 10) Нат. Михайлова, 11) Р о м а н, 12) Ромул, 13) Соломонов, 14) Череванин (пу, еще бы!), 15) Юрий, 16) Я. П — ий ⁹⁾.

«Эти подписи — пишет редакция «Голоса» — принадлежат старым партийным работникам, хорошо известным редакции; некоторые из них занимали в партии ответственные посты».

Эти имена, ответим мы, будут пригвождены к позорному столбу всеми сознательными с. - д-скими рабочими, когда они прочтут «Голос С.-Д.» № 19—20, когда они ознакомятся с решениями пленума, когда они узнают следующий факт:

Русское Бюро Ц. К. на этих днях прислало официальное письмо в З. Б. Ц. К. (заграничный исполнительный орган Ц. К-та). В этом письме буквально говорится:

«...Мы обратились к товар. Михаилу, Роману и Юрию» (мы подчеркнули эти имена выше) «с предложением вступить в работу, но получили от них ответ, гласящий, что они считают не только решения пленума вредными, но находят вредным самое существование Ц. К. На этом основании они отказываются даже явиться на одно заседание для кооптации» *)...

*) Приводим дополнительно все места из писем (русскийск. Бюро Ц. К. и одного из действующих в России членов Ц. К.), относящиеся к созыву Ц. К. в России:

«...Просим тов-щей Мартова и меньшевиков-цекистов немедленно сообщить нам имена и адреса т-щей, которых они предлагают кооптировать

(поясним от себя: главари меньшевистского центра не только сами отказываются поддерживать Ц. К., но и отказываются явиться для кооптации других меньшевиков, для кооптации меньшевистских рабочих, прекрасно зная, что отказ от явки для кооптации тормозит работу Ц. К., тормозит его составление, вынуждает, может быть на месяцы, отсрочку в самом приступе Ц. К. к работе, как Ц. К.).

Итак, те самые люди, которые печатно заявляют, при содействии и одобрении Аксельрода, Дана, Мартова и Мартынова, что Плеханов их «облыжно именует ликвидаторами», — прямо срывают самое существование Ц. К., провозглашают его существование вредным.

Те самые люди, которые кричат в подпольной печати (через «Голос») и в легальной печати (через либералов) об «общезвестном явлении омертвелости партийных ячеек», с а м и с р ы в а ю т п о п ы т к и наладить, восстановить, пустить в ход эти ячейки и даже такую ячейку, как Ц. К.

Пусть знают теперь все с.-д., кого разумеет манифест т.т. Аксельрода, Дана, Мартова, Мартынова, когда он говорит про «деятелей открытого движения, занявших теперь главные аванпосты борющегося пролетариата». Пусть знают теперь все с.-д., к кому обращается редакция «Голоса», когда она пишет: «нам хотелось бы, чтобы товарищи» (Михаилы, Романы, Юрии) «оценили значение той брешы, которая ныне пробита в официальной догме, действительно осуждавшей партийную организацию на неминуемое омертвление, и попытались занять открываемые им» (Михаилам, Романам, Юриям) «этой брешью позиции».

Мы обращаемся ко всем организациям, ко всем группам нашей партии и мы спрашиваем их, намерены ли они терпеть это издева-

(польские меньшевики от этого отказались)». «Собрать русскую коллегия пока нельзя: почти никто не соглашается быть кооптир., пока согласился только один большевик, да и то условно. Меньшевики (Михаил, Роман и Юрий) категорически отказались, считая вредной работу Ц. К. Резолюции пленума, по мнению Михаила и других, также вредны. Вмешательство Ц. К. в тот стихийный процесс группировки с.-д. сил в легальных организ., который теперь происходит, подобно, по их словам, вырыванию плода из чрева матери на 2-м месяце беременности. Просим немедленно указать нам других товарищей, к которым можно обратиться с предложением кооптировать их. А также желательно опубликовать отношение товарищей к такому поступку Михаила и др.».

тельство над социал-демократией? Позволительно ли теперь оставаться пассивным зрителем происходящего, или обязательно выступить с решительной борьбой против течения, подрывающего самое существование партии?

Мы спрашиваем всех российских с.-д., могут ли они еще сомневаться теперь, в чем состоит практическое, реально-политическое значение «теории равноправия» течений, равноправия легалистов и нелегальной партии, теории «борьбы за легальность» и т. д. и т. п.?

Эти теории, эти рассуждения, эти лазейки есть словесный щит, за которым прячутся такие враги социал-демократии, как Михаилы, Романы, Юрии, такие политические пособники их, как шестнадцать меньшевиков-Геростратов, такие идейные вожди их, как литераторы, ведущие «Голос ликвидаторов».

Итак: № 19—20 «Голоса С.-Д.» и раскольнический манифест четырех редакторов «Голоса» «К товарищам» есть прямая агитация:

**за фракционный орган против единства,
против объединения за границей,
в защиту явного ликвидаторства,
в защиту прямых противников самого существования Ц. К.,**

ПРОТИВ ПАРТИИ!

Заговор против партии раскрыт. Все, кому дорого существование Р. С.-Д. Р. П., встаньте на защиту партии!

*«Социал-Демократ» № 12,
от 23 марта (5 апреля) 1910 г.*

Боятся за армию.

Думские прения по запросу с.-д. и трудовиков о нарушении царским правительством статьи 96 основных законов еще не закончены. Но они настолько уже обрисовали положение дела; газеты столько уже накричали о пресловутой Столыпинской «декларации 31 марта», что вполне уместно будет остановиться на этом поучительном эпизоде в истории третьеиюньского режима.

Наша думская фракция была вполне права, предъявляя запрос правительству о нарушении им ст. 96 осн. зак. и выступая н о с т о л ь к у как бы «в защиту» законности, «в защиту права»,

«в защиту третьейиюньской легальности» и т. д. и т. п. Говорим: «постольку», ибо с.-д. брались здесь несомненно за сложную задачу, за которую п а д о у м е т ь взяться;—пускали в ход оружие, несомненно, обоюдоострое, способное при малейшей ошибке или даже при неловкости употребляющих его поранить самого носителя оружия,—говоря без метафор: способное незаметно отвести с.-д. в сторону от позиции классовой борьбы на позицию либерализма.

Социал-демократы сделали бы такую ошибку, если бы они говорили просто-на-просто о «защите» ими основных законов, без пояснения о с о б о г о характера этой «защиты». Социалдемократы сделали бы еще большую ошибку, если бы они из защиты основных законов или законности вообще сделали своего рода лозунг вроде «борьбы за легальность»,—это было бы по-кадетски.

К счастью, наши думские товарищи не сделали ни того, ни другого. Первый оратор по запросу, Гегечкори, с п е ц и а л ь н о начал с выяснения о с о б о г о характера социал-демократического выступления з а основные законы. Гегечкори чрезвычайно удачно начал с доноса графа Бобринского, который на съезде объединенного дворянства вопил, намекая более чем прозрачно на социал-демократов, о необходимости «изъять этих смутьянов из недр Гос. Думы». «Я заявляю,—ответил Гегечкори,—что, несмотря на донос, несмотря на насилия и угрозы, фракция, которая заседает в этих стенах, на ни югу не отступит от предначертанных ею задач и целей защиты интересов рабочего класса».

Бобринский приглашал правительство выгнать из Думы тех, кто систематически агитирует против третьейиюньской законности. Гегечкори начал с заявления, что ни насилия, ни угрозы не заставят с.-д. отступить от ее деятельности.

Гегечкори подчеркнул специально: «Мы, конечно, меньше, чем кто-либо другой, заботимся о поддержании авторитета, если таковой имеется, III-й Гос. Думы»... «Именно мы, принципиальные противники существующего политического строя, протестовали всякий раз, когда реакция стремилась в свою пользу урезать права народного представительства»... «Когда открыто делаются посягательства на основные законы, то мы, принципиальные противники основных законов, принуждены взять их под свою защиту». И в заключение своей речи, Гегечкори, отделяя себя от фетишистов легальности, сказал: «...Если мы вносим этот запрос, если мы пускаемся в экскурсии или в область юридических толкований, то

это только для того, чтобы лишний раз раскрыть лицемерие правительства» (стр. 1988 стеногр. отч.)...

Гегечкори выразил последовательно демократические, республиканские взгляды социалистов, сказав: «наши законы только тогда будут соответствовать интересам и потребностям масс населения, когда они будут продиктованы непосредственно волей народа», и шум справа, отмеченный в этом месте стенографическим отчетом, особо подчеркнул, что стрела попала в цель.

А другой с.-д. оратор, т. Покровский, еще яснее и определеннее сказал в своей речи, говоря о политическом значении запроса: «Пусть же они (октябристы) делают это прямо и открыто, пусть откровенно примут лозунг правых: «долгой права народного представительства, да здравствует министерская передняя». Нет сомнения, что большинство работает над тем, чтобы создать в России такой момент, когда конституционные иллюзии совершенно погибнут, останется черная действительность, из которой русский народ сделает соответствующие выводы» (цит. по отч. «Речи» от 1 апр.).

Вот эта постановка всего вопроса на почву разоблачения лицемерия правительства и октябристов, на почву разрушения конституционных иллюзий есть единственно правильная социал-демократическая постановка запроса о нарушении статьи 96-ой осн. закон., запроса, внесенного в III-ью Думу. В нашей партийной агитации, на рабочих собраниях, в кружках и группах, наконец, и в частных беседах с чуждыми всякой организации рабочими по поводу думских происшествий необходимо выдвигать на первый план именно эту сторону дела, необходимо разъяснять роль рабочей партии, разоблачая и буржуазно-черносотенный обман в самой буржуазно-черносотенной Думе. Поскольку в т а к о й Д. не могло быть полной ясности постановки вопроса и полной договоренности точки зрения революционного социал-демократа, постольку наша задача — дополнять сказанное нашими товарищами на трибуне Таврического дворца и популяризировать в массах, делать понятными и близкими массам их выступления.

В чем суть истории с нарушением 96-ой статьи? Эта статья находится в главе 9-ой «о законах» и определяет случаи изъятия из общего порядка, случаи, когда положения и наказания военного и военно-морского ведомств представляются непосредственно царю, а не через Гос. Думу и Гос. Совет. Новые

расходы требуют ассигновок (разрешений) по постановлению Гос. Думы—вот к чему сводится эта статья.

Год тому назад обсуждались в Гос. Думе штаты морского генерального штаба. Возникли горячие споры, подлежит ли учреждение этих штатов ведению Гос. Думы или нет. Правые (черная сотня) утверждали, что н е т, что Дума тут вмешиваться не в праве, что она не смеет посягать на права «державного вождя» армии, т.-е. царя, который о д и н т о л ь к о, б е з в с я к о й Д у м ы, имеет право утверждать военные и морские штаты.

Октябристы, кадеты и левые утверждали, что это—право Думы. Вопрос стоял, следовательно, о том, что черная сотня с Николаем II во главе хотела истолковать ограничительно права Думы, хотела у р е з а т ь и без того невероятно уже урезанные права Думы. Черносотенные помещики и во главе их самый богатый и самый черносотенный помещик, Николай Романов, сделали из частного, мелкого вопроса вопрос принципа, вопрос о правах царя, вопрос о правах самодержавия, обвиняя буржуазию (и даже октябристскую буржуазию) в покушении урезать права царя, ограничить его власть, «отделить вождя армии от армии» и т. п.

Толковать ли власть царя в смысле совершенно неограниченного самодержавия, совсем по старому, или хоть в смысле самого скромного о г р а н и ч е н и я царской власти—вот к чему свелись споры. И эти споры разгорелись год тому назад почти до размеров «политического кризиса», т.-е. до угроз прогнать вон Столыпин, которого черносотенцы обвиняли в «конституционализме», до угроз разогнать Думу октябристов, которых черная сотня называла «младотурками».

И Г. Дума, и Г. Совет утвердили штаты морского генерального штаба, т.-е. признали этот вопрос п о д в е д о м с т в е н н ы м себе. Все ждали, утвердит ли Николай II решение Думы и Г. Совета. 27 апреля 1909 г. Николай II издал рескрипт Столыпину, о т к а з а в в утверждении штатов и поручив министрам выработать «правила» о применении 96 статьи.

Другими словами: царь еще и еще раз открыто и решительно встал на сторону черной сотни и выступил против самонадеянных попыток ограничения его власти. Поручение министрам составить новые правила было наглым приказом н а р у ш и т ь з а к о н, истолковать его так, чтобы он оказался уничтоженным, «разъяснить» его в смысле пресловутых российских сенатских «разъяснений». При этом говорилось, конечно, что правила должны оставаться «в

пределах основных законов», но эти слова были самым вопиющим лицемерием. Министры выработали такие «правила»,—и царь Николай II утвердил их (они называются правилами 24 августа 1909 г. по времени их утверждения),—что закон оказался обойденным! По разъяснению «правил», утвержденных без всякой Думы, статья 96 основных законов оказалась сведенной на-нет! Штаты военные и морские оказались по этим «правилам» и з ъ я т ы м и из ведения Думы.

Получилась превосходная картина всей призрачности русской «конституции», всей наглости черной сотни, всей близости царя к черной сотне, всего издевательства самодержавия над основными законами. Конечно, переворот 3 июня 1907 года дал уже в сто раз более яркую, более законченную, более доступную и открытую для широких народных масс картину на эту тему. Конечно, если наши с.-д. в Думе не смогли внести запроса о нарушении основных законов актом 3 июня,—не смогли только потому, что буржуазные демократы и трудовики в том числе не дали достаточного числа подписей, чтобы собрать требующиеся для запроса тридцать имен,—то это показывает всю узость границ специально думской формы пропаганды и агитации. Но невозможность внести запрос об акте 3 июня не помешала с.-д-ам постоянно характеризовать в своих речах этот акт, как государственный переворот. И, разумеется, отказываться от разоблачения того, как издевается самодержавие над основными законами и над правами народного представительства, с.-д. не могли и не должны были даже по сравнительно частному поводу.

Сравнительная неважность, мелкость, незначительность такого вопроса, как вопрос о штатах морского генерального штаба, с особенной резкостью подчеркнула зато всю чувствительность нашей контр-революции,—подчеркнула ее б о я з н ь з а а р м и ю. Октябристский докладчик в Думе, г. Шубинский в своей второй речи 26 марта самым определенным образом повернул к черносотенцам, обнаружив, что именно б о я з н ь з а а р м и ю вызвала эту крайнюю чувствительность контр-революции к вопросу о том, дозволительно ли самое малейшее вмешательство представительных учреждений в утверждение военных и морских штатов. «...Имя вождя державного российской армии есть действительно великое имя»...—воскликнул буржуазный лакей Николая Кровавого. «...Какие бы утверждения вы (депутаты Г. Думы) здесь ни делали, какие бы ни говорили слова о том, что у кого-то какие-то

права хотят отнять, но от армии ее державного вождя вы не отнимете».

И Столыпин в своей «декларации» 31 марта, постаравшись запутать свой ответ совершенно пустыми, ничего не говорящими и явно лживыми речами об «успокоении» и об ослаблении будто бы репрессий,—встал вполне определенно тем не менее на сторону черносотенцев п р о т и в прав Думы. Если октябристы оказались согласны с Столыпиным, то это не ново. Но если «Речь» г.г. Милюкова и К-о назвала ответ Столыпина «скорее примирительным по отношению к правам Гос. Думы» (№ 89 от 1 апр. — редакционная статья, следующая за передовой),—то перед нами лишний образец того, как низко пала кадетская партия. «История последних лет показывает,—говорил Столыпин,—что армию нашу не могла подточить ржавчина революции»... Не могла подточить—это фактически неверно, ибо общеизвестные события солдатских и матросских восстаний 1905—1906 г.г., общеизвестные отзывы реакционной печати того времени свидетельствуют, что революция под т а ч и в а л а и, след., м о г л а п о д т о ч и т ь армию. Не подточила до конца—это так. Но если в разгар революции 1910 года, несколько лет спустя после последнего «волнения» в войсках Столыпин говорит (в той же декларации), что им «о в л а д е л а т р с в о ж н а я м ы с л ь п р и с л у ш а н и и р е ч е й н е с к о л ь к и х п р е д ы д у щ и х о р а т о р о в», что эта «тревожная мысль» состоит в «н е д о б р о м в п е ч а т л е н и и к а к о г о т о р а з л а д а р а з н ы х ф а к т о р о в г о с у д а р с т в е н н о с т и в о т н о ш е н и и к н а ш и м в о о р у ж е н н ы м с и л а м», то это целиком выдает Столыпина и всю черносотенную шайку двора Николая II вместе с ним! Это доказывает, что царская шайка продолжает не только бояться, продолжает прямо т р е п е т а т ь з а а р м и ю. Это доказывает, что контр-революция до сих пор твердо продолжает стоять на точке зрения гражданской войны, на точке зрения непосредственной и насущной нужды в средствах военного подавления народного возмущения. Вникните в следующую фразу Столыпина:

«История... учит, что армия приходит в расстройство тогда, когда она перестает быть единой в повиновении одной священной воле. Вложите в этот принцип яд сомнения, внушите ей хотя бы отрывки мысли о том, что устройство ее зависит от коллективной воли, и мощьность ее перестанет покоиться на неизменной силе—на верховной власти». И в другом месте: «Я знаю, многие хотели... возбудить с п о р ы,

гибельные для нашей армии, относительно прав» (именно прав Гос. Думы, прав «коллективной воли»).

Как убийцам чудятся призраки их жертв, так героям контр-революции вспоминается «тибельное» влияние на армию «коллективной воли». Столыпину, как верному слуге черной сотни, чудятся в октябристах «младотурки», ведущие к «расстройству армии» путем подчинения ее коллективной воли, путем допущения «отрывков мысли» о таком подчинении!

Палачи и убийцы третьейюньской монархии бредят на-яву, они дошли до прямого умоисступления, если в октябристах мерещатся им младотурки. Но эти бредовые идеи, это умоисступление—болезнь политическая, порожденная чувством непрочности своего положения, чувством острой боязни за армию. Будь эти господа Столыпины, Романовы и К-о сколько-нибудь способны отнестись хоть с чуточкой хладнокровия к вопросу об отношении «коллективной воли» к армии, они сразу увидали бы, что молчаливое утверждение царем решений Думы и Гос. Совета о морских штатах прошло бы для армии вдесятеро менее заметно, чем думские прения по вопросу о правах Думы, по вопросу о возможном «расстройстве армии». Но именно то и характерно для нашей контр-революции, что она сама выдает себя своими страхами, что она также не в состоянии спокойно отнестись к вопросу о расстройстве армии, как убийца не может спокойно слышать об участниках и обстановке убийства.

Принципиальную постановку сравнительно мелкому и неважному вопросу о морских штатах дали именно черносотенцы, дал Николай II, дал г. Столыпин, и нам остается только выразить удовольствие по поводу их неловкости, вызванной их страхами. Нам остается только сопоставить превосходные слова т. Покровского о гибели «конституционных иллюзий», о необходимости для народа самому сделать выводы из несомненной «черной действительности» с превосходными по своей откровенности рассуждениями «Московских Ведомостей» о «делегации 31 марта».

В передовице от 3 апреля эта газета пишет: «...Самое дело это, как мы выяснили еще в прошлом году, очень просто. Государь император не утвердил проведенного в законодательном порядке дела о штатах, и установил их в порядке верховного управления на что даже существующий закон (не касаясь вопроса о естественных правах верховной власти) дает ясные полномочия»...

Вот. Вот. «Естественное право» русской монархии—нарушать основные законы. В этом весь гвоздь.

«...Думская оппозиция, однако, имела дерзость внести по этому поводу запрос, который касался действий верховной власти»...

Именно! «Моск. Вед.» правильно договаривают то, чего не могли договорить с.-д. в Думе. Запрос сводился именно к признанию действий царя (и подчинившегося ему министра Столыпина) нарушением осн. законов.

Далее, «Моск. Вед.» нападают на «революционную оппозицию» и «революционную печать» за теорию **з а в о е в а н и я** народных прав революцией и опровергают, будто в «декларации 31 марта» могли быть какие бы то ни было «обещания».

«...Самые толки об обещаниях смешны и составляют выражение того, до какой степени революционно затуманены умы даже у лиц, официально к революционному лагерю не причисляющихся. Какие такие обещания может давать кабинет?..

Кабинет будет исполнять свои законные обязанности, верный руководству верховной власти... И можно лишь пожелать чтобы эта декларация была **п о г л у б ж е** понята Думой во всем своем смысле, и этим помогла излечению г.г. депутатов от застарелой заразы революционных директив».

Именно так: **п о г л у б ж е** понять декларацию (и позицию) правительства и «излечить» посредством нее от **к о н с т и т у ц и о н н ы х** и **л л ю з и й**—в этом как раз и состоит политический урок запроса с.-д. о нарушении 96-ой статьи.

*«Социал-Демократ» № 13
от 26 апреля (9 мая) 1910 г.*

Партийное объединение за границей.

Заграничная база необходима и неизбежна для партии, которая действует в таких условиях, как наша. Это признает всякий, кто подумает над положением партии. Сколь ни пессимистически смотрят российские товарищи на «заграницу», однако **з н а т ь** о том, что здесь происходит, в особенности после недавнего пленума, будет им очень бесполезно.

Достигнуто ли объединение за границей? Нет. И по очень простой причине: одна из сторон—голосовцы—не обнаруживает никакого желания пойти навстречу единодушному призыву Ц. К.

устранить раскол за границей. Фракционный «Голос» вопреки единогласному решению Ц. К. не закрылся, хотя в пленуме один из редакторов его т. Мартов официально заявил (см. протоколы пленума), что он во всяком случае будет добиваться временной приостановки его *). Не успело еще З. Б. Ц. К. сделать какие-нибудь шаги к объединению, как четыре редактора «Голоса» (двое из них входят и в ред. Ц. О.!!) выпустили манифест с плохо прикрытым призывом не идти на объединение. Существующее за границей «Ц. Б. З. Г.» («Центральное Бюро Заграничных Групп», выбранное в Базеле 1½ года назад на ф р а к ц и о н н о м съезде меньшевиков) сделало то же. Это «Ц. Б. З. Г.» теперь представляет даже не всех меньшевиков, а только голосовскую их часть. Но при поддержке «Голоса» оно оказывается достаточно сильным, чтобы сорвать объединение. З. Б. Ц. К. остается апеллировать к самим группам, к партийным элементам, и в первую голову к рабочим. Но—по причинам, о которых речь ниже—этого не делается, или делается крайне неудовлетворительно. По-прежнему Ц. К. за границей может рассчитывать пока только на поддержку большевистских групп. К ним прибавляются, однако, за последнее время меньшевики-партийцы, враги ликвидаторства (большой частью это сторонники «Дневника» тов. Плеханова).

Принципиальное расслоение среди меньшевиков за границей имеет несомненно крупное значение, как симптом, как отражение того, что происходит—быть может менее явственно—и в России. Меньшевики-партийцы вынесли уже ряд резолюций по этому поводу. Вот несколько выдержек из них. Парижские меньшевики-антиголосовцы (их до 20 человек) пишут: «...в № 19—20 этого органа («Голоса») бесспорно обозначается новый курс, между прочим в статье т. Дана: «Борьба за легальность», заменяющей с.-д. лозунги специфическим лозунгом, по меньшей мере двусмысленным, напоминающим, как две капли воды, лозунг «экономического» периода: б о р ь б а з а п р а в а...»

*) Вот это заявление текстуально:

«Гов. Мартов заявляет, что, хотя он формально от имени ред. «Г. С.-Д.» говорить не может, но за себя лично заявляет, что в ред. «Г. С.-Д.» не встретится препятствий к тому, чтобы после выпуска ближайшего № «Голоса» приостановить «Голос» временно (месяца на два или больше) в виде опыта, чтобы выждать результатов работы новой редакции Ц. О.».

«отрицавшееся до сих пор редакцией «Голоса» ликвидаторство нашло себе откровенное выражение в последнем номере этой газеты». Женевские меньшевики-партийцы (14 человек) находят, «что прекращение фракционного «Голоса С.-Д.» является необходимым условием упрочения партийного единства».

Ниццкая группа меньшевиков-партийцев полагает (единогласно), что «в № 19—20 этого органа («Голоса») ликвидаторство нашло себе уже откровенное выражение в ряде статей. Группа находит такую позицию «Голоса Социал-Демократа» вредной и отказывает ему в какой бы то ни было поддержке. Группа возмущена поступком Михаила, Романа, Юрия, которые не оправдали доверия последнего партийного съезда и довели ликвидаторские тенденции до их страшного по своим практическим проявлениям конца». Группа меньшевиков-партийцев в Сан-Ремо «единогласно отказывается от какой бы то ни было поддержки указанного издания («Голоса»), так как не разделяет его ликвидаторских тенденций. Группа не может удержаться негодования, вызванного поведением Михаила, Романа и Юрия». Меньшевики-партийцы в Льеже в своей резолюции пишут: «Письмо Стивы Новича¹⁰⁾ и статья Ф. Дана «Борьба за легальность» (в № 19—20 «Голоса») вполне определяют антипартийное направление органа... «Гол. С.-Д.» является центром, около которого группируются ликвидаторские течения». На такой же точке зрения стоит значительная часть м-ской группы в Цюрихе и большинство групп в Берне. Сторонники меньшевиков-партийцев имеются и в других городах.

Только сплотив эти элементы п а р т и й н ы х м-ков с большевиками и нефракционными п а р т и й ц а м и противниками ликвидаторства, З. Б. Ц. К. мог бы добиться результатов, мог бы помочь работе в России. Заграничные большевики именно к этому и призывают всех товарищей (см. резолюцию второй Парижской группы). Борьба с голосовцами, срывающими объединение, и отзовистами-ультиматистами, вышедшими из редакции «Дискуссионного Листка» и общепартийного комитета школы, и тоже подрывающими партийное объединение, неизбежна, в интересах сплочения всех действительных партийцев. Дело это падает пока на частную инициативу партийцев, ибо З. Б. Ц. К. п о к а оказалось неспособным занять должную позицию. По новому уставу 3 из 5 членов З. Б. Ц. К. назначаются «националами»; таким образом личный состав большинства З. Б. Ц. К. определяется н е Ц. К. партии, и на этой почве получаются неожиданные сюрпризы.

Так, напр., на недавней сессии З. Б. Ц. К. сложилось большинство **п р о т и в** линии Ц. К. Выработанный непосредственно после пленума Ц. К. «модус» объединения групп (в духе решений пленума, т.-е. с требованием отдачи всех средств Ц. К., а не фракционным органам) новое большинство из одного голосовца и двух якобы «нефракционных» националов отказалось подтвердить. Оно отклонило предложение (большевика и п. с.-д.) в письме по группам выдвинуть лозунг: все средства общепартийным учреждениям, а не фракционным газетам (*т.-е.* «Голосу С.-Д.»). Это решение вызвало решительный протест 2-х членов З. Б. Ц. К. (большевика и п. с.-д.), которые перенесли этот свой протест в Ц. К.

*«Социал-Демократ» № 13
от 26 апреля (9 мая) 1910 г.*

Одно из препятствий партийному единству.

В то время, как **п а р т и й н ы е** меньшевики в целом ряде заграничных групп спланиваются и выступают все более решительно против явно-ликвидаторского направления «Голоса Соц.-Дем.», Венская «Правда»¹¹⁾ ведет себя все еще уклончиво. В № 12 находим статью «К единству—через все препятствия». В этой статье нельзя не одобрить первого, хотя и очень робкого, очень неполного, приступа к выполнению резолюции Ц. К. о **р а з ъ я с н е н и и** опасности ликвидаторства. Но зато вся первая часть статьи есть образец того, насколько некоторые якобы нефракционные с.-д. дальше от защиты партийности, чем **п а р т и й н ы е** меньшевики.

Здесь «Правда» говорит прямую неправду, будто бы редакция Ц. О. в статье «Голос ликвидаторов против партии» объявила «сорванным все соглашение». Всякий, кто прочел № 12 Ц. О., видит, что ничего подобного мы не объявляли. Соглашение было с меньшевиками н а у с л о в и и признания ими партийности и искреннего, последовательного отречения от ликвидаторства. «Голос Социал-Демократа» и группа его единомышленников в России сорвали это соглашение: одни, как Михаил, Роман, Юрий и т. д. в России, тем, что само соглашение открыто объявили вредным («вредны резолюции Ц. К.»; вредно само существование Ц. К.; партию нечего ликвидировать, ибо она уже ликвидирована), другие, как «Голос», тем, что защищают выступления первых. Меншевики-партийцы, с Плехановым во главе, восстали против

голосовцев за это нарушение ими соглашения. Если «Правда» тем не менее хочет по-прежнему, говоря о м-ках «вообще», иметь в виду только голосовцев, замалчивая плехановцев и партийных меньшевиков, то такой образ действий мы будем разоблачать всегда и всюду.

«Правда» заявляет, что «не может и не хочет входить в обсуждение» конфликтов после пленума, во-первых, потому, что «не располагает необходимым фактическим материалом для правильного суждения».

На это мы ответим: если до сих пор заграничная «Правда» не усмотрела достаточно «материала» в поведении голосовцев-ликвидаторов, то она н и к о г д а не усмотрит его. Чтобы видеть правду, надо не бояться смотреть в лицо правде.

«...во-вторых,—и это важнее всего,—потому, что организационные конфликты требуют организационного же, а не литературного вмешательства».

Этот принцип верен. Но именно партийные меньшевики «вмешались», как и следовало сделать всякому члену партии, в оценку принципиального, а не организационного, конфликта. «Правда» поступает наоборот. Выставляя принцип, она не следует ему на деле. На деле весь первый абзац своей статьи «Правда» посвятила как раз «вмешательству» в организационный конфликт. Мало того. Излагая организационный конфликт, «Правда» льет воду на мельницу ликвидаторов, называя «в высшей степени резкой» нашу статью, но не оценивая при этом антипартийного поступка голосовцев; — говорит неправду, называя фракционным столкновением борьбу партийного Ц. О. с антипартийной частью меньшевиков (именно с голосовцами); — говорит половину правды, умалчивая о раскольническом манифесте 4-х редакторов «Голоса С.-Д.»; и т. д.

Рабочая газета должна была либо не касаться «организационного» конфликта, либо излагать его полно и правдиво до конца.

Одним из серьезных препятствий партийному единству являются попытки прикрыть антипартийность «Голоса». Молчание об его ликвидаторстве или легкомысленное отношение к нему только усугубляет его опасность.

Заметки публициста.

II.

«Объединительный кризис» в нашей партии

Прочтя это заглавие, иной читатель, пожалуй, не сразу поверит своим глазам. «Этого еще не доставало! каких только кризисов не было в нашей партии—и вдруг еще новый кризис, объединительный?»

Выражение, которое звучит так странно, заимствовано мною у Либкнехта. Он употребил его в 1875 году в письме (от 21/IV) к Энгельсу, рассказывая об объединении лассалейанцев и эйзенхахцев¹²⁾. Маркс и Энгельс полагали тогда, что из этого объединения ничего хорошего не выйдет. Либкнехт опровергал их опасения и уверял, что немецкая социал-демократическая партия, пережившая успешно всякие кризисы, перенесет и «объединительный кризис» (см. *Gustav Mayer: «I. B. von Schweitzer und die deutsche Sozialdemokratie»*. Berl. 1910. S. 424).

Не подлежит ни малейшему сомнению, что и наша партия, Р. С.-Д. Р. П., успешно переживает с в о й объединительный кризис. А что она сейчас переживает таковой, это видит всякий, кто знаком с решениями пленарного собрания Ц. К. и с событиями после пленума. Если судить по резолюциям пленума,—объединение может казаться самым полным и совершенно законченным. Если судить по тому, что есть теперь, в начале мая 1910 г., по решительной борьбе Ц. О. с «Голосом Соц.-Дем.», издаваемом ликвидаторами, по разгоревшейся полемике Плеханова и других партийных меньшевиков с «голосовцами», по архиругательному выступлению против Ц. О. «группы Вперед» (см. только что вышедший листок ее: «К т. т. большевикам»),—то человеку, стоящему в стороне, легко может показаться в с я к о е объединение призраком.

Ликуют прямые враги партии. Неистово бранятся сторонники и прикрыватели отзовизма «впередовцы». Еще озлобленнее ругаются вожди ликвидаторов, Аксельрод, Мартынов, Мартов, Потресов и другие в своем «Необходимом дополнении к Дневникам Плеханова». Разводят руками, жалуются и говорят беспомощные фразы «примеренцы» (см. резолюцию, принятую 17 апреля 1910 г.

«Венским партийным социал-демократическим клубом», стоящим на точке зрения Троцкого).

Но на самый важный и основной вопрос о причинах того, почему наше партийное объединение идет так, а не иначе, почему (кажущееся) полное объединение на пленуме сменилось теперь (кажущимся) полным разъединением, а также на вопрос о том, каково, в силу «соотношения сил» внутри и вне нашей партии, должно быть направление дальнейшего ее развития—на эти основные вопросы не дают никакого ответа ни ликвидаторы (голосовцы), ни отзовисты (впередовцы), ни примиренцы (Троцкий и «венцы»).

Брань и фраза не ответ.

1. Два взгляда на объединение.

Ликвидаторы и отзовисты с трогательным единодушием ругают на все корки большевиков (первые еще Плеханова). Виноваты большевики, виноват Б. Ц., виноваты «индивидуалистические замашки Ленина и Плеханова» (стр. 15 «Необходимые дополнения»), виновата «безответственная группа» «бывших членов Б. Ц.» (см. листок группы «Вперед»). Солидарность у ликвидаторов и отзовистов в этом отношении полнейшая; их блок против ортодоксального большевизма (блок, характеризовавший не раз и борьбу на пленуме, о чем особо ниже) есть бесспорный факт; представители двух крайних течений, одинаково выражающих подчинение буржуазным идеям, одинаково антипартийных, сходятся целиком в своей внутрипартийной политике, в борьбе с большевиками и провозглашении Ц.О. «большевистским». Но самая сильная брань Аксельрода и Алексинского только прикрывает их полное непонимание смысла и значения партийного объединения. Резолюция Троцкого (—венцев) только по внешности отличается от «излияний» Аксельрода и Алексинского. Она составлена очень «осторожно» и претендует на «сверхфракционную» справедливость. Но в чем ее смысл? Во всем виноваты-де «большевистские вожди»,—это та же «философия истории», что у Аксельрода и Алексинского.

В первом же абзаце венской резолюции говорится: ... «представители всех фракций и течений... своим решением» (на пленуме) «сознательно и обдуманно брали на себя ответственность за проведение принятых резолюций в данных условиях».

в сотрудничестве с данными лицами, группами и учреждениями». Речь идет о «конфликтах в Ц. О.». Кто «ответственен за проведение резолюций» пленума в Ц. О.? Ясно: большинство Ц. О., т.-е. большевики с поляками; они и ответственны за проведение резолюций пленума—«в сотрудничестве с данными лицами», т.-е. с голосовцами и впередовцами.

О чем говорит главная резолюция пленума, в той своей части, которая посвящена наиболее «больным» вопросам нашей партии, вопросам, которые были всего более спорны до пленума и которые должны были стать всего менее спорными после пленума?

О том, что проявлением буржуазного влияния на пролетариат является, с одной стороны, стричание нелегальной Социал-Демократической Партии, принижение ее роли и значения и т. д., с другой стороны, отрицание думской работы с.-д. и использование легальных возможностей, непонимание важности того и другого и т. д.

Теперь спрашивается, какой же смысл имеет эта резолюция:

Тот ли, что голосовцы должны были искренне и бесповоротно поставить крест над отрицанием нелегальной партии, принижением ее и т. д., должны были признать это уклонением, должны были избавиться от него, вести положительную работу в духе, враждебном этому отклонению;—что впередовцы должны были искренне и бесповоротно поставить крест над отрицанием думской работы и легальных возможностей и т. д.;—что большинство Ц. О. должно было всячески привлечь к «сотрудничеству» голосовцев и впередовцев при условии искреннего, последовательного и бесповоротного отречения их от подробно описанных в резолюции пленума «уклонений»?

Или смысл резолюции тот, что большинство Ц. О. ответственно за проведение резолюций (о преодолении ликвидаторских и отзовистских уклонений) «в сотрудничестве с данными» голосовцами, продолжающими и по-прежнему и даже еще грубее защищать ликвидаторство, с данными впередовцами, продолжающими по-прежнему и даже еще грубее отстаивать законность отзовизма, ультиматизма и т. п.?

Достаточно поставить этот вопрос, чтобы видеть, как бессодержательны звонкие фразы в резолюции Троцкого,—как они служат и а д е л е отстаиванию той же самой позиции, на которой стоят Аксельрод и К-о, Алексинский и К-о.

Троцкий выразил в первых же словах своей резолюции весь дух самого худого примиренчества, «примиренчества» в кавычках, примиренчества кружкового, обывательского, берущего «данных лиц», а не данную линию, не данный дух, не данное идейно-политическое содержание партийной работы.

Ведь в этом вся бездна различия между «примиренчеством» Троцкого и К-о, которое на деле служит самую верную службу ликвидаторам и отзовистам, а потому является тем более опасным злом в партии, чем хитрее, изысканнее, фразистее оно прикрывается якобы партийными и якобы анти-фракционными декларациями,—и между партийностью действительной, которая состоит в очищении партии от ликвидаторства и отзовизма.

Что нам дано в самом деле, как задача партии?

«Даны» ли «данные лица, группы и учреждения», которые надо «примирить» независимо от их линии, независимо от содержания их работы, независимо от их отношения к ликвидаторству и отзовизму?

Или нам дана партийная линия, дано идейно-политическое направление и содержание всей нашей работы, дана задача очищения этой работы от ликвидаторства и отзовизма,—задача, которая должна осуществляться независимо от «лиц, групп и учреждений», вопреки противодействию несогласных с этой линией или не проводящих ее «лиц, учреждений и групп»?

Возможны два взгляда на значение и условия осуществления какого бы то ни было партийного объединения. Понять различие этих взглядов крайне важно, ибо они перепутываются и смешиваются в ходе развития нашего «объединительного кризиса», и без отмежовки одного взгляда от другого невозможно разобраться в этом кризисе.

Один взгляд на объединение может ставить на первый план «примирение» «данных лиц, групп и учреждений». Единство их взглядов на партийную работу, на линию этой работы—дело второстепенное. Разногласия надо стараться замалчивать, а не выяснять их корни, их значения, их объективных условий. «Примирить» лица и группы—в этом главное. Если они не сходятся на проведении общей линии,—надо истолковать эту линию так, чтобы она была приемлема для всех. Живи и жить давай другим. Это—«примиренчество» обывательское, неизбежно приводящее к кружковой дипломатии. «Заткнуть» источники разногласий, замолчать их, «уладить» во что бы то ни стало «кон-

фликты», нейтрализовать враждующие направления—вот на что направлено главное внимание подобного «примиренчества». Понятно, что в условиях заграничной базы для операций нелегальной партии эта кружковая дипломатия открывает настежь двери для «лиц, групп и учреждений», играющих роль «честных маклеров» при всяческих попытках «примирения» и «нейтрализации».

Вот как рассказывает об одной такой попытке на пленуме Мартов в № 19—20 «Голоса»:

«Меньшевики, «правдисты» и бундовцы предлагали такой состав Ц. О., который обеспечил бы н е й т р а л и з а ц и ю двух противоположных течений партийной мысли, не дал бы определенного большинства ни одному из них и тем самым в ы н у ж д а л бы партийный орган вырабатывать по каждому существенному вопросу т у с р е д н ю ю л и н и ю, которая может объединить большинство партийных работников».

Предложение меньшевиков, как известно, не прошло. Троцкий, поставивший свою кандидатуру в Ц. О. в качестве н е й т р а л и з а т о р а, провалился. Кандидатура на ту же должность бундовца—эту кандидатуру в своих речах предлагали меньшевики—не ставилась и на голосование.

Вот вам ф а к т и ч е с к а я роль тех «примиренцев» в худом смысле слова, которые писали венскую резолюцию и взгляды которых выражены в сейчас только полученной мною статье Ионова¹³⁾ в № 4 «Откликов Бунда». Меньшевики н е р е ш а л и с ь предлагать Ц. О. с большинством и х направления,—признавая в то же время, как видно из приведенного мною рассуждения Мартова, д в а п р о т и в о п о л о ж н ы е т е ч е н и я в партии. Меньшевикам и в голову не приходило предлагать Ц. О. с большинством и х направления. Они даже и не покушались добиваться Центрального Органа с определенным направлением (до такой степени ясно было в пленуме отсутствие направления у меньшевиков, от которых только еще требовалось, только еще ожидалось искреннее и последовательное отречение от ликвидаторства). Меньшевики добивались в Ц. О. «нейтралзации» и в качестве н е й т р а л и з а т о р о в выдвигали бундовца или Троцкого. Бундовец и Троцкий должны были играть роль свахи, которая взяла бы на себя «сочетание браком» «данных лиц, групп и учреждений» независимо от того, отреклась ли бы одна сторона от ликвидаторства или нет.

Эта точка зрения свахи и составляет всю «идейную основу» примиренчества Троцкого и Ионова. Когда они жалуются и плачут по поводу того, что объединения не вышло, то это следует понимать *cum grano salis*. Это надо понимать так, что сватовства не вышло. «Неудача» тех надежд на объединение, которые питали Троцкий и Ионов, надежд на объединение с «данными лицами, группами и учреждениями» независимо от их отношения к ликвидаторству, означает только неудачу свах, означает неверность, безнадежность, мизерность точки зрения свахи, но вовсе еще не означает неудачи партийного объединения.

Есть другой взгляд на это объединение. Этот другой взгляд состоит в том, что целый ряд глубоких, объективных причин, независимых от того или иного состава «данных (пленуму и на пленуме) лиц, групп и учреждений», давно уже начал вызывать и продолжает неуклонно вызывать в двух старых, двух главных русских фракциях с.-д. такие изменения, которые создают—иногда вопреки воле и даже сознанию кое-кого из «данных лиц, групп и учреждений», создают—идейные и организационные основы объединения. Эти объективные условия коренятся в особенностях переживаемой нами эпохи буржуазного развития России, эпохи буржуазной контр-революции и попыток самодержавия реорганизоваться по типу буржуазной монархии. Эти объективные условия создают в одно и то же время и в неразрывной связи одно с другим изменения в характере рабочего движения, в составе, типе, облике рабочего с.-д. авангарда и изменения в идейно-политических задачах социал-демократического движения. Поэтому не случайностью, не какой-нибудь индивидуальной злонамеренностью, глупостью или ошибкой, а неизбежным результатом действия этих объективных причин—и нестделимой от «базиса» надстройкой над всем рабочим движением современной России—является то буржуазное влияние на пролетариат, которое создает ликвидаторство (=полулиберализм, желающий причислить себя к с.-д.) и отзовизм (=полуанархизм, желающий причислить себя к с.-д.). Сознание опасности, несоциал-демократичности, вреда для рабочего движения обоих уклонов вызывает сближение элементов различных фракций и пролагает дорогу партийному объединению «через все препятствия».

С этой точки зрения объединение может идти медленно, трудно, с колебаниями, шатаниями, рецидивами, но оно не может не идти. С этой точки зрения объединение идет вовсе не обязательно

но между «данными лицами, группами и учреждениями», а независимо от данных лиц, подчиняя их себе, отбрасывая из «данных» тех, кто не сознает или не хочет сознать требований объективного развития, выдвигая и привлекая новых лиц, к составу «данных» не принадлежащих, производя изменения, перетасовки, перегруппировки внутри старых фракций, течений, делений. С этой точки зрения объединение неотделимо от его идейной основы, оно только на основе идейного сближения и вырастает, оно связано с появлением, развитием, ростом таких уклонений, как ликвидаторство и отзовизм, не случайной связью тех или иных полемических выступлений, той или иной литературной борьбы, а внутренней, неразрывной связью, как связаны причина и следствие.

2. *«Борьба на два фронта» и преодоление уклонений.*

Таковы два принципиально различных, коренным образом между собой расходящихся, взгляда на сущность и значение нашего партийного объединения.

Теперь спрашивается, какой из этих взглядов лежит в основе резолюции пленума? Кто захочет вдуматься в нее, тот увидит что в основе лежит второй взгляд, но в некоторых местах резолюция явно носит следы частных «поправок» в духе первого, при чем эти «поправки», ухудшая резолюцию, несколько не устраняют ее основы, ее главного содержания, насквозь проникнутого вторым взглядом.

Чтобы показать, что это так, что «поправки» в духе кружковой дипломатии носят действительно характер частных поправок, что они не меняют сути дела и принципиальной основы резолюции, я останавлиюсь на затронутых уже партийной прессой отдельных пунктах и отдельных местах резолюции о положении дел в партии. Начну с конца.

Обвиняя «руководителей старых фракций» в том, что они все делают, чтобы помешать установлению единства, что они и на пленуме вели себя так же, что «каждый шаг приходилось брать у них с бою», Ионов пишет:

«Не хотел т. Ленин «преодолевать опасные уклонения» путем «расширения и углубления социал-демократической работы». Он достаточно энергично добивался постановки в центре всех партийных начинаний теории «борьбы на два фронта». Он

и мысли не допускал об уничтожении в партии «положения об усиленной охране» (стр. 22, ст. 1).

Речь идет о § 4, п. б, резолюции о полсжении дел в партии. Проект этой резолюции внесен был в Ц. К. мною, и данный пункт был изменен уже после работы комиссии самим пленумом, изменен по предложению Троцкого, против которого я безуспешно боролся. У меня стояли в этом пункте если не буквально слова: «борьба на два фронта», то во всяком случае слова, выражающие эту мысль. «Преодоление путем расширения и углубления» вставлено по предложению Троцкого. Я очень рад, что т. Ионов своим рассказом о моей борьбе против этого предложения дает мне удобный повод высказаться о значении «поправки».

Ничто не возбуждало на пленуме такого ярого—зачастую комического—негодования, как мысль о «борьбе на два фронта». Одно упоминание об этом выводило из себя и впередовцев и меньшевиков. Это негодование исторически вполне объяснимо, ибо большевики провели н а д е л е, с августа 1908 до января 1910 года, борьбу на два фронта, т.-е. борьбу с ликвидаторами и отзовистами. Комично же было это негодование потому, что сердившиеся на большевиков только доказывали этим всю виновность, доказывали, что их продолжает задевать всякое осуждение ликвидаторства и отзовизма. На воре шапка горит.

Предложение Троцкого поставить вместо борьбы на два фронта—«преодоление путем расширения и углубления» встретило горячую поддержку меньшевиков и впередовцев.

И теперь ликуют по поводу этой «победы» и Ионов, и «Правда», и венская резолюция, и «Голос С.-Д.». Но, спрашивается, изгнав из этого пункта слова о борьбе на два фронта, изгнали ли признание необходимости этой борьбы из резолюции? Н и с к о л ь к о, ибо раз признаны «уклонения», признана их «опасность», признано необходимым «разъяснять» эту опасность, признано, что уклонения суть «проявление буржуазного влияния на пролетариат», то этим по с у т и дела как раз борьба на два фронта признана! Изменили в одном месте «неприятный» (для того или иного кума) термин, но оставили основную мысль! Получилось только запутывание, разжижение водицей, ухудшение фразой одной части одного пункта.

В самом деле, это—именно фраза и беспомощная увертка, если в данном параграфе говорится о преодолении путем расширения и углубления работы. Никакой ясной мысли тут нет.

Работу расширять и углублять необходимо всегда и безусловно; об этом весь третий параграф резолюции говорит подробно, говорит раньше перехода к специфическим, не всегда и не безусловно обязательным, а условиями особого периода порожденным «идейно-политическим задачам». Только этим особым задачам посвящен § 4-ый, и в введении ко всем его трем пунктам прямо говорится, что эти идейно-политические задачи «выдвинуты в свою очередь».

Что же получилось? Получилась бессмыслица, будто задача расширения и углубления работы тоже выдвинулась в свою очередь! Как будто может быть такая историческая «очередь», когда эта задача не стоит, как и всегда!

И каким образом можно преодолевать отклонения путем расширения и углубления социал-демократической работы? При всяком расширении и при всяком углублении неизбежно встанет вопрос, как расширять и как углублять; если ликвидаторство и отзовизм не случайность, а порожденные социальными условиями течения, то они могут пробиться во всякое расширение и во всякое углубление работы. Можно расширять и углублять работу в духе ликвидаторства—это делают, например, «Наша Заря» и «Возрождение»; можно делать это и в духе отзовизма. С другой стороны, преодоление отклонений в настоящем значении слова «преодоление» неизбежно отвлекает известные силы, время, энергию от непосредственного расширения и углубления правильной социал-демократической работы. Например, тот же Ионов на той же странице своей статьи пишет:

«Пленум кончился. Участники его разъехались. Центральному Комитету приходится при налаживании работы преодолевать невероятные трудности, среди которых не последнее место занимает поведение так называемых» (только так называемых, т. Ионов, а не настоящих, не доподлинных?) «ликвидаторов, существование которых т. Мартов так настойчиво отрицал».

Вот вам материал—маленький, но характерный материал—для пояснения того, насколько пусты фразы Троцкого и Ионова. Преодоление ликвидаторских шагов Михаила, Юрия и К-о отнимало силы и время Ц. К. от непосредственного расширения и углубления действительно социал-демократической работы. Если бы не было поступков Михаила, Юрия и К-о, если бы не было ликвидаторства среди тех, кого мы ошибочно продолжаем считать своими

товарищами, тогда расширение и углубление социал-демократической работы шли бы успешнее, ибо внутренняя борьба не отвлекала бы силы партии. Значит, если понимать под расширением и углублением социал-демократической работы непосредственное развитие агитации, пропаганды, экономической борьбы и т. д. в действительно социал-демократическом духе, то для этой работы преодоление уклонений социал-демократов от социал-демократизма есть минус, вычет, так сказать, из «положительной деятельности», а, следовательно, фраза о преодолении уклонений п у т е м расширения и т. д. не имеет смысла.

Эта фраза на самом деле выражает смутное пожелание, доброе, невинное пожелание, чтобы внутренней борьбы среди социал-демократов было поменьше! Ничего кроме этого невинного пожелания не отразилось в этой фразе; это—в з д о х так называемых примиренцев: о, если бы поменьше борьбы с ликвидаторством и отзовизмом!

Политическое значение подобного «воздыхания»—нуль, хуже нуля. Если есть люди в партии, которым выгодно «настойчиво отрицать» существование ликвидаторов (и отзовистов), то они используют «вздых» «примиренцев» для прикрытия зла. Так «Голос С.-Д.» и поступает. И поэтому защитники подобных благонамеренно-пустых фраз в резолюциях лишь т а к н а з ы в а е м ы е «примиренцы». На деле они пособники ликвидаторов и отзовистов, на деле они углубляют не социал-демократическую работу, а укрепляют именно уклонения от нее, укрепляют именно зло, временно пряча его, затрудняя исцеление от него.

Чтобы иллюстрировать тов. Ионову значение этого зла, я напомним ему одно место из статьи т. Иконова в № 1 «Дискуссионного Листка». Тов. Ионов удачно сравнил ликвидаторство и отзовизм с д о б р о к а ч е с т в е н н ы м и н а р ы в а м и, которые «в процессе нарывания стягивают к себе со всего организма всякие вредные элементы и таким образом способствуют его оздоровлению».

Вот именно. Процесс нарывания, выводящий из организма «вредные элементы», ведет к оздоровлению. А то, что затрудняет очистку организма от таких элементов, приносит ему вред. Пусть тов. Ионов подумает над этой полезной мыслью т. Иконова!

3. Условия объединения и кружковая дипломатия.

Далее. Редакционная статья «Голоса» об итогах пленума заставляет нас коснуться вопроса об удалении из резолюции слов: ликвидаторство и отзовизм. В этой редакционной статье (№ 19—20, стр. 18) с необыкновенной, не виданной нигде (кроме как у наших голосовцев)... смелостью заявляется, что термин «ликвидатор» каучуковый, что он «п л о д и л в с я к и е н е д о р а з у м е н и я» (sic!!) и т. д., почему «Ц. К. решил устранить из резолюции этот термин».

Как назвать такое изложение решений Ц. К. об устранении термина, когда редакторы «Голоса» не могут не знать того, что это изложение противоречит истине? На что рассчитывали эти редакторы, двое из которых были на пленуме и знают «историю» устранения термина? Неужели они рассчитывали на то, что их не разоблачат?

В комиссии, вырабатывавшей резолюцию, большинство утвердило сохранение термина. Из двух меньшевиков, бывших в комиссии, один (Мартов) голосовал за его устранение, д р у г о й (склонявшийся неоднократно к позиции Плеханова) п р о т и в. На пленуме всеми националами (2 поляка+2 бундовца+1 латыш) и Троцким было внесено следующее заявление:

«Находя, что по существу было бы желательно назвать «ликвидаторством» указанное в резолюции течение, с которым необходимо бороться, но принимая во внимание заявление т.т. меньшевиков, что и они считают необходимым бороться с этим течением, но употребление в резолюции такого термина имеет фракционный, направленный против них, меньшевиков, характер,—мы, в интересах уничтожения всяких лишних помех к объединению партии, предлагаем выкинуть этот термин из резолюции».

Итак, большинство Ц. К., и притом именно все нефракционные элементы, заявляет письменно, что слово ликвидаторство по существу правильно и что бороться с ликвидаторством необходимо, а редакция «Голоса» объясняет устранение термина его непригодностью по существу!!

Большинство Ц. К. и притом именно все нефракционные элементы заявляют письменно, что соглашаются на устранение

термина, уступая настояниям меньшевиков (вернее: уступая ультиматуму, ибо меньшевики заявили, что иначе резолюция не будет единогласной) ввиду их обещания «б о р о т ь с я с э т и м т е ч е н и е м», а редакция «Голоса» пишет: резолюция дала «недвусмысленный ответ на вопрос о так называемой борьбе с ликвидаторством» (стр. 18 там же)!!

На пленуме они обещают исправиться, просят: не употребляйте «направленного против н а с термина», ибо мы отныне сами будем бороться с этим течением,—а в первом номере «Голоса» после пленума провозглашают борьбу с ликвидаторством так называемой борьбой.

Ясно, что мы имеем здесь со стороны голосовцев полный и решительный поворот к ликвидаторству, поворот, который станет понятным, если взглянуть, как на нечто цельное, связанное, причинно-обусловленное, на то, что произошло после пленума,—особенно на выступления «Нашей Зари», «Возрождения» и господ вроде Михаила, Юрия, Романа и К-о. Об этом мы будем говорить ниже, и нам придется показать там всю поверхностность точки зрения Троцкого, склонного сваливать все на «нарушение нравственно-политических обязательств» (венская резолюция), тогда как перед нами, очевидно, не личное или групповое «нарушение обязательств», не моральный, не юридический акт, а п о л и т и ч е с к и й, именно: сплочение антипартийных легалистов в России.

Теперь же следует остановиться на другом вопросе, именно на вопросе о причинах и значении такого шага пленума, как устранение слова ликвидаторство из резолюции. Объяснять это исключительно усердием не по разуму таких примиренцев, как Троцкий, Ионов и К-о, было бы неправильно. Тут есть еще другой момент. Дело в том, что значительная часть решений пленума проводилась не по обычному принципу подчинения меньшинства большинству, а по принципу с о г л а ш е н и я двух фракций, большевиков и меньшевиков, при посредничестве националов. На это обстоятельство, повидимому, намекает в «Отклик. Бунда» тов. Ионов, когда он пишет: «товарищи, цепляющиеся теперь за формалистику, прекрасно знают, чем бы кончился последний пленум, если бы он стал на формальную точку зрения».

Тов. Ионов в этой фразе говорит намеками. Подобно Троцкому, он считает такой способ изложения своих мыслей особенно «тактичным», нефракционным и специфически-партийным. На

самом деле это именно образ действия кружковых дипломатов, ничего не приносящий, кроме вреда партии и партийности. Намеки пропадают для одних, разжигают кружковое любопытство других, подстрекают к сплетне и наущничанию третьих. Поэтому намеки Ионова необходимо расшифровать. Если он говорит здесь не о том, что пленум по ряду вопросов стремился к соглашению (а не простому решению большинством), то приглашаем его выразиться яснее и не вводить в соблазн заграничных кумушек.

Если же Ионов говорит здесь о соглашении фракций на пленуме, то его слова против «товарищей, цепляющихся теперь за формалистику», наглядно показывают нам еще одну черту тех якобы примиренцев, которые на деле тайком помогают ликвидаторам.

Ряд единогласных решений принят на пленуме по с о г л а ш е н и ю фракций. Почему это было необходимо? Потому, что фактически фракционные отношения равнялись расколу, а при всяком расколе всегда и неизбежно дисциплина целого коллектива (в данном случае: партии) приносится в жертву дисциплине части коллектива (в данном случае: фракции).

К единству нельзя было идти при русских партийных отношениях иначе, как через соглашение фракций (всех ли фракций или главных, частей ли фракций или фракций полностью, это вопрос другой). Отсюда—необходимость компромисса, т.-е. таких уступок в некоторых пунктах, которые не признавались большинством, а требовались меньшинством. Одной из таких компромиссных уступок было удаление из резолюции слова: ликвидаторство. Особенно рельефным проявлением этого компромиссного характера решений пленума является у с л о в н а я передача большевиками их ф р а к ц и о н н о г о имущества т р е т ь и м лицам. Часть партии условно передает свое имущество третьим лицам (из международной социал-демократии), которые должны будут решать, отдать ли эти деньги Ц. К. или вернуть фракции. Совершенно необычный и невозможный в нормальной, не расколовшейся, партии характер этого договора ясно показывает, на каких у с л о в и я х большевики принимали соглашение. Декларация большевиков, напечатанная в № 11 Ц. О., говорит ясно, что основным идейно-политическим условием является проведение резолюции, «осуждающей ликвидаторство и отзовизм и признающей борьбу с этими течениями за неотъемлемый элемент политической линии партии», что одним из обеспечений про-

ведения этой линии в жизнь является состав Ц. О., что продолжение фракционного органа и фракционной политики меньшевиками дает право большевикам «потребовать от держателя возврата денег». Ц. К. п р и н я л эти условия, прямо сославшись в резолюции о фракционных центрах на эту декларацию большевиков.

Спрашивается, подлежат эти условия выполнению или нет? Формальны эти условия или нет? Тов. Ионов, пренебрежительно говорящий о «формалистике», не понял самого элементарного различия между соглашением, как основой договора (=условия о передаче большевиками денег, условия, утвержденного единогласной резолюцией Ц. К. о фракционных центрах), и соблюдением формальных условий договора, как основой сохранения единства.

Если тов. Ионов теперь, после единогласной резолюции Ц. К. о фракционных центрах, презрительно махает рукой на «формалистику», то он этим махает рукой на в с е решение Ц. К. о фракционных центрах. Софизм тов. Иопова сводится вот к чему: сумма решений Ц. К. достигнута не только проведением резолюций по большинству голосов, но и соглашением враждующих течений по некоторым важнейшим вопросам;—следовательно, и в п р е д ь не обязательны формально эти решения, а меньшинство вправе требовать соглашения! Т а к к а к в решениях Ц. К. есть элемент соглашения, то всегда можно эти решения рвать, ибо соглашение дело добровольное!

Разве подобная софистика не есть плохо прикрытая защита ликвидаторов?

Но если софизмы Иопова не более, как смешны, то в стремлении Ц. К. (плenums) сделать максимум возможных уступок был момент психологически и политически верный, правильный. Меньшевики и отзовисты сходились в бешеных нападках на Б. Ц. (большевистский центр), против которого выдвигались самые свирепые обвинения. Не принципиальные разногласия, а «злость» Б. Ц.—вот что нас больше всего и в первую голову отдаляет от партии, говорили и меньшевики и отзовисты *).

Это—очень важное обстоятельство, не уяснив которого нельзя понять, почему именно таким, а не другим, является

*) Ср. отзыв Иопова: «Не менее настойчиво твердил пленуму тов. Мартов, что опасные отклонения вправо—выдумка злостных большевиков, что один враг у партии, это—большевистский центр с его фракционным хозяйничанием» (стр. 22 цитир. ст.).

ход нашего объединительного кризиса. Принципиальных защитников ликвидаторства и отзовизма не было: ни меньшевики, ни впередовцы не решались занимать подобной позиции. Тут сказалась давно уже отмеченная в нашей литературе (и не раз отмечавшаяся в международной литературе против оппортунистов) черта современных «критиков» марксизма и критиков действительно марксистской тактики: нерешительность, беспринципность, прятанье «новой» линии, прикрывание последовательных представителей ликвидаторства и отзовизма. Мы не ликвидаторы, это фракционный термин,—кричали меньшевики. Мы не отзовисты, это фракционное преувеличение,—вторили им впередовцы. И тысячи обвинений против Б. Ц. по всем и всяческим делам вплоть до так называемой «уголовщины» (читай: экспроприации) сыпались в целях затушевания и оттеснения на второй план принципиально-политических разногласий.

Большевики ответили на это: хорошо, господа, пусть Ц. К. разберет в себе ваши обвинения и учинит по ним «суд и расправу». Пять национальных социал-демократов входят в пленум,—от них зависит решение вообще, тем более единогласное решение. Пусть они и явятся «судьями» в разборе ваших (т.-е. меньшевистских и впередовских) обвинений и удовлетворении ваших претензий к Б. Ц. Большевики пошли дальше. Они согласились на максимум компромиссов в резолюциях, потребованных меньшевиками и впередовцами.

И вот максимум уступок в резолюциях о положении дел в партии и о конференции сделан, все «обвинения» рассмотрены и все претензии к Б. Ц. удовлетворены на основании решения всех пяти националов социал-демократов.

Только таким путем можно было отнять у противников партийной линии, т.-е. анти-ликвидаторской линии, всякую возможность отговорок, всякую возможность увернуться от принципиальной постановки вопроса. И эту возможность у них отняли.

Если теперь Аксельрод и Мартов с К-о в «Необходимом дополнении», Алексинский и К-о в листке впередовцев пытаются опять вытащить на свет божий обвинения против Б. Ц., сплетни, клеветы, ложь и инсинуации,—то эти господа сами изрекают себе приговор. Отрицать то, что пленум единогласно все обвинения их рассмотрел, все обвинения своей резолюцией

отмел и признал отмеченными,—отрицать этого нельзя, отрицать этого ни те, ни другие герои склоки не могут. А если так, то для всех и каждого ясно теперь, что поднимающие опять склоку (Аксельрод, Мартов, Алексинский и К-о)—просто политические шантажисты, желающие сплетней замять принципиальные вопросы. И иначе, как политических шантажистов, мы их третировать не будем. Иными вопросами, кроме вопроса о проведении партией антиликвидаторской и антиотзовистской линии, мы заниматься не будем, предоставляя Аксельроду, Мартову, Алексинскому купаться в помоях сколько им угодно.

Компромиссы и уступки большевиков, их согласие на резолюции, во многом недостаточно решительные, были необходимы для чистоты принципиальной размежевки. Удовлетворив в себе претензии меньшевиков и отзовистов, признанные правильными большинством националов *), большевики добились того, что для социал-демократов без различия направлений, для всех, кроме профессиональных шантажистов, вопрос встал исключительно о проведении партийной линии, антиликвидаторской и антиотзовистской. Никому, ни единому человеку в партии, не был загражден доступ к партийной работе, к участию в проведении этой линии; никаких помех ее проведению, никаких посторонних мешающих обстоятельств не осталось по решению, которое зависело от националов социал-демократов. И если теперь снова и еще более явно показали себя ликвидаторы, то этим до к а з а н о, что посторонние помехи были выдумкой, отводом глаз, сплетнической уверткой, приемом кружковых интриганов, не более того.

Поэтому размежевка и разборка и началась настоящим образом только после пленума; идет эта разборка исключительно по важнейшему принципиальному вопросу—о ликвидации нашей партии. Те «примиренцы», которые ошеломлены, огорчены, удивлены тем, что размежевка началась после пленума, доказали своим удивлением только свое пленение кружковой дипломатией. Кружковой дипломат мог думать, что условное соглашение с Мартовым и Мартыновым, Богдановым и вторым впередовцем есть конец всякой размежевки, ибо принципиальные разногласия для такого дипломата—дело второстепенное. Наоборот, для кого

*) Напомним, что решающие голоса имели на пленуме 4 меньшевика, 4 большевика, 1 впередовец, 1 латыш, 2 бундовца и 2 поляка. т.-е. против меньшевиков и впередовцев большевики не имели большинства даже с поляками и латышем; решали бундовцы.

принципиальный вопрос о ликвидаторстве и отзовизме стоит на первом месте,—нет ничего удивительного в том, что именно после удовлетворения всех претензий Мартова, Богданова и проч., именно после максимальных уступок им в вопросах организационных и т. п., должна была начаться размежевка чисто принципиальная.

То, что происходит в партии после пленума, не есть крах партийного объединения, а есть начало объединения тех, кто действительно может и хочет работать в партии и по-партийному, есть начало очистки действительно партийного блока большевиков, партийцев-меньшевиков, националов, нефракционных социал-демократов от враждебных партии ренегатов, от полулибералов и полуанархистов *).

4. О параграфе 1-ом резолюции о положении дел в партии.

Продолжая разбор недостатков резолюций пленума, я должен остановиться теперь на первом пункте резолюции о положении дел в партии: Этот пункт не затрагивает, правда, таких вопросов, которые непосредственно связаны с тем или иным пониманием партийного объединения, но мне придется сделать отступление, ибо толкование этого первого пункта вызвало уже не мало споров в партии.

В моем проекте резолюции вовсе не было этого пункта, и я—как и вся редакция «Пролетария»—боролся против него самым решительным образом. Пункт был проведен меньшевиками и

*) Между прочим. К характеристике блока голосовцев и впередовцев против большевиков (блока, вполне подобного блоку жоресистов и эрвеев против гэдистов) может служить следующий факт. В «Необходимых дополнениях» Мартов издевается над Плехановым за то, что он придает значение составу комиссии о школе. Мартов фальшивит. На пленуме тот же Мартов, вместе со всеми меньшевиками, вместе с Богдановым и при помощи Троцкого боролся за резолюцию о признании отзовистской школы в Капри партийной, с которой Ц. К. должен войти в соглашение! Нам с трудом удалось провалить этот антипартийный блок.

Конечно, раз голосовцы и впередовцы входят в партию, они вполне вправе входить в блоки. Дело не в праве, а в принципиальности блока. Это—блок беспринципных против партийности и принципиальности.

поляками, которых часть большевиков предупреждала самым настойчивым образом, что толкование этого неясного, туманного пункта неминуемо будет плодить недоразумения или—еще хуже—служить службу ликвидаторам.

Нечего и говорить, что целый ряд положений этого пункта критиковался мною на пленуме ввиду их бессодержательности, пустоты, тавтологичности. Говорить, что тактика социал-демократов всегда едина в своей принципиальной основе—и не определять, в чем эти принципиальные основы состоят, почему и о каких именно основах (марксизм вообще или то или иное из положений марксизма) здесь идет речь;—говорить, что тактика с.-д. всегда рассчитана на максимум результатов—и не определять ни ближайшей цели (ближайших возможных результатов) борьбы в данный момент, ни специфических приемов борьбы этого данного момента;—говорить, что тактика рассчитана на различные пути, которыми может пойти развитие, и не определять конкретно этих путей;—говорить трюизмы о том, что тактика должна содействовать накоплению сил, делать пролетариат готовым и к открытой борьбе и к использованию противоречий неустойчивого режима;—все это недостатки очевидные, бросающиеся в глаза, превращающие весь пункт в ненужный и негодный балласт.

Но есть еще нечто худшее в этом пункте. Есть в нем лазейка для ликвидаторов, на которую было указано во время пленума различными членами его, не только большевиками, но и одним из бундовцев и даже Троцким. Это—фраза о том, что для сознательного пролетариата «в п е р в ы е открывается возможность, организуясь в массовую социал-демократическую партию, применять сознательно, планомерно и последовательно этот тактический метод международной социал-демократии». (Какой э т о т метод? Речь шла раньше о принципиальных основах тактики, а не о методе ее и тем менее о каком-либо определенном методе.)

Почему в п е р в ы е,—спрашивали критики этого пункта на пленуме. Если потому, что всякий шаг развития страны дает нечто новое, более высокое и в уровне техники и в определенности классовой борьбы и т. п., тогда перед нами опять банальность. Тогда всякий момент всегда и безусловно дает нечто такое, что является в п е р в ы е по сравнению с прошлым моментом. Но мы переживаем определенный момент, момент контр-

революционного упадка, момент громадного понижения энергии масс и социал-демократического рабочего движения после революционного подъема. И если такой момент характеризуется, как дающий в первые пролетариату возможность применять сознательно и т. д. метод международной социал-демократии, то эти слова неминуемо поведут к толкованию ликвидаторскому, к чисто либеральному превознесению третье-думского, якобы мирного и якобы законного периода над периодом бури и натиска, над периодом революции, когда борьба пролетариата шла в непосредственно революционных формах и либералы ругали ее «безумием стихии».

Чтобы обратить особое внимание на эту опасность ликвидаторского толкования архинейсного пункта, я внес целый ряд письменных заявлений на этом заседании пленума, подчеркивая ряд мест из речей ораторов. Вот два моих заявления:

1) «По требованию Ленина заносится в протокол из слов тов. Т. (польского с.-д.): совершенно ложно толкование, что здесь принижение тактики революции по сравнению с контр-революцией».

2) «По требованию Ленина заносится в протокол восклицание т. Мартова («правильно!») к словам И. (большевика, защищавшего этот пункт), что спорные слова не принижают, а возвышают значение революции и ее методов по сравнению с контр-революционными».

Оба заявления констатируют, что поляк и большевик, при согласии Мартова, категорически отрекались от самонаименования допустимости ликвидаторского толкования этого пункта. В намерения этих двух товарищей вовсе такое толкование, разумеется, не входило.

Но давно уже известно, что применению подлежит закон, а не мотивы закона, не намерения законодателя. Значение данного пункта в агитации и пропаганде определится не благими намерениями тех или других из его авторов, не их заявлениями на пленуме, а объективным соотношением сил и направлений внутри русской части с.-д. (нерусские социал-демократы едва ли обратят особое внимание на этот неясный пункт).

Поэтому я с особым интересом ждал, как будут теперь толковать этот пункт в печати, предпочитая не торопиться с выражением своего мнения, предпочитая сначала выслушать отзывы небывших на пленуме социал-демократов или отзывы голосовцев.

Первый же номер «Голоса» после пленума дал вполне достаточный материал к оценке нашего спора о том, как будут толковать этот пункт.

В редакционной статье «Голоса» об итогах пленума читаем: «Совершенно немыслимо и нелепо было бы, конечно, предположить, что ЦК этими словами («впервые» и т. д.) хотел выразить косвенное осуждение нашей прошлой тактике, поскольку она была приспособлена к революционной обстановке» (курсив автора; № 19—20, стр. 18).

Очень хорошо! автор объявляет ликвидаторское толкование немыслимым и нелепым. Однако, читая дальше, мы в том же самом абзаце встречаем следующее утверждение:

«Этим словами официально признана сравнительная отсталость нашей политической жизни в прошлом вопреки революционным формам, в которых она проявлялась, что, кстати говоря, было одной из главных причин поражения революции: этими словами официально признана чрезмерная элементарности нашей прошлой тактики, на которую ее обрекали отсталые общественные отношения; этими словами, наконец, официально признано, что, какова бы ни была политическая ситуация в будущем, всякая попытка вернуться к диктатуре замкнутых подпольных кружков в движении со всей связанной с этим политической была бы решительным шагом назад».

Не правда ли, хорошо?

Не знаешь, с чего начать в разборе этого богатства «перлов».

Начну с тросекратной ссылки на «официальное признание». Сколько насмешек сыпалось из того же «Голоса» на всякое официальное признание той или иной резолюцией оценки прошлого, оценки революции, оценки роли буржуазных партий и т. д.! Вот вам образчик искренности криков против «официальности»: когда голосовцам не нравится я с н о е решение партии, они подсмеиваются над претензиями «официально» решать сложные, де, научные вопросы и т. д. и т. п. — как «Sozialistische Monatshefte» смеются над дрезденской резолюцией против оппортунистов или как бельгийские министриалисты в наши дни смеются над амстердамской резолюцией. Но зато, как только голосовцу показалось, что есть лазейка ликвидаторству, он т р и ж д ы клянется и божится, что это «признано официально».

А когда голосовец клянется и божится, знайте, что он... уклоняется от истины. Говорить об «официальном признании»

его толкования со стороны автора статьи тем более неумно, что спорность толкования этого пункта специально была предметом дебатов в Ц. К., при чем из о ф и ц и а л ь н о занесенных в протокол—да, да! вот уже действительно «официально!»—заявлений проведших эти слова поляка и большевика явствует, что они толкования «Голоса» никогда не признают правильным. Осрамился только наш автор с криками об официальном признании.

Слово впервые признает «сравнительную отсталость прошлого»—это еще куда ни шло, хотя ни откуда не видно, почему это надо отнести именно к политической жизни, а не к другим сторонам общественного развития; но добавлять: «вопреки революционным формам»—значит высовывать слишком неосторожно ослиное ухо веховца. Можно биться об заклад, что из сотни либералов менее 90, прочитав это место, облобызают голосовцев, а из сотни рабочих не менее 90 отвернутся от оппортунистов. А «кстати» добавление о «причинах поражения революции» выдает участников ликвидаторского пятитомника головой: им хочется протащить свои либеральные взгляды на роль пролетариата в революции под прикрытием неясной резолюции. Поэтому они говорят об «элементарности» и даже—это заметьте!—о ч р е з м е р н о й элементарности «нашей прошлой тактики». «Чрезмерная» элементарность тактики,—это, видите ли, вытекает из слова «впервые применять сознательно, планомерно и последовательно (в массовой партии) метод международной социал-демократии» *). Тактика эпохи открытой борьбы, эпохи сравнительной свободы печати, массовых союзов, выборов при участии революционных партий, всеобщего возбуждения населения, быстрых колебаний в политике правительства, эпохи некоторых крупных побед над правительством—эта тактика была ч р е з м е р н о элементарной, очевидно, по сравнению с неэлементарной тактикой 1909—1910 годов! Какой запас отреченства, какую мизерность социал-демократического понимания событий надо иметь, чтобы делать подобные толкования!

*) В этом духе толкует резолюцию Ц. К. и тов. Ан. ¹⁴⁾ (см. его статью «По поводу письма с Кавказа» в наст. № «Д. Л.»). Тов. Ан. своей статьей подтверждает самые тяжелые обвинения автора «Письма с Кавказа», тов. К. С. ¹⁵⁾, хотя и называет это письмо «пасквилем». К любопытной во многих отношениях ст. т. Ан. мы еще вернемся.

Но выводить из слова «впервые» осуждение «диктатуры (!) замкнутых подпольных кружков»—это уже совсем бесподобно. В эпоху «чрезмерно элементарной» тактики 1905—1907 годов руководство партий рабочих гораздо больше походило, извольте видеть, на «диктатуру», чем в 1909—1910 годах, гораздо более исходило от «подпольных» организаций и именно «кружков», которые были более «замкнуты», чем в наше время! Чтобы придать этому забавному глубокомыслию вид правдоподобия, надо вспомнить, что оппортунисты и кадетолюбцы чувствовали себя среди рабочих «замкнутым кружком» во время революции и находят, что теперь в б о р ь б е з а л е г а л ь н о с т ь (не шутите!) они не «замкнуты» (сам Милюков рядом с нами), они не «кружок» (у нас открытые ренегатские журналы есть), не «подпольные» и т. д. и т. п.

В п е р в ы е пролетариат, организуясь в массовую социал-демократическую партию, наблюдает среди людей, желающих считать себя его руководителями, такое планомерное и последовательное тяготение к либеральному ренегатству.

С этим уроком толкования пресловутого пункта о «в п е р в ы е» должны будут волей-неволей посчитаться тот товарищ поляк и тот товарищ большевик *), которые официально заявляли, что находят ликвидаторское толкование их пункта совершенно ложным.

5. Значение декабрьских (1908 г.) резолюций и отношение к ним ликвидаторов.

Последние замечания о недостатках резолюции пленума приходится отнести к вводным словам к первому пункту, гласящим: «В развитие основных положений резолюций партийной Конференции 1908 г., Ц. К. постановляет»... Такая формулировка есть результат уступки меньшевикам, и на этом обстоятельстве тем более приходится остановиться, что мы опять имеем здесь образец вопиюще нелойального отношения к уступке или вопиющей неспособности понять значение партийных определений тактики.

*) На пленуме эти товарищи толковали § 1 в смысле указания на рост классовой дифференциации, прогресс чисто социалистического сознания рабочих масс, на усиление буржуазной реакции. Эти мысли верны, конечно, но они не выражены (и не они выражены) в положениях, составивших § 1.

В проекте резолюции, одобренном большинством комиссии, следовательно, имевшем обеспеченное большинство голосов пленума, стояло: «в п о д т в е р ж д е н и е резолюций декабря 1908 и в развитие их»... Меншевики и здесь заявили ультимативное требование уступки, отказываясь голосовать за резолюцию в целом, если останутся слова «в подтверждение», ибо резолюции декабря 1908 они считают верхом «фракционности». Мы сделали требуемую уступку, не отказавшись голосовать за резолюцию без слов о подтверждении. Жалеть об этой уступке я не был бы нисколько склонен, если бы она достигла цели, т.-е. встретила то лояльное отношение меньшевиков к партийному решению, без которого совместная работа невозможна. У нашей партии нет иного определения ее основных задач тактики, организации и думской работы в эпоху Третьей Думы, кроме как в резолюциях декабря 1908 г. Не отрицая того, что фракционная борьба была в то время очень сильна, мы не станем настаивать на том или ином резком слове тогдашних, направленных против ликвидаторов, резолюций. Но на основных положениях их мы настаиваем безусловно, ибо говорить о партии, партийности, партийной организации значило бы все бросать большие слова, если бы мы отмахивались от единственного данного партией и подтвержденного годом работы ответа на важнейшие, коренные вопросы, без ответа на которые нельзя сделать ни шагу ни в пропаганде, ни в агитации, ни в организации. Мы вполне готовы признать необходимость совместной работы над исправлением этих резолюций, пересмотра их сообразно критике товарищей в с е х фракций и партийных меньшевиков в том числе, конечно; мы знаем, что некоторые положения этих резолюций останутся, вероятно, довольно долго в партии спорными и иначе как по большинству голосов решать их в ближайшем будущем не удастся. Но, п о к а этот пересмотр не предпринят и не закончен, п о к а партия не дала нового ответа на вопрос об оценке третье-думской эпохи и вытекающих из нее задач, мы б е з у с л о в н о т р е б у е м, чтобы все партийные социал-демократы, каких бы взглядов они ни были, руководились в своем действии именно этими резолюциями.

Казалось бы, это — азбука партийности? Казалось бы, иного отношения к партийным решениям и быть не могло? Но поворот к ликвидаторству, сделанный «Голосом» после пленума, заставил его и по этому вопросу воспользоваться уступкой большинства

партии не для перехода к лояльной партийной позиции, а для немедленного заявления своего недовольства размером уступки! (Голосовцы забыли только, повидимому, что кто первый поднял спор по поводу единогласно принятой компромиссной резолюции, заявив недовольство ею и требование новых уступок, новых исправлений, тот тем самым дал другой стороне право требовать исправлений в другую сторону. И мы этим правом разумеется, воспользуемся.)

Цитированная уже мною редакционная статья «Голоса» № 19—20 об итогах пленума заявляет сразу, что вступительные слова в резолюцию есть к о м п р о м и с с. Это — правда, превращающаяся в неправду при умолчании о том, что компромиссом, который вынужден был ультиматумом меньшевиков, был отказ большинства ЦК от прямого п о д т в е р ж д е н и я всех резолюций декабря 1908, а не только их основных положений!

«С нашей точки зрения, — продолжает «Голос», — эта фраза очень плохо вяжется с двусмысленным содержанием важнейших пунктов резолюции, знаменуя известный перелом в партийном развитии, она тем не менее, конечно, стоит в преемственной связи со всем прошлым российской социал-демократии, но меньше всего (!) она связана именно с «лондонским наследством». Однако мы были бы неисправимыми доктринерами, если бы мы думали, что можно с одного удара достичь абсолютного единомыслия в нашей партии, если бы мы жертвовали крупным шагом вперед в движении ради местничества (!). Исправление этих ошибок резолюции мы можем предоставить историкам».

Это звучит так, как если бы бывшие на пленуме голосовцы получили нагоняй за свою «уступчивость большевикам» от своих русских легалистов вроде Потресова и К-о или от небывших на пленуме редакторов «Голоса» и как будто бы они извинялись перед ними. Мы-де не доктринеры, — пусть историки исправляют ошибки резолюции!

Осмелимся заметить на это великолепное заявление, что партийные социал-демократы составляют резолюции не для историков, а для того, чтобы руководиться на деле этими резолюциями в своей работе пропаганды, агитации, организации. Другого определения задач этой работы для эпохи Третьей Думы у партии нет. Для ликвидаторов партийные резолюции, конечно, ноль, — ибо для них вся партия ноль, для них и всей партисей (а не только ее резолюциями) только «исто-

рики» могут заниматься с пользой и с интересом. Но с ликвидаторами ни большевики, ни партийные меньшевики в одной организации работать не хотят и не будут. Ликвидаторов мы попросим итти к безголовцам или к эн-эсам.

Если бы голосовцы лойяльно относились к партии, если бы они считались на деле с партией, а не с Потресовым и К-о, с организацией революционных социал-демократов, а не с кружком легалистов-литераторов, то они свое недовольство резолюциями декабря 1908 выразили бы иначе. Они именно теперь, после пленума, бросили бы неприличное, только кадетам свойственное, презрительное хихиканье по поводу каких-то там «подпольных» «решений». Они принялись бы за деловой разбор этих решений и исправление их, сообразно своей точке зрения, сообразно их взгляду на опыт 1907—1910 годов. Вот это было бы работой для действительного партийного объединения, для сближения на одной линии социал-демократической деятельности. Отказываясь от этого, голосовцы на деле выполняют именно программу ликвидаторов. В самом деле, какова программа ликвидаторов по этому вопросу? Их программа состоит в том, чтобы игнорировать решения подпольной, осужденной на гибель и т. п. партии, противопоставляя решениям партии бесформенную «работу» вольных стрелков, называющих себя социал-демократами и устроившихся, попеременно с либералами, народниками и беззаглавцами, в разных легальных журнальчиках, легальных обществах и т. п. Не нужно никаких резолюций, никакой «оценки момента», никакого определения наших ближайших целей борьбы и нашего отношения к буржуазным партиям,—это всё мы зовем (вслед за Милюковым!) «диктатурой замкнутых подпольных кружков» (не замечая, что своей бесформенностью, неорганизованностью, раздробленностью мы фактически отдаем «диктатуру» либеральным кружкам!).

Да, да, несомненно, что ликвидаторы ничего иного не могут требовать от голосовцев в вопросе об отношении к партийным резолюциям, как презрительной насмешки и игнорирования их.

Серьезно разбирать взгляд, что резолюция Ц. К. о положении дел в партии в 1909—1910 году «менее всего» связана с лондонским наследством, нельзя, потому что нелепость этого взгляда бьет в лицо. Над партией издеваются, говоря: мы готовы считаться «со всем прошлым» ее, но не с тем прошлым, которое непосредственно связано с настоящим, и не с настоящим! Другими словами: мы готовы считаться с тем, что не определяет нашего

теперешнего поведения. Мы готовы (в 1910 году) считаться «с всем прошлым» социал-демократии, кроме того прошлого, которое содержит решения о партии кадетов эпохи 1907—1908—1909 годов, о партиях трудовых эпохи 1907—1908—1909 годов, о задачах борьбы эпохи 1907—1908—1909 годов. Мы готовы считаться со всем, кроме того, с чем надо считаться, чтобы теперь быть партийцем на деле, вести партийную работу, проводить партийную работу, проводить партийную тактику, направлять партийным образом третьедумскую социал-демократическую деятельность.

К стыду Бунда надо сказать, что он даст в своем органе место таким же ликвидаторским насмешкам над лондонским на следствием в статье т. Ионова (стр. 22). «Скажите на милость,—пишет Ионов,—какое отношение имеют резолюции Лондонского съезда к настоящему моменту и вопросам, стоящим теперь на очереди? Смею надеяться, что этого и т. Ленин со всеми его присными не знают».

Ну, где же мне знать такую мудреную вещь! Где же мне знать, что никакого существенного изменения в основных группах буржуазных партий (черносотенцев, октябристов, кадетов, народников), в их классовом составе, в их политике, в их отношении к пролетариату и к революции не произошло с весны 1907 г. по весну 1910 года? Где же мне знать, что те небольшие частные изменения, которые можно и стоит отметить в этой области, указаны в резолюциях декабря 1908? Где мне знать все это?

Для Ионова это все, должно быть, не имеет отношения к настоящему моменту и к вопросам, стоящим на очереди. Для него это—лишнее, какое-то там партийное определение тактики по отношению к непролетарским партиям. К чему себя обременять? Не проще ли обозвать это стремление вырабатывать партийное определение пролетарской тактики «усиленной охраной» и т. п.? Не проще ли превратить социал-демократов в вольных стрелков, в д и к и х, которые «свободно», без всякой «усиленной охраны» будут решать очередные вопросы—сегодня вместе с либералами в журнале «Наши Помоги», завтра с безголовцами на съезде прихлебателей от литературы, послезавтра с поссианцами в кооперативе. Только... только, любезная божья коровка, чем же это будет отличаться от того, чего добиваются легалисты-ликвидаторы? Ровно ничем!

Партийные социал-демократы, которые недовольны решениями лондонскими или резолюциями декабря 1908 и которые хо-

тят работать в партии, по-партийному, будут критиковать эти резолюции в партийной печати, будут предлагать поправки, убеждать товарищей, завоевывать для себя большинство в партии. С такими людьми мы можем не соглашаться, но их отношение к делу будет партийным, они будут помогать не разброду, как помогают ему Ионов, «Голос» и К-о.

Вот посмотрите на г. Потресова.

Сей «социал-демократ», демонстрирующий публике свою независимость от социал-демократической партии, восклицает в «Нашей Заре» № 2 стр. 59: «И сколько их, этих вопросов, без разрешения которых невозможно и шагу ступить, нельзя русскому марксизму быть идейным течением, подлинно вобравшим в себя всю энергию и силу (нельзя ли поменьше фраз, любезный г. независимый!) революционного сознания эпохи! Как идет экономическое развитие России, какие перемещения сил производит оно под сурдинку реакции, что творится в деревне и в городе, какие изменения несет это развитие в социальный состав рабочего класса России и пр. и пр.? Где ответы или приступ к ответу на эти вопросы, где экономическая школа русского марксизма? А что случилось с политической работой мысли, которою когда-то жил меньшевизм? С его организационными исканиями, с его анализом прошлого, с его оценкой настоящего?».

Если бы сей независимец не бросал на ветер вымученных фраз, а действительно думал над тем, что он говорит, то он увидел бы весьма простую вещь. Если действительно нельзя и шагу ступить революционному марксисту без разрешения этих вопросов (а это правда), то решением их — не в смысле научной законченности, научных исследований, а в смысле определения того, какие шаги и как делать надо — решением должна заниматься социал-демократическая партия. Ибо «революционный марксизм» вне с.-д. партии есть просто салонная фраза легального болтуна, желающего иногда похвастать тем, что «и мы тоже» почти социал-демократы. Социал-демократическая партия дала приступ к ответу на указанные вопросы и дала именно в резолюциях декабря 1908.

Независимцы устроились довольно хитро; в легальной печати они бьют себя в грудь и вопрошают, «где приступ к ответу у революционных марксистов?» Независимцы знают, что в легальной печати ответить им нельзя. А в нелегальной печати друзья этих независимцев (голосовцы) презрительно отмахиваются от

ответа на вопросы, «без разрешения которых невозможно и шагу ступить». Достигается все, что нужно независимцам (т.-е. ренегатам социализма) во всем мире: звонкая фраза на-лицо, фактическая независимость от социализма и от социал-демократической партии тоже на-лицо.

6. О группе независимцев-легалистов.

Перейдем теперь к выяснению того, что произошло после пленума. На этот вопрос Троцкий и Ионов дают согласный и простой ответ. «Ни во внешних условиях политической жизни, — гласит венская резолюция, — ни во внутренних отношениях нашей партии не произошло после пленума никаких реальных изменений, которые затруднили бы работу по строительству партии»... Фракционный рецидив, неизжитое наследие фракционных отношений, вот и все.

У Ионова то же объяснение «в лицах».

«Пленум кончился. Участники его разъехались... Руководители старых фракций очутились на свободе, эмансипировались от всяких сторонних влияний и давлений. К тому же подоспели порядочные подкрепления. Для одних — в лице т. Плеханова, усиленно проповедующего в последнее время объявление партии на военном положении. Для других — в лице 16-ти «старых партийных работников, хорошо известных редакции «Голоса С.-Д.» (см. № 19—20 «Открытое письмо»). Как же при таких условиях не ринуться в бой? Вот и принялись за старое «дело» взаимного истребления» («Откл. Бунда» № 4, стр. 22).

Подоспели «подкрепления» и фракционерам и — опять подрались, только и всего. Правда, в качестве «подкрепления» большевикам подоспел партийный меньшевик, Плеханов, «подоспел» с войной против ликвидаторов, но это все равно для Ионова. Ионову не нравится, очевидно, Плехановская полемика с Потресовым, т. И. (предлагавшим «распустить все») и т. д. Это его право, конечно, порицать эту полемику. Но как же это назвать се «объявлением партии на военном положении»? Война с ликвидаторами есть объявление партии на военном положении — запомним эту «философию» тов. Ионова.

Для меньшевиков заграничных подкреплением явились меньшевики русские. Но это обстоятельство нисколько не заставляет т. Ионова задуматься.

Понятно, какой практический вывод вытекает из подобной «оценки момента» Троцким и Ионовым. Ничего особенного не произошло. Просто фракционная драка. Поставить новых нейтрализаторов—и дело будет в шляпе. Все объясняется с точки зрения кружковой дипломатии. Все практические рецепты—одна кружковая дипломатия. Даны «ринувшиеся в бой», даны желающие «примирять»: тут выкинуть упоминание о «фундаменте», здесь добавить имя-река в «учреждение», там «уступить» легалистам в приемах созыва конференции... Старая, но вечно новая история заграничной кружковщины!

Наш взгляд на то, что произошло после пленума, иной.

Добившись единогласных резолюций, устранив в с е «склочные» обвинения, пленум окончательно припер к стене ликвидаторов. Прятаться за склоку более нельзя. Ссыматься на неуступчивость и «механическое подавление» (вариант: усиленная охрана, военное положение, осадное положение и т. п.) более нельзя. Отойти от партии можно только из-за ликвидаторства (как впередовцы могут отойти только из-за отзовизма и из-за анти-марксистской философии).

Припертые к стене, ликвидаторы обнаружили свое «лицо». Их русский центр—все равно формальный или не формальный, полунелегальный (Михаил и К-о) или вполне легальный (Потресов и К-о)—о т в е т и л о т к а з о м на призыв вернуться в партию. Русские легалисты-ликвидаторы окончательно порвали с партией, сплотившись в группу н е з а в и с и м ы х с о ц и а л и с т о в (независимых от социализма и зависимых от либерализма, конечно). Ответ Михаила и К-о, с одной стороны, выступления «Нашей Зари» и «Возрождения», с другой, знаменуют именно сплочение антипартийных кружков «социал-демократов» (вернее: якобы с.-д.) в группу н е з а в и с и м ы х с о ц и а л и с т о в. Поэтому «примиренческие» потуги Троцкого и Ионова т е п е р ь смешны и жалки. Только полным непониманием происходящего можно объяснить эти потуги, которые теперь безвредны, ибо за ними нет никого, кроме кружковых дипломатов за границей, кроме непонимания и незнания где-нибудь в захолустье.

Примиренцы à la Троцкий и Ионов ошиблись тем, что приняли особые условия, давшие расцвет примиренческой дипломатии на пленуме, за общие условия теперешней партийной жизни. Они ошиблись тем, что дипломатию, сыгравшую свою роль на пленуме б л а г о д а р я наличности условий, породивших г д у-

бокие стремления к примирению (—партийному объединению) в обеих главных фракциях,—эту дипломатию они приняли за самодовлеющую цель, за длительное орудие игры промежду «данных лиц, групп и учреждений».

На пленуме для дипломатии действительно было место, ибо партийное объединение партийных большевиков и партийных меньшевиков было необходимо, а без уступок, без компромисса оно было невозможно. При определении меры уступок «честные маклера» неизбежно выдвинулись на первое место—неизбежно, ибо для партийных меньшевиков и партийных большевиков вопрос о мере уступок был второстепенным вопросом, пока оставалась в силе принципиальная база всего объединения. Выдвинувшись на пленуме на первое место, получив возможность сыграть роль в качестве «нейтрализаторов», в качестве «судей» для устранения склоки, для удовлетворения «претензий» против Б. Ц., «примиренцы» à la Троцкий и Ионов вообразили, что, пока есть «данные лица, группы и учреждения», они всегда смогут играть эту роль. Забавное заблуждение. Маклера нужны, когда нужно определять меру уступок, необходимых для получения единогласия. Меру уступок нужно определять, когда есть заведомо общая принципиальная база объединения. Вопрос о том, кто войдет в это объединение после всех уступок, оставался тогда открытым, ибо в принципе неизбежно было условное допущение того, что все социал-демократы пожелают войти в партию, все меньшевики пожелают лояльно проводить резолюцию антиликвидаторскую, все впередовцы — резолюцию антиотзовистскую.

Теперь же маклера не нужны, им нет места, ибо нет вопроса о мере уступок. А вопроса о мере уступок нет, ибо нет вопроса ни о каких уступках. Все уступки (и даже чрезмерные) сделаны на пленуме. Теперь вопрос стоит исключительно о принципиальной позиции борьбы с ликвидаторством, и притом не вообще с ликвидаторством, а с определенной группой ликвидаторов-независимцев, группой Михаила и К-о, группой Потресова и К-о. Если с данными лицами, группами и учреждениями вздумают теперь «мирить» партию Троцкий и Ионов, то для нас, для всех партийных большевиков и для всех партийных меньшевиков они будут просто изменниками партии, не более того.

Примиренцы-дипломаты были «сильны» на пленуме исключительно потому и постольку, поскольку и партийные большевики и партийные меньшевики мира хотели, и вопросу об усло-

виях мира отдавали подчиненное значение по отношению к вопросу об анти-ликвидаторской и анти-отзовистской тактике партии. Я, например, находил уступки чрезмерными и боролся из-за меры уступок (на что намекает «Голос» в № 19—20 и о чем прямо говорит Ионов). Но я готов был тогда помириться и готов был бы теперь помириться даже с чрезмерными уступками, раз л и н и я партии этим не подрывалась, раз уступки не вели к отрпцанию этой линии, раз уступки служили мостками для привлечения людей от ликвидаторства и от отзовизма к партии. Но, после сплочения и выступления Михаила и К-о, Потресова и К-о против партии и против пленума, я не пойду ни на какие разгсворы ни о каких уступках, ибо партия обязана теперь порвать с этими независимцами, обязана решительно бороться с ними, как с вполне и окончательно определившимися ликвидаторами. И я могу уверенно говорить не только за себя, а за в с е х партийных большевиков. Партийные меньшевики достаточно ясно высказались, устами Плеханова и других, в том же духе, и при таком положении дел в партии «примиренцы»-дипломаты á la Троцкий и Ионов должны будут либо бросить свою дипломатию, либо уйти к независимцам от партии.

Чтобы убедиться в окончательном сплочении легалистов в группу независимых социалистов, достаточно бросить общий взгляд на события после пленума, достаточно оценить их по существу, а не только с той точки зрения мелкой и мелочной истории «конфликтов», которой напрасно ограничивается Ионов.

1) Михаил, Роман и Юрий сбывают и резолюции Ц. К. (пленума) и самое существование его вредным. Со времени опубликования этого факта прошло около 2-х месяцев, и факт не опровергнут. Ясно, что он верен *).

2) Шестнадцать русских меньшевиков, в том числе по меньшей мере двое из вышеназванной тройки и ряд виднейших литераторов меньшевиков (Череванин, Кольцов и т. д.), выступают в «Голосе», при одобрении редакции, с оправданием ухода меньшевиков из партии, выступают с чисто ликвидаторским манифестом.

*) Только что вышел № 21 «Голоса С.-Д.». На стр. 16 Мартов и Дан подтверждают верность этого факта, говоря об «отказе трех товарищей (!) вступить в Ц. К.». Как водится, они прикрывают при этом трехэтажной бранью по адресу «Тышко-Ленина» тот факт, что группа Михаила и К-о окончательно превратилась в группу независимцев.

3) Меньшевистский легальный журнал «Наша Заря» помещает программную статью г. Потресова, в которой говорится прямо, что «нет партии, как цельной и организованной иерархии учреждений» (№ 2, стр. 61), что нельзя ликвидировать «чего на самом деле уже нет, как организованного целого» (там же). В числе сотрудников этого журнала значатся Череванин, Кольцов, Мартынов, Августовский, Маслов, Мартов, — тот самый Л. Мартов, который в состоянии занимать место в «организованной иерархии учреждений» нелегальной партии, имеющей центр, как у «организованного целого», и состоять в легальной группе, с милостивого разрешения Столыпина, объявляющей эту нелегальную партию несуществующей.

4) В популярном меньшевистском журнале «Возрождение» (№ 5, 30 марта 1910 г.) при том же составе сотрудников неподписанная, т.-е. редакционная, статья расхваливает вышеназванную статью г. Потресова из «Нашей Зари» и добавляет, после приведения той же самой цитаты, которая приведена выше мною:

«Ликвидировать нечего — и, прибавим мы (т.-е. редакция «Возрождения») от себя, — мечта о восстановлении этой иерархии в ее старом, подпольном виде просто вредная, реакционная утопия, знаменующая потерю политического чутья у представителей самой реалистической когда-то партии» (стр. 51).

Кто все эти факты считает случайностью, тот, очевидно, не хочет видеть правды. Кто думает объяснить эти факты «рецидивом фракционности», тот убаюкивает себя фразой. При чем тут фракционность и фракционная борьба, от которой и группа Михаила и К-о, и группа Потресова и К-о стоят давным-давно в стороне? Нет, для того, кто не хочет нарочно закрывать глаз, тут никакие сомнения невозможны. Пленум устранил все препятствия (действительные или мнимые) для возврата партийных легалистов в партию, все препятствия к постройке нелегальной партии с учетом новых условий и новых форм использования легальных возможностей. Четыре меньшевика цекиста и двое редакторов «Голоса» признали все препятствия к совместной партийной работе устраненными. Группа русских легалистов дала свой ответ пленуму. Этот ответ отрицательный: заниматься восстановлением и укреплением нелегальной партии не хотим, ибо это — реакционная утопия.

Этот ответ — крупнейший политический факт в истории социал-демократического движения. Окончательно сплотившись и

окончательно порвала с социал-демократической партией группа независимых (от социализма) социалистов. Насколько оформлена эта группа, состоит ли она из одной организации или из ряда отдельных кружков, весьма loose (свободно, некрепко) между собой связанных, этого мы пока не знаем, да это и неважно. Важно то, что тенденции к образованию независимых от партии групп,—давно бывшие у меньшевиков,—привели теперь к новому политическому образованию. И отныне все российские социал-демократы, которые не хотят себя обманывать, должны считаться, как с фактом, с существованием этой группы независимцев.

Чтобы уяснить значение этого факта, напомним прежде всего «независимых социалистов» Франции, которые в наиболее передовом, наиболее очищенном от всего старого буржуазном государстве довели до самого конца тенденции этого политического направления. Мильеран, Вивиани, Бриан принадлежали к социалистической партии, но неоднократно действовали независимо от ее решений, вопреки им, и вступление Мильерана в буржуазное министерство, под предлогом спасения республики и охраны интересов социализма, привело к разрыву его с партией. Буржуазия наградила изменников социализма должностями министров. Тройка французских ренегатов продолжает называть себя и свою группу независимыми социалистами, продолжает оправдывать свое поведение интересами рабочего движения и социальной реформы.

Наших независимцев, конечно, буржуазное общество не может наградить так быстро: они начинают в условиях, неизмеримо более отсталых, они должны довольствоваться похвалами и помощью либеральной буржуазии (издавна поддерживавшей тенденции меньшевиков к «независимству»). Но основная тенденция и тут и там одна: независимость от социалистической партии мотивируется интересами рабочего движения; «борьба за легальность» (лозунг в Д а н о в с к о й формулировке, подхваченный со всем усердием в ренегатском «В о з р о ж д е н и и» № 5, стр. 7) провозглашается лозунгом рабочего класса; группируются на деле буржуазные интеллигенты (парламентарии во Франции, литераторы у нас), действующие попеременно с либералами; подчинение партии отвергается: партию объявляют недостаточно «реалистической» и Мильеран с К-о, и «Возрождение» с «Голосом»; про партию говорят, что она есть «диктатура замкну-

тых подпольных кружков» («Голос»), что она замыкается в узко-революционное сообщество, вредящее широкому прогрессу (Мильеран и К-о).

Возьмите далее, для уяснения позиции наших независимцев, историю образования нашей русской «народно-социалистической партии». Эта история поможет понять суть дела тем, кто не видит родства наших независимцев с Мильераном и К-о из-за громадной разницы внешних условий их «работы». Что наши «эн-эсы» представляют из себя легалистское и умеренное крыло мелко-буржуазной демократии, это общеизвестно, и из марксистов, кажется, никто в этом не сомневался. Народные социалисты выступили, как ликвидаторы программы, тактики и организации революционной партии мелко-буржуазных демократов на съезде с.-р. в конце 1905 года; они выступали в теснейшем блоке с с.-р. в газетах дней свободы осенью 1905 г. и весной 1906 г. Они легализовались и отделились в самостоятельную партию осенью 1906 года, что не помешало им на выборах во II Думу и во II Думе почти сливаться от времени до времени с с.-р.

Осенью 1906 года мне случилось писать в «Пролетарии» об народных социалистах, и я назвал их «эс-эровскими меньшевиками» *). Прошло три с половиной года, и Потресов с К-о сумел доказать партийным меньшевикам, что я был прав. Надо только признать, что даже г.г. Пешехоновы с К-о поступили политически честнее, чем г. Потресов и его группа, когда после ряда фактически независимых от партии с.-р. политических актов они объявили себя открыто независимой от с.-р., отдельной политической партией. Конечно, эта «честность» обусловлена между прочим и соотношением сил: Пешехонов считал партию с.-р. бессильной и полагал, что от неформального соединения с ней проигрывает он; Потресов считает, что он выигрывает от политической азефщины¹⁶⁾, продолжая числиться социал-демократом при фактической независимости от социал-демократической партии.

Г. Потресов и К-о считают пока наиболее для себя выгодным прикрываться чужим именем, пользоваться воровски престижем Р. С.-Д. Р. П., разлагая ее изнутри, действуя фактически против нее, а не только независимо от нее. Возможно, что группа наших независимцев будет стараться как можно дольше рядиться

*) См. 64—72 стр. 2 части VII тома Собр. соч. Н. Ленина. Р е д.

в чужие перья; возможно, что после какого-либо удара партии, после большого провала нелегальной организации, или при особо соблазнительной конъюнктуре вроде возможности пройти, скажем, в Думу независимо от партии, независимцы сами сбросят с себя маску;—мы не можем предвидеть всех и всяческих эпизодов их политического шарлатанства.

Но одно мы знаем твердо, именно, что партии рабочего класса, Р. С.-Д. Р. П., прикрытая деятельность независимцев вредна, губительна и что мы должны во что бы то ни стало разоблачать ее, вывести независимцев на свежую воду и объявить о разрыве всякой их связи с партией. Пленум сделал громадный шаг вперед по этому пути: как это ни странным может показаться на первый взгляд, но именно согласие (неискреннее или бессознательно) Мартова и Мартынова, именно максимальные, даже чрезмерные уступки им и помогли вскрыть нарыв ликвидаторства, нарыв независимства в нашей партии. Ни один добросовестный социал-демократ, ни один партиец, какой-бы фракции он ни сочувствовал, не может отрицать теперь, что группа Михаила и К-о, группа Потресова и К-о суть независимцы, что они на деле партии не признают, партии не хотят, против партии работают.

Насколько быстро или насколько медленно идет процесс назревания откола независимцев и образования ими особой партии, зависит, конечно, от многих причин и обстоятельств, не поддающихся учету. У народных социалистов особая группа существовала до революции, и отделение этой группы, временно и неполно примыкавшей к социалистам-революционерам, было особенно легко. У наших независимцев есть еще личные традиции, связи с партией, задерживающие процесс откола, но эти традиции все ослабевают, да, кроме того, революция и контр-революция выдвигает новых людей, свободных от всяких революционных и партийных традиций. Окружающая обстановка «веховских» настроений с чрезвычайной быстротой толкает зато бесхарактерную интеллигенцию к независимству. «Старое» поколение революционеров сходит со сцены; Столыпин травит изо всех сил представителей этого поколения, большею частью раскрывших все свои псевдонимы и всю свою конспирацию в дни свободы, в годы революции. Тюрьма, ссылка, каторга, эмиграция все увеличивают ряды выбывающих из строя, а новое поколение растет медленно. У интеллигенции, особенно той, которая «пристроилась» к той или иной легальной деятельности, развивается полное не-

верие в нелегальную партию, нежелание тратить силы на особенно трудную и особенно неблагодарную в наши времена работу. «Друзья сказываются в несчастьи», и рабочий класс, переживающий тяжелые годы натиска и старых, и новых контр-революционных сил, неизбежно будет наблюдать отпадение многих и многих из его интеллигентских «друзей на час», друзей на время праздника, друзей только на время революции,—друзей, которые были революционерами во время революции, но поддаются эпохе упадка и готовы провозгласить «борьбу за легальность» при первых успехах контр-революции.

В ряде европейских стран, контр-революционным силам удалось начисто смести остатки революционных и социалистических организаций пролетариата после 1848-го, например, года. Буржуазный интеллигент, во дни юности примкнувший к социал-демократии, в силу всей своей мещанской психологии склонен махнуть рукой: так было—так будет; отстаивать старую нелегальную организацию дело безнадежное, создавать новую—еще того более безнадежное; мы вообще «преувеличили» силы пролетариата в буржуазной революции, мы ошибочно приписали роли пролетариата «универсальное» значение—все эти идейки ренегатского «Общественного Движения»¹⁷⁾ прямо и косвенно толкают к отречению от нелегальной партии. Вставши раз на наклонную плоскость, независимец не замечает того, как он катится все ниже, не замечает того, что он работает рука об руку со Столыпиным: Столыпин физически, полицейски, виселицей и каторгой разрушает нелегальную партию—либералы прямо делают то же открытой пропагандой веховских идей—независимцы среди социал-демократов косвенно содействуют разрушению нелегальной партии, крича об ее «омертвелости», отказываясь помогать ей, оправдывая (см. письмо 16-ти в № 19—20 «Голоса») уход из нее. Со ступеньки на ступеньку.

Не будем закрывать глаза на то, что борьба за партию станет для нас тем более тяжелой, чем дальше затянется контр-революционный период. Что партийцы не преуменьшают опасности, что они прямо смотрят ей в глаза, это показывает, например, статья тов. К. в № 13 Ц. О. Но решительное и прямое признание слабости партии, распада организаций и трудности положения не вызывает у т. К.—как не вызывает и ни у одного партийца—ни минуты колебания насчет того, нужна ли она, нужно ли работать над восстановлением ее. Чем труднее наше положение, чем больше

растет число врагов,—позавчера к ним прибавились веховцы, вчера народные социалисты, сегодня независимцы социал-демократы—тем теснее сплотятся все социал-демократы без различия оттенков на защиту партии. Многих с.-д., которых мог расколоть вопрос о том, как вести на штурм революционно-настроенные и верящие социал-демократии массы,—не сможет не сплотить вопрос о том, обязательно ли бороться за сохранение и укрепление нелегальной Социал-Демократической Рабочей Партии, созданной 1895—1910 годами.

Что касается до «Голоса» и голосовцев, то они замечательно рельефно подтвердили сказанное про них резолюцией расширенной редакции «Пролетария» в июле прошлого года. «В меньшевистском лагере партии—гласит эта резолюция (см. Приложение к № 46 «Пролетария», стр. 6)—при полном пленении официального органа фракции, «Голоса С.-Д.», меньшевиками-ликвидаторами, меньшинство фракции, испытав до конца путь ликвидаторства, уже поднимает голос протеста против этого пути и ищет вновь партийной почвы для своей деятельности»... До «конца» пути ликвидаторства расстояние оказалось более длинным, чем мы тогда думали, но правильность основной мысли приведенных слов доказана с тех пор фактами. Особенно подтвердился термин «пленение ликвидаторами» в применении к «Голосу С.-Д.». Это именно пленные ликвидаторов, не смеющие ни прямо защищать ликвидаторство, ни прямо восстать против него. Они и на пленуме приняли единогласно резолюции не как свободные люди, а как пленные, на короткий срок получившие от своих «хозяев» отпуск и снова вернувшиеся в рабство на другой день после пленума. Не будучи в состоянии защищать ликвидаторство, они напирали изо всех сил на все возможные (и все вымышленные!) препятствия, не связанные с принципиальными вопросами, но мешающие им отречься от ликвидаторства. И когда все эти «препятствия» были устранены, когда все их посторонние, личные, организационные, денежные и прочие претензии были удовлетворены,—они против воли «голоснули» отречение от ликвидаторства. Бедняжки! они не знали, что в это время манифест 16-ти уже находился в пути по направлению к Парижу, что группа Михаила и К-о, группа Потресова и К-о окрепли в своей защите ликвидаторства. И они покорно повернули за 16-ью, за Михаилом, за Потресовым опять к ликвидаторству!

Величайшее преступление бесхарактерных «примиренцев» вроде Ионова и Троцкого, защищающих или оправдывающих

этих людей, состоит в том, что они губят их, подкрепляя их зависимость от ликвидаторства. В то время, как решительное выступление всех нефракционных социал-демократов против Михаила и К-о, против Потресова и К-о (эти группы не решаются ведь защищать ни Троцкий, ни Ионов!) могло бы вернуть к партии кое-кого из голосовских пленников ликвидаторства,—ужимки и жеманство «примиренцев», нисколько не примиряя партию с ликвидаторами, только внушают голосовцам «бессмысленные надежды».

Впрочем, эти ужимки и это жеманство, несомненно, объясняются в немалой степени и простым непониманием положения. Только в силу непонимания может тов. Ионов ограничиваться вопросом о помещении или непомещении статьи Мартова, могут венские сторонники Троцкого сводить вопрос к «конфликтам» в Ц. О. И статья Мартова («На верном пути»... к ликвидаторству) и конфликты в Ц. О.—лишь частные эпизоды, которых нельзя понять вне связи с целым. Например, статья Мартова ясно показала нам, изучившим за год все оттенки ликвидаторства и голосовства, что Мартов повернул (или его повернули). Не мог один и тот же Мартов подписывать «Письмо» Ц. К. о конференции и писать статьи: «На верном пути». Вырывая статью Мартова из цепи событий, из предшествующего ей «Письма» Ц. К., из следующего за ней № 19—20 «Голоса», манифеста 16-ти, статей Дана («Борьба за легальность»), Потресова и «Возрождения», вырывая из той же цепи событий «конфликты» в Ц. О., Троцкий и Ионов отнимают у себя возможность понять происходящее *). И наоборот, все становится вполне понятным, раз в центре поставить то, что лежит в основе всего, именно: окончательное сплочение русских независимцев и их окончательный разрыв с «реакционной утопией» восстановления и укрепления нелегальной партии.

7. О партийном меньшевизме и об его оценке.

Последним вопросом, который мы должны рассмотреть для уяснения «объединительного кризиса» в нашей партии, является вопрос о так называемом партийном меньшевизме и об оценке его значения.

*) Возьмите еще, для примера, «теорию равноправия» легальных одиночек нелегальной партии. Неужели не ясно, после выступлений Михаила и К-о, Потресова и К-о, что смысл и значение этой теории есть признание группы независимцев-легалистов и подчинение им партии?

Взгляды нефракционных—т.-е. желающих считаться нефракционными—Ионова и Троцкого (№ 12 «П р а в д ы» и Венская резолюция) крайне характерны в этом отношении. Троцкий решительно и упорно игнорирует партийный меньшевизм,—на что было уже указано в № 13 Ц. О.,—а Ионов выдает «заветную» мысль своего единомышленника, объявляя, что значение выступлений «т. Плеханова» (других партийных меньшевиков Ионов не хочет видеть) сводится к «подкреплению» фракционной борьбы большевиков, к проповеди «объявления партии на военном положении».

Неправильность этой позиции Троцкого и Иопова должна бы была броситься им в глаза просто уже потому, что ее опровергают факты. Из № 13 Ц. О. видно, что не менее как в семи заграничных группах содействия партии—в Париже, Женеве, Берне, Цюрихе, Льеже, Ницце, Сан-Ремо—поднялись плехановцы или, вернее, партийные меньшевики против «Голоса» с требованием выполнения решений пленума, с требованием закрытия «Голоса», с указанием на ликвидаторский характер идейной позиции, занятой в № 19—20 «Голоса». Тот же процесс, хотя, быть может, менее наглядно, происходит и среди работников в России. Замалчивать эти факты смешно. Пытаться, вопреки им, представить борьбу Плеханова с голосовцами, как литературскую «фракционную» борьбу, значит—о б ъ е к т и в н о—становиться на сторону группы независимцев-легалистов против партии.

Явно фальшивая, явно неудержимая позиция, которую заняли указанные «примиренцы», должна бы открыть им глаза на неверность их исходной точки зрения, будто политическое значение объединения на пленуме состояло в соглашении «с данными лицами, группами и учреждениями». Не надо давать себя обманывать внешним формам партийных событий и личным особенностям их, надо оценивать идейно-политическое значение происходящего. По внешности судя, соглашение было с голосовцами-реками. Но ведь основой, условием соглашения был переход голосовцев на позицию Плеханова: это ясно из анализа резолюции о положении дел в партии, который дан выше *). По внеш-

*) Из 4-х цекистов меньшевиков, бывших на пленуме, двое все усилия направляли на то, чтобы, сделав максимальные уступки голосовцам, фактически перевести их на позицию Плеханова. Это не значит, что эти двое были твердыми партийцами, что они гарантированы от возврата к голосовцам. Это значит, что меньшевизм был застигнут в такой момент, когда он не мог еще о т р е ч ъ с я от партийности.

ности, именно голосовцы оказались представителями меньшевизма в партии,—например, если судить по составу Ц. О. На деле Ц. О. стал превращаться после пленума в орган «сотрудничества» партийных большевиков и плехановцев при полном противодействии со стороны голосовцев. Получился зигзаг в развитии партийного объединения: сначала как-будто бы что-то вроде общепримиренческой каши без ясного определения идейного базиса объединения,—но потом логика политических тенденций взяла свое, отцеживание независимцев от партии оказалось ускорено этим допущением максимальных уступок голосовцам на пленуме.

Когда я слышал на пленуме и видел в «Голосе» (№ 19—20, стр. 18) бешеные выходы против лозунга «соглашение сильных фракций для борьбы с ликвидаторами справа и слева» (этот лозунг взят «Голосом» в кавычки, но почему-то не сказано, прямо, что я защищал его до пленума и на пленуме), то я думал про себя: «abwarten!», «wait and see» (поживем—увидим!). Подождите, г.г. голосовцы, ибо вы хотите подвести счет «без хозяина»: дело не в том, что пленум дал всем возможность участвовать в соглашении, а не только «сильным», своей идейно-политической позицией сильным, фракциям. Дело в том, позволят ли ваши «хозяева»—т.-е. группы независимцев-легалитов—превратиться этой возможности в действительность.

Прошло несколько месяцев—и только слепые могут не видеть теперь, что на деле именно «соглашение сильных фракций» составляет партийное объединение, двигает его вперед «через все препятствия». Так должно быть, так только и может быть в силу реального соотношения сил в партии. Несомненно, что в ближайшем будущем либо все руководящие учреждения партии будут формально перестроены так, чтобы выражать это соглашение, либо жизнь партии и развитие ее объединения пойдет на время помимо руководящих ее учреждений.

Конечно, называть «сильной фракцией» партийных меньшевиков кажется на первый взгляд странным, ибо в данный момент сильнее,—по крайней мере за границей,—видимо, голосовцы. Но мы, социал-демократы, о силе судим не по тому, как высказываются заграничные группы, как группируются литераторы меньшевиков, а по тому, чья позиция объективно верна и чья осуждена логикой политического положения на подчинение «независимцам». Рабочедельцы были сильнее искровцев и за границей, и в России в 1898—1900 годах, но все же они не были «сильной фракцией».

Теперь, когда голосовцы мобилизовали все силы против Плеханова и выдвинули против него все свои ушаты с помоями— вплоть до г. Потресова и до воспоминаний о том, как «обижали» Мартова в 1901—1903 (sic!) годах,—теперь это бессилие голосовцев становится особенно явным. Аксельрод и К-о уже безнадежно опоздали политически, издавая в апреле, за границей, сборник личной ругани против Плеханова, когда в России февральская «Наша Заря» и мартовское «Возрождение» перенесли вопрос совсем в иную плоскость, когда Плеханов в № 13 Ц. О. перешел уже от истории своих столкновений с голосовцами к борьбе против современной политики их. Голосовцы так же беспомощно барахтаются, вспоминая старые (вплоть до 1901 года!) «обиды», как впередовцы, все еще взывающие к добрым сердцам о защите от Б. Ц.

И посмотрите, как выдают себя все больше и больше наши «обиженные», которые совершенно так же беснуются в 1910 году при одной мысли о соглашении «Ленина-Плеханова» (их терминология!), как год тому назад бесновался из-за этого Богданов. Подобно Богданову голосовцы стараются представить дело так, будто речь идет чуть ли не о личном соглашении «Ленина с Плехановым», при чем действия последнего объясняются «диким капризом» (стр. 16 «Необходимое Дополнение»), «обращением Савла в Павла», «порханием» и т. д. и т. п. Мартов из кожи лезет, чтобы, вспоминая «п я т и л е т н ю ю д е я т е л ь н о с т ь» (ibid.) Плеханова в роли меньшевика, скомпрометировать его (задним числом) за это порхание, не замечая, что он как раз этим всего больше оплевывает сам себя.

В том же самом «Необходимом Дополнении» коллективная редакция «Голоса» уверяет нас (стр. 32), что Плеханов был «велик» именно в течение указанного пятилетия (1904—1908 годы). Посмотрите-ка, что отсюда выходит. Большевики объявляют «великим» Плеханова за деятельность его не в течение тех 20 лет (1883—1903), когда он оставался верен себе, когда он не был ни меньшевиком, ни большевиком, а был основателем социал-демократии,— а именно в течение тех пяти лет, когда, по признанию самих же меньшевиков, он «порхал», т.-е. не держался последовательной меньшевистской линии. Выходит, что «величие» состояло в том, чтобы не падать целиком в болото меньшевизма.

Но именно пятилетняя история меньшевизма, которую Аксельрод и Мартов вспомнили на голову себе, дает ряд фактов,

помогающих объяснить раскол меньшевиков не такими мизерными, личными причинами, на которые нападает Мартов.

Плеханов кооптирует Аксельрода и Мартова в 1903 г., объявляя в № 51 «Искры», в статье «Чего не делать», что хочет маневрировать с оппортунистами и маневрами исправлять их. Он доходит при этом до самых крайних нападок на большевиков. Он старается вытащить в конце 1904 года явно скатившегося к либерализму Аксельрода («План земской кампании»), но делает это так, что не говорит ни единого слова по поводу таких перлов, как объявление демонстраций перед земцами «высшим типом демонстраций» (в брошюре «Письмо к Ц. К.», изданной только для членов партии)¹⁸). Весной 1905 г. Плеханов убеждается в безнадежности «маневров» и уходит от меньшевиков, основывая «Дневник» и проповедуя соединение с большевиками. № 3 «Дневника» (ноябрь 1905 г.) совсем не меньшевистский.

Потратив около полутора года на маневр с оппортунистами внутри партии (с конца 1903 до весны 1905 г.), Плеханов с начала 1906 года и в течение 1907 года предпринимает маневрирование с кадетами¹⁹). Он доходит при этом до гораздо больших оппортунистических крайностей, чем остальные меньшевики. Но, когда он, провозгласивший «маневрирование» во время I Думы, после разгона ее (в № 6 «Дневника»), предлагает соглашение революционных партий для борьбы за Учредительное Собрание, то «Пролетарий» (№ 2, от 29 августа 1906 г., в статье «Тактические колебания») тотчас отмечает, что эта позиция совсем не меньшевистская.

Весной 1907 года на Лондонском съезде Плеханов—по рассказу Череванина, цитированному уже мной в предисловии к сборнику «За 12 лет»—борется с организационным анархизмом меньшевиков*). Ему нужен «рабочий съезд», как маневр для развития партии, а не против партии. Во второй половине 1907 года, как поведал в «Необходимом Дополнении» Мартов, Плеханову «пришлось потратить не мало красноречия», чтобы отстоять необходимость нелегального (т.-е. партийного) органа меньшевиков против Аксельрода (предпочитавшего, очевидно, легальные органы, фактически непартийные). В 1908 году конфликт из-за статьи Потресова является поводом к его разрыву с ликвидаторами.

*) См. 484 стр. VIII тома Собр. соч. Ред.

О чем говорят эти факты? О том, что теперешний раскол меньшевиков не случайность, а неизбежность. «Маневрирование» не оправдывает того, кто делает ошибки во имя маневров, и я ничего из того, что писано мною против этих ошибок Плеханова, не беру назад. Но «маневрирование» о б ъ я с н я е т, почему одним меньшевикам л е г к о уйти к независимцам, а другим т р у д н о и даже невозможно. Социал-демократ, который, маневрируя, ведет рабочий класс за кадетами, приносит ему не меньший вред, чем тот, кто делает это в силу имманентного тяготения к оппортунизму. Но перзый сумеет, сможет, успеет остановиться там, где вторые скатятся в яму. Русская пословица говорит: заставь известного человека богу молиться—он лоб расшибет. Плеханов мог бы сказать: заставь Потресовых и Данов итти вправо для маневра—они пойдут вправо для принципа.

То, на чем остановились известные меньшевики, вполне оправдывает их название: «партийные меньшевики». Они остановились на борьбе за партию—против независимцев-легалистов. От этого простого и ясного вопроса тщетно пытаются увильнуть г. Потресов и редакция «Голоса С.-Д.» в «Необходимом Дополнении».

И Энгельс боролся с S.-D. F. (английские социал-демократы)—вертится Потресов (стр. 24). Софистика, любезнейший. Энгельс поправлял партию, а вы ведь не говорите, как поправить партию, вы даже не говорите прямо: нужна теперь нелегальная социал-демократическая партия, нужна Р. С.-Д. Р. П. или нет. Перед лицом Столыпина вы говорите: н е т («Наша Заря»), а перед лицом членов партии, в нелегальной печати, вы этого н е с м е е т е сказать, вы вяляете и вертитесь.

«Ленин-Плеханов рекомендуют войну против новых форм рабочего движения» (стр. 31), «мы и с х о д и м из состояния, условий и запросов действительного рабочего движения» (стр. 32)—уверяет редакция. Софистика, любезнейшие. Вы сами признали, что пленум сделал в с е для признания этих новых форм, да и большевики своей борьбой д о пленума д о к а з а л и это. Не из-за того мы расходимся, нужны ли «новые формы», нужно ли вести легальную работу, нужно ли основывать легальные общества, совсем не из-за этого. Мы расходимся из-за того, позволено ли ведущим подобную работу легалистам, вроде группы Михаила и К-о, группы Потресова и К-о, считать себя социал-демократами, б у д у ч и н е з а в и с и м ы м и о т п а р т и и с о ц и а л - д е м о к р а т о в, или социал-демократические партийцы о б я

з а н ы признавать партию, проповедывать ее необходимость, работать в ней, работать над ее организацией, устраивать нелегальные ячейки везде и во всех союзах для правильных сношений с ней и т. д. И вы прекрасно понимаете, что расходимся мы т е п е р ь — после пленума — т о л ь к о из-за этого.

Голосовцы стараются представить наше стремление сблизиться с партийными меньшевиками, войти в соглашение с ними для борьбы за партию против независимцев, как личный блок «Ленина и Плеханова». Они ругательски ругают автора статьи против Потресова в № 47 — 48 «П р о л е т а р и я» за тон «льстивого царедворца», «спекулирующего-де на соглашении» с Плехановым.

Я открываю эту статью и читаю на стр. 7-ой:

«Конечно, и все ошибки Плеханова во время революции проистекли именно из того, что он н е провел последовательно той линии, которую сам вел в старой «И с к р е».

Пусть судят читатели, что больше похоже на «шесть» и на «спекуляцию»: это ли прямое указание на то, что большевики считают ошибкой Плеханова, или объявление Плеханова «великим», как раз за тот период, когда он был меньшевиком и когда он «порхал», по словам меньшевиков.

«Плеханов будет с нами», — пишет редакция «Голоса С.-Д.», — когда «наступит снова время о т в е т с т в е н н ы х (курсив «Голоса») политических действий» (стр. 32 «Необходимого Дополнения»).

Это — политически безграмотно, но в отношении «спекуляции» достаточно ясно. Безграмотно, ибо т е п е р ь как раз время в о с т о р а з болес о т в е т с т в е н н ы х политических действий для старых вождей, чем при открытой борьбе, когда масса сама гораздо легче найдет дорогу. Ясно в смысле «спекуляции», ибо выражается готовность опять признать Плеханова меньшевиком, когда он начнет снова «маневрировать».

Мы удивляемся, что голосовцы не понимают того, какое значение имеют подобные выходки с их стороны на-ряду, например, с фразой Аксельрода: «мы не пожелали унизиться (перед Плехановым) до роли угодливых лакеев» (стр. 19). Вы именно ведете себя, как указанный в последних словах р о д л ю д е й. Ваше отношение к Плеханову как раз соответствует «формуле» э т и х людей: «либо в зубы, либо ручку пожалуйте».

Пять лет вы просили «ручку», теперь даете на 32 страницах двойного формата «в зубы», а на 32-ой странице «выражаете готов-

ность»: согласны и опять меньшевиком признать, и «ручку» попросить.

Что касается нас, то мы вправе сказать, что за время «порханий» Плеханов никогда не был большевиком. Мы его большевиком не считаем и никогда не будем считать. Но его, как и всякого меньшевика, способного восстать против группы независимцев-легалистов и до конца довести борьбу с ними, мы считаем п а р т и й н ы м меньшевиком. Мы считаем безусловно долгом всех большевиков в теперешние трудные времена, когда на очереди дня борьба за марксизм в теории и за партию—в практике рабочего движения, приложить все усилия для сближения с такими социал-демократами.

8. Заключение. О платформе большевиков.

Партийная конференция, намеченная пленумом, не сможет и не должна ограничиться тем порядком дня, который предположен был им при условии перехода всех меньшевиков на партийную позицию. Этого не вышло—и играть в прятки перед самим собой нам не пристало.

Лозунгом выборов на эту конференцию, лозунгом созыва ее и подготовки ее должно быть с п л о ч е н и е п а р т и й ц е в в борьбе с группой независимцев-легалистов. Соответственно этой задаче и учитывая антипартийную позицию голосовцев, мы должны со всей решительностью перестроить все руководящие учреждения партии, чтобы они занимались не склокой, которую уготовляет им и будет уготовлять отныне всякий голосовец, а д е й с т в и т е л ь н о й р а б о т о й п о с т р о е н и ю п а р т и и. Голосовцы не хотят ее строить, они хотят помогать тайком группе независимцев-легалистов.

Такова должна быть платформа большевиков для этой конференции. Строить партию—согласно декабрьским (1908 г.) резолюциям и в духе их. Продолжать дело пленума—провесть отмеченные выше исправления его решений, предписываемые всем ходом событий после пленума. Направить все усилия на систематическое, неуклонное, всестороннее и упорное использование всех и всяческих легальных возможностей, чтобы собирать силы пролетариата, чтобы помогать ему группироваться и спланиваться, воспитываться к борьбе и расправлять свои члены,—и также неуклонно восстанавливать, учась приспособлять их к новым усло-

виям, нелегальные ячейки, нелегальные чисто партийные и преимущественно, в первую голову чисто пролетарские организации, которые одни только могут направить всю работу в легальных организациях, пропитать ее революционным социал-демократическим духом, провести непримиримую борьбу с ренегатами и независимцами-легалистами, подготовить то время, когда наша партия, наша Р. С.-Д. Р. П., сохранив все традиции революции и великих побед пролетариата в 1905 году, укрепив и расширив партийную пролетарскую армию, поведет ее в новый бой на новые победы.

Май 1910 г.

«Дискуссионный Листок» № 2
от 24 мая (7 июня) 1910 г.

О фракции „впередовцев“.

Группа «Вперед» выпустила в Париже «сборник статей по очередным вопросам» под названием «Вперед». В связи с брошюрой тов. Сажина («К вопросу о возрождении партии»), которая «издана на частные средства» и которую можно получить через редакцию сборника «Вперед», в связи с отдельным листком за подписью группы «Вперед» и с платформой этой группы партия имеет теперь более чем достаточно материала для суждения о «впередовцах».

Платформа впередовцев характеризуется тремя следующими особенностями. Во-первых, из всех групп и фракций нашей партии впервые выдвигает она философию и притом под прикрытием псевдонима. «Пролетарская культура», «пролетарская философия»,—вот что стоит в платформе. Скрывается под этим псевдонимом *м а х и з м*, т.-е. защита философского идеализма под разными соусами (эмпириокритицизм, эмпириомонизм и т. д.). Во-вторых, в области политики группа объявила отзовизм «законным оттенком» и сообщила о том, что некоторые отзовисты, члены этой группы, несогласны с определением задач партии по отношению к Государственной Думе. Самое определение это дано в платформе впередовцев так неясно и запутано, что иначе как подлаживанием к отзовистскому кругу мыслей охарактеризовать этого определения нельзя. В-третьих, наконец, платформа решительно осуждала фракционность и требовала объединения фракций, слияния их в партии.

Итак, в итоге мы имеем,—если начать с конца,—одно весьма хорошее пожелание и два прикрытия весьма плохим идейно-по-

литическим направлениям, выражающим разрыв с марксизмом и подчинение пролетариата буржуазной идеологии и политике. Сборник «Вперед» наглядно показывает, какие продукты могут получаться из такой смеси.

Автор передовой статьи сборника, Богданов, строго выдерживает дипломатию платформы, говоря о «пролетарской культуре» без всякого пояснения того, что он под этим понимает. В статье, написанной с претензией на популярность изложения, эта игра в прятки особенно бросается в глаза. Какая же это популярность, если ни один читатель, кроме лично знающих Богданова или проследивших уже весь спор о махизме и в связи с махизмом, не может понять истинного смысла подобной фразы? Какая же это популярность, когда тот же Богданов на стр. 4 сборника говорит об «опасности для пролетарского социализма» тех выходцев из интеллигенции, которые «без критики принимают и пропагандируют неправильные и вредные для пролетариата идеи буржуазной науки и философии...»?

Многоточие принадлежит Богданову. Должно ли оно обозначать стыдливое умолчание, мы не знаем. Но мы твердо знаем, что говорить особенно в «популярной» статье о вреде для пролетариата «буржуазной философии» и не определять точно и ясно, какая именно философия имеется в виду, значит прибегать к худшего вида фракционной дипломатии. Если вы считаете вопрос о буржуазной философии важным, если вы выдвигаете его в передовице «популярного» сборника, то имейте же мужество говорить прямо, защищайте свои идеи, а не прячьте их.

Тов. Сажин, в качестве «практика» должно быть, разрушает дипломатию Богданова весьма невежливо *). Он требует на стр. 31 своей брошюры, чтобы «членам партии» была «обеспечена» «полная свобода их революционной и философской мысли».

*) В сборнике «Вперед»—другой «практик»—московский «Ткач II—н» тоже не очень дипломатично пробалтывается: «Кстати сказать,—пишет он,—книга Бельтова «Монистический взгляд» ²⁰⁾ особенно может вызвать такое неправильное представление об историческом материализме» (Сборник, стр. 57). Ну, еще бы! Самое правильное «представление об историческом материализме» дают, конечно, книги русских богостроителей и махистов—какому же «впередовцу» это не известно? И где же книге, на которой воспиталось целое поколение русских марксистов, тягаться с философскими произведениями Юшкевичей, Богдановых, Валентиновых и Луначарских...

Это—лозунг, насквозь оппортунистический. Во всех странах подобный лозунг изнутри социалистических партий выдвигался только оппортунистами и не означал на деле ничего иного, кроме «свободы» развращения рабочего класса буржуазной идеологией. «Свободы мысли» (читай: свободы печати, слова, совести) мы требуем от г о с у д а р с т в а (а не от партии) наравне с свободой союзов. Партия же пролетариата есть свободный союз, учреждаемый для б о р ь б ы с «мыслями» (читай: с идеологией) буржуазии, для защиты и проведения в жизнь одного определенного, именно: марксистского мирозерцания. Это—азбука. И эту азбуку заставила забыть Богданова, Сажина и К-о фальшь их политического положения. Не их личное лицемерие, а именно политическая фальшь позиции породила у них проповедь буржуазных лозунгов. Фальшь состоит в том, что одни «впередовцы» всей душой хотят тащить пролетариат н а з а д, к идеям буржуазной философии (махизм), другие же равнодушны к философии и требуют лишь «полной свободы»... для махизма. Все вместе в ы н у ж д е н ы поэтому дипломатничать, путать, играть в прятки, хвататься за буржуазные лозунги.

А что значит н а д е л е «полная свобода революционной мысли». Ничего кроме с в о б о д ы для отзовистских и других полуанархистских идей. Другими словами здесь сказано то же, что в «платформе» впередовцев выражено фразой: признание отзовизма «законным оттенком». Получается опять мелкая дипломатия с идеями, опять игра в прятки, опять лицемерие, объясняемое всецело той же фальшивой идейно-политической позицией: мы-де не махисты, но за «полную свободу» махизма (в партии); мы не отзовисты, но за «полную свободу» отзовистского оттенка или общее: «революционной мысли»! Путаницу довершает еще то, что д в о е впередовцев за своими л и ч н ы м и подписями (Сажин и Рабочий Ар.²¹) высказываются решительно за важность и необходимость использования легальных возможностей и думской трибуны. «С.-д-тия, — пишет Р а б о ч и й А р., — должна бороться с теми, кто ведет агитацию (кто же это ведет такую агитацию, т. Ар.? Не ваши ли впередовцы?) против к а к о г о б ы т о н и б ы л о (вот мы как!) использования легальных возможностей, потому что такой образ действий не социал-демократичен» (стр. 48—49 сборника). И тот же самый А р., п о в т о р я я эти слова большевиков направления «П р о л е т а р и я», ругательски ругает «П р о л е т а р и я» (задним числом)

за то, что он будто бы малевал впередовцев странными красками! Вот что называется: отступать по всей линии, сдавать все свои позиции, осуждать в печати (опять-таки: не говоря этого прямо) тех своих друзей, тех впередовцев, которые в свое время принимали резолюцию, например, о бойкоте съезда фабрично-заводских врачей,—и прикрывать свое отступление, свою капитуляцию барабанным боем. Мизерная фракционная дипломатия!

Взгляните на писания «впередовцев» по вопросу о фракциях и фракционности. «Платформа» осуждала фракции и требовала распускания их. Сажин громит фракционные центры, «заграничных вождей» и пр. и проч. Слез пролито впередовцами по поводу фракционности целое море, слов наговорено без конца.

А дела их? Вся история группы «Вперед» со времени январского (1910) «объединительного» пленума есть создание фракции из-за границы. Вот выдержка из одного письма (от 15 июля 1910 г.), посланного русским работником члену З. Б. Ц. К.:

«Есть Комитет (в Петербурге) и, кроме того, существует группа «впередовцев» с отдельной кассой и секретарем. Деньги получились из-за границы. В Москве...»—далее названо лицо, очень близкое к одному из наиболее видных отзовистов, и указано на ведение подобной же политики.

Ни один человек, сколько-нибудь знакомый с партийными делами, сколько-нибудь внимательно относившийся к позиции литературной группки «Вперед», не мог ни на минуту сомневаться в организации ею фракции из-за границы. Что пресловутая «школа в Капри» была заграничным центром новой фракции, это было заявлено печатно в июне 1909 года, и с тех пор в этом убедились даже самые беззаботные и неосведомленные соц.-дем. Пресловутая «платформа» выработана за границей 8 интеллигентами и 7 рабочими-учениками. Роль этих рабочих, подмахнувших лозунги: «пролетарская философия» и признание отзовизма «законным оттенком», слишком ясна, чтобы стоило еще говорить об этом. Перед нами чистейший образчик создания фракции группой заграничных литераторов, которые именно подобны «ханам» (выражение Воинова в сборнике «Вперед»), ибо произвол свой они чувствуют сами, прикрывая перед публикой то, что им особенно дорого, т.-е. буржуазную философию махизма и отзовизма. «Впередовцы» кричат против «заграничных вождей» и сами устраивают организацию, являющуюся, фактически, простым

п р и д а т к о м к горстке заграничных литераторов;—кричат против фракции и сами строят т а й к о м новую, мелкую, сугубо безжизненную, сектантски-эмпириомонистическую фракцию. П о л и т и ч е с к и й источник всего этого лицемерия—невозможность открытого, прямого выступления за то, что действительно дорого действительным вожакам фракции.

Ограничимся двумя примерами особенно вопиющего лицемерия. На стр. 53 сборника Р а б о ч и й А р. заявляет, что бюро Ц. К. в России «ни черта не делает» (слова эти приписаны, конечно, рабочему «ленинцу», который будто бы агитировал в таком духе «впередовца». О, наивная хитрость «рабочего-Ар»!)—и что впередовец (опять вместе с «ленинцем» и, конечно, по его наущению) предлагал «объявить московскую организацию независимой от русского Ц. К. и не подчиняющейся его директивам».

Бюро русского Ц. К., начиная с января 1910 года, билось над восстановлением организации центра, в о п р е к и противодействию и ликвидаторов-голосовцев (известная история с Михаилом, Романом, Юрием) и впередовцев (строивших в это время из-за границы с в о ю фракцию п р о т и в Ц. К.). И теперь эти же впередовцы проливают крокодиловы слезы о «бездеятельности» бюро Ц. К.! Эти впередовцы, на деле вполне «н е з а в и с и м ы е» от партии, вполне антипартийные фракционеры, пишут в популярном сборнике о необходимости объявить местные организации «независимыми» от Ц. К.

Другой пример. В том же сборнике анонимный «член партии» упражняется в наезднической критике денежного отчета З. Б. Ц. К. Анонимный наездник пишет, между прочим, на стр. 60-ой: «Какие-такие «держатели» (в отчете говорится о получении денег от держателей), почему они «держат» или «держали» деньги Ц. К., на какие «специальные цели» эти деньги предназначены, ничего и никто не поймет здесь».

Так и напечатано. Н и ч е г о и н и к т о н е п о й м е т.

Это пишут члены той самой группы «Вперед», от которой двое представителей было на январском пленуме, принявшем заявление большевиков об их условной передаче денег «держателям» (т.-е. трем известнейшим представителям международной соц.-дем.). Какие деньги, какого происхождения, кто держатели и т. д., все это д о с к о н а л ь н о известно было пленуму, т.-е. всем фракциям, т.-е. и впередовцам в том числе.

А впередовцы в «популярном» сборнике для обманывания рабочих пишут: «ничего никто не поймет».

Это пишут в том самом сборнике «Вперед», в котором две первые статьи подписаны Б о г д а н о в ы м и П о к р о в с к и м. Оба этих «впередовца» п р е к р а с н о з н а ю т в с ю и с т о р и ю получения большевиками этих денег и передачи их держателям. И вот, так как им «неловко» выступать лично и заявлять, что «ничего никто не поймет», то они для этого поручения избирают а н о н и м н ы х н а е з д н и к о в, называющих себя «членами партии» по случаю своего антипартийного поведения. Богданов и Покровский через анонимных наездников говорят рабочим в «популярном» сборнике з а в е д о м у ю н е п р а в д у, будто «ничего никто не поймет» насчет того, какие-такие «держатели» денег и т. д. И эти господа быют себя в грудь и распинаятся против «фракций» и против «заграничных вождей».

Они «критикуют» через анонимного «члена партии» денежный отчет Ц. К., а сами сообщают на первой странице своего сборника, что до сих пор их группе мешал издавать газету «недостаток материальных средств» и что «теперь это препятствие удалось устранить». Теперь группа «Вперед» получила, значит, деньги. Известие, приятное для впередовцев, слов нет. Только какой же это «лоб» надо иметь, о, почтеннейшие «впередовцы», чтобы печатно, в «популярном» сборнике говорить через анонимного наездника заведомую неправду про Ц. К., будто «ничего никто не поймет», какие-такие «держатели» и какие у них деньги, и в то же время н и з в у к а н е г о в о р и т ь н и Ц. К., ни другим фракциям, к а к и с - т а к и е д е н ь г и получила группа «Вперед» и к а к и е л и т е р а т о р ы и м и р а с п о р я ж а ю т с я? Партия, должно быть, обязана отчетом перед впередовцами, а впередовцы не обязаны отчетом перед партией?

Еще и еще раз надо повторить, что это лицемерие впередовцев объясняется не личными качествами Петра или Сидора, а п о л и т и ч е с к о й ф а л ь ш ью всей их позиции, объясняется тем, что литераторы-махисты и отзовисты н е м о г у т выступить п р я м о и о т к р ы т о в борьбу за дорогие им не социал-демократические идейки. Кто поймет эти п о л и т и ч е с к и е у с л о в и я, тот не будет останавливаться растерянно, недоуменно, тоескливо перед одной внешней стороной явления, перед суммой личных конфликтов, склоки, руготни и пр. Кто поймет эти поли-

тические условия, тот не удовлетворится примиренческой фразой à la Троцкий) о том, что нужна «не борьба с отзовистами, а преодоление отзовизма», ибо это пустая и бессодержательная фраза. Объективные условия контр-революционной эпохи, эпохи распада, эпохи богостроительства, эпохи махизма, отзовизма, ликвидаторства, эти объективные условия поставили нашу партию в условия борьбы с кружками литераторов, организующих свои фракции, и от этой борьбы фразой отделаться нельзя. Отстраниться же от этой борьбы значит отстраниться от одной из современных задач рабочей с.-д. партии.

*«Социал-Демократ» № 15—16
от 30 сентября (12 октября) 1910 г.*

Вопрос о кооперативах на Международном Социалистическом Конгрессе в Копенгагене.

В настоящей статье я намерен ограничиться изложением хода занятий конгресса по указанному в заголовке вопросу и характеристикой тех направлений социалистической мысли, которые боролись здесь между собой

До конгресса были опубликованы три проекта резолюций о кооперативах. Бельгийский проект (№ 5 «Периодического Бюлетеня Международ. Соц. Бюро», который выходит нерегулярно на трех официальных языках международных конгрессов) начинается с предостережения рабочих-социалистов против учения тех, кто видит в кооперативах нечто самодовлеющее, некое средство для разрешения социального вопроса. Признавая затем, что рабочий класс чрезвычайно заинтересован в том, чтобы утилизировать кооперативы, как орудие своей классовой борьбы, проект бельгийской партии указывает непосредственные выгоды кооперативов (борьба с торговой эксплуатацией, улучшение условий труда у поставщиков и т. д.) и выражает пожелание, чтобы между социалистическими партиями и кооперативами устанавливались «органические, все более и более тесные связи».

Проект большинства французской социалистической партии составлен в духе Жореса. Кооперативы превозносятся до небес и выставляются—совсем как у буржуазных реформаторов—в качестве «необходимого» элемента «социального преобразования». Гозорятся туманные фразы о превращении кооперативов из союза

отдельных лиц во всеобщие федерации ассоциаций. Смешиваются продетарские кооперативы с кооперативами мелких хозяйчиков (в земледелии). Проповедуется нейтральность кооперативов, описывается вред того, чтобы на кооперативы возлагали какие-нибудь обязательства по отношению к социалистической партии.

Наконец, проект меньшинства французских социалистов (гэdistский) решительно заявляет, что сами по себе кооперативы отнюдь не являются классовыми организациями (каковы, напр., проф. союзы), что значение их определяется тем употреблением, которое из них делают. Рабочие, входя массами в кооперативы, могут извлекать из них пользу для своей борьбы с капиталом, могут до известной степени уяснять себе на примере, чем было бы социалистическое общество, организуемое после уничтожения противоречий современного строя. Проект подчеркивает поэтому ограниченное значение кооперативов и призывает социалистические партии к содействию пролетарским кооперативам, предостерегает от кооперативных иллюзий, рекомендует сплочение социалистов внутри кооперативов в целях разъяснения массам их настоящей задачи: завоевания политической власти и превращения средств производства и обмена в общую собственность.

Совершенно очевидно, что здесь намечаются две основные линии: одна—линия пролетарской классовой борьбы, признание за кооперативами ценности для этой борьбы, как ее орудия, как одного из подсобных средств ее, и определение условий, при которых кооперативы играли бы действительно такую роль, а не оставались простыми торговыми предприятиями. Другая линия—мелко-буржуазная, затемняющая вопрос о роли кооперативов в классовой борьбе пролетариата, раздвигающая значение кооперативов за пределы этой борьбы (т.-е. смешивающая пролетарские и хозяйские взгляды на кооперативы), определяющая цели кооперативов такими общими фразами, которые приемлемы и для буржуазного реформатора, этого идеолога прогрессивных хозяев и хозяйчиков.

К сожалению, две указанные линии именно только *н а м е ч а л и с ь* в трех заранее приготовленных проектах, а не были ясно, отчетливо, резко противопоставлены друг другу, как *д в а н а п р а в л е н и я*, борьба которых должна решить вопрос. И поэтому занятия конгресса шли неровно, спутанно, как бы стихийно. На разногласия ежеминутно «натыкались», но их не выяснили вполне, и резолюция получилась в результате отра-

жающая сбивчивость мысли, не дающая всего, что могла и должна была бы дать резолюция конгресса социалистических партий.

В комиссии по вопросу о кооперативах сразу наметились два течения. Одно—Жореса и Эльма. Эльм был одним из четырех немецких делегатов в кооперативной комиссии и выступал в качестве представителя немцев, выступал в определенно оппортунистическом духе. Другое направление—бельгийское. Посредником, примирителем явился австриец Карпелес, видный деятель австрийского кооперативного движения, не защищавший определенной принципиальной линии, но (вернее: не «но», а именно потому) склонявшийся гораздо чаще к оппортунистам. Да и бельгийцев заставлял спорить с Жоресом и Эльмом гораздо больше инстинкт действительно пролетарской постановки кооперативного дела, чем отчетливое понимание враждебности и непримиримости пролетарской и мелко-буржуазной точки зрения на вопрос. Поэтому, напр., Ансель (председатель кооперативной комиссии) говорил горячие и превосходные речи в комиссии против нейтральности кооперативов, против преувеличения их значения, за необходимость нам быть социалистами-кооператорами, а не кооператорами-социалистами,—а при выработке резолюции тот же Ансель мог прямо привести в отчаяние своей уступчивостью по отношению к формулировкам Жореса и Эльма, своим нежеланием вникнуть в причины расхождения.

Но вернусь к заседаниям комиссии. Понятно, что решающее влияние на ход работ имели представители наций с сильно развитым кооперативным движением. Сразу обнаружилось при этом расхождение бельгийцев и немцев к громадной невыгоде этих последних. Бельгийцы во всяком случае вели пролетарскую линию, хотя и не вполне последовательно, не вполне отчетливо. Эльм выступал оппортунистом чистой воды (особенно в подкомиссии, о чем ниже). Естественно, что руководящая роль принадлежала бельгийцам. Австрийцы склонялись к ним и к концу работ комиссии была прочтена резолюция австро-бельгийская, тогда как Эльм, внесший немецкую резолюцию, прямо заявил, что считает вполне возможным соглашение ее с Жоресистским проектом. Так как у французов было сильное меньшинство против Жореса (за его точку зрения было 202 мандата, а за гэдовскую 142), а у немцев, наверное, получилось бы не менее сильное меньшинство против Эльма (если бы ясно и резко встал вопрос о двух точках зрения), то австро-бельгийский союз имел

верные шансы на победу. И дело шло, конечно, не столько о «победе» в узком смысле слова, сколько об отстаивании последовательно пролетарской точки зрения на кооперативы. Этой последовательности не удалось добиться в силу чрезмерных уступок, сделанных подкомиссией Жоресу и Эльму.

Что касается нас, русских с.-д., то мы старались поддержать в комиссии австро-бельгийскую линию и с этой целью, раньше еще чем оглашен был австро-бельгийский примирительный проект, внесли свой проект резолюции следующего содержания:

Проект соц.-демократической делегации России.

Конгресс полагает:

1) Что пролетарские потребительские товарищества улучшают положение рабочего класса в том отношении, что суживают размеры эксплуатации со стороны всякого рода торговых посредников, что влияют на условия труда рабочих, занятых в заведениях поставщиков и улучшают положение собственных служащих.

2) Что эти товарищества могут получить большое значение для экономической и политической массовой борьбы пролетариата, поддерживая рабочих во время стачек, локаутов, политических преследований и проч.

С другой стороны, конгресс указывает на то:

1) что улучшения, которые могут быть достигнуты при помощи потребительных товариществ, могут быть лишь весьма незначительны до тех пор, пока средства производства находятся в руках того класса, без эксплуатации которого не может быть осуществлен социализм;

2) что потребительные товарищества не являются организациями непосредственной борьбы с капиталом и существуют на-ряду с подобного же рода организациями других классов, могущими породить иллюзию, что эти организации являются средством, при помощи которого социальный вопрос может быть решен без классовой борьбы и эксплуатации буржуазии.

Конгресс призывает рабочих всех стран:

а) вступать в пролетарские потребительные товарищества и всячески содействовать их развитию, отстаивая при этом демократический характер этих организаций;

б) путем неустанной социалистической пропаганды в потребительных товариществах, способствовать распространению среди рабочих идей классовой борьбы и социализма;

с) стремиться вместе с тем достигнуть возможно более полного сближения всех форм рабочего движения.

Конгресс отмечает также, что производительные товарищества в том только случае имеют значение для борьбы рабочего класса, когда являются составной частью товариществ потребительных.

Все проекты резолюций сданы были в подкомиссию (комиссии международных конгрессов так велики,—каждая нация посылает по 4 делегата в каждую комиссию,—что о выработке текста резолюций в полном собрании комиссии не может быть и речи). В подкомиссию вошло 10 человек: два бельгийца (Ансель и Вандервельде), один француз (Жорес), один австриец (Карпелес), один немец (Эльм), один голландец (марксист Вибо), по одному: итальянец, датчанин, англичанин, русский с.-д. (Воинов и я—наша с.-д. делегация не успела собраться для выбора представителя—поэтому мы присутствовали оба, а голосовал один).

В подкомиссии пошла уже чисто деловая работа, составления текста резолюции. Принятый конгрессом текст, за самыми мелкими, стилистическими изменениями, и есть тот, который выработан подкомиссией;—читатели найдут текст резолюции конгресса в другом месте настоящего номера. Борьба в подкомиссии—в отличие от комиссии—сосредоточилась не на вопросе об отношениях кооперативов к партии, а на более принципиальном вопросе о значении и роли кооперативов. Бельгийцы клонили к совершенно верному принципиально определению их роли, как одного из возможных (при известных условиях) подсобных орудий пролетарской классовой борьбы за «полную экспроприацию» (*expropriation intégrale*) класса капиталистов. Эльм, поддерживаемый Жоресом, восстал решительно и показал весь свой оппортунизм целиком. Он говорил, что неизвестно, дойдет ли вообще дело до экспроприации, что он лично считает это совершенно невероятным, что для «большинства» (!) это вопрос спорный, что в программе немецкой с.-д. партии экспроприации нет, что следует сказать «*Ueberwindung des Kapitalismus*»—«преодоление капитализма». Знаменитые слова Бебеля в Ганновере, сказанные в заключение споров с Бернштейном: «*es bleibt bei der Expropriation*»—«мы стоим по-прежнему за экспроприацию»,

были забыты одним из вождей немецкого оппортунизма. В связи с этими (порами возник «вопрос о социализации». Жорес ультимативно требовал, чтобы в определении значения кооперативов стояло: «они помогают рабочим (как и стоит в тексте принятой конгрессом резолюции) готовить демократизацию и социализацию средств производства и обмена».

Это—одна из тех расплывчатых, неопределенных, вполне приемлемых для идеологов мелкого хозяйчика и для теоретиков буржуазного реформизма фраз, на которые Жорес такой мастер и до которых он такой охотник. Что такое «демократизация средств производства и обмена»? (В комиссии потом, когда проект вернулся туда из подкомиссии, французы заменили слово средств—*moyens*—словом сил—*forces*, но дело от этого нисколько не изменилось.) Крестьянское производство (говорил я в комиссии) «демократичнее», чем крупное капиталистическое. Значит ли это, что мы, социалисты, хотим создания мелкого производства? Что такое «социализация»? Под этим можно понимать превращение в собственность всего общества, но можно также понимать и какие угодно частичные меры, какие угодно реформы в рамках капитализма, начиная от крестьянских товариществ и кончая муниципальными банями и писсуарами. Ссылался же Жорес в подкомиссии на датские сельско-хозяйственные товарищества, полагая, очевидно, вслед за буржуазными экономистами, будто это не капиталистические предприятия.

Организуя противодействие этому оппортунизму, мы (русские и польские с.д.) пытались апеллировать от Эльма к Вурму, соредактору «*Neue Zeit*», бывшему тоже в кооперативной комиссии от немцев. Вурм не одобрял фразы о «демократизации и социализации», предлагал (приватно) ряд поправок, парламентировал между Эльмом и марксистами, но Эльм проявил такую «твердокаменность», что Вурм ничего не добился. Уже после конгресса я прочитал в «*Leipziger Volkszeitung*» (№ 201, 31. VIII. 10, 3 Beilage), что в немецкой делегации был поднят еще во второй вопрос о кооперативах. «Р. Фишер спрашивал,—пишет корреспондент этой газеты,—нет ли разногласий по вопросу о кооперативах среди немецких делегатов». Э л ь м отвечал: «Есть. С сегодня на завтра их не устранить. Решения конгрессов всегда решения компромиссные, и в данном вопросе дело тоже кончится, вероятно, компромиссом». В у р м: «Мои воззрения на вопрос о кооперативах совершенно иные (*durchaus andre*), чем воззрения

фон-Эльма; но мы все же сойдемся, вероятно, на общей резолюции». Делегация сочла после этого дальнейшее обсуждение ненужным.

Это сообщение подтверждает то явление, которое вполне обрисовалось уже на Штуттгартском международном съезде. Немецкая делегация составляет поровну из представителей партии и проф. союзов. От этих последних проходят почти сплошь оппортунисты, ибо выбирают обыкновенно секретарей и прочую союзную «бюрократию». В общем немцы неспособны вести выдержанной принципиальной линии на международных съездах, и гегемония в Интернационале подчас ускользает из их рук. Бессилие Вурма перед Эльмом только лишний раз иллюстрировало тот кризис в германской социал-демократии, который состоит в нарастании неизбежной решительной разверстки с оппортунистами.

По вопросу о денежной поддержке кооперативами партии Эльм и Жорес в подкомиссии тоже добились чрезмерной уступки от бельгийцев, которые согласились на формулировку: «кооперативам каждой страны предоставляется решать, следует ли им и в какой степени помогать непосредственно из своих средств политическому и профессиональному движению».

Когда проект подкомиссии вернулся в комиссию для окончательного утверждения, мы обратили все внимание именно на эти два пункта. Вместе с Гэдом мы внесли две (главные) поправки: во-первых, заменить слова: «(кооперативы) помогают рабочим подготавливать демократизацию и социализацию производства и обмена» словами: «(кооперативы) помогают в известной степени подготавливать функционирование производства и обмена после экспроприации класса капиталистов». Смысл этой поправки, формулированной стилистически не совсем удачно, состоял не в том, что кооперативы теперь не могут помогать рабочим, а в том, что подготавливаемое уже теперь кооперативами функционирование будущего производства и обмена может наступить лишь после экспроприации капиталистов. Вторая поправка относилась к пункту, который говорит об отношении кооперативов к партии. Мы предлагали либо добавить слова: «что (т.-е. помощь рабочей борьбе) во всяком случае желательно с точки зрения социализма», либо заменить весь этот пункт другим, прямо рекомендующим социалистам в кооперативах проповедовать и отстаивать

вать необходимость прямой помощи классовой борьбе пролетариата.

Обе поправки были отклонены комиссией, собрав лишь около 15 голосов. Социалисты-революционеры голосовали—как и всегда на международных съездах—за Жоресса. Перед русской публикой они не прочь упрекнуть в оппортунизме даже Бебеля, а перед европейской они идут за Жоресом и за Эльмом! Вурм попробовал было исправить конец резолюции посредством перестановки трех последних абзацов. Пусть сначала будет сказано, что желательно соединение кооперативов в одну федерацию (абзац второй с конца). Пусть потом будет заявлено, что от кооперативов зависит, оказывать ли прямую помощь партии или нет (абзац 3-й с конца). И пусть последний абзац начнется словами: «но» (н о конгресс заявляет, что желательны все более интимные отношения между партией, профессиональными союзами и кооперативами). Тогда из о б щ е г о контекста будет ясно, что конгресс р е к о м е н д у е т кооперативам помогать партии. Эльм отверг даже эту поправку! Вурм взял ее тогда назад. Тогда Вибо поставил ее от себя, мы голосовали за нее, но поправка была отклонена.

По вопросу о том, как держаться на пленуме конгресса, мы имели совещание с Гэдом. Гэд полагал,—и его мнение разделили немецкие революционные с.-д.,—что из за частных поправок не следует поднимать войны на пленуме конгресса, что голосовать надо в общем з а резолюцию. Недостатки ее состоят в д о п у щ е н и и одной ревизионистской фразы, которая не заменяет собой определения цели социализма, а стоит р я д о м с таким определением,—и в одном н е д о с т а т о ч н о - с и л ь н о м выражении той мысли, что рабоч. кооперативы должны помогать рабочей классовой борьбе. Такие недостатки следовало постараться исправить, но поднимать из-за них борьбу на пленуме нет основания. Мы согласились с этим мнением Гэда, и резолюция была принята на пленуме конгресса единогласно.

Подводя итог работам конгресса по вопросу о кооперативах, мы должны сказать,—не скрывая ни от себя, ни от рабочих недостатков резолюции,—что Интернационал дал правильное в основных чертах определение задач пролетарских кооперативов. Всякий член партии, всякий с.-д. рабочий, всякий сознательный рабочий-кооператор должен руководиться принятой резолюцией и вести всю свою деятельность в ее духе.

Копенгагенский конгресс знаменует ту стадию развития рабочего движения, когда оно шло, так сказать, преимущественно вширь и н а ч а л о захватывать в русло классовой борьбы пролетарские кооперативы. Разногласия с ревизионистами наметились, но до выступления ревизионистов с самостоятельной программой еще далеко. Борьба с ревизионизмом отсрочена, но эта борьба придет неизбежно.

*«Социал-Демократ» № 17
от 25 сентября (8 октября) 1910 г.*

О том, как некоторые соц.-дем. знакомят Интернационал с положением дел в Р. С.-Д. Р. П.

В связи с Копенгагенским Международным Конгрессом в ряде изданий появились статьи о положении дел в нашей партии. Мы остановимся коротко на трех статьях, написанных представителями трех различных партийных (вернее: а н т и-партийных) течений.

На первом месте по своей бесцеремонности заслуживает быть поставленной статья, появившаяся, к сожалению, в центральном органе наших германских товарищей («Vorwärts» от 28 авг.). Статья эта—анонимная. Она носит подзаголовок: «От нашего русского корреспондента».

Из нее читатель узнает, что «никогда еще русские эмигранты, которые в нашей партии играют непропорционально большую роль, не были так чужды интересам и потребностям русского рабочего движения, как теперь», что Ц. О. нашей партии «Социал-Демократ» «ведется в узко-фракционном духе» и что большевики отличаются «формальным и внешним радикализмом», что они лишь в результате эволюции пришли, наконец, к «признанию» парламентаризма и т. д. Большинство нашей партии наш автор крайне недоволен. Все положение партии рисуется автору в весьма мрачном свете. Одну лишь светлую точку заметил наш автор в жизни Р. С.-Д. Р. П. Это—«выходящая в Вене... рабочая газета «Правда», которая с самого начала стоит совершенно в стороне от фракционной полемики и ставит себе задачей политическую агитацию» и пр.

Не начинаете ли догадываться, читатель, чьему «не фракционному» перу принадлежит эта статья? Вы, конечно, не ошибаетесь.

Да, это «нефракционный» т. Троцкий не постеснился выступить с откровенной рекламой газетке своей фракции. Это он перед недостаточно осведомленными немецкими читателями дает ту же оценку позиции партийного большинства, что и ликвидаторы *).

Задачу оклеветать нашу партию в органе германских реи-
зионистов взял на себя другой литератор: Р. Стрельцов. Его статья появилась в «Sozialistische Monatshefte», редактируемом г. Блохом, которого Бебель в Магдебурге справедливо назвал национал-либералом. Р. Стрельцов—коллега г. Прокоповича по газете «Товарищ»—уже открыто берет под свою защиту ликвидаторов. «Нет ничего абсурднее того обвинения, которое против них выдвигается». Настоящие с.-д. это—именно ликвидаторы. А партийное большинство,—оно, видите ли, «считает лишним использование так называемых легальных возможностей, т.-е. участие с.-д. в профсоюзах, кооперативах, открытых съездах и т. д.». Да, правильное представление получит немецкий читатель, если историю русской революции он будет изучать по Череванину, а современное положение и тактическую борьбу внутри нашей партии—по Стрельцову и Троцкому!..

Третья статья принадлежит перу ультиматиста (он же бого-
строитель) Воинова, выступившего в органе бельгийских товарищей «Le Peuple» **). И хотя Воинов дал превратное представление бельгийским товарищам о «тактических течениях в нашей партии» (заглавие его статьи)—однако, в одном отношении его статья принесла значительную пользу: она раскрыла нам еще раз суть отзовистско-ультиматистской тактики. Бывают же такие благословенные писатели в группе «Вперед», которые открыто излагают цели отзовистов-ультиматистов, а не замазывают их, как это делается обычно в литературных выступлениях «впередовцев». Послушайте сами. Какой «впередовец» признает вам

*) То обстоятельство, что эта статья появилась в таком органе, как «Vorwärts», заставило наших делегатов на Копенгагенский Конгресс обратиться с протестом в Ц. К. германской партии. Этот протест подан делегатами нашего Ц. О. (Г. В. Плехановым и А. Варским) и представителем партии в Международн. Бюро (Н. Лениным). При обсуждении этого вопроса в с.-д. делегации т. Троцкий и открыл нам тот секрет, что эта пресловутая статья написана им.

**) При этом Воинов предусмотрительно сообщил читателям, что он—
«делегат на интернациональный конгресс в Копенгагене».

теперь прямо, что отзовисты-ультиматисты носятся теперь с мечтой о боевых дружинах и пр.? А откровенный Воинов прямо пишет, что он и его друзья хотят «продолжать и развивать нашу боевую подготовку», тогда как поправевший Ленин отрицает для данного момента, «напр., необходимость инструкторских школ». Какой впередовец теперь говорит прямо о необходимости «ультиматума» по адресу думской фракции? А добрый Воинов откровенно сообщает нам, что «возрождение партии» необходимо его друзьям для того, чтобы «поставить нашим депутатам ультиматум»... Какой впередовец скажет вам в печати, для чего отзовистам-ультиматистам нужна «партийная школа» за границей? А разговорчивый Воинов не преминул сообщить, что «школа» нужна для подготовки «нового съезда» партии и выбора другого Ц. К. вместо нынешнего «правого» Ц. К-та *). Не похвалят же Воинова за эту откровенность впередовские «дипломаты»!

Троцкий, Воинов и Стрельцов братски подали друг другу руки в борьбе против партийной линии. ...

*«Социал-Демократ» № 17
от 25 сентября (8 октября) 1910 г.*

Уроки революции.

Минуло пять лет с тех пор, как в октябре 1905 года рабочий класс России нанес первый могучий удар царскому самодержавию. Пролетариат поднял в те великие дни миллионы трудящихся на борьбу с их угнетателями. Он завоевал себе в несколько месяцев 1905 года такие улучшения, которых рабочие в десятки лет тщетно ждали от «начальства». Пролетариат завоевал всему русскому народу, хотя и на короткое время, не виданную на Руси свободу печати, собраний, союзов. Он смел с своей дороги поддельную Булыгинскую Думу, вырвал у царя манифест о конституции и раз-на-всегда сделал невозможным управление Россией без представительных учреждений.

Великие победы пролетариата оказались полупобедами, потому что царская власть не была свергнута. Декабрьское восстание кончилось поражением, и царское самодержавие

*) Тут Воинов счел полезным... прихвастнуть еще, будто «некоторые из членов Ц.К., выбранные на съезде, но недовольные новым направлением Ц.К., подали в отставку». Где, когда, тов. Воинов?

стало отбирать одно за другим завоевания рабочего класса по мере того, как ослабевал его натиск, ослабевала борьба масс. В 1906 году рабочие стачки, крестьянские и солдатские волнения были гораздо слабее, чем в 1905 году, но все-таки были еще очень сильны. Царь разогнал Первую Думу, во время которой стала опять развиваться борьба народа, но не посмел сразу изменить избирательный закон. В 1907 году борьба рабочих еще более ослабела, и царь, разогнав Вторую Думу, совершил государственный переворот (3 июня 1907 года); он нарушил все свои самые торжественные обещания не издавать законов без согласия Думы и изменил избирательный закон так, что большинство в Думе наверняка доставалось помещикам и капиталистам, партии черносотенцев и их прислужникам.

И победы и поражения революции дали великие исторические уроки русскому народу. Чествуя пятилетнюю годовщину 1905 года, постараемся выяснить себе главное содержание этих уроков.

Первый и основной урок—тот, что только революционная борьба масс способна добиться сколько-нибудь серьезных улучшений в жизни рабочих и в управлении государством. Никакое «сочувствие» рабочим со стороны образованных людей, никакая геройская борьба одиночек-террористов не могли подорвать царского самодержавия и всевластия капиталистов. Только борьба самих рабочих, только совместная борьба миллионов могла сделать это, и, когда ослабевала такая борьба, сейчас же начиналось отнятие того, что рабочие завоевали. Русская революция подтвердила то, о чем поется в международной рабочей песне:

«Никто не даст нам избавленья,
Ни бог, ни царь и ни герой;
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.

Второй урок—тот, что недостаточно подорвать, ограничить царскую власть. Ее надо уничтожить. Пока царская власть не уничтожена, уступки царя всегда будут непрочны. Царь давал уступки, когда натиск революции усиливался, и брал назад все уступки, когда натиск ослабевал. Только завоевание демократической республики, свержение царской власти, переход власти в руки народа может избавить Россию от

насилия и произвола чиновников, от черносотенно-октябристской Думы, от всевластия помещиков и помещичьих прислужников в деревне. Если бедствия крестьян и рабочих стали теперь, после революции, еще более тяжелыми, чем прежде, то это расплата за то, что революция была слаба, что царская власть не была свергнута. 1905 год, а затем две первые Думы и их разгон научили народ очень многому, научили прежде всего общей борьбе за политические требования. Народ, пробуждаясь к политической жизни, сначала требовал от самодержавия уступок: чтобы царь созвал Думу, чтобы царь заменил старых министров новыми, чтобы царь «дал» всеобщее избирательное право. Но самодержавие не шло и не могло идти на такие уступки. На просьбы об уступках самодержавие отвечало штыками. И тогда народ начал приходить к сознанию о необходимости борьбы против самодержавной власти. Теперь Столыпин и черная, господская Дума еще с большей силой вбивают, можно сказать, это понимание в голову крестьянам. Вбивают и вобьют.

Царское самодержавие тоже извлекло для себя урок из революции. Оно увидело, что полагаться на веру крестьян в царя нельзя. Оно укрепляет теперь свою власть посредством союза с черносотенными помещиками и октябристскими фабрикантами. Чтобы свергнуть царское самодержавие, нужен теперь гораздо более сильный натиск революционной массовой борьбы, чем в 1905 году.

Возможен ли такой гораздо более сильный натиск? Ответ на этот вопрос приводит нас к третьему и самому главному уроку революции. Этот урок состоит в том, что мы видели, как действуют различные классы русского народа. До 1905 года многим казалось, что весь народ одинаково стремится к свободе и хочет одинаковой свободы; по крайней мере, у громадного большинства не было никакого ясного понятия о том, что различные классы русского народа различно относятся к борьбе за свободу и добиваются неодинаковой свободы. Революция рассеяла туман. В конце 1905 года, а затем также и во время первой и второй Думы все классы русского общества выступили открыто. Они показали себя на деле, обнаружили, каковы их настоящие стремления, за что они могут бороться и насколько сильно, упорно, энергично они способны бороться.

Фабрично-заводские рабочие, промышленный пролетариат вел самую решительную и самую упорную борьбу с самодержавием. Пролетариат начал революцию девятым января и

массовыми стачками. Пролетариат довел борьбу до конца, поднявшись на вооруженное восстание в декабре 1905 года, на защиту расстреливаемых, избиваемых, истязуемых крестьян. Число бастовавших рабочих в 1905 году было около трех миллионов (а с железнодорожниками, почтовыми служащими и т. д., наверное, до 4-х миллионов), в 1906 году—один миллион, в 1907— $\frac{3}{4}$ миллиона. Подобной силы стачечного движения не видывал еще мир. Русский пролетариат показал, какие непочатые силы таятся в рабочих массах, когда назревает действительно революционный кризис. Величайшая в мире стачечная волна 1905 года далеко еще не исчерпала всех боевых сил пролетариата. Например, в московском фабричном округе было 567 тысяч фабрично-заводских рабочих и 540 тысяч стачечников, а в петербургском—300 тысяч фабрично-заводских рабочих и 1 миллион стачечников. Значит, рабочие московского района далеко еще не развили такого упорства в борьбе, как петербургские. А в Лифляндской губернии (город Рига) на 50 тысяч рабочих было 250 тысяч стачечников, т.-е. каждый рабочий бастовал, в среднем, более чем по пяти раз в 1905 году. Теперь во всей России никак не менее трех миллионов фабричных, горных и железнодорожных рабочих, и число это каждый год возрастает; при такой силе движения, как в Риге в 1905 году, они могли бы выставить армию в 15 миллионов стачечников.

Перед таким натиском не устояла бы никакая царская власть. Но всякий понимает, что подобного натиска нельзя вызвать искусственно, по желанию социалистов или передовых рабочих. Такой натиск возможен только тогда, когда всю страну охватывает кризис, возмущение, революция. Чтобы подготовить такой натиск, нужно втянуть в борьбу самые отсталые слои рабочих, нужно вести годы и годы упорную, широкую, неуклонную, пропагандистскую, агитационную и организационную работу, создавая и укрепляя всякого вида союзы и организации пролетариата.

По силе борьбы рабочий класс России стоял впереди всех остальных классов русского народа. Самые условия жизни рабочих делают их способными к борьбе и толкают на борьбу. Капитал собирает рабочих большими массами в крупных городах, сплавливает их, обучает совместным действиям. На каждом шагу рабочие сталкиваются лицом к лицу со своим главным

врагом—с классом капиталистов. Борясь с этим врагом, рабочий становится социалистом, приходит к сознанию необходимости полного переустройства всего общества, полного уничтожения всякой нищеты и всякого угнетения. Становясь социалистами, рабочие с беззаветной отвагой борются против всего, что стоит им поперек пути, и прежде всего против царской власти и крепостников-помещиков

Крестьяне тоже выступили на борьбу против помещиков и против правительства в революции, но их борьба была гораздо более слабой. Сосчитано, что из фабричных рабочих участвовало в революционной борьбе, в стачках—большинство (до $\frac{3}{5}$), а из крестьян, несомненно, только меньшинство; наверное, не больше одной пятой или одной четвертой части. Крестьяне боролись менее упорно, более разрозненно, менее сознательно, все еще надеясь нередко на доброту царя-батюшки. В 1905—1906 годах крестьяне, собственно, только поугали царя и помещиков. А их надо не поугать, их надо уничтожить, их правительство—царское правительство—надо стереть с лица земли. Теперь Столыпин и черная, помещичья, Дума стараются создать из богатых крестьян новых помещиков-хуторян, союзников царя и черной сотни. Но чем больше помогает царь и Дума крестьянам-богатеям разорять массу крестьян, тем сознательнее становится эта масса, тем меньше будет она сохранять веру в царя, веру крепостных рабов, веру забитых и темных людей. С каждым годом все больше становится в деревне сельских рабочих,—им негде искать спасения кроме как в союзе с городскими рабочими для общей борьбы. С каждым годом все больше становится в деревне разоренных, обнищавших до конца, изголодавшихся крестьян,—из них миллионы и миллионы пойдут, когда поднимется городской пролетариат, на более решительную, на более сплоченную борьбу с царем и помещиками.

В революции принимала участие также либеральная буржуазия, т.-е. либеральные помещики, фабриканты, адвокаты, профессора и т. д. Они составляют партию «народной свободы» (к.-д., кадеты). Они много обещали народу и много шумели о свободе в своих газетах. Они имели большинство депутатов в I и II Думах. Они сулились «мирным путем» добиться свободы, они осуждали революционную борьбу рабочих и крестьян. Крестьяне и многие из крестьянских депутатов

(«трудовиков») верили этим посулам и шли покорно и послушно за либералами, сторонясь от революционной борьбы пролетариата. В этом состояла величайшая ошибка крестьян (и многих горожан) во время революции. Либералы одной рукой, да и то очень-очень редко, помогали борьбе за свободу, а другую руку всегда протягивали царю, обещая ему сохранить и укрепить его власть, помирить крестьян с помещиками, «утихомирить» «буйных» рабочих.

Когда революция дошла до решительной борьбы с царем, до декабрьского восстания 1905 года, либералы все целиком подло изменили свободе народа, отшатнулись от борьбы. Царское самодержавие воспользовалось этим предательством народной свободы либералами, воспользовалось темнотою крестьян, во многом веривших либералам, и разбило восставших рабочих. А когда был разбит пролетариат, никакие Думы, никакие сладкие речи кадетов, никакие их посулы не удержали царя от уничтожения всех остатков свободы, от восстановления самодержавия и всевластия крепостников-помещиков.

Либералы оказались обманутыми. Крестьяне получили тяжелый, но полезный урок. Не бывать на Руси свободе, пока широкие массы народа верят либералам, верят в возможность «мира» с царской властью, сторонятся от революционной борьбы рабочих. Никакая сила на земле не удержит наступления свободы в России, когда поднимется на борьбу масса городского пролетариата, отодвинет колеблющихся и предательских либералов, поведет за собой сельских рабочих и разоренное крестьянство.

А что пролетариат России подымется на такую борьбу, что он станет во главе революции—за это ручается все экономическое положение России, весь опыт революционных годов.

Пять лет тому назад пролетариат нанес первый удар царскому самодержавию. Для русского народа блеснули первые лучи свободы. Теперь опять восстановлено царское самодержавие, опять царят и правят крепостники, опять повсюду насилия над рабочими и крестьянами, везде азиатское самодурство властей, подлое надругательство над народом. Но тяжелые уроки не пропадут даром. Русский народ не тот, что был до 1905 года. Пролетариат обучил его борьбе. Пролетариат приведет его к победе.

Л. Н. Толстой.

Умер Лев Толстой. Его мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции.

Л. Н. Толстой выступил, как великий художник, еще при крепостном праве. В ряде гениальных произведений, которые он дал в течение своей более чем полувековой литературной деятельности, он рисовал преимущественно старую, дореволюционную Россию, оставшуюся и после 1861 года в полукрепостничестве, Россию деревенскую, Россию помещика и крестьянина. Рисуя эту полосу в исторической жизни России, Л. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе. Эпоха подготовки революции в одной из стран, подавленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества.

Толстой-художник известен ничтожному меньшинству даже в России. Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием всех, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот.

И Толстой не только дал художественные произведения, которые всегда будут цепимы и читаемы массами, когда они создадут себе человеческие условия жизни, свергнув иго помещиков и капиталистов;—он сумел с замечательной силой передать настроение широких масс, угнетенных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство протеста и негодования. Принадлежа, главным образом, к эпохе 1861—1904 годов, Толстой поразительно рельефно воплотил в своих произведениях—и как художник и как мыслитель и проповедник—черты исторического своеобразия всей первой русской революции, ее силу и ее слабость.

Одна из главных отличительных черт нашей революции состоит в том, что это была крестьянская буржуазная

революция в эпоху очень высокого развития капитализма во всем мире и сравнительно высокого в России. Это была буржуазная революция, ибо ее непосредственной задачей было свержение царского самодержавия, царской монархии и разрушение помещичьего землевладения, а не свержение господства буржуазии. В особенности крестьянство не сознавало этой последней задачи, не сознавало ее отличия от более близких и непосредственных задач борьбы. И это была крестьянская буржуазная революция, ибо объективные условия выдвинули на первую очередь вопрос об изменении коренных условий жизни крестьянства, о ломке старого средневекового землевладения, о «расчистке земли» для капитализма, объективные условия выдвинули на арену более или менее самостоятельного исторического действия крестьянские массы.

В произведениях Толстого выразились и сила и слабость, и мощь и ограниченность именно крестьянского массового движения. Его горячий, страстный, нередко беспощадно-резкий протест против государства и полицейски-казенной церкви передает настроение примитивной крестьянской демократии, в которой века крепостного права, чиновничьего произвола и грабежа, церковного иезуитизма, обмана и мошенничества накопили горы злобы и ненависти. Его непреклонное отрицание частной поземельной собственности передает психологию крестьянской массы в такой исторический момент, когда старое средневековое землевладение, и помещичье и казенно-«надельное», стало окончательно нестерпимой помехой дальнейшему развитию страны и когда это старое землевладение неизбежно подлежало самому крутому, беспощадному разрушению. Его непрестанное, полное самого глубокого чувства и самого пылкого возмущения, обличение капитализма передает весь ужас патриархального крестьянина, на которого стал надвигаться новый, невидимый, непонятный враг, идущий откуда-то из города или откуда-то из-за границы, разрушающий все «устои» деревенского быта, несущий с собою невиданное разорение, нищету, голодную смерть, одичание, проституцию, сифилис—все бедствия эпохи «первоначального накопления», обостренные во сто крат перенесением на русскую почву новейших приемов грабежа, выработанных господином Купоном.

Но горячий протестант, страстный обличитель, великий критик обнаружил вместе с тем в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, на-

двигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю. Борьба с крепостническим и полицейским государством, с монархией превращалась у него в отрицание политики, приводила к учению о «непротивлении злу», привела к полному отстранению от революционной борьбы масс 1905—1907 г.г. Борьба с казенной церковью совмещалась с проповедью новой, очищенной религии, то-есть нового, очищенного, утонченного яда для угнетенных масс. Отрицание частной поземельной собственности вело не к сосредоточению всей борьбы на действительном враге, на помещицм землевладении и его политическом оружии власти, т.-е. монархии, а к мечтательным, расплывчатым, бессильным воздыханиям. Обличение капитализма и бедствий, причиняемых им массам, совмещалось с совершенно апатичным отношением к той всемирной освободительной борьбе, которую ведет международный социалистический пролетариат.

Противоречия во взглядах Толстого—не противоречия его только личной мысли, а отражение тех в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в пореформенную, но дореволюционную эпоху.

И поэтому правильная оценка Толстого возможна только с точки зрения того класса, который своей политической ролью и своей борьбой во время первой развязки этих противоречий, во время революции, доказал свое призвание быть вождем в борьбе за свободу народа и за освобождение масс от эксплуатации,—доказал свою беззаветную преданность делу демократии и свою способность борьбы с ограниченностью и непоследовательностью буржуазной (в том числе и крестьянской) демократии,—возможна только с точки зрения социал-демократического пролетариата.

Посмотрите на оценку Толстого в правительственных газетах. Они льют крокодиловы слезы, уверяя в своем уважении к «великому писателю» и в то же время защищая «святейший» синод. А святейшие отцы только что проделали особенно гнусную мерзость, подсылая попов к умирающему, чтобы надуть народ и сказать, что Толстой «раскаялся». Святейший синод отлучил Толстого от церкви. Тем лучше. Этот подвиг зачтется ему в час народной расправы с чиновниками в рясах, с жандармами во

Христе, с темными инквизиторами, которые поддерживали еврейские погромы и прочие подвиги черносотенной царской шайки.

Посмотрите на оценку Толстого либеральными газетами. Они отделяются теми пустыми, казенно-либеральными, избито-профессорскими фразами о «голосе цивилизованного человечества», о «единодушном отклике мира», об «идеях правды, добра» и т. д., за которые так бичевал Толстой—и справедливо бичевал—буржуазную науку. Они не могут высказать прямо и ясно своей оценки взглядов Толстого на государство, на церковь, на частную поземельную собственность, на капитализм,—не потому, что мешает цензура; наоборот, цензура помогает им выйти из затруднения!—а потому, что каждое положение в критике Толстого есть пощечина буржуазному либерализму;—потому, что одна уже безбоязненная, открытая, беспощадно-резкая постановка Толстым самых больных, самых проклятых вопросов нашего времени бьет в лицо шаблонным фразам, избитым вывертам, уклончивой, «цивилизованной» лжи нашей либеральной (и либерально-народнической) публицистики. Либералы горой за Толстого, горой против синода—и вместе с тем они за... веховцев, с которыми «можно спорить», но с которыми «надо» ужиться в одной партии, «надо» работать вместе в литературе и в политике. А веховцев лобызает Антоний Волынский.

Либералы выдвигают на первый план, что Толстой—«великая совесть». Разве это не пустая фраза, которую повторяют на тысячи ладов и «Новое Время», и все ему подобные? Разве это не обход тех конкретных вопросов демократии и социализма, которые Толстым поставлены? Разве это не выдвигает на первый план того, что выражает предрассудок Толстого, а не его разум, что принадлежит в нем прошлому, а не будущему, его отрицанию политики и его проповеди нравственного самоусовершенствования, а не его бурному протесту против всякого классового господства?

Умер Толстой, и отошла в прошлое дореволюционная Россия, слабость и бессилие которой выразились в философии, обрисованы в произведениях гениального художника. Но в его наследстве есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему. Это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат. Он разъяснит массам трудящихся и эксплуатируемых значение Толстовской критики государства, церкви, частной поземельной собственности—не для того, чтобы массы

ограничивались самоусовершенствованием и воздыханием о божеской жизни, а для того, чтобы они поднялись для нанесения нового удара царской монархии и помещичьему землевладению, которые в 1905 году были только слегка надломаны и которые надо уничтожить. Он разъяснит массам Толстовскую критику капитализма—не для того, чтобы массы ограничились проклятиями по адресу капитала и власти денег, а для того, чтобы они научились опираться на каждом шагу своей жизни и своей борьбы на технические и социальные завоевания капитализма, научились спланировать в единую миллионную армию социалистических борцов, которые свергнут капитализм и создадут новое общество без нищеты народа, без эксплуатации человека человеком.

*«Социал-Демократ» № 18
от 16(29) ноября 1910 года.*

О демонстрации по поводу смерти Муромцева.

(З а м е т к а.)

«Эта Дума»,—пишет кадетская «Речь» по поводу первого заседания четвертой сессии черносотенной Думы,—«в сегодняшний день окончательно и бесповоротно отрезала себя от народных настроений и национального сознания». Говорится это, конечно, по поводу отказа черносотенцев и октябристов почтить память председателя Первой Думы, Муромцева.

Трудно было бы рельефнее, чем в приведенной фразе, выразить всю фальшь той точки зрения, на которой стоят наши либералы по отношению к борьбе за свободу вообще и к демонстрации по поводу кончины Муромцева в частности.

Нет сомнения, что демонстрация против царского правительства, против самодержавия, против черносотенной Думы была необходима по поводу смерти Муромцева, что демонстрация состоялась, что участвовали в ней самые различные и самые широкие слои населения, самые различные партии от социал-демократии до кадетов, «прогрессистов» и польских октябристов (польского кола) включительно. И точно так же нет сомнения, что оценка этой демонстрации кадетами в сотый и тысячный раз показывает, насколько чужды они демократии, насколько г и б е л ь-

но для дела демократии в России ведение этого дела или хотя бы руководящее участие в этом деле наших кадетов.

Все демократы и все либералы участвовали и должны были участвовать в демонстрации по поводу смерти Муромцева, ибо в потемках режима черной Думы такая демонстрация дала возможность открытого и сравнительно широкого выражения протеста против самодержавия. Самодержавие царя вело отчаянную борьбу против введения представительных учреждений в России. Самодержавие подделывало и искажало созыв первого парламента в России, когда пролетариат и революционное крестьянство вырвали у него массовой борьбой необходимость такого созыва. Самодержавие глумилось и надругалось над демократией, над народом, поскольку голос народа, голос демократии раздавался в Первой Думе. Самодержавие преследует теперь даже воспоминание об этом слабом выражении требований демократии в Первой Думе (выражение этих требований было гораздо слабее, беднее, уже, менее жизненно во время первой Думы и с ее трибуны, чем осенью 1905 года с трибун, которые создала себе волна открытой массовой борьбы).

Вот почему демократия и либерализм могли и должны были сойтись на демонстрации протеста против самодержавия по всякому поводу, напоминавшему массам о революции. Но, сойдясь на общей демонстрации, они не могли не выразить своего отношения и к оценке задач демократии вообще и к истории Первой Думы в частности. А первый же приступ к такой оценке показал невыносимое убожество, политическое бессилие и политическое слабоумие нашего буржуазного либерализма.

Подумайте только: черная Дума «сегодня», 15 октября 1910 года, «окончательно и бесповоротно отрезала себя» от народа! Значит, она не была до сих пор отрезана от него бесповоротно. Значит, участие в чествовании памяти Муромцева устраняло, способно было устранить «отрезанность» от «народных настроений», то-есть отрезанность от демократии тех или иных из наших контр-революционеров. Поймите же, господа, претендующие на высокое звание демократов, что вы сами, больше чем кто бы то ни было, принижаете значение демонстрации, опозоряете ее, когда ставите вопрос таким образом. «При самой невысокой морально-политической оценке III Думы,—пишет «Речь»,—казалось нелепым думать, что она способна будет отклонить от себя этот элементарный долг почтить с трибуны имя того, кто с таким

достоинством и блеском открыл ее (!!) и освятил». Услужили, нечего сказать: Муромцев открыл и освятил «ее», III Думу! Нечаянно кадеты сказали этими словами ту горькую правду, что измена русского либерализма и русской буржуазии революционной борьбе и восстанию конца 1905-го года «открыла и освятила» эпоху контр-революции вообще и III Думы в особенности. «Полагали,—пишет «Речь»,—что кучка политических скандалистов не в состоянии будет заглушить голос приличия и такта в большинстве Думы». Вот как! вопрос шел и идет о «приличии и такте», а не о протесте против самодержавия. Вопрос ставится не так, что демократия «о т р е з ы в а е т с я» от контр-революции, а так, что либерализм о б ъ е д и н я е т с я с контр-революцией. Либерализм становится на почву контр-революции, приглашая ее представителей, октябристов, участвовать в чествовании памяти Муромцева не для выражения протеста против самодержавия, а для выполнения «приличия и такта». Муромцев «открыл и освятил» (бывают же такие поганые слова!) первый царем созданный якобы-парламент; вы, господа октябристы, сидите в третьем царем созданном якобы-парламенте,—не будет ли «неприлично и бестактно» отказаться выполнить «элементарный долг». Как великолепно отражает этот совсем маленький пример, это одно только рассуждение кадетского официального органа всю идейную и политическую гнилость нашего либерализма. Его линия—у г о в а р и в а т ь самодержавие, черносотенных помещиков и их союзников, октябристов, а не развивать д е м о к р а т и ч е с к о е сознание масс. Его удел поэтому—неизбежный и неостовратимый удел подобного буржуазного либерализма во всякой буржуазно-демократической революции — вечно оставаться рабом монархии и феодалов, вечно получать от них пинки сапогом.

Если бы у кадетских депутатов была хоть капля понимания задач демократии, они и в III Думе позаботились бы не о выполнении о к т я б р и с т а м и «элементарного долга», а о демонстрации перед н а р о д о м. Не заявление председателю нужно было для этого подать (оглашение такого заявления, по § 120 наказа, зависит от усмотрения председателя), а добиться тем или иным путем постановки вопроса на обсуждение.

Если бы у кадетских писателей была хоть капля понимания задач демократии, они не упрекали бы октябристов в бестактности, а разъяснили бы, что поведение III Думы как раз и подчеркивает

значение демонстрации по поводу смерти Муромцева, как раз и поднимает вопрос с о б ы в а т е л ь с к и-мещанской болтовни о «приличии и такте» на высоту п о л и т и ч е с к о й оценки современного режима и роли различных партий.

Но демонстрация по поводу смерти Муромцева не могла не поднять также другого вопроса, именно вопроса об историческом значении Первой Думы. Нечего и говорить, что кадеты, имевшие в ней большинство и упоенные в то время надеждой на кадетское министерство, на «мирный» переход к свободе, на укрепление своей гегемонии среди демократии, превозносят Муромцева, как «национального героя». Трудовики в лице г. Жилкина опустились до того, что, присоединяясь к этому либеральному хору, прямо чествовали Муромцева как политического «воспитателя» левых партий.

Подобная оценка Первой Думы кадетами и трудовиками имеет то важное значение, что показывает крайне низкий уровень политического сознания в русском «обществе». «Общество», восхищающееся политической ролью кадетов в Первой Думе, не вправе жаловаться на Столыпина и III-ю Думу: оно имеет как раз такое правительство, которого заслуживает. Гегемония либерализма в русском освободительном движении неминуемо означает его слабость и неустранимость господства диких помещиков. Только отстранение либерализма пролетариатом и пролетарская гегемония да в а л и победы революции и с п о с о б н ы дать их еще.

Эпоха Первой Думы была таким периодом, когда побежденный в декабре пролетариат собирал силы для нового натиска. Революционная стачка, ослабевшая после декабря, снова могуче подняла голову; за рабочими потянулись крестьяне (крестьянские волнения охватили весной 1906 г. 46% уездов Европейской России); усилились солдатские «бунты». Перед либеральной буржуазией стояла дилемма: помочь новому р е в о л ю ц и о н н о му натиску масс—и тогда победа над царизмом была возможна,—или отвернуться от революции и тем облегчить победу царизму. Новый подъем массовой борьбы, новые колебания буржуазии, нерешительность и выжидание царизма—вот в чем с у т ь перводумской эпохи, вот в чем к л а с с о в а я о с н о в а этой полосы в русской истории.

Кадеты, как главенствующая партия в Первой Думе, и Муромцев, как один из главарей этой партии, проявили полное

непонимание политического положения и совершили новое предательство демократии. Они отвернулись от революции, осуждали массовую борьбу, ставили ей всевозможные препятствия — и старались использовать нерешительность царизма, пугая его революцией и требуя сделки (=кадетское министерство) от имени революции. Понятно, что такая тактика была по отношению к демократии и з м е н о й, по отношению к царизму — бессильным якобы «конституционным» бахвальством. Понятно, что царизм только выигрывал время для сосредоточения своих сил, «и г р а я» в переговоры с кадетами и г о т о в я разгон Думы и государственный переворот. Пролетариат и часть крестьянства поднялись на новую борьбу весной 1906 г., — их вина или беда состояла в том, что они боролись не достаточно решительно и не в достаточном числе. Либералы весной 1906 г. упивались игрой в конституцию и переговорами с Треповым, осуждая тех, мешая делу тех, кто один только мог с л о м и т ь Треповых.

Фарисеи буржуазии любят изречение: *de mortuis aut bene aut nihil* (о мертвых либо молчать, либо говорить хорошее). Пролетариату нужна п р а в д а и о живых политических деятелях и о мертвых, ибо те, кто действительно заслуживает имя политического деятеля, не умирают для политики, когда наступает их физическая смерть. Говорить условную ложь о Муромцеве значит вредить делу пролетариата и делу демократии, развращать сознание масс. Говорить горькую правду про кадетов и про тех, кто давал себя вести (и проводить) кадетам, значит чествовать в е л и к о е в первой русской революции, значит помогать успеху второй.

*«Социал-Демократ» № 18
от 16 (29) ноября 1910 года.*

Не начало ли поворота?

Настоящий номер был уже сверстан, когда мы получили петербургские и московские газеты от 12 ноября. Как ни недостаточны сведения легальной печати, но из них вытекает все же несомненно, что в целом ряде городов произошли студенческие сходки, манифестации, уличные шествия с протестом против смертной казни, с речами против правительства. Петербургская демонстрация 11 ноября, даже по сведениям держащих себя совершенно

по-октябристски «Русских Ведомостей», собрала не менее 10.000 человек на Невском. Та же газета сообщает, что на Петербургской стороне «у Народного Дома к шествию присоединилось много рабочих. У Тучкова моста шествие остановилось. Полицейский отряд никак не мог остановить шествия, и толпа прошла с пением и флагами на Большой проспект Васильевского острова. Только у университета полиции удалось рассеять толпу».

Полиция и войска вели себя, разумеется, истинно-русски.

Откладывая до следующего номера оценку этого несомненного демократического подъема, мы не можем не сказать здесь нескольких слов об отношении разных партий к демонстрации. «Русские Ведомости», поместившие 11-го л о ж н о е известие, что демонстрация отменена, сообщают 12-го, будто с.-д. не приняли никакого постановления, а отдельные депутаты из них даже высказывали свое отрицательное отношение, и лишь одни трудовики в принятой резолюции сочли невозможным препятствовать демонстрации. Мы не сомневаемся, что это позорящее наших с.-д. депутатов сообщение ложно; вероятно, оно так же злостно выдуманно «Р у с с к и м и В е д о м о с т я м и», как и их вчерашнее сообщение об отмене демонстрации. «Голос Москвы» сообщает 12-го, что «за исключением с.-д. депутаты всех партий относятся отрицательно к выступлению студенчества на улицах».

Ясно, что кадетские и октябристские органы сугубо «уклоняются от истины», будучи запуганы совершенно нелепыми, смешными криками правых о том, что «пружины, готовые демонстрацию, нажимаются из Таврического Дворца».

А что кадеты вели себя недостойно, это факт. «Речь» поместила 11-го, в день демонстрации, воззвание депутатов к.-д., приглашающее не устраивать демонстрации. Мотивировка и в этом воззвании и в передовице «Речи» поистине подлая: «не омрачать» скорбных дней! «устраивать манифестации, соединять их с памятью Толстого» значит обнаруживать «отсутствие искренней любовности к священной памяти»!! и т. д. в чисто-октябристском духе (сравните передовицу от 11-го в «Голосе Москвы» с почти буквально тождественными фразами).

К счастью, подлая подножка демократии, подставленная кадетами, не удалась. Демонстрация все же состоялась. И если полицейская «Россия» продолжает винить во всем кадетов, ухитряясь даже в их воззвании видеть «разжигание», то в Думе, по словам «Голоса

Москвы» и октябристы и крайние правые (Шульгин) оценили заслугу кадетов, признали их «противниками демонстрации».

Кого весь ход русской революции не научил тому, что дело освободительного движения в России б е з н а д е ж н о, пока им руководят кадеты, пока он не умеет оберечь себя от измен кадетов, тот пусть учится снова и снова на фактах современной политики, на истории демонстрации 11-го ноября.

Первое же начало демократического подъема—начало кадетских гнусностей.

Отметим еще сообщение «Голоса Москвы», что рабочие предложили будто бы студентам устроить грандиозную демонстрацию 14. Доля правды тут, наверное, есть, ибо сегодня (15—28 ноября) парижские газеты сообщают об аресте в Спб. 13-ти членов бюро профессиональных союзов за п о п ы т к у организовать рабочую манифестацию.

*«Социал-Демократ» № 18
от 16 (29) ноября 1910 года.*

Начало демонстраций.

После трех лет революции, с 1905 по 1907-ой год, Россия пережила три года контр-революции, с 1908 по 1910-ый год, три года черной Думы, разгула насилия и бесправия, натиска капиталистов на рабочих, отнятия тех завоеваний, которые рабочими были сделаны. Царское самодержавие, только надломанное, но не уничтоженное в 1905 году, собралось с силами, соединилось с помещиками и капиталистами в III Думе и снова ввело в России старые порядки. Еще сильнее стал гнет капиталистов над рабочими, еще наглее беззакония и произвол чиновников в городе и особенно в деревне, еще свирепее расправа с борцами за свободу, еще чаще смертные казни. Царское правительство, помещики и капиталисты бешено м с т и л и революционным классам, и пролетариату в первую голову, за революцию,—точно торопясь воспользоваться перерывом массовой борьбы для уничтожения своих врагов.

Но бывают такие враги, которых можно в нескольких сражениях разбить, можно придавить на время, но н е л ь з я уничтожить. Полная победа революции вполне возможна, и такая победа совершенно уничтожила бы царскую монархию, смела бы с лица земли крепостников-помещиков, передала бы все их земли без

выкупа крестьянам, заменила бы чиновничье управление демократическим самоуправлением и политической свободой. Такие преобразования не только возможны, они не о б х о д и м ы в каждой стране в XX веке, они совершены уже во в с е х европейских государствах более или менее полно, ценой более или менее долгой и упорной борьбы.

Но н и к а к и е, даже самые полные победы реакции, н и к а к о е торжество контр-революции н е м о ж е т уничтожить врагов царского самодержавия, врагов помещичьего и капиталистического гнета, потому что враги эти—миллионы рабочих, которые все более скопляются в городах и на крупных фабриках, заводах, железных дорогах. Враги эти—разоряемое крестьянство, которому еще во много раз тяжелее живется теперь при соединении земских начальников и богатых крестьян для грабежа п о з а к о н у, для отнятия крестьянской земли с с о г л а с и я помещичьей Думы, под з а щ и т о й всех помещичьих и военных властей. Таких врагов, как рабочий класс, как крестьянская беднота, уничтожить нельзя.

И мы видим теперь, как после трех лет самого бесшабашного разгула контр-революции н а р о д н ы е м а с с ы, больше всего угнетенные, придавленные, забитые, запуганные всякого вида преследованиями, снова начинают поднимать голову, снова просыпаются и начинают приниматься за борьбу. Три года казней, преследований, диких расправ уничтожили десятки тысяч одних «врагов» самодержавия, заперев в тюрьмы и услав в ссылку сотни тысяч других, запугали еще сотни и сотни тысяч третьих. Но миллионы и десятки миллионов—теперь уже не те, чем они были до революции. Эти миллионы н и к о г д а еще в истории России не переживали таких назидательных, наглядных уроков, такой открытой борьбы классов. Что в этих миллионах и десятках миллионов началось новое глубокое, глухое брожение,—это видно из летних стачек текущего года и из недавних демонстраций.

Рабочие стачки в России и во время подготовки революции и во время самой революции были самым распространенным средством борьбы пролетариата, этого передового класса, который один только является до конца революционным классом в современном обществе. Экономические и политические стачки, то чередуясь друг с другом, то переплетаясь в одно неразрывное целое, сплачивали массы рабочих против класса капиталистов и самодержавного

правительства, вносили брожение во все общество, поднимали на борьбу крестьянство.

Когда в 1895-м году начались непрерывные массовые стачки, это было началом полосы подготовки народной революции. Когда в январе 1905 года в один месяц число стачечников перешло за 400 тысяч, это было началом самой революции. Все три года революции число стачечников, постепенно падая (почти 3 миллиона в 1905 г., 1 миллион в 1906-ом, $\frac{3}{4}$ миллиона в 1907 г.), было так высоко, как никогда еще не было ни в одной стране в мире.

Когда в 1908-ом году число стачечников резко упало сразу (174 тыс.) и еще резче в 1909-ом г. (64 тыс.), это означало конец первой революции или вернее первой полосы революции.

И вот, с лета текущего года начинается опять подъем. Число экономических стачечников в о з р а с т а е т и возрастает очень сильно. Полоса п о л н о г о господства черносотенной реакции кончилась. Начинается полоса нового подъема. Пролетариат, о т с т у п а в ш и й—хотя и с большими перерывами—с 1905 по 1909-ый год, собирается с силами и начинает переходить в н а с т у п л е н и е. Оживление в некоторых отраслях промышленности сейчас же ведет к оживлению пролетарской борьбы.

Пролетариат начал. Другие, буржуазные, демократические классы и слои населения, продолжают. Смерть умеренно-либерального, чуждого демократии, председателя 1-ой Думы, Муромцева, вызывает первое робкое начало манифестаций. Смерть Льва Толстого вызывает—впервые после долгого перерыва—у л и ч н ы е д е м о н с т р а ц и и с участием преимущественно студенчества, но отчасти также и рабочих. Прекращение работы целым рядом фабрик и заводов в день похорон Толстого показывает начало, хотя и очень скромное, демонстративных забастовок.

В самое последнее время зверства царских тюремщиков, истязавших в Вологде и Зерентуе наших товарищей каторжан, преследуемых за их геройскую борьбу в революции, подняли еще выше брожение среди студентов. Повсюду в России происходят сходки и митинги, полиция силой врывается в университеты, избивает учащихся, арестует их, преследует газеты за малейшее правдивое слово о волнениях и всем этим только усиливает волнения.

Пролетариат начал. Демократическая молодежь продолжает. Русский народ просыпается к новой борьбе, идет навстречу новой революции.

Первое же начало борьбы показало нам опять, что живы те силы, которые поколебали царскую власть в 1905 г. и которые разрушат ее в этой грядущей революции. Первое же начало борьбы показало нам опять значение м а с с о в о г о движения. Никакие преследования, никакие расправы не могут остановить движения, раз поднялись м а с с ы, раз начали шевелиться миллионы. Преследования только разжигают борьбу, втягивают в нее новые и новые ряды борцов. Никакие покушения террористов не помогут угнетенным массам, и никакие силы на земле не остановят масс, когда они поднимутся.

Теперь они начали подниматься. Этот подъем, может быть, пойдет быстро,—может быть, пойдет медленно и с перерывами, но он во всяком случае идет к революции. Русский пролетариат шел впереди всех в 1905 году. Вспоминая это славное прошлое, он должен напрячь теперь все усилия, чтобы восстановить, укрепить, развить свою организацию, свою партию, Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию. Наша партия переживает ныне трудные дни, но она непобедима, как непобедим пролетариат.

За работу же, товарищи! Беритесь везде и повсюду за постройку организаций, за создание и укрепление рабочих с.-д. партийных ячеек, за развитие экономической и политической агитации. В первой русской революции пролетариат научил народные массы бороться за свободу,—во второй революции он должен привести их к победе!

*«Рабочая Газета» № 2
от 18 (31) декабря 1910 года.*

Что делается в деревне?

В газетах ведутся споры по поводу новой книги бывшего министра земледелия, Ермолова, о «современной пожарной эпидемии в России». Либеральная печать отметила, что пожары в деревне после революции не ослабели, а усилились. Реакционные газеты подхватили крики и вопли Ермолова о «безнаказанности поджигателей», о «терроре в деревне» и т. д. Число пожаров в деревне возросло в чрезвычайных размерах; например, в Тамбовской губ. с 1904 по 1907 г.—в д в о е, в Орловской—в 2¹/₂ р а з а, в Воронежской—в 3 р а з а. «Сколько-нибудь состоятельные крестьяне,—пишет лакействующее перед правительством «Новое Время»,—же-

лают идти на хутора, пытаются заводить новую культуру, но точно в неприятельской стране они испытывают партизанскую осаду со стороны одичавшей деревенской вольницы. Их жгут и травят, травят и жгут, хоть бросай все и беги куда глаза глядят»

Неприятное признание приходится делать сторонникам царского правительства! Для нас, социал-демократов, новые данные не безынтересны, как лишнее подтверждение лжи правительства и жалкого бессилия либеральной политики.

Революция 1905 г. вполне показала, что старые порядки в русской деревне осуждены историей бесповоротно. Никакая сила в мире не сможет укрепить эти порядки. Как переделать их? Крестьянские массы ответили на это своими восстаниями 1905 года, ответили через своих депутатов I-ой и II-ой Думы. Помещичьи земли должны быть отобраны у помещиков безвозмездно. Когда 30.000 помещиков (с Николаем Романовым во главе) имеют 70 миллионов десятин земли, а 10 миллионов крестьянских дворов почти такое же количество, ничего иного кроме кабалы, безысходной нищеты, разорения и застоя во всем народном хозяйстве получиться не может. И Социал-Демократическая Рабочая Партия звала крестьян на революционную борьбу. Рабочие всей России своими массовыми стачками 1905 года объединяли и направляли крестьянскую борьбу. План либералов «помирить» крестьян с помещиками на «выкупе по справедливой оценке» был пустой, жалкой, предательской уверткой.

Как хочет переделать старые деревенские порядки столыпинское правительство? Оно хочет ускорить полное разорение крестьян, сохранить помещичьи земли, помочь ничтожной кучке богатых крестьян «выйти на хутора», оттягать как можно больше общинной земли. Правительство поняло, что вся масса крестьян против него, и оно старается найти себе союзников из крестьянских богатеев.

Чтобы осуществить правительственную «реформу», нужны «20 лет покоя», сказал однажды сам Столыпин. «Покоем» он называет покорность крестьян, отсутствие борьбы против насилия. А без насилия земских начальников и прочих властей, без насилия на каждом шагу, без насилия над десятками миллионов, без подавления малейших проявлений их самостоятельности, Столыпинская «реформа» проводиться не может. «Покоя» не только на 20 лет, но и на три года Столыпин не создал и создать не может:

вот та неприятная истина, которую напомнила царским слугам книга бывшего министра о деревенских пожарах.

У крестьян нет и быть не может иного выхода из того положения отчаянной нужды, нищеты, голодной смерти, в которое их ставит правительство, как массовая борьба вместе с пролетариатом за свержение царской власти. Подготовка сил пролетариата для такой борьбы, создание, развитие, укрепление пролетарских организаций—вот в чем очередная задача Р. С.-Д. Р. П.

*«Рабочая Газета» № 2
от 18 (31) декабря 1910 г.*

Иван Васильевич Бабушкин.

(Н е к р о л о г.)

Мы живем в проклятых условиях, когда возможна такая вещь: крупный партийный работник, гордость партии, товарищ, всю свою жизнь беззаветно отдавший рабочему делу,—пропадает без вести. И самые близкие люди, как жена и мать, самые близкие товарищи годами не знают, что случилось с ним: мается ли он где на ка-торге, погиб ли в какой тюрьме или умер геройской смертью в схватке с врагом. Так было с Иваном Васильевичем, расстрелянным Ренненкампом. Узнали мы об его смерти лишь совсем недавно.

Имя Ивана Васильевича близко и дорого не одному социал-демократу. Все, знавшие его, любили и уважали его за его энергию, отсутствие фразы, глубокую выдержанную революционность и горячую преданность делу. Петербургский рабочий, он в 1895 г., с группой других сознательных товарищей, энергично ведет работу за Невской Заставой среди рабочих Семянниковского, Александровского, Стеклянного заводов, образует кружки, устраивает библиотеки и сам все время страстно учится.

Все мысли его направлены на то, как бы расширить работу. Он принимает деятельное участие в составлении п е р в о г о а г и т а ц и о н н о г о л и с т к а, выпущенного в С.-Петербурге осенью 1894 года, листка к Семянниковским рабочим, и самолично распространяет его. Когда в Петербурге образовывается «Союз борьбы за

освобождение рабочего класса», Иван Васильевич становится одним из активнейших его членов и работает в нем вплоть до своего ареста. Идея создания за границей политической газеты, которая послужила бы делу объединения и укрепления с.-д. партии, обсуждалась вместе с ним его старыми товарищами по петербургской работе—основателями «Искры», и встретила с его стороны самую горячую поддержку. Пока Иван Васильевич остается на воле, «Искра» не терпит недостатка в чисто-рабочих корреспонденциях. Просмотрите первые 20 номеров «Искры», все эти корреспонденции из Шуи, Иваново-Вознесенска, Орехово-Зуева и др. мест центра России: почти все они проходили через руки Ивана Васильевича, старавшегося установить самую тесную связь между «Искрой» и рабочими. Иван Васильевич был самым усердным корреспондентом «Искры» и горячим ее сторонником. Из центрального района Бабушкин перебирается на юг, в Екатеринослав, где его арестуют и сажают в тюрьму в Александровске. Из Александровска он бежит вместе с другим товарищем, перепилив решотку окна. Не зная ни одного иностранного языка, он пробирается в Лондон, где тогда была редакция «Искры». Много переговорено было там, много вопросов обсуждено совместно. Но Ивану Васильевичу не привелось быть на втором съезде партии... тюрьма и ссылка выбили его надолго из строя. Поднимавшаяся революционная волна выдвигала новых работников, новых партийных деятелей, а Бабушкин жил в это время на далеком севере, в Верхотенске, оторванный от партийной жизни. Времени он даром не терял, учился, готовился к борьбе, занимался с рабочими, товарищами по ссылке, старался сделать их сознательными социал-демократами и большевиками. В 1905 г. подоспела амнистия, и Бабушкин двинулся в Россию. Но и в Сибири в это время кипела борьба, и там нужны были такие люди, как Бабушкин. Он вступил в Иркутский Комитет и с головой ринулся в работу. Приходилось выступать на собраниях, вести социал-демократическую агитацию и организовывать восстание. В то время, как Бабушкин с пятью другими товарищами—имена их не дошли до нас—вез в Читу большой транспорт оружия в отдельном вагоне, поезд был настигнут карательной экспедицией Ренненкампа, и все шестеро безо всякого суда были немедленно же расстреляны на краю вырытой на скорую руку общей могилы. Умерли они, как герои. Об их смерти рассказывали солдаты-очевидцы и железнодорожники, бывшие на этом же поезде. Бабушкин пал жертвою зверской расправы царского оп-

ричника, но, умирая, он знал, что дело, которому он отдал всю свою жизнь, не умрет, что его будут делать десятки, сотни тысяч, миллионы других рук; что за это дело будут умирать другие товарищи — рабочие, что они будут бороться до тех пор, пока не победят...

* * *

Есть люди, которые сочинили и распространяют басню о том, что Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия есть партия «интеллигентская», что рабочие от нее оторваны, что рабочие в России — социал-демократы без социал-демократии, что так было в особенности до революции и в значительной мере во время революции. Либералы распространяют эту ложь из ненависти к той революционной борьбе масс, которой руководила в 1905 г. Р. С.-Д. Р. П., а из социалистов перенимает эту лживую теорию кое-кто по неразумию или легкомыслию. Биография Ивана Васильевича Бабушкина, десятилетняя социал-демократическая работа этого рабочего-и-скр о в ц а служит наглядным опровержением либеральной лжи. И. В. Бабушкин — один из тех рабочих-передовиков, которые за 10 л е т до революции начали создавать р а б о ч у ю социал-демократическую партию. Без неустанной героически-упорной работы т а к и х передовиков в пролетарских массах, Р. С.-Д. Р. П. не просуществовала бы не только десяти лет, но и десяти месяцев. Только благодаря деятельности т а к и х передовиков, только благодаря их поддержке Р. С.-Д. Р. П. выросла к 1905 г. в партию, которая н е р а з р ы в н о с л и л а с ь с пролетариатом в великие октябрьские и декабрьские дни, которая сохранила эту связь в лице рабочих депутатов не только II, но III, черносотенной, Думы.

Либералы (кадеты) хотят превратить в народного героя недавно умершего председателя I-ой Думы, С. А. Муромцева. Мы, социал-демократы, не должны пропускать случая, чтобы выразить презрение и ненависть царскому правительству, которое преследовало даже таких умеренных и безобидных чиновников, как Муромцев. Муромцев был только либеральным чиновником. Он не был даже демократом. Он боялся революционной борьбы масс. Он ждал свободы для России не от такой борьбы, а от доброй воли царского самодержавия, от с о г л а ш е н и я с этим злейшим и беспощадным врагом русского народа. В таких людях смешно видеть народных героев русской революции.

А такие народные герои есть. Это—люди, подобные Бабушкину. Это—люди, которые не год и не два, а целые 10 лет перед революцией посвятили себя целиком борьбе за освобождение рабочего класса. Это—люди, которые не растратили себя на бесполезные террористические предприятия одиночек, а действовали упорно, неуклонно среди пролетарских масс, помогая развитию их сознания, их организации, их революционной самостоятельности. Это—люди, которые встали во главе вооруженной массовой борьбы против царского самодержавия, когда кризис наступил, когда революция разразилась, когда миллионы и миллионы пришли в движение. Все, что отвоевано было у царского самодержавия, отвоевано и с к л ю ч и т е л ь н о борьбой масс, руководимых такими людьми, как Бабушкин.

Без таких людей русский народ остался бы навсегда народом рабов, народом холопов. С такими людьми русский народ завоюет себе полное освобождение от всякой эксплуатации.

Прошла уж пятая годовщина декабрьского восстания 1905 года. Будем чествовать эту годовщину, вспоминая рабочих-переводчиков, которые пали в борьбе с врагом. Мы обращаемся с просьбой к товарищам-рабочим собирать и присылать нам воспоминания о тогдашней борьбе и дополнительные сведения о Бабушкине, а также о других социал-демократических рабочих, павших в восстании 1905 г. Мы намерены издать брошюру с жизнеописанием таких рабочих. Такая брошюра будет лучшим ответом всяким маловерам и умалителям Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Такая брошюра будет лучшим чтением для молодых рабочих, которые будут учиться по ней, как надо жить и действовать всякому сознательному рабочему.

*«Рабочая Газета» № 2
от 18 (31) декабря 1910 года.*

Разногласия в европейском рабочем движении.

I.

Основные тактические разногласия в современном рабочем движении Европы и Америки сводятся к борьбе с двумя крупными направлениями, отступающими от марксизма, который фактически стал господствующей теорией в этом движении. Эти два направления—ревизионизм (оппортунизм, реформизм) и анархизм.

(анархо-синдикализм, анархо-социализм). Оба эти отступления от господствующей в рабочем движении марксистской теории и марксистской тактики наблюдаются в различных формах и с различными оттенками во всех цивилизованных странах на протяжении более чем полувековой истории массового рабочего движения.

Уже из одного этого факта явствует, что нельзя объяснить этих отступлений ни случайностями, ни ошибками отдельных лиц или групп, ни даже влиянием национальных особенностей, или традиций и т. п. Должны быть коренные причины, лежащие в экономическом строе и в характере развития всех капиталистических стран и постоянно порождающие эти отступления. Вышедшая в прошлом году небольшая книжка голландского марксиста Антона Паннекука: «Тактические разногласия в рабочем движении» (Anton Pannekoek: «Die taktischen Differenzen in der Arbeiterbewegung». Hamburg, Erdmann Dubber 1909) представляет из себя интересную попытку научного исследования этих причин. В дальнейшем изложении мы познакомим читателя с выводами Паннекука, которые нельзя не признать вполне правильными.

Одной из наименее глубоких причин, порождающих периодически разногласия насчет тактики, является самый факт роста рабочего движения. Если не мерить этого движения по мерке какого нибудь фантастического идеала, а рассматривать его как практическое движение обыкновенных людей, то станет ясным, что привлечение новых и новых «рекрутов», втягивание новых слоев трудящейся массы неизбежно должны сопровождаться шатаниями в области теории и тактики, повторениями старых ошибок, временным возвратом к устарелым взглядам и к устарелым приемам и т. д. На «обучение» рекрутов рабочее движение каждой страны тратит периодически большие или меньшие запасы энергии, внимания, времени.

Далее. Быстрота развития капитализма неодинакова в разных странах и в разных областях народного хозяйства. Марксизм всего легче, всего быстрее, полнее и прочнее усваивается рабочим классом и его идеологами в условиях наибольшего развития крупной промышленности. Отсталые или отстающие в своем развитии экономические отношения постоянно ведут к появлению таких сторонников рабочего движения, которые усваивают себе лишь некоторые стороны марксизма, лишь отдельные части нового мирозерцания или отдельные лозунги, требования, не будучи в со-

стоянии решительно порвать со всеми традициями буржуазного мирозерцания вообще и буржуазно-демократического мирозерцания в частности.

Затем, постоянным источником разногласий является диалектический характер общественного развития, идущего в противоречиях и путем противоречий. Капитализм прогрессивен, ибо уничтожает старые способы производства и развивает производительные силы, и в то же время, на известной ступени развития, он задерживает рост производительных сил. Он развивает, организует, дисциплинирует рабочих,—и он давит, угнетает, ведет к вырождению, нищете и т. д. Капитализм сам создает своего могильщика, сам творит элементы нового строя, и в то же время, без «скачка», эти отдельные элементы ничего не изменяют в общем положении вещей, не затрагивают господства капитала. Эти противоречия живой жизни, живой истории капитализма и рабочего движения умеет охватить марксизм, как теория диалектического материализма. Но понятно само собою, что массы учатся из жизни, а не из книжки, и поэтому отдельные лица или группы постоянно преувеличивают, возводят в одностороннюю теорию, в одностороннюю систему тактики то одну, то другую черту капиталистического развития, то один, то другой «урок» этого развития.

Буржуазные идеологи, либералы и демократы, не понимая марксизма, не понимая современного рабочего движения, постоянно перескакивают от одной беспомощной крайности к другой. То они объясняют все дело тем, что злые люди «натравливают» класс на класс,—то утешают себя тем, что рабочая партия есть «мирная партия реформ». Прямым продуктом этого буржуазного мирозерцания и его влияния надо считать и анархо-синдикализм и реформизм, хватающиеся за одну сторону рабочего движения, возводящие односторонность в теорию, объявляющие взаимоисключающими такие тенденции или такие черты этого движения, которые составляют специфическую особенность того или иного периода, тех или иных условий деятельности рабочего класса. А действительная жизнь, действительная история в к л ю ч а е т в себя эти различные тенденции, подобно тому, как жизнь и развитие в природе включают в себя и медленную эволюцию и быстрые скачки, перерывы постепенности.

Ревизионисты считают фразами все рассуждения о «скачках» и о принципиальной противоположности рабочего движения всему старому обществу. Они принимают реформы за частичное осу-

ществование социализма. Анархо-синдикалист отвергает «мелкую работу», особенно использование парламентской трибуны. На деле эта последняя тактика сводится к поджиданию «великих дней» при неумении собирать силы, создающие великие события. И те и другие тормозят самое важное, самое насущное дело: сплочение рабочих в крупные, сильные, хорошо функционирующие, умеющие при всяких условиях хорошо функционировать, организации, проникнутые духом классовой борьбы, ясно сознающие свои цели, воспитываемые в действительно марксистском мирозерцании. Здесь мы позволим себе маленькое отступление и заметим в скобках, во избежание возможных недоразумений, что Паннекук иллюстрирует свой анализ и с к л ю ч и т е л ь н о примерами из западно-европейской истории, особенно Германии и Франции, совершенно не имея в виду России. Если иногда кажется, что он намекает на Россию, то это зависит лишь от того, что основные тенденции, порождающие определенные отступления от марксистской тактики, проявляются и у нас, несмотря на громадные культурные, бытовые и историко-экономические отличия России от Запада.

Наконец, чрезвычайно важной причиной, порождающей разногласия среди участников рабочего движения, являются изменения в тактике правящих классов вообще, буржуазии в особенности. Будь тактика буржуазии всегда однообразна или хотя бы всегда однородна,—рабочий класс быстро научился бы отвечать на нее столь же однообразной или однородной тактикой. На деле буржуазия во всех странах неизбежно вырабатывает две системы управления, два метода борьбы за свои интересы и отстаивание своего господства, при чем эти два метода то сменяют друг друга, то переплетаются вместе в различных сочетаниях. Это, во-первых, метод насилия, метод отказа от всяких уступок рабочему движению, метод поддержки всех старых и отживших учреждений, метод непримиримого отрицания реформ. Такова сущность консервативной политики, которая все больше перестает быть в Западной Европе политикой землевладельческих классов, все больше становится одной из разновидностей общеполитической политики. Второй метод—метод «либерализма», шагов в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок и т. д.

Буржуазия переходит от одного метода к другому не по злостному расчету отдельных лиц и не по случайности, а в силу коренной противоречивости ее собственного положения. Нормальное

капиталистическое общество не может успешно развиваться без упроченного представительского строя, без известных политических прав населения, которое не может не отличаться сравнительно высокой требовательностью в «культурном» отношении. Эту требовательность по части известного минимума культурности порождают условия самого капиталистического способа производства с его высокой техникой, сложностью, гибкостью, подвижностью, быстротой развития всемирной конкуренции и т. д. Колебания в тактике буржуазии, переходы от системы насилия к системе якобы уступок свойственны, вследствие этого, истории всех европейских стран за последние полвека, при чем разные страны преимущественно развивают применение того или иного метода в течение определенных периодов. Например, Англия в 60-х, 70-х годах XIX века была классической страной «либеральной» буржуазной политики, Германия 70-х и 80-х годов держалась метода насилия и т. п.

Когда в Германии царил этот метод, односторонним отзвуком этой одной из систем буржуазного управления был рост анархо-синдикализма, или, по-тогдашнему, анархизма в рабочем движении («молодые» в начале 90-х годов, Иоганн Мост в начале 80-х). Когда в 1890 году наступил поворот к «уступкам», этот поворот, как и всегда, оказался еще более опасным для рабочего движения, порождая столь же односторонний отзвук буржуазного «реформаторства»: оппортунизм в рабочем движении. «Позитивная, реальная цель либеральной политики буржуазии,—говорит Паннекук,—есть введение в заблуждение рабочих, внесение раскола в их среду, превращение их политики в бессильный придаток бессильного, всегда бессильного и эфемерного, якобы, реформаторства.

Нередко буржуазия на известное время достигает своей цели посредством «либеральной» политики, которая представляет из себя, по справедливому замечанию Паннекука, «более хитрую» политику. Часть рабочих, часть их представителей подчас дает себя обмануть кажущимися уступками. Ревизионисты провозглашают «устарелым» учение о классовой борьбе или начинают вести политику, на деле осуществляющую отречение от нее. Зигзаги буржуазной тактики вызывают усиление ревизионизма в рабочем движении и нередко доводят разногласия внутри него до прямого раскола.

Все причины указанного рода вызывают разногласия относительно тактики внутри рабочего движения, внутри пролетарской

среды. Но китайской стены между пролетариатом и соприкасающимися с ним слоями мелкой буржуазии, в том числе и крестьянства, нет и быть не может. Понятно, что переходы отдельных лиц, групп и слоев от мелкой буржуазии к пролетариату не могут не порождать, с своей стороны, колебаний в тактике этого последнего.

Опыт рабочего движения различных стран помогает уяснить на конкретных вопросах практики сущность марксистской тактики, помогает более молодым странам яснее различать истинное классовое значение отступлений от марксизма и успешнее бороться с этими отступлениями.

«Звезда» № 1

от 16 декабря 1910 г.

За подписью В. Ильин.

О некоторых особенностях исторического развития марксизма.

Наше учение,—говорил Энгельс про себя и про своего знаменитого друга,—не догма, а руководство для действия. В этом классическом положении с замечательной силой и выразительностью подчеркнута та сторона марксизма, которая сплошь да рядом упускается из виду. А упуская ее из виду, мы делаем марксизм односторонним, уродливым, мертвым, мы вынимаем из него его душу живую, мы подрываем его коренные теоретические основания—диалектику, учение о всестороннем и полном противоречий историческом развитии; мы подрываем его связь с определенными практическими задачами эпохи, которые могут меняться при каждом новом повороте истории.

И, именно, в наше время среди тех, кого интересуют судьбы марксизма в России, особенно часто встречаются люди, которые упускают из виду как раз эту его сторону. А, между тем, всякому ясно, что в последние годы Россия пережила такие крутые перемены, которые с необычайной быстротой и необычайно резко меняли обстановку, социально-политическую обстановку, определяющую ближайшим и непосредственным образом условия действия, а следовательно, и задачи действия. Я говорю, конечно, не об общих и основных задачах, которые не меняются при поворотах истории, раз не меняется основное соотношение между классами. Совершенно очевидно, что это общее направление экономической

(и не только экономической) эволюции России, равно как и основное соотношение между различными классами русского общества не изменилось за последние, скажем, шесть лет.

Но задачи ближайшего и непосредственного действия изменялись за это время очень редко, как изменялась конкретная социально-политическая обстановка, — а следовательно, и в марксизме, как живой доктрине, не могли не выдвигаться на первый план различные стороны его.

Чтобы пояснить эту мысль, взглянем на то, каково было изменение конкретной социально-политической обстановки за последнее шестилетие. Перед нами сразу выделяются два трехлетия, на которые распадается этот период: одно, заканчивающееся, примерно, летом 1907-го года, другое — летом 1910-го года. Первое трехлетие характеризуется, с чисто теоретической точки зрения, быстрыми изменениями основных черт государственного строя России, при чем ход этих изменений был очень неровен, амплитуда колебаний в обе стороны очень велика. Социально-экономической базой этих изменений «надстройки» было столь открытое, внушительное, массовидное выступление всех классов русского общества на самых различных поприщах (думская, внедумская деятельность, печать, союзы, собрания и т. д.), какое не часто наблюдается в истории.

Наоборот, второе трехлетие характеризуется — повторяем, что мы ограничиваемся на этот раз чисто теоретической «социологической» точкой зрения — такой медленной эволюцией, которая почти равняется застою. Никаких, сколько-нибудь заметных, изменений в государственном строе. Никаких или почти никаких открытых и разносторонних выступлений классов на большинстве тех «арен», на которых развертывались эти выступления в предыдущий период.

Сходство обоих периодов состоит в том, что эволюция России оставалась в течение и того и другого — прежней, капиталистической эволюцией. Противоречие такой экономической эволюции с существованием целого ряда феодальных, средневековых учреждений, не устранялось, оставалось тоже прежним, будучи не сглаживаемо, а скорее обостряемо проникновением некоторого частичного буржуазного содержания в те или иные отдельные учреждения.

Различие того и другого периода состоит в том, что во время первого периода на авансцене исторического действия стоял

вопрос о том, как именно сложится результат вышеуказанных быстрых и неровных изменений. Содержание этих изменений не могло не быть буржуазным, в силу капиталистического характера эволюции России, но есть буржуазия и буржуазия. Средняя и крупная буржуазия, стоящая на позиции более или менее умеренного либерализма, по самому своему классовому положению, боялась изменений резких и добивалась сохранения значительных остатков старых учреждений и в аграрном строе и в политической «надстройке». Деревенская мелкая буржуазия, переплетаясь с живущим «трудом рук своих» крестьянством, не могла не стремиться к и н о г о р о д а буржуазным преобразованиям, оставляющим гораздо менее места всяческой средневековой старине. Наемные рабочие, поскольку они сознательно относились к происходящему вокруг них, не могли не выработать себе определенную отношения к этому столкновению двух различных тенденций, которые обе остались в рамках буржуазного строя, но определяли совершенно различные формы его, совершенно различную быстроту его развития, различную ширину захвата его прогрессивных влияний.

Таким образом эпоха миновавшего трехлетия не случайно, а необходимо выдвинула на первый план в марксизме те вопросы, которые принято называть вопросами тактики. Нет ничего ошибочнее того мнения, будто споры и расхождения из-за этих вопросов были «интеллигентскими» спорами, были «борьбой за влияние на незрелый пролетариат», выражали «приспособление интеллигенции к пролетариату», как думают всяких родов веховцы. Напротив, именно потому, что данный класс достиг зрелости, он не мог остаться равнодушным к столкновению двух различных тенденций всего буржуазного развития России, и идеологи этого класса не могли не дать теоретических формулировок, соответствующих (непосредственно или косвенно, в прямом или обратном отражении) этим различным тенденциям.

Во второе трехлетие столкновение различных тенденций буржуазного развития России н е стояло на очереди дня, ибо о б е эти тенденции были придавлены «зубром», отодвинуты назад, загнаны внутрь, заглушены на некоторое время. Средневековые зубры не только заполнили авансцену, но и наполнили сердца самых широких слоев буржуазного общества настроением веховским, духом уныния, отреченства. Не столкновение двух способов преобразования старого, а потеря веры в какое бы то ни было

преобразование, дух «смирения», и «покаяния», увлечение анти-общественными учениями, мода на мистицизм и т. п.,—вот что оказалось на поверхности.

И это поразительно резкая смена не была ни случайностью, ни результатом одного только «внешнего» давления. Предыдущая эпоха так глубоко всколыхнула слои населения, в течение поколений, в течение веков, стоявшие в стороне от политических вопросов, чуждые им, что «переоценка всех ценностей», новая работа над основными проблемами, новый интерес к теории, к азбуке, к учению с азов возник естественно и неизбежно. Миллионы, сразу разбуженные от долгого сна, сразу поставленные перед важнейшими проблемами, не могли удержаться долго на этой высоте, не могли обойтись без перерыва, без возврата к элементарным вопросам, без новой подготовки, которая бы помогла «переварить» невиданно богатые уроки и дать возможность массе несравненно более широкой пойти опять вперед, уже гораздо более твердо, более сознательно, более уверенно, более выдержанно.

Диалектика исторического развития оказалась такова, что в первый период на очереди дня стояло осуществление непосредственных признаний во всех областях жизни страны, а во второй—переработка опыта, усвоение его более широкими слоями, проникновение его, если можно так выразиться, в подпочву, в отсталые ряды разных классов.

Именно потому, что марксизм не мертвая догма, не какое-либо законченное, готовое, неизменное учение, а живое руководство к действию, именно поэтому он не мог не отразить на себе поразительно резкой смены условий общественной жизни. Отражением смены явился глубокий распад, разброд, всякого рода шатания, одним словом,—серьезнейший в н у т р е н н и й кризис марксизма. Решительный отпор этому распаду, решительная и упорная борьба за о с н о в ы марксизма встала опять на очередь дня. Чрезвычайно широкие слои тех классов, которые не могут миновать марксизма при формулировке своих задач, усвоили себе марксизм в предыдущую эпоху крайне односторонне, уродливо, затвердив те или иные «лозунги», те или иные ответы на тактические вопросы и н е п о н я в марксистских критериев этих ответов. «Переоценка всех ценностей» в различных областях общественной жизни повела к «ревизии» наиболее абстрактных и общих, философских основ марксизма. Влияние буржуазной философии в ее

разнообразных идеалистических оттенках сказалось в махистском поветрии среди марксистов. Повторение заученных, но непонятых, непродуманных «лозунгов» повело к широкому распространению пустой фразы, на деле сводившейся к совершенно немарксистским, мелко-буржуазным течениям, вроде откровенного или стыдливового «отзовизма» или признания отзовизма «законным оттенком» марксизма.

С другой стороны, дух веховщины, дух отреченства, охвативший самые широкие слои буржуазии, проник и в то течение, которое стремится уложить марксистскую теорию и практику в русло «умеренности и аккуратности». Марксистской здесь осталась уже одна только фразеология, облекающая насквозь пронизанные либеральным духом рассуждения о «иерархии» и «гегемонии» и т. п.

В задачу настоящей статьи не может входить, конечно, рассмотрение этих рассуждений. Достаточно указать на них, чтобы иллюстрировать сказанное выше о глубине переживаемого марксизмом кризиса, о связи его со всей общественно-экономической обстановкой переживаемого периода. От вопросов, поднятых этим кризисом, нельзя отмахнуться. Нет ничего вреднее, беспринципнее, как попытки отделаться от них посредством фразы. Нет ничего важнее, как сплочение всех марксистов, сознавших глубину кризиса и необходимость борьбы с ним, для отстаивания теоретических основ марксизма и коренных положений его, искажаемых с самых противоположных сторон, путем распространения буржуазного влияния на разных «попутчиков» марксизма.

Предыдущее трехлетие подняло к сознательному участию в общественной жизни такие широкие слои, которые нередко теперь впервые начинают знакомиться настоящим образом с марксизмом. Буржуазная пресса создает на этот счет гораздо более заблуждений, чем прежде, и распространяет их шире. Распад среди марксизма особенно опасен при таких условиях. Поэтому понять причины неизбежности этого распада в переживаемое время и сплотиться для последовательной борьбы с ним является, в самом прямом и точном смысле слова, задачей эпохи для марксистов.

«Звезда» № 2

от 23 декабря 1910 г.

За подписью В. Ильин.

Герои «оговорочки».

Только что полученная нами десятая книжка журнала г. Потресова и К-о, «Нашей Зари», дает такие поразительные образчики-беззаботности, а вернее: беспринципности в оценке Льва Толстого, на которых необходимо немедленно, хотя бы и вкратце остановиться.

Вот статья нового ратника Потресовской рати, В. Базарова ²²). Редакция несогласна с «отдельными положениями» этой статьи, не указывая, конечно, каковы эти положения. Так ведь много удобнее для прикрытия путаницы! Что касается до нас, то мы затрудняемся указать такие положения этой статьи, которыми мог бы не возмутиться человек, хоть капельку дорожающий марксизмом. «Наша интеллигенция,—пишет В. Базаров,—разбитая и раскисшая, обратившаяся в какую-то бесформенную умственную и нравственную слякоть, достигшая последней грани духовного разложения, единодушно признала Толстого—в с е г о Толстого—своей совестью». Это—неправда. Это—фраза. Наша интеллигенция вообще, и интеллигенция «Нашей Зари» в частности, очень похожа на «раскисшую», но никакого «единодушия» в оценке Толстого она не проявила и не могла проявить, никогда в с е г о Толстого правильно не оценивала и не могла оценить. И именно отсутствие единодушия прикрывается сугубо лицемерной, вполне достойной «Н о в о г о В р е м е н и», фразой о «совести». Базаров не борется со «слякотью», а поощряет «слякоть».

Базарову хочется напомнить о некоторых несправедливостях (!!) по отношению к Толстому, в которых повинны русские интеллигенты вообще, а мы, «радикалы разных толков, в особенности». Тут правды только то, что Базаров, Потресов и К-о суть именно «радикалы разных толков», настолько зависимые от всеобщей «слякоти», что во время самого непростительного замалчивания коренных непоследовательностей и слабостей миросозерцания Толстого они петушком, петушком бегут за «всеми», крича о «несправедливости» к Толстому. Они не хотят «опьянять» себя тем особенно распространенным среди нас наркотиком, который Толстой называет «озлоблением спора»,—это как раз такие речи, такие напевы, которые требуются обывателями, с бесконечным презрением отворачивающимися от спора из-за каких бы то ни было целиком и последовательно отстаиваемых принципов.

«Главная сила Толстого в том и состоит, что он, пройдя через все ступени типичного для современных образованных людей разложения, сумел найти синтез...» Неправда. Именно синтеза ни в философских основах своего мирозерцания, ни в своем общественно-политическом учении Толстой не сумел, вернее: не мог найти. «Толстой впервые (!) объективировал, т.-е. создал не только для себя, но и других, ту чисто человеческую (курсив везде самого Базарова) религию, о которой Конт, Фейербах²³ и другие представители современной культуры могли только субъективно (!) мечтать» и т. д., и т. д.

Этакие речи хуже, чем обычная обывательщина. Это—принаряживание «слякоти» фальшивыми цветами, способное только ввести в обман людей. Более полувека тому назад Фейербах, не умея «найти синтеза» в своем мирозерцании, представлявшем во многих отношениях «последнее слово» немецкой классической философии, запутался в тех «субъективных мечтах», отрицательное значение которых давно уже было оценено действительно передовыми «представителями современной культуры». Объявить теперь, что Толстой «впервые объективировал» эти «субъективные мечтания», значит уходить в лагерь поворачивающих вспять, значит льстить обывательщине, значит подпевать веховщине.

«Само собою разумеется, основанное Толстым движение (!?) должно претерпеть глубокие перемены, если ему действительно суждено сыграть великую всемирно-историческую роль: идеализация патриархально-крестьянского быта, тяготение к натуральному хозяйству и многие другие утопические черты толстовства, которые в настоящее время выпячиваются (!) на первый план и кажутся самым существенным, в действительности являются как раз субъективными элементами, не связанными необходимой связью с основой Толстовской «религии».

Итак, «субъективные мечты» Фейербаха Толстой «объективировал», а то, что Толстой отразил и в своих гениальных художественных произведениях и в своем полном противоречий учении, отмеченные Базаровым экономические особенности России прошлого века, это «как раз субъективные элементы» в его учении. Вот что называется попасть пальцем в небо. Но и то сказать: для «интеллигенции, разбитой и раскисшей» (и т. д., как выше цитировано), нет ничего приятнее, желательнее, милее, нет ничего более потворствующего ее раскислости, чем это возвеличение «объективированных» Толстым «субъективных мечтаний» Фейербаха и это

о т в л е ч е н и е внимания от тех конкретных историко-экономических и политических вопросов, которые «в настоящее время выпячиваются на первый план»!

Понятно, что Базарову особенно не нравится «резкая критика», которую вызвало учение о непротавлении злу «со стороны радикальной интеллигенции». Для Базарова «ясно, что о пассивности и квиетизме тут говорить не приходится». Поясняя свою мысль, Базаров ссылается на известную сказку об «Иване Дураке» и предлагает читателю «представить себе, что солдат посылает на дураков не тараканский царь, а их собственный поумневший повелитель Иван, что при помощи этих солдат, набранных из самих же дураков и, следовательно, близких к ним по всему своему душевному складу, Иван хочет припудить своих подданных к выполнению каких-либо несправедливых требований. Совершенно очевидно, что дуракам, почти безоружным и не знакомым с ратным строем, нечего и мечтать о физической победе над войсками Ивана. Даже при условии самого энергичного «сопротивления с насилием» дураки могут победить Ивана не физическим, а только моральным воздействием, т.-е. только путем так называемой деморализации солдат Иванова войска»... «Сопротивление дураков с насилием достигает того же результата (но только хуже и с большими жертвами), как и сопротивление без насилия»... «Непротавление злу насилием или, общее, гармония средства и цели (!!) отнюдь не является идеей, свойственной только внеобщественным моральным проповедникам. Идея эта есть необходимая составная часть всякого цельного мирозерцания.

Так рассуждает новый ратник Потресовской рати. Разбираться его рассуждения мы здесь не можем, да пожалуй достаточно на первый раз просто воспроизвести из них главное и добавить три слова: это—чистейшая веховщина.

Из заключительных аккордов кантаты на тему о том, что уши выше лба не растут: «Незачем изображать нашу слабость в виде силы, в виде превосходства над «квиетизмом» и «ограниченной рассудочностью» (а над непоследовательностью рассуждений?) Толстого. Этого не следует говорить не только потому, что это противоречит истине, но и потому также, что это мешает нам учиться у величайшего человека нашего времени.

Так. Так. Не к чему только сердиться, господа, и отвечать смешной бравадой и бранью (как г. Потресов в №№ 8—9 «Нашей Зари»), если вас благословляют, одобряют и лобызуют Изгоевы.

От этих лобызаний и старым и новым ратникам Потресовской рати не очиститься.

Генеральный штаб этой рати снабдил «дипломатической» оговорочкой статью Базарова. Но немногим лучше помещенная без всяких оговорок передовица г. Неведомского ²⁴). «Вобрав в себя,—пишет сей вития современной интеллигенции,—и воплотив в законченном виде основные аспирации и стремления великой эпохи падения рабства в России, Лев Толстой оказался и чистейшим, законченнейшим воплощением общечеловеческого идеологического начала—**н а ч а л а с о в е с т и**».

Бум, бум, бум... Вобрав в себя и воплотив в законченном виде основные манеры декламации, свойственные либерально-буржуазной публицистике, М. Неведомский оказался и чистейшим законченнейшим, воплощением общечеловеческого идеологического начала—**начала празднословия**.

Еще одно, последнее сказанье:

«Все эти европейские поклонники Толстого, все эти Анатоли Франсы разных наименований, и палаты депутатов, недавно голосовавшие огромным большинством против отмены смертной казни, а теперь почтившие вставанием великого **ц е л ь н о г о** человека, все это царство промежуточности, половинчатости, оговорочности—какой величавой, какой мощной, вылитой из единого чистого металла, фигурой стоит перед нами этот Толстой, это живое воплощение единого принципа».

Уф! Говорит красно—и все ведь это неправда. Не из единого, не из чистого и не из металла отлита фигура Толстого. И «все эти» буржуазные поклонники как раз **не** за «цельность», как раз за отступление от цельности «почтили вставанием» его память.

Одно только хорошее словечко нечаянно сболтнул г. Неведомский. Это словечко—оговорочность—так же хорошо аттестует господ из «Нашей Зари», как аттестует их вышеприведенная характеристика интеллигенции у В. Базарова. Перед нами сплошь и целиком—герои «оговорочки». Потресов оговаривается, что несогласен с махистами, хотя и защищает их. Редакция оговаривается, что несогласна с «отдельными положениями» Базарова, хотя всякому ясно, что дело тут не в отдельных положениях. Потресов оговаривается, что его оклеветал Изгоев. Мартов оговаривается, что он не вполне согласен с Потресовым и Левицким, хотя именно им он служит верную политическую службу. Все они

вместе оговариваются, что несогласны с Череваниным, хотя больше одобряют его в т о р у ю ликвидаторскую книжку, усугубляющую «дух» первого его детища. Череванин оговаривается, что несогласен с Масловым. Маслов оговаривается, что несогласен с Каутским.

Все они вместе согласны только в том, что они не согласны с Плехановым и что он клеветнически обвиняет их в ликвидаторстве, сам будто бы не будучи в состоянии объяснить своего теперешнего сближения с его вчерашними противниками.

Нет ничего проще, чем объяснение этого сближения, непонятного для людей оговорочных. Когда у нас был локомотив, мы расходились самым сильным образом относительно того, соответствует ли крепости сего локомотива, запасам топлива и т. д. быстрота, скажем, в 25 или в 50 верст в час. Спор об этом, как о всяком горячо волнующем вопросе, велся со страстью и нередко с озлоблением. Спор этот—решительно по каждому вопросу, по которому он возникал—у всех на виду, всем открыт, договорен до конца, не замазан никакими «оговорочками». И никому из нас не приходит в голову брать что-либо назад или хныкать по поводу «озлобления спора». Но когда локомотиву случилось потерпеть поломку, когда он лежит в болоте, окруженный «оговорочными» интеллигентами, полло хихикающими по поводу того, что «и ликвидировать нечего», ибо локомотива уже нет, тогда нас, вчерашних «озлобленных спорщиков», сближает орно общее дело. Ни от чего не отрекаясь, ничего не забывая, никаких обещаний об исчезновении разногласий не делая, мы общее дело делаем вместе. Мы все внимание и все усилия направляем на то, чтобы локомотив поднять, чтобы его обновить, укрепить, усилить, поставить на рельсы,—о скорости движения и о повороте тех или иных стрелок успеем поспорить в свое время. Задача дня в наше трудное время—создать нечто, способное дать отпор «оговорочным» людям и «раскислым интеллигентам», поддерживающим прямо и косвенно царящую «слякоть». Задача дня—копать, хотя бы при самых тяжелых условиях, руду, добывать железо, отливать сталь марксистского мирозерцания и надстроек, сему мирозерцанию соответствующих.

«Мысль» № 1

Декабрь 1910 г.

За подписью В. И.

О статистике стачек в России.

I.

Известные издания министерства торговли и промышленности: «Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах» за десятилетие 1895—1904 и за 1905—1908 годы были уже неоднократно отмечены нашей литературой. Материал, собранный в этих изданиях, так богат и так ценен, что полное изучение и всесторонняя разработка его потребует еще очень много времени. Разработка, сделанная в названном издании, есть только первый приступ к делу, далеко и далеко не достаточный. В настоящей статье мы намерены ознакомить читателей с предварительными итогами одного опыта более детальной разработки, откладывая полное изложение до другого места.

Вполне установлен прежде всего тот факт, что стачки в России в 1905—1907 годах представляют из себя явление, не виданное в мире. Вот данные о числе стачечников в тысячах по годам и странам:

Среднее.	Россия.	Соед. Штаты Америк.	Германия.	Франция.
За 1895 — 1904 г.г.	43			
» 1905 г.	2.863	660	527	438
» 1906 г.	1.108			
» 1907 г.	740	максимум за все пятидесятилетие 1894—1908 г.г.		
» 1908 г.	176			
» 1909 г.	64			

Трехлетие 1905—1907 г.г. выдается из ряду вон. Минимум числа стачечников в России за это трехлетие превышает максимум, когда бы то ни было достигавшийся в наиболее капиталистических странах мира. Это не значит, конечно, что русские рабочие развитее или сильнее, чем на Западе. Но это значит, что человечество до сих пор не знало, какую энергию с п о с о б е н развить в данной области промышленный пролетариат. Своеобразие исторического хода событий выразилось в том, что приблизительные размеры этой способности впервые обнаружили в одной отсталой стране, переживающей еще буржуазную революцию.

Чтобы уяснить себе, каким образом в России при небольшом, по сравнению с Западной Европой, числе фабрично-заводских

рабочих, могло быть так велико число стачечников, надо принять во внимание п о в т о р н ы е стачки. Вот данные о числе повторных стачек по годам в связи с отношением числа стачечников к числу рабочих:

Годы.	Процентное отношение числа стачечников к общему числу рабочих.	Процентное отношение числа повторных случаев стачек к общему числу стачек.
1895—1904	1,46 ⁰ / ₀ —5,10 ⁰ / ₀	36,2 ⁰ / ₀
1905	163,8	85,5
1906	65,8	74,5
1907	41,9	51,8
1908	9,7	25,4

Мы видим отсюда, что трехлетие 1905—1907 г.г., выходящее из ряду вон по общему числу стачечников, выделяется также по частоте повторных стачек и по высоте процентного отношения числа стачечников к общему числу рабочих.

Статистика дает нам также действительное число заведений, охваченных стачками, и рабочих, участвовавших в стачках; вот эти данные по годам:

	Процент. участников стачек в заведениях, пораженных стачками, к общему числу рабочих:
За 10 лет (1895—1904) в совокупности:	27,0 ⁰ / ₀
» 1905 год.	60,0
» 1906 »	37,9
» 1907 »	32,1
» 1908 »	11,9

И эта табличка, подобно предыдущей, показывает, что упадок числа стачечников в 1906 по 1907 г. г о р а з д о с л а б е е , в общем, чем упадок с 1905 по 1906 год. Мы увидим в дальнейшем изложении, что в некоторых производствах и в некоторых районах с 1905 по 1907 г. наблюдается не упадок, а усиление стачечного движения. Пока отметим, что погубернские данные о числе рабочих, действительно участвовавших в стачках, показывают следующее интересное явление. С 1905 по 1906 год процент рабочих, участвовавших в стачках, понизился в громадном большинстве губерний с развитой промышленностью; но есть ряд губерний, в которых этот процент п о в ы с и л с я с 1905 по 1906 год. Это—

наименее промышленные, наиболее захолустные, так сказать, губернии. Сюда относятся, например, губернии дальнего Севера: Архангельская (11 тыс. фабрично-заводских рабочих; 1905 г.—0,4 проц. раб., участвовавших в стачках; 1906 г.—78,6 проц.), Вологодская (6 тыс. фабр.-завод. рабочих; 26,8 проц.—40,2 проц. за те же годы), Олонецкая (1 тыс. фабр.-зав. раб., 0—2,6 проц.); затем губерния Черноморская (1 тыс. фабр.-зав. раб.; 42,4 проц.—93,5 проц.); из поволжских — Симбирская (14 тыс. фабрично-завод. раб.; 10,0 проц.—33,9 проц.); из центральных земледельческих — Курская (18 тыс. фабр.-зав. раб.; 14,4 проц.—16,9 проц.); из восточной окраины — Оренбургская (3 тыс. фабр.-зав. раб.; 3,4 проц.—29,4 проц.).

Ясно, какое значение имеет повышение процента участников стачек в этих губерниях с 1905 по 1906 год: до них волна не успела докатиться в 1905 году, они начали втягиваться в движение лишь после годовой, невиданной в мире, борьбы более передовых рабочих. С этим явлением, очень важным для понимания исторического хода событий, мы встретимся неоднократно в дальнейшем изложении.

Наоборот, с 1906 по 1907 год процент участников стачек повышается в некоторых очень промышленных губерниях, например, в Петербургской (68,0 проц. в 1906 г.; 85,7 проц. в 1907—почти столько же, сколько в 1905 г.—85,9 проц.); во Владимирской (37,1 проц.—49,6 проц.), Бакинской (32,9 проц.—85,5 проц.), Киевской (10,9 проц.—11,4 проц.) и в ряде других. Таким образом, если в увеличении процента стачечников по ряду губерний с 1905 по 1906 год мы наблюдаем аррьергард рабочего класса, опоздавший к моменту наибольшего развития борьбы, то увеличение этого процента в ряде других губерний с 1906 по 1907 год показывает нам авангард в его стремлении снова поднять борьбу, приостановить начавшееся отступление.

Чтобы сделать этот верный вывод более точным, приведем абсолютные цифры числа рабочих и числа действительных участников стачек по губерниям первого и второго рода:

Губернии, в которых % рабочих,
участвовавших в стачках, повы-
сился с 1905 по 1906 год:

Число та- ких губер- ний:	Число фабрич.-заводск. рабочих в них:	Число рабочих, действитель- но участвовавших в стачках:	
		в 1905 г.	1906 г.
10	61.800	6.564	21.484

В среднем на губернию приходится по 6 тыс. фабр.-зав. рабочих. Увеличение числа рабочих, действительно участвующих в стачках, составляет всего 15 тысяч.

Губернии, в которых % рабочих, участвовавших в стачках, повысился с 1906 по 1907 год:

Число та- ких губер- ний.	Число фабрично-завод. рабо- чих в них.	Число рабочих, действитель- но участвовавших в стачках:	
		в 1906 г.	1907 г.
19	572.132	186.926	285.673

В среднем на губернию приходится по 30 тыс. фабрично-зав. рабочих. Увеличение числа рабочих, действительно участвовавших в стачках, составляет до 100 тысяч, а если вычесть нефтяников Бакинской губ., не считанных в 1906 году (вероятно, не более 20—30 тысяч), то около 70 тысяч.

Роль аррьергарда в 1906 году и авангарда в 1907 г. выступает в этих данных отчетливо.

Для более точного суждения об этих размерах следует взять данные по районам России и сопоставить число стачечников с числом фабрично-заводских рабочих. Вот сводка этих данных:

Фаб.-зав. округа.	Число ф-бр.- зав. рабоч. в 1905 г. (тыс.).	Число стачечников (в тыс.) за годы:				
		1895—1904 в сумме.	1905	1906	1907	1908
I. Петербургский .	298	137	1.033	307	325	44
II. Московский . .	567	123	540	170	154	28
III. Варшавский.. .	252	69	887	525	104	35
IV—VI: Киевский, По- волжский и Харь- ковский	543	102	403	106	157*)	69*)
Всего . .	1.660	431	2.863	1.108	740	176

Рабочие разных районов неравномерно участвовали в движении. В общем, 1.660 тыс. рабочих выставили 2.863 тыс. стачечников, т.-е. 164 стачечника на каждую сотню рабочих или, говоря иными словами, несколько больше чем половина рабочих бастовала в

*) Эти цифры не вполне сравнимы с данными за предыдущие годы, ибо в 1907 г. впервые включены рабочие на нефтяных промыслах. Превеличение, наверно, не более, чем на 20—30 тыс.

1905 г. в среднем по два раза. Но эти средние затушевывают коренное различие между петербургским и варшавским округами, с одной стороны, и всеми остальными, с другой. В петербургском и варшавском округах вместе $\frac{1}{3}$ всего числа фабр.-зав. рабочих (550 т. из 1.660), а стачечников они выставили $\frac{2}{3}$ всего числа (1.920 тыс. из 2.863). В этих округах каждый рабочий бастовал в среднем почти по 4 раза в 1905 г. В остальных округах приходится на 1.110 тыс. рабочих 943 тыс. стачечников, т.-е. пропорционально вчетверо меньше, чем в двух вышеназванных. Уже отсюда видно, как неверны утверждения либералов, повторяемые нашими ликвидаторами, будто рабочие переоценили свои силы. Наоборот, факты доказывают, что они недооценили свои силы, ибо не доиспользовали их. Если бы энергия и упорство стачечной борьбы (мы говорим здесь только об одной этой форме борьбы) во всей России были таковы же, как в округах петербургском и варшавском, то общее число стачечников было бы в двое больше. Другими словами этот вывод можно выразить так: рабочие могли оценить только половину своих сил в данной области движения, ибо другую половину они еще не использовали. Говоря географически: запад и северо-запад уже проснулись, но центр, восток и юг наполовину спали. Развитие капитализма с каждым днем делает кое-что для пробуждения запоздавших.

Следующий важный вывод из порайонных данных состоит в том, что с 1905 по 1906 год упадок движения был повсеместный, хотя и неравномерный; с 1906-го же по 1907-й год, при громадном упадке в округе варшавском, при очень небольшом уменьшении в округах московском, киевском и поволжском, мы видим у в е л и ч е н и е в округах петербургском и харьковском. Это значит, что при данном уровне сознательности и подготовки населения рассматриваемая форма движения в течение 1905-го года исчерпала себя; она должна была, поскольку не исчезли объективные противоречия социально-политической жизни, перейти в высшую форму движения. Но после годичного, если можно так выразиться, отдыха или периода собирания сил, в течение 1906-го года, новый подъем наметился и начался в части страны. Если либералы, а за ними ликвидаторы, оценивал этот период, говорят презрительно об «ожиданиях романтиков», то марксист должен сказать, что, отворачиваясь от поддержки этого частичного подъема, либералы подрывали последнюю возможность отстаивания демократических приобретений.

По вопросу о территориальном распределении стачечников следует отметить еще, что громадное большинство их приходится на ш е с т ь губерний с сильно развитой промышленностью и с большими городами в пяти из них. Вот эти шесть губерний: Петербургская, Московская, Лифляндская, Владимирская, Варшавская и Петроковская. В этих губерниях было в 1905 г. 827 тыс. фабр.-зав. рабочих из всего числа 1.661 тыс., т.-е. почти половина общего числа. Стачечников же в них было за десятилетие 1895—1904 г.г. в сумме 246 тыс. из 431 тыс. т.-е. около 60 проц. всего числа стачечников; в 1905 г. — 2.072 тыс. из 2.863 тыс., т.-е. около 70 проц.; в 1906 г. — 852 тыс. из 1.108 тыс., т.-е. около 75 проц.; в 1907 г. — 517 тыс. из 740 тыс., т.-е. около 70 проц.; в 1908 г. — 85 тыс. из 176 тыс., т.-е. менее половины *).

Итак, роль этих шести губерний в трехлетие 1905—1907 г.г. была в ы ш е, чем в период предыдущий и последующий. Ясно, значит, что крупные городские и в том числе столичные центры развили за это трехлетие гораздо более высокую энергию, чем все остальные местности. Рабочие, разбросанные по деревням и по сравнительно мелким городским и промышленным центрам, составляя половину общего числа рабочих, выставили в 1895—1904 годах 40 проц. всего числа стачечников, а в 1905—1907 годах всего 25—30 проц. Дополняя вышесделанный вывод, мы можем сказать, что крупные города проснулись, а мелкие и деревни в значительной степени еще спали.

Относительно деревни вообще, т.-е. фабр.-зав. рабочих, живущих в деревнях, есть кроме того данные статистики о ч и с л е с т а ч е к (не о числе стачечников) в городах и вне городов. Вот эти данные:

	Ч и с л о с т а ч е к .		
	В городах.	Вне городов.	Всего.
За 10 лет (1895—1904) в сумме . . .	1.326	439	1.765
1905 год	11.891	2.104	13.995
1906 »	5.328	786	6.114
1907 »	3.258	315	3.573
1908 »	767	125	892

*) В 1908 году во главе губерний с значительным числом стачечников стоит Бакинская с 47 тыс. стачечников. Последние могли быть причиной массовой политической стачки!

Составители официальной статистики, приводя эти данные, указывают, что по известным исследованиям г. Погожева из всего числа фабрик и заводов России 40 проц. находится в городах, 60 проц. вне городов. Следовательно, если в обычное время (1895—1904) число стачек в городах втрое превышает число их в деревнях, то процентное отношение числа стачек к числу заведений в $4\frac{1}{2}$ раз больше в городах, чем в деревнях. В 1905 году это отношение было приблизительно 8 : 1; в 1906—9 : 1; в 1907—15 : 1; в 1908 *)—6 : 2. Другими словами: роль городских фабрично-заводских рабочих в стачечном движении была гораздо сильнее в 1905 году, чем в предыдущие годы, по сравнению с ролью живущих в деревнях фабрично-заводских рабочих, при чем в 1906 и 1907 годах эта роль становилась все больше и больше, т.-е. пропорциональное участие деревенских в движении становилось все меньше и меньше. Живущие в деревнях фабрично-заводские рабочие, наименее подготовленные к борьбе десятилетием 1895—1904 г.г., проявили наименьшую устойчивость, всего быстрее перейдя в отступление после 1905 года. Авангард, т.-е. городские фабрично-заводские рабочие, в 1906 году употреблял особые усилия, а в 1907 году еще больше, чем в 1906 г., чтобы задержать это отступление.

Рассмотрим, далее, распределение стачечников по производствам. Для этого мы выделим четыре главные группы производств: А) металлисты; Б) текстильные рабочие; В) типографы, деревообделочники, кожевники и рабочие химических производств; Г) рабочие в обработке минеральных веществ и в производстве питательных продуктов. Вот данные по годам:

Группы производств.	Все число фаб.-зав. рабочих в 1904 г.	Число стачечников (в тыс.) за годы:				
		1895—1904 в сумме.	1905	1906	1907	1908
А.	252	117	811	213	193	41
Б.	708	237	1.296	640	302	56
В.	277	38	471	170	179	24
Г.	454	39	285	85	66	55
Всего . . .	1.691	431	2.863	1.108	740	176

*) В 1908 г. в число стачек вошли 228, а в 1907—230 стачек на нефтяных промыслах, впервые подчиненных инспекции в 1906 г.

Металлисты были лучше всего подготовлены десятилетием перед 1905 г. За это десятилетие из них бастовало почти половина (117 из 252). Будучи наилучше подготовлены, они стоят впереди всех и в 1905 г. Число стачечников у них б о л е е ч е м в т р о е превышает число рабочих (811 против 252). Еще рельефнее выступает роль этого авангарда при разборе помесячных данных за 1905 г. (подробное рассмотрение этих данных невозможно в краткой статье, и мы откладываем его до другого места). Из всех месяцев 1905-го года у металлистов максимум стачечников приходится не на октябрь, как во в с е х остальных группах производств, а на январь. Авангард с максимальной энергией начал движение, «раскачивая» остальную массу. За один январь месяц 1905 г. у металлистов бастовало 155 тысяч человек, т.-е. две трети всего числа металлистов (252 т.): за один месяц число стачечников значительно больше, чем за десять лет перед этим (155 против 117). Но эта, почти сверхчеловеческая энергия истощивает силы авангарда к концу 1905-го года: металлисты стоят на первом месте по размеру упадка движения в 1906-м году. Уменьшение числа стачечников у них максимальное: с 811 до 213, т.-е. почти вчетверо. К 1907-му году авангард сбирается опять с силами: число стачечников уменьшается очень незначительно в общем (с 213 до 193), а по трем главнейшим производствам из группы производств по обработке металлов, именно по машиностроительному, судостроительному и чугунолитейному, число стачечников у в е л и ч и в а е т с я с 104 тыс. в 1906 г. до 125 тыс. в 1907 г.

Текстильщики составляют главную массу русских фабрично-заводских рабочих, немного менес $\frac{1}{2}$ общего числа (708 из 1.691). По подготовке за 10 лет перед 1905 г. они стоят на втором месте: бастовала $\frac{1}{3}$ общего числа (237 из 708). По силе движения в 1905 г. тоже на втором месте: около 180 стачечников на 100 рабочих. Они втягиваются в борьбу позже, чем металлисты: в январе у них было немногим больше стачечников, чем у металлистов (164 тыс. против 155), в октябре больше, чем в два раза (256 тыс. против 117). Позже втянутая в движение, эта главная масса всех более стойко держится в 1906-м году: упадок в этом году всеобщий, но у текстильщиков он м е н ь ш е в с е х, у них уменьшение вдвое (640 против 1.296), у металлистов почти вчетверо (213 и 811), у остальных в $2\frac{1}{2}$ — $3\frac{1}{2}$ раза. Лишь к 1907-му году силы главной массы оказываются тоже истощенными: с 1906 по 1907

год именно в этой группе упадок с а м ы й б о л ь ш о й, больше чем вдвое (302 против 640).

Не останавливаясь на детальном разборе данных по остальным производствам, отметим только, что позади всех стоит разряд Г, наиболее слабо подготовленный и наиболее слабо участвовавший в движении. Если взять за норму металлистов, то можно сказать, что за разрядом Г «осталось в долгу» свыше миллиона стачечников за один 1905-й год.

Отношение между металлистами и текстильщиками характерно, как отношение передового слоя к широкой массе. При отсутствии в 1895—1904 г.г. свободных организаций, свободной печати, парламентской трибуны и т. п., массы не могли спланироваться в 1905 г. иначе, как стихийно, в ходе самой борьбы. Механизм этого спланивания состоял в том, что поднималась волна за волной стачечников, при чем для «раскачивания» широкой массы авангарду приходилось затрачивать такую громадную энергию в начале движения, что он оказывался сравнительно ослабленным ко времени апогея движения. В январе 1905 г. было 444 тыс. стачечников, из них металлистов 155 тыс., т.-е. 34 проц., а в октябре все число стачечников 519 тысяч, из них металлистов—117 тыс., т.-е. 22 проц. Понятно, что такая неравномерность движения равносильна известной растрате сил вследствие их раздробления, их недостаточной концентрации. Это значит, во-первых, что эффект мог бы быть повышен лучшей концентрацией сил, а, во-вторых, что по объективным условиям изучаемой эпохи в начале каждой волны был неизбежен, и для достижения успеха необходим ряд действий ошунью, так сказать, разведок, пробных движений и т. п. Поэтому, когда либералы, а за ними ликвидаторы вроде Мартова, с точки зрения своей теории о «переоценке своих сил пролетариатом» обвиняют нас в том, что мы «плелись за стихийной классовой борьбой», то эти господа выносят сами себе приговор и преподносят нам, против воли, величайший комплимент.

Чтобы закончить обзор погодных данных о стачках, остановимся еще на цифрах, характеризующих размер и продолжительность стачек и величину убытков от стачек.

Среднее число участников стачки было:

За 10 лет (1895—1904)	244 рабочих.
» 1905 год	205 » »
» 1906 »	181 » »
» 1907 »	207 » »
» 1908 »	197 » »

Уменьшение размера стачек (по числу участников) в 1905 году объясняется вовлечением в борьбу массы мелких заведений, которые понизили средние числа участников. Дальнейшее уменьшение в 1906 г. отражает, видимо, понижение энергии борьбы. 1907 год и здесь дает некоторый шаг вперед.

Если мы возьмем среднее число участников чисто-политических стачек, то получим такие цифры по годам: 1905—180; 1906—174; 1907—203; 1908—197. Эти цифры еще рельефнее указывают на понижение энергии борьбы в 1906 году и новое возрастание в 1907, или (а может быть вместе с тем) преимущественное участие в движении 1907 г. самых крупных заведений.

Число забастовочных дней на 1 рабочего забастовщика было:

За 10 лет (1895—1904)	4,8 дня.
» 1905 год	8,7 »
» 1906 »	4,9 »
» 1907 »	3,2 »
» 1908 »	4,9 »

Упорство борьбы, характеризуемое этими цифрами, было выше всего в 1905 году,—затем оно быстро понижалось до 1907 года и возросло лишь в 1908 году. Надо отметить, что по упорству борьбы западно-европейские стачки стоят несравненно выше. Число забастовочных дней на 1 рабочего-забастовщика составляло за пятилетие 1894—1898 г.г. 10,3 для Италии, 12,1 для Австрии, 14,3 для Франции и 34,2 для Англии.

Если выделить чисто-политические стачки, то получим такие цифры: 1905—7,0 дней на 1 забастовщика; 1906—1,5; 1907—1,0 день. Стачки по экономическим причинам отличаются всегда бóльшей продолжительностью борьбы.

Принимая во внимание различное упорство стачечной борьбы за разные годы, мы получаем тот вывод, что данные о числе стачечников недостаточно еще определяют сравнительные размеры движения за разные годы. Точным определителем служит число забастовочных поденщин, которое составляло по годам:

			В том числе в чисто политических стачках:
За 10 лет (1895—1904)	в сумме:	2.079.408	—
» 1905 год	»	23.609.387	7.569.708
» 1906 »	»	5.512.749	763.605
» 1907 »	»	2.433.123	521.647
» 1908 »	»	864.666	89.021

Таким образом точно определенные размеры движения за один только 1905 год в 11 с лишним раз больше движения за все 10 лет перед тем в сумме. Говоря иначе: размеры движения за 1905 год в 115 раз превышают средние годовые размеры движения за предыдущее 10-летие.

Это соотношение показывает нам, насколько близоруки люди, слишком часто встречающиеся среди официальных ученых (да и не среди них одних), которые принимают темп социально-политического развития, наблюдаемый в т. наз. «мирные», «органические», «эволюционные» эпохи, за норму для всех случаев, за показатель возможной для современного человечества быстроты развития. На самом деле темп «развития» в т. наз. «органические» эпохи есть показатель максимального застоя, максимальных помех развитию.

По данным о числе забастовочных поденщин составитель официальной статистики определяет понесенные промышленностью убытки. Эти убытки (недоработка продукта) составили за 10 лет, 1895—1904, в сумме—10,4 миллиона рублей, за 1905 г. 127,—3 милл., за 1906 г.—31,2 милл., за 1907 г.—15,0 милл. и за 1908 г.—5,8 милл. руб. За три года, 1905—1907, недоработка продукта составила, следовательно, 173,5 милл. руб.

Убытки рабочих от недополучения заработка за забастовочные дни (определенные по размеру средней поденной платы в разных производствах) составили за рассматриваемые годы в тысячах рублей:

Группы производств (см. выше, стр. 154).	Число фабрично-зав. рабочих в 1905 г. в тысячах.	Размеры убытков рабочих от стачек в тыс. рубл.				
		1895—1904 в сумме:	1905	1906	1907	1908
А	252	650	7.654	891	450	132
Б	708	715	6.794	1.968	659	228
В	277	137	1.997	610	576	69
Г	454	95	1.096	351	130	22
Всего .	1.691	1.597	17.541	3.820	1.815	451

За три года, 1905—1907, убытки рабочих составили 23,2 милл. рублей, т.-е. в 14 с лишним раз больше чем за все десять лет перед тем, взятые вместе *). Составитель официальной статистики рассчитывает, что эти убытки составляли в среднем на одного рабочего, занятого в фабрично-заводской промышленности (а не на одного стачечника), около 10 коп. в год за первое десятилетие, около 10 рублей в 1905 г., около 2 рублей в 1906 г., около 1 руб. в 1907 году. Но этот расчет оставляет в стороне громадные различия в рассматриваемом отношении между рабочими различных производств. Вот более детальный расчет, сделанный на основании цифр только что приведенной таблицы:

Группы производств.	Средний размер убытков (в рублях) от стачек на 1 рабочего, занятого в фабрично-зав. промышленности.				
	За 10 лет, 1895—1904, в сумме.	1905	1906	1907	1908
А.	2,6	29,9	3,5	1,8	0,5
Б.	1,0	9,7	2,8	0,9	0,3
В.	0,5	7,2	2,2	2,1	0,2
Г.	0,2	2,4	0,7	0,3	0,05
Всего	0,9	10,4	2,3	1,1	0,3

*) Необходимо иметь в виду, что часть этих убытков в эпоху наиболее сильного движения рабочие переложили на предпринимателей. Статистика должна была выяснить, начиная с 1905 года, особую причину стачек (группа причин 3 б. по официальной номенклатуре): требование уплаты за время стачки. Число случаев предъявления этого требования было в 1905 г.—632, в 1906—256, в 1907—48 и в 1908—9 (до 1905 года это требование не предъявлялось вовсе). Результаты борьбы рабочих за это требование известны только за 1906 и 1907 г.г. и только два-три случая, когда указанная причина была главною: в 1906 г. из 10.966 рабочих, бастовавших главным образом по этой причине, 2.171 выиграли стачку, 2.626 проиграли, 6.169 кончили компромиссом. В 1907 г. из 93 рабочих, бастовавших, главным образом, по этой причине, ни один не выиграл стачки, 52 проиграли, 41 кончил компромиссом. Из всего, что нам известно о стачках в 1905 г., следует предположить, что в 1905 г. стачки, вызванные этой причиной, были успешнее, чем в 1906 г.

Отсюда видно, что на одного металлиста (группа А) размер убытков от стачек в 1905 году составлял почти 30 рублей, втрое больше среднего, свыше чем вдесятеро больше, чем средний размер убытков рабочего в обработке минеральных веществ и питательных продуктов (группа Г). Сделанный нами выше вывод, что металлисты исчерпали свои силы в рассматриваемой форме движения к концу 1905 года, еще рельефнее подтверждается данной таблицей: в группе А размер убытков с 1905 по 1906 год уменьшился в 8 с лишним раз, в остальных группах в 3—4 раза.

Заканчивая этим разбор погодных данных статистики стачек, мы перейдем в следующей статье к изучению помесечных данных.

II.

Для изучения волнообразного характера стачечного движения годичный период слишком велик. Мы имеем теперь статистическое право сказать, что в трехлетие 1905—1907 г.г. каждый месяц шел за год. Рабочее движение за эти три года прожило 30 лет. В 1905 году число стачечников ни в один месяц не опускалось ниже годового минимума стачечников за 10-летие 1895—1904 г.г., а в 1906 и 1907 г.г. таких месяцев было только по два.

К сожалению, разработка помесечных данных, как и данных по отдельным губерниям, очень неудовлетворительна в официальной статистике. Многие сводки приходится делать заново. По этой причине, а также по соображениям места, мы ограничимся пока данными о четвертях года. Заметим по поводу разделения экономических и политических стачек, что официальная статистика дает не вполне сравнимые данные за 1905 и за 1906—1907 годы. Смешанные стачки—по официальной номенклатуре разряды 12 с эконом. треб. и 12б. с экон. треб.—в 1905 г. считались политическими, а позднее экономическими. Мы и за 1905 г. относим их к экономическим.

Число стачечников в тысячах:

Г О Д Ы:	1905				1906				1907			
Четверти года.	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III	IV
Всего .	810	481	294	1.277	269	479	296	63	146	323	77	193
В том числе:												
эконом. . . .	604	239	165	430	73	222	125	37	52	52	66	30
полит. . . .	206	242	129	847	196	257	171	26	94	271	11	163

Чертой обведены те периоды, которые показывают наибольший подъем волны. Уже с первого взгляда на таблицу бросается в глаза, что эти периоды совпадают с кардинальной важности политическими событиями, характеризующими все трехлетие. 1905 I—девятое января и его последствия; 1905 IV—октябрьские и декабрьские события; 1906 II—первая Дума; 1907 II—вторая Дума; в последней четверти 1907 года подъем наименьший, объясняемый политической забастовкой в ноябре (134 тыс. стачечников) по поводу суда над втородумскими рабочими депутатами. Таким образом этот период, заканчивающий трехлетие и являющийся переходным к иной полосе русской истории, есть как раз такое исключение, которое подтверждает правило: если подъем стачечной волны не означает здесь общего социально-политического подъема, то при ближайшем рассмотрении оказывается, что не было и стачечной в о л н ы, а была одиночная стачка-демонстрация.

Правилом для изучаемого трехлетия является то, что подъем стачечной волны означает критические, поворотные пункты всей социально-политической эволюции страны. Статистика стачек воочию показывает нам главную движущую силу этой эволюции. Это не значит, конечно, чтобы рассматриваемая форма движения была единственной или высшей формой,—мы знаем, что это не так,—это не значит, чтобы можно было сделать непосредственные заключения от данной формы движения к частным вопросам социально-политической эволюции. Но это значит, что перед нами статистическая картина (конечно, далеко не полная картина) движения такого класса, который был главной пружиной общего направления событий. Движение других классов группируется вокруг этого центра, за ним следует, им направляется или определяется (в положительную или в отрицательную сторону), от него зависит.

Достаточно вспомнить главные моменты политической истории России за рассматриваемое трехлетие, чтобы убедиться в правильности этого вывода. Возьмем первую четверть 1905 года. Что показывает нам канун ее? Известную земско-банкетную кампанию. Правильно ли было оценивать выступления рабочих в этой кампании как «высший тип демонстрации»? Правильны ли были речи о невызывании «паники» у либералов? Поставьте эти вопросы в рамку статистики стачек (1903 год—87 тыс., 1904 год—25 тыс., январь 1905—444 тыс., в том числе 13 тыс. политических), и ответ будет ясен. Вышеуказанный спор о тактике в земской кампании

лишь отражает коренящийся в объективных условиях антагонизм либерального и рабочего движения.

Что видим мы после январского *) подъема? Известные февральские указы, кладущие начало некоторому преобразованию государственного устройства.

Возьмите 3 четверть 1905 года. На первом плане в политической истории закон 6 августа (т. наз. Булыгинская Дума) Суждено ли этому закону воплотиться в жизнь? Либералы думают, что да, и постановляют вести линию своего поведения соответственно такому мнению. В лагере марксистов обратный взгляд, не разделяемый теми, кто, объективно, проводит взгляды либерализма. События последней четверти 1905 г. решают спор.

По цифрам, относящимся к целым четвертям года, кажется, что в конце 1905 года был один подъем. На деле их было два, отделенных небольшим ослаблением движения. В октябре было 519 тыс. стачечников, в том числе 328 тыс. чисто-политических, в ноябре 325 тыс. (в том числе 147 т. полит.) и в декабре 433 тыс. (в том числе 372 тыс. полит.). В исторической литературе высказан взгляд либералов и наших ликвидаторов (Череванина и комп.), по которому в декабрьском подъеме есть элемент «искусственности». Статистика опровергает этот взгляд, показывая как раз в этом месяце максимум числа чисто-политических стачечников: 372 тыс. Понятны те тенденции, которые заставили либералов притти к определенной оценке, но с чисто-научной точки зрения нелепо считать в какой бы то ни было мере «искусственным» движение такого размера, что в один месяц число чисто-политических стачечников составило почти $\frac{9}{10}$ всего числа стачечников за целое десятилетие.

Возьмем, наконец, два последних подъема весной 1906 и весной 1907 г.г. **). Их общим отличием от январского и майского

*) По данным о четвертях года выходит, что был один подъем. На деле их было два: в январе—444 тысячи стачечников и в мае—220 тыс. В промежутке минимум приходится на март—73 тыс.

**) Надо заметить, что десятилетняя история русских стачек за 1895—1904 г.г. обнаружила обычный подъем экономических стачек во 2-ю четверть года. За все десятилетие среднее число стачечников в год было 43 тыс., а по четвертям года: I—10 тыс.; II—15 тыс.; III—12 тыс. и IV—6 тыс. Совершенно очевидно из одного сравнения цифр, что подъемы весной 1906 и весной 1907 г.г. объясняются не этими «общими» причинами подъема стачек летом в России. Стоит взглянуть на числа политических стачечников.

подъема 1905 года (из которых первый тоже был сильнее второго) является то, что они идут по линии отступления, тогда как первые два шли по линии наступления. Это отличие характеризует вообще два последние года рассматриваемого трехлетия по сравнению с первым годом трехлетия. Следовательно, точной оценкой повышения цифр в указанные периоды 1906 и 1907 г.г. будет та, что эти повышения знаменуют приостановку отступления и попытку отступающих снова перейти в наступление. Такого объективного значения этих подъемов, ясное для нас теперь с точки зрения окончательных результатов всего «трехлетия бури и натиска». Первая и вторая Думы представляли из себя не что иное, как политические переговоры и политические демонстрации наверху по случаю приостановки отступления вниз.

Отсюда ясна вся близорукость либералов, видящих в этих переговорах нечто самодовлеющее, самостоятельное, независимое от того, долго ли протянется и к чему поведет та или иная приостановка отступления. Отсюда ясна объективная зависимость от либералов тех ликвидаторов, которые, подобно Мартову, с презрением говорят теперь об «ожиданиях романтиков» во время отступления. Статистика показывает нам, что дело шло не об «ожиданиях романтиков», а о фактически имевших место перерывах, приостановках отступления. Не будь этих приостановок, событие 3-го июня 1907 года, исторически совершенно неизбежное, поскольку отступления оставались отступлениями, имело бы место раньше может быть целым годом, или даже более чем годом раньше.

Рассмотрев историю стачечного движения в связи с главными моментами политической истории, перейдем к изучению соотношения экономических и политических стачек. Официальная статистика дает по этому вопросу интереснейшие данные. Возьмем сначала общие итоги по отдельным годам рассматриваемого трехлетия:

	Число стачечников в тысячах:		
	1905	1906	1907
Экономических	1.439	456	200
Политических	1.424	650	540
В с е г о	2.863	1.108	740

Первый вывод отсюда, тот, что экономические и политические стачки находятся в самой тесной связи. Они вместе поднимаются и вместе падают. Сила движения в эпоху наступления (1905 г.)

характеризуется тем, что политические стачки как бы воздвигаются на широком базисе не менее сильных экономических стачек, которые, даже взятые отдельно, далеко оставляют позади цифры за все 10-летие 1895—1904 г.г.

При упадке движения число экономических стачечников падает быстрее, чем число политических. Слабость движения в 1906 и особенно в 1907 г.г. характеризуется, несомненно, отсутствием широкой и прочной базы экономической борьбы. С другой стороны, более медленное падение числа политических стачечников вообще и особенно небольшое падение этого числа с 1906 по 1907 г. указывает, видимо, на знакомое уже нам явление: передовые слои с наибольшей энергией стараются приостановить отступление и превратить его в наступление.

Этот вывод вполне подтверждается данными о соотношении экономической и политической стачки по различным группам производств. Чтобы не пестрить статьи цифрами, ограничимся сопоставлением металлистов и текстильщиков по четвертям 1905 года, при чем на этот раз возьмем сводку официальной статистики *), относящей за этот год смешанные стачки к политическим, как было уже указано выше.

		Число стачечников в тысячах:					
		1905 год	четверти:	I	II	III	IV
Группа А (металлисты)	экономических	120	42	37	31		
	политических	159	76	63	283		
	Всего .	279	118	100	314		
Группа Б (текстильщики)	экономических	196	109	72	182		
	политических	111	154	53	418		
	Всего .	307	263	125	600		

Различие между передовым слоем и широкой массой выступает отчетливо. У передовиков с самого начала чисто-экономические стачечники в меньшинстве, как и в течение всего года. Первая четверть и в этой группе характеризуется, однако, очень высоким числом (120 тыс.) чисто-экономических стачечников: ясно, что и среди металлистов немало таких слоев, которых надо было «раскачать» и которые начинали движение с предъявления чисто-экономических требований. У текстильщиков мы видим в начале движения

* По этой сводке, число экономических стачечников в 1905 г. было 1.021 тыс., политических — 1.842 тыс., т.-е. доля экономических стачечников в общей сумме меньше, чем в 1906 г. Мы уже объяснили, что это неверно.

(I четверть года) громадное преобладание чисто-экономических стачечников, которые оказываются в меньшинстве во II четверть года, с тем, чтобы опять получить большинство в III четверть. В последнюю четверть года, во время апогея движения, у металлистов число чисто-экономических стачечников равняется 10% общего числа стачечников и 12% всего числа металлистов;—у текстильщиков чисто экономические стачечники за тот же период составляют 30% общего числа стачечников и 25% всего числа текстильщиков.

Совершенно очевидно теперь, какова именно взаимозависимость экономической и политической стачки: без их тесной связи действительно широкое, действительно массовое движение невозможно; конкретной же формой этой связи является, с одной стороны, то, что в начале движения и при втягивании новых слоев в движение чисто-экономическая стачка играет преобладающую роль, а с другой стороны, политическая стачка будит и шевелит отсталых; обобщает и расширяет движение, поднимает его на высшую ступень.

Было бы чрезвычайно интересно проследить детально, как именно в течение всего трехлетия втягивались в движение новички. Данные об этом в основном материале есть, ибо сведения получались на карточках о каждой стачке отдельно. Но обработка этих сведений в официальной статистике очень неудовлетворительна, и масса богатейшего материала, имеющегося в карточках, пропала, не войдя в обработку. Некоторое приблизительное представление дает следующая таблица о числе случаев стачек в процентах к числу заведений различных размеров:

Число случаев стачек в % к числу заведений:

Группы заведений.	За 10 лет (1895 — 1904) в сумме:	За 1905 г.	За 1906 г.	За 1907 г.	За 1908 г.
До 20 рабочих	2,7	47,0	18,5	6,0	1,0
21—50 »	7,5	89,4	38,8	19,0	4,1
51—100 »	9,4	108,9	56,1	37,7	8,0
101—500 »	21,5	160,2	79,2	57,5	16,9
501—1.000 »	49,9	163,8	95,1	61,5	13,0
Свыше 1.000 рабочих . . .	89,7	231,9	108,8	83,7	23,0

Тот передовой слой, который мы наблюдали до сих пор по данным о различных районах и различных группах производств, выступает теперь по данным о разных группах заведений.

Общим правилом за все года является повышение процента заведений с стачками по мере увеличения размеров заведений. При этом для 1905 года характерно, во-первых, то, что повторных стачек тем больше, чем крупнее заведение, а во-вторых, что по сравнению десятилетия 1895—1904 г.г. с 1905 годом увеличение процента тем стремительнее, чем меньше заведение. Это ясно указывает на особенную быстроту втягивания новичков, привлечения некогда еще не участвовавших в стачках слоев. Быстро вовлеченные в движение в эпоху максимального подъема, эти новички оказываются наименее устойчивыми: падение процента заведений с стачками с 1906 по 1907 год всего сильнее в мелких заведениях, всего слабее в крупных. Авангард дольше всех, настойчивее всех работает над приостановкой отступления.

Но вернемся к данным о соотношении экономической и политической стачки. Данные по четвертям года за все трехлетие, приведенные, выше показывают прежде всего, что все крупные подъемы связаны с подъемом числа не только политических, но и экономических стачечников. Некоторым исключением является лишь подъем весной 1907 года, когда максимум экономических стачечников приходится не на II, а на III четверть года.

В начале движения (I четверть 1905 г.) мы видим громадное преобладание числа экономических стачечников над политическими (604 и 206 тыс.). Апогей движения (IV четверть 1905 г.) дает новую волну экономических стачек, более слабую, чем январская, при сильном преобладании политической стачки. Третий подъем, весной 1906 г., показывает опять очень большое увеличение числа и экономических и политических стачечников. Одних уже этих данных достаточно для опровержения того мнения, будто соединение экономической и политической стачки было «слабой стороной движения». Такое мнение неоднократно высказывали либералы, его повторял по отношению к ноябрю 1905 г. ликвидатор Череванин; недавно его повторил по отношению к той же эпохе также и Мартов. Особенно часто в подтверждение такого взгляда ссылаются на неудачу борьбы за 8-часовой рабочий день.

Факт этой неудачи бесспорен, бесспорно и то, что всякая неудача означает слабость движения, но либеральная точка зрения сказывается в признании «слабой стороной движения» именно соединения экономической борьбы с политической; марксистская точка зрения видит слабость в недостаточности этого соединения, в недостаточном значительном числе экономических стачечников.

Статистика наглядно подтверждает правильность марксистского взгляда, обнаруживая «общий закон» трехлетия: усиление движения при усилении экономической борьбы. И этот «общий закон» логически связывается с основными чертами всякого капиталистического общества: в нем всегда будут существовать столь отсталые слои, которых может разбудить лишь самое экстренное обострение движения; а иначе, как с экономическими требованиями, отсталые слои не могут втянуться в борьбу.

Сопоставляя подъем последней четверти 1905 г. с предыдущим и последующим подъемами, т.-е. с первой четвертью 1905 г. и со второй четвертью 1906 г., мы ясно видим, что октябристско-декабрьский подъем с л а б е е и предыдущего и последующего по широте экономической базы, т.-е. по проценту числа экономических стачечников в общем числе стачечников. Несомненно, что требование 8-часового рабочего дня отталкивало много таких элементов из буржуазии, которые могли сочувствовать другим стремлениям рабочих. Но так же несомненно, что это требование привлекало много таких элементов не из буржуазии, которые еще не были втянуты в движение, которые, выставив 430 тыс. экономических стачечников в последнюю четверть 1905 г., понизили это число до 73 тыс. в I четверть 1906 г. и снова повысили до 222 тыс. во II четверть 1906 года. Слабостью было, значит, не отсутствие сочувствия буржуазии, а недостаточная поддержка или недостаточное своевременная поддержка элементами не из буржуазии.

Либералу свойственно бояться, что движение рассматриваемого рода отталкивает всегда известные элементы буржуазии. Марксисту свойственно отмечать, что движение рассматриваемого рода привлекает всегда широкие элементы не из буржуазии. *Suum cuique*—каждому свое.

По вопросу о перипетиях борьбы рабочих и предпринимателей чрезвычайно поучительны данные официальной статистики о результатах стачек. Общие итоги этой статистики таковы:

Процент числа стачечников в стачках
с указанными результатами.

Результаты стачек.	За 10 лет (1895— 1904).	За 1905 г.	За 1906 г.	За 1907 г.	За 1908 г.
З пользу рабочих	27,1	23,7	35,4	16,2	14,1
Взаимные уступки (компромисс) .	19,5	46,9	31,1	26,1	17,6
В пользу хозяев (против рабочих)	51,6	29,4	33,5	57,6	65,8

Общий вывод отсюда прежде всего тот, что максимальная сила движения означает и максимальный успех рабочих. Всего выгоднее для них 1905 год, когда напор стачечной борьбы был наибольший. Этот год выделяется также необыкновенной частотой компромиссов: стороны еще не приспособились к новым, необычным условиям, предприниматели растерялись под влиянием частоты стачек, и дело чаще, чем когда бы то ни было, кончалось компромиссом. В 1906 году борьба становится упорнее: случаи компромисса несравненно реже; но рабочие в общем все еще побеждают: процент стачечников выигравших больше, чем процент проигравших. Начиная с 1907 года поражения рабочих непрерывно усиливаются при уменьшении случаев компромисса.

Если взять абсолютные цифры, то увидим, что всего за 10 лет, 1895—1904, в сумме выиграло стачки 117 тыс. рабочих, а за один 1905 год слишком чем втрое больше: 369 тыс., за 1906 год раза в полтора больше: 163 тыс.

Но год—слишком большой период для изучения волнообразного движения стачечной борьбы в трехлетие 1905—1907 г.г. Не приводя помесечных данных, которые заняли бы слишком много места, приведем данные по четвертям года за 1905 и 1906 годы. 1907 год можно опустить, так как по результатам стачек мы не наблюдаем в этом году перерывов, упадков и подъёмов, а видим сплошное отступление рабочих и наступление капиталистов, вполне выраженное в приведенных уже данных по годам.

Результаты стачек.	Годы:				1905				1906			
	Четверти года:	I	II	III	IV	I	II	III	IV			
В пользу рабочих		158	71	45	95	34	86	37	6			
Компромисс.		267	109	61	235	28	58	46	8			
В пользу хозяев.		179	59	59	100	11	78	42	23			
Всего *) . . .		604	232	165	430	73	222	125	37			

Из этих данных следуют очень интересные выводы, требующие детального рассмотрения. В общем, мы видели, борьба тем успешнее для рабочих, чем сильнее их напор. Подтверждается ли это приведенными данными? I четверть 1905 г. менее выгодна для рабочих, чем II, хотя движение за этот период ослабело. Это

*) В официальной статистике нет помесечных итогов по данному вопросу; их приходилось суммировать из данных по производствам.

заклучение оказывается, однако, ошибочным, ибо трехмесячные данные соединяют вместе январский подъем (321 тыс. экономических стачечников) и упадок в феврале (228 т.) и в марте (56 тыс.). Выделяя месяц подъема, январь, видим, что в этом месяце рабочие победили: 87 тыс. забастовщиков выиграли стачки, 81 тыс. проиграли, 152 тыс. кончили компромиссом. Оба месяца упадка в этом периоде (февраль и март) дают поражение рабочих.

Второй период (II четверть 1905 г.) есть период подъема, который достигает апогея в мае. Подъем борьбы означает победу рабочих: 71 тыс. стачечников выиграли стачки, 59 проиграли, 109 тыс. кончили компромиссом.

Третий период (III четверть 1905 г.) есть период упадка: число стачечников гораздо меньше, чем во II четверть. Упадок натиска означает победу хозяев. 59 тыс. рабочих проиграли стачки, только 45 выиграли. Процент рабочих, проигравших стачки, равняется $35,6\%$, т.-е. выше, чем в 1906 году. Это значит, что та «общая атмосфера сочувствия» рабочим в 1905 г., о которой так много говорят либералы, как о главной причине побед рабочих—(недавно о «главной причине»—сочувствии буржуазии—говорил и Мартов),—нисколько не мешала поражению рабочих, когда их натиск ослабевал. Вы сильны, когда вам сочувствуют в обществе, говорят рабочим либералы. Вам сочувствуют в обществе, когда вы сильны, говорят рабочим марксисты.

Последняя четверть 1905 г. кажется исключением: при наибольшем подъеме поражение рабочих. Но это исключение кажущееся, ибо соединены вместе месяц подъема—октябрь, когда рабочие победили и в экономической области (+57, —22: тысячи рабочих, выигравших и проигравших стачки), и месяцы ноябрь (+25, —47) и декабрь (+12, —31), когда экономическая борьба падала и когда рабочие были побеждены. При этом ноябрь месяц, месяц перелома, месяц наибольших колебаний, наибольшей уравниновешенности противоположных сил, наибольшей неизвестности насчет общих итогов и общего направления истории России вообще, истории отношений хозяев к рабочим в частности, этот месяц дает наибольший из всех месяцев 1905 года процент случаев компромисса: из 179 тыс. экономических стачечников в этом месяце было 106 тысяч, т.-е. $59,2\%$ стачечников, кончивших борьбу компромиссом *).

*) Общее число экономических стачечников составляло в октябре 190 тыс., в ноябре 179 тыс., в декабре 61 тыс.

Первая четверть 1906 года дает опять кажущееся исключение: наибольший упадок экономической борьбы и наибольший выигрыш рабочих (+34, —11). И здесь соединены вместе месяц поражений рабочих январь (+4, —6) и месяцы побед рабочих, февраль (+14, —2) и март (+16, —2¹/₂). Число экономических стачечников падает в течение всего этого периода (январь—26,6 тыс., февраль—23,3 тыс., март—23,2 тыс.), но подъем общего движения ясно уже намечается (все число стачечников в январе—190 тыс., в феврале—27 тыс., в марте—52 тыс.).

Вторая четверть 1906 года—крупный подъем движения и выигрыш рабочих (+86, —78); выигрыш этот особенно силен в мае и июне—в июне число экономических стачечников достигает максимума за 1906 год, 90 тыс.,—тогда как апрель дает исключение: поражение рабочих, несмотря на рост движения по сравнению с мартом.

Начиная с III четверти 1906 года мы видим непрерывный, в общем, упадок экономической борьбы вплоть до конца года и соответственно этому, поражения рабочих (незначительное исключение в августе 1906, когда рабочие последний раз победили в экономической борьбе: +11,3, —10,3).

Чтобы подвести краткие итоги перипетиям экономической борьбы за 1905 и 1906 годы, можно употребить такой прием. В 1905 году ясно выделяются три главные подъема стачечной борьбы вообще и экономической в частности: январь, май и октябрь. За эти три месяца вместе число экономических стачечников составило 667 тыс. из всего числа 1.439 тыс. за год, т.-е. не четверть, а близко к половине. И все эти три месяца были месяцами побед рабочих в экономической области, т.-е. превышения числа рабочих, выигравших стачки над числом рабочих, проигравших стачки.

В 1906 году явственно разделяются, в общем и целом, первая и вторая половины года: в первой—приостановка отступления и большой подъем, во второй—большой упадок. На первую половину года приходится 295 тыс. экономических стачечников, на вторую—162. Первая половина дала рабочим победу в экономической борьбе, вторая—поражение.

Эти общие итоги вполне подтверждают тот вывод, что не «атмосфера сочувствия», не симпатии буржуазии, а сила натиска играла решающую роль и в экономической борьбе.

«Мысль» № 1 за декабрь 1910 г.

и № 2 за январь 1911 г.

За подписью В. Ильин.

1911 год.

Л. Н. Толстой и его эпоха.

Эпоха, к которой принадлежит Л. Толстой, и которая замечательно рельефно отразилась как в его гениальных художественных произведениях, так и в его учении, есть эпоха после 1861 и до 1905 г.г. Правда, литературная деятельность Толстого началась раньше и окончилась позже, чем начался и окончился этот период, но Л. Толстой вполне сложился как художник и как мыслитель, именно в этот период, переходный характер которого породил все отличительные черты и произведений Толстого и «толстовщины».

Устами К. Левина в «Анне Карениной» Л. Толстой чрезвычайно ярко выразил, в чем состоял перевал русской истории за эти полвека.

«...Разговоры об урожае, найме рабочих и т. п., которые Левин знал, принято считать чем-то очень низким,... теперь для Левина казались одни важными». «Это, может быть, неважно было при крепостном праве, или неважно в Англии. В обоих случаях сами условия определены; но у нас теперь, когда все это перевернулось и только укладывается, вопрос о том, как уложатся эти условия, есть единственный важный вопрос в России»,—думал Левин (Соч., т. X, стр. 137).

«У нас теперь все это перевернулось и только укладывается»,—трудно себе представить более меткую характеристику периода 1861—1905 годов. То, что «перевернулось», хорошо известно, или, по крайней мере, вполне знакомо всякому русскому. Это—крепостное право и весь «старый порядок», ему соответствующий. То, что «только укладывается», совершенно незнакомо, чуждо, непонятно самой широкой массе населения. Для Толстого этот, «только укладывающийся» буржуазный строй

рисуеться смутно в виде пугала—Англии. Именно: пугала, ибо всякую попытку выяснить себе основные черты общественного строя в этой «Англии», связь этого строя с господством капитала, с рожденьем денег, с появлением и развитием обмена, Толстой отвергает, так сказать, принципиально. Подобно народникам, он не хочет видеть, он закрывает глаза, отвертывается от мысли о том, что «укладывается» в России никакой иной, как буржуазный строй.

Справедливо, что если не «единственно важным», то важнейшим с точки зрения ближайших задач всей общественно-политической деятельности в России для периода 1861—1905 годов (да и для нашего времени) был вопрос, «как уложится» этот строй, буржуазный строй, принимающий весьма разнообразные формы в Англии, Германии, Америке, Франции и т. д. Но для Толстого такая определенная, конкретно-историческая постановка вопроса есть нечто совершенно чуждое. Он рассуждает отвлеченно, он допускает только точку зрения «вечных» начал нравственности, вечных истин религий, не сознавая того, что эта точка зрения есть лишь идеологическое отражение старого («переворотившегося») строя, строя крепостного, строя жизни восточных народов.

В «Люперне» (писано в 1857 году) Л. Толстой объявляет, что признание «цивилизации» благом есть «воображаемое знание», которое «уничтожает» инстинктивные, блаженнейшие первобытные потребности добра в человеческой натуре». «Один, только один, есть у нас непогрешимый руководитель,—воскликает Толстой,—Всемирный Дух, проникающий нас» (Соч., II, 125).

В «Рабстве нашего времени» (писано в 1902 году) Толстой, повторяя еще усерднее эти апелляции к Всемирному Духу, объявляет «мнимой наукой» политическую экономию за то, что она берет за «образец» маленькую, находящуюся в самом исключительном положении, «Англию»,—вместо того, чтобы брать за образец «положение людей всего мира за все историческое время». Каков этот «весь мир», это нам открывает статья «Прогресс и определение образования» (1862 г.). Взгляд «историков», будто прогресс есть общий закон для человечества,—Толстой побивает ссылкой на «весь так называемый Восток» (IV, 162). «Общего закона движения вперед человечества нет,—заявляет Толстой,—как то нам доказывают неподвижные восточные народы».

Вот именно идеологией восточного строя, азиатского строя и является толстовщина в ее реальном историческом содержании. Отсюда и аскетизм, и непротivление злу насилием, и глубокие нотки пессимизма, и убеждение, что «все — ничто, все материальное—ничто» («О смысле жизни», стр. 52), и вера в «Дух», «начало всего», по отношению к каковому началу человек есть лишь «работник», «приставленный к делу спасения своей души», и т. д. Толстой верен этой идеологии и в «Крейцеровой сонате», когда он говорит: «эмансипация женщины не на курсах и не в палатах, а в спальне», — и в статье 1862 года, объявляющей, что университеты готовят только «раздраженных, больных либералов», которые «совсем не пужны народу», «бесцельно оторваны от прежней среды», «не находят себе места в жизни» и т. п. (II, 136—137).

Пессимизм, непротivленство, апелляция к «Духу» есть идеология, неизбежно появляющаяся в такую эпоху, когда весь старый строй «переворотился» и когда масса, воспитанная в этом старом строе, с молоком матери впитавшая в себя начала, привычки, традиции, верования этого строя, не видит и не может видеть, к а к о в «укладывающийся» новый строй, к а к и е общественные силы, и как именно его «укладывают», какие общественные силы с п о с о б н ы принести избавление от неисчислимых, особенно острых отсутствий, свойственных эпохам «ломки».

Период 1862—1904 годов был именно такой эпохой ломки в России, когда старое бесповоротно, у всех на глазах рушилось, а новое только укладывалось, при чем общественные силы, эту укладку творящие, впервые показали себя на деле, в широком общенациональном масштабе, в массовидном, открытом действии на самых различных поприщах лишь в 1905 году. А за событиями 1905 года в России последовали аналогичные события в целом ряде государств того самого «Востока», на «неподвижность» которого ссылался Толстой в 1862 году. 1905 год был началом конца «восточной» неподвижности. Именно поэтому этот год принес с собой исторический конец толстовщине, конец всей той эпохе, которая могла и должна была породить учение Толстого—не как индивидуальное нечто, не как каприз или оригинальничание, а как идеологию условий жизни, в которых, действительно, находились миллионы и миллионы в течение известного времени.

Учение Толстого безусловно утопично и, по своему содержанию, реакционно в самом точном и в самом глубоком значении этого слова. Но отсюда вовсе не следует ни того, чтобы это учение не было социалистическим, ни того, чтобы в нем не было критических элементов, способных доставлять ценный материал для просвещения передовых классов.

Есть социализм и социализм. Во всех странах с капиталистическим способом производства есть социализм, выражающий идеологию класса, идущего на смену буржуазии, и есть социализм, соответствующий идеологии классов, которым идет на смену буржуазия. Феодалный социализм есть, например, социализм последнего рода, и характер такого социализма давно, свыше 60 лет тому назад, оценен был Марксом наряду с оценкой других видов социализма.

Далее. Критические элементы свойственны утопическому учению Л. Толстого так же, как они свойственны многим утопическим системам. Но не надо забывать глубокого замечания Маркса, что значение критических элементов в утопическом социализме «стоит в обратном отношении к историческому развитию». Чем больше развивается, чем более определенный характер принимает деятельность тех общественных сил, которые «укладывают» новую Россию и несут избавление от современных социальных бедствий, тем быстрее критически-утопический социализм «лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания».

Четверть века тому назад критические элементы учения Толстого могли на практике приносить иногда пользу некоторым слоям населения вопреки реакционным и утопическим чертам толстовства. В течение последнего, скажем, десятилетия это не могло быть так, потому что историческое развитие шагнуло немало вперед с 80-х годов до конца прошлого века. А в наши дни, после того, как ряд указанных выше событий положил конец «восточной» неподвижности, в наши дни, когда такое громадное распространение получили сознательно-реакционные, в узко-классовом, в корыстно-классовом смысле реакционные идеи «веховцев» среди либеральной буржуазии,—когда эти идеи заразили даже часть почитай-что марксистов, создав «ликвидаторское» течение,—в наши дни всякая попытка идеализации учения Толстого, оправдания или смягчения его «непротивленства», его апелляций к «Духу», его призывов к «нравствен-

ному самоусовершенствованию», его доктрины «совести» и всеобщей «любви», его проповеди аскетизма и квиетизма и т. п. приносит самый непосредственный и самый глубокий вред.

«Звезда» № 6

от 22 января 1911 г

За подписью В. Ильин.

Начало оживления.

Признаки подъема в некоторых отраслях промышленности, летние и осенние забастовки рабочих, намечающееся оживление в проф. движении, студенческое движение, уличные манифестации—впервые после нескольких лет контр-революции,—все это вместе взятое безусловно должно быть охарактеризовано, как **начало оживления** в общественной жизни нашей страны. Исходным пунктом поворота послужило начало оживления в рабочем движении, выразившееся главным образом в экономических стачках. Больше всего ударов контр-революции обрушилось на рабочий класс. Но это не может помешать ему **первому** вновь занять боевые позиции, вновь открыть эпоху политического оживления в стране, вновь ободрить на революционную борьбу те из непролетарских слоев населения, которые способны активно сопротивляться режиму 3-го июня. Рабочие **начали** с экономического движения, на знамени которого написаны были изолированные, зачастую совершенно элементарные экономические требования. Но для нынешней эпохи крайне знаменательно и такое начало. И это чисто-«экономическое» **начало** несколько не исключает «политического» **продолжения**. Ведь во всей русской революции экономические забастовки рабочих теснейшим образом переплетались с политическими и—наоборот. После пережитых лет контр-революции и натиска капитала **первые** шаги рабочих не могли быть, конечно, столь же уверенными и решительными, как в пору высочайшего политического подъема, т.-е. в 1904—1905 годах.

Целый ряд полученных нами писем, сообщений и откликов из России от товарищей, оценивающих недавние события с места действия, можно подразделить на две категории. Одни—более оптимистичны, сулят обязательное продолжение студенческого движения после рождественских каникул—особенно ввиду последних «распоряжений» совета министров—предвещают улич

ные демонстрации студенчества и передовых рабочих, предсказывают рост движения, его расширение и углубление. Другие — более пессимистичны: предостерегают от переоценки политического значения последних событий, считают их более или менее случайной вспышкой, маленьким изолированным светлым эпизодом, который может быстро и вновь смениться крошечной тьмой контр-революционной ночи. Но те и другие наблюдатели сходятся в одном: рабочие начинают просыпаться, уныние, аполитицизм последних годов, стоившие рабочему классу так дорого и в смысле ослабления его позиций в сфере экономической борьбы, — начинают проходить.

И что всего важнее: в движение начинают втягиваться новые слои, свежие батальоны. В студенческих манифестациях несомненно главную роль сыграло новое молодое поколение студенчества. Оно составило главные кадры демонстрантов, оно вынесло движение на своих плечах, оно было инициатором его, часто наталкиваясь даже на прямое сопротивление со стороны «стариков», на брюзжания и мудрые увещевания «погодить». То же самое наблюдается среди рабочих. Всюду на фабриках и заводах явственно начинает пробивать себе дорогу новый молодой рабочий руководитель и «зачинщик», целое новое поколение рабочей молодежи, которое за годы контр-революции возмужало физически и теперь начинает становиться на ноги политически.

Либералы и те, кто подвержен либеральным влияниям, наверное почтут это слабостью начинающегося движения. На самом деле это — признак его силы. Приток свежих молодых сил есть верный залог прочности движения, его жизненности, его революционности. Пусть свежие ратники не закалены в боях, пусть не вкусили они от сладкого древа упоительных политических побед, но зато они не отведали и тех горьких поражений, которые так ошеломляюще подействовали на многих и многих ныне «бывших людей». И чем активнее, чем громче заявит о себе новое поколение рабочих, тем быстрее возвратятся в «ряды и шеренгу» рабочие вожаки «старого» поколения, начинающие оправляться от пережитого разгрома; тем бодрее почувствуют себя те из наших рабочих «стариков», которые, несмотря ни на что, с.-д. рядов не покидали ни на минуту даже во времена самых худших испытаний.

Поводы к последним политическим манифестациям были более или менее случайны. Один из наших петербургских корреспондентов, непосредственно наблюдавший наиболее крупное студенческое движение в Петербурге, полагает даже, что начало студенческих манифестаций следует отнести не к смерти Л. Н. Толстого и не к смерти Муромцева, а—к похоронам известной артистки Комиссаржевской. По мнению этого товарища, уже эти последние похороны впервые открыли клапан для накопившегося среди учащейся молодежи недовольства. Внешний повод для выражения этого недовольства мог быть и был в данном случае, как и при похоронах Муромцева и Толстого, совершенно случайным.

Это не помешало, конечно, некоторым беспринципным политическим группам следовавшие манифестации приписать обаянию их партийного знамени. Кадеты, напр., охотно поверили «Моск. Ведом.», будто манифестация в связи со смертью Толстого была не чем иным, как «всенародным голосованием за кадет». Этому поверили, кажется, и некоторые публицисты, имеющие совершенно необоснованную претензию считаться марксистами. Но, разумеется, это только смешно. Даже те же «Моск. Ведом.» заметили, что на Муромцевской демонстрации рабочие вовсе не присоединились к славословию по адресу кадетской партии. Муромцевская манифестация столь же мало была «всенародным голосованием» за кадет, как и «Толстовские дни»—«всенародным голосованием» за учение Толстого о непротивлении злу.—Над «Толстовской» демонстрацией господам кадетам очень и очень стоит подумать. Разумеется, и кадеты не станут спорить с тем указанием, что эта демонстрация не была манифестацией в пользу «толстовства», как учения. Но согласятся ли они с нами и в том, что в «Толстовской» демонстрации были все элементы «всенародного голосования» против кадет? *).

Если бы у них было хоть немного политической искренности, они должны были бы это признать. Ведь огромное большин-

*) Это, конечно, вовсе не исключает того, что в Толстовских демонстрациях—в общем антиправительственных—были и явно реакционные элементы. Белые флаги вместо красных, звуки церковных гимнов вместо гимнов революционных, вообще весь налет «религиозности»,—все это несомненно реакционно. Но мало ли реакционных элементов было, например, и в движении 9 января?

ство учащейся молодежи, являющейся по их собственному мнению наиболее отзывчивой и чуткой, ответило прямым плевром в лицо кадетской партии на призыв последней «не омрачать» памяти Толстого уличными демонстрациями.

Но кадеты чужды сентиментальности. Плкнули в лицо, отсюда единственный вывод—надо утереться и... продолжать служить верой и правдой режиму 3-го июня. Ведь кадетские депутаты и кадетская печать служили в «Толстовские дни» самую верную службу Столыпину, расстраивая ряды манифестантов, призывая либеральных «сыновей» из студентов к прямому штрейкбрехерству, в думских прениях помогая черносотенцам против с.-д. Кадетские профессора холопствовали еще больше—если только возможно холопствовать больше—чем во время студенческого движения 1908 года. Профессор Трубецкой выступил с открыто черносотенными статьями; либеральные московские профессора, как отмечает воззвание московского студенческого Совета, «приглашали в университет полицию до начала сходов». Но когда движение все же разрослось, кадеты, конечно, не преминули «использовать» по-своему и его. Сначала подло тормозили движение, а когда оно, вопреки этому, приняло серьезные размеры, стали в обычную либеральную позу и говорят Столыпину: вы видите? уступите же нам, протяните нам хоть два пальца, а то «они» будут «бунтовать»...

Внешние поводы к состоявшимся политическим манифестациям—повторяем—были более или менее случайны. Но отнюдь не случайно то, что во все более широких массах накапливается революционная энергия, раньше или позже прорывающаяся наружу. Не случайно то, что даже в монархии Толмачева, в таких «покоренных» городах, как Одесса ²⁵⁾, прорывается открытый протест демократии. Не случайно то, что начинает шевелиться рабочий класс, позволяющий себе в конце 1910 года невиданную у нас за последнее время «роскошь» устройства десятка демонстративных забастовок. Движение начинается медленно, робко, исподволь. Оно будет становиться тем более энергично, уверенно, планомерно, чем скорее пролетариат—и теперь стимулирующий движение—вновь соберется с силами и станет определенно во главе демократических масс, как он стоял во все время революции.

Политическое положение во многом напоминает 1900—1902 годы. По крайней мере, если судить по некоторым отрицатель-

ным признакам, то это несомненно так. Посмотрите на некоторые группы оторванных от масс интеллигентов, считающих себя социалистами и даже марксистами. Одним маленькое оживление в стране вскружило голову настолько, что они готовы закричать: «стройтесь в штурмовые колонны! Исторический поворот!» *) Опьяняясь революционной фразой, эти «марксисты» готовы поддаться даже террористическим веяниям и совершенно по эзэровски признать, что, напр., на избиения царскими слугами наших товарищей в тюрьмах целесообразно отвечать террором одиночек-мстителей. Другие, видя начинающееся движение, не находят ничего лучшего, как возродить полулиберальный лозунг эпохи того же экономизма: «борьба за частичные права». Такие группки, в пору, когда рабочее движение больше всего нуждается в о б о б щ е н и и его требований, рекомендуют рабочим, вместо всей суммы очередных лозунгов, частный, изолированный и потому полулиберальный лозунг: «борьба за право коалиций».

Нечего и говорить о том, что наша партия, как целое, не имеет ничего общего ни с первым, ни со вторым «уклонениями». Она остается верной своей марксистской теории и революционной практике. Как ни малы наши силы, мы должны употребить их не на что иное, как на расширение и углубление начинающейся массовой борьбы.

Из ряда университетских городов сообщают о возрождении оформленных студенческих с.-д. фракций в учебных заведениях—чего в ряде мест не было уже давно. Кое-где от студентов социал-демократов начинают поступать предложения услуг для общепартийной работы—о чем тоже давно уже не было слышно. Среди рабочих замечен ряд усилий объединить в большинстве мест распыленную на отдельные кружки работу, придать ей стройность и большой размах. Из целого ряда мест сообщают, что отсутствие хотя небольших партийных с.-д. организаций мешало политически оформить и использовать в интересах пролетариата тот подъем, который среди рабочих масс замечался. Жизнь учит. Этот наглядный урок не должен пропасть даром.

*) Старая «Искра» в добрые старые времена справедливо говаривала по адресу «экономистов»: люди, которые при подобных условиях кричат об «и с т о р и ч е с к о м повороте», свидетельствуют только о том, что с ними самими происходит «и с т е р и ч е с к и й поворот».

Ничего не будет удивительного в том, если переживаемая полоса наибольшего организационного упадка нашей партии станет исходным пунктом возрождения и укрепления организаций на местах. Близящиеся выборы в IV Государственную Думу неминуемо внесут хоть маленькое оживление в политическую жизнь страны. К ним надо готовиться уже сейчас, их надо встретить во всеоружии.

В пору, когда отдельные группки так часто и так легко поддаются разлагающим влияниям—полуанархическим, с одной стороны, полулиберальным, с другой,—мы должны, мы обязаны напрячь все наши силы для дружной работы в массах, в самой гуще ее, на всех поприщах рабочей борьбы и—в духе строгой партийности и марксистской тактики

*«Социал-Демократ» № 19—20
от 13 (26) января 1911 года.*

Карьера русского террориста.

Таким подзаголовком снабдил представитель партии с.-р-ов г. Рубанович свою статью о смерти Караулова в французской социалистической газете «L'Humanité». Карьера, действительно, поучительна.

После 1-го марта 1881 г. Караулов приехал в Париж и предложил главарию Народной Воли поручить ему восстановление организации. Редактор «Вестника Народной Воли», будущий ренегат Тихомиров, дал ему полномочия. Караулов вернулся в Россию с Лопатиным, Сухомлиным и др. В 1884 г. его арестуют в Киеве и по суду приговаривают к 4 годам каторги, тогда как коллеги его получают смертный приговор или пожизненную каторгу.

Чем объяснить это «странное—по словам г. Рубановича—снисхождение». Говорят,—сообщает г. Рубанович,—что председатель военного суда был поражен сходством Караулова с его трагически умершим сыном. Но «существуют другие объяснения этого странного снисхождения»,—добавляет г. Рубанович, не говоря, каковы эти другие объяснения *).

*) Речь идет, повидимому, о высказываемых подозрениях, что Караулов дал «откровенные показания».

Зато новейшая «карьер» Караулова не возбуждает никаких сомнений. В 1905 году он выступал настолько открыто против революционеров, что избиратели провалили его на выборах и в I и во II Думу. «Если передо мной будет два лагеря — сказал на одном митинге Караулов (по сообщению «Бирж. Вед.»)— в одном правительственные войска, в другом—революционеры, с пресловутым лозунгом диктатуры пролетариата,—то я, не задумываясь, пойду с первыми против вторых». Неудивительно, что Витте хлопотал о восстановлении прав такого человека. Неудивительно, что Караулов встал в III-ей Думе на одно из первых мест среди самых подлых, контр-революционных кадетов с вечной ханжеской фразой на устах.

Удивительно, что находятся люди, способные считать себя сочувствующими демократии, которые теперь, по случаю смерти Караулова, чествуют его как «демократа», «борца» и т. п.

Удивительно, что г. Рубанович, представитель партии с.-р., может писать во французском социалистическом органе: «многое простится перешедшему в лагерь умеренных бывшему с.-р-у за то, что он сумел затронуть лучшие струны» (речь идет о том заседании Думы, когда правые называли Караулова каторжником, а он ответил, что гордится этим).

За эффектную фразу «прощать» карьере ренегата—это в духе эс-эров. Ренегаты бывают во всех революционных партиях, во всех странах, и всегда находятся среди них мастера на эффекты. Но, чтобы революционеры, представители «революционных» партий, заявляли публично: «многое простится» ренегату за ловкий выкрик,—это бывает не часто. Для этого надо, чтобы в якобы «революционной» партии был громадный процент либералов с бомбой. Для этого надо, чтобы эти, оставшиеся без бомбы, либералы могли уживаться в «революционных» партиях, совсем беззаботных в деле отстаивания революционных принципов, революционных заветов, революционной чести и долга.

Есть и другой, более глубокий урок, который вытекает из «карьеры русского террориста». Это—урок классовой борьбы, это—иллюстрация того, что только революционные классы могут быть теперь в России опорой хоть сколько-нибудь серьезных революционных партий. Не один Караулов, а масса буржуазной интеллигенции, бывшей недавно демократической и даже революционной, повернула теперь вспять от демо-

кратии и от революции. Это—не случайность, а неизбежный результат развития классового сознания русской буржуазии, увидавшей на опыте, как близок момент, когда «лагерь» монархии и лагерь революции встанут друг против друга,—увидавшей на опыте, какой выбор приходится при этом делать ей, буржуазии.

Кто хочет учиться на великих уроках русской революции, тот должен понять, что только развитие классового сознания пролетариата, только организация этого класса, только очищение его партии от мелко-буржуазных «попутчиков», от свойственных им беспринципности, шатаний и слабости может привести снова и наверное приведет снова к победам народа над монархией Романовых.

*«Социал-Демократ» № 19—20
от 13 (26) января 1911 г.*

О положении дел в партии.

Вопрос о нашем партийном кризисе снова выдвинут на первый план заграничной с.-д. печатью, вызывая усиленные толки, недоумения и колебания в широких партийных кругах. Центральному Органу партии необходимо поэтому дать полное освещение этому вопросу. Статья Мартова в № 23 «Голоса» и выступление Троцкого, облеченное в форму отдельным листком напечатанной «резолюции» «венского клуба» от 26 ноября 1910 г., ставят вопрос о кризисе перед читателями, совершенно извращая суть дела.

За статьей Мартова и резолюцией Троцкого скрываются и определенные практические действия—и действия, направленные против партии. Статья Мартова есть лишь литературная форма, в которую облечена предпринятая голосовцами кампания с целью срыва Ц. К. нашей партии. Резолюция Троцкого, призывающая местные организации к подготовке «общепартийной конференции» помимо и против Ц. К., есть выражение того же самого, что составляет цель голосовцев: разрушить ненавистные ликвидаторам центральные учреждения, а с ними заодно—и партию, как организацию. Эти антипартийные действия голосовцев и Троцкого

недостаточно вывести на свежую воду, с ними нужно бороться. Товарищи, которым дороги партия и дело ее возрождения, должны самым решительным образом высказаться против всех тех, кто из чисто фракционных и кружковых соображений и интересов стремится разрушить партию.

Статья Мартова «Куда пришли?» есть плохо прикрытое издевательство над решениями пленума и ликвидаторское ликование по поводу неудач партии. «Не удалось ни разу собрать в России небольшую по численности коллегию Ц. К.»,—так пишет и пишет курсивом Мартов, точно захлебываясь от удовольствия, которое причиняет оглашение подобного факта всем ликвидаторам.

К сожалению, Мартов прав. Русскому Ц. К. не удалось собраться. Напрасно только думает Мартов обойти вопрос о том, кто сорвал Ц. К. в России. Кроме полицейских помех его созыву, была одна не полицейская, а политическая помеха. Это—известный отказ М—ла, Романа и Юрия явиться хотя бы для кооптации только на заседание Ц. К.: это—заявление тех же лиц, что они «самое существование Ц. К. находят вредным».

Нельзя оспорить того, что отказ явиться хотя бы на одно заседание для кооптации, отказ явиться по приглашению людей, работающих среди тьмы полицейских помех, есть срыв Ц. К. Нельзя оспорить того, что этот политический акт, сопровождаемый принципиальной мотивировкой, совершен людьми, входящими в группу «виднейших» русских сотрудников «Голоса» (письмо 16-ти в № 19—20 «Голоса»*), входящих в ликвидаторские легальные группы г. Потресова и К-о. Все это факты. Группа легалистов-независимцев, врагов социал-демократии, — вот кто сорвал Ц. К. в России.

Если Аксельрод уверяет (в № 23 «Голоса»), будто «кличка» ликвидатор применяется «без разбора», если он договаривается даже до такой бессмыслицы, будто мы способны называть ликвидаторами людей, лично уставших или задавленных борьбой за кусок хлеба, если он, говоря подобный младенческий вздор, обходит молчанием именно ту группу и те группы ликвидаторов, которые в Ц. О. партии поименно названы,

*) См. выше 34 стр. этого тома. Р е д.

то недобросовестность подобных уверток нечего и доказывать. Если Мартов и другие голосовцы якобы «спорят» в «Голосе» с ликвидаторами в России, объявляя их поступки «легкомыслием»(!), «усовещевая» их поглотить еще (Мартов о Левицком в № 23), и в то же время целиком работают вместе с ними, рука об руку с ними создают особую ф р а к ц и ю за границей для борьбы с партией и для поддержки врагов партии, господ Потресовых, то перед нами лишь одно из многих проявлений политического лицемерия. Ни один политически мыслящий человек не скажет, будто г. Милюков всерьез борется с веховцами, когда он «спорит» с ними, объявляет их «легкомысленными» и в то же время работает политически рука об руку с ними. Всякий признает, что г. Милюков доказывает этим свое лицемерие, отнюдь не опровергая факта его политической солидарности с веховцами. Ни один политически мыслящий человек не скажет, будто г. Столыпин и его правительство всерьез борется с черной сотней, когда он «спорит» с ней (в «России»), обвиняет ее в «легкомыслии», но в то же время работает рука об руку с ней. Всякий признает, что г. Столыпин и царское правительство доказывают этим лишь свое лицемерие, отнюдь не опровергая факта их политической солидарности с Пуришкевичами.

Но если всякому должно быть ясно политическое лицемерие «Голоса», то намек Мартова, будто «легальность убивает» официальных представителей партии, не может быть ясен 999 из 1.000 читателей, ибо намек этот нарочито туманный.

Обязанность Ц. О.—туман насчет партийных дел разгонять, чтобы все поняли, в чем суть расхождения.

Мартов имеет в виду то, что, кроме решения Ц. К., никакого партийно-легального выхода из кризиса нет. Следовательно, если русским ликвидаторам удалось сорвать Ц. К. в России (и если заграничным ликвидаторам удастся сорвать созыв Ц. К. хотя бы за границей), то положение станет легально безвыходным. И Мартов заранее ликует: Ц. К.-де сорван окончательно, легального выхода нет, игра ликвидаторов-де выиграна.

Мартов поторопился. То, что у г. Потресова и прочих врагов партии на уме, оказалось слишком рано на языке у Мартова.

Да, Мартов прав! Единственный выход из кризиса в партии может быть найден Центральным Комитетом. Стало быть, если ввиду полицейских и вышеуказанных политических помех Ц. К.

не удастся собрать в России,—его надо собрать за границей. Это—единственное средство подойти к выходу из кризиса. И одно из партийных течений, заключивших на последнем пленуме Ц. К. договор относительно совместной партийной работы вне фракционных рамок, большевики сделали шаг, чтобы ускорить единственный выход из партийного кризиса. Представители большевистского течения передали имущество большевистской фракции в распоряжение партии с условием: что одновременно с уничтожением их, большевистского, фракционного центра будут уничтожены и фракционные центры: меньшевиков (голосовцев) и отзовистов («впередовцев»). Это условие не выполнено. Мало того. Руководящий орган фракции голосовцев «Голос С.-Д.» стал заведомо покровительствовать и прикрывать тех внутренних врагов партии, с которыми пленум Ц. К. единогласно поручил нам бороться самым решительным образом, как с буржуазными и враждебными партийным уклонениями от с.-д. Ввиду такого явного нарушения условий договора, заключенного на пленуме между всеми партийными течениями и группами, ввиду такой явно антипартийной политики одной из договаривавшихся сторон,—большевики сочли нужным потребовать возврата им денег, переданных ими условно партии год тому назад. 5 декабря 1910 года ими подано соответствующее заявление об этом в З. Б. Ц. К. Правильно или неправильно поступили большевики в этом случае, об этом будет судить предусмотренная пленумом инстанция. Суть дела в том, что теперь, с момента подачи представителями большевистского течения их заявки, созыв пленума Ц. К. за границей является уже не только необходимостью для отыскания выхода из внутреннего кризиса в партии: он является необходимостью, предписанной всем течениям и группам, заключавшим 6 января 1911 года договор, собственным же их о том обязательством—ими же единогласно принятой резолюцией *).

*) Дело в том, что на пленуме заключен, признан партийным законом, источником легальности для партии, договор Ц. К. с определенными представителями большевистского течения об условной передаче их имущества в партию. Этот договор опубликован в Ц. О. (№ 11), где оглашена также и вся процедура, предусмотренная пленумом в связи с этим договором. Главное, что предусмотрено в случае заявки большевиков о нарушении условий объединения

стал не только партийной необходимостью, он стал юридической обязанностью. Мы видим вновь, что другого легального исхода из положения—кроме созыва пленума Ц.К.—быть не может...

И вот тут-то политика голосовцев сразу вскрылась.

Согласно ясному и недвусмысленному постановлению Ц.К., З. Б. Ц. К. казалось бы, не оставалось ввиду заявки большевиков ничего другого, как созвать пленум, и только если бы попытки созыва не увенчались успехом в течение 3-х месяцев, прибегнуть к другому предусмотренному Ц. К. способу разрешения вопроса. Но голосовцы повели себя иначе.

12-го декабря голосовец И.²⁶), член З. Б. Ц. К., подал письменное заявление, в котором объявляет, что он против созыва пленума, что он соглашается лишь на комиссию!

Ясно, в чем тут соль: пленум суверенен и, раз собравшись, может найти легальный выход из кризиса, из невозможного положения дел в России. Комиссия же не суверенна, никаких прав (кроме разбора претензии оденьгах большевиков) не имеет, никакого легального выхода из кризиса найти не может.

Вышло по пословице: не рой другому ямы, сам в нее упадешь!

Не успел Мартов любезно указать партии на ту «яму» безвыходного будто бы в легальном смысле положения, в которой ликвидаторы так рады бы были видеть официальную партию, как в этой яме оказался голосовец И.!

Ликвидаторы русские сорвали Ц. К. в России. Теперь ликвидаторы заграничные срывают созыв Ц. К. и за границей. Ликвидаторы ликуют, предвкушая величайшую радость (для Столыпина и для ликвидаторов): отсутствие всякого Ц. К. То-то благодать для господ Потресовых, для фракции «впередовцев»!

Мы не станем останавливаться здесь на увертках голосовца И. и на опровержении их в контр-заявлении большевика—члена З. Б. Ц. К. *). Отметим лишь, что голосовец И. был настолько

голосовцами и впередовцами, есть созыв пленума (за границей). «Если по тем или другим причинам не удастся,—гласит постановление пленума, напечатанное в № 11 Ц. О.,—в течение 3-х месяцев с момента заявления представителями большевистского течения своего требования устроить пленум, созывается особая комиссия».

*) Последний товарищ письмом в редакцию Ц. О. просит нас помочь ему довести до сведения партии о попытках срыва пленума голосовцами.

предупредителем, что прямо заявил о своем протесте против пленума, даже если бы он созывался по общему уставу (для этого требуется единогласие в З. Б. Ц. К.), а не по специальному постановлению на случай заявки. Голосовец И. находит созыв пленума делом «громоздким» и т. д. Понятно: ведь для ликвидаторов и самое существование нашей нелегальной партии чересчур «громоздко». Пленум будет преимущественно эмигрантским—таков второй «довод» голосовца И. Но это не мешает голосовцам всеми силами поддерживать чистоту эмигрантский план созыва «общепартийной» конференции Троцким помимо и против Центрального Комитета...

Голосовцы во всяком случае решили сорвать всякий Ц. К.!

Мы должны, далее, обратить внимание членов партии на более общий вопрос—о положении дел в Р. С.-Д. Р. П. Как и всякая революционная партия, наша партия может существовать и развиваться лишь при условии хотя бы элементарного желанія революционеров помогать друг другу при проведении общей работы.

Если партийные уставы и решения («легальность» партии) служат не для того, чтобы облегчать эту совместную работу, а для зацепок, позволяющих тормозить ее изнутри важнейших партийных коллегий, то партийная работа превращается в недостойную комедию. Во всякой иной партии трудности созыва Ц. К. вызвали бы сразу десятки форм и путей обхода полицейских трудностей и изыскания новых и новых приемов работы. У нас же фракционеры внутри партии служат: кто—г.г. Потресовым, кто—прямым сговаривающимся и полуанархистам вне партии. «Легальность» превращается у таких, как голосовец И., в средство изнутри партии вредить ей, тормозить работу, помогать г.г. Потресовым разрушить партию *). Подобное положение невозможно. И ему не помогут «благожелательные резолюции», над которыми законно смеется тот же Мартов. Чтобы помочь делу, надо прежде всего понять

*) Когда Мартов издевается над официальными партийными учреждениями, говоря: «легальность их убивает», то он прав постольку, поскольку «убивают» плодотворность работы такие «легальные» (т.-е. партийным уставом или решением пленума созданные) формы этих учреждений, которые позволяют тормозить работу Михаилу, Роману, Юрию,—голосовцам (через И.) и т. д.

дело. Надо понять, почему нелепо, недостойно, смешно сочинять благожелательные резолюции о совместной работе с такими г.г., как Потресовы и К-о. Когда партия поймет, что тут две несовместимые политики, что тут вопрос о с.-д-изме и либерализме, тогда партия быстро найдет выход. Тогда мы сумеем создать «легальность» не для того, чтобы ликвидаторы делали из нее подножки партии.

Надо сознаться, что г. Потресова и его друзей, а также голосовца И. и его друзей следует благодарить за то, как успешно они облегчают партии понимание этого.

Выступление Троцкого, будучи по внешности совершенно не связано с Мартовским издевательством над неудачами партии, со срывом голосовцами Ц. К., на деле связано с тем и другим неразрывной связью, связью «интереса». Многие в партии не понимают еще в чем эта связь. Венская резолюция от 26 ноября 1910 г. поможет им, наверное, понять суть дела.

Резолюция состоит из трех частей: 1) из объявления войны «Рабочей Газете» (призыв «дать решительный отпор» ей, как «новым фракционно-кружковым предприятиям», по выражению Троцкого); 2) из полемики против линии большевистско-плехановского «блока»; 3) из объявления, «что собрание Венского клуба (т.-е. Троцкий и его кружок) постановляет организовать общепартийный фонд для подготовки и созыва конференции Р. С.-Д. Р. П.».

На первой части мы вовсе не будем останавливаться. Троцкий вполне прав, когда говорит, что «Рабочая Газета» — «частное предприятие», и что она не «уполномочена говорить от имени партии в целом».

Напрасно только забывает Троцкий, что и он и его «Правда» тоже не уполномочены на это. Напрасно обходит он молчанием, говоря, что пленум признал работу «Правды» полезной, — тот факт, что пленум назначил представителя Ц. К. в редакцию «Правды»²⁷). Умолчание об этом при упоминании о решениях пленума насчет «Правды» нельзя назвать иначе, как обманом рабочих. И этот обман Троцкого тем более злостный, что в августе 1910 года Троцкий удалил из «Правды» представителя Ц. К. После этого происшествия, после разрыва связи «Правды» с Ц. К., газета Троцкого есть не что иное, как «частное предприятие», не сумевшее притом выполнить взятых на себя обязательств. Пока не собрался вновь Ц. К.,

нет иного судьи отношения «Правды» к Ц. К., как представитель Ц. К., пленумом назначенный и признавший поведение Троцкого антипартийным.

Вот что вытекает из поднятого Троцким так кстати вопроса о том, кто «уполномочен говорить от имени партии в целом».

Мало того. Поскольку (и до тех пор пока) русский Ц. К. срывают ликвидаторы-независимцы легалисты, поскольку (и до тех пор пока) заграничный Ц. К. срывают голосовцы, единственным учреждением, уполномоченным «говорить от имени партии в целом», остается Ц. Орган.

И мы заявляем поэтому от имени партии в целом, что Троцкий ведет антипартийную политику;—что он разрывает партийную легальность, вступает на путь авантюры и раскола, когда в своей резолюции, ни звуком не помяная о Ц. К. (как будто бы он договорился уже с голосовцами о том, что Ц. К. будет сорван!), от имени одной заграничной группы объявляет об «организации фонда для созыва конференции Р. С.-Д. Р. П.». Если бы усилия ликвидаторов сорвать Ц. К. увенчались успехом, то мы, как единственное учреждение, уполномоченное говорить от имени партии в целом, объявили бы немедленно, что никакого участия в «фонде» и в затее Троцкого мы не принимаем и вообще партийной будем считать лишь конференцию, созываемую Ц. Органом, а не кружком Троцкого *).

Но, пока еще вопрос о срыве Ц. К. не решен событиями окончательно, есть надежда на вполне легальный партийный исход.

Призывая членов партии к решительной борьбе за этот партийно-легальный исход, мы займемся выяснением «принципиальных основ» расхождения, которое голосовцы и Троцкий спешат довести до раскола—первые, срывая Ц. К., второй—игнорируя его и «организуя фонд» для созыва «конференции Р. С.-Д. Р. П.» (не шутите!) кружком Троцкого.

Троцкий пишет в своей резолюции, что борьба, которую ведут «ленинцы и плехановцы» (этой подстановкой личностей на место течений большевизма и партийного меньшевизма Троцкий хочет выразить свое пренебрежение, но выражает лишь

*) Что действительно общепартийная конференция, созванная Ц. К-том партии необходима возможно скорее об этом не может быть спора.

свое непонимание), что эта борьба «лишена в настоящее время всякой принципиальной основы».

Вот к выяснению этих принципиальных основ Ц. О. и зовет с.-д. вся Русь: займемся именно этим интересным вопросом, пока идет «неинтересная» борьба из-за созыва пленума!

Выписываем полностью мотивы, по которым Троцкий объявляет борьбу Ц. О. лишенной всякой принципиальной основы:

«...Среди всех (курсив Троцкого) партийных течений твердо укоренилось убеждение в необходимости восстановления нелегальной организации, объединения легальной и нелегальной работы, проведения выдержанной с.-д. тактики, и эти основные директивы последний пленум наметил единогласно».

«Трудность состоит сейчас, через год после пленума, не в провозглашении этих истин, а в проведении их в жизнь. Путь же к этому—дружная совместная работа всех частей партии: «голосовцев», «плехановцев», «ленинцев», «впередовцев», нефракционных, ибо партия духовно вышла уже из периода детства, и всем ее членам пора сознавать себя и действовать в качестве революционных с.-д., патриотов своей партии, без дальнейших фракционных наименований. И это сотрудничество должно совершаться в общепартийных рамках, а не вокруг фракционных органов».

Вот образец того, как хорошие слова истрепываются во фразу, прикрывая величайшую неправду, величайший обман и самих тех, кто фразой упивается, и всей партии.

Ведь это же прямая и вопиющая неправда, будто среди всех партийных течений твердо укрепилось убеждение в необходимости восстановления нелегальной организации. Каждый № «Голоса» показывает, что голосовцы считают группу г. Потресова и К-о партийным течением и что они не только «считают» ее таковым, но и систематически в ее «работе» участвуют. Не смешно ли, не позорно ли теперь, через год после пленума, играть в прятки, обманывать себя и обманывать рабочих, отделываться словесными увертками, когда речь идет о «проведении в жизнь», а не о фразах?

Да или нет? Считает ли Троцкий г. Потресова и К-о, точно названных в Ц. О., «партийным течением» или нет? Этот вопрос есть именно вопрос о «проведении в жизнь» решений пленума, и Ц. О. вот уже год, как этот вопрос поставил ясно, резко, недвусмысленно, поставил так, что никакие увертки невозможны!

Троцкий пытается опять и опять отделаться умолчанием или фразой, ибо ему нужно скрыть от читателей и от партии правду, именно: что группы г. Потресова, 16-ти и т. д. абсолютно независимы от партии, вполне обособлены фракционно, не только не восстанавливают нелегальную организацию, а срывают ее восстановление, н и к а к о й социал-демократической тактики не проводят. Троцкому нужно скрыть от партии ту правду, что голосовцы представляют из себя столь же обособленную от партии заграничную фракцию, служащую на деле русским ликвидаторам

А «впередовцы»? Троцкий прекрасно знает, что и они п о с л е пленума укрепили и развили свою особую фракцию, с независимыми от партии средствами, с особой фракционной школой, в которой учат вовсе не «выдержанной» с.-д. тактике, а тому, что «отзовизм законный оттенок», в которой учат отзовистским взглядам на роль III Думы, взглядам, выраженным во фракционной платформе «Вперед».

Умалчивает Троцкий об этой бесспорной правде потому, что для р е а л ь н ы х целей его политики правда непереносима. А реальные цели все больше выясняются и становятся очевидными даже для наименее дальновидных партийцев. Эти реальные цели—а н т и п а р т и й н ы й б л о к П о т р е с о в ы х с в п е р е д о в ц а м и, каковой блок Троцким поддерживается и организуется. Принятие резолюций Троцкого (вроде «Венской») голосовцами, кокетничанье «Правды» с впередовцами, рассказы «Правды» о том, будто в России на местах действуют только впередовцы да троцкисты, рекламирование фракционной школы впередовцев «Правдой», прямая поддержка этой школы Троцким,—все это факты, которых долго скрывать нельзя. Шила в мешке не утаишь.

Содержание политики Троцкого есть «дружная работа» «Правды» с фракциями г.г. Потресовых и впередовцев. Роли распределены в этом блоке ясно: г.г. Потресовы продолжают независимо от партии свою легалистскую работу, свое разрушение социал-демократии, «голосовцы» образуют заграничный отдел этой фракции, а Троцкий берет на себя роль адвоката, уверяющего наивную публику, что «среди всех партийных течений твердо укоренилась» «выдержанная с.-д. тактика». Впередовцы получают такого же адвоката, защищающего свободу их фракционной школы, прикрывающего их политику лицемерной,

казенной фразой. Этот блок, конечно, поддержит «фонд» Троцкого и антипартийную конференцию, им созываемую, ибо и г.г. Потресовы и впередовцы получают здесь то, что им нужно: свободу своих фракций, освящение их, прикрытие их деятельности, адвокатскую защиту ее перед рабочими.

И вот именно с точки зрения «принципиальных основ» мы не можем не признать этот блок а в а н т ю р и з м о м в самом точном значении слова. Сказать, что он видит настоящих марксистов, действительных защитников принципиальности социал-демократизма в Потресове, в отзовистах, Троцкий не с м е е т. В том и суть позиции авантюриста, что ему приходится перманентно увиливать. Ибо все и каждый видит и знает, что г.г. Потресовы и отзовисты все имеют свою линию (анти-социал-демократическую линию) и в е д у т ее, тогда как дипломаты «Голоса» и «Вперед» ничем, кроме прикрытия, не служат.

Самая глубокая причина того, почему новый блок о с у ж д е н на провал, как бы велик ни был успех его перед обывательскими элементами, какие бы «фонды» ни собрал Троцкий при помощи впередовских и потресовских «источников», заключается в том, что этот блок б е с п р и н ц и п е н. Теория марксизма, «п р и н ц и п и а л ь н ы е о с н о в ы» всего нашего мирозерцания, всей нашей партийной программы и тактики не случайно, а неизбежно выдвинулись теперь на одно из первых мест во всей жизни партии. Не случайно, а неизбежно было то, что после неудачи революции во всех классах общества, среди самых широких народных масс пробудился интерес к глубоким основам всего мирозерцания вплоть до вопросов религии и философии, вплоть до принципов нашего марксистского учения в ц е л о м. Не случайно, а неизбежно массы, втянутые революцией в острую борьбу из-за вопросов тактики, предъявили в эпоху отсутствия открытых выступлений запросы к знанию о б щ е т е о р е т и ч е с к о м у. О с н о в ы м а р к с и з м а надо заново разъяснять этим массам, защита теории марксизма опять выдвигается на очередь. Если Троцкий объявляет сближение партийных меньшевиков с большевиками «политически-бессодержательным» и «неустойчивым», то это лишь показывает глубину его невежества, это лишь обрисовывает его собственную полную бессодержательность. Именно принципиальные основы марксизма восторжествовали в борьбе большевиков с «впередовскими» несоциал-демократическими

идеями, в борьбе партийных меньшевиков с г.г. Потресовыми и голосовцами. Именно это сближение на вопросе о принципах основных основах марксизма и было реальной базой действительно дружной работы партийных меньшевиков с большевиками за целый год после пленума. Это—факт, а не слова, не обещания, не «благожелательные резолюции». И каковы бы ни были разногласия меньшевизма с большевизмом в прошлом и будущем (только авантюристы способны привлекать толпу посулами об исчезновении разногласий, о «ликвидировании» их той или иной резолюцией), этот исторический факт вычеркнуть нельзя. Только внутреннее развитие самих главных фракций, только их собственная идейная эволюция может дать залог уничтожения фракций на деле, путем их сближения, путем испытания их на общей работе. И это началось после пленума. Дружной работы Потресова с впередовцами и с Троцким мы еще не видели, а видели только кружковую дипломатию, игру в слова, солидарность в увертках. Дружную работу партийных меньшевиков с большевиками партия в течение года видела, и всякий, кто способен ценить марксизм, всякий, кому дороги «принципиальные основы» социал-демократизма, не усомнится ни на минуту в том, что девять десятых рабочих обеих фракций будут на стороне этого сближения.

Блок Троцкого с Потресовым и впередовцами есть авантюра именно с точки зрения «принципиальных основ». Не менее верно это с точки зрения партийно-политических задач. Эти задачи действительно указаны пленумом единогласно, но они вовсе не сводятся к той банальной фразе: объединение легальной и нелегальной работы (ведь и кадеты «объединяют» легальную «Речь» с нелегальным «кадетским» Ц. К.), которую выбирает Троцкий нарочно, чтобы угодить г.г. Потресовым и впередовцам, ничего не имеющим против пустых фраз и банальностей.

«Историческая обстановка с.-д. движения в эпоху буржуазной контр-революции,—гласит резолюция пленума,—неизбежно порождает, как проявление буржуазного влияния на пролетариат, с одной стороны, отрицание нелегальной с.-д. партии, принижение ее роста и значения, попытки укоротить программные и тактические задачи и лозунги революционной социал-демократии и т. д.; с другой стороны, отрицание думской работы с.-д. и использования легальных возможностей, непонимание важно-

сти того и другого, неумение приспособить революционно-социал-демократическую тактику к своеобразным историческим условиям современного момента и т. д.».

После годичного опыта нельзя уклоняться от прямого ответа на вопрос о реальном значении этих указаний. Нельзя забывать, что на пленуме все националы (к которым примкнул тогда вечно примыкающий ко всякому большинству того или иного момента Троцкий) письменно заявили, что «п о с у щ е с т в у было бы желательно назвать ликвидаторством указанное в резолюции течение, с которым необходимо бороться».

Годичный опыт после пленума показал на деле, что именно группы Потресова, именно фракция впередовцев и воплощают это буржуазное влияние на пролетариат. Обход этого очевидного факта и есть авантюризм, ибо никто еще до сих пор не решался сказать прямо, что у Потресовых и К-о нет линии ликвидаторства, что признание отзовизма «законным оттенком» соответствует линии партии. Мы не даром прожили год после пленума. Мы стали богаче опытом. Мы увидели на деле проявление отмеченных тогда тенденций. Мы увидели фракции, воплотившие эти тенденции. И словами о «дружной работе» этих антипартийных фракций в якобы «партийном» духе нельзя уже теперь обмануть сколько-нибудь широкие слои рабочих.

Наконец, в-третьих, политика Троцкого есть авантюра в смысле организации, ибо, как мы уже указали, она рвет партийную легальность и, организуя конференцию от имени одной заграничной группы (или от имени блока двух антипартийных фракций, голосовцев и впередовцев), она прямо вступает на путь раскола. Будучи уполномочены говорить от имени партии в целом, мы обязаны до конца отстаивать партийную легальность. Но мы вовсе не хотим, чтобы члены партии из-за форм «легальности» не видели сути дела. Напротив, именно на суть дела, сводящуюся к блоку голосовцев и впередовцев, охраняющему полную свободу ликвидаторской деятельности г.г. Потресовых и отзовистского разрушения партии, мы обращаем главное внимание социал-демократов.

К решительной борьбе за партийную легальность, к борьбе с антипартийным блоком во имя принципиальных основ мар-

ксизма и очистки социал-демократизма от либерализма и анархизма и призываем мы всех соц.-дем.

Р. С. Выпуск вышенапечатанной статьи отдельным оттиском (что сделано было на основании голосов большинства редакции—двух представителей большевистского течения и представителя польской организации) вызвал со стороны двух других членов редакции—голосовцев—протест, выпущенный отдельным листком. В этом листке авторы его не касаются содержания статьи: «О положении дел в партии» по существу, а обвиняют большинство редакции: 1) в нарушении формальных прав их, двух соредакторов, 2) в совершении «полицейского доноса». Мы считаем самым правильным—раз спор происходит не в плоскости принципов и тактики, а в области организационной склоки и личных нападков, перенести его всецело в Центральный Комитет. Думаем, что, и не дожидаясь решения Ц. К. по этому вопросу, все партийные товарищи сумеют по достоинству оценить методы «полемики» двух членов редакции, Мартова и Дана.

*Приложение к № 19—20 «Социал-Демократа».
от 13 (26) января 1911 г.*

Наши упразднители.

(О г. Потресове и В. Базарове.)

Бывают такие литературные выступления, все значение которых состоит в их геростратовском характере. Самое дюжинное литературное произведение, вроде, например, известных «предпосылок» Эд. Бернштейна, получает выдающееся политическое значение, становится манифестом внутри-марксистского течения, по всей линии отходящего от марксизма. Такое же выдающееся значение по своему геростратовскому характеру имеют, несомненно, статья г. Потресова о пустяках в февральском номере «Нашей Зари» за прошлый год и ответ В. Базарова в апрельской книжке «Н. З.». Конечно, затронутые этими статьями вопросы далеко не так глубоки, не так широки, не имеют того международного значения, как вопросы, поднятые (вернее: выдвинутые вслед за буржуазией) Бернштейном, но для нас, русских, в период 1908—1909—1910—? годов, это—вопросы громадной, кардинальной важности. Поэтому статьи г. Потресова и В. Базарова не устарели и говорить о них необходимо, обязательно.

I.

Любитель искусственных, вычурных, вымученных словечек, г. Потресов посвящает свою статью «современной драме наших общественно-политических направлений». На самом деле ровнехонько ничего драматического он не указал и не мог указать в той после-революционной эволюции либерализма, народничества и марксизма, о которой взялся говорить. Зато комического в рассуждениях г. Потресова не оберешься.

«Именно либерализм,—пишет г. Потресов,—как идейное течение, являет собой картину величайшего разложения и величайшей беспомощности. Взять хотя бы эту углубляющуюся трещину, которая залегла между либерализмом практическим и либерализмом теоретизирующим»,—между «эмпиризмом» «Речи» Милюкова и теориями веховцев.

— Полноте-ка, любезнейший! Углубляющаяся трещина залегла между тем, что вы и подобные вам полу-либералы говорили и думали о кадетях в 1905—1906—1907 годах, и тем, что вы вынуждены признать, путаясь и противореча себе, в 1909—1910 г.г. Противоречие между «эмпиризмом» либеральных практиков и теориями господ à la Струве вполне ясно сказалось даже раньше 1905 года: припомните-ка, как сбивалось буквально на каждой своей попытке «теоретизировать» тогдашнее «Освобождение». Если вы теперь начинаете соображать, что либерализм «оказался» будто бы «разорванным» (это опять и опять словесный выверт, пустая фраза, ибо веховцы как раз не разорвали с «Речью» и обратно, а ужились, и уживаются, и уживутся отлично), «бесплодным», «висящим в воздухе», что это лишь «наименее устойчивая» (sic!) «часть буржуазной демократии», «недурной податель избирательных бюллетеней» и проч.—то ваши крики о «драме» либерализма знаменуют лишь трагикомедию краха ваших иллюзий. Либерализм «оказался» наименее устойчивой частью буржуазной демократии как раз не в настоящее время, не в трехлетие 1908—1910 годов, а именно в предыдущее трехлетие. «Наименее устойчивы» те квази-социалисты, которые преподносят публике горчицу после ужина. Отличительным признаком предыдущего трехлетия, по разбираемому г. Потресовым вопросу, является «висящий в воздухе» либерализм, «бесплодный» «податель избират. бюллетеней» и т. д. Тогда

признание такого характера либерализма было политической задачей дня, предостережение масс было злободневной обязанностью не только социалистов, но и последовательных демократов. В марте 1906 года, а не в феврале 1910-го, важно было предостережение насчет того, что либерализм кадетов висит в воздухе, что он бесплоден, что объективные условия сводят к ничтожеству, к комедии «недурных подателей избирательных бюллетеней», что кадетские победы—неустойчивый зигзаг между «серьезным» конституционализмом (читай: якобы-конституционализмом) Шиновых или Гучковых и борьбой за демократию тех элементов, которые не висят в воздухе и не ограничиваются влюбленным сохранением избирательных бюллетеней. Припомните-ка, любезнейший, кто говорил эту правду о либералах во-время, в марте 1906 года?

Отличительным признаком, своеобразной чертой нашего трехлетия (1908—1910 г.г.) является вовсе не «бесплодность» «висящего в воздухе» и т. д. либерализма. Наоборот. В классовом бессилии либерализма, в его боязни перед демократией, в его политическом убожестве ничего не изменилось, но это бессилие достигло апогея тогда, когда были возможности проявить силу, когда были на-лицо условия, давшие либералам полное преобладание на известной хотя бы арене действия. Вот, когда кадеты имели большинство в Первой, например, Думе, тогда они могли использовать это большинство для службы демократии и для торможения дела демократии, для содействия демократии (хотя бы в маленьком деле, скажем, в организации местных земельных комитетов) и для нанесения ударов в спину демократии. Вот для этого периода х а р а к т е р н о, что кадеты «висели в воздухе», что «недурной податель избирательных бюллетеней» оказался сочинителем наказов для будущей октябристской Думы, и только.

В следующее же трехлетие кадеты, оставаясь тем, что они есть, чем они всегда были, кадеты м е н е е «висят в воздухе», чем прежде. Вы похожи, г. Потресов, как раз на того героя народного эпоса, который не совсем во-время выкрикивает свои пожелания и свои мнения. Веховцы 1909 года м е н ь ш е «висят в воздухе», чем Муромцев 1906 года, ибо веховцы приносят с е р ь е з н у ю пользу, служат д е л о в у ю службу такому классу, который имеет большую силу в народном хозяйстве России, именно землевладельцам и капиталистам. Веховцы помогают этим достопочтенным людям собирать арсенал оружий

для идейно-политической борьбы с демократией и социализмом: это—такое дело, которое не может быть разрушено никаким разгоном Думы, никакими вообще политическими треволнениями на данной общественно-экономической почве. Пока существует класс землевладельцев-помещиков и капиталистов, будут существовать и их публицистические приказчики: Изгоевы, Струве, Франки и К-о. А вот «дело» Муромцевых и перводумских кадетов вообще могло быть «разрушено» (ибо дела-то у них не было, а были слова, развращающие народ, а не служащие нареду) разгоном Думы.

Кадеты в III Думе—та же партия, с той же идеологией, с той же политикой, в значительной степени с тем же личным составом, что в I Думе. И именно поэтому кадеты в III Думе гораздо меньше «висят в воздухе», чем в I. Вы этого не понимаете, любезный г. Потресов? Напрасно же вы брались рассуждать о «современной драме наших общественно-политических направлений»! Я вам даже скажу по секрету, что и впредь, в течение, вероятно, довольно значительного времени, политическая деятельность кадетов не будет «бесплодна»—не только благодаря реакционной «сильноплодности» веховцев, но и благодаря тому, что, пока есть у демократии политические караси, будет чем жить и шукам либерализма. Пока есть такая неустойчивость в социализме, такая дряблость в демократии, которая иллюстрируется очень наглядно фигурами à la Потресов, до тех пор искусства «эмпириков» либерализма всегда хватит для уловления этих карасей. Не горюйте, кадеты: вам есть чем жить, пока живы Потресовы!

II.

Говоря о народничестве, г. Потресов еще менее сводит концы с концами. Кадетов он называет «бывшими демократами» и даже «бывшими либералами». Про крестьянство он говорит: «вышедшее в политическую жизнь крестьянство» (по мнению г. Потресова оно еще не вошло в эту жизнь) «начало бы совершенно новую главу истории—историю крестьянской демократии—и тем самым поставило бы крест над старой, интеллигентской, народнической».

Итак, кадеты—бывшие демократы, а крестьянство—будущие. Где же настоящее? Или демократии, массовой демократии не было в России 1905—1907 годов? нет в России 1908—1910 годов? Настоящее припрятано Потресовым посредством различных «об-

ходных», обходящих суть вопроса, фраз, ибо прямое и простое признание несомненного настоящего бьет в лицо всей ликвидаторской философии г.г. Потресовых. Это простое и прямое признание вполне бесспорного теперь исторического факта состоит в том, что кадеты н и к о г д а в России сколько-нибудь массовой демократии не представляли, никогда демократической политики не вели, а крестьянство—то самое «многомиллионное крестьянство», о котором говорит и г. Потресов, эту буржуазную демократию (со всеми ограниченностями буржуазной демократии) представляло и представляет. Г. Потресов уваливает по этому к о р е н н о м у вопросу, чтобы спасти именно ликвидаторскую философию. Не спасете!

Стараясь обойти прошлое и настоящее крестьянской демократии, г. Потресов опять попадает впросак, уверенно говоря о будущем. Опять опоздали, любезнейший! Вы сами говорите о «возможных последствиях закона 9 ноября»,—значит, сами признаете возможность (конечно, чисто абстрактную) его успеха. А при таком успехе «н о в а я глава истории» может быть главой не только из истории к р е с т ь я н с к о й демократии, а также из истории крестьянских а г р а р и е в.

Развитие крестьянского хозяйства в России, а следовательно, и крестьянского землевладения и крестьянской политики не может идти иначе, как капиталистически. Народническая аграрная программа в ее сути, в виде, например, известной платформы 104-х (I и II Думы) ²⁸⁾, не только не противоречит этому капиталистическому развитию, а, напротив, означает создание условий для самого широкого и самого быстрого капиталистического развития. Современная аграрная программа означает, наоборот, самое медленное, самое узкое, наиболее отягченное следами крепостничества капиталистическое развитие. Объективные, историко-экономические условия не решили еще того, которая из этих программ в последнем счете определит форму буржуазных аграрных отношений новой России.

Таковы те простые факты, которые приходится зачитывать представителям ликвидаторства.

«Неизменным при всех переменах,—пишет г. Потресов о переменах в интеллигентской, народнической демократии,—осталось одно: в интеллигентскую идеологию на крестьянской подкладке конкретное крестьянство не внесло до сих пор (!) своего корректива».

Это—чисто веховская и насквозь лживая фраза. В 1905 г. на открытой исторической сцене было самое «конкретное» и самое рядовое, массовое крестьянство, внесло целый ряд «коррективов» в «интеллигентскую идеологию» народников и народнических партий. Не все эти коррективы поняты народниками, но крестьянство их внесло. В 1906 и 1907 г.г. самое «конкретное» крестьянство создало трудовые группы и проект 104-х, внеся этим ряд коррективов, частью отмеченных даже народниками. Общепризнано, например, что «конкретное» крестьянство обнаружило свои хозяйские стремления и вместо «общины» одобрило личное и товарищеское землевладение.

Веховцы, очищая либерализм от демократии и превращая его систематически в прислужника денежного излишка, выполняют правильно свое историческое назначение, когда объявляют движение 1905—1907 годов интеллигентским и уверяют, что конкретное крестьянство не внесло своего корректива в интеллигентскую идеологию. Трагикомедия ликвидаторства в том и состоит, что оно не замечает, как его утверждения превратились в простой перепев идей веховцев.

III.

Это превращение становится еще более очевидным, когда г. Потресов переходит к рассуждениям о марксизме. Интеллигенция,—пишет он,—«заслоняла собой... своим партийно-кружковым строительством пролетариат». Вы не сможете отрицать того факта, что в самый широкий оборот, и через «Вехи» и через всю либеральную печать, эта идея пущена буржуазией, использована ею против пролетариата. Аксельрод писал в том самом фельетоне, в котором он выдвигал эту идею, о «проказнице-истории», которая могла бы доставить буржуазной демократии вождя из школы марксизма. Проказница-история воспользовалась той ямой, которую Аксельрод любезно грозился вырыть для большевиков, чтобы поместить в этой яме самого Аксельрода!

Если вы перейдете к объективным историческим фактам, то все они, вся эпоха 1905—1907 годов, хотя бы даже выборы во II Думу (если взять для примера факт не из самых крупных, но из самых простых) доказали бесповоротно, что «партийно-кружковое строительство» не «заслоняло» пролетария,

а непосредственно перешло в партийное и профессионально-союзное строительство широких масс пролетариата.

Но перейдем к главному, к «гвоздю» геростратовского выступления г. Потресова. Он утверждает, что марксистская мысль «дурманит себя гашишем пустяков»—с махизмом и борьба с ликвидаторством—«дебатируя обо всем, о чем угодно, но только не о том, что является нервом такого общественно-политического направления, как марксистское, но только не о вопросах экономики и не о вопросах политики». Сколько их, этих вопросов! восклицает г. Потресов. «Как идет экономическое развитие России, какие перемещения сил производит оно под сурдинку реакции, что творится в деревне и в городе, какие изменения несет это развитие в социальный состав рабочего класса России и проч. и проч.? Где ответы или приступ к ответу на эти вопросы, где экономическая школа русского марксизма?»

Ответ, и уже во всяком случае приступ к ответу, дан той самой «иерархией», существование которой г. Потресов злостно и лицемерно отрицает. Развитие русского государственного строя за последние три века показывает нам, что он изменял свой классовый характер в одном определенном направлении. Монархия XVII века с боярской думой не похожа на чиновничье-дворянскую монархию XVIII века. Монархия первой половины XIX века—не то, что монархия 1861—1904 годов. В 1908—1910 г.г. явственно обрисовалась новая полоса, знаменующая еще один шаг в том же направлении, которое можно назвать направлением к буржуазной монархии. В тесной связи с этим шагом стоит и III Дума и ваша современная аграрная политика. Новая полоса, таким образом, не случайность, а своеобразная ступень к капиталистической эволюции страны. Не решая старых проблем, не будучи в состоянии решить их, а следовательно, не устраняя их, эта новая полоса требует применения новых приемов подготовки к старому решению старых проблем. В этом—своеобразие этой невеселой, серой, тяжелой, но оказавшейся неизбежной, полосы. Из этого своеобразия ее экономических и политических особенностей вытекает своеобразие идейных группировок внутри марксизма. Те, кто признает новые приемы подготовки к старому решению старых проблем, сближаются на общей деловой почве, на общей задаче данного периода, хотя их продолжает разделять вопрос о том, как во время предыдущего периода следовало при-

менять в тот или иной момент или двигать вперед старое решение. Те, кто отрицает (или не понимает) новых приемов подготовки или того, что перед нами стоят старые проблемы, что мы идем навстречу старому их решению, те покидают н а д е л е почву марксизма, те оказываются н а д е л е в плену у либералов (как Потресов, Левицкий и т. д.) или у идеалистов и синдикалистов (как В. Базаров и др.).

Находясь в плену у чужих людей и чужих идей, и Потресов, и Базаров вместе с их единомышленниками неизбежно запутываются и попадают в самое комичное, самое фальшивое положение. Г. Потресов, бия себя в грудь, кричит: «г д е э т о т п р и - с т у п и каков этот о т в е т?». Мартов, так же хорошо зная этот ответ, пытается уверить публику, будто этот ответ признает «буржуазию у власти»: обычный прием либералов испытывать вынужденное временное молчание противника! И нас с оскорбленным видом спрашивают при этом: что такое ликвидаторство? Да вот именно этот прием, почтеннейшие, когда люди, претендующие на принадлежность к «целому», пользуясь его ослабленностью, уверяют публику, что «ответа» нет (тогда как «ответ» дан именно «целым»), есть уже один из приемов ликвидаторства (если не ренегатства).

«Ликвидаторство есть «фантом в больном воображении»,— пишет г. Потресов,—ибо нельзя ликвидировать то, что уже не поддается ликвидации, чего на самом деле уже нет, как организованного целого».

Я лишен возможности полностью передать читателю мой взгляд на эти строки; чтобы приблизительно передать его, спрошу читателя: как называется человек, у которого ближайшие единомышленники и коллеги принимают выгодные для них предложения «целого» (именно как «целого») и который на другой день в печати заявляет: «целого» в печати нет?

По этому пункту точка.

Встает вопрос принципиальный: может ли взгляд на необходимость старого решения старых проблем меняться в зависимости от с т е п е н и распада—даже, если хотите, от исчезновения—«целого»? Всякий понимает, что нет. Если объективные условия, если коренные экономические и политические черты современной эпохи требуют старого решения, то чем сильнее распад, чем меньше осталось от «целого», тем больше надо заботиться, тем горячее публицисту надо говорить о необходимости «целого». Следует

признать новые приемы подготовки, как мы уже указали, но кто должен применять их? Ясно, что задача публициста для тех, кто понял значение переживаемого периода, его основные политические особенности, диаметрально противоположны в с е й линии господ Потресовых. Не может быть и речи о том, чтобы кто-либо вздумал серьезно отрицать связь вышеизложенного мной «ответа» (на вопрос об экономике и политике данного момента) с анти-ликвидаторством.

От общепринципальной постановки вопроса перейдем к конкретно-исторической. В период 1908—1910 годов вполне обрисовалось то течение в марксизме, которое проповедует необходимость старого решения, ведет соответственную линию. Обрисовалось и другое течение, в с е э т и т р и г о д а противодействовавшее признанию «старого решения» и созданию старых основных форм целого. Отрицать этот факт смешно. Обрисовалось и третье течение, все эти три года не понимавшее новых форм подготовки, значения деятельности изнутри III Думы и т. д. Такие люди превратили признание старого решения в фразу, заученную, но непонятую, повторяемую по привычке, а не п р и м е н я е м у ю сознательно, продуманно к изменившейся обстановке (изменившейся хотя бы в области думской работы, но, конечно, не только в этой области).

Связь ликвидаторства с всеобщим обывательским настроением «усталости» очевидна. «Уставшие» (особенно уставшие от ничего неделанья) не заботятся о выработке себе точного ответа на вопрос об экономической и политической оценке текущего момента: они все согласны с оценкой, данной выше и формально о б щ е п р и з н а н н о й, как оценка от имени целого, но они все боятся и думать о том, чтобы противопоставить с в о ю точную оценку, хотя бы оценку сотрудников ликвидаторской «Н. Зари», «Жизни» и т. п. «Уставшие» твердят: старого нет, старое нежизнеспособно, омертвело и т. д. и т. п., но утруждать себя ответом, чисто политическим, точно формулированным ответом на обязательный (для всякого честного публициста)—обязательный вопрос: что же именно нужно вместо старого, нужно ли восстанавливать «не подлежащее (якобы) ликвидации, как уже ликвидированное» (по Потресову),—утрудить себя этим они не намереваются. Три года они ругают старое, поносят его—особенно с таких подмостков, на которые вход защитникам старого воспрещается, и, нежно обнимаясь

с Изгоевыми *), восклицают: какие это пустяки, какой фантом разговоры о ликвидаторстве!

Про таких «уставших», про г. Потресова и К-о, нельзя повторить известного стиха: «они не предали, они устали свой крест нести; покинул их дух гнева и печали на полпути».

Такие «уставшие», которые входят на трибуну публициста и с нее оправдывают свою «усталость» от старого, свое нежелание над старым работать, являются именно людьми, которые не только «устали», но и предали.

IV.

К числу «пустяков» отнесена также г. Потресовым философская борьба материалистов, марксистов, с махистами, т.-е. с идеалистами. Г. Потресов глубоко возмущен «вакханалией» («друг мой, Аркадий Николаевич, не говори красиво!») этого философствования и, называя при этом со стороны материалистов Плеханова и меня, характеризует нас как «вчерашних политиков». Над этим выражением я долго смеялся. Поистине, хвастовство тут настолько явно и так забавно, что нашему зайцу следовало бы дать клочок медвежьего ушка. Плеханов и т. д.—«вчерашние политики»! Сегодняшний политик, очевидно, Потресов и его «молодцы». Мило и откровенно.

Когда Аркадию Николаевичу случается, в виде исключения, сказать словечко без выверта и без ужимок, он себя сам побивает великолепнейшим образом. Понатужьтесь-ка, Аркадий Николаевич, попробуйте подумать: вы отрицаете ликвидаторство, как политическое направление, отличающее не меньшевизм от большевизма, а Потресова и К-о от Плеханова и большевиков вместе взятых. И рядом с этим отрицанием вы называете Плеханова и имярека «вчерашними политиками». Посмотрите же, до чего вы неловки: ведь мы вместе с Плехановым можем быть названы вчерашними политиками как раз в том смысле, что для нас вчерашняя организация, как форма вчерашнего (по своим основам вчерашнего) движения, является обязательной и сегодня. Нас резко разделили с Плехановым и продолжают разделять вопросы о том, какие шаги следовало в тот или иной момент делать этой вчерашней органи-

*) См. его статью в «Русской Мысли», 1910 г., о веховце-Потресове. От таких объятий г. Потресову никогда не очиститься.

зации на основе э т о г о вчерашнего движения, но нас сближает борьба с людьми, которые с е г о д н я отрицают именно о с н о в ы вчерашнего движения (сюда относится и вопрос о гегемонии, к которому я сейчас перейду), именно о с н о в ы вчерашней организации.

Ну, что, Аркадий Николаевич, вы и теперь не понимаете, что такое ликвидаторство? Вы и теперь думаете, что нас с Плехановым сблизил какой-нибудь маккиавелистический план или злопыхательное желание «борьбой на два фронта» з а м е н и т ь «преодоление» ликвидаторства?

Но вернемся к «вакханалии» философствования.

«Мы знаем,—пишет г. Потресов,—какой глубокой бороздой прошла в свое время через сознание германской с.-д.-тии борьба Энгельса с Дюрингом и как самые, казалось, абстрактные тезисы имели на деле живое конкретное значение для движения немецкого рабочего класса...» Самые абстрактные тезисы имели живое конкретное значение! Опять фраза и ничего болес, как фраза. Попробуйте объяснить, если «вы знаете», какое «живое конкретное значение» имел тот т е з и с Энгельса, что философские рассуждения Дюринга о времени и пространстве ошибочны? В том-то и беда ваша, что вы з а у ч и л и , как школьники: «спор Энгельса с Дюрингом имел великое значение», но не п р о д у м а л и , что это значит, и потому повторяете заученное в неверной, уродливо-неверной форме. Нельзя сказать, что «самые абстрактные тезисы (Энгельса против Дюринга) имели на деле живое конкретное значение для движения немецкого рабочего класса». Самые абстрактные тезисы Энгельса имели то значение, что разъясняли идеологам рабочего класса, в чем ошибочность отступлений от материализма к позитивизму и идеализму. Вот если бы вы дали такое, то-есть философски сколько-нибудь определенное, изложение взглядов Энгельса вместо звонких, но пустых фраз о «глубокой борозде», «живом конкретном значении самых абстрактных тезисов», то вы сразу увидали бы, что ссылка на спор Энгельса с Дюрингом говорит п р о т и в вас.

...«Мы знаем,—продолжает г. Потресов,—в истории формирования русского марксизма роль борьбы с субъективной социологией»...

А не роль позитивистских и идеалистических учений Лаврова и Михайловского в ошибках субъективной социологии? Ведь у вас, Аркадий Николаевич, что ни выстрел, то мимо. Если брать

историческую параллель, то надо выделить и точно указать то, что сходно в различных событиях, ибо иначе вместо исторического сравнения получится бросание слов на ветер. Если брать взятую вами историческую параллель, то надо спросить: возможно ли было «формирование» русского марксизма без выяснения Бельтовым основ философского материализма и их значения для опровержения Лаврова и Михайловского? Ответ на этот вопрос может быть только один, и этот ответ—если делать вывод из исторической параллели применительно к спору с махистами—говорит п р о т и в г. Потресова.

...«Но именно потому, что мы знаем все это» (ну, конечно! мы видели теперь, что это значит, когда г. Потресов пишет: «мы знаем все это»), «мы и хотим, чтобы была, наконец, установлена живая реальная связь между занимающим нас философским спором и марксистским общественно-политическим течением, его задачами и запросами. А пока что...»—следует ссылка на письмо Каутского, на то, что махизм—Privatsache (частное дело), что спор о нем—«фата-моргана» и т. д.

Ссылка на Каутского есть образец обывательского суждения. Не в том дело, что Каутский «беспринципен», как острит (по-Изгоевски острит) г. Потресов, а в том, что Каутский н е з н а е т, как обстоит дело с русским махизмом, и не претендует на знание этого. Каутский в своем письме признает Плеханова знатоком марксизма, выражает свое убеждение в непримиримости идеализма с марксизмом, и мнение, что махизм не идеализм (или: не всякий махизм—идеализм). Что Каутский о ш и б а е т с я в последнем пункте и особенно насчет русского махизма, это несомненно. Ошибка его вполне извинительна, ибо махизм в целом он н е и з у ч а л, писал частное письмо с явной целью предостеречь от преувеличения разногласий. Русскому писателю-марксисту при таких условиях сослаться на Каутского, значит проявлять чисто обывательскую леность мысли и трусость в борьбе. Каутский м о г н а д е я т ь с я в 1908 году, когда он писал свое письмо, что махизм в известном толковании «примирим» с материализмом, но в России 1909—1910 годов сослаться по этому вопросу на Каутского, значит б р а т ь с я за примирение русских махистов с материалистами. Разве г. Потресов или кто другой берутся за это серьезно?

Каутский не беспринципен, а вот Потресов и К-о, желающие объявить махизм «частным делом»,—о б р а з е ц б е с п р и н -

и п н о с т и среди современного русского марксизма. Каутский был вполне искренен и ни капли не был беспринципен, когда он в 1908 году, не читая русских махистов, советовал и м искать мира с Плехановым, как знатоком марксизма, как материалистом, ибо за материализм и против идеализма Каутский высказывался всегда и высказался в том же письме. А у г.г. Потресовых и К-о, прячущихся за Каутского в 1909—1910 годах, нет н и г р а н а искренности, н и к а п л и уважения к принципиальности.

Вы не видите, г. Потресов, живой реальной связи между философским спором и марксистским течением? Позвольте же мне, вчерашнему политику, почтительнейше указать вам, на следующие хотя бы обстоятельства и соображения: 1) Спор о том, что такое философский материализм, почему ошибочны, чем опасны и реакционны уклонения от него, в с е г д а связан «живой реальной связью» с «марксистским общественно-политическим течением»—иначе это последнее было бы не марксистским, не общественно-политическим и не течением. Отрицать «реальность» этой связи могут только ограниченные «реальные политики» реформизма или анархизма. 2) При богатстве и разносторонности идейного содержания марксизма ничего нет удивительного в том, что в России, как и в других странах, различные исторические периоды выдвигают особенно вперед то одну, то другую сторону марксизма. В Германии до 1848 года особенно выдвигалось философское формирование марксизма, в 1848 году—политические идеи марксизма, в 50-е и 60-е годы—экономическое учение Маркса. В России до революции особенно выдвинулось применение экономического учения Маркса к нашей действительности, во время революции—марксистская политика, после революции—марксистская философия ²⁹⁾. Это не значит, что позволительно когда бы то ни было игнорировать одну из сторон марксизма; это значит только, что не от субъективных желаний, а от совокупности исторических условий зависит п р е о б л а д а н и е и н т е р е с а к той или другой стороне. 3) Время общественной и политической реакции—время «перевариванья» богатых уроков революции—является не случайно тем временем, когда основные теоретические, и в том числе философские, вопросы для всякого ж и в о г о направления выдвигаются на одно из первых мест. 4) В передовых течениях русской мысли нет такой великой философской традиции, какая связана у французов с энциклопеди-

стами XVIII века ³⁰⁾, у немцев—с эпохой классической философии от Канта до Гегеля и Фейербаха. Поэтому философская «разборка» именно для передового класса России была необходима, и нет ничего странного в том, что эта запоздавшая «разборка» наступила после того, как этот передовой класс вполне созрел во время недавних великих событий для своей самостоятельной исторической роли. 5) Эта философская «разборка» готовилась давно и в других странах мира постольку, поскольку, например, новая физика поставила ряд новых вопросов, с которыми должен был «сладить» диалектический материализм. В этом отношении «наш» (по выражению Потресова) философский спор имеет не только известное, т.-е. русское, значение. Европа дала материал для «освежения» философской мысли, а отставшая Россия во время вынужденного затишья 1908—1910 г.г. особенно «жадно» бросилась на этот материал. 6) Белоусов назвал недавно III Думу богомольной Думой. Он верно схватил классовую особенность III Думы в этом отношении и справедливо заклеил ханжество кадетов.

Не случайно, но в силу необходимости вся наша реакция вообще, либеральная (веховская, кадетская) реакция в частности «бросилась» на религию. Одной палки, одного кнута мало; палка все-таки надломана. Веховцы помогают передовой буржуазии обзавестись новейшей идейной палкой, духовной палкой. Махизм, как разновидность идеализма, объективно является орудием реакции, проводником реакции. Борьба с махизмом «внизу» не случайна, а неизбежна, поэтому, в такой исторический период (1908—1910 годы), когда «наверху» мы видим не только «богомольную Думу» октябристов и Пуришкевичей, но и богомольных кадетов, богомольную либеральную буржуазию.

Г. Потресов «оговорился», что он «богостроительства» «сейчас не касается». Вот этим-то и отличается беспринципный и обывательский публицист Потресов от Каутского. Каутский ни о богостроительстве махистов, ни о богомольных веховцах и не знал и потому мог говорить, что не всякий махизм — идеализм. Потресов это знает и, «не касаясь» главного (для того, кто смотрит узко-«публицистически», главного), лицемерит. Объявляя борьбу с махизмом «частным делом», г. Потресов и иже с ним становятся в «общественно-политическом» смысле пособниками веховцев.

V.

Переходя от г. Потресова к Базарову, мы должны заметить прежде всего, что, по вопросу о философском споре возражая первому, мы тем самым ответили и второму. Надо добавить только одно: терпимость В. Базарова к г. Потресову, стремление его найти у Потресова «долю правды» вполне понятны, ибо г. Потресов (как и все ликвидаторы), отгораживаясь словесно и формально от махизма, по с у т и д е л а уступает ему самое существенное. Махизм, как течение и как группа с «платформой», ничего иного и не решается требовать, как признания его разрыва с марксизмом за «частное дело»! Не случайно поэтому, что Потресов и Базаров строят друг другу глазки. Группа ликвидаторских литераторов и группа махистских литераторов д е й с т в и т е л ь н о с о л и д а р н ы в том, чтобы в наше время распада охранять «свободу распада» от сторонников марксизма, от защитников теоретических основ марксизма. И эта солидарность не ограничивается вопросами философскими, как показывает д а ж е В. Базаров своей статьей.

Говорю: даже, ибо именно Базаров отличался всегда наиболее вдумчивым отношением к серьезным вопросам политики. Об этом надо упомянуть, чтобы оценить значение невероятных шатаний такого человека, не только затем, чтобы подчеркнуть полезнейшую деятельность в прошлом литератора, погнавшегося за лаврами Герострата.

Геростратовским является, напротив, заявление Базарова: «Одним из крупнейших и пустяковейших недоразумений наших дней я считаю пресловутый вопрос о гегемонии». Над махистами из нашей среды тяготеет точно какой-то рок: одни охраняют «свободу распада», объявляя законным оттенком отзовизм, другие, понимающие глупость и вред отзовизма, прямо протягивают руку ликвидаторам в политике. Именно ликвидаторы и в «Н. З.», и в «Жизни», и в «Общ. движении» ведут прямую и косвенную войну с идеей гегемонии. Констатируем с сожалением, что Базаров у ш е л в и х л а г е р ь.

Каковы доводы его по существу. Пять лет назад гегемония была фактом. «В настоящее время, по вполне понятным причинам, эта гегемония не только исчезла, но и превратилась в свою полную противоположность». Доказательство: «в наши дни ля-

гание марксизма есть неперемнное условие популярности в демократических кругах общества». Пример—Чуковский.

Читаешь—и глазам не веришь: Базаров, желавший быть марксистом, превращается в бывшего человека, способного брать под ручку г.г. Потресовых.

Б о г а вы не боитесь, В. А. Базаров. Чуковские и прочие либералы, а также тьма демократов-трудовиков «лягали» марксизм всегда, с 1906 года сугубо, а «гегемония» не была «фактом» в 1906 году? Высуньтесь из либерально-литераторского чуланчика, взгляните хоть на отношение третье-думских депутатов крестьян к рабочим депутатам. Простое сопоставление бесспорных фактов об их политическом поведении за три года, даже простое сравнение их формул перехода и формул кадетских, не говоря уже о сопоставлении политических заявлений в Думе с условиями жизни широких слоев населения за это время,—доказывает самым неопровержимым образом, что гегемония и сейчас факт. Гегемония рабочего класса есть его (и его представителей) политическое воздействие на другие элементы населения в смысле очищения их демократизма (когда есть демократизм) от недемократических примесей, в смысле критики ограниченности и близорукости всякого буржуазного демократизма, в смысле борьбы с «кадетовщиной» (если назвать так идейно-развращающее содержание речей и политики либералов) и т. д., и т. д. Нет ничего более характерного для нашего времени, как то, что Базаров м о г написать такие невероятные вещи и что группа журналистов, тоже считающих себя друзьями рабочих и сторонниками марксизма, милостиво похлопала за это его по плечу!

Как будет обстоять дело к моменту грядущего подъема, предсказать совершенно немисливо,—уверяет Базаров читателей лквидаторского журнала.—Если духовный облик городской и деревенской демократии будет приблизительно тот же, как 5 лет тому назад, то гегемония марксизма снова станет фактом... Но нет решительно ничего невозможного в предположении, что физиономия демократии существенно изменится. Представим себе, например, что мелкая буржуазия русских деревень и городов будет достаточно радикально настроена против политических привилегий господствующих классов, достаточно сплочена и активна, но проникнута резким националистическим духом. Так как марксисты не могут идти ни на какие компромиссы с национализмом или анти семитизмом, то очевидно при указанных условиях о гегемонии не будет и помину.

Это не только неверно, но чудовищно нелепо. Если вражда к привилегиям будет соединена у известных слоев с национализмом, то разве разъяснение того, что такое соединение мешает устранению привилегий, не есть дело гегемона? Разве может быть борьба с привилегиями не соединена с просьбой страдающих от национализма мелких буржуа против выигрывающих от национализма мелких буржуа? Всякая борьба всякой мелкой буржуазии против всяких привилегий в с е г д а несет на себе следы мелко-буржуазной ограниченности, половинчатости, а борьба с этими качествами и есть дело «гегемона». Базаров рассуждает по-кадетски, по-веховски. Вернее: Базаров ушел в лагерь Потресовых и К-о, давно уже так рассуждающих.

То, чего нет на поверхности, не существует вовсе. То, чего не видят Чуковские и Потресовы, нереально. Вот каковы посылки рассуждения Базарова, бьющие в лицо марксизму. Марксизм учит нас, что мелко-буржуазные массы неизбежно, пока существует капитализм, будут страдать от анти-демократических привилегий (такие привилегии теоретически «не обязательны» при ч и с т о м капитализме, но его о ч и щ е н и е будет длиться до его смерти), страдать от экономического угнетения. Поэтому, пока существует капитализм, в е ч н о й является задача «гегемона» разъяснять источник этих привилегий и этого угнетения, показывать их классовые корни, давать пример борьбы против них, вскрывать лживость либеральных методов борьбы и т. д. и т. д.

Так думают марксисты. Так смотрят они на задачи «гегемона» в том лагере, условия жизни которого не позволяют мириться с привилегиями, в лагере не только пролетариев, но и полупролетарских и мелко-буржуазных масс. А Чуковские думают, что, раз этот лагерь оттенен, придавлен, загнан в подполье, значит «исчезла гегемония», значит «вопрос о гегемонии стал пустяковейшим недоразумением».

Когда я вижу Базарова, говорящего эти позорные вещи, под ручку с Потресовыми, Левицкими и К-о, уверяющими рабочий класс, что ему нужна не гегемония, а классовая партия, когда я вижу, с другой стороны, Плеханова, поднявшего (по презрительному выражению великолепного Потресова) «гвалт» при малейших признаках серьезных колебаний из-за вопроса о гегемонии, я говорю себе: большевики оказались бы именно такими изуверами фракционной буквы, которыми изображали их враги,

если бы они поколебались при таком положении хоть минуту, если бы они усомнились хоть на секунду в том, что их долг, долг всех традиций большевизма, всего духа его учений и его политики—протянуть руку Плеханову, выразить ему полное товарищеское сочувствие. Нас разделяли и разделяют вопросы о том, как следовало тогда-то и тогда-то действовать «гегемонам», но мы—товарищи во время распада, в борьбе с людьми, для которых вопрос о гегемонии есть «пустяковейшее недоразумение». А Потресовы, Базаровы и прочие—для нас чужие люди, не менее чужие, чем Чуковские.

Пусть примут это к сведению те добряки, которые находят, что политика сближения с Плехановым есть «фракционная», узкая политика, которые желают «расширить» ее до примирения с Потресовыми, Базаровыми и проч., которые никак не хотят понять, почему мы подобное «примиренчество» считаем либо безнадёжной глупостью, либо мизерным интриганством.

*«Мысль» № 2 за январь,
и № 3 за февраль 1911 г.
За подписью В. Ильин.*

Кадеты о «двух лагерях» и о «разумном компромиссе».

Ответ, который дала «Речь» министерскому официозу по вопросу о «лозунге» для выборов в IV Думу и о современной политической группировке, представляет из себя интересное и знаменательное явление.

«Речь» соглашается с «Русскими Ведомостями», что «выборы в IV Думу пойдут только между двумя лагерями: прогрессистами и правыми». «Подавать голоса придется не за партии, не за отдельных кандидатов, а за упрочение в России конституционного строя или против него». (Чрезвычайно мило это слово: «упрочение»!) «Политический смысл этого лозунга... — объективное признание того бесспорного факта, что правительственный курс вновь объединил всю оппозицию, правее и левее кадетов». Кадеты будут «центром этой политическо-разнородной группы», при чем, входя в нее, они «так же мало откажутся от своей прежней программы и тактики, как отказывались социал-демократы от своей программы и тактики, входя в до-октябрьские союзы» (передовица, 21 января).

«Господа,—можем мы ответить всем официозам и официалам,— не кто иной, как вы сами нас объединили... Теперь в России чем дальше, тем больше политические течения свиваются в два больших лагеря, за и против конституции... Наша задача теперь одна, опять одна, как до 17 октября...» (там же).

Следует отличать, при оценке этих рассуждений, вопрос об условиях выборов в IV Думу от вопроса о социально-политическом значении обсуждаемых перемен («лозунга» и группировок). Условия выборов вообще и в провинции особенно, наверное, вынудят «оппозицию» пользоваться неопределенным беспартийным термином: «прогрессисты» в еще более широких размерах, чем прежде. Отказ в легализации даже таких партий, как кадеты, неминуемо поведет к этому, и недоумения министерского официоза на этот счет, разумеется,—одно сплошное лицемерие. В больших городах, как признают сами кадеты, в той же хотя бы передовице, будут выставлены самостоятельные кандидаты «более новых», по выражению «Русских Ведомостей», «групп». Уже отсюда видно, что о двух лагерях говорить не приходится.

Далее, про существование рабочей курии, выделенной современными избирательными законами, «Речь» пожелала совсем забыть. Наконец, относительно выборов в деревне (крестьянской) придется сказать, что даже слово «прогрессисты» будет здесь, несомненно, избегаться, но реальным «центром» «политически-разнородных» или политически неопределенных групп будут, наверное, не кадеты.

К чему же сводится разговор о двух лагерях? К тому, что кадетам благоугодно, говоря о современном политическом положении, ограничить свой кругозор только теми элементами, из которых складывается третье-думское большинство. Только ту ничтожную долю населения, которая представлена этими элементами, господа кадеты и соглашатели признавать за политические «лагери». До сих пор основное деление в этом небольшом третье-июньском уголке было: правые, октябристы, кадеты. (Известно, что физиономия III Думы определялась, в последнем счете, двумя большинствами: право-октябристским и октябристско-кадетским.) Теперь будет (по предсказанию «Русских Ведомостей», с которыми согласна «Речь») деление этих трех элементов на два «лагеря»: правые и прогрессисты.

Мы вполне признаем, что в основе этих либеральных предсказаний лежат не одни либеральные пожелания, но и объективные факты: изменения в политическом положении и политическом настроении русской буржуазии. Непозволительно только было бы забывать о том, что о д в у х лагерях можно говорить, лишь ограничивая свое поле наблюдения большинством Третьей Думы. Непозволительно забывать, что р е а л ь н о е значение всех этих разговоров ограничивается тенденцией к сближению, слиянию, соединению «лагерей» октябристского и кадетского в «лагерь» прогрессистский (разумеется, при молчаливом подразумеваемом отпадении большей или меньшей части октябристского лагеря в лагерь правый). Когда кадеты говорят: «нас» объединили, «наша» задача опять одна и т. п., то эти слова: «мы», «нас», «наша» р е а л ь н о означают октябристов и кадетов, не более того.

На чем же «их» объединили? какова «их» задача? каков «их» лозунг для выборов в IV Думу? «Упрочение конституции», — отвечают «Р у с с к и е В е д о м о с т и » и «Р е ч ь ». Этот ответ только кажется определенным, а на самом деле он ровно ничего не определяет, сводясь к тому же, совершенно бессодержательному, указанию на какую-то неопределенную «среднюю» между октябристами и кадетами. Ибо и Милюков, и Гучков согласны в том, что «у нас, слава богу, есть конституция», но сойтись они мечтают на «упрочении» не того, что у «нас» е с т ь , а того, чего у нас нет. Мечтанием, и притом не очень осмысленным мечтанием, является также и то, чтобы Милюков и Гучков, кадеты и октябристы сегодня, «прогрессисты» завтра, могли сойтись на определении содержания желаемой конституции. Не сошлись бы они ни на правовых формулах, выражающих конституцию, ни на определении того, какие реальные интересы каких реальных классов должна удовлетворять и охранять эта конституция. Поэтому действительное значение этого общего лозунга сводится к тому, что, будучи сближаемы «о т р и ц а т е л ь н о й задачей: задачей борьбы с общим противником» (выражение «Речи» из той же передовицы), октябристы и кадеты не могут определить своих положительных задач, не могут найти в среде своих лагерей тех сил, которые обладали бы способностью сдвинуться с мертвой точки.

Это признание того, что точка действительно получилась мертвая, что сдвинуться с нее нужно, нужно и октябристам,

и кадетам, что сдвинутые с нее те и другие совершенно бессильны, взятые сами по себе,—выразилось особенно рельефно в рассуждении «Р е ч и» по одному частному поводу о «разумном компромиссе».

«И если в течение думских споров о петербургской канализации,—читаем в передовице «Р е ч и» от 20 января,—нездоровая подпочва спора немного затушевалась, если оказалось даже для центра (т.-е. для октябристов) возможным примкнуть к тому разумному компромиссу, который предложен был фракцией народной свободы и принят городским самоуправлением,—то вмешательство П. А. Столыпина грубо сорвало покров (а вы хотели бы, господа кадеты, чтобы большие вопросы оставались под покровом?) и вскрыло все ту же старую, давно всем опротивевшую подоплеку политической борьбы государства с самоуправлением».

Либеральная буржуазия в виде совсем, совсем невинной особы, которая мечтает о «разумных компромиссах» на деловой, не политической, почве, а представители «неконституционных», старых начал—в роли политических воспитателей, срывающих покровы, вскрывающих классовую подпочву! Разумный компромисс состоит в том,—вдыхает либерал,—чтобы удовлетворялось то, на чем сошлись кадеты, октябристы и беспартийные тузы капитала (петербургское городское самоуправление). Ничего нет разумного в том, чтобы мы вам уступали,—отвечает правительство;—разумно только то, чтобы вы нам уступали.

Маленький вопрос об оздоровлении Петербурга, о распределении ролей и прав между самоуправлением и самодержавием, подал повод к разъяснению истин, имеющих не маленькое значение. Что «разумнее», в самом деле, пожелания, мечтания, требования всей буржуазии или власть хотя бы, скажем, совета объединенного дворянства?

Для «Р е ч и», как и для всей кадетской партии, критерий «разумности» компромисса состоит в том, что его одобрили деловые люди, дельцы, тузы, сами октябристы, сами воротилы петербургского городского самоуправления. Но р е а л ь н а я действительность,—как бы ее ни прихорашивали покровами вроде фразы: «у нас, слава богу, есть конституция»,—срывает эти компромиссы и эти покровы достаточно грубо.

Итог: вы нас объединили, говорит «Р е ч ь» министерскому официозу.—Кого «нас»?—Оказывается, октябристов и кадетов.—

На чем объединили?—На общей задаче: упрочение конституции.— А что следует понимать под конституцией и ее упрочением?— Разумный компромисс между октябристами и кадетами.—В чем критерий разумности подобных компромиссов?—В одобрении их худшими представителями русского «колупаевского» капитализма, вроде петербургских думцев.—А каков практический результат этих разумных компромиссов?—Тот, что П. А. Столыпин, или Государственный Совет, или Толмачев и т. д. и т. д. эти компромиссы «грубо срывают»...

А что, не будет ли на выборах в IV Думу третьего лагеря, характеризующегося сознанием того, как неразумна, смешна, наивна кадетская политика «разумного компромисса»? Как вы думаете об этом, господа из «Р е ч и» и из «Р у с с к и х В е д о м о с т е й»?

«Звезда» № 8

от 5 февраля 1911 г.

За подписью В. Ильин.

Павел Зингер.

(Умер 18/31 января 1911 г.)

5-го февраля текущего года немецкая социал-демократия хоронила одного из старейших своих вождей, Павла Зингера. Все рабочее население Берлина—многие сотни тысяч—по призыву партии явились на похоронное шествие, пришли почтить память того, кто отдал все свои силы, всю свою жизнь на служение делу освобождения рабочего класса. Никогда трехмиллионный Берлин не видал такого скопления народу: не менее миллиона человек были участниками и зрителями шествия. Никогда ни один из сильных мира сего не устаивался таких похорон. Можно приказать десяткам тысяч солдат выстроиться по улицам при проходах праха какого-нибудь короля или знаменитого избиениями внешних и внутренних врагов генерала, но нельзя поднять население громадного города, если в сердцах всей миллионной трудящейся массы нет горячей привязанности к с в о е м у вождю, к делу р е в о л ю ц и о н н о й борьбы самой этой массы против гнета правительства и буржуазии.

Павел Зингер сам принадлежал к буржуазии, происходил из купеческой семьи, довольно долго был богатым фабрикантом. Он примыкал, в начале своей политической деятельности, к бур-

жуазной демократии. Но в отличие от массы буржуазных демократов и либералов, забывающих очень быстро свою любовь к свободе из-за страха перед успехами рабочего движения, Зингер был горячим, искренним, до конца последовательным и бесстрашным демократом. Колебания, трусость, измены буржуазной демократии не увлекали его, а вызывали в нем отпор, создавали все более твердое убеждение в том, что только партия революционного рабочего класса способна довести до конца великую борьбу за свободу.

В 60-х годах прошлого века, когда немецкая либеральная буржуазия трусливо отворачивалась от нараставшей в Германии революции, торгуясь с правительством помещиков, примиряясь с королевским всевластием, Зингер решительно повернул к социализму. В 1870 г., когда вся буржуазия была опьянена победами над Францией, и когда широкие массы населения дали увлечь себя подлой, человеконенавистнической, «либеральной» проповедью национализма и шовинизма, Зингер подписал протест против отнятия у Франции Эльзаса и Лотарингии. В 1878-м году, когда буржуазия помогала реакционному, помещичьему («юнкерскому», как говорят немцы) министру Бисмарку провести исключительный закон против социалистов, распустить рабочие союзы, закрыть рабочие газеты, обрушить тысячи преследований на сознательный пролетариат,—Зингер окончательно вошел в социал-демократическую партию.

И с тех пор история жизни Зингера неразрывно связана с историей германской с.-д. рабочей партии. Он беззаветно отдался трудному делу революционного строительства. Он отдал партии все свои силы, все свое богатство, все свои недюжинные организаторские способности, все таланты практика и руководителя. Зингер был из числа тех немногих—можно сказать: из числа тех исключительно редких выходцев из буржуазии, которых долгая история либерализма, история измен, трусости, сделок с правительством, угодничества буржуазных политиканов не расслабляет, не развращает, а закаляет, превращает в революционеров до мозга костей. Редки такие выходцы из буржуазии, примыкающие к социализму, и только таким редким, долголетней борьбой искушенным, людям должен доверять пролетариат, если он хочет выковать себе рабочую партию, способную ниспровергнуть современное буржуазное рабство. Зингер был беспощадным врагом оппортунизма в рядах немецкой рабочей

партии и до конца дней своих оставался непоколебимо верен непримиримой, революционно-социал-демократической политике.

Зингер не был ни теоретиком, ни публицистом, ни блестящим оратором. Он был прежде всего и больше всего практиком-организатором нелегальной партии во время исключительного закона, гласным городской (Берлинской) думы и парламентарием после отмены этого закона. И этот практик, у которого большая часть времени уходила на мелкую, будничную, технически-парламентскую и всяческую «деловую» работу, был велик тем, что он не делал себе кумира из мелочей, не поддавался столь обычному и столь пошлому стремлению отмахиваться от резкой и принципиальной борьбы во имя якобы этой «деловой» или «положительной» работы. Напротив, Зингер, всю жизнь посвятивший этой работе, всякий раз, когда вставал вопрос о коренном характере революционной партии рабочего класса, о конечных целях ее, о блоках (союзах) с буржуазией, об уступках монархизму и т. д.,—всегда был во главе самых твердых и самых решительных борцов со всеми проявлениями оппортунизма. Во время исключительного закона против социалистов Зингер вместе с Энгельсом, Либкнехтом и Бебелем боролся на два фронта: и против «молодых», полу-анархистов, отрицавших парламентскую борьбу, и против умеренных «легалистов во что бы то ни стало». В позднейшее время Зингер столь же решительно боролся с ревизионистами.

Он заслужил ту ненависть буржуазии, которая проводила его в могилу. Буржуазные ненавистники Зингера (немецкие либералы и наши кадеты) злорадно указывают на то, что с его смертью сходит в могилу один из последних представителей «героического» периода немецкой социал-демократии, то-есть того периода, когда так сильна, свежа, непосредственна была у вожжаков вера в революцию, отстаиванье принципиально-революционной политики. На смену Зингеру,—говорят эти либералы,—идут умеренные, аккуратные вожжаки «ревизионисты», люди скромных претензий и мелких расчетов. Слов нет, рост рабочей партии нередко привлекает многих оппортунистов в ряды ее. Слов нет, выходцы из буржуазии в наше время гораздо чаще несут пролетариату свою робость, узость мысли или любовь к фразе, чем творчество революционных убеждений. Но пусть не ликуют враги раньше времени! Рабочая масса в Германии, и в других странах все больше спланивается в армию революции,

и эта армия развернет свои силы в недалеком будущем, ибо революция нарастает и в Германии, и в других странах.

Умирают старые революционные вожди—растет и крепнет молодая армия революционного пролетариата.

*«Рабочая Газета» № 3
от 8 (21) февраля 1911 года.*

Пятидесятилетие падения крепостного права.

19-го февраля 1911 года исполняется 50 лет со дня падения крепостного права в России. Повсюду готовятся чествовать этот юбилей. Царское правительство принимает все меры, чтобы в церквях и в школах, в казармах и на публичных чтениях проповедывались исключительно черносотенные взгляды на так называемое «освобождение» крестьян. Из Петербурга спешно рассылаются по всей России циркуляры о том, чтобы все и всяческие учреждения не выписывали для распространения в народе никаких других книг и брошюр, кроме издаваемых «Национальным клубом», т.-е. одной из самых реакционных третьедумских партий. Усердные губернаторы в некоторых местах уже дошли до того, что распускают основанные помимо полицейского «руководства» (например, земские), комитеты по чествованию юбилея крестьянской «реформы»,—распускают за недостаточную готовность вести это чествование так, как требует правительство черной сотни.

Правительство беспокоится. Оно видит, что как бы ни был забит, запуган, бессознателен и темен тот или иной рабочий или крестьянин, а все же простое воспоминание о том, что полвека тому назад была объявлена отмена крепостного права, не может ни шевелить, ни волновать народ, придавленный помещичьей, барской Думой, страдающий сильнее, чем прежде, от самодурства, насилия и гнета помещиков крепостников с их полицией и чиновниками.

В государствах западной Европы последние остатки крепостного права были уничтожены революциями 1789-го года во Франции, 1848-го в большинстве остальных стран. В России в 1861 году народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков, не в состоянии был подняться на широкую, открытую, сознательную борьбу за свободу. Крестьянские восстания того времени остались одино-

кими, раздробленными, стихийными «бунтами», и их легко подавляли. Отмена крепостного права была проведена не восставшим народом, а правительством, которое после поражения в крымской войне увидело полную невозможность сохранения крепостных порядков.

Крестьян «освобождали» в России сами помещики, помещичье правительство самодержавного царя и его чиновники. И эти «освободители» так повели дело, что крестьяне вышли «на свободу» ободраанные до нищеты, вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам.

Русских крестьян господа благородные помещики «освобождали» так, что свыше пятой доли крестьянской земли было отрезано в пользу помещиков. За свои, потом и кровью политые, крестьянские земли крестьяне были обязаны платить в ы к у п, то-есть да н ь вчерашним рабовладельцам. Сотни миллионов рублей этой дапи крепостникам выплатили крестьяне, разоряясь все более и более. Помещики не только награбили себе крестьянской земли, не только отвели крестьянам худшую, иногда совсем негодную землю, но сплошь да рядом понаделали ловушек, то-есть так размежевали землю, что у крестьян не осталось то выпасов, то лугов, то леса, то водопоя. Крестьяне в б о л ь ш и н с т в е губерний коренной России остались и после отмены крепостного права в прежней, безысходной кабале у помещиков. Крестьяне остались и после освобождения «низшим» сословием, полатным быдлом, черной костью, над которой измывалось поставленное помещиками начальство, выколачивало подати, пороло розгами, рукоприкладствовало и охальничало.

Ни в одной стране в мире крестьянство не переживало и после «освобождения» такого разорения, такой нищеты, таких унижений и такого надругательства, как в России.

Но падение крепостного права встряхнуло весь народ, разбудило его от векового сна, научило его самого искать выхода, самого вести борьбу за полную свободу.

После падения крепостного права в России все быстрее и быстрее развивались города, росли фабрики и заводы, строились железные дороги. На смену крепостной России шла Россия капиталистическая. На смену оседлому, забитому, приросшему к своей деревне, верившему попам, боявшемуся «начальства» крепостному крестьянину выросло новое поколение крестьян, побывавших в отхожих промыслах, в городах, научившихся

кой-чему из горького опыта бродячей жизни и наемной работы. В крупных городах, на фабриках и заводах все увеличивалось число рабочих. Постепенно стали складываться соединения рабочих для совместной борьбы с капиталистами и с правительством. Взяв эту борьбу, русский рабочий класс помогал миллионам крестьянства подняться, выпрямиться, сбросить с себя привычки крепостных рабов.

В 1861 году крестьяне способны были только на «бунты». В течение десятилетий после 1861 года русские революционеры, геройски стремясь поднять народ на борьбу, оставались одинокими и гибли под ударами самодержавия. К 1905 году окреп и вырос в долголетней стачечной борьбе, в долголетней работе пропаганды, агитации, организации, которая велась социал-демократической партией, русский рабочий класс. И он повел весь народ, повел миллионы крестьянства на революцию.

Царское самодержавие было надломано революцией 1905 года. Эта революция впервые создала в России из толпы мужиков, придавленных проклятой памяти крепостным рабством, народ, начинающий понимать свои права, начинающий чувствовать свою силу. Революция 1905 года впервые показала царскому правительству, русским помещикам, русской буржуазии, что миллионы и десятки миллионов становятся гражданами, становятся борцами, не позволяют помыкать собою как быдлом, как чернью. А действительное освобождение масс от гнета и произвола нигде и никогда на свете не достигалось ничем иным, кроме как самостоятельной, геройской, сознательной борьбой самих этих масс.

Революция 1905 года только надломила, но не уничтожила самодержавия. Оно мстит теперь народу. Помещичья Дума еще сильнее гнетет и давит. Недовольство и возмущение опять растут повсюду. За первым шагом будет второй. За началом борьбы будет продолжение. За революцией 1905 года идет новая, вторая революция. Об ней напоминает, к ней зовет юбилей падения крепостного права.

Нам нужно «второе 19-е февраля», хныкают либералы. Неправда. Так говорят лишь буржуазные трусы. Второе «19-е февраля» невозможно после 1905 года. Нельзя «освобождать сверху» народ, который научился (и учится—на опыте помещичьей, III Думы учиться) бороться снизу. Нельзя «освобо-

ждать сверху» народ, во главе которого хоть раз выступал революционный пролетариат.

Черносотенцы понимают это и потому боятся юбилея 1861 года. «61-й год,—писал верный сторожевой пес царской черной сотни, Меньшиков, в газете «Новое Время»,—61-й год не сумел предупредить девятьсот пятого».

Черносотенная Дума и бешенство царского правительства в преследовании его врагов не предупреждает, а ускоряет новую революцию. Тяжелый опыт 1908—1910 годов учит народ новой борьбе. За летними (1910 года) стачками рабочих начались зимние стачки студентов. Новая борьба нарастает,—может быть, медленнее, чем мы бы хотели, но верно, неизбежно нарастает.

Революционная социал-демократия, очищая себя от малцов, отвернувшихся от революции и нелегальной партии рабочего класса, собирает свои ряды и спланивается для грядущих великих битв.

*«Рабочая Газета» № 3
от 8 (21) февраля 1911 года.*

Меньшиков, Громобой, Изгоев.

Выступление 66-ти московских промышленников, представляющих, по подсчету какой-то московской газеты, капитал в полмиллиарда рублей, подало повод к ряду чрезвычайно ценных и характерных статей в различных органах печати. Помимо того, что эти статьи освещают необычайно ярко политическое положение в данную минуту, они дают интересный материал по многим основным и принципиальным вопросам, касающимся всей эволюции России в XX веке.

Вот г. Меньшиков в «Новом Времени», излагающий точку зрения правых партий и правительства.

«Как все эти Рябушинские, Морозовы и проч. не понимают, что в случае переворота они все будут повешены, а в лучшем случае станут нищими?» «Эту энергическую фразу» г. Меньшиков приводит, по его словам («Новое Время» № 12549), «из письма студента одного весьма революционного института». И от себя уже автор добавляет: «Несмотря на грозное предостережение 1905 года, верхние классы России, включая купечество, чрезвычайно плохо разбираются в надвигающейся катастрофе». «Да, г.г. Рябушинские,

Морозовы и прочие, им подобные! Несмотря на ваш флирт с революцией и все аттестаты либерализма, которые вы спешите выслуживать, именно вам первым придется пасть жертвой готовящегося переворота. Вас повесят первых—не за какие-нибудь преступления, а за то, что вам кажется добродетелью,—просто за обладание тем полумиллиардом, которым вы так кичитесь». «Либеральная буржуазия, включая среднее дворянство, чиновничество и купечество, беспечно идет к краю революционной пропасти вместе со своими титулами, чинами и капиталами». «Если либеральные подзуживатели бунта, наконец, дождутся, когда их потащат на виселицу,—пусть они припомнят, как была мягка к ним старая государственная власть, как она их предупредительно выслушивала, как ухаживала за ними и как мало заявляла претензий на их пустые головы. Пусть именно в тот черный для них час сравнят благодеяния радикального режима со старым, патриархальным».

Это пишет неофициальный официоз правительства 17-го февраля, в тот самый день, когда официальный официоз, «Россия», из кожи лезет вон, чтобы доказать, при помощи «Голоса Москвы», что «выходка» 66-ти «не может считаться выражением мнения московского купечества». «Дворянский съезд—организация,—пишет «Россия»,—а 66 купцов, которые сами говорят о себе, что они действовали как частные лица, не является организацией».

Неудобно иметь два официоза! Один другого побивает. Один доказывает, что «выходку» 66-ти нельзя рассматривать как выражение мнения даже московского хотя бы купечества. А другой доказывает, что «выходка» имеет гораздо более широкое значение, служа выражением мнения не только московского и не только купечества, а всей российской л и б е р а л ь н о й б у р ж у а з и и вообще. Г. Меншиков берется, от имени «старой государственной власти», предостеречь эту либеральную буржуазию: не об тебе ли мы печемся?

Наверное нет ни единой страны в Европе, где бы в течение XIX века сотни раз не раздавался этот призыв «старой государственной власти», а также дворянства и реакционной публицистики, адресуемый к либеральной буржуазии, призыв «не подзуживать»... И никогда призывы не помогали, хотя «либеральная буржуазия» не только не х о т е л а «подзуживать», а напротив, с такой же энергией и искренностью боролась с «подзуживателями», с какой 66 купцов осуждают забастовки. Как осуждения, так и призывы бессильны, раз дело идет о всех условиях жизни общества,

заставляющих тот или иной класс чувствовать невыносимость положения и говорить об этом. Г. Меньшиков правильно выражает интересы и точку зрения правительства и дворянства, пугая либеральную буржуазию революцией и упрекая ее за легкомыслие. 66 купцов правильно выражают интересы и точку зрения либеральной буржуазии, упрекая правительство и осуждая «забастовщиков». Но взаимные упреки—только симптом, неопровержимо свидетельствующий о крупных «недостатках механизма», о том, что, несмотря на все желание «старой государственной власти» удовлетворить буржуазию, сделать шаг в ее сторону, создать для нее очень влиятельное местечко в Думе, несмотря на сильнейшее и искреннейшее желание буржуазии устроиться, ужиться, поладить, приспособиться,—«приспособления» все же не выходит. Вот в чем суть, вот где канва, а взаимные упреки—одни узоры.

Г. Громобой в «Голосе Москвы» посылает необходимое предостережение «правительству» (№ 38, от 17 февраля, статья «Необходимое предостережение»). «Никакие проявления «твердой» власти,—пишет он,—никакие волевые импульсы не дадут родине покоя, пока не будут идти рука об руку со слишком затянувшимися реформами». (Не очень грамотно пишет г. Громобой, но смысл его речи все же вполне ясен.) «И смута, как последствие затянувшегося кризиса, не может быть объявляема как *force majeure* для неплатежа по векселям». (Несудобное сравнение, г. публицист октябристских коммерсантов: во-первых, векселя-то ведь неподписанные; а, во-вторых, ежели бы даже они были подписаны, где тот коммерческий суд, куда вы могли бы обратиться, и кто тот судебный пристав и прочие, могущие произвести взыскание? Подумайте-ка, г. Громобой, и вы увидите, что не только октябристская, но и кадетская партия есть партия бронзовых векселей в политике.) «В таком случае, она будет лишь усиливаться... за студенческими волнениями пойдет многое, уже пережитое. Поведете корабль назад—увидите пройденный путь». «Была бита ставка на слабых, может оказаться побитой и ставка на сильных. Власти нечего будет предъявить. Ее расчеты на успокоение могут рассеяться, как дым, при условиях каких-угодно выборов». (Г. Громобой имеет в виду выборы в IV Думу.) «Если начнут проходить караваны оппозиции через те скалы, где носились лишь туманы власти, (сли оттолкнувшая от себя утерянныe элементы власть останется в одиночестве,—то выборы станут горьким ее поражением, и весь порядок будет потрясен от того, что он не порядок правовой».

Меньшиков упрекает буржуазию в том, что она «подзуживает» революцию»,—буржуазия упрекает Меньшиковых в том, что они «ведут к усилению смуты». «Старая, но вечно новая история».

Ренегат Изгоев в кадетской «Речи» пытается, по поводу той же темы, подвести некоторые социологические итоги,—не соображая, как неосторожно братья за это занятие кадетам вообще, ренегатам в частности. В статье «Сопоставления» (от 14 февраля) он сравнивает съезд объединенного дворянства с выступлением 66-ти московских купцов. «Объединенное дворянство,—пишет он,—упало до Пуришкевича, московские промышленники заговорили языком государственности». В прошлом,—продолжает г. Изгоев,—«дворянство оказывало народу серьезные культурные услуги», но «культурной работой занималось только меньшинство, а большинство его травило». «Но таков вообще исторический закон, что прогрессивно действует лишь меньшинство данного класса»

Очень, очень хорошо: «таков, вообще, исторический закон». Так пишет кадетская «Речь» устами г. Изгоева. Однако, присматриваясь ближе, мы с удивлением узнали, что «общие исторические законы» не простирают своего действия за пределы феодального дворянства и либеральной буржуазии. В самом деле. Припомним «Вехи», в которых писал тот же г. Изгоев и с которыми полемизировали виднейшие кадеты таким образом, что касались частных и не трогали основного, главного, существенного. Существенное в «Вехах», разделяемое всеми кадетами и тысячами раз высказывавшееся г.г. Милюковыми и К-о, состоит в том, что остальные классы России, кроме реакционного дворянства и либеральной буржуазии, проявили себя (в первом десятилетии настоящего века) действиями своего меньшинства, подавшагося «угару», увлеченного «интеллигентскими» «вожаками», неспособного возвыситься до «государственной» точки зрения. «Надо иметь, наконец, смелость сознаться,—писал г. Изгоев в «Вехах»,—что в наших Государственных Думах огромное большинство депутатов, за исключением трех—четырёх десятков кадетов и октябристов, не обнаружило знаний, с которыми можно было бы приступить к управлению и переустройству России». Это говорится, как всякий понимает, про крестьянских депутатов, трудовиков и про рабочих депутатов.

Итак, «вообще исторический закон» состоит в том, что «прогрессивно действует лишь меньшинство данного класса». Если действует меньшинство буржуазии, то это прогрессивное мень-

шинство, оправдываемое «общим историческим законом». «Моральный авторитет распространяется на весь класс, если только меньшинство получает возможность работать», — поучает нас г. Изгоев. Но если действует меньшинство крестьян или рабочих, то это отнюдь не соответствует «историческому закону», это отнюдь не «прогрессивное меньшинство данного класса», это меньшинство отнюдь не имеет «морального авторитета», чтобы говорить от имени «целого» класса, — ничего подобного, это меньшинство, сбитое с толку «интеллигентщиной», анти-государственное, анти-историчное, обеспопеченное и т. д., как в «Вехах» прописано.

Кадетам вообще, веховцам в частности, рискованно пускаться в обобщения потому, что всякий их приступ к обобщениям неизбежно разоблачает полнейшее внутреннее родство кадетских и меньшевиковских рассуждений.

«Россия» и «Земщина» рассуждают: 66 купцов, это — меньшинство, отнюдь не представляющее класса, не проявляющее ни знаний, ни способности «к управлению и переустройству России», и вовсе даже это не купцы, а совращенные «интеллигентъ» и т. д., и т. п.

Изгоевы и Милюковы рассуждают: трудовики и рабочие депутаты наших, к примеру скажем, Государственных Думах, это — меньшинство, отнюдь не представляющее своих классов (т.-е. девять десятых населения), сбитое с толку «интеллигентщиной», не проявляющее ни знаний, ни способности «к управлению и переустройству России» и т. д., и т. п.

Откуда это полнейшее внутреннее родство рассуждений «России» и «Земщины», с одной стороны, «Речи» и «Русских Ведомостей» — с другой? Оттуда, что, при всем различии представляемых ими классов, и те и другие группы органов представляют классы, у ж е неспособные ни к какому существенному, самостоятельному, творческому, решающему п р о г р е с с и в н о м у историческому действию. Оттуда, что не только первая, но и вторая группа органов, не только реакционеры, но и либералы, представляют класс, б о я щ и й с я исторической самостоятельности других, более широких слоев, групп и масс населения, других — более многочисленных — классов.

Г. Изгоев, в качестве ренегата «из марксистов», наверное, усмотрит здесь вопиющее противоречие: с одной стороны, признавать капиталистическое развитие России, а следовательно, имманентную тенденцию этого развития к максимально-полному и максимально-чистому господству буржуазии и в экономической,

и в политической сфере, а с другой стороны, объявлять, у ж е неспособной к самостоятельному, творческому, историческому действию либеральную буржуазию!

«Противоречие» это есть противоречие живой жизни, а не противоречие неправильного рассуждения. Необходимость буржуазного господства нисколько не означает того, что либеральная буржуазия способна на такие проявления исторической самостоятельности, которые могли бы вызволить ее из «неволи» Пуришкевической. Во-первых, история вовсе не идет таким простым и гладким путем, чтобы всякое исторически-назревшее преобразование означало т е м с а м ы м достаточную зрелость и силу для проведения этого преобразования тем именно классом, которому оно в первую голову выгодно. Во-вторых, кроме либеральной буржуазии, есть еще другая буржуазия, например, все крестьянство, взятое в массе, есть не что иное, как демократическая буржуазия. В-третьих, история Европы показывает нам, что бывали буржуазные по своему общественному содержанию преобразования, осуществлявшиеся элементами вовсе не из буржуазии. В-четвертых, история России за последние полвека показывает нам то же самое...

Когда идеологи и вожди либерализма начинают рассуждать так, как рассуждают веховцы, Карауловы, Маклаковы, Милюковы, это о з н а ч а е т, что ряд исторических условий вызвал во всей либеральной буржуазии такое «устремление вспять», такую боязнь движения вперед, что это движение пройдет помимо нее, через нее, вопреки ее опасениям. А такая перебранка, как взаимное обвинение Меньшикова Громобоем, и Громобоя Меньшиковым *), в «усилении смуты», является лишь симптомом того, что это историческое движение вперед всеми начинает ощущаться...

«Современное общество,—пишет в той же статье г. Изгоев,—построенное в глубине своей на начале личной собственности, есть общество классовое и иным пока быть не может. Место падающего класса стремится всегда занять другой класс».

Какой он вумный,—думает г. Милюков, читая подобные тирады в своей «Речи».—А приятно все же иметь кадета, который в 25 лет был социал-демократом, а в 35 «поумнел» и раскаялся в заблуждениях.

*) Цворян либеральными купцами и либеральных купцов дворянами.

Неосторожное это занятие для вас, г. Изгоев, пускаться в обобщения. Современное общество есть общество классовое, очень хорошо. А может ли быть в классовом обществе внеклассовая партия? По всей вероятности, вы догадываетесь, что нет. Так зачем же вы совершаете такую неловкость, что ораторствуете о «классовом обществе» в органе такой партии, которая как раз видит свою гордость и заслугу в том (а по мнению тех, кто не только на словах и не только для фельетонной болтовни признает современное общество классовым,—проявляет свое лицемерие или свою близорукость тем—) что объявляет себя партией внеклассовой?

Когда вы поворачиваете свое лицо к объединенному дворянству и к либеральному московскому купечеству, тогда вы кричите о том, что современное общество есть классовое общество. А когда вам приходится, когда неприятные (ах, ужасно какие неприятные!) события заставляют вас повернуться хоть на короткое время лицом к крестьянству или к рабочим, тогда вы начинаете громить узкую, омертвелую, окостенелую, безнравственную, материалистическую, безбожную, ненаучную «доктрину» о классовой борьбе. Ох, не братья бы вам лучше, г. Изгоев, за социологические обобщения. Ой, не ходи, Грицю, та на вечерницу!

...«Место падающего класса стремится всегда занять другой класс»...

Не всегда, г. Изгоев. Бывает так, что оба класса, и падающий и «стремящийся», изрядно уже прогнили—один больше, другой меньше, конечно, но все же оба изрядно прогнили. Бывает так, что, чувствуя эту свою гнилость, «стремящийся» вперед класс боится сделать шаг вперед, а ежели делает, то обязательно при этом торопится сделать два шага назад. Бывает такая либеральная буржуазия (например, в Германии и особенно в Пруссии так было), которая боится «занять место» падающего класса, а все усилия направляет на то, чтобы «разделить место» или, вернее, получить местечко хотя бы в лакейской,—но только не занять место «падающего», только не доводить падающего до «падения» Бывает так, г. Изгоев.

В такие исторические эпохи когда это случается. либералы могут принести (и приносят) величайший вред всему общественному развитию, если им удастся выдать себя за демократов, ибо разница между теми и другими, либералами и демократами, как раз в том, что первые боятся «занять место», а вторые не боятся этого. И те, и другие осуществляют исторически назревшее буржуазное преоб-

разование, но одни боятся осуществить его, тормозят его своей боязнью, другие—разделяя нередко массу иллюзий насчет последствий буржуазного преобразования—вкладывают все свои силы и всю душу в его осуществление.

Чтобы иллюстрировать эти общие социологические рассуждения, позволю себе привести один пример либерала, который не стремится, а боится «занять место» падающего класса, и который поэтому (сознательно или бессознательно, все равно) злейшим образом обманывает население, называя себя «демократом». Либерал этот член III Думы помещик А. Е. Березовский 1-й, кадет, который во время аграрных прений (в 1908 году) произнес в Думе следующую речь, одобренную лидером партии г. Милюковым, назвавшим речь «прекрасной». Напомнить эту речь,—смеем думать,—не лишне ввиду близких выборов.

«...По моему глубокому убеждению,—говорил г. Березовский 27 октября 1908 года в Государственной Думе, защищая земельный проект,—этот проект гораздо более полезен и для владельцев земли, и я это говорю, господа, зная земледелие, сам занимаясь им всю жизнь и владея землей... Не надо выхватывать голый факт принудительного отчуждения, возмущаться им, говорить, что это насилие, а надо посмотреть, во что выливается это предложение, что предлагали, например, в своем проекте 42 члена I Государственной Думы. В нем заключалось только признание необходимости в первую очередь подвергнуть отчуждению те земли, которые не эксплуатируются самими владельцами, которые обрабатываются крестьянским инвентарем и, наконец, которые сдаются в аренду. Затем партия народной свободы поддерживала образование комиссий на местах, которые, поработав известное время, может быть, даже ряд лет, должны выяснить, какие земли подлежат отчуждению, какие не подлежат и сколько нужно крестьянам земли для их удовлетворения. Эти комиссии конструировались бы так, что в них была бы половина крестьян и половина не крестьян, и мне кажется, что в этой общей конкретной обстановке на местах выяснилось бы, как следует, и количество подходящей для отчуждения земли, и количество земли, необходимой для крестьян, и, наконец, сами крестьяне убедились бы, в какой мере могут быть удовлетворены их справедливые требования и в какой степени неверны и неосновательны часто их желания получить много земли. Затем этот материал возвратился бы в Думу, которая бы его переработала, далее материал этот пошел бы в Государственный Совет и, наконец,

дошел бы до Высочайшей санкции. Тот, собственно, порядок, которого почему-то устранилось правительство, распустив Думу, и привел нас к настоящему положению вещей. Результатом этой планомерной работы, несомненно, было бы удовлетворение истинных нужд населения, связанное с ним успокоение и сохранение культурных хозяйств, которых никогда партия народной свободы разрушать без крайней необходимости не желала» (Стенографические отчеты, стр. 398).

Если г. Изгоев, принадлежащий к той же партии, что и г. Берёзовский,—пишет в статье «Сопоставление»: «Россия—страна демократическая и никакой олигархии терпеть не может, ни новой, ни старой», то нам вполне ясен теперь смысл подобных речей. Россия отнюдь не демократическая страна, и никогда ни в каком случае демократической страной сделаться не сможет, пока сколько-нибудь широкие круги населения такую партию, как кадеты, считают демократической. Это—горькая правда, в тысячу раз более нужная народу, чем та сладкая ложь, которую говорят представители половинчатой, бесхарактерной, беспринципной либеральной олигархии, господа кадеты. Напоминать эту горькую правду тем более необходимо, чем больше выдвигаются на очередь дня такие «пререкания», как пререкания Меншиковых с 66 и с Громобоем.

«Звезда» № 11

от 26 февраля 1911 г.

За подписью В. Ильин.

По поводу юбилея.

Пятидесятилетие так называемой крестьянской реформы возбуждает много интересных вопросов. Из них мы можем здесь коснуться лишь некоторых экономических и исторических вопросов, оставляя до другого случая темы публицистические в более узком смысле слова.

Лет 10—15 тому назад, когда на широкую публику впервые были вынесены споры между народниками и марксистами, расхождение в оценке так называемой крестьянской реформы неоднократно всплывало на одно из первых мест в этом споре. Для теоретиков народничества,—напр., известного г. В. В. или Николая—она,—основы крестьянской реформы 1861 г. представляли из себя нечто принципиально отличное от капитализма и принципиаль-

по враждебное ему: Они говорили о том, что Положение 19 февраля узаконяло «наделение производителя средствами производства», давало санкцию «народному производству» в о т л и ч и е от капиталистического. В Положении 19 февраля усматривался залог некапиталистической эволюции России.

Этой теории марксисты противопоставляли уже тогда принципиально иной взгляд. Положение 19 февраля есть один из э п и з о д о в смены крепостнического (или феодального) способа производства буржуазным (капиталистическим). Никаких иных историко-экономических элементов, по этому взгляду, в Положении н е т. «Наделение производителя средствами производства» есть пустая прекраснотдушная фраза, затушевывающая тот простой факт, что крестьяне, будучи мелкими производителями в земледелии, превращались из производителей с преимущественно натуральным хозяйством в товаропроизводителей. Насколько сильно и слабо было при этом развито именно товарное производство в крестьянском хозяйстве разных местностей России той эпохи, это—вопрос иной. Но несомненно, что именно в обстановку товарного производства, а не какого-либо иного, вступал «освобождаемый» крестьянин. «Свободный труд» в з а м е н *) крепостного труда означал таким образом не что иное, как свободный труд наемного рабочего или ловкого самостоятельного производителя в условиях товарного производства, т.-е. в буржуазных общественно-экономических отношениях. В ы к у п еще рельефнее подчеркивает такой характер реформы, ибо выкуп дает толчок денежному хозяйству, т.-е. увеличению зависимости крестьянина от рынка.

Народники видели в освобождении крестьян с землей принцип некапиталистический, «начало» того, что они называли «народным производством». В освобождении крестьян без земли они видели принцип капиталистический. Такой взгляд народники (особенно г. Николай—он) основывали на уч е н и и М а р к с а, ссылаясь на то, что освобождение работника от средств производства есть основное условие капиталистического способа производства. Оригинальное явление: марксизм был, уже начиная с 80-х годов (если не раньше), такой бесспорной, фактически господствующей силой среди передовых общественных учений западной

*) Поскольку на деле такая замена осуществлялась,—мы увидим ниже, что эта замена шла гораздо сложнее, чем могло бы казаться с первого взгляда.

Европы, что в России теории, враждебные марксизму, не могли долгое время выступать открыто против марксизма. Эти теории софистичировали, фальсифицировали (зачастую бессознательно) марксизм, эти теории как бы становились сами на почву марксизма и «по Марксу» пытались опровергнуть приложение к России теории Маркса! Народническая теория г. Николая—она претендовала на звание «марксистской» (1880 — 1890-е годы), а впоследствии либерально-буржуазная теория г.г. Струве, Туган-Барановского и К-о начинала с «п о ч т и» полного признания Маркса, развивая свои взгляды, проводя свой либерализм под оболочкой «дальнейшего критического развития» марксизма. На этой своеобразной черте развития русских общественных теорий с конца XIX века (и вплоть до современного оппортунизма—ликвидаторства, цепляющегося за марксистскую т е р м и н о л о г и ю для прикрытия антимарксистского содержания) нам придется, вероятно, останавливаться неоднократно.

В данную минуту нас интересует народническая оценка «великой реформы». В корне ошибочен тот взгляд, что стремление обезземелить крестьян в 1861 году было капиталистическим стремлением, а стремление наделить их землей — антикапиталистическим, социалистическим (лучшие из народников в термине «народное производство» видели навязанный ц е н з у р н ы м и препонами псевдоним социализма). Такой взгляд грешит вопиющей антиисторичностью, перенесением «готовой» формулы Маркса («формулы») применимой лишь к высоко развитому товарному производству, на к р е п о с т н и ч е с к у ю почву. В действительности обезземеление крестьян в 1861 году означало в большинстве случаев создание не свободного рабочего в капиталистическом производстве, а к а б а л ь н о г о (т.-е. фактически полукрепостного или даже почти крепостного) а р е н д а т о р а той же «барской», помещичьей земли. В действительности «надель» 1861 года означали в большинстве случаев создание не свободного самостоятельного земледельца, а п р и к р е п л е н и е к земле кабального арендатора, фактически вынужденного отбывать ту же барщину в форме обработки своим инвентарем помещичьей земли за выпас, за выгон, за луга, за необходимую пахотную землю и т. п.

Поскольку крестьянин действительно, а не номинально только, освобождался от крепостных отношений (суть их: «отрабочная рента», т.-е. работа наделенного землей крестьянина на помещика), постольку он вступал в обстановку буржуазных общественных

отношений. Но это действительное освобождение от крепостнических отношений шло гораздо сложнее, чем народники думали. Борьба сторонников обезземеления и сторонников «наделения» выражала тогда зачастую лишь борьбу двух крепостнических лагерей, спор о том, выгоднее ли для помещика иметь арендатора (или «отработочного» крестьянина) вовсе без земли и ли «с наделом», т.-е. прикрепленного к месту, привязанного клочком земли, с которого нельзя жить и на котором приходится искать «заработков» (= итти в кабалу помещику).

И, с другой стороны, несомненно, что чем больше земли получили бы крестьяне при освобождении, чем дешевле бы они ее получили, тем быстрее, шире, свободнее шло бы развитие капитализма в России, тем скорее исчезли бы остатки крепостнических и кабальных отношений, тем значительнее был бы внутренний рынок, тем обеспеченнее развитие городов, промышленности и торговли.

Ошибка народников состояла в том, что они брали вопрос утопично, абстрактно, вне отношения к конкретной исторической обстановке. Они объявляли «надел» базой самостоятельного мелкого земледелия: поскольку это верно, постольку «наделенный землей» крестьянин становился товаропроизводителем, попадал в условия буржуазные. На деле же слишком часто «надел» был так мал, так обременен чрезмерными платежами, так неудачно для крестьянина и «удачно» для помещика отмежеван, что «надельный» крестьянин неминуемо попадал в положение безысходной кабалы, оставался фактически в крепостнических отношениях, отрабатывал ту же барщину (под видом аренды за отработки и т. п.).

Таким образом в народничестве таилась двоякая тенденция, которую марксисты и характеризовали тогда же, говоря о либерально-народнических взглядах, либерально-народнической оценке и т. д. Поскольку народники прикрашивали реформу 1861 года, забывая о том, что «наделение» реально означало в массе случаев обеспечение помещичьих хозяйств дешевыми и прикрепленными к месту рабочими руками, дешевым кабальным трудом, постольку они опускались (часто не сознавая этого) до точки зрения либерализма, до точки зрения либерального буржуа, или даже либерального помещика;—постольку они объективно становились защитниками такого типа капиталистической эволюции, которая всего более отягощена помещичьими традициями, всего более свя-

зана с крепостническим прошлым, всего медленнее, всего тяжелее от него освобождается.

Поскольку же народники, не впадая в идеализацию реформы 1861 года, горячо и искренне отстаивали наименьшие платежи и наибольшие, без всякого ограничения, «наделы», при наибольшей культурной, правовой и проч. самостоятельности крестьянина, постольку они были буржуазными демократами. Их единственным недостатком было то, что их демократизм был далеко не всегда последователен и решителен, при чем буржуазный характер его оставался ими несознанным. У нас, между прочим, будет сказано, даже и по сию пору самые «левые» социал-народники понимают нередко слово «буржуазный» в указанном сочетании, как нечто вроде... «политики», тогда как на самом деле термин буржуазная демократия есть единственно точная, с точки зрения марксизма, научная характеристика.

Эта двоякая, либеральная и демократическая тенденция в народничестве вполне ясно п а м е т и л а с ь уже в эпоху реформы 1861 года. Мы не можем здесь останавливаться подробнее на анализе этих тенденций, в частности на связи утопического социализма со второй из них, и ограничимся простым указанием на различие идейно-политических направлений, скажем, Кавелина ³¹⁾, с одной стороны, и Чернышевского, с другой.

Если бросить общий взгляд на изменение всего уклада российского государства в 1861 году, то необходимо признать, что это изменение было шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию. Это верно не только с экономической, но и с политической точки зрения. Достаточно вспомнить характер реформы в области суда, управления, местного самоуправления и т. п. реформ, следовавших за крестьянской реформой 1861 года, — чтобы убедиться в правильности этого положения. Можно спорить о том, велик или мал, быстр или медленен был этот «шаг», но н а п р а в л е н и е, в котором этот шаг последовал, так ясно и так выяснено всеми последующими событиями, что о нем едва ли может быть два мнения. Подчеркнуть же это н а п р а в л е н и е тем более необходимо, чем чаще приходится слышать в наше время непродуманные суждения о том, будто «шаги» по пути превращения в буржуазную монархию делаются Россией чуть ли не самые последние годы.

Из двух указанных тенденций народничества демократическая, опирающаяся на сознательность и самодеятельность не поме-

щичьих, не чиновничьих и не буржуазных кругов, была крайне слаба в 1861 году. Поэтому дело и не пошло дальше самого маленького «шага» по пути превращения в буржуазную монархию. Но эта слабая тенденция существовала уже тогда. Она проявлялась и впоследствии то сильнее, то слабее, как в сфере общественных идей, так и в сфере общественного движения в с е й пореформенной эпохи. Эта тенденция росла с каждым десятилетием этой эпохи, питаемая каждым шагом экономической эволюции страны, а следовательно, и совокупностью социальных, правовых и культурных условий.

Через 44 года после крестьянской реформы и та и другая тенденции, которые в 1861 году только наметились, нашли себе довольно полное и открытое выражение на самых различных поприщах общественной жизни, в различных перипетиях общественного движения, в деятельности широких масс населения и крупных политических партий. Кадеты и трудовики,—понимая тот и другой термин в самом широком смысле,—прямые потомки и преемники, непосредственные проводники обеих тенденций, обрисовавшихся уже полвека тому назад. Связь между 1861 годом и событиями, разыгравшимися 44 года спустя, несомненна и очевидна. И то обстоятельство, что в течение полувека обе тенденции выжили, окрепли, развились, выросли, свидетельствует, бесспорно, о силе этих тенденций, о том, что корни их лежат глубоко во всей экономической структуре России.

Нововременский писатель Меньшиков выразил эту связь крестьянской реформы с событиями недавнего прошлого в следующей своеобразной тираде: «61-й год не сумел предупредить девятьсот пятого,—стало быть, что же кричать о в е л и ч и и реформы, столь жалко провалившейся?» («Нов. Время», № 12512, от 11 янв., «Ненужный юбилей»).

Меньшиков нечаянно затронул этими словами крайне интересный научно-исторический вопрос, во-первых, о соотношении реформы и революции вообще, а, во-вторых, о связи, зависимости, родстве общественно-исторических направлений, стремлений, тенденций 1861 и 1905—1907 годов.

Понятие реформы, несомненно, противоположно понятию революции; забвение этой противоположности, забвение той грани, которая разделяет оба понятия, постоянно приводит к самым серьезным ошибкам во всех исторических рассуждениях. Но эта противоположность не абсолютна, эта грань не мертвая, а жи-

вая, подвижная грань, которую надо уметь определить в каждом отдельном конкретном случае. Реформа 1861 года осталась только реформой в силу крайней слабости, бессознательности, распыленности тех общественных элементов, интересы которых требовали преобразования.

От этого так сильны были крепостнические черты в этой реформе, от этого так много в ней бюрократически-уродливого, от этого так безмерны были те бедствия, которые причинила она крестьянству. Крестьянство наше страдало гораздо больше от недостаточного развития капитализма, чем от капитализма.

Но эта реформа, оставшаяся реформой в силу слабости известных общественных элементов, создала, несмотря на все препятствия и препоны, условия для дальнейшего развития этих элементов,—условия, расширившие ту базу, на которой старое противоречие разыгрывалось, расширившие круг тех групп, слоев, классов населения, которые могли сознательно принять участие в «разыгрывании» этих противоречий. Поэтому вышло так, что представители сознательно враждебной либерализму демократической тенденции в реформе 1861 года, казавшиеся тогда (и долгое время спустя) беспочвенными одиночками, **о к а з а л и с ь** на деле неизмеримо более «почвенными»,—оказались тогда, когда созрели противоречия, бывшие в 1861 году в состоянии почти зародышевом. Участники реформы 1861 года, смотревшие на нее с реформистской точки зрения, оказались более «почвенны», чем либеральные реформисты. История навсегда сохранит память о первых, как о передовых людях эпохи,—о вторых, как о людях половинчатых, бесхарактерных, бессильных перед силами старого и отжившего.

Народники проповедывали всегда в своих теориях, начиная с 1861 года (а их предшественники еще раньше, до 1861 года) и затем в течение более полувека, **и н о й, т.-е. н е к а п и т а л и с т и ч е с к и й** путь для России. История вполне опровергла эту их ошибку. История вполне доказала,—и собрания 1905—1907 годов, выступления разных классов русского общества в то время особенно наглядно подтвердили,—что Россия развивается капиталистически и что иного пути ее развития быть не может. Но плох был бы тот марксист, который из этой же истории полувека не научился бы до сих пор тому, в чем состояло **р е а л ь н о е** значение этих облеченных в ошибочную идеологию полувековых стремлений осуществить «иной» путь для отечества.

Сравнение 1861 года с 1905—1907 годами яснее ясного показывает, что это реальное историческое значение народнической идеологии состояло в противоположении двух путей капиталистического развития: одного пути, приспособляющего новую, капиталистическую Россию к старой, подчиняющего первую второй, замедляющего ход развития, — и другого пути, заменяющего старые новыми, устраняющего полностью отжившие помехи новому, ускоряющего ход развития. Программы кадетов и трудовиков, как программы либеральная и демократическая — при своей непоследовательности, иногда запутанности и бессознательности обеих программ — рельефно выразили это развитие реальных путей, которые находятся оба в рамках капитализма, которые проводятся в жизнь неуклонно в течение более полувека.

И теперешняя эпоха особенно настоятельно требует от нас отчетливого понимания условий того и иного пути, ясного представления о двух тенденциях 1861 года и об их дальнейшем развитии. Мы переживаем дальнейший сдвиг всего уклада российского государства, еще один шаг по пути превращения в буржуазную монархию. Этот новый шаг, столь же неуверенный, столь же колеблющийся, столь же неудачный, столь же не состоятельный, как прежде, ставит перед нами старые вопросы. Какой из двух путей капиталистического развития России окончательно определит ее буржуазный уклад, этого история еще не решила: не исчерпали еще себя те объективные силы, от которых зависит решение. Нельзя предусмотреть, каково будет это решение наперед до опыта всех трений, столкновений, конфликтов, которые составляют жизнь общества. Нельзя предусмотреть наперед, какова будет равнодействующая тех двух тенденций, которые дают себя знать с 1861 года. Но можно — и должно — добиться ясного сознания той или другой тенденции, добиться того, чтобы марксисты (и в этом одна из их задач, как «гегемонов» в хаосе распада, разброда, маловерия и преклонения перед минутным успехом) внесли свою деятельность — в эту равнодействующую — не в виде минуса (вроде ликвидаторства и вообще всякого беспомощного ковыляния за тем или иным упадочным настроением), а в виде плюса, в виде отстаивания интересов всей эволюции в целом, ее коренных и самых существенных интересов.

Представители демократической тенденции идут к своей цели, постоянно колеблясь и попадая в зависимость от либерализма. Противодействие этим колебаниям, разрушение этой зависимости—одна из важнейших исторических задач марксизма в России.

*«Мысль» № 3,
февраль 1911 г.
За подписью Р. Ильин.*

О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве.

Вопросы, указанные в заглавии, занимают по важности одно из первых, если не первое место в системе взглядов марксиста, желающего разбираться в окружающей его действительности. Период 1908—1910 годов представляет из себя, несомненно, нечто своеобразное. Социальная структура общества и власти характеризуется изменениями, без уяснения которых нельзя сделать ни шагу в какой угодно области общественной деятельности. От уяснения этих изменений зависит вопрос о перспективах, понимая под этим, конечно, не пустые гадания насчет того, чего не ведает никто, а основные тенденции экономического и политического развития,—те тенденции, равнодействующая которых определяет ближайшее будущее страны, те тенденции, которые определяют задачи, направление и характер деятельности всякого сознательного общественного деятеля. А этот последний вопрос, о задачах, направлении и характере деятельности, ближайшим образом связан с вопросом о ликвидаторстве.

Неудивительно поэтому, что марксисты уже в 1908 году, как только выяснилось или стало выясняться, что перед нами некоторый новый, своеобразный период русской истории, поставили на очередь дня именно вопросы о социальной структуре власти, о перспективах и ликвидаторстве, указали неразрывную связь этих вопросов, подвергли их систематическому обсуждению. Далее, они не ограничились одним обсуждением—это было бы как раз литературщиной в плохом смысле слова, это было бы возможно только в дискуссионном кружке интеллигентов, не сознающих своей ответственности и беззаботных по части политики,—нет, они выработали точную формулировку результатов обсуждения, такую, которой бы мог руководиться не только член данного лите-

ратурного кружка, не только человек, так или иначе связанный с известной интеллигентской категорией, а любой, всякий и каждый, сознательный представитель класса, считающий марксизм своей идеологией. К концу 1908 года эта необходимая работа была закончена.

Каковы главные результаты этой работы, я уже говорил в № 2 нашего журнала ³²⁾. Позволю себе привести оттуда несколько строк, чтобы сделать понятным дальнейшее изложение.

«Развитие русского государственного строя за последние три века показывает нам, что он изменял свой классовый характер в одном определенном направлении. Монархия XVII века с боярской думой не похожа на чиновничью-дворянскую монархию XVIII века. Монархия первой половины XIX века — не то, что монархия 1861 — 1904 годов. В 1903 — 1910 г.г. явственно обрисовалась новая полоса, знаменующая е щ е о д и н ш а г в том же направлении, которое можно назвать направлением к буржуазной монархии. В тесной связи с этим шагом стоит и III Дума и наша современная аграрная политика. Новая полоса, таким образом, не случайность, а своеобразная ступень в капиталистической эволюции страны. Не решая старых проблем, не будучи в состоянии решить их, а, следовательно, н е у с т р а н я я их, эта новая полоса требует приложения новых приемов подготовки к старому решению старых проблем» (№ 2, стр. 43). И несколькими строками ниже: «Те, кто отрицает или не понимает, что перед нами стоят старые проблемы, что мы идем навстречу старому их решению, те покидают н а д е л е почву марксизма, те оказываются н а д е л е в плену у либералов (как г. Потресов, г. Левицкий и т. д.)» (стр. 44) *).

Как бы кто ни относился к кругу идей, выраженному в этих положениях, но едва ли можно отрицать теснейшую связь и взаимозависимость отдельных частей в этой оценке данного периода. Возьмите, например, указ 9 ноября 1906 г. (закон 14 июня 1910 года): совершенно неоспоримо, что он имеет ярко выраженный буржуазный характер, знаменуя принципиальный поворот в той аграрной политике, которую давно вели «верхи» по отношению к общине и надельному землевладению. Но, чтобы этот принципиальный поворот у ж е решил вопрос, у ж е создал новые базы капиталистического крестьянского хозяйства, у ж е устранил старые проблемы, этого до сих пор не решались утверждать даже са-

*) См. выше стр. 205 и 206. Р е д.

мые беспринципные и податливые дуновениям ветра люди, вроде кадетов. Связь закона 14 июня 1910 г. с системой выборов в III Думу и ее социальным составом очевидна: иначе, как союзом центральной власти с феодальными (употребим это не вполне точное, обще-европейское, выражение) помещиками и верхами торгово-промышленной буржуазии, нельзя было бы осуществить этого закона, провести ряд мер для его введения в жизнь. Перед нами, значит, своеобразная ступень в с е й капиталистической эволюции страны. Устраняет ли эта ступень сохранение «власти и доходов» — говоря в социологическом смысле — за землевладельцами феодального типа? Нет, не устраняет. Происшедшие изменения и в этой, как во всех других областях, не устраняют о с н о в н ы х черт старого режима, старого взаимоотношения социальных сил. Отсюда понятна коренная задача сознательного общественного деятеля: учесть эти новые изменения, «использовать» их, охватить их, — если можно так выразиться, — и в то же время не отдаться беспомощно течению, не выбросить вон старого багажа, сохранить основное и в формах деятельности, а не только в теории, в программе, в принципах политики.

Спрашивается, как же отнеслись к этому оформленному ответу на «проклятые вопросы», к этому прямому и ясному изложению определенных взглядов те «идейные руководители», которые группируются вокруг изданий типа «Возрождения», «Жизни», «Дела Жизни», «Нашей Зари» и т. п., г.г. Потресов и Мартов, Дан и Аксельрод, Левицкий и Мартынов? Они отнеслись именно не как политики, не как «идейные руководители», не как кружок интеллигентов, не как вольные стрелки вольных групп, ответственные публицисты, не как литературская категория, не как представители пишущей братии. Они снисходительно похихикали, — в качестве людей, умеющих ценить моду и дух времени, установившиеся в либеральных салонах, — над этой устарелой, отжившей, чудаческой тягой к оформленным ответам на проклятые вопросы. К чему эта оформленность, когда можно писать где угодно, о чем угодно, что угодно, как угодно? Когда г.г. Милюковы и г.г. Струве дают прекрасные образчики всех выгод, удобств и преимуществ, вытекающих из уклонения от прямых ответов, точных изложений взглядов, оформленных *professions de foi* и т. д.? Когда Иваны Непомнящие (и в особенности Иваны, не любящие вспоминать про былую оформленность) в самых широких кругах «общества» пользуются почетом и уважением?

Так за все три года мы и не видели со стороны всей этой литераторской компании ни малейшей попытки противопоставить с в о й оформленный ответ на «проклятые вопросы». Иносказаний и гипотез пустых было сколько угодно, а прямого ответа ни одного. Отличительной, характерной чертой рассматриваемой компании явилась любовь к б е с ф о р м е н н о с т и, т.-е. именно к такому признаку, который самым определенным, самым точным и недвусмысленным образом был т о г д а же, когда давался прямой ответ на проклятые вопросы, признан составным элементом понятия л и к в и д а т о р с т в а. Бесформенным образом плыть по течению, умиляться своей бесформенностью, «ставить крест» над тем, что противоположно бесформенному настоящему, это и есть одна из основных черт ликвидаторства. Оппортунисты всегда и везде пассивно отдаются течению, довольствуются ответами «от случая к случаю», от съезда (пьяного) к съезду (фабричному), удовлетворяются объединением от одного «общества» (хотя бы и самого почетного и полезного: профессионального, потребительного, культурного, общества трезвости и т. п.) к другому обществу и т. д. Ликвидаторство есть совокупность тенденций, свойственных всякому оппортунизму вообще и проявляющихся в определенных конкретных формах в один из периодов русской истории в одном из наших социально-политических направлений.

История сохранила только два точных отзыва ликвидаторов на изложенный выше «прямой ответ» (на проклятые вопросы). Первый отзыв: прилагательное буржуазный следовало бы заменить прилагательным плутократический.—Такая замена была бы, однако, совершенно неправильна. Эпоха 1861—1904 годов показывает нам в самых различных областях жизни рост влияния, а нередко и преобладающее влияние плутократии. В эпоху 1908—1910 г.г. мы видим, в о т л и ч и е от «плутократии», результаты того, как буржуазия, сознавая себя классом, учитывая уроки, данные предыдущим трехлетием ее классовому самосознанию, создает идеологию, принципиально враждебную и социализму (притом не общеевропейскому, не социализму вообще, а именно русскому) и демократии. Мало того. Буржуазия организована в общенациональном масштабе, т.-е. именно как класс, известная часть которого постоянно представлена (и очень influentially представлена) в III Думе. Наконец, и в аграрной политике 1908—1910 годов есть система, проводящая определенный план буржуазного аграрного строя. Этот план «не вытанцовывается» до сих пор,

Это несомненно, но эта неудача есть неудача о д н о й из буржуазных систем при несомненной «удаче» п л у т о к р а т и и в деревне, то-есть плутократия деревенская от аграрной политики 1908—1910 годов наверняка выигрывает, но тот буржуазный уклад, для которого много жертв приносится, все еще не может «уложиться». Одним словом, предложение термина «плутократический» во всех отношениях неудачно, и настолько неудачно, что сами ликвидаторы, видимо, предпочитают забыть об этом предложении.

Другой отзыв: вышеизложенный ответ неправилен-де потому, что сводится к совету «переть туда, где были раз»... неудачи. Этот краткий, но энергичный отзыв ценен тем, что в рельефной форме выразил итоги всех литературных выступлений ликвидаторов, начиная с Потресовского «Общественного движения» и кончая г. Левицким в «Нашей Заре». Содержание этого отзыва—чисто отрицательное; он ограничивается осуждением стремлений «переть туда», не давая никаких положительных указаний насчет того, к у д а «переть» следует. Плывите, дескать, как плывется, как «все» плывут, а обобщениями насчет того, к чему это приводит и приводить должно, заниматься не стоит.

Но, как ни хотелось бы оппортунистам успокоиться от всяких обобщений, избежать «неприятных» разговоров о прямом ответе на «проклятые вопросы», а это оказывается все же невозможным. Гони природу в дверь—она влетит в окно. Ирония истории устроила так, что те самые ликвидаторы, которые любят называть себя «передовыми», чуждыми «консерватизма» людьми и которые в 1908 году презрительно морщили нос по поводу указаний на необходимость прямого ответа, оказались вынужденными—почти полтора года спустя, летом 1910 года, посчитаться с этими указаниями. И вынудили их к тому события в их собственном лагере. Совсем было отмахнулись от прямого ответа, затребованного в каких-то там презренных,—отживших, омертвелых, никчемных, зловредных «гиблых местах»,—как вдруг, полтора года спустя, возникает среди самих ликвидаторов «течение», требующее тоже прямого ответа и дерзновенно дающее прямой ответ!

В роли «дерзновенного» выступил, как и следовало ожидать, Ю. Ларин, но на этот раз уже не один. Ларин, как известно, *enfant terrible* оппортунизма. Он отличается тем громадным, с точки зрения оппортунистов, недостатком, что воспринимает

серьезно, искренно, вдумчиво намечающиеся у них тенденции, старается связать их в нечто целое, додумать до конца, получить прямые ответы, сделать практические выводы. Те, кто знакомы с книгой Ларина о широкой рабочей партии,—книга эта вышла года 3—4 тому назад,—помнят, наверное, как он задушил в своих горячих объятиях пресловутую аксельродовскую идею рабочего съезда ³³).

С марта 1910 года Ларин начал печатать ряд статей в «Возрождении» по вопросу именно о социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве. К нему присоединился г. Пилецкий. Оба писателя, с горячностью неопитов взявшись за эти вопросы, на которые в своем, ликвидаторском, лагере они тщетно искали прямого ответа, пошли рубить с плеча. О крепостничестве в современной России нечего и говорить, власть у ж е переродилась в буржуазную. «И первый и второй элементы,—говорит Ларин, выделяя пресловутый «третий элемент»,—могут спать спокойно: октябрь 1905 г. не стоит на очереди» («Возрождение» № 9—10, стр. 20). «Упразднив Думу, восстановили бы ее еще скорей, чем после-революционная Австрия, упразднившая конституцию в 1851 г., чтобы вновь признать ее в 1860 г., через 9 лет, без всякой революции, просто в силу интересов перестроивший на капиталистическую ногу свое хозяйство влиятельнейшей части господствующих классов. Впоследствии борьба разных слоев господствующих классов между собой, после того, как укоренится общественный строй буржуазных отношений, принудит их и у нас, как везде, раздвигать рамки избирательного права...» (Там же, стр. 26). «Процесс приобщения России к капиталистическому миру... находит себе завершение и в политической области. Это завершение—невозможность на переживаемой нами стадии общенационального революционного движения, имевшего место в 1905 г.» (стр. 27).

«Раз власть таким образом» (по выводам Ларина) «вовсе не находится «почти целиком» в руках земельных феодалов, то и борьба за власть «капиталистов от земли и завода» против феодалов не может превратиться в борьбу общенациональную против наличной власти» (№ 11, стр. 9)... «Строить свои тактические линии в расчете на предстоящий «общенациональный подъем», значило бы обрекать себя на бесплодное ожидание» (Там же, стр. 11). «Сидеть между двух стульев нельзя. Если ничто не изменилось в социальном характере власти, тогда и задачи, и формы

деятельности должны оказаться прежними, тогда остается только «бороться с ликвидаторами». Если же кто хочет идти дальше, строить новое в замену, в продолжение и в возвеличение развалившегося, ставшего негодным, старого, — тот пусть последовательно отдаст себе отчет в условиях стройки» (Там же, стр. 14).

Ну, разве не наивен этот Ларин? Требуется, чтобы оппортунисты были «последовательны», чтобы они «не сидели между двух стульев»!

Редакция «Возрождения» растерялась. В № 9—10, заявляя о несогласии с Лариным, она пишет: «свежесть мысли» (у Ларина), но «статьи Ю. Ларина не убедили нас». В № 11, видимо от имени редакции, выступил против Ларина В. Мирон³⁴), признавший, что в лице Ларина и Пилецкого «на-лицо определенное течение, теоретически еще мало разработанное, но говорящее очень ясным языком» (величайший недостаток, с точки зрения оппортунистов!). «Ларин затронул попутно, — писал г. Мирон, — и совершенно неожиданно» (вот как! всегда этот беспокойный Ларин с «очень ясным языком» причиняет неприятности своим друзьям!) «и другой вопрос о ликвидаторстве. Нам кажется, что тесной связи между формами партийного строительства и природой русского правительства нет, и мы оставляем за собой право отдельно поговорить об этом» (стр. 22, № от 7-го июля 1910 года).

«Отдельно поговорил» от имени этого «мы» уже Л. Мартов в № 1 «Жизни» (30 августа 1910 г.), который заявил, что «может лишь присоединиться» (стр. 4) к В. Мирону и к редакции против Ларина. Таким образом последнее слово во всей этой дискуссии среди ликвидаторов было сказано Л. Мартовым.

Присмотримся же к этому последнему слову ликвидаторства.

Мартов берется за дело, как и всегда, очень бойко и очень... «ловко». Он начинает с того, что «буржуазию у власти или властвующую буржуазию у нас начали тщательно искать немедленно после 3 июня 1907». «Третьеиюньский режим есть режим господства российской торгово-промышленной буржуазии. Эта схема одинаково принималась и указанной группой писателей меньшевиков (Ларин, Пилецкий), и их антиподами, правоверными большевиками, которые в 1908 году» писали «о рождении в России буржуазной монархии».

Ну, разве же это не перл «ловкости»? Ларин упрекает Мартова в сидении между двух стульев, признавая прямо, без вилянья

и хитростей, что надо бороться с ликвидаторами, если не перестроить заново того ответа на проклятые вопросы, который дан «правоверным».

А Мартов «ловко» кувыркается в воздухе и пытается уверить читателей (в августе 1910 года совершенно не имевших возможности выслушать другую сторону), что «эту схему» их «один а к о в о п р и н и м а л и» и Ларин, и «правоверные»!!

Эта ловкость есть Буренинская или Меншиковская ловкость, и и более беззастенчивого... отступления от истины нельзя себе и представить.

«В литературных дискуссиях обыкновенно забывают, кто собственно «начал»,—пишет, между прочим, Мартов там же. Справедливо, что это бывает в л и т е р а т о р с к и х дискуссиях, когда нет и речи о выработке точного, оформленного ответа на проклятые вопросы. Но мы имеем дело и м е н н о не с литературской и не с л и т е р а т у р н о й т о л ь к о «д и с к у с с и е й», как это великолепно, досконально, доподлинно и непосредственно известно Л. Мартову, вводящему читателей «Жизни» в заблуждение. Мартов прекрасно знает, каков данный и поддерживаемый «правоверными» оформленный ответ. Мартов прекрасно знает, что именно с этим ответом и борется Ларин, называя его «окостеневшим шаблоном», «построением воздушных замков» и т. д. Мартов прекрасно знает, что о н с а м и все его единомышленники и коллеги отвергали данный «правоверными» оформленный ответ. Мартов прекрасно знает, «кто собственно начал»; кто начал (и кончил) выработку точного ответа и кто ограничился хихиканием и выражением несогласия, не дав и не давая н и к а к о г о ответа.

Нельзя себе представить более возмутительной, более недобросовестной проделки, чем эта проделка Л. Мартова! Ларин своей прямоотой и откровенностью больно задел дипломатов ликвидаторства, признав (хотя и через 1½ года), что без точного ответа не обойтись. Правда глаза колет. И Л. Мартов пытается обмануть читателя, представив дело так, будто Ларин принимает «одинаковую схему» с правоверными,—хотя в действительности та и другая схема п р о т и в о п о л о ж н ы: из Ларинской в ы т е к а е т оправдание ликвидаторства, из «правовой» — осуждение ликвидаторства.

Чтобы прикрыть свою проделку, Мартов выхватывает из «схемы» о д н о словечко, искажая ту связь, в которой оно стоит (приему Буренина и Меншикова, разработанный до совершенства).

Правоверные, уверяет Мартов, писали о «народнении в России буржуазной монархии»,—Ларин пишет о том, что о крепостничестве в России нечего и говорить, что власть уже буржуазна,—«з н а ч и т» схемы Ларина и правоверных «о д и н а к о в ы»!! Фокус кончен. Читатель, верящий Мартову, одурачен.

На самом же деле «схема», а вернее: ответ правоверных, гласит, что старая власть в России «д е л а е т е щ е ш а г п о п у т и п р е в р а щ е н и я в буржуазную монархию», при чем именно такой путь капиталистического развития, который «с о х р а н я л б ы за змлевладельцами и м е н н о ф е о д а л ь н о г о т и п а их власть и их доходы»,—что в результате этого положения вещей «о с н о в н ы е ф а к т о р ы э к о н о м и ч е с к о й и п о л и т и ч е с к о й ж и з н и, в ы з в а в ш и е» первый кризис начала XX века, «п р о д о л ж а ю т д е й с т в о в а т ь».

Ларин говорит: власть у же буржуазна, поэтому о «сохранении власти» за феодалами говорят лишь сторонники «окопестневшего шаблона», поэтому «основные факторы» прежнего подъема н е продолжают действовать, поэтому строить надо нечто новое «в замсну ставшего негодным старого».

«Правоверные» говорят: власть делает е щ е ш а г п о п у т и п р е в р а щ е н и я в буржуазную (не власть вообще, а) монархию, при чем реальная власть остается, сохраняется в руках феодалов, так что «основные факторы» прежних тенденций, прежнего типа эволюции «продолжают действовать», и поэтому говорящие о «ставшем негодном старом» суть ликвидаторы, н а д е л е п л е н е н н ы е л и б е р а л а м и.

Противоположность обеих схем, обеих ответов ясна. Перед нами два различных ц е л ь н ы х ответа, приводящих к различным выводам.

Мартов фокусничает à la Буренин, ссылаясь на то, что в о б о и х ответах «г о в о р и т с я»-де о «народнении буржуазной монархии». С таким же правом можно бы сослаться на то, что оба ответа признают продолжающееся капиталистическое развитие России! Н а п о ч в е общего признания (всеми марксистами и всеми же желающими быть марксистами) капиталистического развития и д е т с п о р о высоте, форме, условиях его. А Мартов запутывает спорное, чтобы бесспорное выдать за предмет дискуссии! На почве о б щ е г о признания (всеми марксистами и всеми желающими быть марксистами) развития старой власти п о п у т и п р е в р а щ е н и я в б у р ж у а з н у ю

монархию идет спор о степени, форме, условиях, ходе этого превращения, а Мартов запутывает спорное (продолжают ли действовать прежние факторы? допустимо ли отречение от старых форм? и т. д.), чтобы бесспорное выдать за предмет дискуссии!

Что власть в России XIX и XX веков вообще развивается «по пути превращения в буржуазную монархию», этого не отрицает Ларин, как не отрицал этого до сих пор ни один вменяемый человек, желающий быть марксистом. Предложение заменить прилагательное буржуазный словом плутократический неверно оценивает степень превращения, но принципиально не решается оспаривать, что действительный «путь», путь реальной эволюции состоит именно в этом превращении. Пусть попробует он утверждать, что монархия 1861—1904 годов (т.-е. несомненно менее капиталистическая по сравнению с современной) не представляет по сравнению с эпохой николаевской, крепостной одного из шагов «по пути превращения в буржуазную монархию»!

Мартов не только не пробует утверждать этого, а, напротив, «присоединяется» к В. Мирову, который, возражая Ларину, ссылается именно на буржуазный характер Виттевских реформ, а также реформ 60-х годов!

Пусть судит теперь читатель о «ловкости» Мирова и Мартова. Сначала они повторяют против Ларина те доводы, которые и л-г о р а г о д а тому назад приведены были «правоверными» против ближайших друзей, единомышленников и коллег Мартова и Мирова,—а потом они уверяют читателя, что «схемы» Ларина и «правоверных» одинаковы.

Это не только образец литературщины против политики (ибо политика требует оформленных прямых ответов, а литераторы часто ограничиваются говорением кругом да около), это образец принижения литературы до буренищины.

Приведя цитированные выше слова Ларина о том, что «если ничего не изменилось и т. д., то остается только бороться с ликвидаторами», Мартов отвечает ему:

«Мы до сих пор думали, что наши задачи определяются социальной структурой общества, в котором мы действуем, а формы нашей деятельности определяются, во-первых, этими задачами, а во-вторых, политическими условиями. Социальная природа власти поэтому непосредственного (курсив Мар-

това) отношения к определению наших задач и форм деятельности не имеет».

Это не ответ, а пустая уклончивая фраза. Мартов опять пытается запутать вопрос, перенести спор не туда, где он ведется. Вопрос не в том, непосредственно или посредственно связана социальная природа власти с задачами и формами деятельности. Пусть эта связь посредственная, — дело от этого нисколько не меняется, раз признается тесная и неразрывная связь. А Мартов не решается ни слова сказать против признания тесной и неразрывной связи. Его ссылка на «политические условия» есть бросание песку в глаза читателю. Противопоставлять «социальную природу власти» «политическим условиям» так же бессмысленно, как если бы я противопоставил изготавливаемые людьми калоши мокроступам. Мокроступы это и есть калоши. А иных калош, кроме изготавливаемых людьми, не бывает. Природа власти, это и есть политические условия. А иной природы власти кроме социальной не бывает.

В итоге мы получаем то, что Мартов «поговорил» кругом да около и уклонился от ответа Ларину. А уклонился он потому, что ответить ему нечего. Ларин вполне прав в том, что взгляд на «социальный характер власти» (на экономическую природу ее, если говорить точнее) связан тесно и неразрывно со взглядами на «задачи и формы деятельности». И у Ларина, и у «правоверных» эта связь признана и проведена. У Мартова (и его домочадцев) связи во взглядах нет. Поэтому Мартов вынужден увертываться и отделываться «мокроступами».

Слушайте дальше:

«Более или менее ясно у этих меньшевиков (Мартов ссылается, в виде примера, на Когана, «Образование» 1907 г.) мелькала мысль о постепенном, так сказать, органическом вращании рабочего класса в ту «законную страну» *), которая получила начатки конституционного режима:

*) Может быть, не всем читателям понятен этот галлицизм, представляющийся мне крайне неудачным. «Законная страна», это — буквальный перевод французского выражения *paus légal*, под которым разумеются те классы или группы, слои населения, которые имеют представительство в парламенте и пользуются в отличие от массы народа конституционными привилегиями. Между прочим, характерно для оценки шаталий Мартова. Он не хочет признать, что Россия 1908—1910 г.г. сделала «еще шаг по пути превращения в буржуазную монархию». Но он признает, что «буржуазия» (а не «плутократия») «получила» 3 июня 1907 «начатки конституционного режима». Пойми, кто может!

о постепенном распространении третьионских привилегий буржуазии» (а не «плутократии»? а?) «на широкие круги демократии. Если б таковая была действительная принципиальная основа современного «ликвидаторства» в кавычках или современного «легализма», то мы бы имели перед собою действительную ликвидацию наших традиций, действительный легализм, возведенный в принцип, принципиальный разрыв со всем нашим прошлым. С таким ликвидаторством мы должны были бы вести серьезную борьбу... Неужто суждено нам увидеть реформистов, в п о л з а ю щ и х в режим обновленной толмачевщины?» И к этому месту примечание Мартова: «Ларина я в реформистских тенденциях, разумеется (!!), не подозреваю».

Эта длинная выписка была нам необходима, чтобы показать читателю «манеру» Мартова со всей наглядностью. Он признает, что у Когана (меньшевика, систематически сотрудничающего в ответственных «трудах» вместе с Мартовым) «более или менее ясно мелькает» реформизм. Он признает, что е с л и б ы реформизм был принципиальной основой ликвидаторства, то это был бы «разрыв с прошлым». Он бросает звонкую, кричащую, эффектную фразу против «реформистов, вползающих» и т. д. И он заканчивает... чем бы вы думали? — уверением, что Ларина он, р а з у м е е т с я , «не подозревает» в реформистских «тенденциях»!!

Ведь это точь-в-точь речь Эдуарда Бернштейна, Жана Жореса или Рамсэя Макдональда. Они все «признают», что у некоторых «крайних» «мелькает»... нечто нехорошее, реформизм, либерализм. Они все признают, что е с л и б ы либерализм был «принципиальной основой» их политики, то это был бы «разрыв с прошлым». Они все бросают звонкие, кричащие, эффектные фразы против «либералов, пресмыкающихся» и т. д. И они все заканчивают... уверениями, что у Лариных... виноват, у их более откровенных, более «правых» товарищей, единомышленников, друзей, коллег, сотрудников, они «не подозревают» либерально-буржуазных тенденций.

В том-то и гвоздь, что Ларин дал в цитированных статьях изложение «системы» взглядов самого несомненного, самого доподлинного реформизма! Отрицать это—значит игнорировать очевидности, значит отнимать всякий смысл у понятия реформизма. А если вы будете «опровергать» Ларина, «осуждать» «принципиальный» реформизм, бросать звонкие фразы против «вползающих», и тут же рядом, невступно уверять, что Ларина вы «не подозреваете» в реформизме, так, ведь, этим вы вполне разоблачаете себя. Ведь этим вы вполне доказываете, что для вас ссылка на «прин-

ципиальную» вашу вражду к «принципиальному реформизму» есть та божба, которой торгош сопровождает свои уверения: «верьте, как на духу скажу, себе дороже».

Верьте, как на духу скажу: принципиальный реформизм я осуждаю, но Ларина в реформизме не «подозреваю» (отвратительный народ, в самом деле, эти п о д о з р и т е л ь н ы е правоверы!) и с Лариным вполне схожусь в ликвидаторской практике.

Такова «развернутая формула» современного российского оппортунизма.

Вот вам применение этой формулы с а м и м Мартовым, которого наивные (или непонимающие глубины н о в о й перегруппировки) люди до сих пор считают «несомненным» неликвидатором.

«Тактика, которая намечается в деятельности так назыв. «ликвидаторов»,—пишет на стр. 9—10 Мартов,—есть «тактика, ставящая в центре открытое рабочее движение, стремящееся к его расширению во всех возможных направлениях и ищущая в н у т р и (курсив М-ва) этого открытого рабочего движения—и только там»—(заметьте: и только там!)—«элементов для возрождения партийного бытия».

Это говорит Л. Мартов. А это и есть реформизм, в п о л з а ю щ и й в режим обновленной толмачевщины. Курсив: «вползающий» я заимствовал у того же Мартова, ибо важно то, что он, Мартов, в цитированных сейчас словах на деле проповедует именно вползание. Сколько бы вы ни поставили рядом с такой проповедью клятв и зареканий против «принципиального реформизма», д е л о от этого не изменяется. На деле, сказав: «и только там», сказав: «в центре», Мартов именно реформистскую линию (в особой обстановке России 1908—1910 годов) ведет, а божбе, обещаниям, заверениям, клятвам пусть верят политические младенцы.

«...Споры Маркса с Виллихом-Шанпером в начале 1850-х годов вертелись как раз (!!) около вопроса о значении тайных обществ и о возможности и з н и х руководить политической борьбой... Бланкисты (во Франции 60-х г.г.) «готовились» к этим сбываниям (к краху бонапартизма), устраивая тайные общества и закупоривая в них одиночек рабочих; французская же секция марксистов... шла в рабочие организации, основывала их, «боролась за легальность» всеми средствами...»

К а к р а з не из той оперы ни тот, ни другой пример. Между Марксом и Виллихом в 50-х годах, между бланкистами и марксистами в 60-х годах спор шел в о в с е н е о т о м, следует ли «только» в «мирных терпимых» (Мартов, стр. 10, № 1 «Жизни»)

организациях искать «элементов для возрождения партийного бытия». Мартов это прекрасно знает и напрасно пытается ввести читателей в заблуждение. Оба эти спора велись не о «возрождении» рабочей партии, ибо нельзя было тогда и спорить о возрождении того, чего до тех пор не было вовсе. Оба спора велись именно о том, нужна ли вообще рабочая партия, опирающаяся на рабочее движение, классовая партия. Именно это отрицали и Виллих, и бланкисты 60-х годов, как прекрасно знает Мартов, напрасно пытающийся разговорами о том, что теперь бесспорно, заслонить то, что теперь спорно. Не только в 50-х и в 60-х годах Маркс не стоял ни когда на той точке зрения, чтобы «только» в мирных и терпимых организациях искать элементов для возрождения или для рождения партийного бытия, а даже в конце 70-х годов, на неизмеримо более высокой ступени развития капитализма и развития буржуазной монархии, Маркс и Энгельс подняли беспощадную войну против немецких оппортунистов, ликвидировавших недавнее прошлое немецкого «партийного бытия», оплакивавших «крайности», говоривших о «более цивилизованных» формах движения («европеизации», на языке современных русских ликвидаторов), защищавших ту мысль, что «только» в «мирных и терпимых» организациях следует «искать элементов возрождения» и т. д.

«Резюмирую,—пишет Мартов:—Для теоретического обоснования и политического оправдания того, что сейчас делают оставшиеся верными марксизму меньшевики, вполне достаточно того факта, что современный режим представляет собою внутреннее противоречивое сочетание абсолютизма с конституционализмом и что русский рабочий класс созрел для того, чтоб, подскобно рабочим передовых стран Запада, ухватить этот режим за Ахиллесову пятку этих противоречий».

Этих слов Мартова («вполне достаточно») — вполне достаточно, чтобы и нам сделать свое резюме. «Вполне достаточно» находит Мартов то, что признают и кадеты, и часть октябристов. Именно «Речь» поставила в январе 1911 года вопрос так, как в августе 1910 и предлагал его ставить Мартов: противоречивое-де сочетание конституционализма с антиконституциональностью; два лагеря,—за конституцию и против нее. Для Мартова «вполне достаточно» то, что вполне достаточно для «Речи». Марксизма тут нет и грана. Марксизм тут весь выветрился и заменился либерализмом. Для марксиста

ни в каком случае не «достаточно» того, что у нас есть «противоречивое сочетание». Марксизм начинается лишь там, где начинается сознание, понимание того, что эта истина недостаточна, что она включает в себе ложку правды и бочку неправды, что она затушевывает глубину противоречий, прикрашивает действительность, отрицает единственно возможные средства выхода из положения.

«Противоречивое сочетание» старого режима с конституционализмом есть не только в современной России, но и в современной Германии и даже в современной Англии (палата лордов; независимость короны от народных представителей в делах внешней политики и т. д.). Спрашивается, какую позицию реально (т.-е. независимо от добрых пожеланий и благонамеренных речей) занимает тот политик, который заявляет, что для русского «вполне достаточно» признать то, что верно и по отношению к Германии и по отношению к Англии? Такой политик реально занимает позицию либерала, кадета. Даже сколько-нибудь последовательный буржуазный демократ не может стоять и не стоит у нас на такой позиции. Последнее слово Мартова, его заключительная, резюмирующая всю дискуссию у ликвидаторов формула дает замечательно точное, поразительно ясное, исчерпывающе полное выражение либеральных взглядов, провозимых под, якобы, марксистским флагом.

Когда либералы—и не только кадеты, но также и часть октябристов—говорят: вполне достаточно для теоретического обоснования и политического оправдания нашей деятельности признать внутренне противоречивое сочетание старого режима с конституционализмом, то либералы остаются вполне верны себе. Они дают в этих словах действительно точную либеральную формулу, формулу либеральной политики 1908—1910 (если не 1906—1910) годов. Марксист же лишь тогда и постольку обнаруживает свой марксизм, когда разъясняет недостаточность и лживость этой формулы, устраняющей то специфическое, что отличает принципиально, коренным образом «противоречия» русские от английских и германских. «Вполне достаточно признать, что конституционализму очень многое у нас противоречит»,—говорит либерал. «Совершенно недостаточно такое признание,—отвечает марксист.—Необходимо сознать, что нет на-лицо элементарной, основной, кардинальной, существенной, необходимой базы для «конституционализма» вообще.

Коренная ошибка либерализма состоит как раз в признании того, что эта база есть, тогда как ее нет, и эта ошибка объясняет бессилие либерализма и объясняется бессилием буржуазного прекраснодушия».

Переводя эту политическую антиномию на язык экономический, можно формулировать ее так. Либерал полагает, что путь экономического (капиталистического) развития уже дан, определен, закончен, что речь идет об очистке помех, противоречий с э т о г о пути. Марксист полагает, что этот данный путь капиталистического развития не выводит до сих пор из тупика, н е с м о т р я на такие несомненные буржуазные прогрессы экономической эволюции, как 9-е ноября 1906 г. (или 14 июня 1910), как III Дума и пр., и что есть и н о й путь т о ж е капиталистического развития, путь, способный вывести на столбовую дорогу, путь, на который надо указывать, который надо разъяснять, подготавливать, отстаивать, проводить в жизнь, несмотря на все колебания, на все маловерие и малодушие либерализма.

Мартов полемизирует с Лариным так, как будто бы он был гораздо «левее» Ларина. И многие наивные люди дают себя обмануть, говоря: конечно, Потресов, Левицкий, Ларин—ликвидаторы, конечно, они крайние правые, ну вроде наших Руанэ, но Мартов, Мартов-то не ликвидатор! А на деле эффектные фразы Мартова против Ларина, против вползающих реформаторов есть лишь отвод глаз, ибо в своем в ы в о д е, в своем последнем слове, в своем резюме Мартов к а к р а з подкрепляет Ларина. Мартов несколько не «левее» Ларина, он только дипломатичнее, беспринципнее, чем Ларин, хитрее прячется за пестрыми лоскутами якобы «марксистских» словечек. Вывод Мартова: «вполне достаточно» признать противоречивое сочетание—есть именно т о п о д т в е р ж д е н и е ликвидаторства (и либерализма), которое Ларину требуется. Но Ларин хочет этот вывод оправдать, доказать, додумать до конца, сделать принципиальным. И Мартов говорит Ларину, как Фольмар, Ауэр и другие «старые воробьи» оппортунизма говорили молодому оппортунисту Эдуарду Бернштейну: «Милый Ларин.. то бишь: милый Эдя (уменьшительное от Эдуард), ты—осел! Это надо делать, но об этом нельзя говорить». «Милый Ларин, для нас с вами «вполне достаточно» ликвидаторской практики, «вполне достаточно» либерального признания противоречивости старого режима с конституционализмом, но—ради бога—не идите дальше, не «углубляйте», не ищите прин-

ципиальной ясности и цельности, не стройте оценки «текущего момента», ибо это нас с вами разоблачает. Будем делать, но не будем говорить».

Мартов учит Ларина быть оппортунистом.

— Нельзя сидеть между двух стульев,—говорит Ларин Мартову, требуя принципиального объяснения и оправдания дорогого им обоим ликвидаторства.

— Ну, какой же вы после этого оппортунист,—отвечает Мартов,—если вы не умеете сидеть между двух стульев? Какой же вы после этого оппортунист, если вы добиваетесь точного, прямого и ясного принципиального оправдания практики? Настоящий оппортунист должен именно сидеть между двух стульев, должен именно защищать «тактику-процесс» (вспомните Мартынова и Кричевского эпохи 1901 года)³⁵), должен плыть по течению, заматывая льды, обходя всякую принципиальность. Умеет же теперь Бернштейн (после уроков Фольмара, Ауэра и т. д.) быть ревизионистом, не предлагая никаких изменений правоверной Эрфуртской *profession de foi*. И мы с вами должны уметь быть ликвидаторами, не предлагая никаких изменений правоверного формального ответа (1908 года) на «проклятые вопросы» текущего момента. Чтобы быть настоящим оппортунистом, дорогой и милый Ларин, надо на деле, в своей практике, в характере своей работы *вползать*, а на словах, перед публикой, в речах, в печати не только не искать теорий, оправдывающих *вползание*, а, напротив, погромче кричать против *вползающих*, поусерднее божиться и клясться, что мы не *вползающие*.

Ларин замолчал. В глубине души он не мог, вероятно, не признать, что Мартов—дипломат более искусный, оппортунист более тонкий.

Еще с одной стороны следует подойти к заключительной формуле Мартова: «вполне достаточно» признать противоречивость сочетания старого режима с конституционализмом. Сравните эту формулу с знаменитой формулой В. Левицкого: «Не гегемония, а классовая партия» («Наша Заря» № 7). В этой формуле Левицкий (—Ларин «Нашей Зари») только прямее, откровеннее, принципиальнее выразил то, что запутал, затушевывал, задрапировывал вычурными словами Потресов, подчищая и переделывая свою статью против гегемонии под влиянием ультиматумов Плеханова.

Формула Мартова и формула Левицкого—две стороны одной медали. Разъяснение этого обстоятельства для Мартова, который делает вид, что не понимает связи идеи гегемонии с вопросом о ликвидаторстве, составит предмет следующей статьи.

Р. С. Настоящая статья была уже сдана в набор, когда мы получили № 2 «Дела Жизни» с окончанием статьи Ю. Ларина: «Направо—и кругом». Реформизм, в котором Л. Мартов «разумеется, не подозревает» Ю. Ларина, с прежней ясностью излагается Лариным в новом ликвидаторском журнале. Ограничимся пока приведением с у т и реформистской программы.

Состояние растерянности и неопределенности, когда люди просто не знают, чего ждать от завтрашнего дня, какие задачи себе поставить,—вот что означает неопределенно-выжидательное настроение, смутные надежды не то на повторение революции, не то на «там видно будет». Очередной задачей является не бесплодное ожидание у моря погоды, а проникновение широких кругов руководящей идеей о том, что в наступившем новом историческом периоде русской жизни рабочий класс должен организоваться не «для революции», не «в ожидании революции», а просто-таки...

«Для твердой и планомерной защиты своих особых интересов во всех областях жизни; для собирания и обучения своих сил этой разносторонней и сложной деятельности; для воспитания и накопления таким путем социалистического сознания вообще; для умения ориентироваться (разбираться)—и постоять за себя!—в сложных взаимоотношениях общественных классов России при предстоящем, после экономически неизбежного самоисчерпания феодальной реакции, конституционном ее обновлении в частности... (стр. 18).

Эта тирада точно выражает весь дух и весь смысл Ларинской «программы» и в с е х ликвидаторских писаний «Нашей Зари», «Возрождения», «Дела Жизни» и проч., вплоть до разобранного нами «вполне достаточно» Л. Мартова. Эта тирада—чистейший и полнейший реформизм. Мы не можем теперь остановиться на этой тираде; мы не можем здесь разбирать ее так подробно, как она того заслуживает. Ограничимся поэтому кратким замечанием. Левые кадеты, беспартийные социалисты, мелко-буржуазные демократы (вроде «эн-эсов») и реформисты из числа людей, желающих быть марксистами, проповедуют рабочим программу: собирайте свои силы, воспитывайтесь, обучайтесь, защищайте свои интересы п р о с т о - т а к и, чтобы постоять за себя при предстоящем конституционном обновлении. Подобная программа столь же урезывает, суживает, кастрирует политические задачи рабочего класса в 1908—1911 г.г., как «экономисты» кастрировали

эти задачи в 1896—1901 г.г. Старые экономисты, обманывая себя и других, любили ссылаться на Бельгию (преобладание реформизма у бельгийцев недавно выяснили превосходные работы де-Мана и Брукэра; кэтим работам мы вернемся); ново-экономисты, г.-е. ликвидаторы, любят ссылаться на мирное получение конституции Австрией в 1867 году. И старые экономисты и наши ликвидаторы выбирают такие примеры, случаи, эпизоды из истории рабочего движения и демократии в Европе, когда рабочие бывали в силу тех или иных причин слабы, бессознательны, зависимы от буржуазии,—и подобные примеры выставляют, как образец для России. И экономисты, и ликвидаторы—проводники буржуазного влияния на пролетариат.

*«Мысль» № 4,
март 1911 года.
За подписью В. Ильин.*

Полемические заметки.

В № 2 «Нашей Зари» г. Б. Богданов ³⁶⁾ в статье: «Итоги ремесленного съезда» формулирует свои выводы следующим образом:

«Стремление порвать со старым подпольем и войти в полосу действительно открытой общественной и политической деятельности—вот то новое, что характеризует и новейшую полосу нашего рабочего движения» (стр. 73). В момент обострения общественной жизни, накануне дополнительных выборов в Москве, общих выборов в IV Гос. Думу, особенно остро чувствуется отсутствие влияния политически-организованной части пролетариата. Вся работа, за последние годы проделанная организованными рабочими, идет по пути возрождения этой самостоятельной политической силы. И сознательно или невольно—но все участники этого движения становятся агентами возрождающейся партии пролетариата. И задача организованной его части не столько форсировать это движение, не столько преждевременно оформлять его и фиксировать, сколько действовать в направлении развития этого движения, придавать ему возможно больший размах, вовлекая в него возможно более широкие массы и энергично порывая с бездельем подполья, с его одурманивающей обстановкой» (стр. 74—75).

До сих пор подобные вопли об «одурманивающей» обстановке и подобные истерические крики и призывы «порвать» с ней мы встречали только в газетах типа «Нового Времени» да разве еще в писаниях озлобленных ренегатов либерализма вроде г. Струве и К-о. До сих пор сколько-нибудь порядочная, честная полити-

ческая пресса считала за правило: не нападать с известных подмостков на то, чего нельзя защищать на тех же подмостках. Компания ликвидаторов, к которой принадлежат г.г. Б. Богданов, Левицкий, Потресов и т. д., вот уже второй год успешно «преодолевают» этот устарелый демократический предрассудок, систематически избирая для своих призывов «энергично порвать» и т. д. именно такие и только такие подмости, на которых ликвидаторам обеспечена по данному вопросу монополия. Нам остается только зарегистрировать эту «заброшированную» войну с «одурманивающей обстановкой» и выставить воителей—к позорному столбу.

Г.г. Б. Богдановы, Левицкие, Потресовы совершают подтасовку, когда указывают на стремление рабочих выступать открыто и делают свой вывод о стремлении рабочих порвать с «одурманивающей обстановкой». Подтасовка рассчитана на то, чтобы рассказать факты, известные этим г.г. Б. Богдановым и свидетельствующие о негодовании выступающих открыто на разных съездах рабочих против предлагающих «порвать» интеллигентов. Рабочие в начале 1911 года так же энергично стремятся—к великой чести их будь сказано—к открытой политической деятельности, как стремились они к ней, например, в начале 1905 года, но ни тогда, ни теперь рабочие против «одурманивающей обстановки» не восставали, «порвать» с ней не хотели и не хотят. О стремлении «энергично порвать» правильно будет говорить лишь как о стремлении ренегатствующих интеллигентов.

В самом деле, пусть читатель вдумается хорошенько в следующий факт. Группа литераторов усиленно говорит—особенно с января 1910 года—о «стремлении порвать со старым» и «войти в полосу действительной открытой политической деятельности». Эта группа выпустила за указанное только время свыше 20-ти номеров своих журналов («Наша Заря», «Возрождение», «Жизнь», «Дело Жизни»), не говоря об отдельных книгах, брошюрах и статьях, в журналах и газетах, не имеющих специфически ликвидаторского характера. Спрашивается, как же это могло случиться, что литераторы, столь энергично работающие на публицистическом поприще и столь убежденно говорящие о необходимости «энергично порвать со старым» и «войти в полосу

действительно открытой политической деятельности», до сих пор с а м и, в составе с в о е й г р у п п ы не решились, не имели смелости «энергично порвать» со «старым» и «войти в полосу действительно открытой политической деятельности», с программой, платформой, тактикой, «энергично разрывающими» с «одурманивающей обстановкой»??

Что это за комедия? Что это за лицемерие? Говорить о «возрождении политической силы», громить при этом «одурманивающую обстановку», требовать р а з р ы в а со старым, проповедывать «действительно открытую политическую деятельность»— и в то же время н и к а к о й программой, н и к а к о й платформой, н и к а к о й тактикой, н и к а к о й организацией этого старого не заменять! Отчего у наших, желающих быть марксистами, легалистов нет даже такой политической честности, как у г.г. Пешехоновых и прочих публицистов «Русского Богатства», которые еще гораздо раньше (с 1905—1906 г.г.) заговорили на тему об одурманивающей обстановке и о необходимости «войти в полосу действительно открытой политической деятельности» и которые делали так, как говорили, действительно «энергично порывали со старым», действительно выступали с «открытой» программой, платформой, тактикой, организацией?

Честность в политике есть результат силы, лицемерие— результат слабости. Г.г. Пешехоновы и К-о сильны среди народников и потому выступают действительно «открыто». Г.г. Б. Богдановы, Левицкие, Потресовы и К-о слабы среди марксистов, встречают на каждом шагу отпор со стороны сознательных рабочих, и потому они лицемерят, прячутся, не смеют в ы с т у п и т ь о т к р ы т о с программой и тактикой «действительно открытой политической деятельности».

Г.г. Пешехоновы и К-о настолько сильны среди народников, что они везут свой товар под своим собственным флагом. Г.г. Б. Богдановы, Левицкие, Потресовы, Мартовы настолько слабы среди марксистов, что они вынуждены провозить свой товар под чужим флагом. В интеллигентском журнальчике («Наша Заря») они храбрятся и покрикивают: «иерархии» нет, «энергично порвать со старым», «войти в полосу действительно открытой политической деятельности». А перед рабочими наш ликвидатор поступает по пословице: «на молодца сам—овца».

Перед рабочими наши герои, восторженно поклоняющиеся «открытой политической деятельности», действуют как раз не о т к р ы т о, не предлагая н и к а к о й открытой программы, тактики, организации. Отсюда—мудрая дипломатия подводящего «итоги» ремесленному съезду г. Б. Богданова, который советует «не форсировать» движения к действительно открытой политической деятельности, не «оформлять его преждевременно». Похоже на то, что г. Б. Богданов пробовал о ф о р м л я т ь перед рабочими свои ликвидаторские планы, да ожегся. Ренегатствующий интеллигент встретил отпор среди рабочих, которые и в своих ошибках поступают более прямо, требуют прямого ответа («порвать со старым? выступайте же открыто и честно с вашим новым!»). И г. Б. Богданов, как крыловская лиса, утешает себя: зелен виноград! не надо преждевременно оформлять—со старым порвать, но порвать так, чтобы среди рабочих махать флагом этого старого,—с новым не спешить.

Вы скажете: это значит сидеть между двух стульев. Но в этом как раз и состоит сущность всякого оппортунизма. В этом как раз и проявляется натура современного буржуазного интеллигента, и г р а ю щ е г о в марксизм. Г. Струве играл в марксизм в 1894—1898 годах³⁷). Г.г. Б. Богдановы, Левицкие, Потресовы играют в марксизм в 1908—1911 годах. «Экономисты» того времени и ликвидаторы наших дней—проводники одного и того же буржуазного влияния на пролетариат.

*«Мысль» № 4,
март 1911 года.*

«Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция.

Юбилей, которого так опасалась монархия господ Романовых и по поводу которого так прекраснодушно умилялись российские либералы, отпразднован. Царское правительство отпраздновало его тем, что усиленно сбывало «в народ» черносотенные юбилейные брошюры «Национального клуба», усиленно арестовывало всех «подозрительных», запрещало собрания, в которых можно было ожидать речей хоть сколько-нибудь похожих на демократические, штрафовало и душило газеты, преследовало «крамольные» кинематографы.

Либералы отпраздновали юбилей тем, что пролили паки и паки слезу о необходимости «второго 19-го февраля» («Вестник Европы»), выразили свои верноподданнические чувства (царский портрет на первом месте в «Речи»), поговорили о своем гражданском унынии, о непрочности отечественной «конституции», о «гибельной логике» «исконных земельных начал» Столыпинской аграрной политики и т. д., и т. п.

Николай II в рескрипте Столыпину заявил, что как раз завершением «великой реформы» 19 февраля 1861 года является Столыпинская аграрная политика, т.-е. отдача крестьянской земли на поток и разграбление кучке мироедов, кулаков, зажиточных мужиков и отдачи деревни под начало крепостникам-помещикам.

И надо признаться, что Николай Кровавый, первый помещик России, ближе к исторической истине, чем наши прекраснодушные либералы. Первый помещик и главный крепостник понял—вернее: усвоил себе из поучений совета объединенного дворянства—ту истину классовой борьбы, что «реформы», проводимые крепостниками, не могут не быть крепостническими по всему своему облику, не могут не сопровождаться режимом всяческого насилия. Наши кадеты, и наши либералы вообще, боятся революционного движения масс, которое одно только способно стереть с лица земли крепостников-помещиков и их всевластие в русском государстве; и эта боязнь мешает им понять ту истину, что, пока крепостники не свергнуты, никакие реформы — и особенно аграрные реформы — невозможны иначе, как в крепостническом виде, крепостнического характера и способа проведения. Бояться революции, мечтать о реформе и хныкать о том, что «реформы» на деле проводятся крепостниками по-крепостнически, есть верх низости и скудоумия. Гораздо больше прав и гораздо лучше обучает русский народ уму-разуму Николай II, наглядно «лающий» на выбор: крепостнические «реформы» или свергающая крепостников народная революция.

19-е февраля 1861 года было крепостнической реформой, которую наши либералы могут подкрашивать и изображать «мирной» реформой только потому, что революционное движение в России было тогда слабо до ничтожества, а революционного класса среди угнетенных масс вовсе еще не было. Указ 9 ноября 1906 г. и закон 14 июня 1910 года суть крепостнические реформы такого же буржуазного, — как и реформа

1861 года,—содержания, но либералы не могут представить ее «мирной» реформой, не могут так легко начать подкрашивать ее (хотя они и начинают уже, напр., в «Русской Мысли» это делать), ибо можно забыть одиночек-революционеров 1861 года, но нельзя забыть революции 1905 года. В 1905 году родился на Руси революционный класс—пролетариат, который сумел поднять и крестьянскую массу на революционное движение. А когда революционный класс родился в какой-либо стране, он не может быть подавлен никакими преследованиями, он может погибнуть лишь с гибелью всей страны, он может умереть лишь победивши.

Припомним основные черты крестьянской реформы 1861 года. Пресловутое «освобождение» было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними. По случаю «освобождения» от крестьянской земли отрезали в черноземных губерниях свыше $\frac{1}{5}$ части. В некоторых губерниях отрезали, отняли у крестьян до $\frac{1}{3}$ и даже до $\frac{2}{5}$ крестьянской земли. По случаю «освобождения» крестьянские земли отмежевывали от помещичьих так, что крестьяне переселялись на «песочек», а помещичьи земли клинком вгонялись в крестьянские, чтобы легче было благородным дворянам кабалить крестьян и сдавать им земли за ростовщические цены. По случаю «освобождения» крестьян заставили «выкупать» их собственные земли, при чем содрали в д в о е и в т р о е выше действительной цены на землю. Вся вообще «эпоха реформ» 60-х годов оставила крестьянина нищим, забитым, темным, подчиненным помещикам-крепостникам и в суде, и в управлении, и в школе, и в земстве.

«Великая реформа» была крепостнической реформой и не могла быть иной, ибо ее проводили крепостники. Какая же сила заставила их взяться за реформу? Сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма. Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых рушившихся форм хозяйства. Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские «бунты», возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить с в е р х у, чем ждать, пока свергнут с н и з у

«Крестьянская реформа» была проводимой крепостниками буржуазной реформой. Это был шаг по пути превращения России в буржуазную монархию. Содержание крестьянской реформы было буржуазное, и это содержание выступало наружу тем сильнее, чем меньше урезывались крестьянские земли, чем полнее отделялись они от помещичьих, чем ниже был размер дани крепостникам (т.-е. «выкупа»), чем свободнее от влияния и от давления крепостников устраивались крестьяне той или иной местности. Поскольку крестьянин вырвался из-под власти крепостника, постольку он становился под власть денег, попадал в условия товарного производства, оказывался в зависимости от нарождавшегося капитала. И после 1861 года развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века.

Пресловутая борьба крепостников и либералов, столь раздутая и разукрашенная нашими либеральными и либерально-народническими историками, была борьбой в н у т р и господствующих классов, большей частью в н у т р и помещиков, борьбой и с к л ю ч и т е л ь н о из-за меры и формы у с т у п о к. Либералы так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об у н и ч т о ж е н и и этой собственности, о п о л н о м с в е р ж е н и и этой власти.

Эти революционные мысли не могли не бродить в головах крепостных крестьян. И если века рабства настолько забили и притупили крестьянские массы, что они были неспособны во время реформы ни на что кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже «бунтов», не освещенных никаким политическим сознанием, то были и тогда уже в России революционеры, стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю узость, все убожество пресловутой «крестьянской реформы», весь ее крепостнический характер. Во главе этих, крайне немногочисленных тогда, революционеров стоял Н. Г. Чернышевский.

19-е февраля 1861 года знаменует собой начало новой, буржуазной, России, вырвавшейся из крепостнической эпохи. Либералы 1860-х годов и Чернышевский суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию. Вот почему в день пятидесятилетия 19-го февраля со-

знательный пролетариат должен отдать себе возможно более ясный отчет в том, какова была сущность обеих тенденций и каково их взаимоотношение.

Либералы хотели «освободить» Россию «сверху», не разрушая ни монархии царя, ни землевладения и власти помещиков, поубуждая их только к «уступкам» духу времени. Либералы были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков. Либералы ограничиваются поэтому «борьбой за реформы», «борьбой за права», т.-е. делением власти между крепостниками и буржуазией. Никаких иных «реформ», кроме проводимых крепостниками, никаких иных «прав», кроме ограниченных произволом крепостников, не может получиться при таком соотношении сил.

Чернышевский был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма. Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, вводя—через препоны и рогатки цензуры—идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей. «Крестьянскую реформу» 1861 года, которую либералы сначала подкрашивали, а потом даже прославляли, он назвал мерзостью, ибо он ясно видел ее крепостнический характер, ясно видел, что крестьян обдирают г.г. либеральные освободители, как липку. Либералов 60-х годов Чернышевский назвал *б о л т у н а м и*, *х в а с т у н а м и* и *д у р а ч ь е м*», ибо он ясно видел их боязнь перед революцией, их бесхарактерность и холопство перед властью имущими.

Эти две исторические тенденции развивались в течение полувека, прошедшего после 19-го февраля, и расходились все яснее, определеннее и решительнее. Росли силы либерально-монархической буржуазии, проповедывавшей удовлетворение «культурной» работой и чуравшейся революционного подполья. Росли силы демократии и социализма—сначала смешанных воедино в утопической идеологии и в интеллигентской борьбе народоволь-

цев и революционных народников, а с 90-х годов прошлого века начавших расходиться по мере перехода от революционной борьбы террористов и одиночек-пропагандистов к борьбе самых революционных классов.

Десятилетие перед революцией, с 1895-го по 1904-й год, показывает нам уже открытые выступления и неуклонный рост пролетарской массы, рост стачечной борьбы, рост социал-демократической рабочей агитации, организации, партии. За социалистическим авангардом пролетариата начинало выступать на массовую борьбу, особенно с 1902 года, и революционно-демократическое крестьянство.

В революции 1905 года те две тенденции, которые в 1861 году только наметились в жизни, только-только обрисовались в литературе, развились, выросли, нашли себе выражение в движении масс, в борьбе партий на самых различных поприщах, в печати, на митингах, в союзах, в стачках, в восстании, в Государственных Думах.

Либерально-монархическая буржуазия создала партии кадетов и октябристов, сначала уживавшиеся в одном земско-либеральном движении (до лета 1905 года), потом определившиеся, как деятельные партии, которые сильно конкурировали (и конкурируют) друг с другом, выдвигая вперед одна преимущественно либеральное, другая преимущественно монархическое свое «лицо», но которые сходились всегда в самом существенном, в порицании революционеров, в надругательствах над декабрьским восстанием, в преклонении перед «конституционным» фиговым листком абсолютизма, как перед знаменем. Обе партии стояли и стоят на «строго-конституционной» почве, т.-е. ограничиваются теми рамками деятельности, которые могла создать черная сотня царя и крепостников, не отдавая своей власти, не выпуская из рук своего самодержавия, не жертвуя ни копейкой из своих «веками освященных» рабовладельческих доходов, ни малейшей привилегией из своих «благоприобретенных» прав.

Тенденции демократическая и социалистическая отделились от либеральной и размежевались друг от друга. Пролетариат организовался и выступал отдельно от крестьянства, сплотившись вокруг своей Рабочей С.-Д. Партии. Крестьянство было организовано в революции несравненно слабее, его выступления были во много и много раз раздробленнее, слабее, его сознательность стояла на гораздо более низкой ступени, и монархические (а

также неразрывно связанные с ними конституционные) иллюзии нередко парализовали его энергию, ставили его в зависимость от либералов, а иногда от черносотенцев, порождали пустую мечтательность о «божьей земле» вместо натиска на дворян-землевладельцев с целью полного уничтожения этого класса. Но все же, в общем и целом, крестьянство, как масса, боролось именно с помещиками, выступало революционно, и во всех Думах—даже в Третьей, с ее изуродованным в пользу крепостников представительством—оно создало трудовые группы, представлявшие, несмотря на их частые колебания, настоящую демократию. Кадеты и трудовики 1905—1907 годов выразили в массовом движении и политически оформили позицию и тенденции буржуазии, с одной стороны, либерально-монархической, а с другой стороны—революционно-демократической.

1861-ый год породил 1905-ый. Крепостнический характер первой «великой» буржуазной реформы затруднил развитие, обрек крестьян на тысячи худших и горших мучений, но не изменил направление развития, не предотвратил буржуазной революции 1905 года. Реформа 1861 года отсрочила развязку, открыв известный клапан, дав некоторый прирост капитализму, но она не устранила неизбежной развязки, которая к 1905 году разыгралась на поприще несравненно более широком, в натиске масс на самодержавие царя и крепостников-помещиков. Реформа, проведенная крепостниками в эпоху полной неразвитости угнетенных масс, породила революцию к тому времени, когда созрели революционные элементы в этих массах.

Третья Дума и Столыпинская аграрная политика есть вторая буржуазная реформа, проводимая крепостниками. Если 19-е февраля 1861 года было первым шагом по пути превращения чисто крепостнического самодержавия в буржуазную монархию, то эпоха 1908—1910 годов показывает нам второй и более серьезный шаг по тому же пути. Прошло почти 4½ года со времени издания указа 9-го ноября 1906 года, прошло свыше 3½ лет с 3-го июня 1907 года, и теперь уже не только кадетская, но в значительной степени и октябристская буржуазия убеждаются в «неудаче» 3-е-июньской «конституции» и 3-е-июньской аграрной политики. «Наиправейший из кадетов»—как справедливо назван был недавно полуоктябрист г. Маклаков—имел полное право сказать 25 февраля в Гос. Думе от имени и кадетов, и октябристов, что «недовольны в настоящее время те центральные

элементы страны, которые более всего хотят прочного мира, которые боятся новой вспышки революционной волны». Общий лозунг один: «все говорят,—продолжал г. Маклаков,—что если мы будем идти дальше по тому пути, по которому нас ведут, то нас приведут ко второй революции».

Общий лозунг кадетско-октябристской буржуазии весной 1911 года подтверждает правильность той оценки положения вещей, которую дала наша партия в резолюции Декабрьской Конференции 1908 года. «Основные факторы экономической и политической жизни,—гласит эта резолюция,—вызвавшие революцию 1905 года, продолжают действовать, и новый революционный кризис назревает при таком экономическом и политическом положении неизбежно».

Недавно наемный писака черносотенного царского правительства Меньшиков объявил в «Новом Времени», что реформа 19-го февраля «жалко провалилась», ибо «1861 год не сумел предупредить девятьсот пятого». Теперь наемные адвокаты и парламентарии либеральной буржуазии объявляют о провале «реформ» 9 ноября 1906 г. и 3 июня 1907 г., ибо эти «реформы» в е д у т ко второй революции.

Оба заявления, как и вся история либерального и революционного движения в 1861—1905 г.г., дают интереснейший материал для выяснения важнейшего вопроса об отношении реформы к революции, о роли реформистов и революционеров в общественной борьбе.

Противники революции, кто с ненавистью и скрежетом зубовым, кто с горестью и унынием, признают «реформы» 1861 и 1907—1910 годов неудачными, потому что они не предупреждают революции. Социал-демократия, представительница единственного, до конца революционного класса наших дней, отвечает на это признание: революционеры играли величайшую историческую роль в общественной борьбе и во всех социальных кризисах д а ж е т о г д а, когда эти кризисы непосредственно вели только к половинчатым реформам. Революционеры—водители тех общественных сил, которые творят все преобразования; реформы—побочный продукт революционной борьбы.

Революционеры 1861 года остались одиночками и потерпели, повидимому, полное поражение. На деле именно они были великими деятелями той эпохи, и чем дальше мы отходим от нее, тем яснее нам их величие, тем очевиднее мизерность, убожество тогдашних либеральных реформистов.

Революционный класс 1905 — 1907 годов, социалистический пролетариат потерпел, повидимому, полное поражение. И либеральные монархисты, и ликвидаторы из числа тоже-марксистов прокричали все уши о том, как он зашел будто бы «слишком далеко», дошел до «эксцессов», как он поддался увлечению «стихийной классовой борьбы», как он дал обольстить себя губительной идее «гегемонии пролетариата» и т. д., и т. п. На деле «вина» пролетариата была только в том, что он недостаточно далеко зашел, но эта «вина» оправдывается тогдашним состоянием его сил и искупается неустанной революционно-социал-демократической работой во времена и злейшей реакции, непреклонной борьбой со всеми проявлениями реформизма и оппортунизма. На деле все, что отвоевано у врагов, все, что прочно в завоеваниях, отвоевано и держится только в той мере, в какой сильна и жива революционная борьба на всех поприщах пролетарской работы. На деле только пролетариат отстаивал до конца последовательный демократизм, разоблачая всю шаткость либерализма, вырывая из-под его влияния крестьянство, поднимаясь с геройской смелостью на вооруженное восстание.

Никто не в силах предсказать, насколько осуществятся действительно демократические преобразования России в эпоху ее буржуазных революций, но не подлежит ни тени сомнения, что т о л ь к о революционная борьба пролетариата определит степень и успех преобразований. Между крепостническими «реформами» в буржуазном духе и демократической революцией, руководимой пролетариатом, могут быть только бессильные, бесхарактерные, безыдейные колебания либерализма и оппортунистического реформизма.

Бросая сбщий взгляд на историю последнего полувека в России, на 1861 и 1905 годы, мы можем только еще с бóльшим убеждением повторить слова нашей партийной резолюции: «целью нашей борьбы является по-прежнему свержение царизма, завоевание политической власти пролетариатом, опирающимся на революционные слои крестьянства и совершающим буржуазно-демократический переворот путем созыва Всенародного Учредительного Собрания и создания демократической республики».

*«Социал-Демократ» № 21—22
от 19 марта (1 апреля) 1911 г.*

Разрушители партии в роли «разрушителей легенд».

Ровно год тому назад Центральный Орган нашей партии опубликовал следующее кардинальной важности письмо Русского Бюро Ц. К. к Заграничному Бюро Ц. К.-та:

«...Мы (т.-е. Русское Бюро Ц. К.) обратились к г.г. Михаилу, Роману и Юрию с предложением вступить в работу, но получили от них ответ, гласящий, что они считают решения пленума не только вредными, но находят вредным самое существование Ц. К. На этом основании они отказываются даже явиться на одно заседание для кооптации».

Дело было как нельзя более ясно. В лице Михаила, Романа и Юрия мы имеем дело с открытыми ренегатами, считающими «дипломатию» и виляние в духе «Голоса» излишней и откровенно заявляющими о своем разрыве с нашей партией. Столкнулись две «тактики»: одна—Мартова, Дана и К-о,—закрывающаяся в том, чтобы изнутри разлагать «старую» партию, держать старую партию в болезненном состоянии, пока укрепятся столыпинские «социал-демократы»,—ликвидаторы; другая—Потресова, Левицкого, Михаила, Романа, Юрия и К-о,—исходящая из того положения, что игра подсиживания старой партии изнутри не стоит свеч и что надо идти сейчас же на открытый разрыв с Р. С.-Д. Р. П.

Опубликование заявления г.г. Михаила, Романа и Юрия страшно портило игру их друзьям и покровителям из «Голоса С.-Д.». Но делать было нечего: Дану, Мартову и К-о пришлось замечать следы и дальше, «с одной стороны», солидаризируясь с тремя упомянутыми ренегатами, а «с другой стороны»—легонечко от них «отмежевываясь». У Мартова хватило даже храбрости на то, чтобы через 10 месяцев после опубликования отречения трех его друзей от партии (в предпоследнем, 23-м номере «Голоса») упрекнуть трех господ в «легкомыслии»...

Но вот колесо «истории» (истории ликвидаторства) сделало еще один оборот. Ряд обстоятельств—главным образом отпор ликвидаторству со стороны некоторых с.-д. групп, выступающих

на открытой арене—побудил господ Потресовых, Левицких, Михайлов, Романов и К-о поубавить прыти и приблизиться к «мудрой» и более осторожной «тактике» заматания следов à la Дан и Мартов. Это сделало возможным и появление — через год! — «опровержения» вышеприведенного документа.

Нечего говорить о том, что появившееся в «Голосе» (под громким заглавием: «Разрушенная легенда») «опровержение» — л и ж и в о н а с к в о з ь. Оказывается, что упомянутые три ренегата «официально» отказались от вступления в Ц. К. или участия хотя бы на одном собрании для кооптации только «по личным мотивам». И лишь «затем, в ч а с т н о й (ну, совершенно «частной») беседе поделились с ним (т.-е. с представителем Ц. К.) рядом соображений (уже политического характера), вынуждающих нас (т.-е. Р., М. и Ю.) отнестись отрицательно к сделанному нам предложению».

Итак, — пункт 1-й «опровержения»: заявление, на которое ссылался Ц. О., было сделано лишь в «частной беседе», после того как официальный мундир был снят. Не правда ли, как радикально меняет дело это чрезвычайно смягчающее вину обстоятельство?..

Но что же сказали господа Михаил, Роман и Юрий по их собственным словам в этой «частной беседе»? Они не сказали, что решения Ц. К. вредны, они, видите ли, только позволили себе заметить, что: «п у т ь, п р о д и к т о в а н н ы й п л е н у м о м, не усиливает, а ослабляет позицию Ц. К., что то использование легальных возможностей, которое рекомендовал партии Ц. К.», «с в о д и л о с ь и с в о д и т с я к р а з р у ш е н и ю л е г а л ь н ы х р а б о ч и х о р г а н и з а ц и й», что уже первый шаг, сделанный на этом пути Ц. К. (опубликование резолюции о партийной конференции) «д а л п р а в и т е л ь с т в у п р и к р ы т и е» для разрушения рабочих организаций. Не правда ли, это—совсем не то, что утверждение представителя Ц. К., по словам которого три ликвидатора из лондонских кандидатов «считают вмешательство Ц. К. в стихийный процесс группировки с.-д. сил в легальных организациях подобным вырыванию плода из чрева матери на втором месяце беременности»? «Опровергли», нечего сказать!

Далее, они вовсе не говорили, что существование Ц. К. вредно, боже упаси! Они только—совершенно «частным» образом.

конечно—выразили то мнение, что гораздо лучше было бы, если бы вместо Ц. К. существовала бы «инициативная группа», у которой «никто не спрашивал бы паспорта» (т.-е. партийного паспорта), как в свое время его (т.-е. «паспорта») никто не спрашивал у группы «Искры» и «Зари»^{*)}. — Главное обвинение «опровергнуто» Михаилом, Романом и Юрием почти так же удачно, как недавно «опроверг» их коллега И. те обвинения в заговоре против Ц. К. и партии, которые были предъявлены этому И. товарищами меньшевиками-партийцами, Плехановым и А. Московским³⁸)... Нужен, видите ли, не Ц. К., а такая «инициативная группа», как «группа Искры и Зари». Ну, разумеется, группа Искры и Зари была группой революционно-социал-демократической, а г.г. Михаилам, Романам и Юриям нужна инициативная группа ликвидаторская. Но сейчас не в этом дело. А дело в том, что три союзника Мартова и Дана — по их собственным словам — предлагали заменить Ц. К. частной инициативной группой, у которой никто не мог бы спросить презренного «паспорта» и у которой по части «ликвидации» была бы своя рука владыка. «Опровергли»!..

Одним из «гвоздей» «опровержения» Р., М. и Ю. является еще рассказ о том, что представитель Ц. К., приглашая их явиться «хотя бы на одно собрание» коллегии, соблазнял их тем, что он (т.-е. представитель Ц. К.) и другие «русские большевики» полны желанья «эмансипироваться от руководящего влияния ленинского кружка». Это п е р е д а в а е м о е т р е м я л и к в и д а т о р а м и заявление русского большевика особенно смакует редакция «Голоса», надеясь кого-то и что-то этим оправдать. Господа «голосовцы», однако, явно запутались и сами говорят п р о т и в себя. Ведь, помилуйте, почтенные редакторы «Голоса». Д о п у с т и м, что большевик, являвшийся к вашим друзьям от имени Ц. К., был противником того, что вы называете «ленинским кружком». Т е м х у ж е д л я в а с. Ибо, ведь, именно этот самый большевик и написал то письмо об отречении трех ваших друзей от партии, которое мы напечатали в № 12 Ц. О. Если этот большевик не сторонник так называемого вами «ленинского кружка», тем беспристрастнее должно быть в ваших глазах его показание. Д о п у с т и м, что приглашавшие вас це-кисты были против-

^{*)} См. «Голос», приложение к № 24, стр. 3.

никами «ленинского кружка» *),—тем больше должна бы быть с вашей же точки зрения вина трех ликвидаторов, не пожелавших даже при таких благоприятных для них условиях войти в Ц. К.—Что случилось с господами «голосовцами»? Они обыкновенно заматают следы... ловчес. Совсем ведь вышло некругло у вас, господа! Глупее, чем даже «опровержения» Столыпинского «Осведомительного Бюро».

Не повезло вам с вашим «опровержением», господа «голосовцы», точно так же, как не повезло с вашими последними «исключенными» листками. Вы захотели «доказать слишком многое»—доказать, будто бы с.д. не партийцы—и потому не доказали ничего. Подумайте хоть чуточку: вчера вы выпустили листок 58-ми (сколько из этих 58 лицемеров и сколько одураченных?), в котором изображаете своих противников («ленинский кружок») чудовищами из чудовищ, «бандой» и т. п. А на-завтра, вы же (редакция «Голоса») выпускаете листок с «программой реформ», в котором заявляете: все будет отлично, если нам (т.-е. голосовцам) дадут во всех центральных учреждениях партии равенство с этими чудовищами, с людьми, совершившими ряд «преступлений» и пр., и т. п. Когда же вы действуете «для блага партии», когда стараетесь ради самих себя, господа?—в первом, или во втором случае?—Об этих... благоуханных листках «Голоса», равно как и об его приложениях, в которых «все пошло в дело», вплоть до женеvских отзовистов, называющих себя «идейным кружком большевиков», не стоило бы упоминать, если бы они не бросали такого яркого света на всю политику голосовцев...

Старайтесь, господа «разрушители легенд», старайтесь! Одну легенду вы действительно помогаете нам разрушить: легенду о том, будто у вас осталось еще что бы то ни было общего с революционной социал-демократией.

*«Социал-Демократ» № 21—22
от 19 марта (1 апрель) 1911 г.*

*) Другому из «русских большевиков» це-кистов голосовцы плют следующий упрек: он, видите ли, поставил «препятствия кооптации в Ц. К. голосовцев, заявив, что большевистские члены Ц. К... допустят кооптацию лишь таких кандидатов, которые предварительно подпишут отречение от «ликвидаторства». Це-кист, которому плют такой ужасный упрек голосовцы, сейчас не может сам ответить г.г. ликвидаторам. Поэтому мы скажем за него: если бы то, что вы сообщаете о нем, было верно, то он с партийной точки зрения был бы совершенно прав и действовал бы вполне в духе пленума.

Кадеты и октябристы.

Пресловутый «министерский кризис» и выбор нового председателя Государственной Думы дал еще и еще раз материал по вопросу о социальной природе и политическом значении кадетской и октябристской партий. Русская, с позволения сказать, либеральная буржуазия обрисовала себя в сотый и тысячный раз. Из ежедневных газет и из предыдущего номера «Звезды» читатель знает уже, какова эта обрисовка. Подведение некоторых итогов будет, однако, не лишним, ввиду того, что наиболее распространенная у нас кадетская пресса охотно «громит» октябристов, но неохотно останавливается на и т о г а х своего собственного поведения.

Припомним поведение партии «народной свободы» во время выборов нового председателя Государственной Думы. 21-го марта «Речь» спешит сообщить: «Фракция народной свободы постановила голосовать за М. Алексеенку, если его кандидатура будет выставлена на пост председателя Государственной Думы. Если же будет выдвинута кандидатура Родзянко ³⁹⁾, то фракция будет голосовать против него». Конституционные «демократы» предлагают свои услуги «левым» октябристам. Мало того. Передовица «Речи» того же члена провозглашает Алексеенку «всеми уважаемым» и старается встать на точку зрения в с е й Государственной Думы: если-де правые поддержат кандидатуру большинства октябристов (т.-е. кандидатуру Алексеенки), то, быть может, Государственная Дума «вернется к тому единодушию», с которым встретили вначале кандидатуру Хомякова. «Это единодушие показало бы, что в с я Дума в целом понимает исключительную важность момента».

Так писала «Речь». «Вся Дума в целом», не более и не менее. Почаще надо бы вспоминать это при выборах в IV Думу!

Кадеты прекрасно знают, что правые принципиально отстаивают бесправие Думы, что националисты оправдывают и защищают Столыпина, и нарушение 87-й статьи. И все же, ради одного голосования за Алексеенку, кадеты готовы забыть все и объявить единодушной «в с ю Думу в целом», хотя они также прекрасно знают, что рабочие депутаты н и в к а к о м с л у ч а е «единодушием» III Думы подкупить себя не дадут, как не дали и при выборе Хомякова.

Дело ясное: рабочие депутаты и трудовики для кадетов не в счет. Без них, но с правыми, с Марковым 2-м и Пуришкевичем, III Дума есть «в с я Дума в целом». Т а к в ы х о д и т у «Р е ч и». И такое рассуждение ее правильно проводит грань, которую столь часто и столь многие понимали превратно: это—грань между феодалами и буржуазией (даже самой «либеральной», т.-е. кадетской), с одной стороны, и крестьянами и рабочими, т.-е. демократией—с другой. Без демократии, но с правыми мы—«вся Дума в целом»,—говорят кадеты. Это значит, что, претендуя на звание демократов, кадеты обманывают народ. Это значит, что для кадетов феодалы и буржуазия суть «мы», а все дальнейшее не считается.

Маленький вопрос о выборе нового председателя Государственной Думы еще и еще раз напомнил очень немаловажную истину, что кадеты не демократы, а либерально умеренные буржуа, возжелеющие «единодушия» «всей» палаты зубров и октябристов. К о н к у р е н ц и я с октябристами—вот характер кадетской «борьбы» с ними. Кадеты борются с октябристами, это несомненно. Но они борются с ними не как представители класса, не как представители более широких слоев населения, не ради смещения той старой власти, к которой приспособляются октябристы, а как их к о н к у р е н т ы, желающие приспособиться к т о й ж е власти, служить интересам т о г о ж е класса, оберегать от требовательности более широких слоев населения (демократии вообще и пролетарской демократии в особенности). Несколько иначе приспособиться к той же власти,—вот чего добиваются кадеты, вот в чем сущность их политики, политики либеральных буржуа. И эта конкуренция с октябристами, борьба за и х место придает особую «остроту» кадетской борьбе. Этим объясняется о с о б а я в р а ж д а правых и октябристов к кадетам, вражда особого рода: «те» (демократы) уничтожат, «эти» (кадеты) отодвинут с первого на второе место; первая перспектива вызывает принципиально непримиримую войну не на живот, а на смерть; вторая перспектива вызывает м е с т н и ч е с к у ю борьбу, состязание в интригах, соревнование в приемах уловления того же, землевладельческо-буржуазного, большинства или снискания доверия той же старой власти.

Картина III Думы в день выборов нового председателя наглядно показала эту разницу.

Кадетский регистратор событий «в парламентских кругах» продолжает восхвалять в «Речи» 23-го марта Алексеенку: «чело-

век вполне независимый» (это—октябрист-то, смаковавший третье июня!) «и с большим чувством собственного достоинства» и т. д., и т. д.

Вот какова кадетская мерка строгой законности: не опротестовывать третьего июня и протестовать против 14-го марта. Это напоминает американскую поговорку: если вы украдете кусок хлеба, вас посадят в тюрьму, а если вы украдете железную дорогу, вас назначат сенатором.

Г. Литовец, ведущий в «Речи» отдел «В парламентских кругах», писал 23-го марта, что для левых октябристов и кадетов «добрая половина дня прошла в тревоге: а вдруг возьмет да согласится» (Родзянко, делавший вид, что он отказывается).

Как же тут не быть о с т р о й борьбе кадетов с их противниками, когда вопрос вертится в такой близкой, непосредственно ощутимой для в с е й III Думы плоскости: «а вдруг Родзянко возьмет да согласится!».

Родзянко взял да согласился. Картина выборов получилась такая, что правые и националисты смеялись весело, хлопали восторженно. «Левые» октябристы и к а д е т ы молчали упорно, систематически молчали: они проиграли состязание на том поприще, на которое сами встали; они не могли радоваться; они д о л ж н ы б ы л и молчать. Кадеты «в виде протеста» голоснули за националиста Волконского. Демократы и только демократы заявили громко, прямо и ясно, что они проиграли состязание на том поприще, в III Думе не участвуют, что они н и к а к о й ответственности за «всю совокупную деятельность III Думы» (слова Войлошникова) не несут.

В день выборов, в 86-м заседании Думы, на состязании конкурентов, г о в о р и л и только глава III Думы, Родзянко, и Булат с Войлошниковым. Остальные молчали.

Войлошников справедливо указал, от имени всех своих коллег по фракции, что кадеты «по особенностям своей политической позиции всегда возлагали всю надежду на внутридумские комбинации» и посмеялся над ними, как над легковверными либералами.

Политическая позиция кадетов и ее особенности зависят от классовой природы этой партии. Это—антидемократическая либерально-буржуазная партия. Поэтому они и «возлагают всегда всю свою надежду на внутридумские комбинации»; это верно в двойном смысле: во-первых, в смысле противоположения

внутридумского внедумскому, во-вторых, в смысле «комбинации» тех социальных элементов, тех классов, которые «всю» III Думу представляют.

Только рабочие депутаты и трудовики по поводу выборов Родзянко, ознаменовавших победу националистов, выступили с заявлением, рассчитанным не на «внутридумские» комбинации, с заявлениями, характеризующими отношение демократии, вообще, и пролетарской демократии, в особенности, ко в с е й III Думе, к 3-му июня, к октябристам и к кадетам вместе. Это заявление—хорошее напутствие Родзянке и всему «его» большинству, хорошее предостережение «ответственной», перед III Думой и перед третьеиюньцами ответственной, либеральной «оппозиции» со стороны политических партий, «ответственных» перед кое-кем другим.

«Звезда» № 16

от 2 апреля 1911 г.

За подписью В. Ильин.

Памяти Коммуны.

Сорок лет прошло со времени провозглашения Парижской Коммуны. По установившемуся обычаю французский пролетариат митингами и демонстрациями почтил память деятелей революции 18 марта 1871 года; а в конце мая он снова понесет венки на могилы расстрелянных коммунаров, жертв страшной «майской недели», и на их могилах снова поклянется бороться, не покладая рук, вплоть до полного торжества их идей, до полного исполнения завещанного ими дела.

Почему же пролетариат, не только французский, но и всего мира, чтит в деятелях Парижской Коммуны своих предшественников? И в чем заключается наследство Коммуны?

Коммуна возникла стихийно, ее никто сознательно и планомерно не подготовлял. Неудачная война с Германией, мучения во время осады, безработица среди пролетариата и разорение среди мелкой буржуазии; негодование массы против высших классов и против начальства, проявившего полную неспособность, смутное брожение в среде рабочего класса, недовольного своим положением и стремившегося к иному социальному укладу; реакционный состав Национального Собрания, заставлявший

опасаться за судьбу республики, — все это и многое другое соединилось для того, чтобы толкнуть парижское население к революции 18 марта, неожиданно передавшей власть в руки национальной гвардии, в руки рабочего класса и примкнувшей к нему мелкой буржуазии.

Это было невиданным в истории событием. До тех пор власть обыкновенно находилась в руках помещиков и капиталистов, т.-е. их доверенных лиц, составлявших так называемое правительство. После же революции 18 марта, когда правительство г. Тьера бежало из Парижа со своими войсками, полицией и чиновниками, — народ остался господином положения, и власть перешла к пролетариату. Но в современном обществе пролетариат, поработанный капиталом экономически, не может господствовать политически, не разбивши своих цепей, которые приковывают его к капиталу. И вот почему движение Коммуны должно было неизбежно получить социалистическую окраску, т.-е. начать стремиться к ниспровержению господства буржуазии, господства капитала, к разрушению самых основ современного общественного строя.

Вначале это движение было крайне смешанным и неопределенным. К нему примкнули и патриоты, надеявшиеся, что Коммуна возобновит войну с немцем и доведет ее до благополучного конца. Его поддерживали и мелкие лавочники, которым грозило разорение, если не будет отсрочен платеж по векселям и уплата за квартиру (этой отсрочки правительство не хотело им дать, но зато дала Коммуна). Наконец, первое время ему отчасти сочувствовали и буржуазные республиканцы, опасавшиеся, что реакционное Национальное Собрание («деревенщина», дикие помещики) восстановит монархию. Но главную роль в этом движении играли, конечно, рабочие (особенно парижские ремесленники), среди которых в последние годы Второй Империи велась деятельная социалистическая пропаганда и многие из которых принадлежали даже к Интернационалу.

Только рабочие остались до конца верны Коммуне. Буржуазные республиканцы и мелкие буржуа скоро отстали от нее: одних напугал революционно-социалистический, пролетарский характер движения; другие отстали от него, когда увидели, что оно обречено на неминуемое поражение. Только французские пролетарии без страха и устали поддерживали с в о е правительство, только они сражались и умирали за него, то-есть за дело

освобождения рабочего класса, за лучшее будущее для всех трудящихся.

Покинутая вчерашними союзниками и никем не поддержанная, Коммуна неизбежно должна была потерпеть поражение. Вся буржуазия Франции, все помещики, биржевики, фабриканты, все крупные и мелкие воры, все эксплуататоры соединились против нее. Этой буржуазной коалиции, поддержанной Бисмарком (который отпустил из немецкого плена 100.000 французских солдат для покорения революционного Парижа), удалось восстановить темных крестьян и мелкую провинциальную буржуазию против парижского пролетариата и окружить половину Парижа железным кольцом (вторая половина была обложена немецкой армией). В некоторых крупных городах Франции (Марселе, Лионе, Сент-Этьене, Дижоне и пр.) рабочие также сделали попытки захватить власть, провозгласить Коммуну и пойти на вырубку Парижа, но эти попытки быстро закончились неудачей. И Париж, первый поднявший знамя пролетарского восстания, предоставлен был собственным силам и обречен на верную гибель.

Для победоносной социальной революции нужна наличность, по крайней мере, двух условий: высокое развитие производительных сил и подготовленность пролетариата. Но в 1871 году оба эти условия отсутствовали. Французский капитализм был еще мало развит, и Франция была тогда по преимуществу страной мелкой буржуазии (ремесленников, крестьян, лавочников и пр.). С другой стороны, не было налицо рабочей партии, не было подготовки и долгой выучки рабочего класса, который в массе даже не совсем ясно еще представлял себе свои задачи и способы их осуществления. Не было ни серьезной политической организации пролетариата, ни широких профессиональных союзов и кооперативных товариществ...

Но главное, чего не хватало Коммуне, так это времени, свободы оглядеться и взяться за осуществление своей программы. Не успела она приступить к делу, как засевшее в Версале правительство, поддержанное всей буржуазией, открыло против Парижа военные действия. И Коммуне пришлось прежде всего подумать о самообороне. И вплоть до самого конца, наступившего 21—28 мая, ей ни о чем другом серьезном подумать не было времени.

Впрочем, несмотря на столь неблагоприятные условия, несмотря на кратковременность своего существования, Коммуна

успела принять несколько мер, достаточно характеризующих ее истинный смысл и цели. Коммуна заменила постоянную армию, это слепое орудие в руках господствующих классов, всеобщим вооружением народа; она провозгласила отделение церкви от государства, уничтожила бюджет культов (т.-е. государственное жалование попам), придала народному образованию чисто светский характер—и этим нанесла сильный удар жандармам в рясах. В чисто социальной области она успела сделать немного, но это немногое все-таки достаточно ярко вскрывает ее характер, как народного, рабочего правительства: запрещен был ночной труд в булочных; отменена система штрафов, этого узаконенного ограбления рабочих; наконец, издан знаменитый декрет (указ), в силу которого все фабрики, заводы и мастерские, покинутые или приостановленные своими хозяевами, передавались рабочим артелям для возобновления производства. И как бы для того, чтобы подчеркнуть свой характер истинно-демократического, пролетарского правительства, Коммуна постановила, что вознаграждение всех чинов администрации и правительства не должно превышать нормальной рабочей платы и ни в коем случае не быть выше 6.000 франков (менее 200 рублей в месяц) в год.

Все эти меры достаточно ясно говорили о том, что Коммуна составляет смертельную угрозу для старого мира, основанного на порабощении и эксплуатации. Поэтому буржуазное общество не могло спать спокойно, пока на парижской городской думе развешивалось красное знамя пролетариата. И когда, наконец, организованной правительственной силе удалось взять верх над плохо организованной силой революции, бонапартовские генералы, побитые немцами и храбрые против побежденных земляков, эти французские Ренненкампы и Меллер-Закомельские ⁴⁰⁾ устроили такую резню, какой Париж еще не видал. Около 30.000 парижан было убито озверевшей солдатчиной, около 45.000 арестовано и многие из них впоследствии казнены, тысячи сосланы на каторгу и на поселение. В общем, Париж потерял около 100.000 сынов, в том числе лучших рабочих всех профессий.

Буржуазия была довольна. «Теперь с социализмом покончено надолго!» горорил ее вождь, кроважидный карлик Тьер после кровавой бани, которую он со своими генералами задал парижскому пролетариату. Но напрасно каркали эти буржуазные вороны. Через каких-нибудь шесть лет после подавления Коммуны, когда многие борцы ее еще томились на каторге и в ссылке,

во Франции уже начиналось новое рабочее движение. Новое социалистическое поколение, обогащенное опытом своих предшественников, но отнюдь не обескураженное их поражением, подхватило знамя, выпавшее из рук борцов Коммуны, и понесло его уверенно и смело вперед при кликах: «да здравствует социальная революция! да здравствует Коммуна!». А еще через пару—другую лет новая рабочая партия и поднятая ею в стране агитация заставила господствующие классы отпустить на свободу пленных коммунаров, еще оставшихся в руках правительства.

Память борцов Коммуны читается не только французскими рабочими, но и пролетариатом всего мира. Ибо Коммуна боролась не за какую-нибудь местную или узко-национальную задачу, а за освобождение всего трудящегося человечества, всех униженных и оскорбленных. Как передовой боец за социальную революцию, Коммуна снискала симпатии всюду, где страдает и борется пролетариат. Картина ее жизни и смерти, вид рабочего правительства, захватившего и державшего в своих руках в течение свыше двух месяцев столицу мира, зрелище героической борьбы пролетариата и его страдания после поражения,—все это подняло дух миллионов рабочих, возбудило их надежды и привлекло их симпатии на сторону социализма. Гром парижских пушек разбудил спавшие глубоким сном самые отсталые слои пролетариата и всюду дал толчок к усилению революционно-социалистической пропаганды. Вот почему дело Коммуны не умерло; оно до сих пор живет в каждом из нас

Дело Коммуны—это дело социальной революции, дело полного политического и экономического освобождения трудящихся, это дело всесветного пролетариата. И в этом смысле оно бессмертно.

*«Рабочая Газета» № 4—5
от 15 (28) апреля 1911 г.*

О значении кризиса ⁴¹⁾.

Пресловутый министерский и политический кризис, о котором столько писали и пишут газеты, поднимает более глубокие вопросы, чем думают шумящие всего более либералы. Говорят: кризис ставит вопрос о нарушении конституции. На самом же деле кризис ставит вопрос о неправильном представлении октябристов и кадетов относительно конституции, о коренном заблу-

ждении обеих партий на этот счет. Чем шире распространяется это заблуждение, тем настойчивее необходимо разьяснять его. Чем больше стараются кадеты под шумок своих обвинений октябризма провести неправильные идеи о «конституционном» будто бы характере кризиса, общие октябристам и кадетам, тем важнее выяснять эту вскрывшуюся теперь общность.

Припомним недавние рассуждения «Речи» и «Русских Ведомостей» о лозунге выборов в IV Думу. За конституцию или против нее—так встанет и стоит уже вопрос, уверяли оба главных кадетских органа.

Посмотрите теперь на рассуждения октябристов. Вот характерная статья г. Громобоя в «Голосе Москвы» (от 30 марта): «Разрытый муравейник». Октябристский публицист убеждает тех, добросовестных, по его мнению, защитников г. Столыпина, которых «пугает переход в оппозицию», доказывая, что они «делают ошибочные шаги». «Для конституционалистов, — восклицает г. Громобой, — грех нарушения конституции настолько тяжок, что никакие другие гири не перетянут его». Что можно сказать по существу? спрашивает г. Громобой и отвечает:

«Опять кремневое ружье, национализм, волевые импульсы, государственная необходимость? увы, все это уже слышали, слышали и обещания, не оправдавшиеся затем».

Политика Столыпина была для октябристов заманчивым (как и для писателей из «Вех», всего глубже понявших и всего ярче выразивших дух кадетизма) «обещанием». «Обещание», по признанию октябристов, не оправдалось.

Что это значит?

На самом деле политика Столыпина была не обещанием, а политической и экономической реальностью последнего четырехлетия (если не пятилетия) русской жизни. И 3-е июня 1907 года и 9 ноября 1906 г. (14 июня 1910 г.)—не обещания, а реальности. Организованные в национальном масштабе представители дворянского крупного землевладения и верхов торгово-промышленного капитала проводили, осуществляли эту реальность. И если теперь голос октябристского московского (а, значит, и всероссийского) капитала говорит: «не оправдалось», то этим подводится итог определенной полосе политической истории, определенной системе попыток «оправдать» требования эпохи, требования капиталистического развития России посредством III Государственной Думы, посредством Столыпинской аграр-

ной политики и так далее. Со всей добросовестностью, со всем усердием, не щадя живота, не щадя паже мошны, октябристский капитал помогал этим попыткам и теперь вынужден признать: не оправдалось.

Значит, дело вовсе не в нарушении обещаний, не в «нарушении конституции»,—ибо смешно отрывать 14-е марта 1911 года от 3-го июня 1907 года,—а в неисполнимости требований эпохи путем того, что октябристы и кадеты называют «конституцией».

Неисполнимы эти требования времени путем «конституции», дававшей большинство кадетам (I и II Думы), неисполнимы путем «конституции», сделавшей решающую партию октябристов (III Дума). И когда октябристы теперь говорят: «не оправдалось», то значение этого признания, значение вынудившего это признание кризиса состоит в сугубом, повторном, окончательном крахе конституционных иллюзий и кадетизма, и октябризма.

Демократия сдвинула старое с места. Кадеты, порицая демократию за «эксцессы», сулились реализовать новое путем мирной «конституции». Не оправдалось. Новое стал реализовывать г. Столыпин таким образом, чтобы измененные формы могли укрепить старое, чтобы организация зубров-помещиков и столпов капитала укрепила старое, чтобы частная поземельная собственность на место общины создала новый слой защитников старого. Октябристы трудились вместе с г. Столыпиным годы и годы над этой задачей, «не угрожаемые» временно подавленной демократией.

Не оправдалось.

Оправдались слова тех, кто говорил о тщете и вреде конституционных иллюзий, в такие эпохи быстрых и коренных перемен, как эпоха начала XX века в России.

Трехлетие октябристской III Думы, октябристской «конституции», октябристского «мирного и любовного жития» с Столыпиным не прошло бесследно: шагнуло вперед экономическое развитие страны, развились, развернулись, показали себя (и исчерпали себя) «правые»—все и всяческие «правые»—политические партии.

Аграрная политика III Думы показала себя на деле в массе деревень и захолустий России, встряхнула застоявшиеся веками брожения, грубо вскрыла и обострила наличные противоречия, обнаглила кулака и просветила его антиподов. Не даром прошла III Дума. Не даром прошли и первые две Думы, давшие так много хороших, добрых, невинных и бессильных поже-

лений. В оболочке «конституционного» кризиса 1911 года обнаружился несравненно более глубокий, чем прежде, крах конституционных иллюзий 1906—1910 годов.

И кадеты; и октябристы сходились, по сути дела, в том, что базировали свою политику на этих иллюзиях. Это были иллюзии либеральной буржуазии, иллюзии центра—различие «левого» центра (кадетов) и «правого» центра (октябристов) несущественно, раз тот и другой, в силу объективных условий, осуждены были на крах. Старое сдвинуто с места. Ни левый, ни правый центр нового не реализовали. Кто и как будет осуществлять это неотстранимое, исторически неизбежное новое,—вопрос открытый. Значение «конституционного» кризиса в том, что господа положения, октябристы, признали этот вопрос в н о в ь «открытым», подписав: «не оправдалось» даже под своими, самыми, казалось, «солидными», купечески солидными, торгашески-трезвыми, московски-скромными чаяниями. Значение «конституционного» кризиса в том, что вся узорь, все убожество, все бессилие поставленного кадетами лозунга (кто за конституцию, кто против конституции) вскрылось на опыте господ октябристов.

Демократия доказывает недостаточность этого лозунга. Октябризм подтвердил эти доказательства опытом еще одной полосы русской истории. Кадетам не удастся оттащить ее назад, к прежним наивным конституционным иллюзиям.

«Правоверные октябристы, — пишет г. Громобой, — нервничают, заявляют о выходе из бюро, не знают, что делать со своими товарищами по конституционализму. Напрасные волнения. Им надо быть спокойными сознанием, что за них истина и что эта истина настолько азбучна, настолько общепризнана, что для защиты ее не требуется Коперников и Галилеев. Им надо спокойно делать свое дело,—признать незаконными незаконные действия и непременно, не идя ни на какие компромиссы, отвергнуть незаконный закон».

Иллюзия, г. Громобой! Без «Коперников и Галилеев» не обойдется. У вас «не оправдалось», без этих не обойдется.

«...Глядя на весь этот разрытый, копающийся муравейник—услужливую печать, услужливых ораторов, услужливых депутатов» (кончайте г. Громобой: услужливую, холопскую буржуазию) «можно, только по человечеству жалея их, кротко напомнить, что П. А. Столыпину уже служить нельзя,—можно только прислуживаться».

Но П. А. Столыпин—не единица, а тип, не одиночка, а «сам-друг» с советом объединенного дворянства. Господа октябристы попробовали ужиться с ним по-новому, при Думе, при «конституции», при буржуазной политике толмачевского разорения общины, и если эта попытка не удалась, то дело вовсе не в Столыпине.

«...Да ведь вся сила народных представителей в их связи с народом, а если они (правые октябристы) самым фактом такой поддержки (поддержки Столыпина и Столыпинского нарушения конституции) утрачивают свое «лицо», то какая им цена после этого?»

До чего мы дожили! Октябристы говорят о «связи с народом», как «силе народных представителей»! Это смешно, конечно! Но это не более смешно, чем кадетские речи в I и II Думах о «связи с народом» на-ряду с их же речами, скажем, против местных земельных комитетов. Слова, смешные в устах кадетов и октябристов, сами по себе вовсе не смешны, а значительны. Еще и еще раз выражают они—против воли тех, кто говорит теперь эти слова,—выражают крах конституционных иллюзий, как полезный плод «конституционного» кризиса.

«Звезда» № 18

от 16 апреля 1911 г.

За подписью В. Ильин.

Разговор легалиста с противником ликвидаторства ⁴²⁾.

Л е г а л и с т . Мне кажется, что крайнее обострение в социал-демократической печати борьбы и споров с ликвидаторами чересчур распалило страсти и несколько затемнило суть расхождения.

А н т и л и к в и д а т о р . Не наоборот ли? Не вызвано ли обострение борьбы глубиной идейного расхождения? Или вы тоже перешли в лагерь «колеблющихся»—иначе «примиренцев»,—пытающихся заполнять пропасть пустыми фразами и широко-вещательными банальностями?

Л е г а л и с т . О, нет, «примирять» я вовсе не склонен. Напротив. Моя мысль состоит в том, что ликвидаторы недостаточно сознательны и потому недостаточно решительны. Они все

еще бредут ощупью, растут, если можно так выразиться, стихийно. Они все еще боятся додумать свои мысли. Отсюда—их непоследовательность, сбивчивость, шаткость, которую противники принимают за лицемерие, за мошеннические приемы борьбы с нелегальной партией и т. п. Получается потасовка, и широкая публика, ради которой ведется спор, перестает понимать в чем дело. Если бы у ликвидаторов было поменьше искуснейших дипломатов и побольше веры в себя, то они быстрее бы доказали свою правоту и разбили бы вас на голову.

Антиликвидатор. Страшен сон, но... интересно бы послушать ваши доказательства.

Легалист. Ликвидаторы, по моему убеждению, правы. Они должны подхватить брошенную против них кличку легалистов. Мы подхватим ее и мы покажем, что именно легалисты дают единственно верный, с точки зрения марксизма, ответ на проклятые вопросы современного рабочего движения в России. Признаете вы или нет, что переживаемая нами эпоха представляет из себя некоторый своеобразный этап экономического и политического развития России?

Антиликвидатор. Признаю.

Легалист. Признаете только словесно, как и ваши пресловутые «декабрьские» (1908 года) резолюции. Если вдуматься серьезно в такое признание, то оно означает, что открытое существование, скажем, социал-демократической фракции в III Думе—не случайность, а неразрывная составная часть «текущего момента». Вся совокупность политических условий данного времени, вся совокупность условий рабочего движения такова, что возможна и необходима открытая легальная думская социал-демократическая фракция, возможна и необходима открытая легальная рабочая социал-демократическая партия.

Антиликвидатор. Не рискованный ли это скачок от думской социал-демократической фракции к Рабочей Социал-Демократической Партии?

Легалист. Нисколько не рискованный. Все дело только в том, что формы существования социал-демократии в III Думе даны нам извне, нам пришлось только принять их, войти, так сказать, в готовое помещение, а формы существования легальной рабочей партии надо самим найти. Тут нужна инициатива, борьба за новые формы. Те, кого вы презрительно зовете ликвидаторами, начали эту борьбу, вступили на новый путь—но,

к сожалению, только одной ногой. К сожалению, они все еще робеют, оглядываются назад, ограничиваются полумерами. В начале нового пути это неизбежно, пусть так, но за началом последует продолжение. И нерешительность первых шагов отпадет и ошибки будут исправлены.

А н т и л и к в и д а т о р. Прекрасно. Не потрудитесь ли объяснить, каковы эти ошибки и в чем будет состоять исправление?

Л е г а л и с т. С удовольствием объясню. Нельзя предсказать, какова именно будет завтрашняя легальная рабочая партия, но нельзя не видеть общего направления в развитии рабочего движения. Признавая это направление за данное, я смело могу нарисовать картину легальной партии, зная, что действительность не будет в точности такова, но она будет т а к с г о р о д а. И чтобы рисовать вам эту картину, мне вовсе нет надобности пускаться в «сочиительство». Мне надо только присмотреться к урокам жизни, к опыту работы в новых послереволюционных условиях. Мне достаточно подытожить этот опыт, отбросить частности, взять основную нить. Существует легальное рабочее представительство в Думе. Существует легальная социал-демократическая фракция. Ее травят, за ней следят шпики, ей не разрешают собраний, у нее отнимают свежих людей, ее распыляют, может быть, завтра по тюрьмам и местам ссылки—легальная партия вовсе не исключает, как думают ваши близорукие сторонники, судебных и полицейских преследований. Но легальная фракция существует, несмотря на преследования. Существуют легальные рабочие союзы, клубы, легальные марксистские журналы и еженедельники,—их травят еще больше, закрывают, душат штрафами, их редакторы за месяц редакторства расплачиваются, может быть, полутора месяцами тюрьмы, союзы постоянно распускаются, а все же они существуют. Вдумайтесь в этот факт. Одно дело отсутствие легальных рабочих союзов, легальной марксистской прессы, легальных социал-демократических депутатов. Так было до 1905 года. Другое дело—существование их, н е с м о т р я на непрерывные преследования, несмотря на постоянные закрытия. Так обстоит дело после 1907 года. В этом и состоит новизна положения. За это «новое» и надо уметь ухватиться, чтобы его расширить, укрепить, упрочить.

А н т и л и к в и д а т о р. Вы начали с обещания быть более смелым, более последовательным легалистом, чем те, которые вы-

ступали до сих пор, но пока вы все еще только повторяете слова, давно уже сказанные всеми ликвидаторами.

Л е г а л и с т. Я уже сказал, что картина последовательного, убежденного легализма вытекает сама собой из внимательного наблюдения за опытом жизни. На деле уже существуют все отдельные элементы легальной рабочей социал-демократической партии. Надо сказать громко и прямо то, что есть. Надо признать безбоязненно, что не сегодня—завтра эти разрозненные элементы соберутся вместе, должны собраться вместе, и такая партия возникнет. Ее нужно основать, и она будет основана. Ее будут преследовать, но она будет существовать,—за годами отсутствия легальной рабочей партии наступят годы непрочного, перерываемого массой преследований, существования легальной рабочей партии,—а за ними придут годы чисто европейской легальной социал-демократической партии в России. Годы существования легальной социал-демократической партии уже наступили, она уже *р е а л ь н е е*, чем ваше на девяносто девять сотых разрушенное подполье. Чтобы окончательно сплотить легалистов, чтобы сделать их деятельность более уверенной, систематичной, выдержанной, надо не бояться сказать, что есть, не бояться назвать эту реальность настоящим именем, не бояться выбросить лозунг, поднять знамя. Пусть его вырвут суды и полиция из наших рук, пусть его вырвут десятки раз,—его *н е л ь з я* уничтожить, его нельзя вырвать надолго, ибо оно *з*обочаает то, что есть, что растет, что не может не расти.

А н т и л и к в и д а т о р. К делу, к делу. А то я вам напомню поговорку: хорошо поет, где-то сядет. Вы обещали говорить прямо. Ну-те ка прямей, поконкретней: что будет написано на вашем знамени?

Л е г а л и с т. Я к этому как раз и вел. Мы учреждаем легальное общество содействия рабочему движению. Принципиальная база этого общества—марксизм. Цель общества—преобразование общественных условий жизни на началах марксизма, уничтожение классов, уничтожение анархии в производстве и т. д. Ближайшая цель легальной партии, т.-е. нашего общества,—полная демократизация государственного и общественного строя; содействие решению аграрного вопроса в демократическом направлении, на основах марксистских взглядов; самое широкое рабочее законодательство. Наконец, средства деятельности нового общества—все законные средства пропаганды, агитации, организации.

Антиликвидатор. Не предполагаете ли вы, что наше правительство разрешит регистрацию такого общества?

Легалист. Не беспокойтесь, я вовсе не так наивен, чтобы предполагать это. Конечно, наше общество не будет зарегистрировано, но нелегальным его нельзя будет признать, а в этом-то и состоит наша задача. В каждой губернии один рабочий за другим будет составлять устав подобного общества и вносить его на утверждение властей. Это будет последовательная непреклонная борьба за легальность. Учредителей и членов такого общества нельзя будет преследовать за «страшные» пункты программы нашей теперешней якобы партии, ибо Р. С.-Д. Р. П. есть в данное время лишь якобы партия, и «страшные» пункты ее программы, вроде республики, диктатуры пролетариата,—не говоря уже о страшных пунктах многочисленных резолюций о вооруженном восстании и т. п.,—никого не пугают, никакого значения не имеют, никакой роли не играют, если не считать той «роли», которая посылает на каторгу людей, на деле ничего противозаконного не совершающих. Вот в этом-то и соль, в этом и состоит трагикомедия теперешнего партийного положения. Мертвое хватает живое. Устаревшие, отвергнутые на деле жизнью, вышедшие из употребления, сданные фактически в архив «пункты» разных резолюций и старой партийной программы служат службу только нашим врагам, помогают только душить нас, не принося решительно никакой, ну абсолютно никакой пользы современному реальному движению, той действительной социал-демократической работе, которая теперь ведется, ведется и в III Думе, и в легальных журналах и газетах, и в легальных союзах, и на легальных съездах и т. д., и т. п. Вот почему для нас, легалистов, суть вопроса вовсе не в избавлении от наиболее опасных преследований и кар (как готовы будут заключить ваши, извините за выражение, натасканные на травлю ликвидаторов сторонники), а в принципиальном значении открытого рабочего движения, во-первых, и использовании противоречий современного режима, во-вторых. Да, да, господин старовер, принципы марксизма состоят вовсе не в сумме заученных слов, не в обязательных раз-на-всегда «правовверных» формулах, а в содействии широкому рабочему движению, в содействии организации и самостоятельности масс. Пусть будут «недоговорены» те или другие слова—я прекрасно знаю, что вы и ваши сторонники специализируетесь на «договаривании»

недосказанного думской социал-демократической фракцией, легальным журналом и т. д.—пусть будут «не договорены» слова, но зато будет двинуто вперед дело. Более широкие слои рабочих будут втянуты в движение. Будет сделан решительный шаг к обобщению открытых выступлений. Всякий сознательный рабочий будет хватать угнетающий его режим как раз за то противоречие, которое наиболее ему свойственно, наиболее для него в данное время характерно, за противоречие между формальным признанием законности и фактическим отказом в ней, между «допущением» думской социал-демократической фракции и попытками «не пущать» социал-демократической партии, между признанием рабочих союзов в официальных заявлениях и преследованием их в жизни. Ухватывать угнетающий пролетариат режим за противоречия этого режима—в этом и состоит живая душа марксизма, а не в закостенелых формулах. В этом и заключается одна из главных, скажу более: одна из основных причин успехов германской социал-демократии, что она умела всегда жертвовать формулой в интересах движения. Она сумела после 1871 года создать партию, в программе которой стояло признание только «законных» средств политической деятельности. Она сумела развить самое сильное в мире социал-демократическое движение с такой социал-демократической программой, которая гораздо «легальнее», чем наша, ибо в ней нет и никогда не было республики. А вы—вы готовы явить миру образец «образцово-радикальной» социал-демократической программы при образцово-радикальном отсутствии массовой социал-демократической организации, массового социал-демократического движения.

Антиликвидатор. До сих пор из вашего плана получается на деле только «массовое движение» входящих и исходящих бумаг в присутствиях по делам об обществах и союзах, если в каждой губернии каждый сознательный рабочий будет переписывать и вносить на утверждение ваш проект легального марксистского «общества». Так как вы сами говорите, что это общество не разрешат, то никакого открытого движения и даже никакого «открытого» общества нигде, кроме как в вашей легалистской фантазии, не открывается. Но прежде, чем подробно отвечать вам, я бы хотел еще спросить, представляете ли вы себе это легальное марксистское «общество» существующим вместо старой, т.-е. теперешней партии, или вместе с ней?

Л е г а л и с т. Вот-вот. Вы затронули очень интересный вопрос. Тут-то и лежит одна из печальных ошибок официальных вождей ликвидаторства. Они боятся сделать крупный шаг вперед по несомненно верному пути—и в то же время делают ряд крайне рискованных, вовсе ненужных для дела, шагов в сторону и именно оппортунизма. А я бы сказал: можно быть легалистом, не будучи ликвидатором. Должно быть легалистом, не будучи оппортунистом. Необходимо признать легальные ф о р м ы движения, необходимо признать их не на половину, не на словах только, а всерьез и на деле, т.-е. учредить немедленно легальную марксистскую рабочую партию, но отказываться от революции есть недопустимый оппортунизм, а такой отказ проглядывает у очень и очень многих, если не у большинства наших ликвидаторов. Отказ от гегемонии есть оппортунизм, который я решительно осуждаю. Нам не нужно ни от чего отказываться, ничего ликвидировать. Новая, легальная партия должна существовать вместе с о с т а р о й, н а - р я д у с ней. Они будут взаимно пополнять друг друга.

Вы улыбаетесь? Но тут нет ничего смешного. Вы скажете: «двойная бухгалтерия». А я спрошу вас: разве совместное существование легальной и нелегальной печати не представляет из себя явления, вполне аналогичного моему плану, вернее: моему выводу из всех уроков современного опыта? Если до 1905 года нельзя было писать эмигрантам в легальной печати, если тогда закрывали органы за помещение эмигрантских статей хотя бы под псевдонимом, то разве не характерно для нашей противоречивой эпохи, что всем известные эмигранты под своим и м е н е м пишут и в нелегальной и в л е г а л ь н о й печати? С этой «двойной бухгалтерией» вы миритесь! От нее никакой «смуты» не получается. Только рутина, ничего более как рутина мешает вам понять, что эта «двойная бухгалтерия» предписывается всеми условиями нашей эпохи, что надо овладеть ее противоречиями, уметь встать на ту почву, —и на ту почву,—на которой разыгрываются крупнейшие события современности. «Сочетание нелегальной и легальной работы» вы все признаете н а с л о в а х. Признайте же его на деле. Сказав А, не бойтесь сказать Б. Признав основной тезис в тактике и организации вообще, не бойтесь признать его в организации п а р т и и. Порвите же наконец решительно, серьезно, искренно с этим нелепым анархическим предрассудком против легальности.

Антиликвидатор. Вот в том-то и несчастье ваше, что вы играете в легальность, вы «легальничаете», тогда как немцы опирались на легальность, действительно существующую. Пример с легальной и нелегальной печатью особенно ярко говорит против вас. Когда нелегальный с.-д. идет в легальную печать писать там о том, о чем писать в легальной печати разрешается, он не играет в легальность, а действительно пользуется действительно существующей в тех или иных узких рамках легальностью. Ваша же легальная рабочая партия, или марксистское общество (как и «открытая рабочая партия» ликвидаторов, от которых по сути дела вы ровно ничем не отличаетесь) есть легалистская фантазия, не более того, ибо вы сами признаете, что никто их не разрешит, что н а д е л е существовать легально эти якобы «легальные» общества не будут. Как у анархо-синдикалистов царит «революционная гимнастика», так у вас получается «гимнастика легалистская». Если у кадетов легально существует легально несуществующая партия, то причина лежит не в том, что кадеты овладели противоречивой формой, а в том, что с о д е р ж а н и е их работы ничего революционного в себе не заключает, никакой демократической организационной деятельности в массах не содержит. Содержание их работы есть либерально-монархическое, и самодержавие может разрешить, может терпеть такую политическую деятельность. Деятельность же марксистов среди рабочего класса самодержавие терпеть не может, и пытаться помочь делу переряживанием паивно. А ваше «легальное общество», как и «открытая рабочая партия» ликвидаторов, есть именно общество п с е в д о н и м н о е, есть игра в ряженных, ибо на деле вы рассчитываете на социал-демократов. Неясные, расплывчатые формулировки, которые вы выбираете для определения цели, платформы, тактики вашего «общества», есть прикрытие словесное, защита бумажная, есть та же легалистская гимнастика. Выступать в Думе, создавать л е г а л ь н ы е профессиональные союзы, действовать на легальных съездах наша партия должна, отрицание этого есть анархизм или интеллигентский пигилизм, и в признании т а к о г о рода деятельности заключается учет новых условий новой эпохи. Но л е г а л ь н о с т и для политической деятельности быть еще не может (кроме, как для интеллигентских оппортунистов), ибо не завоеваны условия для такой легальности, а «вползать» в нее—мечта тщетная. У немцев к 1871 году вполне созда-

лась такая легальность, вполне завершилось буржуазное преобразование страны, вполне исчезли условия для непосредственно-революционного движения: в этих объективных условиях, а не в искусстве германских с.-д., лежит причина того, почему могла создаться действительно легальная, а не играющая в легальность, не занимающаяся «легалистской гимнастикой» социал-демократическая партия.

Списать у такой легальной партии те или иные легальные пункты программы, резолюции и т. п., и перенести такую «легальность» в Россию—наивная мечта, пустая забава, ибо вы не можете перенести в Россию германского завершения буржуазной революции, германской истории исчерпавшего себя демократизма, германской «революции сверху» 60-х годов, германской фактической легальности. Есть такие монархические страны, в которых легально существуют республиканские партии, и какова будет на деле русская легальность, когда завершатся буржуазные революции в России, когда сложится у нас столь же буржуазный уклад, как в Европе, это мы увидим после грядущих битв, это определится результатами этих битв. А современная задача социал-демократии — уметь готовиться и готовить массы к революции в особых условиях эпохи третьеиюньского режима.

Легальная партия рабочего класса, открытая рабочая партия в этих условиях—пустая фраза, в подкладке которой лежит легализация... группы оппортунистов-легалистов. Такая легализация «народных социалистов» есть факт. Такая легализация группы наших легальных, ликвидаторских журналистов есть факт. Не случайно, а необходимо, не по «ошибке» тех или иных ликвидаторов, а по социальному составу всех интеллигентски-ликвидаторских групп к ним тяготеют и должны тяготеть оппортунистические элементы, питающие идеи об отречении от революции, об отказе от гегемонии. Отделить легалиста от этих людей можно в благопожелании, — на деле они не отделимы. Объективные условия переживаемой эпохи таковы, что легализация «народных социалистов», легализация группы ликвидаторских литераторов возможны и неизбежны, а легализация рабочей партии—одни слова.

Нелегальная партия рабочего класса существует, и даже крайнее, самое крайнее ослабление ее и распад большинства ее организаций в наши дни не подрывает ее существования. Кружки и группы снова и снова возрождают революционное подполье. Вопрос сводится к тому, какая организованная сила, какая идейная традиция, какая партия способна влиять и будет влиять на открытые выступления рабочих депутатов в Думе, рабочих профессиональных союзов, рабочих клубов, рабочих делегатов разных легальных съездов: революционная—пролетарская партия, Р. С.-Д. Р. II. или оппортунистическая группа ликвидаторских литераторов. Вот реальное содержание «борьбы с ликвидаторством», вот объективная подпочва, создающая в этом конфликте пропасть между тем и другим противником. И никакие добрые желания, никакие словесные различия между легализмом и ликвидаторством не заполняют этой пропасти.

*«Дискуссионный Листок» № 3
от 29 апреля (12 мая) 1911 г.
За подписью Б. В. Кутриянов.*

Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России.

Тему, указанную в заглавии, затрагивают статьи Троцкого и Мартова в №№ 50 и 51 «Neue Zeit». Мартов излагает взгляды меньшевизма. Троцкий плетется за меньшевиками, прикрываясь особенно звонкой фразой. Для Мартова «русский опыт» сводится к тому, что «бланкистская и анархистская некультурность одержали победу над марксистской культурностью» (читай: большевизм над меньшевизмом). «Русская социал-демократия говорила слишком усердно по-русски» в отличие от «общеевропейских» приемов тактики. У Троцкого «философия истории» та же самая. Причина борьбы—«приспособление марксистской интеллигенции к классовому движению пролетариата». На первый план выдвигаются «сектантский дух, интеллигентский индивидуализм, идеологический фетишизм». «Борьба за влияние на политически незрелый пролетариат»—вот в чем суть дела.

I.

Теория, видящая в борьбе большевизма с меньшевизмом борьбу за влияние на незрелый пролетариат, не нова. Мы встречаем ее с 1905 года (если не с 1903-го) в бесчисленных книгах, брошюрах, статьях л и б е р а л ь н о й печати. Мартов и Троцкий преподносят немецким товарищам марксистски подкрашенные л и б е р а л ь н ы е в з г л я д ы .

Конечно, русский пролетариат гораздо менее зрел политически, чем западно-европейский. Но из всех классов русского общества именно пролетариат обнаружил в 1905—1907 годы н и б о л ь ш у ю политическую зрелость. Русская либеральная буржуазия, которая вела себя у нас так же подло, трусливо, глупо и предательски, как немецкая в 1848 году, и м е н н о п о т о м у ненавидит русский пролетариат, что он оказался в 1905 году достаточно зрел политически, чтобы вырвать у этой буржуазии р у к о в о д с т в о движением, чтобы беспощадно разоблачать предательство либералов.

«Иллюзия» думать,—заявляет Троцкий,—будто меньшевизм и большевизм «пустили глубокие корни в глубинах пролетариата». Это—образчик тех звонких, но пустых фраз, на которые мастер наш Троцкий. Не в «глубинах пролетариата», а в э к о н о м и ч е с к о м с о д е р ж а н и и русской революции лежат к о р н и расхождения меньшевиков с большевиками. Игнорируя это содержание, Мартов и Троцкий лишили себя возможности понять исторический смысл внутривластной борьбы в России. Суть не в том, «глубоко» ли проникли теоретические формулировки разногласий в те или иные слои пролетариата, а в том, что экономические условия революции 1905 года п о с т а в и л и пролетариат во враждебные отношения к либеральной буржуазии—не только из-за вопроса об улучшении быта рабочих, но также и из-за аграрного вопроса, из-за всех политических вопросов революции и т. д. Говорить о борьбе направлений в русской революции, раздавая ярлыки: «сектантство», «некультурность» и т. п., и не говорить ни слова об основных экономических интересах пролетариата, либеральной буржуазии и демократического крестьянства—значит опускаться до уровня вульгарных журналистов.

Вот пример. «Во всей Западной Европе,—пишет Мартов,—крестьянские массы считают годными к союзу (с пролетариатом) лишь по мере того, как они знакомятся с тяжелыми последствиями капиталистического переворота в земледелии; в России же нарисовали себе картину объединения численно слабого пролетариата с 100 миллионами крестьян, которые еще не испытали или почти не испытали «воспитательного» действия капитализма и потому не были еще в школе капиталистической буржуазии».

Это не обмолвка у Мартова. Это — центральный пункт в с е х воззрениях меньшевизма. Этими идеями насквозь пропитана оппортунистическая история русской революции, выходящая в России под редакцией Потресова, Мартова и Маслова («Общественное движение в России в начале XX века»). Меньшевик Маслов выразил эти идеи еще рельефнее, сказав в итоговой статье этого «труда»: «Диктатура пролетариата и крестьянства п р о т и в о р е ч и л а б ы всему ходу х о з я и с т в е н н о г о р а з в и т и я». Именно здесь надо искать корни разногласий большевизма и меньшевизма.

Мартов подменил школу капитализма школой капиталистической буржуазии (в скобках будь сказано: другой буржуазии, кроме капиталистической, на свете не бывает). В чем состоит школа капитализма? В том, что он вырывает крестьян из деревенского идиотизма, встряхивает их и толкает н а б о р ь б у. В чем состоит школа «капиталистической буржуазии»? В том, что «немецкая буржуазия 1848 года без всякого зазрения совести предает крестьян, своих самых естественных союзников, без которых она бессильна против дворянства» (К. Маркс в «Новой Рейнской Газете» от 29-го июля 1848 г.). В том, что русская либеральная буржуазия в 1905—1907 годах систематически и неуклонно предавала крестьян, перекидывалась по сути дела на сторону помещиков и царизма против борющихся крестьян, ставила прямые помехи развитию крестьянской борьбы.

Под прикрытием «марксистских» словечек о «воспитании» крестьян капитализмом Мартов защищает «в о с п и т а н и е» крестьян (р е в о л ю ц и о н н о б о р о в ш и х с я с д в о р я н с т в о м) либералами (к о т о р ы е п р е д а в а л и крестьян дворянам).

Это и есть подмена марксизма либерализмом. Это и есть марксистскими фразами прикрашенный либерализм. Слова Бе-

беия в Магдебурге, что среди социал-демократов имеются национал-либералы, верны не только в применении к Германии.

Необходимо заметить еще, что большинство идейных вождей русского либерализма воспитались на немецкой литературе и специально переносят в Россию б р е н т а н о в с к и й и з о м б а р т о в с к и й «марксизм», признающий «школу капитализма», но отвергающий школу революционной классовой борьбы. Все контр-революционные либералы в России: Струве, Булгаков, Франк, Изгоев и К-о, щеголяют такими же «марксистскими» фразами.

Мартов сравнивает Россию эпохи крестьянских восстаний против феодализма с «Западной Европой», давным давно покончившей с феодализмом. Это феноменальное извращение исторической перспективы. Есть ли «во всей Западной Европе» социалисты, у которых в программе стоит требование: «поддержать революционные выступления крестьянства вплоть до к о н ф и с к а ц и и п о м е щ и ч ь и х з е м е л ь»? Нет. «Во всей Западной Европе» социалисты отнюдь не поддерживают мелких хозяев в их борьбе из-за землевладения против крупных хозяев. В чем разница? В том, что «во всей Западной Европе» давно сложился и окончательно определился буржуазный строй, в частности буржуазные аграрные отношения, а в России именно теперь идет революция и з - з а т о г о, к а к сложится этот буржуазный строй. Мартов повторяет истасканный прием либералов, которые всегда противопоставляют периоду революционных конфликтов из-за данного вопроса такие периоды, когда революционных конфликтов нет, ибо самый вопрос давно решен.

Трагикомедия меньшевизма в том и состоит, что он д о л ж е н б ы л во время революции принять тезисы, непримиримые с либерализмом. Если мы поддерживаем борьбу «крестьянства» за к о н ф и с к а ц и ю земель, значит мы признаем победу возможной, экономически и политически выгодной для рабочего класса и для всего народа. А победа «крестьянства», руководимого пролетариатом в борьбе за к о н ф и с к а ц и ю помещичьих земель, и есть революционная диктатура пролетариата и крестьянства. (Вспомним слова Маркса в 1848 г. о необходимости диктатуры в революции и справедливые насмешки Меринга над людьми, обвинявшими Маркса в том, будто он хотел введением диктатуры осуществить демократию.)

В корне ошибочен взгляд, будто диктатура этих классов «противоречит всему ходу хозяйственного развития». Как раз наоборот. Т о л ь к о такая диктатура смела бы дочиста все остатки феодализма, обеспечила бы самое быстрое развитие производительных сил. Наоборот, политика либералов отдает дело в руки русских юнкеров, которые во сто крат з а м е д л я ю т «ход хозяйственного развития» России.

В 1905—1907 годы противоречие между либеральной буржуазией и крестьянством вскрылось вполне. Весной и осенью 1905, а также весной 1906 года крестьянские восстания охватили от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ уездов центральной России. Крестьяне разрушили до 2000 помещичьих усадеб (к сожалению, это не более $\frac{1}{15}$ того, что следовало разрушить). Т о л ь к о пролетариат беззаветно помогал этой революционной борьбе, всесторонне направлял ее, руководил ею, объединял ее своими массовыми стачками. Либеральная буржуазия н и к о г д а, н и р а з у не помогла революционной борьбе, предпочитая «успокаивать» крестьян и «мирить» их с помещиками и царем. Затем в обеих первых Думах (1906 и 1907 г.г.) на парламентской арене повторилось то же самое. В с е в р е м я либералы тормозили борьбу крестьян, предавали их, и т о л ь к о р а б о ч и е д е п у т а т ы направляли и поддерживали крестьян п р о т и в л и б е р а л о в. Борьба либералов с крестьянами и социал-демократами наполняет собой всю историю I и II Думы. Борьба большевизма и меньшевизма н е р а з р ы в н о связана с этой историей, как борьба из-за поддержки либералов, из-за свержения гегемонии либералов над крестьянством. Поэтому объяснять наши расколы влиянием интеллигенции, незрелостью пролетариата и т. п. есть ребячески наивное повторение либеральных сказок.

По той же причине в корне фальшиво рассуждение Троцкого, будто в международной социал-демократии расколы вызываются «процессом приспособления социально-революционного класса к ограниченным (узким) условиям парламентаризма» и т. д., а в русской социал-демократии приспособлением интеллигенции к пролетариату. «Насколько ограничено (узко), — пишет Троцкий, — с точки зрения социалистической конечной цели было реальное политическое содержание этого процесса приспособления, настолько же несдержанны были его формы, велика была идеологическая тень, отбрасываемая этим процессом».

Это поистине «несдержанное» фразерство есть лишь «идеологическая тень» либерализма. Как Мартов, так и Троцкий смешивают в кучу разнородные исторические периоды, противопоставляя России, совершающей свою буржуазную революцию,— Европу, давно кончившую эти революции. В Европе реальное политическое содержание социал-демократической работы есть подготовка пролетариата к борьбе за власть с буржуазией, которая имеет уже полное господство в государстве. В России дело идет только еще о создании современного буржуазного государства, которое будет похоже или на юнкерскую монархию (в случае победы царизма над демократией), или на крестьянскую буржуазно-демократическую республику (в случае победы демократии над царизмом). А победа демократии в современной России возможна только в том случае, если крестьянские массы пойдут за революционным пролетариатом, а не за предательским либерализмом. Этот вопрос исторически еще не решен. Буржуазные революции в России еще не закончены, и в этих пределах, т.-е. в пределах борьбы за форму буржуазного порядка в России, «реальное политическое содержание» работы русских социал-демократов менее «ограниченно», чем в странах, где нет никакой борьбы за конфискацию крестьянами помещичьих земель, где давно окончены буржуазные революции.

Легко понять, почему классовые интересы буржуазии заставляют либералов внушать рабочим, что их роль в революции «ограничена», что борьба направлений вызывается интеллигенцией, а не глубокими экономическими противоречиями, что рабочая партия должна быть «не гегемоном в освободительной борьбе, а классовой партией». Именно такая формула выдвинута в последнее время ликвидаторами-голосовцами (Левицкий в «Нашей Заре») и одобрена либералами. Слова «классовая партия» они понимают в брентановско-зомбартовском смысле: заботьтесь только о своем классе и бросьте «бланкистские мечты» о руководстве всеми революционными элементами народа в борьбе с царизмом и с предательским либерализмом.

II.

Рассуждения Мартова о русской революции и Троцкого о современном положении русской социал-демократии дают конкретные подтверждения неверности их основных взглядов.

Начнем с бойкота. Мартов называет бойкот «политическим воздержанием», приемом «анархистов и синдикалистов», при чем говорит т о л ь к о о 1906 году. Троцкий говорит, что «бойкотистская тенденция идет через всю историю большевизма—бойкотирование профессиональных союзов, Государственной Думы, местного самоуправления и т. д.», что это есть «продукт сектантской боязни утонуть в массах, радикализм непримиримого воздержания» и т. д. Относительно бойкота профессиональных союзов и местного самоуправления Троцкий говорит п р я м у ю н е п р а в д у. Такая же неправда, что бойкотизм тянется через всю историю большевизма; большевизм вполне сложился, как направление, весной и летом 1905 года, д о первого возникновения вопроса о бойкоте. Большевизм заявил в а в г у с т е 1906 г. в официальном органе фракции о том, что миновали исторические условия, вызывавшие необходимость бойкота *).

Троцкий извращает большевизм, ибо Троцкий никогда не мог усвоить себе сколько-нибудь определенных взглядов на роль пролетариата в русской буржуазной революции.

Но еще гораздо хуже извращение истории этой революции. Если говорить о бойкоте, надо начать с начала, а не с конца. Первая (и единственная) победа в революции вырвана массовым движением, которое ш л о п о д л о з у н г о м б о й к о т а. Забывать об этом выгодно только либералам.

Закон 6/19 августа 1905 года создавал Булыгинскую Думу, как учреждение совещательное. Либералы, даже самые левые, решили участвовать в ней. Социал-демократия громадным большинством (против меньшевиков) решила бойкотировать эту Думу и звать массы к прямому натиску на царизм, к массовой стачке и восстанию. Следовательно, вопрос о бойкоте не был вопросом только внутри социал-демократии. Он был вопросом борьбы л и б е р а л и з м а с п р о л е т а р и а т о м. Вся либеральная пресса того времени показывает, что либералы боялись развития революции и все усилия направляли к «соглашению» с царизмом.

Каковы были объективные условия для непосредственной массовой борьбы? На это лучший ответ даст статистика стачек (с подразделением на экономические и политические) и крестьянского движения. Приводим главные данные, которые послужат нам для иллюстрации всего дальнейшего изложения.

*) См. статью И. Ленина: «О бойкоте» на стр. 28-34 части 1 тома VII. Собр. соч. Р е д.

Число стачечников (в тысячах) в каждую четверть года *).

		1905				1906				1907			
		I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III	IV
В с е г о .		810	481	294	1277	269	479	296	63	146	323	77	193
В том числе в стачках:	экономических	411	190	143	275	73	222	125	37	52	52	66	30
	политических	399	291	151	1002	196	257	171	26	94	271	11	163
Процент уездов, охваченных крестьянским движением.		14,2%		36,9%		49,2%		21,1%					

Эти цифры показывают нам, какую гигантскую энергию способен развить пролетариат в революцию. За все десятилетие перед революцией число стачечников в России было только 431 тысяча, т.-е. в среднем по 43 тысячи в год, а в 1905 году все число стачечников составило 2.863 тысячи—при 1.661 тысяче всех фабричных рабочих! Подобного стачечного движения не видал еще мир. В 3-ю четверть 1905 года, когда впервые возник вопрос о бойкоте, мы видим как раз переходный момент к новой, гораздо более сильной волне стачечного (а за ним и крестьянского) движения. Помогать ли развитию этой революционной волны, направляя ее на свержение царизма, или позволить царизму отвлечь внимание масс игрой в совещательную Думу,—таково было реальное историческое содержание вопроса о бойкоте. Можно судить поэтому, до какой степени пошлы и либерально-гупоумны потуги связать бойкот в истории русской революции с «политическим воздержанием», «сектантством» и т. п.! Под лозунгом бойкота, принятым п р о т и в либералов, шло движение, поднявшее число политических забастовщиков с 151 тысячи в 3-ю четверть 1905 года до 1 миллиона в 4-ю четверть 1905 года.

*) Чертой обведены периоды особенно важные: 1905 I—9 января; 1905 IV—апогей революции, октябрь и декабрь; 1906 II—Первая Дума; 1907 II—Вторая Дума. Данные взяты из официальной статистики стачек, которые я разрабатываю подробно в подготовляемом мною к печати очерке истории русской революции.

Мартов объявляет «главной причиной» успеха стачек 1905 года «растущее оппозиционное течение в ш и р о к и х б у р ж у а з н ы х к р у г а х». «Влияние этих широких слоев буржуазии шло так далеко, что они, с одной стороны, прямо подстрекали рабочих к политическим стачкам», а с другой, побуждали фабрикантов «п л а т и т ь р а б о ч и м з а р а б о т н у ю п л а т у з а в р е м я с т а ч к и» (курсив Мартова).

Этому сладенькому воспеванию «влияния» буржуазии мы противопоставим сухую статистику. В 1905 году стачки всего чаще, по сравнению с 1907 годом, оканчивались в пользу рабочих. И вот данные за этот год: 1.438.610 стачечников предъявляли экономические требования; 369.304 рабочих выиграли борьбу, 671.590—кончили ее компромиссом, 397.716—п р о и г р а л и. Таково было н а д е л е (а не по либеральным сказкам) «влияние» буржуазии. Мартов совершенно по-либеральному извращает действительное отношение пролетариата к буржуазии. Не потому рабочие победили (и в «экономике», и в политике), что буржуазия изредка платила за стачки или выступала оппозиционно, а п о т о м у буржуазия фрондировала и платила, что рабочие побеждали. С и л а классового напора, сила миллионных стачек, крестьянских волнений, военных восстаний есть причина, «г л а в н а я п р и ч и н а», любезнейший Мартов; «сочувствие» буржуазии есть следствие.

«17 октября, — пишет Мартов, —открывшее перспективы на выборы в Думу и создавшее возможность созывать собрания, основывать рабочие союзы, издавать социал-демократические газеты, показывало направление, в котором следовало бы вести работу». Но беда была в том, что «идея» возможности «стратегии утомления» не пришла никому в голову. Все движение было искусственно толкаемо к «серьезному и решительному столкновению», т. - е. к декабрьской стачке и декабрьскому «кровавому поражению».

Каутский спорил с Р. Люксембург о том, наступил ли в Германии весной 1910 года момент перехода «стратегии утомления» в «стратегию низвержения», при чем Каутский сказал ясно и прямо, что этот переход н е и з б е ж е н при дальнейшем развитии политического кризиса. А Мартов, цепляясь за полы Каутского, проповедует задним числом «стратегию утомления» в момент наивысшего обострения революции. Нет, любезный Мартов, вы просто повторяете либеральные речи. Не «перспективы» мир-

ной конституции «открыло» 17-е октября, это либеральная сказка, а гражданскую войну. Эта война, подготовлялась не субъективной волей партий или групп, а всем ходом событий с января 1905 года. Октябрьский манифест знаменовал не прекращение борьбы, а уравнивание сил борющихся: царизм уже не мог управлять, революция еще не могла его свергнуть. Из этого положения с объективной неизбежностью вытекал решительный бой. Гражданская война и в октябре, и в ноябре была фактом (а мирные «перспективы»—либеральной ложью); выразилась эта война не только в погромах, но и в борьбе вооруженной силой против непокорных частей армии, против крестьян в трети России, против окраин. Люди, которые при таких условиях считают «искусственным» вооруженное восстание и массовую стачку в декабре, лишь искусственно могут быть причисляемы к социал-демократии. Естественная партия для таких людей есть партия либеральная.

Маркс говорил в 1848 и в 1871 г.г., что бывают моменты в революции, когда сдача позиции врагу без борьбы больше деморализует массы, чем поражение в борьбе. Декабрь 1905 г. был не только таким моментом в истории русской революции. Декабрь был естественным и неизбежным завершением массовых столкновений и битв, нараставших во всех концах страны в течение 12-ти месяцев. Об этом свидетельствует даже сухая статистика. Число чисто политических (т.е. не предъявлявших никаких экономических требований) стачечников было: в январе 1905 г. — 123 тысячи, в октябре—328 тысяч, в декабре—372 тысячи. И нас хотят уверить, что этот рост был «искусственный»! Нам преподносят сказку, будто подобный рост массовой политической борьбы наряду с восстанием в войсках возможен без неизбежного перехода в вооруженное восстание! Нет, это не история революции, а либеральная клевета на революцию.

III.

«Как раз в это время,—пишет Мартов об октябрьской стачке,—время всеобщего возбуждения рабочих масс... возникает стремление слить воедино борьбу за политическую свободу с экономической борьбой. Но, вопреки мнению тов. Розы Люксембург, в этом сказалась не сильная, а слабая сторона движения». Попытка ввести революционным путем 8-часовой рабо-

чий день кончилась неудачей и «дезорганизовала» рабочих. «В том же направлении действовала всеобщая стачка почтовых и телеграфных служащих в ноябре 1905 года». Так пишет историю Мартов.

Достаточно бросить взгляд на вышеприведенную статистику, чтобы видеть фальшь этой истории. На протяжении всех трех лет революции мы видим при каждом обострении политического кризиса подъем не только политической, но и экономической стачечной борьбы. В их соединении заключалась не слабость, а сила движения. Обратный взгляд есть взгляд либеральных буржуа, которые как раз хотели бы участия рабочих в политике без вовлечения самых широких масс в революцию и в борьбу с буржуазией. Именно после 17-го октября либеральное земское движение окончательно раскололось: землевладельцы и фабриканты составили открыто контр-революционную партию «октябристов», которые всей силой репрессий обрушились на забастовщиков (а «левые» либералы, кадеты, в печати обвиняли рабочих в «безумии»). Мартов, вслед за октябристами и кадетами, видит «слабость» рабочих в том, что они как раз в это время старались сделать экономическую борьбу еще более наступательной. Мы видим слабость рабочих (а еще более крестьян) в том, что они недостаточно решительно, недостаточно широко, недостаточно быстро перешли к наступательной экономической и вооруженной политической борьбе, которая не избежно вытекала из всего хода развития событий, а вовсе не из субъективных желаний отдельных групп или партий. Между нашим взглядом и взглядом Мартова лежит пропасть, и эта пропасть между взглядами «интеллигентов» отражает только, вопреки Троцкому, пропасть, которая была на деле в конце 1905 г. между классами, именно между революционным борющимся пролетариатом и изменнически ведущей себя буржуазией.

Надо добавить еще, что поражения рабочих в стачечной борьбе характеризуют не только конец 1905 г., выхваченный Мартовым, а еще более 1906 и 1907 годы. Статистика говорит нам, что за 10 лет, 1895—1904, фабриканты выиграли 51,6% стачек (по числу стачечников); в 1905 г.—29,4%; в 1906 году—35,5%; в 1907 году—57,6%; в 1908 году—68,8%. Значит ли это, что экономические стачки 1906—1907 годов были «безумны», «несвоевременны», были «слабой стороной движения»? Нет. Это значит, что поскольку натиск революционной борьбы масс был недоста-

точно силен в 1905 году, постольку поражение (и в политике, и в «экономике») было неизбежно, но если бы пролетариат не сумел при этом по меньшей мере два ж д ы подниматься для н о в о г о натиска на врага (чет вер т ь м и л л и о н а одних только п о л и т и ч е с к и х стачечников во вторую четверть 1906 года и также 1907), то поражение было бы е щ е с и л ь н е е; государственный переворот произошел бы не в июне 1907 года, а годом, или даже более чем годом, р а н ь ш е; экономические завоевания 1905 года были бы отобраны у рабочих е щ е б ы с т р е е .

Вот этого значения революционной борьбы масс абсолютно не понимает Мартов. Вслед за либералами, он говорит про бойкот в начале 1906 года, что «социал-демократия осталась на время в н е п о л и т и ч е с к о й л и н и и б о р ь б ы». Чисто теоретически, подобная постановка вопроса о бойкоте 1906 года есть невероятное упрощение и оношление очень сложной проблемы. Какова была р е а л ь н а я «линия борьбы» во вторую четверть 1906 года, парламентская или внепарламентская? Посмотрите на статистику: число «экономических» стачечников поднимается с 73 тысяч до 222 тысяч, политических с 196 до 257. Процент уездов, охваченных крестьянским движением, с 36,9% до 49,2%. Известно, что военные восстания тоже чрезвычайно усилились и участились во вторую четверть 1906-го по сравнению с первой. Известно дальше, что I Дума была самым революционным в мире (в начале XX века) и в то же время самым бессильным парламентом; ни одно ее решение не было проведено в жизнь.

Таковы объективные факты. Либералы и Мартов оценивают эти факты так, что Дума была реальной «л и н и е й б о р ь б ы», а восстания, политические стачки, крестьянские и солдатские волнения—пустым делом «революционных романтиков». А глубококомыслящий Троцкий думает, что разногласия фракций на этой почве были «интеллигентской» «борьбой за влияние на незрелый пролетариат». Мы думаем, что объективные данные свидетельствуют о наличии весной 1906 года такого серьезного подъема действительно революционной борьбы м а с с, что Социал-Демократическая Партия о б ь а з а н а была признать такую именно борьбу главной борьбой и приложить все усилия к ее поддержке и развитию. Мы думаем, что своеобразная политическая ситуация той эпохи,—когда царское правительство получило с Европы двух-миллионный заем как бы под обеспечение созыва Думы,

когда царское правительство спешно издавало законы против бойкота Думы,—вполне оправдывала попытку пролетариата вырвать из рук царя созыв первого парламента в России. Мы думаем, что не социал-демократия, а либералы «остались тогда вне политической линии борьбы». Те конституционные иллюзии, на распространение которых в массах была построена вся карьера либералов в революции, были опровергнуты всего рельефнее историей Первой Думы.

В обеих первых Думах либералы (кадеты) имели большинство и с шумом и треском занимали политическую авансцену. Но именно эти «победы» либералов и показали наглядно, что либералы все время оставались «вне политической линии борьбы», что они были политическими комедиантами, глубоко развращавшими демократическое сознание масс. И если Мартов и его друзья, вслед за либералами, указывают на тяжелые поражения революции, как на урок того, «ч е г о н е д е л а т ь», то мы ответим им: Единственная реальная победа, одержанная революцией, была победой пролетариата, который отбросил либеральные советы итти в Булыгинскую Думу и повел за собой крестьянские массы на восстание. Это во-первых. А, во-вторых, своей геройской борьбой в течение трех лет (1905—1907) русский пролетариат завоевал себе и русскому народу то, на завоевание чего другие народы потратили десятилетия. Он завоевал о с в о б о ж д е н и е рабочих масс из-под влияния предательского и презренно-бессильного либерализма. Он завоевал себе роль г е г е м о н а в борьбе за свободу, за демократию, как условие для борьбы за социализм. Он завоевал всем угнетенным и эксплуатируемым классам России у м е н ь е вести революционную массовую борьбу, без которой нигде на свете не достигалось ничего серьезного в прогрессе человечества.

Э т и х завоеваний не отнимет у русского пролетариата никакая реакция, никакая ненависть, брань и злобствование либералов, никакие шатания, близорукость и маловерие социалистических оппортунистов.

IV.

Развитие фракций русской социал-демократии после революции объясняется опять-таки не «приспособлением интеллигенции к пролетариату», а изменениями в отношениях между классами. Революция 1905—1907 годов обострила, сделала открытым,

выдвинула на очередь дня антагонизм крестьянства и либеральной буржуазии в вопросе о ф о р м е буржуазного порядка в России. Политически созревший пролетариат не мог не принять самого энергичного участия в этой борьбе, и отражением его отношения к разным классам нового общества явилась борьба большевизма и меньшевизма.

Трехлетие 1908—1910 годов характеризуется победой контр-революции, восстановлением самодержавия и III Думой, Думой черносотенцев и октябристов. Борьба между буржуазными классами за форму нового порядка сошла с авансцены. Для пролетариата выдвинулась на очередь дня э л е м е н т а р н а я задача отстоять свою, пролетарскую, партию, враждебную и реакции, и контр-революционному либерализму. Эта задача не легка, потому что именно на пролетариат обрушилась вся тяжесть экономических и политических преследований, вся ненависть либералов за вырванное у них социал-демократией руководство массами в революции.

Кризис Социал-Демократической Партии очень тяжел. Организации разбиты. Масса старых руководителей (особенно из интеллигенции) арестована. Новый тип социал-демократического рабочего, берущего партийные дела в свои руки, уже родился, но ему приходится преодолевать необыкновенные трудности. При таких условиях Социал-Демократическая Партия теряет многих «попутчиков». Естественно, что в буржуазной революции к социалистам примкнули мелко-буржуазные попутчики. Они отпадают теперь от марксизма и от социал-демократии. Процесс этот обнаружился в обеих фракциях: у большевиков в виде течения «отзовистского», которое появилось весной 1908 года, сразу потерпело поражение на Московской конференции и после долгой борьбы, отвергнутое официальным центром фракции, составило за границей о с о б у ю ф р а к ц и ю—«впередовскую». Своеобразие периода распада выразилось в том, что в этой фракции сошлись вместе и те «махисты», которые в п л а т ф о р м у свою внесли борьбу с марксизмом (под вывеской защиты «пролетарской философии»), и «ультиматисты», эти стыдливые отзовисты, и различного типа «социал-демократы дней свободы», увлеченные «яркостью» лозунгов, затвердившие их, но не понявшие основ марксизма.

У меньшевиков тот же процесс отпадения мелко-буржуазных «попутчиков» выразился в течении ликвидаторском, которое вполне оформилось теперь в журнале г. Потресова «Наша Заря», в «Возрождении» и «Жизни», в позиции «16-ти» и «тройки» (Михаила,

Романа и Юрия), при чем заграничный «Голос Социал-Демократа» занял место п р и с л у ж н и к а русских ликвидаторов на деле и дипломатического прикрывателя их перед партийной публикой.

Не понявши историко-экономического значения этого распада в эпоху контр-революции, этого о т п а д е н и я от Социал-Демократической Рабочей Партии н е с о ц и а л - д е м о к р а т и ч е с к и х элементов, Троцкий говорит немецким читателям о «распаде» о б е и х фракций, о «распаде партий», о «р а з л о ж е н и и партий».

Это—несправда. И эта неправда выражает, во-первых, полнейшее теоретическое непонимание Троцкого. Почему пленум признал и ликвидаторство, и отзовизм «проявлением буржуазного влияния на пролетариат», этого Троцкий абсолютно не понял. Подумайте в самом деле: распад партии, разложение партии или укрепление и очищение ее выражается в отделении осуждаемых партией течений, выражающих б у р ж у а з н о е влияние на пролетариат?

Во-вторых, эта неправда выражает на практике рекламную «политику» фракции Троцкого. Что предприятие Троцкого есть попытка создать фракцию, это видят теперь все и каждый, когда Троцкий удалил из «Правды» представителя Ц. К. Рекламируя свою фракцию, Троцкий не стесняется рассказывать немцам, что «партия» распадается, о б е фракции распадаются, а он, Троцкий, один все спасает. На деле мы все видим теперь,—и новейшая резолюция троцкистов (от имени Венского клуба, 26 ноября 1910 г.) особенно наглядно это показывает,—что д о в е р и е м Троцкий пользуется и с к л ю ч и т е л ь н о у ликвидаторов и «впередовцев».

До какой беззастенчивости доходит при этом Троцкий, унижая партию и возвеличивая себя перед немцами, показывает, например, такой пример. Троцкий пишет, что «рабочие массы» в России считают «социал-демократическую партию стоящей в н е (курсив Троцкого) их круга», и говорит о «социал-демократах без социал-демократии».

Как же г. Потресову и его друзьям не целовать Троцкого за такие речи?

А опровергает эти речи не только в с я история революции, но даже выборы в III Думу по рабочей курии.

Для работы в легальных организациях,—пишет Троцкий,—«фракции меньшевиков и большевиков оказались, по их прежнему

идейному и организационному укладу, совершенно неспособными»; работали «отдельные группы социал-демократов, но все это происходило вне рамок фракций, вне их организационного воздействия». «Даже важнейшая легальная организация, в которой меньшевики имеют перевес, работает совершенно вне контроля меньшевистской фракции». Так пишет Троцкий. А вот каковы факты. С самого начала существования социал-демократической фракции в III Думе большевистская фракция через своих доверенных людей, имевших полномочия от Ц. К. партии, все время вела работу содействия, помощи, совета и контроля за работой социал-демократов в Думе. То же делает редакция Ц. О. партии, состоящая из представителей фракций (которые распустились, как фракции, в январе 1910 г. *).

Когда Троцкий подробно рассказывает немецким товарищам о глупости «отзовизма», изображая это течение, как «кристаллизацию» бойкотизма, свойственного всему большевизму, а затем в двух словах упоминает, что «большевизм не дал себя осилить» отзовизму, а «выступил против него решительно или, вернее, необузданно», то немецкий читатель, конечно, не представляет себе, сколько утонченного вероломства в подобном изложении. Иезуитская «резервация» Троцкого состоит в опущении маленькой, совсем маленькой «мелочи». Он «забыл» рассказать, что еще весной 1909 года большевистская фракция на официальном собрании ее представителей отстранила от себя, исключила отзовистов. Но как раз эта «мелочь» и неудобна Троцкому, желающему говорить о «распаде» большевистской фракции (а затем и партии), а не об отпадении несоциал-демократических элементов!

Мартова мы считаем теперь одним из вождей ликвидаторства, тем более опасным, чем «искуснее» защищает он ликвидаторов квази-марксистскими словами. Но Мартов открыто излагает взгляды, наложившие свой отпечаток на целые течения в массовом рабочем движении 1903—1910 годов. Троцкий же представляет только свои личные колебания и ничего больше. Он был в 1903 году меньшевиком; отошел от меньшевизма в 1904 г., вернулся к меньшевикам в 1905 г., щеголяя лишь ультра-революционной фразой; в 1906 году опять отошел; в конце 1906 года защищал избирательные соглашения с кадетами (т.-е. фактически опять был с меньшевиками), а весной 1907 года на Лондонском съезде

*) На пленуме Ц. К. Р е д.

говорил, что его различие от Розы Люксембург есть «скорее различие индивидуальных оттенков, чем политических направлений». Троцкий совершает плагиат сегодня из идейного багажа одной фракции, завтра—другой, и поэтому объявляет себя стоящим выше обеих фракций. Троцкий в теории ни в чем не согласен с ликвидаторами и отзовистами, а на практике во всем согласен с голосовцами и впередовцами.

Поэтому, если немецким товарищам Троцкий говорит, что он представляет «общепартийную тенденцию», то мне приходится заявить, что Троцкий представляет лишь свою фракцию и пользуется некоторым доверием исключительно у отзовистов и ликвидаторов. Вот факты, доказывающие правильность моего заявления. В январе 1910 г. Центральный Комитет нашей партии установил тесную связь с газетой Троцкого «Правда», назначив в редакцию представителя Ц. К. В сентябре 1910 г. в Центральном Органе партии напечатано о разрыве представителя Ц. К. с Троцким из-за антипартийной политики Троцкого. В Копенгагене Плеханов, как представитель партийных меньшевиков и делегат редакции Ц. О., вместе с пишущим эти строки, как представителем большевиков, и польским товарищем заявили решительный протест против того, как изображает Троцкий в немецкой печати наши партийные дела.

Пусть судят теперь читатели, представляет ли Троцкий «общепартийную» или «общепартийно-антипартийную» тенденцию в российской социал-демократии.

*«Дискуссионный Листок» № 3
от 29 апреля (12 мая) 1911 г.*

Конгресс английской социал-демократической партии.

Праздниками Пасхи (16 апреля нового стиля) воспользовались многие европейские социалистические партии для устройства своих конгрессов: французская, бельгийская, голландская (оппортунистическая часть ее), английская социал-демократическая, английская «независимая рабочая». На некоторых вопросах, обсуждавшихся съездами двух последних партий, мы намерены остановить внимание читателя.

Тридцать первый годичный съезд английской социал-демократической партии (S. D. P.) состоялся в Ковентри. Самым интересным был вопрос о «вооружениях и внешней политике». Известно, что последние годы и Англия, и Германия вооружаются чрезвычайно усиленно. Конкуренция этих стран на мировом рынке все более и более обостряется. Военное столкновение на-
двигается все более грозно. Буржуазная шовинистическая пресса обеих стран бросает в народные массы миллионы и миллионы зажигательных статей с натравливанием на «врага», с воплями о неминуемой опасности «германского нашествия» или «английского нападения», с криками о необходимости усиленных вооружений. Социалисты Англии и Германии, а также Франции (которую Англия особенно охотно втянула бы в войну, чтобы иметь континентальную и сухопутную армию против Германии) посвящают много внимания грозящей войне, всеми силами борясь против буржуазного шовинизма и против вооружений, всячески стараясь разъяснить самым отсталым слоям пролетариата и мелкой буржуазии, какие бедствия несет с собой война, служащая интересам исключительно одной буржуазии.

Печальным исключением среди социалистов были некоторые выдающиеся вожди английской социал-демократической партии и среди них Гайндман. Он дал себя запугать криками буржуазной английской прессы о «немецкой опасности» и дошел до защиты того, что Англия поставлена в необходимость вооружаться для обороны, что Англии нужен сильный флот, что Вильгельм—нападающая сторона.

Правда, отпор и сильный отпор был дан Гайндману изнутри самой социал-демократической партии. Ряд резолюций местных групп высказался решительно против него.

Съезду—или, употребляя английское выражение, не соответствующее по значению русскому, «конференции»—в Ковентри пришлось решать спорный вопрос. Решительно враждебную всякому шовинизму точку зрения представляла резолюция группы в Хэки (Hackney—округ на северо-востоке Лондона). Центральный орган социал-демократической партии, «Justice», в своем отчете о съезде приводит только конец этой («длинной» дескать) резолюции, требующей решительной борьбы против всякого увеличения вооружений, против всякой колониальной и финансово-агрессивной политики. Зельда Каган, защищавшая эту резолюцию, подчеркивала, что именно Англия ведет последние

40 лет агрессивную политику, что Германия ничего не выиграла бы от превращения Англии в свою провинцию, что подобная опасность не существует. «Английский флот существует для сохранения империи. Никогда еще социал-демократическая партия не делала столь серьезной, столь тяжелой ошибки, как теперь, когда партию отождествляют с шовинистами, пугающими войной; в силу этой ошибки,—говорила Каган,—английские социал-демократы поставили себя вне международного движения».

На защиту Гайндмана выступил весь Центральный Комитет («исполнительный комитет») партии и—со стыдом приходится сказать это—Г. Квельч в том числе. «Поправка», предложенная им, говорила не больше и не меньше, как следующее: «конференция в настоящее время считает непосредственной целью содержание достаточного (adequate) флота для национальной защиты»!.. Рядом с этим, конечно, повторяются и все «хорошие и старые слова»—и о борьбе с империалистской политикой, и о войне с капитализмом и т. д. Но все это, разумеется, отравлено л о ж к о й д е г т я: буржуазно-уклончивой и в то же время чисто буржуазной, шовинистической фразой, признающей необходимость «достаточного» флота. И это в 1911 году, когда английский морской бюджет яснее ясного показал тенденцию роста необъятного,—и это в стране, флот которой «защищает и охраняет» «империю», т.-е. в том числе Индию, где почти 300 миллионов населения отданы на грабеж и насилия английской бюрократии, где «просвещенные» английские государственные люди вроде либерала и «радикала» Морли (Morly) с с ы л а ю т за политические преступления, п о р ю т за политические преступления туземцев!

Какими жалкими софизмами пришлось оперировать Квельчу, видно хотя бы из следующих мест его речи (по отчету в «Justice», который защищает Гайндмана)!.. «Если мы признаем национальную автономию, мы должны иметь национальную защиту,—а такая защита должна быть достаточной, иначе она бесполезна. Мы—враги империализма, все равно английского или германского; мелкие национальности под прусским господством ненавидят ее деспотизм, и маленькие нации, угрожаемые ею, смотрят на британский флот и на германскую социал-демократию, как на свою единственную надежду»...

Вот как быстро катятся вниз люди, попавшие на наклонную плоскость оппортунизма! Британский флот, помогающий поработать Индию (не очень-то «маленькую» национальность), ста-

вится рядом с германской социал-демократией в качестве защитника свободы народов... Права была З. Каган, что никогда еще английская социал-демократия так не срамила себя. Никогда не обнаруживался так ярко ее сектантский характер, давно отмеченный и осужденный Энгельсом, как в этой легкости перехода даже людей вроде Квельча на сторону шовинистов.

При голосовании голоса разделились поровну: 28—за «исполнительный комитет» и 28—против. Чтобы одержать печальную победу, Гайндман и Квельч должны были применить голосование по группам. Оно дало им 47 голосов против 33.

В социал-демократической партии нашлись люди, которые подняли самый решительный голос протеста против шовинизма в своих рядах, нашлось очень сильное меньшинство для серьезной борьбы. В «независимой рабочей партии» дела обстоят хуже: там оппортунизм не в диковину. Там вопрос о том, должны ли социалисты и рабочие поддерживать вооружения, обсуждают совсем спокойно в «дискуссионных» статьях официального органа партии («The Labour Leader») № 16, от 21 апреля 1911 г..

Лондонский корреспондент «Vorwärts'a» справедливо заметил, что лучшей критикой позиции социал-демократической партии явилась статья в ультра-шовинистической газете «Daily Mail», восхваляющая мудрость социал-демократических вождей. «Отрадно видеть—так начинается статья английской шовинистической газеты—отрадно видеть, что, как ни нелепы некоторые идеи социал-демократической партии в нашей стране, как ни невозможны некоторые ее идеалы, существует, по крайней мере, один, имеющий серьезное значение, вопрос, в котором эта партия руководится разумом и здравым человеческим смыслом».

Действительно, отрадным явлением на съезде «Независимой Рабочей Партии» в Бирмингеме было то, что из рядов ее раздалась твердые и решительные голоса протеста против той оппортунистической политики, политики зависимости от либералов, которую ведет эта партия вообще и глава партии, Рамсэй Макдональд, в особенности. В ответ на упреки за то, что рабочие депутаты мало говорят в палате общин о социализме, Р. Макдональд отвечал с девственной оппортунистической наивностью, что «пропагандистские речи» в парламенте малоуместны. «Великая функция палаты общин состоит,—заявил Макдональд,—в том, чтобы превращать в законодательство тот социализм, который

проповедуем мы в стране». Об отличии буржуазной социальной реформы от социализма оратор забыл! От буржуазного парламента он готов ждать социализма...

Леонард Холл (Hall) указал в своей речи, что «в 1892 году Независимая Рабочая Партия была создана с специальной целью дискредитировать политику «Избирательной Лиги Труда» («Labour Electoral League»), которая была просто крылом либерализма, чтобы бороться с этой политикой и уничтожить ее. Мы похоронили труп (уничтожив эту лигу), но дух, видимо, ожил в современной «Р: бочей Партии». Именно политику Лиги и проводил в своих речах, письмах, книгах лидер этой партии».

Другой член I. L. P., член парламента Джордж Лонсбери (Lansbury) выступил с резкой критикой политики парламентской «рабочей» группы за ее зависимость от либералов, за ее боязнь «повредить» либеральному правительству. «Я чувствовал себя не раз,—говорил Лонсбери,—настолько пристыженным поведением рабочих депутатов, что подумывал о сложении мандата. Либералы стараются занять все время палаты мелкими вопросами, и рабочие депутаты не умеют отвоевать себе самостоятельности». «Я не знаю такого случая,—говорил Лонсбери,—когда бы и либералы, и тори не выдвигали какого-нибудь «важного» вопроса, чтобы отодвинуть вопрос о нищете масс, о бедности. Я сижу в палате общин, и передо мной стоят образы рабочих, мужчин и женщин, которые изо дня в день трудились в трущобах Боу и Бромли (округа в Лондоне, в Истэнде, кварталы нищеты), проводя меня в парламент. Они работали, выбирая меня, потому что они думали, что я не похож на либералов и на тори. Они послали меня, чтобы я поставил вопрос о бедности, бедности, бедности... Я призываю вас,—обращался оратор к съезду,—образовать крепкую партию в палате общин,—партию, абсолютно чуждую всякой уступчивости к либералам и к тори. Мы должны не щадить либералов больше, чем консерваторов (тори), когда либералы поступают дурно. Рабочие, которые трудятся и бедствуют, ничего не ждут ни от либералов, ни от тори; их единственная надежда, их единственное спасение—их собственные организованные усилия... Надо, чтобы мы показали рабочим лондонских трущоб, что даже в парламенте мы верны тому, что мы говорим вне парламента, именно, что либералы и тори—враги народа, что социализм—его единственная надежда».

Речь Лонсбери прерывалась громом рукоплесканий съезда, который устроил оратору настоящую овацию, когда он кончил. В Германии такие речи обыденны. В Англии они—новинка. И когда начинают раздаваться такие речи, когда рабочие делегаты съезда «Независимой (очень часто, к сожалению, от социализма независимой, от либералов зависимой) Рабочей Партии» рукоплещут таким речам, тогда мы вправе заключить, что дух пролетарской борьбы и в А н г л и и берет верх над дипломатией оппортунистов парламентариев вроде Макдональда. (Этот Макдональд, скажем в скобках, послал недавно итальянским реформистам, готовым вступить в буржуазное министерство, выражение своего полного сочувствия и своей нелюбви к «грухой теории».)

Речи Холла, Лонсбери и других не изменили политики «Независимой Рабочей Партии». Во главе этой партии остался Макдональд, и политика ее будет по-прежнему оппортунистическая. Буржуазные влияния на пролетариат сильны—особенно в демократических странах. Но эти речи не проходят бесследно, они подрывают влияние буржуазии и оппортунистов. Когда англичане заведут ежедневную газету (об этом думают вплотную о б е партии),—такие и только такие речи найдут доступ к уму и сердцу рабочего класса. Либералы всех стран, и России в том числе, ликуают и смеются теперь при виде господства оппортунизма в английском рабочем движении. Но—«хорошо посмеется тот, кто посмеется последним».

«Звезда» № 18

от 16 апреля 1911 года.

За подписью В. Ильин.

К итогам думской сессии. «Вместе делали».

В «историческом» заседании Думы 27 апреля г. Тесленко возражал г. Столыпину, между прочим, следующим образом:

«Председатель совета министров говорил Государственной Думе,—да, господа, я приду к вам на помощь в самом непродолжительном времени; вот вы, наверное, устройте так со старообрядческим законом, что перед перерывом придется его отклонить, и тогда во время перерыва он будет проведен. Мне даже почудился в этом какой-то этакий фамильярный тон, какой-то такой

тон, как будто бы здесь нам говорят: да мы с вами вместе это делали. И, господа, простите, если я невольно вспомнил ту сцену из «Ревизора», где городничий говорит: «А, ты на меня жаловаться?! А вспомните, как мы вместе с вами делали то-то и то-то». И, господа, я полагаю, что, может быть, те, кто раньше рассчитывал на эту помощь, кто, может быть, впереди на нее рассчитывает, я думаю, они должны были почувствовать себя неловко и, может быть, они подумали и хорошо, если они подумали: избави нас бог от таких друзей, а с врагами мы справимся.

Г. Тесленко, как отмечал стенографический отчет, снискал себе за эти тирады «рукоплескания слева»—очевидно, из рядов фракции народной свободы. Кадеты усмотрели тут удачную иронию над октябристами. Но в этом случае, как и во многих других, они хлопали, не вдумавшись в глубокий смысл слов, вырвавшихся у их оратора. Они хлопали, думая, что эти слова колют только октябристов, компрометируют только этого их особенно ненавистного конкурента. Они не поняли, что удачное словечко господина Тесленко, если серьезно разобрать его значение, есть правда, которая колет глаза и октябристам, и кадетам. На этой правде стоит остановиться, потому что она касается одного из самых важных вопросов политической истории России за последние пять-шесть лет—и каких лет.

«Мы с вами вместе это делали»—хорошо сказано, господин Тесленко. Но, может быть, вернее будет выражаться: хорошо повторено то, что много раз говорилось на «левых» «митингах», к которым обыкновенно так пренебрежительно относятся господа кадеты. «Мы с вами вместе это делали»—эти слова относятся вовсе не к одним только законопроектам III Думы, вовсе не к одной только пресловутой «вермишели». Они относятся ко всему тому, что «делали» с конца 1905 года «вместе» и г.г. Столыпины, и вся русская либеральная или либеральничавшая буржуазия. «Фамильярный тон» г. Столыпина не только «шо-чудился» кадетскому оратору: этот тон действительно свойственен всем речам Столыпина, всей политике Столыпиных по отношению к буржуазии (дающей, между прочим, в лице октябристских и кадетских депутатов, большинство депутатов III Думы).

Фамильярный тон—переходящий при всяком серьезном обороте событий в грубое третирование и даже насилие—вызывается тем, что не одни октябристы, но и кадеты, только для красного словца, исключительно ради хлопка (это великолепно знают

Столыпины) бросают такие фразы: «избави нас бог от таких друзей» (т.-е. от Столыпиных), «а с врагами» (т.-е., должно быть, и с правой реакцией, и с левой... как бы это помягче сказать?... «требовательностью») «мы сами справимся».

Не будь эти фразы только фразой, Россия была бы уже вполне и бесповоротно избавлена «от таких друзей». Но соль как раз в том, что кадеты бросают подобные фразы только в разгар «оппозиционных» выступлений—оппозиционно выступать с общегосударственной трибуны нельзя без какого-нибудь, хотя бы самого легкого, налета демократизма. Вот и срываются демократические заявления, которые так полезно сопоставлять с д е л а м и тех же кадетов. Историческая роль играющей в демократизм (или грозящей врагу справа демократизмом) буржуазии в том и состоит, что кое для кого из народных низов эта словесная «игра» служит иногда серьезную службу, пробуждает искреннюю и глубокую демократическую мысль. «Когда наверху играют на скрипке, внизу является желание потанцевать». Латинская пословица говорит: *littera scripta manent*—написанное не пропадает. И сказанное не всегда пропадает, даже если оно только ради фразы и эффекта сказано.

Отсюда не следует, конечно, что лицемерную фразу кадетов позволительно принимать за чистую монету, позволительно объявлять или считать демократизмом. Но отсюда следует, что всякой лицемерной фразой кадет в духе демократизма надо пользоваться, во-первых, для того, чтобы показать расхождение слова с делом у говорящего, а во-вторых, для того, чтобы показать настоящее, жизненное, непосредственное значение демократизма для тех «низов», до которых долетают эффектные фразы ораторов Таврического дворца.

Лицемерными приведенные выше рассуждения господина Тесленко являются не потому, чтобы г. Тесленко лично лицемерил: он мог просто увлечься потоком своего оппозиционного красноречия. Лицемерие здесь в том, что с л о в а представителя партии к.-д. расходятся с д е л а м и этой партии во все серьезные моменты новейшей русской истории.

Припомните события в августе 1905 года. Что делал в это время предшественник г. Столыпина? Налаживал Булыгинскую Думу и выборы в нее. Что делал г. Тесленко и его единомышленники? Налаживали, в пределах своих сил и соответственно своей «специальности» общественной работы, те же выборы. «Мы с вами

вместе это делали», вправе сказать г. Булыгин (и г. Столыпин) господину Тесленко. И г. Тесленко «делал вместе» именно потому, что побаивался остаться без тех из своих «друзей», о которых он теперь так величественно, так рыцарски-храбро говорит: «избави нас бог от таких друзей»...

Припомните события четверть года спустя после издания закона о Булыгинской Думе. Что делал тогда предшественник г. Столыпина? Он сопротивлялся, например, почтово-телеграфному движению и многочисленным разветвлениям аналогичных движений. Г. Тесленко или, по крайней мере, его партия, в лице г. Струве, Караулова и других, сопротивлялась тому же самому движению по-своему. «Мы с вами вместе это делали»,—вправе сказать г. Витте (и г. Столыпин) г.г. Тесленко. То же самое было 1 мая 1906 года по отношению к рабочему празднику, немного позже по отношению к «местным земельным комитетам», в 1907 году систематически и неуклонно по отношению к рабочим и крестьянским депутатам II Думы и т. д., и т. п.

Известный кадетский писатель г. Изгоев в «Вехах» подвел правильный итог этой многолетней политике своей партии, написав: «Надо иметь, наконец, смелость сознаться, что в наших Государственных Думах огромное большинство депутатов, за исключением трех-четырех десятков кадетов и октябристов, не обнаружило знаний, с которыми можно было бы приступить к управлению и переустройству России».

«Смелое сознание» господина Изгоева смело потому, что, отбросив все аппарасы и всякую дипломатию, автор обмолвился тут п р а в д о й. Кадеты действительно руководились «в наших Государственных Думах» тем помещичьим, буржуазным, либерально-монархическим «знанием», которым нельзя было удовлетворить «огромное большинство депутатов», особенно слева. И уж, конечно, разумеется само собой, что Столыпин боролся с этими последними депутатами, опираясь именно на «знания» (на интересы и точку зрения, вернее сказать) «трех-четырёх десятков кадетов и октябристов». «Мы с вами вместе это делали», боролись с неумелостью, неопытностью, невежественностью крестьян и рабочих,—вправе сказать г. Столыпин всей кадетской партии.

Главный итог думской сессии за текущий год состоит в том, что чрезмерная «фамильярность» Столыпина с большинством III Думы—и притом именно с буржуазным, октябристско-кадетским большинством ее—показалась невтерпеж даже этому долго-

терпеливому большинству. Старая власть фамиллярно третирует буржуазию, которая чувствует очень хорошо свое значение в новых, в современных экономических условиях и вздыхает по самостоятельности, даже по власти. Эпизод с 87 статьей обнаружил эту фамиллярность так резко и задел при этом кос-кого из сильных мира сего так невежливо, что самые долготерпеливые люди начали ворчать. Но дальше воркотни они не в силах итти. Они связаны по рукам и по ногам, и потому не могут итти дальше. Они связаны тем, что в течение всех последних лет, в самые важные моменты русской истории они боязливо отворачивались от широкого народного движения, враждебно сторонились от демократии—от настоящей, живой, действовавшей, массовой демократии—нападали на нее с тылу, как нападал на нее Столыпин. И, связанные этим, октябристы и кадеты терпят теперь казнь по заслугам; по сути дела им нечего возразить, когда фамиллярно третирующий их Столыпин говорит им: если я враг демократии, то и вы, любезные, испугались ее, «мы с вами вместе это делали».

«Звезда» № 24

от 28 мая 1911 г.

За подписью В. Ильин.

О старых, но вечно новых истинах.

Происшествия, вызвавшие отсутствие рабочих делегатов на 2-м съезде фабричных врачей в Москве, известны читателям из газет. Мы не можем здесь останавливаться на подробном изложении этих происшествий и освещении их значения. Отметим лишь поучительные рассуждения «Речи» от 14-го апреля, т.-е. в день открытия съезда—в передовой статье, писанной накануне этих происшествий.

К сожалению,—писал орган партии кадетов,—этому участию (участию представителей рабочих) ставятся внешние препятствия. Хорошо известно, какая судьба постигает некоторых слишком пламенных ораторов. В результате представителям рабочих хочется говорить о трудности для них сосредоточиться на специальных вопросах, о невозможности организовать правильное представительство на съезде, о препятствиях, чинимых их организациям, и о многом таком, что опять-таки далеко от программы съезда и обсуждение чего отвлекает от намеченных вопросов, а иногда и ведет к нежелательным последствиям. Сгущенной атмосферой объясняется и та нетерпимость, которую представители рабочих проявляли к «буржуазным» ораторам, ко всем мероприятиям правительства и к возможности сотрудничества с представителями других общественных групп.

Вся эта тирада—характерный образец бессильных вздыханий, бессилие которых объясняется не случайным составом или какими-либо особенностями данной либеральной партии, данного вопроса и тому подобное, а гораздо более глубокими причинами: объективными условиями, в которых поставлена либеральная буржуазия вообще в России XX века. Либеральная буржуазия вздыхает по таким «порядкам», когда бы она могла иметь перед собой рабочих, несклонных «ораторствовать слишком пламенно», достаточно «терпимых» к буржуазии, к идее сотрудничества с буржуазией, «к о всем мероприятиям правительства». Она вздыхает по таким порядкам, когда бы эти скромные «сотрудничающие» с нею рабочие могли «сосредоточиться на специальных вопросах» социальной политики, скромно соглашаясь штопать тришкин кафтан буржуазного попечения о «меньшем брате». Одним словом, русские либералы вздыхают по таким приблизительно порядкам, которые мы видим теперь в Англии или Франции в отличие от Пруссии. В Англии и во Франции буржуазия господствует полновластно и почти (за малыми исключениями) непосредственно, тогда как в Пруссии первенство за феодалами, за юнкерами, за монархическим милитаризмом. В Англии и во Франции буржуазия особенно часто, свободно и широко пользуется методом привлечения на свою сторону выходцев из пролетариата или изменников его делу (Джон Бернс, Бриан) в качестве «сотрудников», спокойно «сосредоточивающихся на специальных вопросах» и обучающих рабочий класс «терпимости» к господству капитала.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что английские и французские порядки гораздо демократичнее прусских, гораздо благоприятнее для борьбы рабочего класса, гораздо выше стоят по степени отмирания учреждений средневековой старины, заслоняющих от него его главного и настоящего противника. Не подлежит поэтому ни малейшему сомнению, что в интересах русских рабочих поддержка всех стремлений к пересозданию нашей родины по типу более англо-французскому, чем прусскому. Но этим бесспорным выводом нельзя ограничиваться, как это слишком часто делают. Спорный вопрос или спорные (с демократами разного толка) вопросы здесь только и начинаются.

Поддержка стремлений нужна, но чтобы поддерживать слабого и качающегося, надо опираться его на что-либо более твердое, надо рассеивать иллюзии, мешающие видеть слабость, мешающие

понять причины слабости. Тот, кто укрепляет такие иллюзии, кто присоединяется к бессильным вздыханиям бессильных, непоследовательных, шатких сторонников демократии, тот не поддерживает стремлений к буржуазному демократизму, а обесиливает эти стремления. Буржуазия в Англии и во Франции в свое время, в половине XVII века или в конце XVIII, не вздыхала по случаю «нетерпимости» меньшего брата, не строила кислых гримас по поводу «слишком пламенных ораторов» из числа этого меньшего брата, а сама поставляла ораторов (и не только ораторов) с а м ы х пламенных, будивших чувство презрения к проповеди «терпимости», к бессильным в о з д ы х а н и я м, к колебаниям и нерешительности. Из числа этих пламенных ораторов находились люди, в течение веков и веков оставшиеся светочами, учителями, несмотря на всю историческую ограниченность, зачастую наивность их тогдашних представлений о средствах избавления от всяческих бедствий.

Немецкая буржуазия тоже вздыхала, подобно русской, по поводу того, что у «меньшего брата» ораторы «слишком пламенные»,—и в истории человечества она явила образец низости, подлости, лакейства, награжденного пинками «юнкерских» сапогов. Различие той и другой буржуазии объясняется, конечно, не «свойствами» разных «рас», а высотой экономического и политического развития, заставлявшего буржуазию бояться «меньшего брата»,—заставлявшего буржуазию бессильно колебаться между осуждениями насилий феодализма и осуждением «нетерпимости» рабочих.

Старые все это истины. Но они вечно новы и остаются новыми, когда приходится читать в издании людей, желающих быть марксистами, такие строки:

«Неудача движения 1905—1906 г.г. была обусловлена не «крайностями» левых, ибо эти «крайности» сами, в свою очередь, обуславливались совокупностью целого ряда причин, не «предательством» буржуазии, которая повсюду на Западе «предавала» в соответственную минуту, а отсутствием оформленной буржуазной партии, которая могла бы встать у кормила правления на место пережившей себя власти бюрократии и которая была бы сильна экономически и достаточно демократична, чтобы иметь за собой поддержку народа». И несколькими строками ниже: «...слабость городской буржуазной демократии, которая должна была бы стать политическим центром притяжения для демократического крестьянства»... («Наша Заря» № 3, стр. 62, статья г. В. Левицкого).

Г. В. Левицкий больше додумал до конца свое отрицание идеи «гегемонии» («центром притяжения должна была бы стать городская буржуазная демократия», а не иной кто!) или смелее, определеннее договаривает их до конца, чем г. Потресов, подчищавший свою статью в «Общественном движении» под влиянием ультиматумов Плеханова.

Г. В. Левицкий рассуждает вполне, как либерал. Он—непоследовательный либерал, сколько бы марксистских слов им ни употреблялось. У него нет никакого представления о том, что «центром притяжения для демократического крестьянства» должна была бы стать совсем иная социальная категория, чем городская буржуазная демократия. Он забывает, что это «долженствование» было действительностью в течение крупных исторических периодов и Англии, и Франции, и России,—при чем в последней стране периоды эти были крупны по значению, но малы по времени, а в первых двух странах большею частью демократическое, ультра-демократическое, «слишком пламенное» плебейство объединяло разнородные элементы «низов».

Г. В. Левицкий забывает, что эти «низы» даже в те короткие периоды, когда им случалось в истории играть роль «центров притяжения для демократического крестьянства», когда им удавалось в р в а т ь эту роль из рук либеральной буржуазии, оказывали решающее влияние на то, какую степень демократизма получала страна в последующие десятилетия так называемого спокойного развития. Эти «низы» в короткие периоды с в о е й гегемонии воспитывали свою буржуазию, перекладывали ее так, что она потом старалась пятиться назад, но не могла в этом попятном движении зайти дальше, скажем, второй палаты во Франции или отступлений от демократизма выборов и т. д., и т. п.

Вот эта, историческим опытом всех европейских стран подтверждаемая, идея о том, что в эпохи буржуазных преобразований (или вернее: буржуазных революций) буржуазная демократия каждой страны оформливается так или иначе, принимает тот или иной вид, воспитывается в той или иной традиции, признает тот или другой минимум демократизма, смотря по тому, насколько гегемония переходит в решающие моменты национальной истории не к буржуазии, а к «низам», к «плебейству» XVIII века, к пролетариату XIX и XX веков, эта идея г. В. Левицкому чужда. Эта идея гегемонии и составляет одно-

из коренных положений марксизма, разрыв с которыми (или даже равнодушие к которым) у ликвидаторов является глубочайшим источником целого ряда непримиримых принципиальных разногласий с противниками ликвидаторства.

Каждая капиталистическая страна переживает эпоху буржуазных революций, когда складывается та или иная степень демократизма, тот или иной уклад конституционализма или парламентаризма, та или иная степень самостоятельности, независимости, свободолюбия и инициативности «низов» вообще, пролетариата в частности, та или иная традиция во всей государственной и общественной жизни. Какова будет эта степень демократизма и эта традиция, — зависит именно от того, будет ли гегемония в решающих моменты принадлежать буржуазии или ее антиподу, будет ли первая или последний (опять-таки в эти решающие моменты) «центром притяжения для демократического крестьянства» и для всех вообще демократических промежуточных групп и слоев.

Г. В. Левицкий мастер на блестящие формулировки, сразу резко и ясно вскрывающие идейные основы ликвидаторства. Такова его знаменитая формула: «не гегемония, а классовая партия», означающая в переводе на русский язык: не марксизм, а брентанизм (социал-либерализм). Столь же знаменитыми станут, наверное, две отмеченные здесь формулы: «центром притяжения для демократического крестьянства должна была бы стать городская буржуазная демократия» и «неудача обусловлена отсутствием оформленной буржуазной партии».

«Звезда» № 25

от 11 июня 1911 г.

За подписью В. Ильин.

Резолюция II Парижской Группы Р. С.-Д. Р. П. ⁴³⁾.

Предисловие.

Печатаемая ниже резолюция II Парижской Группы Р. С.-Д. Р. П., — группа эта состоит главным образом из большевиков, небольшого числа «впередовцев» и «примиренцев», — намечает основные положения платформы всех большевиков. В такое время, когда обостряется внутри-партийная борьба, особенно

важно изложение взглядов по существу на коренные вопросы программы, тактики, организации. Люди, подобные Троцкому с его надутыми фразами о Р. С.-Д. Р. П. и с его раболепством пред ликвидаторами, не имеющими ничего общего с Р. С.-Д. Р. П., являются ныне «болезнью времени». Они хотят делать карьеру на дешевой проповеди «соглашения»—со всеми, с кем угодно, вплоть до г. Потресова и отзовистов!—при чем, по необходимости, хранят полное молчание о политических условиях этого удивительного якобы-«соглашения». На деле это — проповедники капитуляции и пред ликвидаторами, строителями Столыпинской рабочей партии.

Все большевики должны сплотиться теперь теснее, укрепить свою фракцию, определить точнее и яснее партийную линию этой фракции,—в отличие от фракций, скрывающих так или иначе свое «лицо»,—собрать разрозненные силы и идти в бой за Р. С.-Д. Р. Партию, очищенную от проводников буржуазного влияния на пролетариат.

I.

Собрание II Парижской Группы Р. С.-Д. Р. П., обсудив положение дел в Р. С.-Д. Р. П. вообще и последние проявления разгоревшейся заграничной борьбы между социал-демократами и желающими причислить себя к социал-демократии, —

считает необходимым прежде всего напомнить основное принципиальное положение, единогласно утвержденное последним (в январе 1910 г.) пленумом Ц. К. и определяющее характер действительно соц.-дем. работы. Это основное положение гласит, что «отрицание с.-д. партии, принижение ее роли и значения, попытки укоротить программные и тактические задачи и лозунги революционной соц.-дем.» представляют из себя проявление буржуазного влияния на пролетариат. Лишь сознание опасности этого уклонения, равно как и всякого «отзовистского» или оправдывающего отзовизм идейно-политического течения, лишь работа, на деле преодолевающая эти уклонения, является социал-демократической работой.

Собрание констатирует далее, что заграничная редакция «Голоса С.-Д.» и группа ее сторонников, голосовцев, вопреки

указанной единогласной резолюции пленума, вопреки торжественному обещанию представителей «Голоса» на пленуме о т р е ч ь с я от ликвидаторства и бороться с ним,—в течение всех более чем полутора лет после пленума проводила именно эту б у р ж у а з н у ю политику ликвидаторства, поддерживала, оправдывала и защищала такие органы русских, независимых от социал-демократии и от социализма, легалистов, как «Наша Заря», «Возрождение», «Дело Жизни» и пр. Деятели этих органов, как неоднократно признавал ее от имени партии Ц. О., как признавали, и партийные меньшевики с т. Плехановым во главе, н е и м е ю т н и ч е г о о б щ е г о с Р. С.-Д. Р. П. Деятели этих органов не только принижают роль и значение нелегальной с.-д. партии, но прямо отрицают ее, ренегатски поносят «шодполье», отрицают революционный характер деятельности и революционные задачи современного рабочего движения в России, обманывают рабочих, распространяя либерально-буржуазные идеи о «конституционном» характере назревающего кризиса, выбрасывают (а не только укорачивают) такие исконные лозунги революционного марксизма, как признание г е г е м о н и и рабочего класса в борьбе за социализм и за демократическую революцию. Проповедуя и строя так называемую ими легальную или «открытую» рабочую партию, эти люди на самом деле суть строители С т о л ы п и н с к о й «р а б о ч е й» п а р т и и и проводники буржуазного влияния на пролетариат, ибо в действительности проповедь этих людей полна буржуазным содержанием, а «открытая» рабочая партия при Столыпине означает не что иное, как открытое ренегатство людей, отрекающихся от задачи революционной борьбы масс с царским самодержавием, III Думой и всей столыпинщиной.

Собрание констатирует, что «Заграничное Бюро» Ц. К., должествовавшее быть техническим его органом, подпало всецело под влияние ликвидаторов *).

Не исполнив в течение полутора года ни одного данного ему Ц. К. поручения (например, по объединению заграничных групп на основе признания и проведения решений пленума, или помощи местным организациям, или поручения добиться закры-

*) Голосовец И. (достаточно разоблаченный и заклеянный партийным меньшевиком Плехановым) и бундовец Либер, ведущий прямую пропаганду в защиту г. Потресова и других деятелей Столыпинской рабочей партии, являются руководителями этого «З. Б. Ц. К.».

тия «Голоса» и прекращения фракционной обособленности группы «Вперед»), «Загр. Бюро» прямо содействовало врагам социал-демократии, ликвидаторам.

В насмешку над партией, большинство «З. Б. Ц. К.» систематически **с р ы в а л о**, начиная с декабря 1910 г., созыв пленума (обязательный по уставу). Семь недель «Загр. Бюро Центрального Комитета» потратило на одно «голосование» вопроса о пленуме при первом заявленном большевиками требовании созвать этот пленум. В результате 7-недельного голосования «З. Б. Ц. К.» признало, что требование пленума со стороны большевиков «законно», но — вместе с тем пленум практически **с о р в а л о**, как сорвало его и во второй раз в конце мая 1911 года. Фактическая роль т а к о г о «Заграничного Бюро Центрального Комитета» состояла в помощи из-за границы и изнутри центральных учреждений партии таким вождям легалистов и деятелям Столыпинской рабочей партии, как Михаил, Юрий и Роман, объявившим вредным самое существование Ц. К. (№№ 11 и 21—22 Ц. Орг. партии «Соц.-Д е м.»). Собрание констатирует, что занятие партийных должностей ликвидаторами есть прямой **о б м а н** партии, ибо решения пленума ясно и недвусмысленно говорят о допущении на эти должности т а к и х меньшевиков, которые **д о б р о с о в е с т н о** исполняют свое обещание об отречении от ликвидаторства и борьбе с ним *).

Собрание находит поэтому, что полный разрыв большевиков с «З. Б. Ц. К.», как учреждением поставившим себя вне закона и вне партии, явился безусловно необходимым, и что совещание членов Ц. К. (см. его «Извещение»), представлявшее громадное большинство действительно работающих в России партийных с.-д. организаций, групп и кружков, вполне правильно признало, что «З. Б. Ц. К.» «стало на путь антипартийной фракционной политики, нарушая при этом ясные и точные постановления пленума 1910 года».

Собрание постановляет отказаться от каких бы то ни было сношений с «З. Б. Ц. К.» и оказать поддержку решениям совеща-

*) Что касается до таких приемов борьбы заграничных ликвидаторов против Р. С.-Д. Р. П., как политический шантаж и поставка информации в охранку,—чем занялся г. Мартов при помощи редакции «Голоса»,—то собрание клеймит презрением подобные произведения, на которые достаточно указать, чтобы вызвать отвращение к ним у всех порядочных людей.

ния членов Ц. К., наметившим ряд минимально необходимых мероприятий для парализования тормозящей всю партийную работу деятельности ликвидаторов, для созыва партийной конференции и восстановления силами местных работников нелегальных организаций и ячеек партии. Собрание призывает всех партийных товарищей на местах *немедленно* (согласно решению Совещания) взяться за подготовку конференции и выборы на нее, вступая для этого в регулярные сношения с Организационной Комиссией, с Ц. О. и «Рабочей Газетой».

II

Собрание обращает внимание с.-д. рабочих без различия фракций на то, что заграничные вожди группы «Вперед» и редактор «Правды» Троцкий ведут политику поддержки ликвидаторов и союза с ними против партии и против ее решений. Эта политика должна встретить тем более решительный отпор, что она, глубоко вредя интересам пролетариата, решительно расходится с деятельностью тех р у с с к и х нелегальных с.-д. групп, которые, будучи связаны с «Правдой» или «Впередом», относятся безусловно лояльно к решениям партии и повсюду отстаивают в упорной борьбе против ликвидаторов нелегальную Р. С.-Д. Р. П. с революционной программой.

Собрание в особенности предостерегает социал-демократических рабочих от того о б м а н а, который систематически практикуют голосовцы, изображая всех деятелей легального движения противниками старой партии и сторонниками новой Потресовской «открытой» партии. Так, в последнем листке, выпущенном «Голосом» от 25/VI (с извещением о «совещании» деятелей легального движения), редакция «Голоса» с к р ы л а, что совещание о т в е р г л о предложение ликвидаторов бойкотировать одну легальную газету за ее антиликвидаторское направление. Так редакция «Голоса» с к р ы л а, что в том же совещании были о т к л о н е н ы открыто-легалистские и явно-ренегатские резолюции, которые были предложены сторонниками «Голоса». Даже бундист, один из участников совещания, должен был там признать антипартийный характер предложений «потресовцев». Ряд деятелей открытого движения у ж е вступил на путь решительной борьбы со Столыпинской «рабочей» партией. А при дружных усилиях всех партийцев число таких деятелей несомненно увеличится.

III.

В такое время, когда обостряется борьба социал-демократов с проводниками буржуазного влияния на пролетариат, все беспринципные элементы всегда направляют усилия к тому, чтобы заслонить великие принципиальные вопросы дешевой сенсацией и скандалчиком, которые так усердно преподносятся заграничными голосовцами падкой до испорченной духовной пищи аудитории ликвидаторских собраний.

В такое время более, чем когда-либо, обязанность революционных марксистов напоминать всем и каждому старые, забытые ликвидаторами истины, составляющие основу нашей соц.-дем. работы.

Собрание напоминает поэтому всем членам Р. С.-Д. Р. П. о программе нашей партии,—программе, которая в эпоху усиления международного оппортунизма и назревания решительной борьбы его с революционной соц.-дем. дала точную, ясную, непреклонно-твердую формулировку революционной конечной цели социализма, осуществимой лишь путем диктатуры пролетариата,—и революционных ближайших целях российской социал-демократии,—свержения царизма и завоевания демократической республики. В ся проповедь наших легалистов и наших голосовцев показывает, что на деле они не только не разделяют, не проводят в жизнь нашей программы, а прямо защищают р е ф о р м и з м—это признали также партийные меньшевики (см. «Дневник: С.-Д.» Плеханова и № 3 «Дискуссионного Листка»),—прямо отрекаются от революционных ближайших целей Р. С.-Д. Р. П.

Собрание напоминает всем членам Р. С.-Д. Р. П., что для того, чтобы быть партийцем на деле, недостаточно называть себя так, недостаточно вести пропаганду «в духе» программы Р. С.-Д. Р. П.,—необходимо еще вести всю практическую работу в согласии с тактическими решениями партии. В кашу контр-революционную эпоху, во время всеобщего р е л е г а т с т в а, отречения, уныния,—среди буржуазной интеллигенции особенно,—тактические решения партии одни только формулируют оценку переживаемого момента, оценку практической линии поведения с точки зрения принципов революционного марксизма. У действительной Р. С.-Д. Р. П.,—а не той, именем которой для прикрытия ликвидаторства пользуются

голосовцы, — нет иного партийного определения задач соц.-демократии в переживаемую нами эпоху, кроме тактических резолюций декабря 1908 г.

Ликвидаторы, а частью и «передовцы», замалчивают эти резолюции или ограничиваются беглыми замечаниями и выкриками против них именно потому, что они чувствуют в этих резолюциях ту линию работы, которая в корне отвергает и оппортунистические и полуанархические шатания, — которая поднимает знамя революции вопреки всем и всяческого рода контрреволюционным течениям, — которая обьясняет экономические и политические особенности переживаемого момента, как новой полосы в буржуазном развитии России, — полосы, ведущей к революции, долженствующей решить старые задачи. Партиец тот, кто на деле ведет тактическую линию партии. А тактика партии, тактика Р. С.-Д. Р. П., есть та и только та, которая изложена в декабрьских резолюциях 1908 года, сочетающих верность революционному знамени с учетом новых условий нашей эпохи. Прямым и непосредственным выводом, естественным продолжением и завершением декабрьских резолюций 1908 года, осуждающих ликвидаторство и безусловно требующих признания думской работы с.-д., а также использования легальных возможностей, являются резолюции январского пленума 1910 года, направленные против проводников буржуазного влияния на пролетариат. В наше время разброда и развала нередко встречаются люди, которые ссылкой на великий принцип единства пролетарской армии оправдывают беспринципные или мизерно-дипломатические попытки «объединения» или «сближения» с проводниками буржуазного влияния на пролетариат. Собрание самым категорическим образом осуждает и отвергает все такие попытки, от кого бы они ни исходили, и заявляет, что великое дело объединения и укрепления борющейся армии революционного пролетариата не может быть выполнено без полного размежевания, без беспощадной борьбы с теми, кто проводит буржуазное влияние на пролетариат.

Партиец тот, кто действительно помогает строить организацию, соответствующую с.-д. принципам. У партии, у Р. С.-Д. Р. П. нет другого партийного определения характера и задач организационной работы, кроме того, которое дано в резолюции по организационному вопросу декабря 1908 г., в резо-

люции январского пленума 1910 г. по тому же вопросу, в письме Ц. К., изданном тотчас после пленума. Лишь всесторонняя помощь воссозданию и укреплению нелегальной организации есть партийная работа, и лишь нелегальная Р. С.-Д. Р. П. может и должна окружать себя сетью легальных организаций, и использовать всевозможные легальные организации, направлять в духе наших революционных принципов всю работу таких организаций. Кто не ведет на деле такой работы, кто участвует в контр-революционном, вообще, и либеральном, в частности, походе против «подполья», против нелегальной работы, — тот обманывает рабочих, когда говорит о своей принадлежности к Р. С.-Д. Р. П.

Близятся выборы в IV Думу. Чем острее кризис заграничных партийных верхов, тем настоятельнее необходимость в инициативе местных с.-д. работников, тем строже должны они настаивать и настоять на том, чтобы работа выборов велась действительно партийным путем каждой группой, каждой ячейкой, каждым кружком рабочих. Кто до сих пор считает «отзовизм» «законным течением в нашей партии», тот всеу приемлет имя Р. С.-Д. Р. П. Нельзя вести партийной работы выборов в IV Думу, не отмежевываясь самым решительным образом от таких людей. Кто до сих пор толкует о выборах в IV Думу силами и средствами «нелегальных организаций», силами и средствами «открытой рабочей партии», кто не считается при этом на деле, не проводит в жизнь решений Р. С.-Д. Р. П. о нелегальной организации, о тактике, изложенной в резолюциях партии, — тот всеу приемлет имя Р. С.-Д. Р. П. Кто ведет работу по выборам, считаясь не с решениями Р. С.-Д. Р. П., а со статьями «Нашей Зари», «Голоса Соц.-Демократа», «Дела Жизни», — тот строитель Столыпинской «рабочей» партии, а не революционной с.-д. партии пролетариата.

На предстоящих выборах в IV Думу наша партия, прежде всего, преследует задачи социалистического просвещения масс и интересы массовой агитации в пользу осуществления революционно-демократического переворота силами пролетариата и революционной буржуазной демократии (прежде всего — революционного крестьянства).

В интересах этой пропаганды и агитации наша партия должна организовать самостоятельное выступление с.-д. на выборах и выставить своих партийных кандидатов не только

в рабочей курии, но и повсюду среди городских и деревенских избирателей.

Вся агитация партии на выборах должна вестись на два фронта, т.-е. и против правительства и открыто поддерживающих его партий, и против к.-д. партии контр-революционного либерализма.

Кандидатами партии могут выступать только люди на деле проводящие всецело политику Р. С.-Д. Р. П., верные не только ее программе, но и ее тактическим резолюциям, и борющиеся против новой Столыпинской «рабочей» партии.

По вопросу об избирательных соглашениях должны остаться в силе основные принципиальные указания Лондонского съезда партии и партийной конференции июля 1907 года ⁴⁴).

Выборы в IV Думу должны быть проведены партийными группами рабочих, проведены в духе партийных решений и в строгом соответствии с ними.

Вышло 7 (20) июля 1911 года.

Ко всем соц.-дем. партийным организациям, группам и кружкам.

Товарищи!

Наша Организационная Комиссия, как известно, имеет одну цель: собрать немедленно партийную конференцию, помочь работникам с мест — без различия фракций и течений — немедленно съехаться и с а м и м решить целый ряд наболевших вопросов нашего движения. Все гарантии беспристрастия и все возможности контроля над деятельностью Организационной Комиссии даны тем, что она: во - п е р в ы х, действует на почве единогласно принятых резолюций и письма пленума Ц. К. (от января 1910 г.) по вопросу о конференции; во - в т о р ы х, тем, что для выполнения всей практической работы (каковая работа определит самый состав конференции, ее направление и отчасти порядок дня) создается русская коллегия, в которую приглашаются представители от всех значительных местных партийных организаций без различия течений, — при чем за О. К. остается лишь общий контроль относительно применения обязательных для созыва конференций указаний Ц. К.; в - т р е т ь и х, тем, что О. К. в

свой состав приглашает 5 делегатов от организаций меньшевиков-партийцев, группы «Вперед», редакции «Правды», Бунда и латышской социал-демократии и условно — от «Голоса С.-Д.» и других течений. Организационная Комиссия выбрана совещанием членов Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П., которое представляло всех большевиков, всех польских соц.-демократов и часть латышей, т.-е. большинство действующих на местах с.-д. организаций и групп. Самая необходимость скорейшего созыва партийной конференции признана и признана абсолютно всеми партийными течениями. При таких условиях, казалось бы, можно было надеяться, что, несмотря на все внутривнутрипартийные разногласия, никто из членов партии не станет мешать Организационной Комиссии в ее работе по организации общепартийного представительства, одинаково авторитетного для всех фракций и всех течений.

Однако это оказалось, к сожалению, не так. По крайней мере — за границей. Не успела еще Организационная Комиссия вплотную приступить к практической помощи местным российским организациям в деле созыва общепартийной конференции, как она натолкнулась на ряд самых ожесточенных — и глубоко несправедливых! — нападков со стороны некоторых заграничных групп и кружков, — нападков, продиктованных зачастую узкофракционными и даже прямо антипартийными соображениями.

Чтобы не дать затормозить насущное дело немедленного созыва конференции, чтобы не дать мелким и мелочным нападкам засорить крупные принципиально-тактические наши споры, мы вынуждены в настоящем обращении остановиться более или менее подробно на тех нападках, которыми встречена наша работа.

Наша партия, как целое, переживает чрезвычайно тяжелое время. Чтобы спасти положение, необходимо немедленно принять ряд самых решительных мер для объединения всех партийных течений на почве борьбы нелегальной партии за разрешение назревших политических задач, а следовательно, — и на почве борьбы, между прочим, против наиболее опасных врагов партии — л и к в и д а т о р о в. Политическая цель ликвидаторов, это — сломить Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию и устранить ее с политической арены. Этого добивается Столыпинская реакция посредством воздействия и з в н е. К этому же объективно ведет — независимо от личных желаний и

стремлений — широко распространенная в партии язва ликвидаторства. В среде российской социал-демократии есть ряд товарищей, глубоко преданных старой Российской Соц.-Демократической Рабочей Партии, но дающих себя ослепить фракционными дрызгами. Еще и поэтому мы вынуждены подробно остановиться на последних фракционных столкновениях, так сильно мешающих выполнению очередных задач. И мы хотели бы надеяться, что нам не слишком часто придется отвлекать внимание от нашего непосредственного дела — созыва конференции — к внутри-организационным спорам.

I.

Первыми против нас подняли «знамя восстания» заграничные голосовцы (т.-е. сторонники газеты «Голос Социал-Демократа»), выдвинувшие против нас прежде всего большинство «Заграничного Бюро Ц. К.».

Правда, газета «Голос Социал-Демократа» — узко фракционный орган части меньшевиков, не закрылся, в о п р е к и единоголосному требованию пленума Ц. К.; правда, эта же газета, опять-таки вопреки единоголосным решениям того же пленума, целиком посвятила себя пропаганде ликвидации существующей Р. С.-Д. Р. П., ее принципов и тактики, стремясь превратить социал-демократическую партию в лучшем случае в простой подсобный технический аппарат для обслуживания Столыпинских «легальных возможностей»; правда, «З. Б. Ц. К.», вопреки решениям пленума Ц. К., подчиненным органом которого оно является, в интересах голосовцев отказалось выступить против фракционных отчислений заграничных групп в пользу «Голоса С.-Д.»; правда, «З. Б. Ц. К.» (из узко-фракционных целей: из боязни, что голосовцы останутся в меньшинстве), вопреки постановлениям пленума и прямым предписаниям партийного устава, отказалось созвать новый пленум Ц. К., который ввиду современного критического положения был единственным выходом из партийного кризиса; правда, Заграничное Бюро палец о палец не ударило для какой бы то ни было помощи местным российским организациям; правда, своей явно фракционной внутри-партийной политикой «З. Б.» восстановило против себя не только большевиков, поляков и т. д., но и меньшевиков-партийцев. Эти факты — общезвестны. Но что пущды?

Н е с м о т р я на все это, у «З. Б.» хватает теперь еще печального мужества выступать — рука об руку с «Голосом С.-Д.» — в роли блюстителя партийности, дисциплины и партийного закона!..

В своем листке от 24 июня «З. Б.» объявило «н е з а к о н н ы м и как самое совещание (членов Ц. К., выбравших Организационную Комиссию), так и все созданные и созываемые им учреждения». На чем же основаны эти обвинения в «незаконности», каковы действительные обстоятельства, сопровождавшие созыв совещания?

— В момент крайне тяжелого положения партии; после 1½ л е т отсутствия всякого Ц. К.; при полном ослаблении общепартийных связей между отдельными местными организациями; при полном разброде и крайнем обострении фракционной борьбы, когда все попытки воссоздания Центрального Комитета разбились либо о независимые обстоятельства, либо о сопротивление того же большинства «Заграничного Бюро»; когда все средства для нормально-организационного выхода из тупика были исчерпаны; в момент, когда немедленный приступ к подготовке избирательной кампании в IV Думу стал для партии жгучей и неотложной необходимостью, — в этот момент по инициативе группы членов Ц. К. собирается совещание членов Ц. К., чтобы общими силами найти какой-нибудь выход для партии. Ну, как тут голосовцам не объявить это совещание «незаконным»!

З а в е д о м о й неправдой являются утверждения, будто совещание это было собранием «самозванцев». На самом деле за совещанием фактически стоит по крайней мере половина общего числа членов Ц. К., и, — если совещание это и не предусмотрено уставом, — оно, тем не менее, сохраняет все свое моральное значение, в особенности в переживаемый партией тяжелый момент, когда частная инициатива членов Ц. К. является их элементарным долгом по отношению к партии.

З а в е д о м о й неправдой являются утверждения, будто совещание совершило «захват власти» и создало непартийные учреждения. На самом деле Техническая Комиссия и Организационная Комиссия о т в е т с т в е н н ы перед партией и, разумеется, всегда готовы дать полный отчет в своих действиях законному собранию Центрального Комитета. На самом деле все шаги совещания сводятся только и исключительно к выполнению реше-

ний пленума (созыв конференций, созыв нового пленума и т. д.) на основании точных предписаний Ц. К., — решений, которые систематически не выполнялись большинством «Заграничного Бюро» и не могли быть выполнены иначе, как по частной инициативе чекистов, — раз немедленный созыв пленума стал неосуществимым. При таких условиях выступать против решений совещания членов Ц. К. можно, разумеется, либо по крайнему неведению, либо из желания увековечить в партии хаос и разброд, которые в результате ведут к той же ликвидации нашей партии — только в самой мучительной форме.

Но большинство «З. Б. Ц. К.» не ограничилось нападками на нас в печати, оно попыталось также помешать нам выполнить задачу созыва партийной конференции, путем лишения нас материальных средств, необходимых для этого. Оно обратилось к товарищам «держателям» (т.-е. трем виднейшим представителям международной социал-демократии, которые по постановлению Ц. К. являются судьями в случае конфликта по вопросу о деньгах, условно переданных большевиками в кассу Ц. К.) с предложением лишить нас «огня и воды», ввиду, будто бы, «незаконности» нашей попытки созвать конференцию и тем притти на помощь партии.

Но представители международной социал-демократии («держатели» денег) оказались, конечно, совершенно неподготовленными для роли защитников раскола и ликвидации с.-д. партии. Они не только не согласились с большинством «Заграничного Бюро Ц.К.», но и выдали созданным якобы «незаконным» совещанием членов Ц. К. учреждениям необходимые средства, между прочим, и для созыва общепартийной конференции. Международные социал-демократы должны были вмешаться в наши дела для того, чтобы призвать к порядку учреждение, которое должно было служить партии и ее Ц. К., а на самом деле служило врагам партии!

Казалось бы, после этого большинству «З. Б. Ц. К.» оставалось одно: поскорее сложить оружие. Но это большинство упорствует и продолжает надеяться, что ему удастся сорвать и партийную конференцию. И вот большинство «З. Б. Ц. К.» предпринимает следующие шаги.

1. После выхода из редакции Центрального Органа нашей партии двух голосовцев *) оно делает попытку (конечно, совершенно безуспешную) лишить газету «Социал-Демократ» прав Центрального Органа на том не лишенном оригинальности основании, что типография, в которой печатается Ц. О., не находится в настоящее время под управлением «З. Б. Ц. К.». Раз в редакции нет голосовцев, Ц. О., с точки зрения большинства «З. Б. Ц. К.», уже не Ц. О.,—хотя в редакции осталось совершенно законное большинство членов коллегии, выбранной пленумом Ц. К.

2. Оно объявляет о своем решении созвать с в о й пленум и с в о ю конференцию, что ведет ни к чему иному, как к расколу и пленума, и конференции.

Этот последний шаг, т.-е. полупризнание необходимости пленума Ц. К. и партийной конференции, есть, конечно, результат давления со стороны нашего совещания членов Ц. К., и п о с т о л ь к у—мы этот шаг приветствуем: лучше поздно, чем никогда! Раньше «З. Б. Ц. К.» и слышать не хотело о пленуме Ц. К. Понадобилось вмешательство представителей международной соц.-демократии («держателей»), которые прямо потребовали от «З. Б. Ц. К.» созыва пленума Ц. К., понадобилось особое совещание членов Ц. К., чтобы большинство «З. Б. Ц. К.», по крайней мере, на бумаге признало необходимость пленума. Но то обстоятельство, что в то же время большинство «З. Б. Ц. К.» совершенно категорически о т к л о н и л о официальное предложение совещания членов Ц. К. с о в м е с т н о и п о д в з а и м н ы м к о н т р о л е м созвать пленум; то обстоятельство, что большинство «З. Б. Ц. К.» выступило застрельщиком и р о т и в предложенного совещанием соглашения всех партийных групп для созыва конференции—все это показывает одно: что большинство «З. Б. Ц. К.» решилось довести дело раскола до конца, провести раскол сверху донизу на местах, сделать все возможное, чтобы получилась не одна партийная конференция, а д в е, не одна

*) 1. Кстати. Уходя из редакции Ц. О., Ф. Дан и Л. Мартов своей властью объявили самый Ц. О. «несуществующим» и пригласили всех товарищей направлять материалы, письма и т. д. не оставшемуся законному большинству редакции Ц. О.—который, конечно, продолжает выходить,—а л и ч н о Дану и Мартову. Однако ни голосовцы, ни поддерживающие их элементы не высказали ни малейшего недовольства по поводу поведения Дана и Мартова—хотя совершенно иначе отнеслись к разрыву представителями большевиков тов. Александрова (Н. А. Семашко. Ред.) с «З. Б. Ц. К.»,

объединенная партия, а—две. Посмотрим же, какие группы, какие течения в партии решаются поддержать большинство «З. Б. Ц. К.» в этих его разрушительных и глубоко анти-партийных планах! Товарищи на местах, следите сами за этим самым внимательным образом! Дело идет ведь об единстве нашей партии, о самом существовании революционной социал-демократии!

II.

Довольно—о «З. Б. Ц. К.»! Что это большинство «З. Б. Ц. К.» выступило против нас—в этом нет ничего удивительного. Но, к сожалению, как это ни странно, это «З. Б. Ц. К.» нашло себе поддержку в некоторых группах, считающих себя партийными и даже нефракционными.

Самых горячих сторонников анти-партийное большинство «З. Б. Ц. К.» нашло с е б е в редакции «Правды». В своей редакционной статье газета «Правда» (№ 21), повторяя все обвинения голосовцев против нас о «заговоре заграничного кружка», «захвате власти» и т. п., почему-то объявляет «е д и н с т в е н н о й... общепартийной организацией» — «З. Б. Ц. К.», которое по уставу партии имеет лишь очень скромные технические функции. В своем ответе Организационной Комиссии (пригласившей редакцию «Правды» послать своего делегата в О. К.) Троцкий выступает еще более неприкрыто: «Не смейте обходить З. Б. Ц. К.», патетически наставляет нас Троцкий в этом ответе Организационной Комиссии.

И далее «нефракционная» «Правда», защищающая «нефракционное» «З. Б. Ц. К.», обвиняет совещание членов Ц. К. уже в «явной фракционности».

Как, — восклицает Троцкий, — вы осмеливаетесь не пригласить в О. К. представителя газеты «Голос Соц.-Демократа», вы, значит, считаете возможным устранить от участия в конференции «влиятельную часть партии» и т. д. Вы хотите, значит, созвать не общепартийную, а фракционную конференцию и т. п...

Отвечаем: нефракционная «Правда» говорит очень «фракционную» неправду. Именно мы хотим созвать и соз о в е м конференцию о б щ е п а р т и й н у ю. На конференцию будут выбирать все местные п а р т и й н ы е организации, группы и кружки. Кого они выберут, тот и будет на конференции. Если «Голос С.-Д.» действительно является «влиятельной частью пар-

тии» также и среди рабочих, тогда — о конечно! его сторонников на конференции будет не мало. А насчет не допущения делегата «Голоса С.-Д.» газета «Правда» тоже весьма... неправдиво излагает позицию совещания. Само совещание действительно не сочло возможным взять на себя политическую ответственность за приглашение названной газеты, не исполнившей постановления пленума о закрытии ее и, главное, окончательно перешедшей на сторону ликвидаторства, единогласно осужденного пленумом, как проявление буржуазного влияния на пролетариат. Но совещание членов Ц. К. постановило вместе с тем, что, если какая-либо из приглашаемых нами организаций (меньшевики-партийцы, «Правда», «Вперед», Бунд, латышская с.-д.) сочтет возможным взять на себя эту ответственность и предложит пригласить в О. К. и делегата от «Голоса Соц.-Д.» — он будет приглашен. Таким образом та же группа Троцкого может — если захочет — под своей ответственностью ввести в О. К. представителя «влиятельной части партии» — «Голоса С.-Д.».

Шесть месяцев тому назад, когда была еще надежда, что Ц. К. в ближайшем будущем соберется и сам возьмется за созыв конференции, тогда Троцкий не хотел ждать Ц. К. и звал заграничные группы помимо Ц. К. собрать конференцию. А теперь, когда все усилия партийцев собрать немедленно Ц. К. разбились о «независящие» обстоятельства, «Правда» пытается сорвать инициативу оставшихся членов Ц. К., которые хотят одного: собрать делегатов от действующих на местах организаций и групп и предоставить им самим вырешить нетерпящие отлагательства вопросы...

Мы принуждены были, чтобы отразить нападки, вкратце очертить печальную роль большинства «З. Б. Ц. К.». Мы утверждаем, что факты, нами приведенные, хорошо известны редакции «Правды». И мы приглашаем газету «Правда» не отделиваться фразами, а опровергнуть на деле хоть один из выше приведенных фактов о раскольнической деятельности «З. Б. Ц. К.»

И мы спрашиваем: не является ли, после всего сказанного, прямым издевательством над партией со стороны Троцкого и его единомышленников заявление их резолюции от 11 июня, гласящее: «мы призываем «Заграничное Бюро Центрального Комитета» стоять и в п р е д ь (!) на страже партийного единства и охранять его от всяких раскольнических шагов»?—«З.Б.Ц.К.», не выпол-

нявшее решений пленума, пытающееся теперь расколоть партию сверху донизу, это «З. Б. Ц. К.» должно «и в п р е д ь» стоять на страже партийного единства! Вот как издеваются ныне над партией и партийностью люди, громче всех о партийности вопиющие!

Нечего говорить о том, что Троцкий считает своим долгом повторить все рассказы заграничных ликвидаторов о мнимом захвате совещанием партийных денег, о «внутри-партийных экспроприациях» (см. «Правда» № 21, в которой Троцкий, конечно, «не с легкой душой» рассказывает все эти небылицы и т. п.). Чтобы не возвращаться к этим самым... грустным выходкам—скажем одно: Троцкому, как и всякому члену партии, читавшему ее Ц. О., известно, что пленум Ц. К. отдал спор о деньгах на суд трех высокоуважаемых всеми русскими рабочими иностранных товарищей. Партия опубликовала свой договор и свое постановление об этом в № 11 Ц. О. А теперь, когда эти товарищи высказались прогив раскольнических планов голосовцев и выразили доверие нашей О. К., Троцкий кричит о «внутрипартийных экспроприациях»...

Имейте хоть немножко стыда, господа,—скажем мы Троцкому и иже с ним.—Не поднимайте постыдной, лживой и жалкой кампании вокруг денег! Не радуйте этим Меньшиковых и Изгоевых! Решение иностранных товарищей («держателей») о деньгах для нас всех ф о р м а л ь н о обязательно, ибо так решила партия. А м о р а л ь н о—еще более. Ибо, товарищи, вы знаете, к т о эти иностранные держатели, будто бы санкционирующие и прикрывающие «внутри-партийные экспроприации»?

Это—Карл Каутский, Франц Меринг и Клара Цеткин—наши учителя, имена которых дороги всякому русскому соц.-демократу. Да будет же стыдно тем, кто позволяет себе в борьбе с партией унижаться до таких приемов, которых мы являемся свидетелями в последнее время!

Нет и тысячу раз нет! Мы уверены, что не пойдут за такой политикой рабочие социал-демократы, в том числе и те из них, которые сочувствуют газете Троцкого. Никогда рабочие не согласятся с тем, что нефракционность на словах должна означать помощь х у д ш е й из фракций (г о л о с о в с к о - л и к в и д а о р с к о й!) н а д е л е. И к этим рабочим мы апеллируем, их мы призываем сказать с в о е слово, з а с т а в и т ь все группы и фракции подчиниться воле партии.

Мы не будем вдаваться в дальнейшую полемику с группой Троцкого. Мы ограничились самыми необходимыми возражениями,

дабы рассеять те ложные представления о нашей работе, которые стараются распространить под флагом «нефракционности». Отметим только (еще) одну н а и б о л е е о б щ у ю черту в выступлениях группы Троцкого: в области тактических вопросов и внутри партийных принципиальных разногласий Троцкий находит в своем арсенале оружие для борьбы т о л ь к о с л е в ы м крылом партии. Само собой разумеется, что подобная политика является водой на мельницу только голосовцев и оппортунистов всех других оттенков. И отсюда вполне понятно то трогательное единодушие, которое установилось между группой Троцкого и органом ликвидации партии—«Голосом С.-Д.». Странная нефракционность!..

III.

Мы не будем здесь подробно останавливаться на возражениях со стороны меньшевиков-партийцев. Они до сих пор не дали нам еще окончательного официального ответа. Но как бы там ни было—мы вполне уверены, что по существу дела меньшевики-партийцы пойдут рука об руку с нами и со всеми партийцами различных фракций. Этому служит ручательством та практическая совместная работа и то сближение, которое на деле осуществлялось за последние полтора года. И мы убеждены, что никакие частные разногласия не могут и не должны помешать и дальнейшей совместной с меньшевиками-партийцами работе.

Свой ответ на наше приглашение принять участие в О. К. для совместной работы над созывом партийной конференции дала и заграничная группа «Вперед» в особом листке, вышедшем на этих днях.

Мы не считаем уместным отвечать на ту брань и те недостойные заподозривания, которые заполняют упомянутый ответ группы «Вперед».

Все это достаточно говорит само за себя.

Остановимся лишь на главных возражениях группы «Вперед». Эта группа заявляет, что отказывается послать своего делегата в О. К. потому, что будто бы О. К. является «виновником грозящего партии раскола». Е с л и группа «Вперед», не исполнившая решений пленума, становится теперь на путь партийности, мы могли бы это только приветствовать. Но на чем основаны обвинения в расколе п о а д р е с у О. К. со стороны группы «Вперед»? Каковы ф а к т ы, на основании которых единственно и должны судить товарищи на местах?

— Факты эти таковы: наша О. К., как мы уже указывали, не только не закрывает ни для кого дверей, а, наоборот, приглашала и приглашает в свою среду все без различия партийные течения. О. К. принимает все меры к тому, чтобы в Р о с с и и немедленно образовалась русская коллегия по созыву конференции. Пусть укажут впередовцы хоть один пристрастный шаг со стороны нашей О. К.! Пока что впередовцы против нас выдвигают лишь один упрек: мы не приняли их (впередовского) странного предложения распуститься и примкнуть к «З. Б. Ц. К.». Мы ответили впередовцам на их странное предложение следующим образом:

«Г р у п п е «В п е р е д».

«Уважаемые товарищи!

«На наше предложение войти в Организационную Комиссию, созданную «Совещанием» для созыва конференции, вы ответили нам предложением же войти в еще не существующую О. К. при «З. Б. Ц. К.».

«Организационная Комиссия не считает возможным входить в обсуждение вашего предложения, так как оно является одним из бесчисленных «дипломатических» ходов всевозможных заграничных групп и кружков, не приведших пока ни к каким положительным результатам. Более того, мы думаем, что попытки, наряду с действующей уже несколько недель Организационной Комиссией, поощрять новую коллегию объективно являются попытками помешать необходимой для партии работе или даже произвести раскол.

«О. К. с прежней энергией будет работать над созывом конференции в твердой уверенности, что интересы рабочего движения в России и голос российских организаций заставят в конце концов заграничные кружки и группы отказаться от своих частных начинаний».

«З. Б. Ц. К.» и его сторонники вот уже несколько недель ходят вокруг да около вопроса о конференции и не могут ни на чем столковаться. О чем, кроме идейного бессилия «З. Б. Ц. К.» и его друзей свидетельствует это? И вот во имя того проблематического учреждения, которое должно только еще создать бессильное «З. Б. Ц. К.», нам предлагают распустить созданное половиной Ц. К. учреждение, у ж е действующее, у ж е созывающее конференцию!

Пусть же судят товарищи на местах, мы ли согрешили, отвергнувши несерьезное (в лучшем для впередовцев случае—несерьезное) предложение группы «Вперед»? Или—группа «Вперед» согрешила, выступивши с подобным предложением? И посмотрите дальше: большинство «З. Б. Ц. К.» с своей стороны тоже отвергло это якобы «примирительное» предложение группы «Вперед». Однако группа «Вперед» Заграничному Бюро (т.-е. голосовцам) не бросила упрека «в расколе», хотя «З. Б. Ц. К.» уже после создания О. К. приступает к созыву второй конференции. Напечатав письмо «секретаря «З. Б. Ц. К.» Игорева», заявляющего впередовцам, что их предложение «для «З. Б. Ц. К.», конечно, не приемлемо»,—группа «Вперед» не только не протестует против действительно раскольнических действий «З. Б. Ц. К.», но еще считает возможным прославлять его «беспристрастие» и «партийность» *).

Группа «Вперед» формулирует свои цели так: «Конференция для соглашения—да, конференция для раскола—нет!». Если впередовцы серьезнее не хотят раскола и не только на словах желают соглашения всех действительно партийных и революционно-соц.-демократических элементов,—тогда путь у них один: выступить против «З. Б. Ц. К.» и его раскольнической конференции, против его попыток расколоть партию сверху донизу и за конференцию, созываемую по инициативе членов Ц. К., выразивших желания огромного большинства партии. Поэтому мы, оставляя в стороне все резкие нападки и брань со стороны группы «Вперед», будем ждать их дел. Посмотрим, решатся ли они пойти окончательно с голосовцами против партии! Во всяком случае мы уверены в одном: рабочие, сочувствующие «Впереду», вряд ли примирятся со странной тактикой, сводящейся к тому, что быть «крайним левым» с.-д. на словах значит помогать крайним правым на деле. И этих рабочих мы призываем высказать свое мнение по поводу создавшегося положения. Их ответа мы ждем с полной уверенностью в том, что они никогда не выскажутся за блок с ликвидаторами против партийцев всех фракций.

*) Правда, примкнуть окончательно к нынешнему «З. Б. Ц. К.» впередовцы, повидимому, пока не решаются. Это конечно, невольная паннастроению российских товарищей.

На местах в с е рабочие с.-д. как большевики, так и меньшевики-партийцы, так и рабочие, связанные с «Впередом» и «Правдой», дружно ведут работу вместе и вместе борются против ликвидаторов-легалистов, почти всюду отделившихся от партийных групп и работающих совершенно независимо от нашей партии. И никогда рабочие с.-д. из-за соображений узко-фракционного характера и конкуренции заграничных кружков не откажутся от о б щ е - п а р т и й н о г о дела и не станут тормозить или раскалывать конференцию!

Еще два слова об одном возражении против нас.

Когда дело касалось нового пленума Ц. К.—который можно было созвать только за границей,—голосовцы препятствовали его созыву под тем предлогом, что они де за «российский» Ц. К.—созвать который они, конечно, тоже всячески мешали. Так теперь и с конференцией. Редакция «Голоса» еще в своем листке от февраля месяца выдвигает лозунг о создании «в России и только в России» «Организационной Комиссии» «из деятелей открытого движения». И теперь, пытаясь расколоть конференцию, голосовцы все время кричат о «России» и о том, что «Россия» сама должна все сделать. Прием—нехитрый, но, к сожалению, слишком часто удающийся!

Поэтому, товарищи, мы говорим вам: да, конечно, вся работа по созыву конференции должна быть выполнена в а м и с а м и м и в Р о с с и и; да, конечно, вы должны сами на местах брать всю работу в свои руки; да, конечно, вы должны создавать и укреплять областные и местные комитетские организации!

Но вы не должны позволить кормить вас **словами** «об областных комитетах» (обычно столь осмеиваемых ликвидаторами, отрицающими подполье) и о «России», которая должна сама все сделать. В ы н е д о л ж н ы п о з в о л и т ь п о с у л а м и и о б е щ а н и я м и с о р в а т ь н а с у щ н о е д е л о н е л е г а л ь н о й п а р т и и: созыв конференции. Вы должны немедленно сами выбрать в русскую коллегию, созывающую конференцию, своих делегатов, и пусть они примут самое горячее участие в общей работе. Вот это будет д е л о, а не слова. Это будет действительная помощь местным организациям и делу укрепления нашей Р. С.-Д. Р. П.

Наши партийные нелегальные организации несомненно оживают. Это подтверждают вести, идущие отовсюду. И что бы ни говорили ликвидаторы, а эти организации опять становятся во главе борющегося пролетариата, обновляют свой состав, приспособляют свою работу к новым условиям, выдвигают новые методы работы, диктуемые переживаемой эпохой. Рабочие сами берут работу в свои руки—этого у нас не отнимет никто. Пролетарская, выдержанная тактика, чуждая уклонений, начинает торжествовать всюду и везде! Ряд «легальных» деятелей—противники легализма во что бы то ни стало—тоже выступают на защиту нашей нелегальной партии с ее революционной программой и тактикой. Замечается прилив новых членов в наши организации. Рост сознательности—огромный. Разбитые и рассеянные наши ряды начинают вновь собираться и готовиться к новым битвам. И что бы там ни было, а мы сплотим нашу партию, мы соберем всех оставшихся верными ее знамени, мы пойдем на выборы в IV Думу, как единая, организованная пролетарская партия, высоко держащая свое славное красное знамя, не раз уже побывавшее в боях.

Первый шаг на пути к возрождению нашей партии, это—созыв конференции. Это насущное, кровное дело стараются нам затормозить. Атмосфера отравляется новыми обостренными спорами и внутренней междоусобицей. Товарищи! Проходите мимо этих мелочных столкновений, не обращайтесь на перебранку и склоку. Одно должно вас интересовать во всем этом: принципиальное содержание всех этих споров. Отбросьте шелуху и ищите принципиального программно-тактического ядра. А принципиально вопрос стоит так и только так: кто за старую нелегальную Р. С.-Д. Р. П., энергично использующую все легальные возможности, но твердо охраняющую свою марксистскую программу, свою непримиримую тактику, свои революционные лозунги? и—

— кто за новую во что бы то ни стало легальную партию, жертвующую во имя легальности во что бы то ни стало и программой, и тактикой, и славными традициями Р. С.-Д. Р. П.?

Огромное, подавляющее большинство партии в конце концов сойдется на первом. Никакие временные споры не помещают

нам всем сплотиться против тех, кто хочет разрушить нашу старую партию.

Единству!—зовем мы все партийные элементы, без различия фракций и течений. Частные расхождения между нами, партийцами, не должны нам помешать сплотиться для защиты нашей партии и для систематической обороны ее от проводников буржуазного влияния на пролетариат

Единству!—Не позволяйте ни в каком случае раскалывать возрождающиеся организации на местах. Берегите их, охраняйте и развивайте их—они опять поведут за собой сотни и сотни тысяч рабочих, они одни будут до конца защищать интересы российского пролетариата, руководителя революции!

Единству!—Скажите, что вы требуете единой и немедленной конференции, на которой должны быть представлены все организации без различия течений! Скажите властно, что вы никому не позволите более тормозить дело конференции, ставшей вопросом жизни и смерти для партии! Заявите, что вы не позволите срывать или оттягивать это важное дело из-за вопроса о том, сколько мест получит такая-то заграничная группа в такой-то комиссии!

Приступите немедленно к выборам в русскую коллегию О. К. и к выборам на самое конференцию. Время не ждет! Надо спланировать ряды, надо готовиться к борьбе!

Организационная Комиссия по созыву партийной конференции.

1 августа 1911 года.

Предисловие к брошюре Л. Б. Каменева: «Две партии»⁴⁵⁾.

Брошюра тов. Каменева представляет из себя систематическую сводку материала, относящегося к той борьбе с ликвидаторством, которую вел в контр-революционную эпоху большевизм, а за ним и вся Р. С.-Д. Р. П. Вполне естественно, что выяснению принципиального расхождения социал-демократии с ликвидаторством посвящено у т. Каменева наибольшее место, как всего больше останавливались на этом в 1908—1911 г.г. «Пролетарий» и Ц. О. партии «Социал-Демократ».

Тов. Каменев вполне доказал, что группа ликвидаторов на деле есть особая партия, не Р. С.-Д. Р. Партия. Его доказательства суммируют опыт преимущественно 1909—1911 годов,—опыт, подтвердивший декабрьскую резолюцию 1908 года. В этой резолюции, предложенной и проведенной от имени Р. С.-Д. Р. П. большевиками, было уже заявлено, что ликвидаторы стремятся «заменить» Р. С.-Д. Р. П. «бесформенным» легальным объединением. Теперь это бесформенное легальное объединение г.г. Потресова, Ларина, Левицкого и К-о (с хвостом из г.г. Мартова и голосовцев за границей) уже вполне показало себя. Это—не имеющая ничего общего с Р. С.-Д. Р. П. группа литераторов, ведущая не социал-демократическую, а либеральную рабочую политику. Это—деятели Столыпинской «рабочей» партии.

Переход от марксизма к либерализму и притом самый быстрый, иногда самый «неожиданный» переход—специфическая особенность России конца XIX и начала XX веков. «Экономисты» и «Credo»—г. Струве и К-о—г.г. ликвидаторы, это всё ступеньки одной лестницы, этапы одной эволюции, проявления одинаковой тенденции. Рабочая партия в России начала складываться незадолго до революции 1905 г.; эта партия перестраивается—отчасти строится заново, на более солидном фундаменте—в эпоху контр-революции. Буржуазная интеллигенция, влекомая к революции сознанием того, что Россия не пережила еще эпохи демократических переворотов, примыкает к пролетариату группа за группой—и группа за группой отходит снова от него, убедившись на опыте, что революционный марксизм ей не по плечу, что ее настоящее место в н е с.-д. партии. Таковы и наши ликвидаторы, из которых часть уже вполне ясно, прямо и откровенно говорит о создаваемой ими н о в о й партии.

И отзовизм, и ликвидаторство, будучи сходны тем, что оба представляют несоциал-демократические, буржуазные течения, различаются существенно судьбой своего политического развития. Отзовизм во-время был обессилен большевизмом и не дошел до попыток создать свою партию; он остался теперь ничтожной заграничной группкой, деятельность которой свелась к помощи ликвидаторам в интригах и борьбе против Р. С.-Д. Р. П. Напротив, ликвидаторство центр свой (в политическом смысле прежде всего, в организационном впоследствии) имеет в России; оно создало о с о б у ю, хотя и бесформенную (пока бесформен-

ную) партию,—вот почему тов. Каменеву пришлось так обстоятельно говорить о ликвидаторстве и лишь вскользь об отзовизме.

Среди сторонников Р. С.-Д. Р. П. людей, способных искренне защищать ликвидаторство, немного *). Но не мало еще, к сожалению, людей, искренно враждебных ликвидаторству и не понимающих условий борьбы с ним. Конечно, говорят такие люди, ликвидаторство есть буржуазное течение среди с.-д., но отчего бы не бороться с ним в рядах единой партии, как борются с бернштейниадой немцы? Отчего бы не попытаться «соглашения» с ликвидаторами?

Наши «соглашатели» не понимают очень важной и очень простой вещи: ликвидаторы не только оппортунисты (подобно Бернштейну и К-о), они, кроме того, строят особую партию, они объявили своим лозунгом несуществование Р. С.-Д. Р. П., они ни в чем не считаются с решениями Р. С.-Д. Р. П. Вот в чем отличие от «Европы», сослаться на которую могут лишь непродумавшие вопроса или незнающие русских условий люди. В Европе ни одного оппортуниста, который бы сделал против своей партии, против ее решений десятую долю того, что сделали и делают г.г. Потресовы, Игоревы, Беры, Мартовы, Даны и К-о, не потерпели бы ни одного месяца в рядах партий. В Европе партии открытые, и сразу видно, принадлежит ли человек к организации, подчиняется ли ей?

У нас партия—нелегальна. Нельзя «видеть» и нельзя (если не быть помощником охраны) открыто говорить о том, принадлежат ли к организации X, Y, Z. Но что г.г. Потресовы и К-о к организации не принадлежат и на все ее решения плюют,—совершенно так же, как и голосовцы,—это факт. Как же можно «соглашаться» с г.г. Потресовыми, доказавшими, что

*) Понятно, что об искренности заграничных голосовцев говорить было бы смешно. Это—специалисты по части шантажа и клеветы, руководимой г.г. Мартовыми. Решение Каутского, Меринга и Цеткиной отдать спорные деньги не в «З. Б. Ц. К.», а в Техническую К-сию (см. листок Орг. Комиссии от 1 августа 1911 г.) есть полное признание правоты тов. А-ва и всех большевиков (вполне солидарных с А-вым), есть полное осуждение грязного клеветничества г.г. Мартова, Дана, Мартынова и Аксельрода. Обращаем также внимание читателей на напечатанное в «Приложении» письмо т. Виктора⁴⁶⁾, показывающее, до каких мерзких приемов опускаются в борьбе с политическими противниками г. Мартов и его пособники,

для них партия не существует?—с г.г. Мартовыми и Данами, показавшими то же самое? О чем можно соглашаться с ликвидаторами, кроме как об уничтожении Р. С.-Д. Р. П.?

Пусть попробуют «соглашатели» указать условия соглашения с ликвидаторами, средства контроля за выполнением условий, факты, доказывающие выполнение их. Ни того, ни другого, ни третьего указать не л ь з я. А потому не подлежит сомнению, что речи о «соглашении» пустые и неумные речи. Помогают эти речи только интригам заграничных кружков (вроде кружков впередовцев, голосовцев, троцкистов), вполне доказавших, что на решения партии они плюют, ни в чем не ограничивая своей «с в о б о д ь» в поддержке ликвидаторов.

А в России нелегальные кружки рабочих отмежевались и с каждым днем все больше отмежевываются от ликвидаторов, строя медленно и трудно революционную Р. С.-Д. Р. П. Помогать этим кружкам, проводить на деле решения Р. С.-Д. Р. П., отказаться от игры в соглашения с заграничными пустышками (голосовцы—сильнейшая из заграничных групп, и это сплошная пустышка)—такова задача сторонников Р. С.-Д. Рабочей Партии. Борьба за партию есть партийность. Разговоры о «соглашении» со строящими несоциал-демократическую партию ликвидаторами есть преступление против долга партийности.

Р. С. Необходимо добавить, что данный в «Приложении» разбор «обвинений» против Б. Ц. представляет наше коллективное мнение и обработан на основании материалов и документов, имеющихся в распоряжении Б. Ц.,—а также на основании сведений т-щей из Б. Ц. лично ведших те или другие дела последнего.

2 августа 1911 г

Ю. Каменев. «Две партии».

Реформизм в русской социал-демократии.

Громадный прогресс капитализма за последние десятилетия и быстрый рост рабочего движения во всех цивилизованных странах внесли большой сдвиг в прежнее отношение буржуазии к пролетариату. Вместо открытой, принципиальной, прямой борьбы со всеми основными положениями социализма во имя полной неприкосновенности частной собственности и свободы конкурен

ции,—буржуазия Европы и Америки, в лице своих идеологов и политических деятелей, все чаще выступает с защитой так называемых социальных реформ против идеи социальной революции. Не либерализм против социализма, а реформизм против социалистической революции—вот формула современной «переходовой», образованной буржуазии. И чем выше развитие капитализма в данной стране, чем чище господство буржуазии, чем больше политической свободы, тем шире область применения «нового» буржуазного лозунга: реформы п р о т и в революции, частичное штопанье гибнущего режима в интересах разделения и ослабления рабочего класса, в интересах удержания власти буржуазии п р о т и в революционного ниспровержения этой власти.

С точки зрения всемирного развития социализма в указанном сдвиге нельзя не видеть крупного шага вперед. Сначала социализм боролся за существование и против него стояла верящая в свои силы буржуазия, смело и последовательно защищавшая либерализм, как цельную систему экономических и политических воззрений. Социализм вырос, он уже отстоял во всем цивилизованном мире свое право на существование, он борется теперь з а в л а с т ь, и буржуазия, разлагающаяся, видящая неизбежность гибели, напрягает все силы, чтобы ценою половинчатых и лицемерных уступок оттянуть эту гибель, сохранить за собой власть и при новых условиях.

Обострение борьбы реформизма с революционной с.-демократией в н у т р и рабочего движения есть совершенно неизбежный результат указанных изменений во всей экономической и политической обстановке всех цивилизованных стран мира. Рост рабочего движения неизбежно привлекает в число его сторонников известное количество мелко-буржуазных элементов, поработанных буржуазной идеологией, с трудом освобождающихся от нее, постоянно впадающих в нее снова и снова. Социальную революцию пролетариата нельзя себе и представить без этой борьбы, без ясной принципиальной размежки социалистической «Горы» и социалистической «Жиронды» п е р е д этой революцией,—без полного разрыва оппортунистических, мелко-буржуазных, и пролетарских, революционных, элементов новой исторической силы в о в р е м я этой революции.

В России дело не меняется по существу, но усложняется, затуманивается, модифицируется вследствие того, что мы отста-

ли от Европы (и даже от передовой части Азии), мы переживаем еще эпоху буржуазных революций. От этого русский реформизм отличается особенно упорным характером, представляет из себя болезнь более, так сказать, злокачественную, приносит гораздо больше вреда делу пролетариата и делу революции. У нас реформизм течет одновременно из двух источников. Во-первых, Россия гораздо более мелко-буржуазная страна, чем страны западно-европейские. У нас поэтому особенно часто появляются люди, группы, течения, отличающиеся тем противоречивым, нетвердым, колеблющимся отношением к социализму (то «пылкая любовь», то подлая измена), которое свойственно всякой мелкой буржуазии. У нас, во-2-х, массы мелкой буржуазии всего легче, всего быстрее падают духом и поддаются ренегатскому настроению при каждой неудаче одной из фаз нашей буржуазной революции, всего скорее отрекаются от задачи полного демократического переворота, очищающего Россию целиком от всех пережитков средневековья и крепостничества.

Не будем останавливаться подробно на первом источнике. Напомним только, что не найдется, наверное, ни единой страны в мире, где бы так быстро происходили «повороты» от сочувствия социализму к сочувствию контр-революционному либерализму, как у наших господ Струве, Изгоевых, Карауловых и т. д., и т. п. А ведь эти господа—не исключения, не одиночки, а представители широко распространенных течений! Прекраснодушные люди, которых много вне рядов с.-демократии, но не мало также внутри ее, и которые любят говорить проповеди против «чрезмерной» полемики, «страсти к размежеваниям» и т. д., обнаруживают полное непонимание того, какие исторические условия порождают в России «чрезмерную» «страсть» к скачкам от социализма к либерализму.

Перейдем ко второму источнику реформизма в России.

Буржуазная революция у нас не закончена. Самодержавие п ы т а е т с я по-новому решить завещанные ею и навязываемые всем объективным ходом экономического развития задачи, н о о н о не может их решить. Ни новый шаг по пути превращения старого царизма в подновленную буржуазную монархию, ни организация в национальном масштабе дворян и верхов буржуазии (III Дума), ни буржуазная аграрная политика, проводимая земскими начальниками,—все эти «крайние» меры, все эти «последние» усилия царизма на п о с л е д н е й остав-

шейся ему арене, арене приспособления к буржуазному развитию, оказываются недостаточными. Не выходит и так! Не только японцев не может догнать «обновляемая» та к и м способом Россия, но даже и от Китая, пожалуй, она начинает отставать. Революционный кризис на почве неразрешенных буржуазно-демократических задач остается неизбежным. Он назревает снова, мы идем опять навстречу к нему, идем по-новому, н е т а к, как прежде, не тем темпом, не в старых только формах, но идем несомненно.

Задачи пролетариата вытекают из такого положения с полнейшей, неуклонной определенностью. Как единственный до конца революционный класс современного общества, он должен быть руководителем, гегемоном в борьбе всего народа за полный демократический переворот, в борьбе всех трудящихся и эксплуатируемых против угнетателей и эксплуататоров. Пролетариат революционен лишь постольку, поскольку он сознает и проводит в жизнь эту идею гегемонии. Пролетарий, сознавший эту задачу, есть раб, восставший против рабства. Пролетарий, не сознающий идеи гегемонии своего класса, или отрекающийся от этой идеи, есть раб, не понимающий своего рабского положения; в лучшем случае это—раб, борющийся за улучшение своего рабского положения, а н е за свержение рабства.

Понятно отсюда, что знаменитая формула одного из молодых главарей нашего реформизма, г. Левицкого из «Нашей Зари», объявившего, что русская с.-демократия должна быть «не гегемонией, а классовой партией», есть формула самого последовательного реформизма. Мало того. Это—формула полного ренегатства. Сказать: «не гегемония, а классовая партия» значит перейти на сторону буржуазии, на сторону либерала, который говорит рабу нашей эпохи, наемному рабочему: борись за улучшение своего положения как раба, но считай вредной утопией мысль о свержении рабства! Сравните знаменитую формулу Бернштейна: «движение—всё, конечная цель—ничто» с формулой Левицкого, и вы увидите, что это—варианты одной и той же идеи. В обоих случаях это признание т о л ь к о реформ и отрицание революции. Формула Бернштейна шире, ибо она имеет в виду социалистическую революцию (=конечную цель с.-д., как партии буржуазного общества). Формула Левицкого уже, ибо, будучи отречением от революции вообще, она специально рассчитана на отречение от того, что было всего более ненавистно либералам

в 1905—1907 г.г., именно, что пролетариат вырвал у либералов руководство народными массами (и особенно крестьянством) в борьбе за полный демократический переворот.

Проповедывать рабочим, что им нужна *«не гегемония, а классовая партия»*,—значит предавать либералам дело пролетариата, значит проповедывать замену *социал-демократической* рабочей политики *либеральной* рабочей политикой.

Но отречение от идеи гегемонии есть самый грубый вид реформизма в русской с.-демократии, и потому не все ликвидаторы решаются высказывать прямо свои мысли в столь определенной форме. Некоторые из них (вроде г. Мартова) пытаются даже, в насмешку над истиной, отрицать связь между отказом от гегемонии и ликвидаторством.

Более «тонкой» попыткой «обосновать» реформистские взгляды является такое рассуждение: буржуазная революция в России закончена; после 1905 года второй буржуазной революции, второй общенациональной борьбы за демократический переворот быть не может; России предстоит поэтому *не* революционный а «конституционный» кризис, и рабочему классу остается лишь позаботиться об отстаивании своих прав и интересов на почве этого «конституционного кризиса». Так рассуждает ликвидатор Ю. Ларин в «Деле Жизни» (а раньше в «Возрождении»).

«Октябрь 1905 г. не стоит на очереди, — писал г. Ларин. — Упразднив Думу, восстановили бы ее еще скорее, чем послереволюционная Австрия, упразднившая конституцию в 1851 г., чтобы вновь признать ее в 1860 г., через 9 лет, без всякой революции» (это заметьте!), «просто в силу интересов перестроившей на капиталистическую ногу свое хозяйство влиятельнейшей части господствующих классов». «На переживаемой нами стадии невозможно общенациональное революционное движение, имевшее место в 1905 г.».

Все эти рассуждения г. Ларина представляют из себя не что иное, как распространенный пересказ слов г. Дана, сказанных им на Декабрьской Конференции Р. С.-Д. Р. П. в 1908 г. Против резолюции, говорящей, что «основные факторы экономической и политической жизни, вызвавшие революцию 1905 года, продолжают действовать», что нарастает снова кризис именно *революционный*, а не «конституционный»,—против этой резолюции редактор «Голоса» ликвида-

торов воскликнул: «они» «(т.-е. Р. С.-Д. Р. П.)» «хотят перейти туда, где были раз разбиты».

Опять «переть» к революции, работать неустанно и в изменившейся обстановке над проповедью революции, над подготовкой сил рабочего класса к революции,—вот в чем главное преступление Р. С.-Д. Р. П., вот в чем вина революционного пролетариата, с точки зрения реформистов. Не к чему «переть туда, где были раз разбиты»—вот мудрость ренегатов и людей, падающих духом после всякого поражения.

Но революционный пролетариат в странах более старых и более «опытных», чем Россия, умел дважды, трижды и четырежды «переть туда, где был раз разбит», умел (как во Франции) четыре раза с 1789 по 1871 год совершать революции, подниматься снова и снова на борьбу после самых тяжелых поражений и завоевать себе республику, в которой он стоит лицом к лицу перед своим последним врагом—передовой буржуазией;—республику, которая одна только может быть формой государства, соответствующей условиям окончательной борьбы за победу социализма.

Таково различие между социалистами и либералами, т.-е. сторонниками буржуазии. Социалисты учат, что революция неизбежна и что пролетариат должен использовать все противоречия в общественной жизни, всякую слабость его врагов или промежуточных слоев для подготовки новой революционной борьбы, для повторения революции на более широкой арене, при условии большей развитости населения. Буржуазия и либералы учат, что революции не нужны и вредны рабочим, которые не должны «переть» к революции, а должны, как пай-мальчики, скромненько работать над реформами..

Поэтому реформисты—пленники буржуазных идей—и сылаются постоянно, для отвлечения русских рабочих от социализма, на пример именно Австрии (а также Пруссии) 60-х годов. Почему излюблены ими эти примеры? Ю. Ларин выболтал тайну: потому, что в этих странах, после «неудачной» революции 1848 г., буржуазное преобразование страны было завершено «без всякой революции».

Вот в чем гвоздь! Вот что наполняет радостью сердца. Значит, возможно буржуазное преобразование без революции!! а если так, то к чему же нам, русским, утруждать себя мыслью о революции? почему и нам не предоставить помещикам и фабри-

кантам произвести «без всякой революции» буржуазное преобразование России!?

Слабость пролетариата в Пруссии и Австрии была причиной того, что он не мог помешать аграриям и буржуазии совершить преобразование вопреки интересам рабочих, в самой невыгодной для рабочих форме, с сохранением и монархии, и привилегий дворянства, и бесправия в деревне, и массы других остатков средневековья.

Русские реформисты—после того, как наш пролетариат в 1905 г. проявил силу, не виданную еще ни в одной буржуазной революции Запада—берут примеры слабости рабочего класса в других странах 40 и 50 лет тому назад, чтобы оправдать свое ренегатство, чтобы «обосновать» свою ренегатскую проповедь!

Ссылка на Австрию и Пруссию 60-х годов, излюбленная нашими реформистами, есть лучший пример, доказывающий теоретическую несостоятельность их рассуждений и их практически-политический переход на сторону буржуазии.

В самом деле, если Австрия восстанавливала упраздненную после поражения революции 1848 г. конституцию, если в Пруссии наступила «эра кризиса» в 60-х годах, то что это доказывает? Прежде всего, что буржуазное преобразование этих стран не было завершено. Говорить, что в России власть уже переродилась в буржуазную (как говорит Ларин), что о крепостническом характере власти у нас теперь нечего и говорить (см. у того же Ларина)—и вместе с тем ссылаться на Австрию и Пруссию—значит побивать самого себя! Вообще говоря, отрицать, что буржуазное преобразование России не закончено, было бы смешно: даже политика буржуазных партий к.-д. и октябристов доказывает это яснее ясного, и Ларин сам (как увидим ниже) сдает свою позицию. Несомненно, что монархия делает еще шаг по пути приспособления к буржуазному развитию, как мы уже сказали и как признала резолюция партии (декабрь 1908 г.),—но еще более несомненно, что даже это приспособление, даже буржуазная реакция и III Дума и аграрный закон 9 ноября 1906 (14 июня 1910) не решают задач буржуазного преобразования России.

Пойдем дальше. Почему «кризисы» в Австрии и в Пруссии в 60-х г.г. оказались «конституционными», а не революционными кризисами? Потому, что ряд особых обстоятельств

облегчил трудное положение монархии («революция сверху» в Германии, объединение ее «железом и кровью»), потому что пролетариат названных стран был тогда еще крайне, крайне слаб и неразвит, а либеральная буржуазия отличалась такой же подлой трусостью и изменами, как и русские кадеты.

Чтобы иллюстрировать оценку такого положения вещей самими немецкими с.-д., из числа переживших эту эпоху, приведем некоторые отзывы Бебеля, выпустившего в прошлом году первую часть своих «Воспоминаний». Про 1862 год, год «конституционного» кризиса в Пруссии, Бисмарк рассказывал, — как стало известно впоследствии, — что король находился тогда в самом угнетенном состоянии и плакался ему, Бисмарку, по поводу грозящего им обоим эшафота. Бисмарк пристыдил труса и убедил его не бояться борьбы.

«Эти события показывают, — говорит Бебель по этому поводу, — чего могли бы достигнуть либералы, если бы они умели использовать положение. Но они боялись уже рабочих, стоящих позади них. Слова Бисмарка: «если меня доведут до крайности, я подниму Ахерон» (т.-е. подниму на народное движение низы, массы) «нагнали на либералов бесконечный страх».

Вождь германских с.-д., пол-века спустя после «конституционного» кризиса, который «без всякой революции» завершил преобразование его страны в буржуазно-юнкерскую монархию, указывает на революционность тогдашнего положения, не использованного либералами из боязни рабочих. Вожди русских реформистов говорят русским рабочим: если немецкая буржуазия была так подла, что струсила перед струсившим королем, то почему же нам тоже не попробовать повторить эту прекрасную тактику немецкой буржуазии? Бебель обвиняет буржуазию, ее эксплуататорскую боязнь народного движения, — за то, что «конституционный» кризис не был ею «использован» для революции. Ларин и К-о обвиняют русских рабочих в том, что они стремились к гегемонии (т.-е. к вовлечению масс в революцию вопреки либералам), и советуют им организоваться «не для революции», а «для защиты своих интересов при предстоящем конституционном обновлении России». Гнилые взгляды гнилого немецкого либерализма преподносятся ликвидаторами русским рабочим под видом взглядов «социал-демократических»! Ну, как уже не назвать таких с.-д. столыпинскими социал-демократами?

Оценивая «конституционный» кризис 60-х годов в Пруссии, Бебель не ограничивается указанием на то, что, боясь рабочих, буржуазия боялась борьбы с монархией. Он указывает также на то, что делалось тогда в рабочей среде. «Невыносимость политического положения,—говорит он,—становилась все более и более ясной для рабочих, отражалась, естественно, на их настроении. Все требовали перемен. Но так как не было на-лицо руководящих элементов, вполне сознательных, ясно видящих цель, к которой надо стремиться, и пользующихся доверием, так как не было крепкой организации, сплачивающей силы, то настроение пропало даром (*verpuffte*). Никогда движение, великолепное по своей сущности (*in Kern vortreffliche*), не оканчивалось более безрезультатно. Все собрания были переполнены, и кто говорил всех резче, тот становился героем дня. Это настроение господствовало в особенности в Лейпцигском рабочем обществе самобразования». На собрании в 5.000 человек в Лейпциге 8 мая 1866 г. была единогласно принята резолюция Либкнехта и Бебеля, требовавшая созыва на основе всеобщего, прямого, равного, тайного голосования парламента, поддерживаемого всеобщим народным вооружением, и высказывавшая «ожидание, что немецкий народ будет выбирать в депутаты лишь таких людей, которые отвергают всякую наследственную центральную власть». Резолюция Либкнехта и Бебеля была, следовательно, вполне определенного республиканского и революционного характера.

Итак, в о ж д ь г е р м а н с к и х с.-д. во время «конституционного» кризиса проводит на массовых собраниях резолюции республиканского и революционного характера. Пол-века спустя, вспоминая свою юность, рассказывая новому поколению о делах давно минувших дней, он всего более подчеркивает сожаление о том, что не было на-лицо достаточно сознательных и понимающих революционные задачи руководящих элементов (т.-е. н е б ы л о р е в о л ю ц и о н н о й с.-д. п а р т и и, п о н и м а ю щ е й з а д а ч и г е г е м о н и и), что не было сильной организации, что «пропало даром» революционное настроение. А вожди русских реформистов, с глубокомыслием Иванушек, ссылаются на Австрию и Пруссию 60-х годов, в доказательство того, что возможно вот обойтись «без всякой революции»! И эти филистерские душонки, поддавшиеся контр-революционному угару, идейно поработанные либерализмом, смеют еще позорить имя Р. С.-Д. Р. П.!

газумеется, среди реформистов, разрывающих с социализмом, есть люди, которые искренний оппортунизм Ларина заменяют дипломатией вокруг да около важнейших принципиальных вопросов рабочего движения. Такие люди запутывают суть дела, засоряют идейные споры, загрязняют их, как, напр., г. Мартов, пытавшийся утверждать в легальной печати (т.-е. защищенный Столыпиным от прямого выступления членов Р. С.-Д. Р. П.), будто Ларин и «правовверные большевики в резолюциях 1908 г.» дают о д н а к о в у ю «схему». Это—простое извращение истины, достойное автора грязных произведений. Тот же Мартов, якобы споря с Лариным, заявлял печатно, что «он, разумеется, не подозревает Ларина в реформистских тенденциях». Излагающего ч и с т о реформистские взгляды Ларина Мартов, н е п о д о з р е в а е т в реформизме!!—образец уловок дипломатов реформизма *). Тот же Мартов, которого некоторые простачки принимают за более «левого», более надежного, революционера, чем Ларина, резюмировал следующим образом свои «разногласия» с Лариным:

«Резюмирую. Для теоретического обоснования и политического оправдания того, что сейчас делают оставшиеся верными марксизму меньшевики, вполне достаточно того факта, что современный режим представляет собой внутренне противоречивое сочетание абсолютизма с конституционализмом и что русский рабочий класс созрел для того, чтобы, подобно рабочим передовых стран Запада, ухватить этот режим за Ахиллесову пята этих противоречий».

Как ни увертывался Мартов, но первая же попытка подвести резюме привела к тому, что все увертки рушились сами собой. Приведенные нами слова есть полное отречение от социализма и подмена его либерализмом. «Вполне достаточным» объявляет Мартов то, что достаточно т о л ь к о для либералов, т о л ь к о для буржуазии. Пролетарий, который находит «вполне достаточным» признать противоречивость сочетания абсолютизма с конституционализмом, стоит на точке зрения л и б е р а л ь н о й рабочей политики. Он не социалист, он не понял задач своего к л а с с а, состоящих в том, чтобы против абсолютизма

*) Ср. верные замечания о реформизме Ларина и увертках Мартова у партийного меньшевика Дневницкого ⁴⁷⁾ в № 3 «Дискусс. Листка» (приложение к Ц. О. нашей партии).

во всех его формах поднять массы народа, массы трудящихся и эксплуатируемых на самостоятельное вмешательство в исторические судьбы страны вопреки шатаниям или противодействию буржуазии. А самостоятельное историческое действие масс, вырывающихся из-под гегемонии буржуазии, превращает «конституционный» кризис в революцию. Буржуазия (особенно после 1905 г.) боится революции и ненавидит ее, пролетариат воспитывает народные массы в преданности идее революции, разъясняет ее задачи, подготавливает массы к новым и новым революционным битвам. Наступает ли революция, когда, в какой обстановке, это не зависит от воли того или другого класса, но революционная работа в массах не пропадает бесследно никогда. Только такая работа есть деятельность, готовящая массы к победе социализма. Эти азбучные, элементарные истины социализма забывают г.г. Ларины и Мартовы.

Первый из них, выражая взгляды русской ликвидаторской группы, которая совсем порвала с Р. С.-Д. Р. П., не стесняется прямо договаривать до конца свой реформизм. Вот его слова из «Дела Жизни» (1911 № 2), которые заслуживают того, чтобы их запомнил всякий, дорожающий принципами социал-демократии:

«Состояние растерянности и неопределенности, когда люди просто не знают, чего ждать от завтрашнего дня, какие задачи себе поставить,—вот что означает неопределенно выжидательное настроение, смутные надежды не то на повторение революции, не то на «там видно будет». Очередной задачей является не беспечное ожидание у моря погоды, а проникновение широких кругов руководящей идеей о том, что в наступившем новом историческом периоде русской жизни рабочий класс должен организоваться не «для революции», не «в ожидании революции», а просто-таки... (заметьте это: п р о с т о - т а к и...) «для твердой и планомерной защиты своих особых интересов во всех областях жизни; для собирания и обучения своих сил этой разносторонней и сложной деятельностью; для воспитания и накопления таким путем социалистического сознания вообще; для умения ориентироваться (разбираться)—и постоять за себя!—в сложных взаимоотношениях общественных классов России при предстоящем, после экономически неизбежного самоисчерпания феодальной реакции, конституционном ее обновлении в частности».

Вот это—законченный, откровенный, самодовольный реформист в чистом виде. Война идее революции, «надежде» на революцию (реформисту эти «надежды» кажутся смутными, ибо он не понимает глубины современных экономических и политических противоречий), война всякой деятельности, состоящей в организации сил и подготовке умов для революции, война в легальной печати, защищаемой Столыпиным от прямого выступления революционных с.-д., война от имени группы легалистов, порвавших целиком с Р. С.-Д. Р. П.,—вот она, программа и тактика создаваемой г.г. Потресовым, Левицким, Лариным и К-о Столыпинской рабочей партии. Действительная программа, действительная тактика этих людей в приведенной цитате выражены точно—в отличие от их лицемерных казенных заверений, что они «то же с.-д.», что они «тоже» принадлежат к «непримиримому Интернационалу». Эти заверения—показные слова. Эта программа, целиком заменяющая социализм либеральной рабочей политикой—их дела, их реальная общественная суть.

И взгляните на смешные противоречия, в которых запутываются реформисты. Если буржуазная революция в России закончена (как говорил Ларин), тогда на очередь выдвигается социалистическая революция. Это ясно само собой, это очевидно для всякого, кто причисляет себя к социалистам не ради обмана рабочих популярной кличкой. Тогда мы должны организовать и м е н и о «для революции» (социалистической), именно «в ожидании» ее, именно ради «надежды» (не смутной, а основанной на точных и возрастающих данных науки, «надежды»—у в е р е н н о с т и) н а с о ц и а л и с т и ч е с к у ю революцию.

Но в том-то и гвоздь, что для реформиста болтовня о законченной буржуазной революции (как для Мартова болтовня об Ахиллесовой пяте и т. п.)—лишь словесное прикрытие от р е ч е н и я от всякой революции. От буржуазно-демократической революции он отрекается под тем предлогом, что она закончена,—или под тем, что «вполне достаточно» признать противоречие между абсолютизмом и конституционализмом,—а от социалистической революции он отрекается под тем предлогом, что нам «пока» надо «просто-таки» организовать для участия в «предстоящем конституционном обновлении России»!

Но если вы, почтенный кадет, рядящийся в социалистические перья, признаете неизбежным «предстоящее конституционное обожвление» России, то вы побиваете себя, признавая тем самым незаконченность буржуазно-демократической революции у нас. Вы выдаете паки и паки свою буржуазную природу, толкуя о неизбежном «самосчерпании феодальной реакции» и оплевывая пролетарскую идею уничтожения не одной только феодальной реакции, а всех остатков феодализма путем народного революционного движения.

Вопреки либеральной проповеди наших героев столыпинской рабочей партии—русский пролетариат всю свою тяжелую, трудную, будничную, мелкую, невидную работу, на которую осудила его эпоха контр-революции, будет прошивать всегда и неизменно духом преданности революции демократической и революции социалистической, он будет организовываться и собирать силы для революции, он будет давать беспощадный отпор изменникам и ренегатам, он будет руководиться не «смутной надеждой», а научно обоснованной уверенностью в повторении революции.

*«Социал-Демократ» № 23
от 1(14) сентября 1911 г.*

Примечание от редакции к корреспонденции из Петербурга.

Корреспонденция тов. К.⁴⁸) заслуживает величайшего внимания всех, кто дорожит нашей партией. Лучшее разоблачение «головосовской» политики (и головосовской дипломатии), лучшее опровержение взглядов и надежд наших «примирителей и соглашателей» трудно себе представить.

Исключителен ли случай, описанный тов. К.? Нет, это типичный случай деятелей столыпинской рабочей партии, ибо мы прекрасно знаем, что ряд литераторов «Нашей Зари», «Дела Жизни» и т. п. уже не первый год систематически проводит и менишески ликвидаторские идеи. Не всегда эти ликвидаторы попадают к рабочим партиям, очень редко об их позорных выступлениях партия получает такие точные сообщения, за которые мы должны быть благодарны т-щу К.,

но всегда и повсюду проповедь группы независимцев-легалистов ведется именно в таком духе. Сомневаться в этом факте, раз налицо есть журналы типа «Нашей Зари» и «Дела Жизни», невозможно. Замалчивать этот факт выгодно только особенно трусливым и особенно подлым защитникам ликвидаторов.

Сопоставьте с этим фактом те приемы, которые пускают в ход люди вроде Троцкого, кричащие о «соглашении» и о своей вражде к ликвидаторству. Приемы эти известны слишком хорошо: погромче кричать, что мы де «ни большевики, ни меньшевики, а революционные с.-д.», усердно божиться и клясться, что мы враги ликвидаторства и горой стоим за нелегальную Р.С.Д.-Р.П., изо всех сил ругать тех, кто разоблачает ликвидаторов г.г. Потресова и К-о, называть антиликвидаторов «раздувающими» вопрос, ни слова не говорить против определенных ликвидаторов г.г. Потресова, Мартова, Левицкого, Дана, Ларина и т. д.

Реальное значение подобных приемов очевидно. Посредством фразы прикрываются действительные ликвидаторы и делаются всяческие попытки мешать работе антиликвидаторов. Точь-в-точь подобную политику приводило известное в истории Р. С.-Д. Р. П. своей беспринципностью «Рабочее Дело»: оно божилось и клялось, что мы де вовсе не экономисты, что мы вполне за политическую борьбу, а на деле прикрывало «Рабочую Мысль» и экономистов, всю борьбу направляя на тех, кто разоблачал экономистов и опровергал их.

Отсюда ясно, что Троцкий и подобные ему «троцкисты и соглашатели» вреднее всякого ликвидатора, ибо убежденные ликвидаторы прямо излагают свои взгляды, и рабочим легко разоблачить их ошибочность, а г.г. Троцкие обманывают рабочих, прикрывают зло, делают невозможным разоблачение его и излечение от него. Всякий, кто поддерживает группку Троцкого, поддерживает политику лжи и обмана рабочих, политику прикрывания ликвидаторства. Полная свобода действий для г. Потресова и К-о в России, прикрывание их дел «революционной» фразой за границей — вот суть политики «троцкизма».

Отсюда ясно, далее, что всякое «соглашение» с голосовцами, обходящее вопрос о ликвидаторском центре в России, т.-е. о

деятелях «Нашей Зари» и «Дела Жизни», было бы не чем иным, как продолжением того же обмана рабочих, того же прикрывания зла. Голосовцы вполне доказали со времени январского пленума 1910 г., что они способны «подписывать» любые резолюции, ни капли «не стесняя свободы» своей ликвидаторской деятельности никакими резолюциями. За границей подписывать резолюции о том, что всякое принижение значения нелегальной партии есть проявление буржуазного влияния на пролетариат, а в России помогать г.г. Потресовым, Лариным, Левицким, не только не участвующим в нелегальной работе, но издевающимся над ней и разрушающим нелегальную партию.

В настоящее время Троцкий вместе с бундовцами типа г. Либера (—крайнего ликвидатора, публично защищавшего г. Потресова на рефератах и теперь, чтобы замаять этот факт, разжигающего склоку и дразги) вместе с латышами типа Шварца и т. п. сочиняют именно подобное «соглашение» с голосовцами. Пусть же никто не обманывается на этот счет: их соглашение будет соглашением о прикрытии ликвидаторов.

Р. С. Эти строки были уже набраны, когда в печати появилось известие о «соглашении» голосовцев с Троцким, бундовцем и ликвидатором-латышем. Наши слова вполне подтвердились: это—соглашение о прикрытии ликвидаторов в России, соглашение прислужников г. Потресова и К-о.

*«Социал-Демократ» № 23
от 1(14) сентября 1911 г.*

Примечание редакции к „Заявлению“ 25 авг. 1911 г.⁴⁹⁾.

Редакция Ц. О. уже давно, с декабря 1910 г. предупредила партию, что голосовцы с р ы в а ю т пленум. Теперь факт налицо: голосовцы сорвали сначала русский, потом заграничный пленум.

Русский пленум сорван господами М., Ю. и Р. Своим «талантливым опровержением» они лишь подтвердили тот факт, что их на заседание Ц. К. звали, звали, хотя бы лишь для кооптации, звали не злые «фракционные», «ленинские» большевики, а примирены, и все же эти г.г. отказались. Их отказ и сорвал русский Ц. К., ибо все большевики-цеклисты пленума, поехавшие в

Россию (а поехали все практики) оказались «изъятыми» раньше, чем они успели созвать полный состав после отказа этой тройки.

Сколько бы фраз, заверений, клятв ни говорили теперь голосовцы, сколько бы ни пытались руготней, склокой, шантажем замять и засорить вопрос, факт остается фактом. «Троица» главных вождей легалистов, М. + Ю. + Р., ближайшие коллеги г.г. Потресовых и прочих героев столыпинской рабочей партии, сорвали Ц. К. в России.

Теперь голосовцы сорвали Ц. К. и за границей. Большевики требовали его созыва в декабре 1910 г. — ликвидаторское З. Б. Ц. К. отказало, ссылаясь на Русское Бюро Ц. К. (ссылка была фальшива, ибо заграничный пленум не исключал русского).

Второй раз, после провала, большевики потребовали созыва заграничного пленума в апреле — мае 1911 г. Второй отказ З. Б. Ц. К., ссылавшегося на то, что половина «русского бюро» цела.

С тех пор прошло 4—5 месяцев, лживость ссылок З. Б. Ц. К. разоблачена вполне: ни единого письма от «половины» «бюро», ни единого шага этой половины, ни единого проблеска жизни за треть года!! Либеры, Игоровы и Шварцы обманули партию: ссылаясь на несуществующее бюро в России, они отказывались созвать Ц. К. за границей. А июньское совещание цеклистов доказало, что девять членов Ц. К. находилось за границей.

Кто способен думать, не давая оглушать себя криком, руготней, склокой, шантажем, тот не может не видеть, что Ц. К. окончательно сорван голосовцами.

Голосовцы сделали все, что могли, чтобы уничтожить партию. Партия сделает все, чтобы уничтожить голосовцев.

*«Социал-Демократ» № 23
от 1(14) сентября 1911 г.*

Столыпин и революция.

Умерщвление обер-вешателя Столыпина⁵⁰⁾ совпало с тем моментом, когда целый ряд признаков стал свидетельствовать об окончании первой полосы в истории русской контр-революции. Поэтому событие 1-го сентября, очень маловажное само по себе, вновь

ставит на очередь вопрос первый важности о содержании и значении нашей контр-революции. Среди хора реакционеров, лакейски воспевающих Столыпина или копающихся в истории интриг черносотенной шайки, командующей Россией—среди хора либералов, качающих головой по поводу «дикого и безумного» выстрела (к либералам относятся, конечно, и бывшие с.-д. из «Дела Жизни», употребившие приведенное в кавычках избитое выражение), слышатся отдельные ноты действительно серьезного принципиального содержания. Делаются попытки взглянуть на «Столыпинский период» русской истории, как на нечто целое.

Столыпин был главой правительства контр-революции около пяти лет, с 1906 по 1911 г.г. Это—действительно своеобразный и богатый поучительными событиями период. Его можно охарактеризовать с внешней стороны, как период подготовки и осуществления государственного переворота 3-го июня 1907 г. Именно летом 1906 г., когда Столыпин в роли министра внутренних дел выступил перед I Думой, началась подготовка этого переворота, который показал теперь уже все свои плоды во всех областях нашей общественной жизни. Спрашивается, на какие общественные силы опирались деятели этого переворота или какие силы направляли этих деятелей? Каково было социально-экономическое содержание «третьеиюньского» периода?—Личная «карьер» Столыпина дает поучительный материал и интересные иллюстрации по этому вопросу.

Помещик и предводитель дворянства становится губернатором в 1902 г., при Плеве,—«прославляет» себя в глазах царя и его черносотенной камарильи зверской расправой над крестьянами, истязаниями их (в Саратовской губернии),—организует черносотенные шайки и погромы в 1905 г. (Балашевский погром),—становится министром внутр. дел в 1906 г. и председателем совета министров со времени разгона Первой Гос. Думы. Такова, в самых кратких чертах, политическая биография Столыпина. И эта биография главы контр-революционного правительства есть в то же время биография того класса, который проделал нашу контр-революцию и у которого Столыпин был не более, как уполномоченным или приказчиком. Этот класс—русское благородное дворянство, с первым дворянином и крупнейшим помещиком Николаем Романовым во главе. Это класс—те тридцать тысяч крепостников-землевладельцев, в руках которых находятся 70

миллионов десятин земли в Европейской России, т.-е. столько же, сколько имеют десять миллионов крестьянских дворов. Земельные латифундии в руках этого класса—основа той крепостнической эксплуатации, которая под разными видами и названиями (отработки, кабала и т. д.) царит в исконно-русском центре России. «Малоземелье» русского крестьянина (если употребить излюбленное либеральное и народническое выражение) есть не что иное, как оборотная сторона *многоземелья* этого класса. Аграрный вопрос, стоявший в центре нашей революции 1905 г., сводился к тому, сохранится ли помещичье землевладение,—в таком случае неизбежно сохранение на долгие и долгие годы нищенского, убогого, голодного, забитого и задвинутого крестьянства, как массы населения,—или масса населения сумеет завосвать себе сколько-нибудь человеческие, сколько-нибудь похожие на европейские свободные условия жизни,—а это было *неосуществимо* без революционного уничтожения помещичьего землевладения и неразрывно связанной с ним помещичьей монархии.

Политическая биография Столыпина есть точное отражение и выражение условий жизни царской монархии. Столыпин не мог поступить иначе, чем он поступал, при том положении, в котором оказалась при революции монархия. Монархия не могла поступать иначе, когда с полной определенностью выяснилось, и выяснилось на опыте, и до Думы, в 1905 г., и при Думе, в 1906 г., что громадная, подавляющая масса населения уже сознала непримиримость своих интересов с сохранением класса помещиков и стремится к уничтожению этого класса. Нет ничего более поверхностного и более фальшивого, как уверения кадетских писателей, что нападки на монархию были у нас проявлением «интеллигентского» революционизма. Напротив, объективные условия были таковы, что борьба крестьян с помещичьим землевладением неизбежно ставила вопрос о жизни или смерти нашей помещичьей монархии. Царизму *пришлось* вести борьбу не на живот, а на смерть, *пришлось* искать иных средств защиты, кроме совершенно обессилевшей бюрократии и ослабленной военными поражениями и внутренним распадом армии. Единственное, что оставалось царской монархии в таком положении, была организация черносотенных элементов населения и устройство погромов. Высокоморальное негодование, с которым говорят о погромах наши либералы, не может не производить на всякого револю-

ционеру впечатления чего-то до нельзя жалкого и трусливого, — особенно, когда это высокоморальное осуждение погромов соединяется с полным допущением мысли о переговорах и соглашениях с погромщиками. Монархия не могла не защищаться от революции, а полуазиатская, крепостническая, русская монархия Романовых не могла защищаться иными, как самыми грязными, отвратительными, подло жестокими средствами: не высокоморальные осуждения, а всестороннее беззаветное содействие революции, организация революции для свержения такой монархии есть единственно достойный, единственно разумный для всякого социалиста и для всякого демократа прием борьбы с погромами.

Погромщик Столыпин подготовил себя к министерской должности именно так, как только и могли готовиться царские губернаторы: истязанием крестьян, устройством погромов, умением прикрывать эту азиатскую «практику» — доском и фразой, позой и жестами, подделанными под «европейские».

И вожди нашей либеральной буржуазии, высокоморально осуждающие погромы, вступали в переговоры с погромщиками, признавая за ними не только право на существование, но и гегемонию в деле устройства новой России и управления ею! Умерщвление Столыпина послужило поводом к целому ряду интересных разоблачений и признаний, касающихся этого вопроса. Вот, напр., письма Витте и Гучкова о переговорах первого с «общественными деятелями» (читай: с вождями умеренно-либеральной монархической буржуазии) о составлении министерства после 17 октября 1905 г. В переговорах с Витте — эти переговоры, видимо, были продолжительны, ибо Гучков пишет о «томительных днях длящихся переговоров», — участвовали Шипов, Трубецкой, Урусов, М. Стахович, т.-е. будущие деятели и кадетской, и «мирнообновленческой», и октябристской партий. Разошлись, оказывается, из-за Дурново, которого «либералы» не допускали в роли министра вн. дел, а Витте ультимативно отстаивал. При этом Урусов, кадетское светило в I Думе, явился «горячим защитником кандидатуры Дурново». Когда князь Оболенский выдвинул кандидатуру Столыпина, «кое-кто подтвердил, кое-кто отозвался незнанием». «Определенно помню, — пишет Гучков, — отрицательного отзыва, о котором пишет гр. Витте, никто не делал».

Теперь кадетская печать, желающая подчеркнуть свой «демократизм» (не шутите!) особенно, может быть, ввиду выборов по 1-й курии в Петербурге, где кадет боролся с октябристом, пытается кольнуть Гучкова по поводу тогдашних переговоров. «Как часто г.г. октябристы под предводительством Гучкова,—пишет «Речь» от 28 сент.,—в угоду начальству оказывались коллегам единомышленников г. Дурново. Как часто, обращенные взорами к начальству, они оказывались спиной к общественному мнению!» Передовица «Русск. Ведомостей» от того же числа повторяет на разные лады тот же самый кадетский упрек октябристам.

Позвольте, однако, г.г. кадеты: какое право вы-то имеете упрекать октябристов, если в тех же самых переговорах участвовали и ваши люди, даже защищавшие Дурново? Разве кроме Урусова все кадеты не были тогда, в ноябре 1905 года в положении людей, «обращенных взорами к начальству» и «спиной к общественному мнению»? Милые бранятся,—только тешатся; не принципиальная борьба, а конкуренция одинаково беспринципных партий—вот что приходится сказать по поводу теперешних попреков кадетов октябристам в связи с «переговорами» конца 1905 года. Препирательство подобного рода служит только для затушевывания действительно важного, исторически бесспорного факта, что все оттенки либеральной буржуазии, от октябристов вплоть до кадетов, были «обращены взорами к начальству» и поворачивались «спиной» к демократии с тех пор, как наша революция приняла действительно народный характер, т.-е. стала демократической по составу ее активных участников. Столыпинский период русской контр-революции тем и характеризуется, что либеральная буржуазия отворачивалась от демократии, что Столыпин мог поэтому обращаться за содействием, за сочувствием, за советом то к одному, то к другому представителю этой буржуазии. Не будь такого положения вещей, Столыпин не мог бы осуществлять гегемонию совета объединенного дворянства над буржуазией, настроенной контр-революционно, при содействии, сочувствии, активной или пассивной поддержке этой буржуазии.

Эта сторона дела заслуживает особенного внимания, ибо именно ее упускает из виду—или намеренно игнорирует—наша либеральная печать и такие органы либеральной рабочей

политики, как «Дело Жизни». Столыпин—не только представитель диктатуры крепостников-помещиков; ограничиться подобной характеристикой значит ровно ничего не понять в своеобразии и в значении «Столыпинского периода». Столыпин—министр такой эпохи, когда во всей либеральной буржуазии, вплоть до кадетской, господствовало контр-революционное настроение, когда крепостники могли опираться и опирались на такое настроение, могли обращаться и обращались с «предложениями» (руки и сердца) к вождям этой буржуазии, могли видеть даже в наиболее «левых» из таких вождей «опозицию его величества», могли ссылаться и ссылались на поворот идейных вождей либерализма в их сторону, в сторону реакции, в сторону борьбы с демократией и оплевания демократии. Столыпин—министр такой эпохи, когда крепостники-помещики изо всех сил, самым ускоренным темпом повели по отношению к крестьянскому аграрному быту буржуазную политику, распространившись со всеми романтическими иллюзиями и надеждами на «патриархальность» мушкетера, ища себе союзников из новых, буржуазных элементов России вообще и деревенской России в частности. Столыпин пытался в старые мехи влить новое вино, старое самодержавие переделать в буржуазную монархию, и крах столыпинской политики есть крах царизма на этом последнем, последнем мыслимом для царизма пути. Помещичья монархия Александра III пыталась опираться на «патриархальную» деревню и на «патриархальность» вообще в русской жизни; революция разбила вконец такую политику. Помещичья монархия Николая II после революции пыталась опираться на контр-революционное настроение буржуазии и на буржуазную аграрную политику, проводимую теми же помещиками; крах этих попыток, несомненный теперь даже для кадетов, даже для октябристов, есть крах последней возможной для царизма политики.

Диктатура крепостника-помещика не была направлена, при Столыпине, против всего народа, включая сюда и все «третье сословие», всю буржуазию. Нет, эта диктатура была поставлена в лучшие для нее условия, когда октябристская буржуазия служила ей не за страх, а за совесть; когда помещики и буржуазия имели представительное учреждение, в котором было обеспечено большинство их блоку и была оформлена возможность перегово-

воров и сговоров с короной; когда г.г. Струве и прочие веховцы с истерическим надрывом обливали помоями революцию и создавали идеологию, радовавшую сердце Антония Волынского; когда г. Милюков провозглашал кадетскую оппозицию «оппозицией его величества» (его величества крепостника-последыня). И тем не менее, несмотря на эти более благоприятные для г.г. Романовых условия, несмотря на эти самые благоприятные условия, какие только мыслимы с точки зрения соотношения общественных сил в капиталистической России XX века, несмотря на это, политика Столыпина потерпела крах; Столыпин умерщвлен был тогда, когда стучится в дверь новый могильщик — вернее, собирающий новые силы могильщик — царского самодержавия.

Отношения Столыпина к вождям буржуазии, и обратно, характеризуются особенно рельефно эпохой I Думы. «Время с мая по июль 1906 года,—пишет «Речь»,—было решающим в карьере Столыпина». В чем же был центр тяжести этого времени?

«Центр тяжести того времени,—заявляет официальный орган кадетской партии,—заключался, конечно, не в думских выступлениях».

Неправда ли, вот поистине ценное признание! Сколько копий было сломано кадетами в то время из-за вопроса о том, можно ли видеть «центр тяжести» той эпохи в «думских выступлениях»? Сколько сердитой брани, сколько высокомерных доктринерских поучений было тогда в кадетской печати по адресу социал-демократов, утверждавших весной и летом 1906 года, что не в думских выступлениях заключается центр тяжести того времени! Сколько попреков всему русскому «обществу» бросала тогда «Речь» и «Дума» за то, что общество мечтает о «конвенте» и недостаточно восторгается кадетскими победами на «парламентской» перводумской арене! Прошло пять лет, приходится дать общую оценку перводумской эпохе, и кадеты с такой легкостью, точно они меняют перчатки, провозглашают: «центр тяжести того времени заключался, конечно, не в думских выступлениях».

Конечно, нет, господа! В чем же был центр тяжести?

«...За кулисами,— читаем в «Речи»,— шла острая борьба между представителями двух течений. Одно рекомендовало искать соглашения с народным представительством, не отступая и перед составлением «кадетского министерства». Другое требовало резкого шага, роспуска Гос. Думы и изменения избирательного закона. Такую программу проводил совет объединенного дворянства, опиравшийся на могущественные влияния»... «Столыпин некоторое время колебался. Есть указания, что он два раза через Крыжановского предлагал Муромцеву обсудить возможность кадетского министерства, при участии Столыпина в качестве министра внутренних дел. Но в то же время Столыпин, несомненно, находился в сношениях с советом объединенного дворянства».

Так пишут историю г.г. образованные, ученые, начитанные вожди либералов. Выходит, что «центр тяжести» был не в выступлениях, а в борьбе двух течений внутри черносотенной царской камарильи! Политику «натиска» сразу и без оттяжек вел совет объединенного дворянства — т.-е. не лица, не Николай Романов, не «одно течение» в «сферах», а определенный класс. Своих соперников справа кадеты видят ясно, трезво. Но то, что было слева от кадетов, исчезло из их поля зрения. Историю делали «сферы», совет объединенного дворянства и кадеты—простонародие, конечно, в делании истории не участвовало! Определенному классу (дворянству) противостояла надклассовая партия «народной свободы», а сферы (т.-е. царь-батюшка) колебались.

Ну, можно себе представить более корыстную классовую слепоту? большее искажение истории и забвение азбучных истин исторической науки? более жалкую путаницу, смешение класса, партии и личностей?

Хуже всякого слепого тот, кто не хочет видеть демократии и ее сил.

Центр тяжести перводумской эпохи заключался, конечно, не в думских выступлениях. Он заключался во внедумской борьбе классов, борьбе помещиков-крепостников и их монархии с народной массой, рабочими и крестьянами. Революционное движение масс именно в это время снова стало подниматься: и стачки вообще, и политические стачки, и крестьянские волнения, и военные бунты грозно поднимались весной и летом 1906 г.

Вот почему, господа кадетские историки, «сферы» колебались: борьба течений внутри царской шайки шла из-за того, можно ли сразу совершить государственный переворот при данной силе революции, или надо еще выждать, еще поводить за нос буржуазию.

Помещиков (Романова, Столыпина и К-о) Первая Дума вполне убедила в том, что мира у них с крестьянской массой и рабочими быть не может. И это их убеждение соответствовало объективной действительности. Оставалось решить второстепенный вопрос: когда и как, сразу или постепенно изменить избират. закон. Буржуазия колебалась, но все ее поведение—даже кадетской буржуазии—показывало, что она во сто раз больше боится революции, чем реакции. Поэтому помещики и соблаговольяли привлекать вождей буржуазии (Муромцева, Гейдена, Гучкова и К-о) к совещаниям, нельзя ли вместе составить министерство. И буржуазия вся, вплоть до кадетов, шла советоваться с царем, с погромщиками, с вождями черной сотни о средствах борьбы с революцией,—но буржуазия с конца 1905 года никогда ни одной своей партии не послала на совещание с вождями революции о том, как свергнуть самодержавие и монархию.

Вот основной урок «Столыпинского периода» русской истории. Царизм привлекал буржуазию на совещания, когда революция еще казалась силой—и постепенно отбрасывал прочь, пипком солдатского сапога, всех вождей буржуазии, сначала Муромцева и Милюкова, потом Гейдена и Львова, наконец Гучкова, когда революция переставала оказывать давление снизу. Различие между Милюковыми, Львовыми и Гучковыми совершенно несущественно—вопрос очереди, в которой эти вожди буржуазии подставляли свои щеки под... «поцелуи» Романова—Пуришкевича—Столыпина и получали таковые... «поцелуи».

Столыпин сошел со сцены как раз тогда, когда черносотенная монархия взяла все, что можно было в ее пользу взять от контр-революционных настроений всей русской буржуазии. Теперь эта буржуазия, отвергнутая, оплеванная, загадившая сама себя отречением от демократии, от борьбы масс, от революции, стоит в растерянности и недоумении, видя симптомы нарастания новой революции. Столыпин дал русскому народу хороший урок: идти к свободе через свержение царской монархии, под руковод-

ством пролетариата, или—итти в рабство к Пуришкевичам, Марковым, Толмачевым, под идейным и политическим руководством Милюковых и Гучковых.

*«Социал-Демократ» № 24
от 18 (31) октября 1911 г.*

О новой фракции примиренцев или добродетельных.

«Информационный Бюллетень» заграничной технической комиссии (№ 1 от 11 авг. 1911 г.) и вышедший почти одновременно, тоже в Париже, листок «Ко всем членам Р. С.-Д. Р. П.», подписанный «Группа большевиков-партийцев»,—представляют из себя одинаковые по содержанию выступления против «официального большевизма» или, по другому выражению, против «большевиков-ленинцев». Выступления эти очень сердитые,—в них больше сердитых восклицаний и декламации, чем содержания,—но, тем не менее, на них следует остановиться, ибо затрагиваются здесь важнейшие вопросы нашей партии. И мне тем естественнее будет взяться за оценку новой фракции, что я, во-1-х, писал как раз по тем же самым вопросам и как раз от имени всех большевиков ровно 1½ года тому назад (см. «Дискуссионный Листок» № 2) *), а во-2-х, я вполне сознаю свою ответственность за «официальный большевизм». Что касается до выражения «ленинцы», то оно просто есть неудачное покушение на колкость—дескать, только о сторонниках одного лица идет здесь речь!—на деле все прекрасно знают, что вопрос отнюдь не идет о разделяющих мои лично взгляды на те или иные стороны большевизма.

Авторы листка, подписываясь «партийные большевики», называют себя еще «нефракционными большевиками», оговариваясь, что их «здесь» (т.-е. в Париже) «довольно неудачно» называют примиренцами. На деле именно такое название, установившееся уже более чем 1¼ год тому назад и не только в Париже, не только за границей, но и в России, является единственно правильно передающим политическую сущность новой фракции, как убедится читатель из дальнейшего изложения.

Примиренчество есть сумма настроений, стремлений, взглядов, связанных неразрывно с самой сутью истории

*) См. выше 48—93 стр. 2 части этого тома Ред.

ческой задачи, поставленной перед Р. С.-Д. Р. П. в эпоху контр-революции 1908—1911 г.г. Поэтому целый ряд с.-д. в этот период «впадал» в примиренчество, исходя из самых различных посылок. Последовательнее всех выразил примиренчество Троцкий, который едва ли не один пытался подвести теоретический фундамент под это направление. Фундамент это такой: фракция и фракционность были борьбой интеллигенции «за влияние на незрелый пролетариат». Пролетариат зреет, и фракционность сама собой гибнет. Не изменение в отношениях между классами, не эволюция коренных идей двух главных фракций лежит в основе процесса слияния фракций, а дело зависит от соблюдения или несоблюдения соглашений между всеми «интеллигентскими» фракциями. Троцкий упорно и проповедует—уже давно, колеблясь при этом то больше в сторону большевиков, то больше в сторону меньшевиков—такое соглашение (или компромисс) между всеми и всяческими фракциями.

Обратный взгляд (см. №№ 2 и 3 «Дискуссионного Листка») состоит в том, что фракции порождены отношением между классами в русской революции. Большевики и меньшевики только формулировали ответы на вопросы, поставленные перед пролетариатом объективной действительностью 1905—1907 годов. Поэтому лишь внутренняя эволюция этих фракций, «сильных» фракций, сильных глубиной своих корней, сильных соответствием их идей с известными сторонами объективной действительности,—исключительно внутренняя эволюция именно этих фракций способна обеспечить реальное слияние фракций, т.-е. создание действительно вполне единой партии пролетарского, марксистского, социализма в России. Отсюда практический вывод: только сближение на работе этих двух сильных фракций и только в меру их очищения от несоциал-демократических течений ликвидаторства и отзовизма есть политика действительно партийная, действительно осуществляющая единство—путем нелегким, негладким, далеко не моментально, но реально в отличие от тьмы шарлатанских посулов насчет легкого, гладкого, моментального слияния «всех» фракций.

Эти два взгляда наметились еще до пленума, когда я в беседах выдвинул лозунг: «сближение двух сильных фракций, а не хныканье о распущении фракций»,—о чем поведал публике тотчас после пленума «Голос С.-Д.». Эти два взгляда я прямо, определенно и систематически изложил в мае 1910 года,

т.-е. 1½ года тому назад и притом на «общепартийной» арене в «Диск. Листке» (№ 2) *). Если «примиренцы», с которыми мы спорили на эти темы с ноября 1909 года, не собрались до сих пор ни р а з у ответить на эту статью, ни р а з у не попытались вообще разобрать этот вопрос сколько-нибудь систематически, изложить свои взгляды сколько-нибудь открыто и цельно, то вина в этом всецело ложится на них. Они называют свое фракционное выступление в листке от имени особой группы «гласным ответом»: этот гласный ответ людей, остававшихся б е з г л а с н ы м и больше года, не есть ответ на вопрос, как он давно поднят, как он давно обсужден, как он давно разрешен в двух принципиально различных направлениях, а есть самая безнадёжная дутаница, самое безбожное смешение двух непримиримых ответов. Нет ни единого положения, которое авторы листка не выставляли бы без того, чтобы тут же не побить его. Нет ни единого положения, о котором якобы большевики (на деле не последовательные троцкисты) не дали бы перепева ошибок Троцкого.

В самом деле взгляните на основные мысли листка.

Кто такие его авторы? Они говорят, что большевики, «не разделяющие организационных взглядов официального большевизма». Как будто бы «оппозиция» т о л ь к о по организационному вопросу, не правда ли? Читайте следующую фразу: «...Именно организационные вопросы, вопросы строительства и восстановления партии, выдвигаются на первый план теперь, как и 1½ года тому назад». Это прямо неверно и это есть как раз та принципиальная ошибка Троцкого, которую я разоблачил 1½ года тому назад. На пленуме организационный вопрос м о г казаться первостепенным лишь потому и постольку, поскольку о т к а з в с е х течений от ликвидаторства п р и н и м а л с я за реальность вследствие того, что и голосовцы, и впередовцы «подписали», «утешая» партию, резолюции п р о т и в ликвидаторства и против отзовизма. Ошибка Троцкого в том и состояла, что он продолжал выдавать эту к а ж и м о с т ь за реальность п о с л е того, как «Наша Заря» с февраля 1910 г. окончательно выкинула знамя ликвидаторства, а впередовцы в своей пресловутой Каприйской школе—знамя защиты отзовизма. На пленуме принятие кажимости за реальность м о г л о быть результатом самооб-

*) См. выше статью: «Заметки публициста. II. Объединительный кризис нашей партии». Ред.

мана. После пленума, с весны 1910 г., Троцкий о б м а н ы в а л рабочих самым беспринципным и бессовестным образом, уверяя, что препятствия объединению главным образом (если не только) организационные. Этот обман продолжают в 1911 г примиренцы парижские, ибо говорить теперь, что организационные вопросы стоят на первом плане, есть насмешка над истиной. На деле на первом плане стоит теперь вопрос отнюдь не организационный, а вопрос о всей программе, всей тактике, всем характере партии, вернее о д в у х партиях, о с о ц. - д е м. рабочей партии, и о С т о л ы п и н с к о й рабочей партии г.г. Потресовых, Смирновых, Лариных, Левицких и К-о. Примиренцы парижские точно проспали 1½ года после пленума, в течение которых в с я борьба с ликвидаторами передвинулась и у нас, и у партийных меньшевиков с вопросов организационных на вопросы о б ы т и и с.-д.—а не либеральной—рабочей партии. Спорить теперь, скажем, с господами из «Нашей Зари» об организационных вопросах, об отношении легальной и нелегальной организаций, значило бы ломать комедию, ибо эти господа вполне могут признать т а к у ю «нелегальную» организацию, как «Голос», прислуживающий ликвидаторам! Давно уже сказано, что такую нелегальную организацию, которая бы служила монархическому либерализму, признают и практикуют наши кадеты. Примиренцы называют себя большевиками, чтобы 1½ года спустя повторять разоблаченные большевиками (и притом с специальным заявлением, что это делается от имени в с е г о большевизма!) ошибки Троцкого. Ну, разве это не злоупотребление установившимися партийными кличками? Разве не обязаны мы после этого заявить всем и каждому, что примиренцы отнюдь не большевики, что они не имеют ничего общего с большевизмом, что они просто непоследовательные троцкисты?

Читайте несколько дальше: «Можно не согласиться с тем, как понимал официальный большевизм и большинство редакции Ц. О. задачу борьбы с ликвидаторством»... Неужели можно серьезно утверждать, что «задача борьбы с ликвидаторством» есть задача организационная. Примиренцы сами заявляют, что расходятся с большевиками н е т о л ь к о по организационным вопросам! В чем же именно? Они молчат. Их «гласный ответ» продолжает быть ответом безгласных... или беззаботных?... людей. В течение 1½ лет они не собрались н и е д и н о г о р а з у поправить «официальный большевизм» или изложить с в о е пони-

мание задачи борьбы с ликвидаторством! А борьбу эту официальный большевизм ведет ровно три года, с августа 1908 года. Сопоставляя эти общеизвестные даты, мы невольно ищем объяснения странной «безгласности» примиренцев, и эти поиски невольно приводят на память Троцкого и Ионова, уверявших, что они тоже против ликвидаторов, но иначе понимают задачу борьбы с ними. Смешно ведь это, товарищи: через три года после начала борьбы заявлять, что вы иначе ее понимаете. Такое непонимание как две капли воды похоже на полное непонимание!

Пойдем дальше. Гвоздь теперешнего партийного кризиса, несомненно, сводится к вопросу: полное отделение нашей партии Р. С.-Д. Р. П. от ликвидаторов (голосовцев в том числе) или продолжение политики соглашения с ними. Едва ли найдется хоть один с.-д., сколько-нибудь знакомый с делом, который стал бы отрицать, что в этом вопросе суть всего теперешнего партийного положения. Какой же ответ дают на него примиренцы?

«Нам говорят,—пишут они в листке,—что этим (поддержкой совещания) мы нарушаем партийные формы и производим раскол. Мы не думаем этого (sic!). Но если бы это было так, мы бы этого не боялись». (Следует указание на срыв пленума З. Бюро Ц. К., на то, что «на Ц. К. ведут азартную игру», что «партийные формы стали наполняться фракционным содержанием» и т. д.)

Этот ответ поистине можно назвать «классическим» образчиком идейной и политической беспомощности! Подумайте только: выдвинуто де обвинение в расколе. И вот новая фракция, претендуя на указание пути партии, объявляет печатно и публично: «мы не думаем этого» (т.-е. не думается, что раскол есть и будет?), «но»... «но мы бы не побоялись этого».

Ручаться можно, что в истории политических партий такого примера путаницы не найти. Если вы «не думаете», что раскол есть и будет, объясните же это! объясните, почему можно работать с ликвидаторами! скажите прямо, что с ними можно—а значит и должно—работать.

Наши примиренцы не только не говорят этого, а говорят обратное. В редакционной статье № 1 «Бюллетеня» (примечание прямо оговаривает, что против этой статьи был большевик, сторонник большевистской платформы=резолуции II парижской группы) *) мы читаем:

*) См. выше 321—329 стр. этого тома. Ред.

«...Факт, что совместная работа с ликвидаторами в России невозможна», а несколько раньше признано, что между голосовцами и ликвидаторами «становится все труднее провести даже тончайшую грань».

Пойми, кто может! С одной стороны, официальнейшее заявление от имени Техн. Ком. (в которой примиренцы с поддерживающими их теперь поляками составляют большинство против нас, большевиков), что совместная работа невозможна. По-русски это и называется объявлением раскола. Никакого другого смысла слово раскол не имеет. С другой стороны, тот же № 1 «Бюллетеня» вещает, что Техническая Комиссия была создана «не для раскола, а в целях предотвращения его», и те же примиренцы пишут, что они «не думают этого» (что раскол есть и будет).

Можно ли представить себе большую путаницу?

Если совместная работа невозможна, то это объяснимо для с.-д., это может быть оправдано в глазах с.-д. либо вопиющим нарушением партийных решений и обязательств известной группой лиц (и тогда раскол неизбежен с этой группой лиц), либо коренным принципиальным расхождением, направляющим всю работу известного течения прочь от социал-демократизма (и тогда раскол неизбежен с целым течением). У нас на-лицо, как известно, оба эти случая: с ликвидаторским течением объявил невозможным работать пленум 1910 года, а с голосовской группой, нарушившей все обязательства и перешедшей окончательно к ликвидаторам, раскол совершается теперь.

Кто сознательно говорит: «совместная работа невозможна», кто продумал сколько-нибудь это заявление и понял его принципиальные основы, тот неизбежно направил бы все внимание и все усилия на то, чтобы выяснить эти основы перед самой широкой массой и избавить ее возможно скорее и полнее от пустых и вредных попыток продолжать какие бы то ни было сношения с тем, с кем работать невозможно. А кто делает это заявление и в то же время добавляет: «мы не думаем», что будет раскол, «но мы не побоимся этого», тот обнаруживает этим путанным и робким языком, что он боится самого себя, боится сделанного им шага, боится созданного положения! Именно такое впечатление не может не производить листок примиренцев, которые в чем-то хотят оправдаться, пе-

ред кем-то хотят выставить себя «добрыми», кому-то подмигивают... Мы сейчас увидим, какое значение имеет их перемигивание с «Впередом» и «Правдой». Мы должны сначала покончить с тем, как понимают примиренцы «итог периоду, протекшему со времени пленума», итог, который подвело совещание цекистов.

Необходимо в самом деле понять этот итог, понять, почему он стал неизбежным,—иначе наше участие в событиях будет стихийное, беспомощное, случайное. Посмотрите же на это понимание у примиренцев. Как отвечают они на вопрос, почему из дел пленума, из решений его, объединительных по преимуществу, вытек раскол между З. Б. Ц. К. (=ликвидаторами) и антиликвидаторами? Ответ на этот вопрос у наших непоследовательных троцкистов просто списан у Троцкого и Ионова, и мне приходится повторять сказанное в мае прошлого года против этих последовательных примиренцев.

Ответ примиренцев: виновата фракционность, фракционность меньшевиков, впередовцев, «Правды»—мы перечисляем фракционные группы в порядке листка—и, наконец, «официальных представителей большевизма», которые «пожалуй превзошли все эти группы в фракционных стремлениях». Не фракционны и авторы листка прямо и определенно называют только самих себя, парижских примиренцев. Все порочны—мы добродетельны. Никаких идейных причин, вызывающих разбираемое явление, примиренцы не приводят. Ни на какие организационные или какие бы то ни было иные особенности групп, вызвавшие это явление, они не указывают. Ничего, ровнехонько ничего не дают в объяснение, кроме ссылки на фракционность = порок, нефракционность = добродетель. Разница между примиренцами в Париже и Троцким только та, что первые считают Троцкого фракционным, а себя нет, второй же—наоборот.

Не могу не сознаться, эта постановка вопроса, когда в объяснение политических явлений приводятся только порочность одних и добродетельность других, всегда напоминает мне те афишированно-благообразные физиономии, при виде которых невольно приходит мысль: «а вероятно, это—шулер».

Подумайте над следующим сопоставлением: наши примиренцы нефракционны, добродетельны. Мы, большевики, превзошли все группы в фракционных стремлениях, т.-е. мы самые порочные. Поэтому добродетельная фракция поддержала наиболее порочную, большевистскую, в борьбе с З. Б. Ц. К.!! Некругло

выходит у вас, товарищи! Вы запутываетесь все больше и больше с каждым заявлением, которое вы делаете.

Вы делаете себя смешными, перебрасываясь с Троцким—точно мячиком играя—взаимными обвинениями в фракционности: вы не даёте себе труда п о д у м а т ь, что такое фракция? Попробуйте дать определение, и мы вам предсказываем, что вы запутаетесь еще больше, ибо вы сами—фракция, колеблющаяся, беспринципная, не понявшая того, что было на пленуме и после пленума, фракция.

Фракция есть организация внутри партии, объединенная не местом работы, не языком или другими объективными условиями, а особой платформой взглядов на партийные вопросы. Авторы листка—фракция, ибо листок есть их платформа (весьма плохая, но бывают фракции с неверными платформами). Они—фракция, ибо они, как и всякая организация, связаны внутренней дисциплиной: их представителя в Техн. Ком. и Орг. Ком. назначает их группа по большинству голосов, она же составляет и издает листок-платформу и т а к д а л е е. Таковы объективные факты, осуждающие на л и ц е м е р и е крики против фракционности. И Троцкий, и «непоследовательные троцкисты» уверяют, что у них нет фракции, и б о... «единственная» цель сплочения (во фракцию) есть уничтожение фракций, проповедь слияния их и т. д., но все подобные уверения есть лишь самовосхваленче и грусливая игра в прятки, по той простой причине, что ф а к т существования фракции не затрагивается какой угодно (хоть бы архидобродетельной) ц е л ь ю фракции. В с я к а я фракция убеждена в том, что е е платформа и политика есть л у ч ш и й путь к уничтожению фракций, ибо идеалом существования фракций никто не считает. Разница только та, что фракции с ясной, последовательной, цельной платформой п р я м о защищают с в о ю платформу, а фракции беспринципные п р я ч у т с я за дешевые крики о своей добродетельности, о своей нефракционности.

В чем причина существования фракций в Р. С.-Д. Р. П.? В том, что они—продолжение раскола 1903—1905 годов. Они—результат слабости местных организаций, б е с с и л ь н ы х помешать превращению литераторских групп, выражающих новые течения и течения, в новые «фракции», т.-е. в организации, ставящие внутреннюю дисциплину на первый план. В чем залог уничтожения фракций? Т о л ь к о в полном изживании раскола времен революции (а к этому ведет и с к л ю ч и т е л ь н о

очищение от ликвидаторства и отзовизма двух главных фракций), в создании такой сильной пролетарской организации, которая может заставить меньшинство подчиняться большинству. Пока такой организации нет, только соглашение всех фракций могло бы ускорить процесс их исчезновения. Отсюда ясна и идейная заслуга пленума и его примиренческая ошибка: заслуга—отметение идей ликвидаторства и отзовизма; ошибка—соглашение с людьми и группами без разбору, без соответствия их обещаний («резолюцию подписали») и их дел. Идейное сближение на почве борьбы с ликвидаторством и отзовизмом идет вперед—вопреки всем препятствиям и трудностям. Примиренческая ошибка пленума *) привела вполне неизбежно к краху его примиренческих решений, т.-е. к краху союзов с голосовцами. Разрыв большевиков (а потом и совещания цекистов) с З. Б. Ц. К. есть и с р а в л е н и е примиренческой ошибки пленума: сближение фракций **борющихся** с ликвидаторством и отзовизмом пойдет теперь п о м и м о форм пленума, ибо эти формы не соответствовали содержанию. Все примиренчество вообще, и примиренчество пленума, потерпело крах, ибо содержание работы р а з ъ е д и н я л о ликвидаторов и с.-д., и никакие формы, никакая дипломатия и игра примиренцев не могли осилить этого разъединительного процесса.

С этой—и только с этой точки зрения, развитой мною в мае 1910 г.—в с е, происшедшее после пленума, становится понятным, неизбежным, вытекающим не из «порочности» одних, «добродетельности» других, а из объективного хода событий, обособляющего ликвидаторское т е ч е н и е и отмечающего промежуточные группы и группки.

Примиренцы вынуждены, чтобы затушевать этот бесспорный политический факт полного краха примиренчества, доходить до прямого извращения фактов. Слушайте: «Фракционная политика большевиков-ленинцев принесла тем б о л ь ш и й вред, что они имели большинство в главнейших партийных учреждениях, благодаря чему их фракционная политика давала оправдание другим течениям в их собственной организационной обособленности и вооружала их против официальных партийных учреждений».

Эта тирада есть не что иное, как трусливое и запоздалое «о п р а в д а н и е»... ликвидаторства, ибо именно предста-

*) Ср. «Диск. Листок» № 2.

вители этого течения всегда ссылались на «фракционность» большевиков. Это оправдание запоздало, ибо долгом всякого партийца на деле (в отличие от людей, пользующихся лозунгом партийности, как рекламой) было выступить тогда, когда началась эта «фракционность», а не 1½ года спустя! Примиренцы—защитники ликвидаторства—не могли выступить, и не выступили раньше, ибо у них нет фактов. Они пользуются теперешним «смутным временем», чтобы выдвигать голословные фразы ликвидаторов. Факты же говорят ясно и недвусмысленно: тотчас после пленума, в феврале 1910 г., Потресов выкинул знамя ликвидаторства. Тотчас же, в феврале или марте, предали партию г.г. Михаил, Роман, Юрий. Тотчас же голосовцы подняли агитацию за «Голос» (см. об этом в «Дневнике» Плеханова на другой день после пленума) и возобновили «Голос». Тотчас же впередовцы начали строить свою «школу». Напротив, первый фракционный шаг большевиков есть основание «Раб. Газеты» в сентябре 1910 года, после разрыва Троцкого с представителями Ц. К.

Зачем понадобилось примиренцам это извращение общеизвестных фактов? Чтобы мигнуть ликвидаторам, чтобы подслужиться им. С одной стороны, «совместная работа с ликвидаторами невозможна». С другой—их «о п р а в д ы в а е т» фракционность большевиков!! Мы спрашиваем любого не зараженного заграничной дипломатией соц.-демократа: какого политического доверия заслуживают люди, путающиеся в таких противоречиях? Они заслужили те поцелуи, которыми публично награждал их «Голос», и только.

Нашей «фракционностью» называют примиренцы б е с п о щ а д н о с т ь нашей полемики (за что они тысячи раз словесно порицали нас на общих собраниях в Париже) и беспощадность р а з о б л а ч е н и я ликвидаторов (они были п р о т и в разоблачения М., Ю. и Р.). Примиренцы все время защищали и прикрывали ликвидаторов, н е с м е я высказать открыто своей защиты ни единого раза ни в «Диск. Листке», ни в едином печатном, публичном воззвании. И теперь свое бессилие, свою трусость они бросают под колеса партии, начавшей решительно отмежевываться от ликвидаторов. Ликвидаторы говорят: ликвидаторства нет, его «раздули» большевики (см. резолюцию кавказских ликвидаторов и речи Троцкого). Примиренцы говорят: с ликвидаторами работать невозможно, н о... н о «оправдание» им дает фрак-

ционность большевиков. Неужели не ясно, что действительный смысл этого смешного противоречия субъективных суждений один, и только один: трусливая защита ликвидаторства, стремление из-за угла подставить ножку большевикам и оказать поддержку ликвидаторам?

Но это еще далеко не все. Худшее и злейшее извращение фактов есть утверждение, будто бы мы имели «большинство» «главнейших партийных учреждений». Эта вопиющая неправда имеет только одну цель: прикрыть политический крах примиренчества. Ибо на деле ни в едином «главнейшем партийном учреждении» большевики после пленума большинства не имели, а имели его как раз примиренцы. Пусть найдется человек, который попробует оспорить следующие факты: «Главнейших партийных учреждений» после пленума было только три: 1) бюро Ц. К. в России — преимущественно примиренцы *); 2) З. Б. Ц. К. — с января 1910 года по ноябрь 1910 г. в нем большевиков представлял примиренец; так как официально на примиренческой точке зрения стояли и бундовец, и латыш, то большинство, значит, 11 месяцев после пленума было примиренческое; 3) редакция Ц. О. — в ней два «большевика-фракционера» противостояли двум голосовцам; большинства не было без поляка.

Зачем понадобилась примиренцам прямая неправда? А именно затем, чтобы спрятать голову под крыло, чтобы прикрыть политический крах примиренчества. Примиренчество господствовало на пленуме, оно имело большинство во всех главнейших практических центрах партии после пленума, и оно потерпело за полтора года полный крах: оно никого не «примирило», ровно ничего нигде не создало, оно беспомощно колебалось из стороны в сторону, вполне заслужив за это поцелуй голосовцев.

И в особенности полный крах постиг примиренцев в России — это тем важнее подчеркнуть, чем усерднее демагогические ссылки парижских примиренцев на Россию. Россия — примиренческая, в противовес загранице, таков основной мотив примиренцев. Сличите эти слова с фактами — и вы пой-

*) Конечно, примиренец примиренцу рознь. И далеко не все бывшие члены русского Бюро могут (и желают) брать на свою ответственность все благоглупости парижских примиренцев: — простых подголосков Троцкого,

мете, что это самая пустая и самая дешевенькая демагогия. Факты говорят, что в русском бюро Ц. К. больше года после пленума были только примиренцы, только они делали официальные доклады о пленуме, официально совещались с легалистами, только они назначали агентов и посылали их в разные учреждения, только они распоряжались всеми деньгами, которые из З. Б. Ц. К. посылались беспрекословно, только они вели переговоры с «российскими», подававшими надежды по части путаницы (т.-е. по части примиренчества) литераторами и т. п.

И результат?

Результат—ноль. Ни единого листка, ни единого выступления, ни одного органа, ни одного «примирения». А у большевиков-«фракционеров» (чтобы не говорить о том, о чем говорит открыто лишь помогающий охранке г. Мартов)—заграничная «Рабоч. Газета», вставшая на ноги через два номера. Примиренчество—ноль, слова, пустые пожелания (и подножки большевизму на основе этих «примирительных» пожеланий): большевизм «официальный» делами доказал свое полное преобладание именно в России.

Что же это—случайность? результат арестов?.. но аресты могли «щадить» не работавших в партии ликвидаторов, большевиков же и примиренцев они косили одинаково.

Нет, это не случайность и не результат удачи или успеха л и ц. Это—результат краха политического н а п р а в л е н и я, фальшивого в своих исходных пунктах. Фальшива в примиренчестве о с н о в а—стремление построить единство партии пролетариата на союзе в с е х, в том числе и анти-социал-демократических, непролетарских фракций, фальшива беспринципность его «объединительного» прожектерства, приводящего к пуффу, фальшивы фразы против «фракций» (при образовании н а д е л е новой фракции),—фразы, бессильные распустить фракции антипартийные и ослабляющие фракцию большевиков, проводшую ^{9/10} борьбы с ликвидаторством и отзовизмом.

Примеры беспринципного «объединительного» прожектерства дает нам в изобилии Троцкий. Припомните хотя бы (беру один из новейших примеров), как он хвалил парижскую «Раб. Жизнь», руководимую парижскими примиренцами и голосовцами поровну. Вот восторг-то!—писал Троцкий,—«ни большевик, ни меньшевик, а революционный социал-демократ». Бедный герой

фразы не заметил мелочи: революционер только тот с.-д., кто понял вред антиреволюционного якобы социал-демократизма в данной стране, в данное время, т.-е. вред ликвидаторства и отзовизма в России 1908—1911 годов, кто умеет бороться с подобными же с.-д. течениями. Целуя «Раб. Жизнь»—никакой борьбы с нереволлюционными с.-д. в России не ведущую—Троцкий только разоблачал план ликвидаторов, коим он служит верой и правдой: равенство в Ц. О. означает прекращение борьбы с ликвидаторами; ликвидаторы на деле имеют полную свободу борьбы с партией, а партия пусть свяжет по рукам и по ногам «равенство» голосовцев и партийцев в Ц. О. (и в Ц. К.). Победа ликвидаторов была бы тогда вполне обеспечена, и только лакеи ликвидаторов могли проводить или защищать такой план.

Примеры беспринципного «объединительного» прожектерства, обещающего мир и благодать без долгой, упорной, отчаянной борьбы с ликвидаторами, мы видели на пленуме у Ионова, Игорева и др. примиренцев. Мы видели такой же пример в листке наших примиренцев, оправдывающих ликвидаторство «фракционностью» большевизма. Еще пример: их речи об «изоляции» большевиков «от других течений» («Вперед», «Правда»), стоящих на почве нелегальной с.-д. партии.

Курсив этой замечательной тирады принадлежит нам. В этой тираде—как солнце в малой капле вод—отразилась вся беспринципность примиренчества—основа его политического бессилия.

Во-первых, представляют ли «Правда» и «Вперед» с.-д. течения? Нет, не представляют, ибо «Вперед» представляет течение несоциал-демократическое (отзовизм и махизм), а «Правда» представляет группку, ни по одному важному принципиальному вопросу революции и контр-революции не давшую самостоятельных и цельных ответов. А течением можно назвать только такую сумму политических идей, которые определились на всех важнейших вопросах и революции (ибо мы от нее слишком мало отошли и от нее во всех отношениях зависим), и контр-революции, и которые кроме того доказали свое право на существование, как течение, распространением среди широких слоев рабочего класса. И меньшевизм, и большевизм—с.-д. течения, это доказано опытом революции, историей 8-летнего рабочего движения. Группок, никакого

течения не представляющих, за это время была масса, как было их много и раньше. Смешивать течение с группками, значит осуждать себя в партийной политике на интриганство. Ибо появление беспринципных группок, их эфемерное существование, их потуги сказать «свое слово», их «сношения» друг с другом, как особых держав, это и есть база заграничного интриганства, от которого нет и не может быть спасения ни в чем, кроме строгой, выдержанной, опытом долгой истории рабочего движения проверяемой принципиальности.

Во-вторых—и здесь мы сразу наблюдаем практическое превращение беспринципности примиренцев в интриганство—листок парижан говорит прямую и заведомую неправду, когда заявляет: «отзовизм уже не находит себе открытых сторонников и защитников в нашей партии». Это неправда, как известно всем и каждому. Эту неправду документально опровергает № 3 «Вперед» (май 1911), где открыто говорится, что отзовизм есть «вполне законное течение в нашей партии» (стр. 78). Или наши премудрые примиренцы станут утверждать, что такое заявление не защита отзовизма?

Вот, когда люди не могут оправдать принципиально своего сближения с той или иной группкой, им остается только политика маленькой лжи, мелкой лести, кивков и подмигиваний, т.-е. именно того, что в сумме и дает понятие интриганства. «Вперед» хвалит примиренцев—примиренцы хвалят «Вперед» и обычно успокаивают партию насчет отзовизма. А в результате торги и переторжки о местах и местечках с защитниками отзовизма, с нарушителями **всех** решений пленума. Тайком помогать ликвидаторам, тайком помогать отзовистам—вот судьба примиренчества, вот в чем бессильное и жалкое интриганство.

В-третьих. «Совместная работа с ликвидаторами в России невозможна». Эту истину должны были признать и примиренцы. Спрашивается, признают ли эту истину группки «Вперед» и «Правда»? Не только не признают, а прямо заявляют о б р а т н о е, прямо требуют «совместной работы» с ликвидаторами, прямо ведут ее (см. хоть отчет 2-й впередовской школы). Спрашивается, есть ли хоть тень принципиальности и честности в провозглашении политики сближения с группками, дающими прямо обратные ответы на основные вопросы?—ибо вопрос о ликвидаторстве прямой и единогласной резолюцией

пленума признан одним из основных вопросов. Ясно, что нет, что тут перед нами идейная пропасть, а попытки построить через нее словесный мост, дипломатический мост, неизбежно, независимо от самых благих намерений Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, осуждают их на интриганство.

И пока нам не покажут и не докажут на основании солидных данных и обзора важнейших вопросов, что «Вперед» и «Правда» представляют с.-д. течения (а никто даже не пытался за 1½ года после пленума доказать это и нельзя этого доказать), до тех пор мы не устанем разъяснять рабочим весь вред тех беспринципных уловок, тех интриганских уловок, к которым сводится проповедуемое примиренцами сближение с «Впередом» и «Правдой». Изоляция от этих несоциал-демократических и беспринципных, помогающих ликвидаторам группок, есть первая обязанность революционных с.-д. Обращаться к русским рабочим, связанным с «Впередом» и «Правдой», через головы этих группок против этих группок—такова политика, которую большевизм вел, ведет и проведет через все препятствия.

Я сказал, что примиренчество потерпело уже за 1½ года своего господства в центрах партии полный политический крах. Обычный ответ на это: да, но это потому, что вы, фракционеры, нам мешали (см. письмо примиренцев—а не большевиков—Германа и Аркадия ⁵¹⁾ в «Правде» № 21).

Вот в том и состоит политический крах направления и группки, что ей все «мешает», против нее все обращается,—ибо она неверно учла это «все», ибо она базой себе взяла пустые слова, вздохи, сожаление, хныканье.

А нам, господа, все и вся помогали, и в этом залог нашего успеха. Нам помогали г.г. Потресовы, Ларины, Левицкие, ибо они не могли раскрыть рта, не подтверждая наших суждений о ликвидаторстве. Нам помогали г.г. Мартовы и Даны, ибо они заставили всех согласиться с нашим суждением, что голосовцы и ликвидаторы едино суть. Нам помогал Плеханов в той самой мере, в которой он разоблачал ликвидаторов, указывал в резолюциях пленума оставленные (примиренцами) «лазейки для ликвидаторов», высмеивал (проведенные примиренцами против нас) «пухлые» и «интегралистские» места в этих резолюциях. Нам помогали русские примиренцы, «приглашавшие»

М., Ю. и Р. с ругательными выходками против Ленина (см. «Голос») и тем подтверждавшие, что отказ ликвидаторов не зависел от злокозненности «фракционеров». Отчего же это так вышло, любезные примиренцы, что вам все мешали, несмотря на вашу добродетель, а нам все помогали, несмотря на нашу фракционную порочность?

Оттого, что политика вашей группки держалась только на фразе—зачастую очень благожелательной и благонамеренной—но пустой фразе. А действительное приближение единства создается только сближением сильных фракций, сильных своей идейной цельностью и влиянием на массы, проверенным опытом революции.

Фразой остаются и посейчас ваши восклицания против фракционности, ибо вы сами фракция, и притом одна из худших, ненадежнейших, беспринципных фракций. Фраза—ваше громогласное, широковещательное заявление (в «Информ. Бюллетене») — «ни сантима фракциям». Если бы вы это говорили серьезно, могли бы вы тратить «с а н т и м ы» на издание Листка—платформы новой группки? Если бы вы это говорили серьезно, могли бы вы молчать при виде фракционных органов «Рабочая Газета» и «Дневник С.-Д.»?—могли бы вы не требовать их закрытия публично? *) Если бы вы потребовали это, поставили такое условие серьезно, вас бы просто осмеяли. Если же вы, прекрасно чувствуя это, остаетесь при одних томных вздыханиях, разве это не доказывает паки и паки, что ваше примиренчество висит в воздухе?

Разоружение фракций возможно лишь на почве взаимности—иначе оно есть реакционный лозунг, глубоко вредный делу пролетариата, демагогический лозунг, ибо он только облегчает непримиримую борьбу ликвидаторов против партии. Кто выдвигает теперь этот лозунг, после неудачи его применения пленумом, после срыва слияния (фракций) фракциями голосовцев и впередовцев, кто делает это, даже не пытаясь, не смея повторить условие взаимности, ясно поставить

*) Справедливость требует сказать, что парижские примиренцы, выпустившие теперь свой листок, были против образования «Раб. Газ.» и ушли с первого собрания, на которое пригласила их редакция ее. Жалеем, что они не помогли нам (помогли в разоблачении пустоты примиренчества) открытым выступлением против «Раб. Газ.».

его, определить средства контроля за реальным его выполнением, тот просто опьяняет себя звуками сладких слов.

Большевики, сплывайтесь, вы—единственный оплот последовательной и решительной борьбы с ликвидаторством и отзовизмом.

Ведите испытанную на деле, подтвержденную опытом политику сближения с антиликвидаторским меньшевизмом, вот наш лозунг. Вот политика, которая не сулит молочных рек и кисельных берегов неосуществимого в эпоху распада и разложения «всеобщего мира», но которая двигает на деле вперед сближение на работе течений, представляющих всё, что есть сильного, здорового, жизнеспособного в пролетарском движении.

Роль примиренцев в эпоху контр-революции может быть охарактеризована такой картиной. Большевики с великим трудом двигают вверх по крутой горе наш партийный воз. Ликвидаторы-голосовцы из всех сил тащат его назад, под гору. На возу сидит примиренец. Вид у него умильный; умильный; лицо—сладенькое, сладенькое, совсем как у Иисуса Христа. Вся фигура—воплощенная добродетель. И, скромно опустив очи долу, воздевая руки горе, примиренец восклицает: «благодарю тебя, господи, что я не похож на этих—кивок по адресу большевиков и меньшевиков—злокозненных фракционеров, мешающих всякому движению вперед». А воз двигается понемногу вперед, и на возу сидит примиренец. Когда большевики-фракционеры разбили ликвидаторский З. Б. Ц. К. и расчистили этим почву для постройки нового дома, для блока (или хотя бы временного союза) партийных фракций, тогда в этот дом вошли (ругая большевиков-фракционеров) примиренцы и окропили новоселье... святой водицей сладеньких речей о нефракционности!

Что стало бы из исторически-памятного дела старой «Искры», если бы она вместо последовательной, непримиримой принципиальной кампании против экономизма и «струвизма» пошла на какой-либо блок, союз или «слияние» в с е х групп и группок, которых было тогда за границей не меньше, чем теперь?

А между тем различия между нашей эпохой и эпохой старой «Искры» во много раз усиливают вред беспринципного и фразистого примиренчества.

Первое различие—то, что мы поднялись гораздо выше в развитии капитализма и буржуазии, в ясности классовой борьбы в России. Для либеральной рабочей политики господ Потресовых, Левицких, Лариных и К-о есть уже (и впервые в России есть) известная объективная почва. Столыпинский либерализм кадетов и столыпинская рабочая партия уже складываются. Тем вреднее на деле примиренческие фразы и интриги с заграничными группками, поддерживающими ликвидаторов.

Второе различие—неизмеримо более высокая ступень развития пролетариата, его сознательности и классовой сплоченности. Тем вреднее искусственная поддержка примиренцами эфемерных заграничных группок («Вперед», «Правда» и т. д.), не создавших и не могущих создать никакого течения в социал-демократии.

Третье различие: в эпоху «Искры» были нелегальные организации экономистов в России, которые приходилось разбивать, раскалывать, чтобы объединить против них революционных с.-д. Теперь параллельных нелегальных организаций нет, речь идет лишь о борьбе с обособившимися легальными группами. И этот процесс обособления (признать его вынуждены даже примиренцы) они тормозят своей политической и игрой заграничными фракциями, нежелающими и неспособными работать по линии такого размежевания.

Большевизм «перенес» отзовистскую болезнь, революционную фразу, игру в «левизну», шатание от социал-демократизма влево. Отзовисты выступили как фракция, когда уже нельзя было «отозвать» думских с.-д.

Большевизм перенесет и «примиренческую» болезнь, шатание в сторону ликвидаторства (либо на деле примиренцы всегда были игрушкой в руках ликвидаторов). Примиренцы тоже безнадежно опоздали, выступив как фракция тогда, когда 1½ года господства примиренчества после пленума уже исчерпали себя и примирять стало некого.

Р. С. Настоящий фельетон был написан больше месяца тому назад. Он критикует «теорию» примиренцев. Что касается до «практики» примиренцев, нашедшей себе выражение в безысходной, нелепой, никчемной постыдной склоке, которая царит в № 2 «Бюллетеня» примиренцев и поляков,—то об этом не стоит терять ни одного слова.

«Социал-Демократ» № 24
от 18 (31) октября 1911 г.

Об избирательной кампании и избирательной платформе.

В будущем году предстоят выборы в IV Г. Думу. Соц.-демократия должна немедленно открыть избирательную кампанию. «Оживление» среди всех партий ввиду предстоящих выборов уже заметно. Первая полоса периода контр-революции явно кончилась; прошлогодние демонстрации, студенческое движение, голод в деревне и—последнее по счету, но не по важности!—стачечная волна,—все это указывает определенно на начало поворота, начало новой полосы периода контр-революции. Усиленная пропаганда, агитация и организация стоят на очереди дня, и естественной, неизбежной, злободневной «защепкой» в такой работе являются предстоящие выборы. (Заметим в скобках, что те, кто подобно группке «впередовцев» среди с.-д. до сих пор колеблется насчет этих элементарных, вполне подтвержденных жизнью, опытом, партией истин, кто полагает, что «отзовизм» есть законный оттенок («Вперед», № 3, май 1911 г., стр. 78),—те просто вычеркивают себя из числа сколько-нибудь серьезных направлений или течений в социал-демократии.)

Сначала—несколько замечаний об организации, постановке, ведении избирательной кампании. Чтобы немедленно начать ее, необходима немедленная инициативная деятельность нелегальных партийных ячеек Р. С.-Д. Р. П. во всех концах страны, во всех и всяческих легальных и полуперегальных организациях, на всех крупных фабриках и заводах, среди всех слоев и групп населения. Надо смотреть неприглядной действительности прямо в лицо. Вполне оформленных партийных организаций в массе мест нет вовсе. Есть преданный с.-демократии рабочий авангард. Есть отдельные лица, есть небольшие группы. Поэтому инициативное образование ячеек (—слово, хорошо выражающее ту мысль, что внешние условия предписывают небольшие, очень гибкие, группы, кружки и организации) должно быть первой задачей в с.-д., хотя бы двух-трех, могущих как-никак «защепиться», собрать те или иные связи, начать хотя бы самую скромную, но систематическую работу.

При теперешнем положении дел нашей партии нет ничего опаснее тактики «ожидания» такой поры, когда сложится влиятельный русский центр. Всем с.-д. известно, что работа по его созда-

нию ведется, что все возможное для этого сделано тем, на ком прежде всего лежит такая обязанность, но всем с.-д. должно быть известно также, что полицейские трудности неимоверны—нельзя падать духом при первой, второй и третьей неудаче!—всем должно быть известно, что когда такой центр образуется, ему долго придется налаживать прочную сеть связи со всеми местами, ему порядочное время придется ограничиваться лишь обще-политическим руководством. Откладывать образование инициативных местных ячеек Р. С.-Д. Р. П., строго партийных, нелегальных, начинающих тотчас же подготовительную работу к выборам, делающих тотчас же всевозможные шаги для развития пропаганды и агитации (нелегальные типографии, листки, легальные органы, группки «легальных» с.-д. партийцев, транспортные связи и т. д. и т. п.),—откладывать это дело—значило бы губить работу.

Для с.-демократии, которая ценит выборы больше всего, как дело политического просвещения народа, основным вопросом является, конечно, вопрос об идейно-политическом содержании всей пропаганды и агитации, связанной с выборами. Это и есть вопрос об избирательной платформе. Для всякой партии, сколько-нибудь заслуживающей этого имени, платформа задолго до момента выборов есть уже нечто данное, не нарочито придуманное «для выборов», а вытекающее неизбежно из всех дел партии, из всей постановки ее работы, из всего направления ее в данный исторический период. И для Р. С.-Д. Р. П. платформа уже дана, платформа уже есть налицо, она определена естественно и неизбежно принципами партии и той тактикой, которую партия уже установила, уже провела и ведет во всю ту эпоху политической жизни народа, которой выборы подводят всегда «итог» в известном отношении. Платформа Р. С.-Д. Р. П. есть и той работы, которую революционный марксизм и оставшиеся верными ему слои передовых рабочих проделали в эпоху 1908—1911 годов, в эпоху разгула контр-революции, в эпоху «третьеиюньского» «Столыпинского» режима.

Три главных слагаемых входят в этот итог: 1) программа партии; 2) ее тактика; 3) ее оценка господствующих или наиболее распространенных, или наиболее вредных для демократии и для социализма идейно-политических течений данного времени. Без программы партия невозможна, как сколько-нибудь цельный политический организм, способный всегда выдерживать линию при всех и всяких поворотах событий. Без тактической линии, основанной на оценке переживаемого политического момента и дающей

точные ответы на «проклятые вопросы» современности, возможен кружок теоретиков, но не действующая политическая величина. Без оценки «активных» злободневных или «модных» идейно-политических течений программа и тактика способны вырождаться в мертвые «пункты», проведение которых в жизнь, применение к тысячам детальных, конкретных и конкретнейших вопросов практики немислимо с пониманием сути дела, с пониманием того, «что к чему».

Что касается до идейно-политических течений, характерных для периода 1908—1911 годов и особенно важных для понимания задач с.-демократии, то на первое место выдвигается здесь «веховство», как идеология к о н т р-р е в о л ю ц и о н н о й л и б е р а л ь н о й буржуазии (идеология, вполне соответствующая политике к.-д. партии, что бы ни говорили ее дипломаты) и л и к в и д а т о р с т в о, как проявление тех же упадочных и буржуазных влияний в среде, соприкасающейся с рабочим движением. Назад от демократии, подальше от движения масс, подальше от революции—таков лейтмотив царящих в «обществе» направлений политической мысли. Подальше от нелегальной партии, задач гегемонии пролетариата в освободительной борьбе, от задачи отстаивания революции—таков лейтмотив «веховства» среди марксистов, свившего себе гнездо в органах «Наша Заря» и «Дело Жизни». Что бы ни говорили узкие практицисты или люди, устало отворачивающиеся от тяжелой борьбы за революционный марксизм в нашу тяжелую эпоху,—нет н и о д н о г о вопроса «практики», н и о д н о г о вопроса нелегальной и легальной работы с.-д. в любой из областей ее работы, на который можно было бы дать точный и полный ответ пропагандисту и агитатору без понимания всей глубины и всего значения указанных «направлений мысли» Столыпинского периода.

Избирательную платформу с.-демократии очень часто бывает полезно, а иногда и необходимо, завершить выставлением краткого общего лозунга, пароля выборов, выдвигающего самые коренные вопросы ближайшей политической практики, дающего самый удобный, самый близкий повод и материал для развертывания всесторонней социалистической проповеди. Для нашей эпохи таким паролем, таким общим лозунгом могли бы быть лишь следующие три пункта: 1) республика, 2) конфискация всей помещичьей земли, 3) 8-часовой рабочий день.

Первый пункт содержит квинт-эссенцию требований политической свободы. Ограничиться этим последним термином для вы-

ражения нашей партийной позиции по вопросам этого рода, или каким-либо другим вроде «демократизаций» и т. п. было бы неправильно по той причине, что мы должны учитывать в пропаганде и агитации опыт революции. Разгон двух Дум, организация погромов, поддержка черносотенных банд и помилование черносотенных героев, «Ляховские» подвиги в Персии, государственный переворот 3 июня, ряд дальнейших «маленьких coups d'état» на этой почве (96 статья и пр.)—таков далеко не полный перечень деяний нашей монархии Романова—Пуришкевича—Столыпина и К-о. Могут быть и бывали исторические условия, когда монархия оказывалась в состоянии ужиться с серьезными демократическими реформами вроде, например, всеобщего избирательного права. Монархия вообще не единообразное и неизменное, а очень гибкое и способное приспособляться к различным классовым отношениям господства учреждение. Но из этих бесспорных абстрактных соображений делать выводы относительно конкретной русской монархии XIX века—значит издеваться над требованиями исторической критики и изменять делу демократии.

Наше положение и история нашей государственной власти—особенно за последнее десятилетие—показывают нам наглядно, что именно царская монархия есть средоточие той банды черносотенных помещиков (от них же первый — Романов), которая сделала из России страшилище не только для Европы, но теперь и для Азии,—банды, которая довела ныне произвол, грабежи и казнокрадства чиновников, систематические насилия над «простонародием», истязания и пытки по отношению к политическим противникам и с. д. до размеров совершенно исключительных. При таком к о н к р е т н о м обличье, конкретной экономической основе и политической физиономии н а ш е й монархии ставить в центре борьбы за политическую свободу требование, напр., всеобщего избирательного права было бы не столько оппортунизмом, сколько вообще бессмыслицей. Если речь идет о выборе центрального пункта требований, как общего лозунга выборной кампании, то надо же располагать различные демократические требования в сколько-нибудь правдоподобной перспективе и соразмерности; нельзя же, в самом деле, не вызывая смеха у людей грамотных и не порождая путаницы в умах безграмотных, добиваться признания приличного отношения к женщинам и неудобства употреблять «цензурные» речения от Пуришкевича, терпимости от Илиодора, бескорыстия и честности от Гурко и Рейнбота, законности и правового

режима от Толмачева и Думбадзе, демократических реформ от Николая Романова!

Поставьте вопрос с точки зрения, так сказать, обще-исторической. Бесспорно (для всех кроме Ларина и горстки ликвидаторов), что буржуазная революция в России не закончена. Россия идет к революционному кризису. Мы должны доказывать необходимость революции, проповедывать законность и «полезность» ее. Если так, следует вести агитацию за политическую свободу таким образом, чтобы ставить вопрос во всей его широте, чтобы указывать цель победоносному, а не останавливающемуся на полпути (как в 1905 г.) движению, давать лозунг, способный вызвать энтузиазм в массе пострадавших от русской жизни, изболевших от позора быть русским, стремящихся к действительно свободной, действительно обновленной России.—Поставьте вопрос с точки зрения пропагандистски-практической. Нельзя же не разъяснять даже самому темному мужику, что управлять государством должна «Дума», более свободно и всенародно выбираемая, чем первая. А как же сделать, чтобы «Думу» нельзя было разогнать? Нельзя этого сделать, не разрушив царской монархии.

Возражат, может быть: выставлять лозунг республики, как пароль всей избирательной кампании, значит исключать возможность легально вести ее, значит несерьезно относиться к признанию важности и необходимости легальной работы. Такое возражение было бы софизмом, достойным ликвидаторов. Нельзя говорить легально о республике (за исключением думской трибуны, с которой можно и должно, оставаясь в п о л н е на почве легальности, вести республиканскую пропаганду),—но можно писать и говорить в защиту демократизма т а к, чтобы не делать ни малейшей поправки идеям примиримости демократизма с монархией,—т а к, чтобы опровергать и высмеивать либеральных и народнических монархистов,—т а к, чтобы читатель и слушатель уяснили себе связь именно монархии, как монархии, с бесправием и произволом в России. О, русский человек прошел многовековую школу рабства: он умеет читать между строк и договаривать не сказанное оратором. «Не говори—не могу, а говори: не хочу»—вот как следует отвечать легальным деятелям с.-демократии, которые стали бы ссылаться на «невозможность» постановки требования республики в центре нашей пропаганды и агитации.

О важности требования конфискации всей помещичьей земли вряд ли есть надобность особенно распространяться. В такое

время, когда в русских деревнях стоит неумолчный стон от Столыпинской «реформы», идет борьба в самых ожесточенных формах между «новыми помещиками», стражниками и массой населения, нарастает—по свидетельству самых консервативных и враждебных революции людей—невиданная раньше злоба, в такое время в центре всей демократической избирательной платформы должно стоять указанное требование. Заметим только, что именно указанное требование ясно отделит последовательную пролетарскую демократию не только от помещичьего либерализма кадетов, но и от тех интеллигентски-чиновничьих разговоров о «нормах», «нормах потребительских», «нормах производительных», об «уравнительном распределении» и прочем вздоре, которые любят народники и над которыми смеются все толковые крестьяне. Нам не к чему говорить, «сколько земли нужно мужичку»: русскому народу нужно конфисковать в с ю помещичью землю, чтобы скинуть с себя ярмо крепостнического гнета во в с е й экономической и политической жизни страны. Без такой меры Россия никогда не будет свободной, русский крестьянин никогда не будет хоть сколько-нибудь сытым и грамотным.

Еще менее необходимы комментарии к 3-му пункту: 8-часовой рабочий день. Контр-революция с бешенством отнимает у рабочих завоевания пятого года, и тем сильнее становится в рабочей среде борьба за улучшение условий труда и жизни; во главе этих улучшений стоит 8-часовой рабочий день.

Подводя итог, можно выразить двумя словами суть и жизненный нерв социал-демократической избирательной платформы: з а р е в о л ю ц и ю! Лев Толстой сказал незадолго до своей смерти, и сказал с характерным для худших сторон «толстовщины» сожалением, что русский народ необыкновенно быстро «научился делать революцию». Мы жалеем только о том, что русский народ не доучился этой науке, без которой он целые века может остаться рабом у Пуришкевичей. Но правда то, что русский пролетариат, в своем стремлении к полному социалистическому преобразованию общества, дал русскому народу вообще и русскому крестьянину в особенности незаменимые уроки в этой науке. Никакие виселицы Столыпина, никакие потуги «веховцев» не заставят забыть этих уроков. Урок дан. Урок усваивается. Урок будет повторен.

Программа Р. С.-Д. Р. П., наша старая программа революционной с.-демократии есть основа нашей избирательной платформы.

Наша программа дает точную формулировку наших социалистических задач, конечной цели социализма, и притом такую формулировку, которая заострена в особенности против оппортунизма и реформизма. В такую эпоху, когда реформизм во многих странах, и у нас в том числе, поднимает голову,—и когда, с другой стороны, множатся признаки, указывающие, что в самых передовых странах подходит к концу период так наз. «мирного парламентаризма», начинается период революционного брожения масс,—в такую эпоху наша старая программа приобретает еще большее (если возможна тут сравнительная степень) значение. По отношению к России программа Р. С.-Д. Р. П. ставит партии ближайшую цель: «свержение самодержавия царя и замену его демократической республикой». Специальные отделы программы, посвященные вопросам государственного управления, финансам, рабочему законодательству, аграрному вопросу, дают точный и определенный руководящий материал для в с с й разносторонней работы любого пропагандиста и агитатора, для конкретизации нашей избирательной платформы при выступлениях перед той или иной аудиторией, по тому или иному поводу, с той или иной темой.

Тактика Р. С.-Д. Р. П. эпохи 1908—1911 годов определена д е к а б р ь с к и м и р е з о л ю ц и я м и 1908 г о д а. Подтвержденные январским пленумом 1910 года, проверенные о п ы т о м всего «Столыпинского» периода, эти резолюции дают точную оценку момента и вытекающих из него задач. Старое самодержавие по-прежнему остается главным врагом, по-прежнему повторяется неизбежность революционного кризиса, к которому снова идет Россия. Но обстановка уже не старая, самодержавие сделало «шаг по пути превращения в буржуазную монархию», оно пытается укрепить поместное землевладение крепостников новой, буржуазной аграрной политикой; оно налаживает союзы крепостников и буржуазии в черно-желтой Думе; оно использует широкое контр-революционное («веховское») настроение в либеральной буржуазии. Капитализм сделал несколько шагов вперед, классовые противоречия обострились, раскол между демократическими элементами и «веховским» либерализмом кадетов стал яснее, деятельность соц.-демократии охватывает новые области (Дума и «легальные возможности»), давая возможность, вопреки контр-революции, расширять сферу действия пропаганды и агитации даже при сильном «разгроме» нелегальных организаций. Старые революционные задачи, старые, испытанные методы революцион-

ной массовой борьбы—вот что отстаивает наша партия в эпоху распада и развала, когда приходится зачастую «начинать с начала», приходится не только по-старому, но и по-новому, новыми приемами, в измененной обстановке вести подготовительную работу, собирая силы к эпохе новых битв.

*«Социал-Демократ» № 24
от 18 (31) октября 1911 г.*

Из лагеря Столыпинской «рабочей партии».

Номера 6, 7 и 8 «Нашей Зари» посвящены главным образом избирательной кампании и избирательной платформе. Сущность взглядов ликвидаторов прикрывается, в статьях на эту тему, необыкновенным количеством непомерно пухлых, вымученных, высокопарных фраз о «боевой мобилизации пролетариата», о «широкой и открытой мобилизации масс», о «массовых политических организациях самодетельных рабочих», о «самоуправляющихся коллективах», «самосознательных рабочих» и т. д. и т. п. Юрий Чацкий⁵²⁾ договорился даже до того, что платформе надо не только «продумать», но и «прочувствовать»... Фразы эти, приводящие, наверное, в восторг гимназистов и гимназисток, оглушают читателя и «напускают туману», в котором нетрудно уже провести контрабанду.

Вот, например, г. Юрий Чацкий воспеваает значение платформы и важность единой платформы. «Крупнейшее значение,—пишет он,—мы придаем санкции (платформы) думской с.-д. фракции, при том однако непременно условии, что последняя не пойдет по линии наименьшего сопротивления, санкционировав платформу, навязанную ей заграничными кружками».

Так и напечатано. И это не черносотенный орган, натравливающий на «жида» и на эмигранта, а «социал-демократический»! Как низко должны были пасть эти господа, чтобы вместо разъяснения принципиальной разницы и х платформы и платформы «заграничных кружков» кричать против заграницы!

Юрий Чацкий так неловок при этом, что выбалтывает, от имени какого кружка ведет он свою ликвидаторскую линию: «элементом возможной централизации,—пишет он,—является группа с.-д. (??) работников, тесно связанных с открытым рабочим движением (через «Нашу Зарю», а?) и приобретающих все большую

устойчивость»... (и все бóльший либеральный облик)... «мы имеем в виду в особенности Петербург»...

Прямо бы надо говорить, господа! Недостойно и неумно играть в прятки: «элементом централизации», попросту центром (ликвидаторства) вы считаете—и законно—группку сотрудников петербургской «Нашей Зари». Шила в мешке не утаишь.

Л. Мартов пытается утаить шило, пересказывая легальные положения с.-д. программы, как основы избирательной платформы. Он говорит при этом хорошие слова, что не надо ни от чего «отказываться», ничего «урезывать». Это на стр. 48 и 7—8. А на стр. 54-й, в заключительном абзаце статьи, читаем:

«Вся избирательная кампания должна нами (? «Нашей Зарей» и «Делом Жизни», очевидно) вестись под знаменем (sic!) борьбы пролетариата за свободу своего политического самоопределения, борьбы за право иметь свою классовую партию и свободно развивать свою деятельность, за участие в политической жизни в качестве самостоятельной организованной силы. Этому принципу должны быть подчинены как содержание избирательной агитации, так и методы избирательной тактики и организационной предвыборной работы».

Великолепное изложение л и б е р а л ь н о й рабочей платформы! Рабочий социал-демократ «ведет кампанию под знаменем» борьбы за свободу в с е г о н а р о д а, за демократическую республику. Рабочий либерал борется «за право иметь свою классовую (в брентановском, социал-либеральном смысле) партию». Подчинять такому принципу это и значит изменять делу демократии. И либеральные буржуа и ловкие дельцы правительства только того и хотят, чтобы рабочие боролись за свободу «своего политического самоопределения», а не за свободу всей страны—Мартов дал пересказ формулы Левицкого: «не гегемония, а классовая партия». Мартов дал лозунг чистейшего «неоэкономизма». Экономисты говорили: рабочим — экономическая, либералам — политическая борьба. Неоэкономисты, ликвидаторы, говорят: все содержание избирательной агитации подчинить принципу: борьба рабочих за право иметь свою классовую партию.

Сознает ли Мартов смысл своих слов? Сознает ли он, что они означают отречение пролетариата от революции? «господа либералы, в 1905 году мы против вас поднимали на революцию массы вообще, крестьян в частности, мы боролись за свободу народа вопреки либеральным потугам остановить дело при полусвободе;

отныне мы не будем «увлекаться» и будем бороться за свободу своей классовой партии». Ничего иного «сеховские», контр-революционные либералы (ср. писания Изгоева в особенности) и не требуют от рабочих. Права рабочих иметь свою классовую партию либералы не отрицают. Они отрицают «право» пролетариата, единственного до конца революционного класса, поднимать н и з ы на борьбу вопреки либералам и даже против либералов.

Посулив не «отказываться» и «не урезывать», Мартов именно так у р е з а л с.-д. платформу, чтобы она вполне удовлетворяла Ларина, Потресова, Прокоповича, Изгоева.

Посмотрите, как Мартов критикует тактическую резолюцию партии (декабря 1908 года). «Неудачная формула»,—говорит он о «шаге по пути превращения в буржуазную монархию»,—ибо «в ней исчезает реальность сделанного н а з а д шага к разделу власти между носителями абсолютизма и землевладельческим дворянством», «в ней отсутствует момент решительного столкновения классов» — очевидно, буржуа либералов с крепостниками. О том, что либеральные буржуа в 1905—1907 годах у б о я л и с ь «решительного столкновения» с феодалами, предпочитая «решительно столкнуться» с рабочими и крестьянами, Мартов забывает (как забывают об этом либералы, обвиняющие рабочих в «эксцессах»). Мартов видит «шаг назад» самодержавия к крепостникам (в резолюции партии т о ч н о указан этот шаг: «сохранить за крепостниками их власть и их доходы»). Но Мартов не в и д и т «шага назад», сделанного либеральными буржуа от демократии к «порядку», к монархии, к сближению с помещиками. Мартов не видит с в я з и «шага по пути» к буржуазной монархии с контр-революционностью, с веховством либеральной буржуазии. Не видит потому, что он сам «веховец—среди марксистов». По либеральному мечтая о «решительном столкновении» либеральных буржуа с крепостниками, он выбрасывает за борт историческую реальность р е в о л ю ц и о н н о г о столкновения рабочих и крестьян с крепостниками, н е с м о т р я на колебания либералов, несмотря даже на переход их в партию порядка.

Итог и здесь все тот же: резолюцию партии Мартов отвергает с точки зрения л и б е р а л ь н о й рабочей политики, не противопоставляя, к сожалению, никакой с в о е й тактической резолюции (хотя необходимость базировать тактику на оценке «исторического смысла третьейиюньского периода» Мартов вынужден признать!).

Вполне понятно поэтому, что Мартов пишет: «...стремлением рабочей партии должно быть... побудить имущие классы сделать тот или иной шаг в сторону демократизации законодательства и расширения конституционных гарантий»... Всякий либерал считает вполне законным стремление рабочих «побудить имущие классы» к тем или иным шагам—условие либерала: чтобы рабочие не смели побуждать немущих к «шагам», не нрвлящимся либералам. Вся политика английских либералов, так глубоко развративших английских рабочих, сводится к тому, чтобы предоставлять рабочим «побуждать имущие классы» и не позволять рабочим отвоевывать себе гегемонию в общенародном движении.

Вполне понятна также ненависть Чацкого, Мартова, Дана к «левоблокиской» тактике. Под ней они понимают не «левый блок» на выборах, а общую тактику, установленную лондонским съездом: **вырывать** крестьян (и мелких буржуа вообще) из-под влияния кадетов; **заставлять** народнические группы **делать** выбор между к.-д. и с.-д. Отказ от этой тактики есть **отречение от демократии**: не видеть этого **теперь**, после «столыпинского периода», после подвигов «столыпинского либерализма к.-д.» (лондонский лозунг Миллюкова: «оппозиция его величества»!), после «Вех» могут только столыпинские социал-демократы.

Не нужно делать себе иллюзий: избирательных платформ у нас две,—это факт. От него нельзя отговориться фразой, сетованиями, пожеланиями. Одна—изложенная выше, основанная на решениях партии. Другая—Потресовско-Ларинская, развитая и дополненная Левицким, Юрием Чацким и Комп. и подмалеванная Мартовым. Эта последняя, **якобы соц.-демократическая платформа** есть на деле **платформа либеральной рабочей политики**.

Кто не понял разницы, непримиримой разницы этих двух платформ рабочей политики, тот не может сознательно вести избирательную кампанию. Того ждут на каждом шагу разочарования, «недоразумения», комические или трагические ошибки.

Старое и новое.

(Из заметок газетного читателя.)

Возьмешь в руки газеты—и сразу атмосфера «старой» России надвигается со всех сторон. Дело об Армавирском погроме. Избиение с ведома, с согласия властей, западня, устроенная начальством, «кем-то внушенное и предписанное» (слова гражданского истца) «избиение русской интеллигенции в широком смысле этого слова». Старая, но вечно новая действительность русской жизни, — горькая насмешка над «конституционными» иллюзиями.

Горькая, но полезная насмешка! Ибо ясно,—и молодому поколению России все более становится ясным,—что никакие осуждения, никакие резолюции тут не помогут. Тут дело идет о всей политической системе в целом, тут историческая правда пробивает себе дорогу сквозь дымку мечтательного обмана, будто возможно влить вино новое в меха старые.

Голод... Продажа скота, продажа девушек, толпы нищих, тиф, голодная смерть. «У населения есть только одна привилегия—умирать тихо и незаметно», — пишет один корреспондент.

«Земцы, говоря попросту, перепугались того, что они очутятся со своими иллюзиями среди голодных, озлобленных, потерявших всякую веру на какой-нибудь просвет, людей» (из Казанской губернии).

На что, казалось бы, благонадежно нынешнее земство, а между ними и правительством идет спор из-за размеров ссуд. Просят 6 миллионов рублей (Казанская губерния)—казна дает 1 миллион. Просили 600 тысяч (Самара)—переведено 25 тысяч рублей.

По-старому!

В Холмском уезде Псковской губернии на земском собрании против земской агрономии—для хуторян только!—выступили даже земские начальники. На Кубани состоялся съезд станичных атаманов—все единодушно высказались против принятого III Думой плана укрепления наделов в личную собственность.

В Царицыне уездный съезд постановил не предавать суду старосту, истязавшего женщину («в целях розыскания преступника»). Губернское присутствие отменило постановление.

Под Пете-бургом рабочие надели мешок на управляющего фабрикой г. Яковлева и поволокли к Неве. Стражники разогнали рабочих. 18 арестовано.

Трудно удивляться тому, что даже газете «Р е ч ь» приходится констатировать, при таких картинках жизни, «большую общественную приниженность». А г. Кондурушкин сетует в письмах из Самары о голоде *): «оно, это русское общество, представляется мне мягким, как резина, как тесто. Можно смять его и тискать словом и делом. Но отошел—и опять затянуло все по-старому».

«Он, этот русский обыватель и интеллигент, богатый и бедный, спокоен. Вот, когда начнут от голода «пыхнуть», он возрадуется, со слезами заликует. Ему непременно надо со слезами итти на помощь, с чувствами «благородными». Ему при этом предстоит прекрасный случай о душе своей позаботиться. А без чувств, без слез и работа не работа, и помощь не в помощь. Без слез-то своих он и дела значительным не сочтет и с места не тронется. Нет, ты его сначала растрогай, заставь плакать и в чистый платочек высморгаться. А суровый расчет, здоровое и трезвое сознание г о с у д а р с т в е н н о й н е о б х о д и м о с т и—это скучно, тут нет мягкого настроения».

Да, да, проповедь «суровости» очень не бесполезна в мире «теста» и «резины». Только наш либерал не замечает, с к а к о й с т о р о н ы ведет он такую проповедь, «здоровое и трезвое сознание государственной необходимости»,—вы это не у Меншикова ли списали, г. Кондурушкин? Ведь именно на почве «теста» и «резины», именно на почве мягкого и слезливого настроения только и возможны подобные речи о государственности. Именно потому, что есть тестообразные люди, чувствуют себя уверенно глашатаи «здоровой и трезвой государственности».

«Русское общество мягко, как резина»,—п о с т а р о м у говорит г. Кондурушкин. Есть общество и общество. Было время, когда слово «общество» все обнимало, все покрывало, выражало разнородные, просыпающиеся к сознательности, элементы населения или просто так называемых «образованных» людей.

Но именно в этом отношении дела обстоят уже в России не по-старому. Когда можно было говорить только об обществе, тогда лучшие люди его проповедывали суровую борьбу, а не «здоровое и трезвое сознание государственной необходимости».

*) Охваченный «тоской общерусского неуютя».

А теперь об «обществе» вообще говорить нельзя. В старой России обнаружались различия новых сил. Старые бедствия, по-старому, в виде голода и т. д., надвигающиеся на Россию, обостряющие старые вопросы, требуют учета того, как обнаружили себя эти новые силы в первое десятилетие XX века.

«Общество» мягко и слезливо благодаря бессилию и нерешительности того класса, к которому оно тяготеет и на $\frac{9}{10}$ принадлежит. Проповедь «сурового расчета, трезвого и здорового сознания государственной необходимости» есть только оправдание господства «начальства» над этим дряблым обществом.

А истекшее десятилетие показало элементы населения, к «обществу» не принадлежащие, мягкостью и лживостью не отличающиеся...

В России все «по-старому» — наверху, но есть кое-что новое — внизу. Кому «тоска общерусского неуютя» поможет увидеть, нащупать, найти это твердое, не слезливое, не тестообразное новое, тот сумеет найти дорогу, ведущую к избавлению от старого.

А у кого сетования на эту тоску перемешиваются с речами о «здоровом и трезвом сознании государственной необходимости», тот едва ли не останется навеки составной частью «теста», дающего себя «мять и тискать». Таких людей как раз во имя «здоровой и трезвой» государственности «мнут и тискают», — и поделом.

Если из ста лиц, подвергаемых таковой операции, один из «общества» подтвердет, результат будет полезный. Без размежовки добра не будет.

«Звезда» № 28

от 5 ноября 1911 г.

За подписью В. Ф.

Два центра.

Начало последней сессии Третьей Думы сразу же поставило вопрос об итогах работы этого учреждения. Один из важнейших итогов мы можем формулировать словами «Речи».

«Мы имеем, — писал недавно ее передовик, — ряд голосований, фактически воспроизводящих господство в Думе «левого центра»... Действительная деятельность Думы, соприкасающаяся с живыми запросами и требованиями жизни, идет с самого начала сессии не-

изменно и систематическим курсом — несуществующего, конечно — левого центра».

И, как бы ловя «самого» премьера, газета ликующе восклицает: «Г. Коковцев не постеснялся (в первом своем выступлении) трижды заявить о своей полной солидарности с доводами (кадета) Степанова».

Факт бесспорный: «левый центр» на-лицо. Вопрос только, о «жизни» или о застое свидетельствует наличие этого факта?

В III Думе с самого начала были два большинства. Марксисты еще в конце 1907 года, до начала «работ» этой Думы, выставили центральным пунктом своей оценки момента и оценки III Думы признание «двух большинства» и характеристику обоих.

Первое большинство — черносотенно-правоокебристское, второе — окебристско-кадетское. Избирательный закон в III Думу так и подстроен, чтобы получились эти два большинства. Напрасно наши либералы притворяются, будто они не видят этого.

Не случайность и не какой-нибудь хитрый расчет отдельных лиц, а весь ход классовой борьбы 1905—1907 годов сделал неизбежным для правительства вступление на этот именно путь. События показали, что «ставить ставку» на массу населения невозможно. Прежде, до «событий» иллюзия казенной «народной политики» еще могла держаться; события ее разбили. Ставку пришлось открыто, голо, цинично поставить на один командующий класс, класс Пуришкевичей и Марковых, и на сочувствие или испуг буржуазии. У одних разрядов буржуазии преобладало стремление к систематической поддержке (окебристы), у других — сочувствие к так наз. порядку или испуг (кадеты), — это различие серьезной роли не играло.

Указанный сдвиг в с е й русской политической системы наметился еще в тех беседах, которые вели с конца 1905 года Витте, Трепов, Столыпин с Урусовым, Трубецким, Гучковым, Муромцевым, Миллюковым. Окончательно определился и отлился в государственно-учредительные формы этот сдвиг в III Думе с ее двумя большими.

О том, зачем нужно данному политическому строю первое большинство, излишне говорить. Но обыкновенно забывают, что и второе, окебристско-кадетское, большинство для него необходимо: без «буржуазного истца» правительство не могло бы быть тем, что оно есть; без сговора с буржуазией оно не в состоянии существовать; без попыток примирить Пуришкевичей и Марковых с

буржуазным строем и буржуазным развитием России ни министерство финансов, ни все министерства вместе — жить не могут.

И теперь, если «левый центр» оказывается неудовлетворенным, несмотря на свою скромность, то это свидетельствует, конечно, о растущем убеждении в с е й буржуазии в тщете ее жертв на алтарь Пуришкевичей.

Но «живые запросы и требования жизни» могут получить удовлетворение не от этих воздыханий и жалоб «левого центра», а только при условии сознания всей демократией причин бессилия и жалкого положения центра. Ибо весь центр, и левый в том числе, стоит на почве контр-революционной: они стонут от Пуришкевичей, но они не хотят и не могут обойтись без Пуришкевичей. Вот почему участь их горькая, вот почему ни одной победы, ни одной даже частички победы нет за этим левым центром.

«Левый центр», о котором говорит «Речь», есть смерть, а не жизнь, ибо весь этот центр — в решительные моменты русской истории испугался демократии и отвернулся от нее. А дело демократии есть живое дело, самое живое дело в России.

Живые запросы и требования жизни пролагают себе дорогу в таких областях, которые далеки от заполняющего внимание кадетов «левого центра». Вдумчивый читатель не мог не заметить, конечно, при чтении, например, думских отчетов о прениях по поводу «охраны», — что постановка вопроса в речах Покровского 2-го и особенно Гегечкори, как небо от земли, как жизнь от смерти, отличалась от постановки вопроса у Родичева и его компании.

«Звезда» № 25

от 5 ноября 1911 года.

Гайндман о Марксе.

Недавно вышли в свет объемистые мемуары одного из основателей и вождей английской «Социал-Демократической Партии» Генри Майерса Гайндмана. Книга почти в пятьсот страниц называется: «Записки о полной приключений жизни» *) и предста-

*) «The Record of an Adventurous Life», by Henry Mayers Hyndman London (Mecmillan and Co). 1911.

влияет из себя живо написанные воспоминания о политической деятельности автора и о «знаменитых» людях, с которыми он был знаком. Книга Гайндмана дает много интересного материала для характеристики английского социализма и для оценки некоторых важнейших вопросов всего международного рабочего движения.

Мы думаем поэтому, что будет своевременно посвятить несколько статей книге Гайндмана особенно ввиду «выступления» право-кадетских «Русских Ведомостей» (от 14 окт.) с статьей либерала Дионео, дающего замечательный образчик либерального освещения или, вернее, затемнения этих вопросов.

Начнем с воспоминаний Гайндмана о Марксе. Г. Гайндман познакомился с ним только в 1880-м году, будучи, видимо, очень мало осведомлен об его учении и о социализме вообще. Характерно для английских отношений, что Гайндман, родившийся в 1842 году, был до тех пор неопределенного цвета «демократом» со связями и симпатиями в консервативной партии (тори). К социализму Гайндман повернул после чтения «Капитала» (во французском переводе) во время одной из своих многочисленных поездок в Америку между 1874 и 1880 г.г.

Отправляясь в сопровождении Карла Гирша знакомиться с Марксом, Гайндман мысленно сравнивал его с... Мадзини!

В какой плоскости ставил эти сравнения Гайндман, видно из того, что влияние Мадзини на окружающих он называет «личным и индивидуально-этическим», а влияние Маркса «почти всецело интеллектуальным и научным». К Марксу Гайндман шел, как к «великому аналитическому гению», стремясь учиться у него—в Мадзини его привлекал характер, «возвышенный образ мыслей и поведения». Маркс был, «неоспоримо, более могучим умом». Гайндман, неоспоримо, весьма плохо понимал в 1880-м году (да не совсем понял и теперь—об этом ниже) различие между буржуазным демократом и социалистом.

«Когда я увидал Маркса,—пишет Гайндман,—мое первое впечатление было: сильный, лохматый, неукротимый старик, который готов—чтобы не сказать: стремится—вступить в конфликт и настроен с некоторой подозрительностью, как будто бы ему предстояло сейчас же выдержать нападение. Но он поздоровался со мной любезно, и столь же любезны были его первые слова. Я сказал, что мне доставляет большое удовольствие и честь пожать руку автора «Капитала», он ответил, что с удовольствием читал мои

статья об Индии *) и лестно отзывался о них в своих корреспонденциях в газеты».

«Когда Маркс говорил с бешеным негодованием о политике либеральной партии, в особенности по отношению к Ирландии,— маленькие, глубоко сидящие глаза старого борца загорались, тяжелые брови хмурились, широкий большой нос и лицо приходили в движение, и с уст лились рекой горячие, бурные обвинения, которые показали мне и всю страстность его темперамента и превосходное знание английского языка. Контраст был поразительный между его манерой говорить, когда его так глубоко волновал гнев, и всем его обличем, когда он излагал свои взгляды на экономические события известного периода. Без всякого заметного усилия он переходил от роли пророка и могучего трибуна к роли спокойного философа, и я сразу почувствовал, что пройдет много долгих лет, пока я перестану чувствовать себя перед ним в области этих последних вопросов, как ученик перед учителем.

«Меня поразило, когда я читал «К а п и т а л» и в особенности мелкие сочинения его, о Парижской Коммуне и «18 брюмера», как он умел соединять самое точное и холодное исследование экономических причин и социальных последствий с самой горячей ненавистью к классам и даже к отдельным лицам, вроде Наполеона III или Тьера, которые, по его же собственной теории, были не более как мухами на колесах Джаггернаутовой колесницы капиталистического развития. Не надо забывать, что Маркс был еврей, и мне казалось, что он соединял в себе, в своем характере, в своей фигуре—с его внушительным лбом, большими навислыми бровями, пылкими, сверкающими глазами, широким чувственным носом и подвижным ртом, с лицом, обросшим со всех сторон лохматыми волосами,—праведный гнев великих пророков его расы и холодный аналитический ум Спинозы и еврейских ученых. Это было необыкновенное сочетание различных способностей, подобного которому я не встречал ни в одном человеке.

*) Гайндман до своего недавнего поворота к шовинизму был решительным врагом английского империализма и вел с 1878 года благородную кампанию разоблачений против тех позорных насилий, бесчинств, грабежей, надругательств (вплоть до сечения политических «преступников»), которыми прославили себя издавна англичане всех партий в Индии — вплоть до «образованного» и «радикального» писателя Джона Морли (Morley).

«Когда мы с Гиршем вышли от Маркса и я находился под глубоким впечатлением личности этого великого человека, Гирш спросил меня, что я думаю о Марксе. «Я думаю,—отвечал я,—что это Аристотель XIX века». И однако, сказав это, я сейчас же заметил, что такое определение не охватывает всего «предмета». Взять прежде всего то, что невозможно себе представить Маркса соединяющим функции царедворца по отношению к Александру Македонскому с глубокими научными работами, так могущественно повлиявшими на ряд поколений. А кроме того, Маркс никогда не отделял себя так полно—вопреки тому, что много раз о нем говорили,—от непосредственных человеческих интересов, чтобы рассматривать факты и их обстановку в том холодном, сухом освещении, которое характерно для величайшего философа древности. Не может быть никакого сомнения, что у Маркса ненависть к окружавшей его системе эксплуатации и наемного рабства была не только интеллектуальная и философская, но и страстно-личная. 1

«Помню, однажды я сказал Марксу, что, становясь старше, я становлюсь, мне кажется, более терпимым. «Более терпимым?—отвечал Маркс:—б о л е е терпимым?» Было ясно, что он более терпимым не становится. Я думаю, что именно эта глубокая ненависть Маркса к существующему порядку вещей и его уничтожающая критика своих противников помешали многим из числа образованных людей зажиточного класса оценить все значение его великих произведений и сделали такими героями в их глазах третьестепенных полузнаек и логомахов вроде Бем-Баверка только из-за того, что они извращали Маркса и пытались «опровергнуть» его. Мы привыкли теперь, особенно в Англии, бороться всегда с большими мягкими шарами на концах рапир. Яростные нападения Маркса с обнаженной шпагой на его противников кажутся неприличными нашим джентльменски лицемерным ученым дуэлянтам, и они не в состоянии поверить, что такой беспощадный полемист и неистовый враг капитала и капиталистов был на самом деле самым глубоким мыслителем нашей эпохи».

В 1880 году Маркс был почти незнаком английской публике. Здоровье его в то время уже заметно слабело, усиленные занятия (до 16 часов в сутки и больше умственного труда!) подорвали его организм, доктора запретили ему заниматься по вечерам, и я пользовался,—рассказывает Гайндман,—его часами досуга для бесед с ним с конца 1880 до начала 1881 года.

«Наша манера беседовать была довольно оригинальная, Маркс имел привычку ходить быстро взад и вперед по комнате, когда он оживлялся спором,—как будто бы он гулял по палубе морского судна. Я приобрел за время своих долгих путешествий (в Америку, Австралию и т. д.) такую же привычку шагать взад и вперед, когда голова чем-нибудь особенно занята. И вот, можно было наблюдать такую сцену, что учитель и ученик шагают по два и по три часа вдоль и поперек комнаты вокруг стола, обсуждая вопросы современной эпохи и дела минувших дней».

Какова была позиция Маркса по различным вопросам, которые он обсуждал с Гайндманом, этого последний не передает сколько-нибудь обстоятельно ни по одному вопросу. Из изложенного выше видно, что Гайндман сосредоточивается больше всего и почти исключительно на анекдотической стороне дела: это соответствует всему остальному содержанию его книги. Автобиография Гайндмана есть биография английского буржуазного филистера, который, будучи лучшим из лучших в своем классе, пробивает себе в конце концов дорогу к социализму, никогда не отделяясь полностью от буржуазных традиций, буржуазных взглядов и предрассудков.

Повторяя филистерские попреки Марксу и Энгельсу, что они будто бы были «самодержцами» в «якобы демократическом» Интернационале, что они не понимали практики, не знали людей и т. д., Гайндман ни разу ни одного из этих попреков не пробует оценить на основании точного, конкретного изложения обстановки соответственных моментов.

Получается анекдот, а не исторический анализ марксиста. Маркс и Энгельс боролись с делом германского с.-д. объединения (с лассалеанцами), а объединение было нужно! Это все, что говорит Гайндман. О том, что Маркс и Энгельс были тысячу раз принципиально правы против Лассалья и лассалеанцев, у Гайндмана ни слова. Гайндман этого вопроса даже не ставит. О том, не был ли «демократизм» (организационный) в эпоху Интернационала прикрытием буржуазных сект, разлагавших строительство пролетарской социал-демократии, Гайндман себя даже не спрашивает.

От этого и история разрыва Гайндмана с Марксом рассказана так, что кроме сплетни (в духе господ Дионео) ровно ничего не выходит. Энгельс, видите ли, был человек «придирчивый, подозрительный, ревнивый», жена Маркса будто бы говорила жене Гайндмана, что Энгельс был «злым гением» (!!) Маркса; Энгельс, ко-

того Гайндман никогда даже не встречал (вопреки тому, что написал г. Дионео в «Русских Ведомостях»), был склонен «в отношениях с теми людьми, кому он помогал (деньгами; Энгельс был очень богат, Маркс очень беден), извлекать полную мелкую стоимость из своих денежек»; Энгельс будто бы и поссорил Маркса с Гайндманом, боясь, что Гайндман, бывший тогда богатым человеком, займет место Энгельса, как богатого друга при Марксе!!

Господам либералам, конечно, доставляет удовольствию переписывать именно подобные невыразимые пошлости. Познакомьтесь хотя бы с теми письмами к Зорге (Маркса и Энгельса), которые указывает сам Гайндман, и разобратся в том, где нужно, это, разумеется, совсем не в интересах либеральных писак! Об этом они не заботятся! А между тем справка с этими письмами, сличение их с «мемуарами» Гайндмана сразу решает дело.

В 1880 году Гайндман выпустил брошюру «Англия для всех», где он переходит к социализму, оставаясь очень и очень путаным буржуазным демократом. Брошюра написана для возникшей тогда «Демократической федерации» (не социалистической), в которой была масса антисоциалистических элементов. И вот Гайндман, пересказывая и переписывая «Капитал» в двух главах своей брошюры, не называя Маркса, говорит в предисловии глухо о некоем «великом мыслителе и оригинальном писателе», которому он многим обязан и т. д. Из-за этого же «поссорил» меня с Марксом Энгельс, — рассказывает Гайндман, — приводящий в то же время одно письмо Маркса к нему (от 8 декабря 1880 года), где Маркс пишет, что по словам Гайндмана он, Гайндман, «не разделяет взглядов моей (Маркса) партии, что касается Англии».

Ясно, в чем было разногласие, не понятное, не замеченное, не оцененное Гайндманом: в том, что Гайндман был тогда (как прямо и пишет Маркс к Зорге от 15 декабря 1881 года) «прекраснодушным мелко-буржуазным писателем», «наполовину буржуа, наполовину пролетарий». Ясно, что если человек, который знакомится с Марксом, сближается с ним, называет себя учеником его, основывает потом «демократическую» федерацию и пишет для нее брошюру с искажением марксизма и с умалчиванием о Марксе, то Маркс не мог этого оставить без «бешеного» протеста. И, очевидно, протест был, ибо Маркс в том же письме к Зорге приводит выдержки из извинительных писем Гайндмана, оправдывавшегося тем, что

«англичане не любят учиться у иностранцев», что «имя Маркса так ненавистно» (!) и т. п. (Сам Гайндман сообщает, что он уничтожил почти все письма Маркса к нему, так что с этой стороны ждать раскрытия истины нечего.)

Не правда ли, хороши извинения! И вот, когда вопрос о тогдашних разногласиях Гайндмана с Марксом выясняется с полной определенностью, когда вся даже теперешняя книжка Гайндмана доказывает, что в его взглядах много филистерского и буржуазного (например, какими доводами защищает Гайндман смертную казнь для уголовных!), что преподносят в объяснение разрыва с Марксом «интриги» Энгельса, сорок лет ведшего одну с Марксом принципиальную линию. Да, если бы вся остальная книга Гайндмана была даже сплошной бочкой меда, этой одной ложки дегтя было бы достаточно...

Прехарактерно вскрываются тогдашние разногласия Маркса с Гайндманом из того, что последний передает об оценке Марксом Гесри Джорджа. Оценка эта известна из письма Маркса к Зорге от 30 июня 1880 года. Гайндман защищал Г. Джорджа перед Марксом такими доводами, что де «Джордж научит большому своим вдалбливанием ошибки, чем другие люди научат полным изложением истины».

«Маркс,—пишет Гайндман,—и слышать не хочет о допустимости подобных доводов. Распространение ошибки никогда не могло быть полезно народу, таково было его мнение. «Оставлять ошибку неопровергнутой значит поощрять интеллектуальную нечестность. На десятерых, которые пойдут дальше Джорджа, придется, может быть, сотня таких, которые останутся со взглядами Джорджа, а эта опасность слишком велика, чтобы рисковать ею». Так говорил Маркс!!.

А Гайндман сообщает нам, что, с одной стороны, он и по сей час отстаивает свое прежнее мнение о Джордже, а, с другой стороны, Джордж де был мальчуганом с копеечной свечой, который дурачился рядом с человеком, имевшим электрический проектор.

Сравнение прекрасное, только... только рискованно было со стороны Гайндмана приводить это прекрасное сравнение рядом с своей мизерной сплетней насчет Энгельса.

*«Звезда» № 31
от 26 ноября 1911 года.
За подписью Вл. Ильин.*

Манифест либеральной рабочей партии.

I.

Именно такого названия заслуживает статья Н. Рожкова в № 9—10 журнала «Наша Заря».

Как ни тяжело марксистам терять в лице Н. Рожкова человека, послужившего рабочей партии в годы подъема с преданностью и энергией, интересы дела должны стоять выше каких бы то ни было личных или фракционных отношений, каких бы то ни было «хороших» воспоминаний. Интересы дела заставляют признать, что манифест нового ликвидатора приносит большую пользу прямою, ясною, законченностью его взглядов. Н. Рожков позволяет и заставляет поставить важнейший и коренной вопрос о «двух партиях» в не какого бы то ни было «конфликтного» материала, на чисто идейную почву, в значительной степени даже вне деления на большевиков и меньшевиков. После Рожкова нельзя говорить о ликвидаторстве только по-прежнему, ибо вопрос окончательно поднят им на более высокую почву. И после Рожкова нельзя только говорить о ликвидаторстве, ибо перед нами самый цельный, какой только можно себе представить, проект непосредственных практических действий.

Н. Рожков начинает с изложения «основной объективной задачи в России», переходит затем к оценке революции, далее разбирает текущий момент, говоря ясно и точно о каждом классе, и заканчивает вполне отчетливым описанием всей физиономии нового «открытого политического рабочего общества», которое необходимо немедленно основать и «фактически осуществить». Одним словом, Рожков начинает с самого начала и доходит последовательно до самого конца, как и полагается поступать человеку, сколько-нибудь сознающему серьезную политическую ответственность за свои речи и за свои действия. И надо отдать справедливость Рожкову: он последовательнейшим образом, от начала и до конца, подменяет марксизм либерализмом.

Возьмите исходную точку его рассуждений. Он считает «совершенно несомненным и бесспорным», что «основная объективная задача России в настоящий момент есть окончательное завершение смены грубо-хищнического, полукрепостнического хозяйствования культурным капитализмом». Спорно же, по его мнению,

то, достигла ли Россия положения, при котором, «хотя и не исключена возможность общественных бурь, но в недалеком будущем эти бури не являются необходимыми, неизбежными».

Мы считаем совершенно несомненным и бесспорным, что это — чисто либеральная постановка вопроса. Либералы ограничиваются тем, быть ли «культурному капитализму», или нет, быть ли «бурям», или нет. Марксист не позволяет ограничиваться этим, требуя разбора того, какие классы или слои классов в освобождающемся буржуазном обществе ведут ту или иную, конкретно определенную, линию этого освобождения, создания, например, тех или иных политических форм так называемого «культурного капитализма». Марксисты и во время «бурь», и во время заведомого отсутствия бури, ведут принципиально отличную от либерализма линию создания истинно демократических, а не вообще «культурных» форм жизни. Мы все стремимся к «культурному капитализму», говорят, корча из себя надклассовую партию, либералы. Мы не то должны понимать под «культурой», о чем толкуют либералы, говорят рабочим и всей демократии марксисты.

Еще более рельефное типично-«профессорское» извращение марксизма преподносит нам Рожков, критикуя «поверхностных наблюдателей», которым «кажется, что наша революция не удалась». «Слабонервная интеллигенция, — пишет Рожков, — всегда и везде предавалась хныканью и нытью, затем моральной протрации, ренегатству, мистицизму». «Вдумчивый же наблюдатель», знает, что «в неистовствах реакции часто выражаются глубочайшие социальные перемелы», что «в эпоху реакции слагаются и зреют новые социальные группы и силы».

Так рассуждает Рожков. Он сумел поставить вопрос о «ренегатстве» до такой степени филистерски (хотя и с учеными словами), что связь контр-революционных настроений в России с положением и интересами определенных классов исчезла совершенно. Ни один веховец, т.-е. самый яркий контр-революционный либерал, не станет спорить против того, что во время реакции зреют новые силы, ни один сотрудник ликвидаторского пятитомника, от которого отвернулись лучшие из меньшевиков, не откажется подписаться под этим. Конкретное обличие и классовый характер нашей контр-революции улетучились у нашего историка, остались избитые и пустейшие фразы о слабонервности одних интеллигентов и о вдумчивой наблюдательности других. Важнейший для марксиста вопрос, как наша революция показала

различные методы действия и различные стремления разных классов и почему это вызвало «ренегатское» отношение к борьбе за «культуру» других буржуазных классов, остался незамеченным Рожковым.

Перейдем к главному: к оценке момента у Рожкова, опирающейся на оценку положения всех классов. Начиная с «представителей нашего крупного землевладения», автор говорит: «недавно они в массе своей были (были!) настоящими крепостниками, типическими дворянами-помещиками. Теперь немного осталось этих, последних, могикиан. Они маленькой кучкой группируются еще вокруг г.г. Пуришкевича и Маркова 2 и бессильно (!) брызжут слюной, отравленной ядом отчаяния... Большинство наших крупных землевладельцев—дворян и не-дворян,—представленное в Думе националистами и правыми октябристами, постепенно и неуклонно перерождается в сельско-хозяйственную буржуазию».

Такова «оценка момента» у Рожкова. Нечего и говорить, что эта оценка есть насмешка над действительностью. На деле «кучка, группирующаяся вокруг г.г. Пуришкевича и Маркова 2», не бессильна, а всесильна. Именно ее власть и ее доходы обеспечиваются современными общественными и политическими учреждениями России, именно ее воля решает в последнем счете, именно она составляет элемент, определяющий все направление деятельности и весь характер так называемой бюрократии снизу и доверху. Все это до такой степени общеизвестно, факты господства в России именно этой кучки так ярки и повседневны, что нужно поистине бесконечное либеральное самоуслаждение, чтобы забыть их. Ошибка Рожкова состоит в том, что он до смешного преувеличил «перерождение» крепостнического хозяйства в буржуазное, это во-первых, а во-вторых позабыл «мелочь»,—как раз такую «мелочь», которая отличает марксиста от либерала,—именно: сложность и скачкообразность процесса приспособления политической надстройки к перерождению хозяйства. Чтобы пояснить обе эти ошибки Рожкова, достаточно указать на пример Пруссии, где до сих пор, несмотря на гораздо более высокую степень развития капитализма вообще и перерождения старопомещичьего хозяйства в буржуазное в частности, Ольденбурги и Гейдебраны⁵³⁾ остаются всесильными! держат в руках государственную власть—наполняют своим, так сказать, социальным содержанием всю прусскую монархию, всю прусскую бюрократию! В Прус-

сии до сих пор, 63 года спустя после 1848 года, несмотря на беспримерно быстрое развитие капитализма, избирательное право в ландтаг остается таким, что обеспечивается всецелие прусских Пуришкевичей. А Рожков для России шесть лет спустя после 1905 года рисует аркадскую идиллию «бессилия» Пуришкевичей!

Но дело именно в том, что рисование аркадской идиллии—относительно «неуклонности» Пуришкевического перерождения и торжества весьма умеренного буржуазного прогрессизма—есть основной мотив в с е х рассуждений Рожкова. Возьмите его рассуждение о современной аграрной политике. «Нет более яркой и широкой иллюстрации» перерождения (крепостнического хозяйства в буржуазное), чем эта политика, заявляет Рожков. Устраняется чересполосица, а «устранение» малоземелья в 20 черноземных земледельческих губерниях не представляет больших трудностей и составляет одну из ближайших очередных задач времени, которая и будет разрешена, по всей видимости, путем компромисса между разными группами буржуазии.

«Этот рисующийся впереди неизбежный компромисс по аграрному вопросу имеет уже теперь ряд прецедентов...»

Вот вам полный образчик метода политических рассуждений Рожкова. Он начинает с того, что отсекает крайности—без всяких данных, просто на основании своего либерального благодушия! Он продолжает тем, что компромисс между разными группами буржуазии не труден и вероятен. Он кончает тем, что подобный компромисс «неизбежен». Подобным методом можно было бы доказать невероятность и не необходимость «бурь» и во Франции 1789 и в Китае 1910 года. Конечно, компромисс между разными группами буржуазии нетруден, е с л и п р и н я т ь, что Марков 2 отсечен не в одной только благодушной фантазии Рожкова. Но принимать это и значит переходить на точку зрения либерала, который боится обойтись без Марковых 2-х и думает, что все всегда будут бояться.

Конечно, компромисс «неизбежен», если (первое «если») нет Марковых;—если (второе «если») непробудным политическим сном спят рабочие и разоряемые крестьяне. Но опять-таки сделать такое предположение, принять второе «если», не значит ли это принять желаемое (для либерала) за действительное?

II.

Не имея склонности принимать либеральных пожеланий или либеральных предположений за действительность, мы сделали иной вывод: несомненно, что современная аграрная политика носит буржуазный характер. Но именно потому, что направляют эту буржуазную политику Пуришкевичи, оставаясь господами положения, именно поэтому получается такое громадное обострение противоречий, что вероятность компромисса на ближайшее, по крайней мере, время надо признать прямо исключительной.

Другой важный социальный процесс,—продолжает свой анализ Рожков,—есть процесс консолидации крупной промышленности и торговой буржуазии. Правильно указывая на «взаимные уступки» кадетов и октябристов, автор делает вывод: «Не надо давать себе иллюзий: готовится торжество весьма умеренного буржуазного «прогрессизма».

Торжество где? над кем? На выборах в IV Думу, о которых только что говорил Рожков? Если да, то это будет «торжество» в тех узких рамках, которыми является избирательный закон третьего июня 1907 года. А отсюда неизбежно вытекает одно из двух: либо это «торжество», не создав никакой волны, ровнехонько ничего не изменит в фактическом господстве Пуришкевичей, либо это «торжество» косвенно выразит демократический подъем, который не может не притти в резкое столкновение с указанными «узкими рамками» и с господством Пуришкевичей.

В обоих случаях от торжества умеренности на поставленных в умеренные рамки выборах не получается ни малейшего торжества умеренности в жизни. Но в том-то и дело, что Рожков уже впал в такой «парламентский кретинизм», который позволяет ему смешивать третьеиюньские выборы и жизнь! Чтобы доказать читателю этот невероятный факт, приходится цитировать Рожкова полностью:

«И это торжество тем вероятнее, что масса городской мелкой буржуазии, по-обывательски унывающая в созерцании призрака «разбитого корыта», беспомощно потянется за умеренным прогрессизмом. Крестьянство же слишком слабо на выборах, в силу особенностей нашей избирательной системы, дающей возможность преобладающим в коллегии губернских выборщиков землевладельцам выбирать в депутаты от крестьян «правых». Такова картина социальных перемен, совершающихся в настоящее время в России, если оставить пока в стороне рабочий

класс. Она далека от застоя, или попятного движения. Новая буржуазная Россия, несомненно, крепнет и идет вперед. Политической санкцией грядущего господства умеренно-прогрессивной торговой буржуазии, рядом с консервативной сельско-хозяйственной буржуазией («Англия, да и только!»), служит Государственная Дума, основанная на избирательных нормах 3 июня 1907 года. (Опускаем сравнение с Францией и Пруссией, о чем ниже.) Резюмируя, таким образом, все сейчас сказанное, приходится признать, что имеются на-лицо все предпосылки медленного, крайне болезненного для масс, но все же несомненного движения вперед буржуазного общественного и государственного строя в России. Возможность бурь и потрясений, разумеется, не исключена, но она не переходит в необходимость, неизбежность, как то было до революции».

Философия премудрая, нечего сказать. Если крестьянство оставить в стороне, потому что оно «слабо на выборах», а рабочий класс просто «пока оставить в стороне», то, разумеется, возможность бурь совсем исключена! Но это сводится к тому, что если по-либеральному смотреть на Россию, то кроме либерального «прогрессизма» ничего и увидеть нельзя. Снимите либеральные очки, и картина будет иная. Так как крестьянство в жизни играет совсем не ту роль, что в системе выборов 3-го июня, то «слабость на выборах» обостряет противоречие между всем крестьянством и всей системой, а вовсе не открывает ворота «умеренному прогрессизму». Так как рабочий класс н е л ь з я «оставить в стороне» ни в капиталистической стране вообще, ни в России, пережившей первые 10 лет XX века, в особенности, то рассуждение Рожкова никуда не годится. Так как у нас господствует (и в III Думе и над ней) пуришкевичевщина, умеряемая воркотней Гучковых и Милюковых, то фразы о «грядущем господстве» умеренно-прогрессивной буржуазии есть просто либеральное баюшки-баю. Так как Гучковы и Милюковы, в силу их классового положения, не в состоянии противопоставить господству Пуришкевичей ничего кроме воркотни, то конфликт новой буржуазной России с Пуришкевичами неизбежен, а его движущими силами являются те, кого Рожков, вслед за либералами, «оставил в стороне». Именно потому, что Милюковы и Гучковы «делают взаимные уступки» в деле угодничества перед Пуришкевичами, на рабочих все резче падает задача отграничения демократии от либерализма. Н. Рожков не понял ни условий возникновения бурь в России, ни сейчас указанной задачи, обязательной и при заведомом отсутствии бури.

Вульгарный демократ способен все дело сводить к тому,—буря или нет. Для марксиста в первую голову ставится вопрос о той

линии политической размежки классов, которая о д и н а к о в а и при буре, и без бури. Если Рожков заявляет, что «рабочие должны взять на себя задачу политической гегемонии в борьбе за демократический строй», то это прямой курьез после всего написанного им в его манифесте. Это значит: Рожков берет от буржуазии расписку о признании за рабочими гегемонии, а сам даст буржуазии расписку, что рабочие отказываются от задач, составляющих содержание гегемонии! Рожков выпотрошил дочиста это содержание, а потом наивно повторяет пустое слово. Рожков сначала дает оценку момента, из которого видно, что для него гегемония либералов—факт совершившийся, бесповоротный и непреодолимый, а потом уверяет нас в своем признании гегемонии рабочего класса!

«Реально» значение Думы,—рассуждает Рожков,—«не меньше, чем значение французского Законодательного Корпуса в последние годы второй Империи, или значение того среднего пропорционального между германским рейхстагом и прусским ландтагом, которое характерно для Пруссии 80-х годов прошлого века».

Подобное сравнение есть образ игры в исторические параллели, настолько оно несерьезно. Во Франции 60-х годов была давно уже закончена вполне эпоха буржуазных революций, в дверь стучалась уже прямая схватка пролетариата с буржуазией; бонапартизм выражал собой лавирование власти между этими двумя классами. Смешно сравнивать это с современной Россией. III Дума больно похожа на *Chambre introuvable* 1815 года! ⁵⁴⁾ В Пруссии 80-х годов мы видим тоже эпоху полного завершения буржуазной революции, закончившей свое дело к 1870 году: буржуазия вся, вплоть до мелкой городской и крестьянской, удовлетворена и реакционна.

Может быть, Рожкову мерещилось сравнение роли депутатов от демократии и от пролетариата в Законодательном Корпусе и в рейхстаге с ролью соответствующих депутатов в III Думе? Такое сравнение возможно, но оно как раз говорит против Рожкова, ибо поведение Гегечкори, а отчасти также Петрова З, свидетельствует о такой силе, уверенности в себе и готовности к борьбе тех классов, которые они представляют, что «компромисс» с Пуришкевичами рисуется не только невероятным, но прямо исключенным.

III.

На оценке роли классов у Рожкова надо было остановиться особенно подробно, ибо именно здесь идейные корни нашего безусловного расхождения. Практические выводы, которые Рожков

делает—надо отдать ему справедливость—с редкою безбоязненностью и прямою, интересные более всего как доведение до абсурда «теории» автора. Рожков тысячу раз прав, конечно, когда он ставит в связь вопрос о возможности открытой политической организации рабочих с оценкой момента, с оценкой коренных изменений политического строя. Но в том-то и беда, что вместо таковых изменений в ж и з н и он нам может преподнести лишь прекраснодушные профессорские силлогизмы: переход к «культурному капитализму» «предполагает» необходимость открытой политической организации рабочих. На бумаге написать подобную вещь легко, но в жизни русский политический строй ни на йоту не станет от этого «культурным».

«Прогрессизм, хотя бы и самый умеренный, несомненно, должен будет расширить существующие слишком узкие рамки». Прогрессизм кадетов в IV Думе, — ответим мы на это, — ничего не должен будет и не сможет «расширить», пока не пошевелиятся далеко не по-думски далеко не кадетские элементы.

«Без такой организации, — говорит Рожков об открытой и широкой политической организации рабочих, — борьба неизбежно приняла бы анархический характер, вредный не только для рабочего класса, но и для культурной буржуазии».

На последней части фразы мы не будем останавливаться, чтобы не ослаблять «перла» комментариями. Первая же часть исторически неверна: в Германии 1878—1890 годов не было анархизма, хотя не было «открытой и широкой» политической организации. Рожков тысячу раз прав, далее, когда выдвигает конкретный план открытой рабочей политической «организации» и предлагает начать с основания «Политического общества защиты интересов рабочего класса», — прав в том смысле, что болтать месяцы и годы о возможности «о т к р ы т о й» партии, не делая простого и естественного шага к ее открытию, могут лишь пустые говоруны. Рожков начинает с начала и доходит до конца, как человек дела, а не фразы.

Но «дело»-то его есть л и б е р а л ь н о е дело, «зная», которое он «развертывает» (стр. 35 цитированной статьи), есть зная либеральной рабочей политики. Нужды нет, что в программе основываемого Рожковым общества значится «установление нового общества на основе общественной собственности на средства производства» и т. д. На деле признание этого великого принципа не мешало части немецких социал-демократов в 60-х годах вести «королевско-прусскую рабочую политику», не мешает Рамсэю

Макдональду (вождю английской «независимой» от социализма рабочей партии) вести либеральную рабочую политику. А Рожков, говоря о политических задачах ближайшей, нашей, данной эпохи, дал как раз систематическое изложение либеральных принципов. «Знамя», которое Рожков «развертывает», уже давно развернуто г.г. Прокоповичами, Потресовыми, Лариными и т. д., и чем больше это знамя «развертывается», тем яснее становится всем и каждому, что перед нами истасканная, грязная либеральная тряпочка.

«Тут нет ни грана утопии», уговаривает Рожков. Приходится ответить автору перефразировкой известного изречения: большой ты утопист, да утопия у тебя маленькая. В самом деле, отвечать иначе, как шуткой, на явно несерьезную вещь было бы, пожалуй, несерьезно. В эпоху, когда закрывают абсолютно мирные, чинные, не политические профессиональные союзы, считать не утопичным основание открытого политического рабочего общества! Писать от «а» до «зет» либеральную оценку роли классов—и уверять, что тут нет вползания в режим обновленной толмачевщины! «Здесь не проповедуется никакое насилие, — усердствует добрый Рожков, — нет ни слова, ни мысли о необходимости насильственного переворота, так как и в действительности этой необходимости может и не быть. Если бы кто-либо, в ослеплении реакционным безумием, вздумал обвинить членов такого «Общества» в стремлении к насильственному перевороту, вся тяжесть подобного бессмысленного, неосновательного, юридически ничтожного обвинения пала бы на голову обвинителя!»

Красноречиво пишет Н. Рожков! Совсем как г. П. Б. Струве в 1902 году обрушивал столь же страшные громы «на голову» гонителей земства⁵⁵). Картина: Н. Рожков доказывает обвиняющим его Думбадзе, что так как у него нет теперь никаких «мыслей», то тяжесть юридически ничтожных обвинений падет на голову самих Думбадзе. Да, да, парламента у нас еще нет, а парламентского кретинизма сколько угодно. Очевидно, что из нового общества таких членов, как марксист Гегечкори, или даже не марксист, но честный демократ Петров З, исключили бы немедленно на первом же общем собрании... если бы собравшихся не разослали по ошибке в разные прохладные места раньше, чем они открыли собрание.

«Ликвидаторы» «Нашей Зари» обрадовались, что Рожков пришел к ним. Восторгающиеся ликвидаторы не доценили горячности тех объятий, с которыми адресуется к ним ставший ликвидатором

Н. Рожков. А объятия эти так горячи и так могучи, что можно ругаться: ликвидаторство будет задушено горячими объятиями Рожкова, как рабочий съезд был задушен горячими объятиями Ю. Ларина. Ю. Ларин произвел это бескровное убийство посредством задушения просто тем, что после его брошюры люди стали — собственно из боязни конфуза — остерегаться защищать идею рабочего съезда. После нового «манифеста» ликвидаторства, опубликованного в «Нашей Заре» Рожковым, люди станут остерегаться — собственно из боязни конфуза — защищать идею открытой ликвидаторской партии.

А в идее этой — надо же под конец хоть в чем-нибудь согласиться с Рожковым! — есть «гран» неутопии. Снимите-ка с себя профессорские очки, любезный, и вы увидите, что «общество», которое вы собираетесь «фактически осуществить» (после того, как тяжесть ваших увещаний «падет на голову» Мымрецовых), уже два года как осуществлено. И вы в нем уже находитесь! Это «Общество защиты интересов рабочего класса» и есть журнал (как идейный коллектив, а не как типографское сборное понятие) «Н а ш а З а р я». Утопична открытая и широкая организация рабочих, но отнюдь не утопичны, отнюдь, отнюдь не утопичны «открытые» и откровенные журналы оппортунистических интеллигентов. Что они по-своему защищают интересы рабочего класса, это неоспоримо, но всякий, кто не перестал быть марксистом, видит воочию, что их «общество» есть общество либеральной защиты по-либеральному понимаемых интересов рабочего класса.

«Звезда» № 32

от 3 декабря 1911 г.

За подписью Вл. Ильин.

Избирательная кампания в IV Государственную Думу.

1. Основные принципиальные вопросы.

Кадетская партия, лучше обставленная из так называемых оппозиционных партий в смысле открытого существования, только что сделала крайне важный шаг по определению своей политики в избирательной кампании. Кадетская политика, как сви-

детельствуют наилучшие доступные нам и сочувствующие кадетам источники, определена следующим образом:

1) Кадеты проводят своих кандидатов там, где выбор их обеспечен.

2) Там, где нельзя рассчитывать на абсолютное большинство голосов в пользу кадетского кандидата, — кадеты поддерживают того п р о г р е с с и в н о г о кандидата, без различия партий, который может собрать максимум голосов.

3) В том случае, если кандидат оппозиции не имеет никаких шансов и существует черносотенная опасность, поддержка октябристского кандидата допускается лишь тогда, если он является настоящим конституционалистом, что иногда, к удивлению, случается.

4) Ни с правыми октябристами, ни с националистами и монархистами ни в какие избирательные соглашения кадеты не входят. Вообще же, не забывая интересов партии, они не приносят им в жертву высших интересов оппозиции, в широком смысле слова.

Такова кадетская политика. Рабочая демократия должна с величайшим вниманием отнестись к ней, разобрав действительную классовую сущность и настоящее значение ее, прикрываемые обычными условными фразами. Эти фразы о «высших интересах оппозиции» и т. п. сразу бросаются в глаза при чтении кадетских решений. Суть же дела в том, что кадетская политика определена теперь вполне и окончательно, как политика о к т я б р и с т с к о - к а д е т с к о г о блока. Эту суть надо понять, надо выделить ясно из шелухи казенно-либеральных словечек.

1) Ни слова о блоках с левыми, с демократами. 2) Запрещены блоки только с правыми октябристами — это ничтожное меньшинство октябристов, — «гололобовцы». 3) Фраза о «высших интересах оппозиции в широком смысле слова» может означать на деле т о л ь к о одно: фактическое разрешение (и рекомендацию!) блоков с октябристами, как общего правила.

Эти три вывода относительно д е й с т в и т е л ь н о й политики кадетов надо твердо усвоить.

Каково их значение? «Левый центр» буржуазного либерализма определил свою политику, как политику блока с правым центром буржуазного, с позволения сказать, либерализма, — открыто говоря о своей вражде к черносотенцам и выражая свою вражду к левым, к демократии, посредством умолчания о каких бы то ни

было блоках с трудовиками, беспартийными левыми и рабочими кандидатами.

Сказанное нами в № 28 «Звезды» в статье «Два центра» *) подтвердилось полностью.

В России есть три о с н о в н ы е политические силы и, следовательно, политические линии: черносотенцы (классовые интересы крепостников-помещиков) и «бюрократия» рядом с ними и над ними; затем либерально-монархическая буржуазия, «центр» — левый (к.-д.) и правый (октябристы); наконец, демократия буржуазная (трудовики, народники; беспартийные левые) и пролетарская. Правильность именно такого и только такого явления подтверждена всем опытом первого десятилетия XX века, а это десятилетие было необыкновенно важным и богатым событиями.

Разумеется, все грани и в природе и в обществе подвижны, в известной степени условны, изменчивы, а не мертвы. Переходные формы и колебания партий и групп, стоящих «н а г р а н и ц е» основных делений — неизбежны, но суть дела, порожденная соотношением классовых сил в России начала XX века, несомненно, определяется именно указанным «тройственным» делением. Смещение буржуазного либерализма (кадеты во главе его) с буржуазной демократией принесло не мало вреда русскому освободительному движению, и надо приложить все усилия, чтобы опыт великого десятилетия (1900—1910) помог всей демократии окончательно усвоить себе ошибочность и гибельность такого смешения. Перед рабочей демократией нашей эпохи стоят поэтому две, неразрывно связанные одна с другой, задачи: во-первых, самостоятельная политическая организация класса наемных рабочих, отдельная от всех хозяев и хозяйчиков, хотя бы самых демократических, и соподчиненная всему международному, мировому движению указанного класса; а во-вторых, развитие и укрепление сил русской демократии (во главе ее также неизбежно стоят рабочие, как во главе буржуазного либерализма неизбежно стоят социальные элементы типа кадетов). Эта последняя задача не может быть выполнена без неуклонного разъяснения самым широким массам классовых корней и политического значения грани между буржуазным либерализмом (кадеты) и буржуазной демократией (трудовики и т. п.).

Либеральная буржуазия не хочет и не может обойтись без Марковых и Пуришкевичей, господство которых она стремится

*) См. выше 401 — 403 стр. этого тома. Ред.

лишь умерять. Буржуазная демократия и рабочие не могут не стремиться, с большой или меньшей последовательностью и сознательностью, к уничтожению всех экономических и политических основ этого господства.

Таково основное содержание избирательной кампании в IV Государственную Думу, с точки зрения рабочей демократии. Именно это содержание и должно быть выдвинуто на первый план в противовес кадетской политике, запутывающей умышленно все коренные принципиальные вопросы посредством общих фраз «прогрессивности» и «оппозиционности».

Кадетско-октябристский блок — не новость. Его давно предвидели марксисты, указывая на внутреннее, классовое родство обеих составных частей этого блока еще в 1905 — 1907 годах. В III Думе сразу определилось два большинства; и уже в конце 1907 года марксисты сделали этот вывод краеугольным камнем своей политики. Пятилетие III Думы подтвердило этот вывод. В крупных чертах состав этой Думы таков *):

правые	160	} 284—первое большинство.
октябристы	124	
либералы	127	} 156—второе большинство.
демократия	29	
Всего	440	

Все время III Дума опиралась на два эти большинства, являющиеся необходимыми составными элементами всей третьей думской системы: первое большинство есть полное сохранение у власти «старого»,—второе означает «шаг по пути» к буржуазной монархии. Первое нужно третьей думской системе, чтобы удерживать «власть и доходы» за Марковыми, Пуришкевичами и К-о, второе—чтобы умерять это господство и двигаться по буржуазному вперед (по формуле: шаг вперед, два назад). Опыт показал теперь ясно, что такое движение вперед равняется застою, а «умерения» пуришкевичевщины не получается.

Целый ряд голосований III Думы был голосованием «второго большинства»; недавно «Речь» признала это определенно, говоря, что «ряд голосований» в начале последней сессии «фактиче-

*) Расчет составлен по данным официального «Справочника» за 1910 год (выпуск II). Правые, собственно правые—51; националисты—89; правые октябристы—11; и 1/2 беспартийных—9; либералы-прогрессисты—39; кадеты—52; все национальные группы—27; и 1/2 беспартийных—9; демократия-трудовики—14 и социал-демократы—15.

ски воспроизводит в Думе господство левого центра» (читай: кадетско-октябристского блока). Такие голосования возможны лишь потому, что и второе большинство, подобно первому, стоит на контр-революционной почве: достаточно вспомнить «Вехи», или богомольные речи Караулова, или «лондонские» лозунги, чтобы иллюстрировать это.

А где результаты этих «побед» второго большинства? Где факты, подтверждающие то поистине удивительное открытие кадетской партии, что среди октябристов есть «настоящие конституционалисты»? Не свидетельствует ли это открытие о безмерном принижении в сознании кадетов понятия о «настоящем конституционализме»?

Первый и основной вопрос избирательной кампании есть вопрос о политическом содержании ее, об идейной линии, выражающейся в ней. Решение кадетской партии еще и еще раз показывает ее антидемократическую природу, ибо содержание избирательной кампании кадетов сводится к дальнейшему принижению понятия «конституционализма» в сознании масс. Учесть народ тому, что среди «левых» октябристов могут быть настоящие конституционалисты, — вот что хочет делать кадетская партия, вот смысл ее избирательной политики.

Задача демократии иная: не принижать понятия конституционализма, а разъяснять всю фиктивность его, дондеже власть и доходы остаются у Марковых и К-о. Содержание избирательной кампании рабочих демократов определяется задачей выяснять отличие либерализма от демократии, группировать силы этой последней, складывать ряды наемных рабочих во всем мире.

Кадеты еще более отдаляются от демократии решениями своей конференции. Наша задача — собирать силы демократии против всякого средневековья и в противовес кадетско-октябристским блокам.

«Звезда» № 33

от 10 декабря 1911 г.

За подписью Вильям Фрей.

О лозунгах и о постановке думской и вне-думской с.-д. работы.

Запрос, внесенный с.-д. фракцией III Думы относительно гнусной провокации охранников, подстроивших каторжный процесс с.-д. депутатам II Думы, знаменует, повидимому, некий пово-

рот и во всей нашей партийной деятельности, и в положении демократии вообще, и в настроении рабочих масс.

Едва ли не впервые с трибуны III Думы раздается такой решительный, революционный по тону и содержанию, протест против «хозяев 3 июня», протест, поддержанный всей оппозицией вплоть до самой умеренной, либерально-монархической, веховской «оппозиции его величества», т.-е. партии к.-д., вплоть даже до «прогрессистов»⁵⁶). Едва ли не впервые в период лихолетия, с 1908 года, страна видит, чувствует, осязает, как в связи с революционным протестом депутатов революционного пролетариата в черной Думе шевелится рабочая масса, поднимается брожение в рабочих кварталах столицы, устраиваются рабочими митинги (снова митинги!) с революционными с.-д. речами (митинги на Путиловском, Кабельном и др. заводах), появляются толки и слухи о политической массовой забастовке (см. известие из Петербурга в октябристском «Голосе Москвы» от 19 ноября).

Без сомнения, революционные выступления с.-д. депутатов в III Думе бывали не раз и прежде: наши товарищи из с.-д. фракции не раз превосходно исполняли свой долг, прямо, ясно, резко говоря с трибуны черножелтого Пуришкевического «парламента» о крахе монархии, о республике, о второй революции. Эту заслугу с.-д. депутатов III Думы тем определеннее необходимо подчеркнуть, чем чаще слышатся подленькие оппортунистические речи недовольных такими выступлениями лжесоциал-демократов из «Голоса С.-Д.» или «Дела Жизни».

Но такого сочетания политических симптомов поворота: присоединение всей оппозиции к с.-д., заявление в либерально-монархической, «лояльной», «ответственной» и трусливой «Речи» о конфликтном положении, брожения в массах в связи с запросом в Думе, известий цензурной печати о «тревожном настроении» деревни,—такого сочетания еще не бывало. После прошлогодних демонстраций «муромцевских» и «толстовских»—после стачек 1910 и 1911 годов—после прошлогодней студенческой «истории», отмеченное явление, несомненно, еще подкрепляет убеждение в том, что первый период русской контр-революции, период полного затишья, мертвого успокоения, виселиц и самоубийств, разгула реакции и разгула всяческого, особенно либерального, ренегатства,—этот период **к о н ч и л с я**. Начался второй период в истории контр-революции: период, когда полное уныние и зачастую «дикий» испуг проходит, когда заметно крепнет в самых различных

и в самых широких слоях сознание — или если не сознание, то ощущение, — что «так дальше нельзя», что «перемена» нужна, необходима, неизбежна, когда начинается тяготение, полуинстинктивное, сплошь да рядом не определившееся еще тяготение к поддержке протеста и борьбы.

Разумеется, было бы легкомысленно преувеличивать значение этих симптомов и воображать, что подъем на-лицо. Этого еще нет. В контр-революции чувствуются н е т е черты, которые отличают первый ее период, но контр-революция еще царит, мнит себя непоколебимой. На очереди дня по-прежнему стоит, говоря словами декабрьской 1908 года резолюции Р. С.-Д. Р. П., «длительная задача воспитания, обучения и организации» пролетариата. Но начало поворота заставляет нас с особой внимательностью остановиться на отношении с.-д. партии к другим партиям и на ближайших задачах рабочего движения.

«Оппозиция его величества» вплоть до кадетов и прогрессистов как бы признала на минуту гегемонию с.-д. и ушла вслед за рабочими депутатами из Думы помещиков и октябристов, Думы, созданной черносотенно-погромной монархией Николая Романова, — ушла на время издевательских проделок большинства, боявшегося огласки дела о провокации.

Что же это значит? Перестали кадеты быть контр-революционной партией или они никогда ею не были, как уверяют оппортунисты с.-д.? Должны ли мы поставить своей задачей «поддержку» кадетов и подумать о каком-нибудь лозунге «общенациональной оппозиции»?

Противники революционной социал-демократии, искони, можно сказать, пускали в ход прием доведения до абсурда ее взглядов и малевания ради удобств полемики — карикатурного марксизма. Так, во второй половине девяностых годов прошлого века, когда социал-демократия рождалась в России, как массовое движение, народники малевали карикатурный марксизм в виде «стачкизма». И ирония истории сделала так, что карикатурные марксисты нашлись — в лице «экономистов». Честь и доброе имя соц.-дем. не могли быть спасены иначе как беспощадной борьбой с «экономизмом». Так, после революции 1905 г., когда большевизм, как применение революционного марксизма к особым условиям эпохи, одержал крупную победу в рабочем движении, — победу, признаваемую теперь даже его врагами, наши противники малевали карикатурный большевизм в виде «бойкотизма», «боевизма»

и т. п. И опять ирония истории сделала так, что нашлись карикатурные большевики—в лице «впередовцев».

Эти уроки истории должны предостеречь от карикатурного искажения взглядов революционных с.-д. на отношение к к.-д. (см., например, «Вперед» № 2). Кадеты, несомненно, контр-революционная партия, отрицать это могут только совсем невежественные или недобросовестные люди, разъяснять это повсюду, в том числе и с думской трибуны,—безусловный долг с.-д. Но кадеты партия контр-революционных либералов, и эта их либеральная природа, как подчеркнуто и в резолюции о непролетарских партиях, принятой на Лондонском съезде (1907 г.) Р. С.-Д. Р. П.⁵⁷), обязывает нас «использовать» своеобразное положение, своеобразные конфликты или трения, им порождаемые, использовать, например, их фальшивый демократизм для проповеди истинного, последовательного, беззаветного демократизма.

Раз возник в стране контр-революционный либерализм, демократия вообще, пролетарская демократия в особенности не может не отделять себя от него; она не должна ни на минуту забывать грани между ним и собой. Но из этого нисколько не следует, чтобы позволительно было смешивать контр-революционный либерализм с контр-революционным, скажем, феодализмом, — чтобы позволительно было игнорировать их конфликты, отстраняться, отмахиваться от них. Контр-революционный либерализм именно потому, что он контр-революционен, н и к о г д а не сможет сыграть роли гегемона в победоносной революции; но именно потому, что он либерализм, он н е м и н у е м о будет попадать в «конфликтное» положение с короной, с феодализмом, с нелиберальной буржуазией, отражая иногда косвенно своим поведением «левое» демократическое настроение в стране или начало подъема и т. п.

Припомним историю Франции; буржуазный либерализм уже во время великой революции обнаружил свою контр-революционность—смотри, например, об этом в очень хорошей книге Кунова о революционной газетной литературе Франции. Но не только после великой буржуазной революции, а даже после революции 1848 года, когда контр-революционность либералов довела до расстрела рабочих республиканцами,—эти либералы в эпоху конца второй империи, в 1868—1870 годах, своей оппозицией выразили перемену настрое н и я и начало демократического, революционного, республиканского подъема.

Если кадеты теперь играют, как дразнят их октябристы, в «равнение на лево», то это один из признаков и один из результатов того, что «левее» страна, что шевелится в утробе матери, готовясь снова выйти на свет божий, революционная демократия. Утроба-то Пуришкевически-Романовской России такова, что она не может не рожать революционной демократии!

Какой практический вывод отсюда? Вывод тот, что надо с величайшим вниманием следить за ростом этой новой революционной демократии. Именно потому, что она новая, что рождается она после 1905 года и после контр-революции, а не до нее, она, наверное, будет расти по-новому, — а чтобы уметь подойти к этому новому, уметь повлиять на него, уметь помочь его успешному росту, надо не ограничиваться старыми методами, надо искать и новых, надо вмешиваться в толпу, нащупывая пульс жизни, надо пробираться иногда не только в толпу, но даже и в либеральную гостиную.

Вот, например, газетка г. Бурцева «Будущее» очень напоминает либеральную гостиную: там защищают по-либеральному либерально-глупый октябристски-кадетский лозунг «пересмотра положения 3-го июня», там болтают охотно о шпиках, о полиции, о провокаторах, о Бурцеве, о бомбах. Но все же, когда г. Мартов поспешил залезть туда, то упрекнуть его можно бы было лишь в бестактной торопливости, а не в принципиальной фальши, е с л и б ы... е с л и б ы он не держал себя в ней по-либеральному. Ибо можно оправдать — а иногда даже похвалить — социал-демократа за выступление в либеральной гостиной лишь тогда, если он выступает как социал-демократ. А г. Мартов понес в либеральной гостиной либеральную ахинею о какой-то устанавливаемой «на время выборов» «солидарности в борьбе за самую свободу выборов и выборной агитации» («Будущее» № 5)!!

Растет в новой обстановке, по-новому, новая демократия; надо учиться подходить к ней — это бесспорно. Но подходить к ней надо затем, чтобы отстаивать и проповедывать лозунги действительной демократии, а не затем, чтобы сюсюкать с ней по-либеральному. Новой демократии социал-демократия должна проповедывать три лозунга, единственно достойных нашего великого дела, единственно соответствующих р е а л ь н ы м условиям достижения с в о б о д ы на Руси; лозунги эти — республика, 8-часовой рабочий день, конфискация всей помещичьей земли.

Такова единственно правильная общенациональная программа борьбы за свободную Россию. Кто не понял этой программы, тот еще не демократ. Кто отрицает эту программу, называя себя демократом, тот слишком хорошо понял необходимость надуть народ для осуществления своих антидемократических (т.-е. контрреволюционных) целей.

Почему борьба за 8-часовой рабочий день есть реальное условие достижения свободы на Руси? Потому, что опыт показал невозможность свободы без самоотверженной борьбы пролетариата, а таковая борьба неразрывно связана с улучшением условий жизни рабочих. Образец этих улучшений, знамя их и есть 8-часовой рабочий день.

Почему борьба за конфискацию всей помещичьей земли есть реальное условие достижения свободы на Руси? Потому, что без коренных мер помощи миллионам крестьян, доведенных Пуришкевичами, Романовыми и Марковыми до неслыханного разорения, мучений и голодной смерти, нелепы, лживы насквозь всякие речи о демократии, о «народной свободе». А без конфискации помещичьих земель в пользу крестьян ни о каких с е р ь ь з ь н ы х мерах помощи мужику, ни о какой серьезной решимости покончить с Россией «мужиков», т.-е. с крепостнической Россией, и создать Россию свободных земледельцев, демократическую буржуазную Россию, не может быть и речи.

Почему борьба за республику есть реальное условие достижения свободы на Руси? Потому, что опыт, великий, незабвенный опыт одного из величайших десятилетий русской истории, именно: первого десятилетия XX века, говорит с непреерекаемой ясностью и очевидностью о н е с о в м е с т и м о с т и нашей монархии с какими бы то ни было элементарными гарантиями политической свободы. История России, многовековая история царизма сделала то, что в начале XX века у нас нет и н е м о ж е т б ы т ь иной монархии, кроме ч е р н о с о т е н н о - п о г р о м н о й м о н а р х и и. Русская монархия не может, в данной социальной, в данной классовой обстановке, поступать иначе, как организовывать банды убийц, чтобы подстреливать из-за угла наших либеральных и демократических депутатов или поджигать дома, где собрались демократы. Русская монархия не может поступать иначе, как отвечать на демонстрации народа в пользу свободы устройством отрядов людей, хватающих за ноги еврейских детей и разбивающих им головы о камни, людей, насилующих

еврейских, грузинских женщин и распарывающих животы старикам.

Либеральные дурачки болтают о примере конституционной монархии вроде Англии. Да если в такой культурной стране, как Англия, не знавшей никогда ни монгольского ига, ни гнета бюрократии, ни разгула военщины, если в такой стране понадобилось отрубить голову одному коронованному разбойнику, чтобы обучить королей быть «конституционными» монархами, то в России надо отрубить головы по меньшей мере сотне Романовых, чтобы обучить их преемников от организации черносотенных убийств и еврейских погромов.

Если социал-демократия чему-нибудь научилась из первой русской революции, то она должна теперь добиться того, чтобы ни в одной нашей речи, ни в одном листке не выставлялся доказавший свою негодность, свою неопределенность лозунг: «долгой самодержавие», а выставлялся и с к л ю ч и т е л ь н о лозунг: «долгой царскую монархию, да здравствует республика».

И пусть не говорят нам, что лозунг республики не соответствует стадии политического развития рабочих и крестьян. Десять—двенадцать лет тому назад не только такие были «народники», которые и думать не дерзали о лозунге «долгой самодержавие», но даже находились социал-демократы, — так называемые «экономисты», — восстававшие против своевременности этого лозунга. А в 1903—1904 годах лозунг «долгой самодержавие» сделался «известной народной поговоркой»! Не может быть и тени сомнения в том, что систематическая, упорная республиканская пропаганда найдет теперь в России самую благодарную почву, ибо массы самые широкие и в частности массы крестьянские безусловно думают тяжелую и крепкую думу о значении разгона двух Дум, о связи царской власти с господской III Думой и разорением деревни Марковыми и К-о. С какой быстротой будет расти брошенное в землю зерно республиканской пропаганды, этого никто не сможет теперь определить, — но не в этом дело, дело в том, чтобы посев был сделан правильно, действительно демократически.

Разбирая вопрос о лозунгах предстоящей избирательной кампании в IV Думу и о лозунгах всей нашей внедумской работы, нельзя не коснуться одного очень важного и очень неправильного выступления с.д. депутата Кузнецова в III Думе. В шестилетнюю годовщину первой победы русской революции, 17 октября 1911 года, Кузнецов выступал в Думе по вопросу о проекте страхования ра-

бочих. Выступал он вообще, надо отдать ему справедливость, очень хорошо, энергично отстаивал интересы пролетариата, не обинуясь говорил правду в лицо не только большинству черной Думы, но и кадетам. Вполне признавая эту заслугу Кузнецова, надо отметить тоже без обиняков его ошибку.

«Я думаю,—говорил Кузнецов,—что рабочие, внимательно прислушиваясь как к прениям, которые имели место при обсуждении этих вопросов в целом, так и при обсуждении отдельных статей настоящего законопроекта, придут к тому заключению, что их очередным лозунгом теперь, в настоящее время, должен быть лозунг: «долгой Думой 3 июня, да здравствует всеобщее избирательное право». Почему? Я скажу: да потому, что для рабочего класса его интересы правильно могут быть разрешены только тогда и в тех случаях, если рабочий класс путем всеобщего избирательного права пришлет в законодательное учреждение достаточное количество своих депутатов, исключительно они одни, которые могут решить правильно вопрос страхования для рабочего класса».

С Кузнецовым случилось здесь несчастье, которого он, наверное, не подозревал, но которое давно было нами предсказано; это несчастье — совпадение ошибок, делаемых ликвидаторами и отзовистами.

Выставляя с думской трибуны лозунг, навеянный ликвидаторскими журналами, «Нашей Зарей» и «Делом Жизни», Кузнецов не заметил, что первая (и существеннейшая) часть этого лозунга («долгой Думой») целиком повторяет лозунг, выдвинутый три года тому назад отзовистами открыто и защищавшийся с тех пор — прикровенно и тайком — только «впередовцами», т. - е. трусливыми отзовистами.

Три года тому назад «Пролетарий», № 38 от 1 (14) ноября 1908 года, писал по поводу этого лозунга, выставлявшегося отзовистами:

«При каких условиях мог бы получить значение подобный лозунг, как «долгой Думой»? Допустим, перед нами либеральная, реформаторская соглашательская Дума в эпоху самого острого революционного кризиса, который уже назрел до прямой гражданской войны. Вполне возможно, что лозунгом могло бы стать в такой момент «долгой Думой», т. - е. долгой мирные переговоры с царем, долгой обманчивое учреждение «мира», призовем к непосредственному натиску. Допустим, наоборот, что перед нами архи-реакционная Дума, выбранная на основе пережившего себя из-

бирательного права, и отсутствие остро-революционного кризиса в стране; лозунг «долой Думу» мог бы стать тогда лозунгом борьбы за избирательную реформу. Ничего подобного ни тому, ни другому случаю мы не видим у нас» *).

В приложении к № 44 «Пролетария» (от 4 (17) апреля 1909 года) была приведена резолюция петербургских отзовистов, прямо постановлявшая «н а ч а т ь ш и р о к у ю агитацию в массах за лозунг долой III Государственную Думу». Против этого предложения «Пролетарий» писал там же: «Этот лозунг, увлекший на некоторое время некоторых рабочих антиотзовистов, неверен. Либо это кадетский лозунг избирательной реформы при самодержавии» (вышло так, что это написано в начале 1909 года как раз против постановки вопроса Кузнецовым в конце 1911 года!)... «либо это повторение заученного слова из той эпохи, когда либеральные Думы прикрывали контр-революционный царизм, стараясь помешать народу ясно увидеть своего настоящего врага» **).

Отсюда ясно, в чем ошибка Кузнецова. Он выставил, в качестве обобщенного лозунга, кадетский лозунг избирательной реформы, не имеющий никакого смысла при сохранении всех прочих прелестей монархии Романовых, Г. Совета, всевластия чиновников, черносотенно-погромных организаций царской шайки и т. д. Кузнецов должен бы был сказать — предполагая, что именно так подходим к вопросу, как он это сделал, предполагая неизменным общий тон его речи, — примерно следующее:

«Именно на примере законопроекта о страховании рабочие еще и еще раз убедятся, что ни непосредственные интересы своего класса, ни права и нужды всего народа не могут быть защищены без таких преобразований, как всеобщее избирательное право, полная свобода коалиций, печати и т. д. Но не ясно ли, что осуществления таких преобразований нечего ждать, пока остается неизменным современный политический строй России, — нечего ждать, пока могут быть ниспровергаемы какие угодно решения какой угодно Думы, — нечего ждать, пока остается в государстве хоть одна невыборная власть».

*) Дальше «Пролетарий» защищал лозунг «долой самодержавие» (см. 159—160 стр. 1 части этого тома. Ред), этот лозунг, как мы уже показали, должен быть заменен теперь лозунгом: «долой царскую монархию, да здравствует республика».

**) См. 242 стр. 1 части этого тома. Ред.

Мы прекрасно знаем, что с трибуны III Думы с.-д. депутатам удавалось — и в этом их заслуга — делать гораздо более прямые и ясные республиканские заявления. Депутаты Думы могут вполне легально вести из Думы республиканскую пропаганду, и они должны это делать. Нашим примерным исправлением речи Кузнецова мы хотим лишь иллюстрировать, как мог бы он избежать ошибки, выдерживая общий тон речи, отмечая и подчеркивая громадное значение таких безусловно необходимых преобразований, как всеобщее избирательное право, свобода коалиций и т. д.

О республике всякий с.-д., который держит где бы то ни было политическую речь, должен говорить всегда. Но о республике надо уметь говорить: о ней нельзя говорить одинаково на заводском митинге и в казачьей деревне, на студенческом собрании и в крестьянской избе, с трибуны III Думы и со страниц зарубежного органа. Искусство всякого пропагандиста и всякого агитатора в том и состоит, чтобы наилучшим образом повлиять на данную аудиторию, делая для нее известную истину возможно более убедительной, возможно легче усвояемой, возможно нагляднее и тверже запечатлеваемой.

Не будем забывать ни на минуту главного: в России просыпается к новой жизни и новой борьбе новая демократия. Обязанность сознательных рабочих — этого авангарда русской революции и руководителя народных масс в борьбе за свободу — разъяснять задачи последовательной демократии: республика, 8-часовой рабочий день, конфискация всей помещичьей земли.

*«Социал-Демократ» № 25
от 8 (21) декабря 1911 года.*

Речь, произнесенная от имени Р. С.-Д. Р. П. на похоронах Поля и Лауры Лафарг⁵⁸⁾.

Товарищи!

Я беру слово, чтобы от имени Р. С.-Д. Р. П. выразить чувство глубокой горести по поводу смерти Поля и Лауры Лафарг. Сознательные рабочие и все социал-демократы России еще в период подготовки русской революции научились глубоко уважать Лафарга, как одного из самых талантливых и глубоких

распространителей идей марксизма, столь блестяще подтвержденных опытом борьбы классов в русской революции и контр-революции. Под знаменем этих идей сплотился передовой отряд русских рабочих, нанес своей организованной массовой борьбой удар абсолютизму и отстаивал и отстаивает дело социализма, дело революции, дело демократии вопреки всем изменам, шапаниям и колебаниям либеральной буржуазии.

В лице Лафарга соединялись—в умах русских с.-д. рабочих—две эпохи: та эпоха, когда революционная молодежь Франции с французскими рабочими шла, во имя республиканских идей, на приступ против империи,—и та эпоха, когда французский пролетариат, под руководством марксистов, вел выдержанную классовую борьбу против всего буржуазного строя, готовясь к последней борьбе с буржуазией за социализм.

Нам, русским соц.-демократам, испытывающим весь гнет абсолютизма, пропитанного азиатским варварством и имевшим счастье из сочинений Лафарга и его друзей почерпнуть непосредственное знакомство с революционным опытом и революционной мыслью европейских рабочих,—нам в особенности наглядно видно теперь, как быстро близится время торжества того дела, отстаиванию которого Лафарг посвятил свою жизнь. Русская революция открыла эпоху демократических революций во всей Азии, и 800 миллионов людей входят теперь участниками в демократическое движение всего цивилизованного мира. А в Европе все больше множатся признаки, что близится к концу эпоха господства так называемого мирного буржуазного парламентаризма, чтобы уступить место эпохе революционных битв организованного и воспитанного в духе идей марксизма пролетариата, который свергнет господство буржуазии и установит коммунистический строй.

*«Социал-Демократ» № 25
от 8 (21) декабря 1911 г.*

Развязка партийного кризиса.

Два года тому назад в с.-д. печати можно было встретить речи об «объединительном кризисе» партии *). Развал и распад контр-революционной эпохи вызвали новые перегруппировки

*) См. выше 48—93 стр. этого тома. Ред.

и расколы, новое обострение заграничной борьбы, и немало маловеров или слабонервных людей падало духом при виде тяжелого внутреннего положения с.-д. рабочей партии. Теперь, с образованием Российской Организационной Комиссии (Р. О. К.) наступает, явным образом, если не конец кризиса, то во всяком случае новый и решительный перелом к лучшему в развитии партии. Поэтому своевременна будет попытка бросить общий взгляд на пройденный этап внутрипартийной эволюции и на перспективы ближайшего будущего.

Революция оставила после себя Р. С.-Д. Р. II. в виде трех отдельных, автономных, национальных с.-д. организаций и двух фракций российских в тесном смысле. Глубокие корни этих фракций в тенденциях развития пролетариата, в обстановке его жизни в данную эпоху буржуазной революции, доказаны опытом величайших по богатству событий 1905, 1906 и 1907 годов. Контр-революция сбросила нас опять с горы, на которую мы уже высоко взобрались, в долину. Пролетариат должен был перестраивать ряды и собирать силы заново в обстановке столыпинских виселиц и веховских иеремиад.

Новая обстановка вызвала новую группировку тенденций внутри с.-д. партии. От обеих новых фракций стали отделяться—под тяжелым гнетом безвременья—наименее устойчивые с.-д. элементы, всякого рода б у р ж у а з н ы е п о п у т ч и к и пролетариата. Два течения рельефнее всего выразили этот у х о д от социал-демократии: ликвидаторство и отзовизм. Они же породили неизбежно тенденцию к сближению остающихся верными марксизму основных ядер обеих фракций. Таково было положение дел, из которого родился пленум января 1910 года—исходный пункт плюсов и минусов, шагов вперед и шатаний назад в дальнейшем развитии с.-д. партии.

Неотъемлемую идсйную заслугу дела, совершенного пленумом, и громадную «примиренческую» ошибку, допущенную им, многие не поняли хорошенько до сих пор. А не поняв этого, нельзя понять ровно ничего и в теперешнем положении партии. Поэтому еще и еще раз мы должны остановиться на выяснении исходного пункта теперешнего кризиса.

Следующая цитата из статьи «примиренца», писанной перед самым пленумом и напечатанной тотчас после него, может помочь этому выяснению больше, чем длинные рассуждения или цитаты из более непосредственных и более многочисленных «документов».

Один из главарей господствовавшего на пленуме «примиренчества», т. Ионов, бундовец, писал в статье: «Возможно ли партийное единство?» в № 1 «Дискуссионного Листка» (19 марта 1910 года; на стр. 6 примечание редакции: «статья написана до пленума») следующее:

«Как бы отзовизм и ликвидаторство сами по себе ни были вредны для партии, их благотворное влияние на фракции, кажется, вне сомнения. Патология знает двоякого рода нарывы: злокачественные и доброкачественные. Доброкачественный нарыв считается болезнью, полезной для организма. В процессе нарывания он оттягивает к себе со всего организма всякие вредные элементы и таким образом способствует его оздоровлению. Я думаю, что такую же роль сыграло ликвидаторство по отношению к меньшевизму и отзовизм-ультиматизм—по отношению к большевизму».

Вот оценка дела, данная «примиренцем» во время пленума и обрисовывающая т о ч н о психологию и идеи восторжествовавшего на пленуме примиренчества. В приведенной цитате верна, тысячу раз верна основная мысль, и именно потому, что она верна, большевики (еще до пленума вполне развернувшие борьбу и с ликвидаторством, и с отзовизмом) не могли разойтись с примиренцами на пленуме. Не могли потому, что в основной мысли было согласие; расхождение касалось формы проведения ее в жизнь; форма подчинится содержанию—думали большевики, и они оказались правы, хотя это «приспособление формы к содержанию» отняло у партии, благодаря ошибке примиренцев, д в а г о д а жизни почти «задаром».

В чем состояла эта ошибка? В том, что вместо узаконения тех и только тех течений, которые очищаются (и лишь в мере, в какой они очищаются) от «нарывов», примиренцы узаконили всех и вся на основании голого обещания очиститься. И впередовцы, и голосовцы, и Троцкий «подписали» резолюцию против отзовизма и ликвидаторства,—значит, обещали «очиститься»,—и баста. Примиренцы «поверили» обещанию и запутали партию с непартийными, «нарывными», по их собственному признанию, группами. Это было ребячеством с точки зрения практической политики и безыдейностью, беспринципностью, интриганством с более глубокой точки зрения: в самом деле, кто был серьезно убежден, что ликвидаторство и* отзовизм-ультиматизм суть нарывы, тот не мог бы не понять, что нарывы, назревая, должны о т т я г и в а т ь от организма вредные элементы, должны выво-

дить их прочь из организма. Тот не мог бы помогать отравлению организма попытками загнать внутрь «нарывные» яды.

Первый год, прошедший после пленума, разоблачил на деле безыдейность примиренцев. Фактически работу партийную (—очищение, оздоровление от нарывов) вели большевики и плехановцы за весь этот год. И «Социал-Демократ» и «Рабочая Газета» (после изгнания Троцким представителя Ц. К.) доказывают этот факт. Некоторые всем известные легальные издания 1910 года тоже доказывают этот факт. Тут не слова, а именно факты: совместная работа в руководящих органах партии.

И голосовцы, и «впередовцы», и Троцкий фактически за этот год (1910-ый) отошли от партии как раз к ликвидаторству и к отзовизму-ультиматизму. «Доброкачественные нарывы» оставались нарывами, которые вели себя недоброкачественно постольку, поскольку «вредные элементы» не удалялись ими из организма партии, а продолжали заражать этот организм, держать его в болезненном состоянии, делать его неспособным к партийной работе. Эту партийную работу (в литературе, открытой для всех) вели большевики и плехановцы в о п р е к и «примиренческим» резолюциям и коллегиям, созданным пленумом, п р о т и в голосовцев и впередовцев, а не вместе с ними (ибо нельзя было работать вместе с ликвидаторами и отзовистами-ультиматистами).

А русская работа? За год ни единого собрания Ц. К.! Отчего? Оттого, что русские цекисты (примиренцы, удостоившиеся поделом поцелуев «Голоса ликвидаторов») всё «приглашали» ликвидаторов, да так за год, за год с четвертью, ни разу не смогли «пригласить» их! Институт «насильственного привода» в Ц. К. не был, к сожалению, предусмотрен на пленуме нашими добрыми примиренцами. Получилось именно то абсурдное, позорное для партии положение, которое предсказывали большевики на пленуме, борясь против доверчивости и наивности примиренцев: русская работа стоит, партия связана, а со страниц «Нашей Зари» и «Вперед» льется отвратительный поток либеральных и анархистских нападок на партию! Михаил, Роман и Юрий, с одной стороны, отзовисты и богостроители, с другой, изо всех сил р а з о р я ю т с.-д. работу, а цекисты-примиренцы «приглашают» ликвидаторов и «ждут» их!

«Заявкой» 5-го декабря 1910 года большевики открыто и формально заявили, что договор со всеми остальными фракциями они расторгают. Срыв «мира», на пленуме заключенного, срыв

его «Голосом», «Впередом», Троцким стал окончательно признанным фактом.

Около полгода (до июня 1911 года) прошли в попытках созвать заграничный пленум, обязательный по договору в срок не более трех месяцев. Ликвидаторы (голосовцы — бундовцы — Шварц)⁵⁹⁾ сорвали и заграничный пленум. Тогда блок трех групп — большевиков, поляков и «примиренцев» — делает последнюю попытку спасти дело: созвать конференцию, создать Российскую Организационную Комиссию. Большевики по-прежнему имеют меньшинство: с января 1910 года по июнь 1911 года преобладание в руках ликвидаторов (в З. Б. Ц. К. голосовцы — бундовец — Шварц; в России «приглашающие» ликвидаторов «примиренцы»); с июня 1911 года по 1 ноября 1911 (срок, установленный третейским судом держателей) преобладание у примиренцев, к которым перешли поляки.

Вопрос встал так: и деньги, и посылка агентов в руках Тышки и Марка (вожак парижских примиренцев⁶⁰⁾); большевикам обеспечено лишь то, что и их соглашаются отправлять на работу. Разногласия, порожденные пленумом, свелись к последнему пункту, которого обойти было невозможно: работать ли во-всю, никого не «дожидаясь», никого не «приглашая» (кто хочет и может работать по-социал-демократически, тот в приглашениях не нуждается!) или продолжать торги и переторжки с Троцким, «Впередом» и т. п. Большевики выбрали первый путь, о чем и заявили прямо и ясно уже на совещании цекистов в Париже. Тышко с Ко выбрал (и навязал и Технической Комиссии, и Загр. Организ. Комиссии) второй путь, объективно сводившийся — как было подробно показано в фельетоне № 24 «С.-Д.» — к пустому и жалкому интриганству.

Результат теперь у всех перед глазами. К 1-му ноябрю Российской Организационная Комиссия была образована. На деле создали ее большевики и русские меньшевикопартийцы. «Союз двух сильных (сильных своей идейной прочностью, своей работой очищения от «нарывов») фракций», против которого так бесновались слабоголовые люди на пленуме и после пленума (См. «Голос», «Вперед», «Отклики Бунда», «Правду» и т. д.), оказался фактом. В таких образцовых и передовых для России 1910 и 1911 годов с.-д. организациях, как Бакинская и Киевская, этот союз, к величайшей радости большевиков, превращался почти в полное слияние, в единый неразрывный организм с.-д. партийцев.

Хныканье о распущении «всех» фракций оказалось, после проверки двухлетним опытом, жалкой фразой пустоголовых людей, которых дурачили г.г. Потресовы и г.г. отзовисты. «Союз двух сильных фракций» сделал свое дело и подошел—в лице указанных передовых коллективов—вплотную к полному слиянию в единую партию. Колебания заграничных меньшевиков партийцев уже бессильны изменить этот совершившийся факт.

Два года после пленума, которые кажутся многим маловеерам или дилетангам в социал-демократии, не желающим понять дьявольской трудности задачи, годами никчемных, безысходных, бессмысленных склок, распада и развала, были годами выведения на дорогу с.-д. партии из болота ликвидаторских и отзовистских шатаний. 1910 год дал нам совместную работу большевиков и партийцев-меньшевиков во всех руководящих (и официальных и неофициальных, легальных и нелегальных) органах партии: это был первый шаг «союза двух сильных фракций», шаг идейной подготовки, собирания сил под одним знаменем, антиликвидаторским и анти-отзовистским. 1911 год дал второй шаг: создание Российской Организационной Комиссии. Председательство партийца-меньшевика на первом собрании ее есть знаменательный факт: второй шаг, создание практически действующего, русского центра теперь сделан. Паровоз поднят и поставлен на рельсы.

Впервые после ч е т ы р е х лет развала и разброда собрался—вопреки невероятным преследованиям полиции и неслыханным «подножкам» голосовцев, впередовцев, примиренцев, поляков и *tutti quanti*—русский с.-д. центр. Впервые вышел в России листок к партии от этого центра. Впервые работа по восстановлению нелегальных организаций на местах систематически и целюно охватила (за какие-нибудь три месяца, с июля по октябрь 1911 года) обе столицы, Поволжье, Урал, Кавказ, Киев, Екатеринослав, Ростов, Николаев,—ибо Р. О. К. собралась после объезда всех этих мест, ибо ее первое собрание имело место рядом с восстановлением П. К. и устройства им ряда рабочих митингов с резолюциями московских районов за партию и т. д.

Конечно, было бы непростительной наивностью предаваться легковерному оптимизму; трудности предстоят еще гигантские; полицейская травля удесятерилась после опубликования первого русского листка от с.-д. центра; возможно предвидеть дол-

гие и трудные месяцы, новые провалы, новые перерывы в работе. Но главное сделано. Знамя поднято; рабочие кружки по всей России потянулись к нему, и не свалить его теперь никакой контр-революционной атакой!

Чем же ответили заграничные «примиренцы» и Тышко с Ледером на этот гигантский шаг вперед русской работы? Последней вспышкой мизерного интриганства: «процесс нарывания», столь пророчески предсказанный накануне пленума Ионовым, неприятен, что и говорить. Но, кто не понимает, что этот неприглядный процесс о з д о р о в л я е т социал-демократию, тому нечего и браться за революционную работу! Т. К. и З. О. К. отказываются подчиниться Р. О. К.—Большевики, конечно, с презрением отходят от заграничных интриганов.—Тогда начинаются колебания: в начале ноября обломкам З. О. К. (два поляка плюс примиренец) доставлен доклад о созыве Р. О. К. Доклад настолько обстоятельно рисует всю работу, что противники большевиков, расхваленные «Голосом» примиренцы в ы н у ж д е н ы признать Р. О. К.—Принимается резолюция З. О. К. от 13-го ноября 1911 года: «руководствоваться решениями Р. О. К.». Из имеющихся у З. О. К. денег $\frac{4}{5}$ передаются в кассу Р. О. К.—значит, сами поляки, сами примиренцы н е в состоянии подвергать сомнению серьезность постановки всего дела.

И тем не менее—еще через несколько дней и Т. К., и З. О. К. опять отказываются подчиняться Р. О. К.!! Где разгадка этой игры?

В руках редакции Ц. О. есть документ, который будет представлен конференции и из которого видно, что Тышко агитирует за неучастие в Р. О. К., за неучастие в конференции.

Можно ли себе представить более гнусное интриганство? Взялись в Т. К. и З. О. К. помогать созыву конференции и созданию Р. О. К.,—нахвастали, что они пригласят «всех» и не пригласили никого (хотя имели право приглашать, будучи большинством, и ставить любые условия),—не нашли никаких работников, кроме большевиков и партийных меньшевиков,—потерпели полное поражение на арене, ими же выбранной,—и опустились до «подножек» той же самой Р. О. К., которой по доброй воле выдали, как полномочному центру, $\frac{4}{5}$ средств на конференцию!!

Да, нарыв—неприятная вещь, особенно «в процессе нарывания». Почему теоретикам союза всех и всяких заграничных груп-

нок ничего не осталось, кроме интриганства, это уже показано было в № 24 Ц. О. И теперь российские с.-д. рабочие без труда сделают выбор: отстоять ли им свою Р.О.К. и свою конференцию или позволить Тышке, Ледеру и К-о интригами тормозить их конференцию. Интриганы погубили себя, это факт,—Тышко и Ледер уже вошли с бубновыми тузами в историю Р. С.-Д. Р. П.,—а конференции им не затормозить, Р. О. К. им не подорвать.

А ликвидаторы? В течение целого года с половиной, с января 1910 до июня 1911, когда они имели большинство в З. Б. Ц. К. и верных «друзей» в лице примиренцев русского Бюро Ц. К., они ровно ничего, ровнехонько ничего для русской работы не сделали! Когда у них было большинство, работа стояла. Когда же большевики разрушили ликвидаторский З. Б. Ц. К. и приступили к созыву конференции, тогда ликвидаторы зашевелились. И прехарактерно наблюдать, в чем выразилось это «шевеление». Бундовцы, которые все время служат самую верную службу ликвидаторам,—захотели недавно воспользоваться теперешним «смутным временем» (у латышей, например, исход борьбы двух течений, ликвидаторского и партийного, еще не определился), достали откуда-то одного кавказца, и вся компания поехала в город Z., чтобы вырвать подпись для резолюций, составленных Троцким и Даном в Cafe Rubenberg (город Бери, авг. 1911 г.). Но латышскую руководящую организацию и не разыскиали, подписи не достали и никакой бумаги с громкой фирмой: «О. К. трех сильнейших организаций» не изготовили. Таковы факты *).

Пусть ознакомятся русские рабочие с тем, как бундовцы пытаются вести дело срыва Р. О. К. в России! Подумайте только: в то время, когда работники над конференцией объезжают Урал, Поволжье, Петербург, Москву, Киев, Екатеринослав, Ростов, Тифлис, Баку, бундовцы «достаю» «кавказца» (вероятно, из числа тех заседателей, которые владеют «печатью» Областного Кавказского Комитета и которые посылали представителями на конференцию Р. С.-Д. Р. П. в декабре 1908 года Дана и Аксель-

*) Кроме неунывающих бундовцев поскакали срывать резолюции и впередовцы. От этой группки—отнюдь не отзовистской, боже упаси!—поскакал один известный отзовист, «скакал» в Киев, в Москву, в Нижний, «примирялся» с примиренцами и отъехал отовсюду, ничего не добившись. Передают, что группа «Вперед» обвиняет в неуспехе плохого бога, сочиненного Луначарским, и что она приняла единогласное постановление выдумать бога получше.

рода!) и едут «срывать подпись» у латышей. Немного недоставало, чтобы эта шайка интриганов, служащих ликвидаторам и абсолютно чуждых всякой работе в России, действительно выступила, как «О. К.» «трех организаций», в том числе двух «сильнейших» владельцев печати! Или, может быть, господа бундовцы и кавказец поведуют партии, какие русские организации, когда именно они объезжали, где восстанавливали работу, где делали доклады? Попробуйте-ка, любезные, расскажите!

А заграничные дипломатических дел мастера с важным видом знатока судят и рядят: «нельзя изолироваться», «надо переговорить с бундом и с Областным Кавказским Комитетом».

О, комедианты!—

Пусть учатся, вдумываясь в значение истории партии за эти два года, те, кто колеблется теперь, жалея об «изоляции» большевиков. О, мы чувствуем себя лучше, чем когда-либо, от т а к о й изоляции, когда мы отрезали заграничные интриганские коллекции нулей и когда мы помогли сплочению русских с.-д. рабочих Петербурга, Москвы, Урала, Поволжья, Кавказа и Юга!

Кто сетует на счет изоляции, тот ровно ничего не понял ни в идейном великом деле пленума, ни в его примиренческой ошибке. Полтора года после пленума была видимость единства за границей и полный застой с.-д. работы в России. Полгода или треть года в 1911 году сделали то, что максимальная кажущаяся изоляция большевиков впервые двинула с места русскую с.-д. работу, впервые восстановила российский с.-д. центр.

Кто все еще не разобрал идейной гнилости и мертвенности таких «нарывов», как ликвидаторство и отзовизм, того доучит теперь история бессильной склоки и жалкого интриганства, до которого опустились группки «Голоса» и «Впереда», увлекая за собой—в свое падение—всех и всякого, пробовавшего защищать их.

За работу же, товарищи с.-д. партийцы! Отряхивайте от себя последние остатки связей с несоциал-демократическими течениями и с питающими их, вопреки решениям партии, группками. Сплачивайтесь вокруг Р. О. К., помогайте ей созвать конференцию и укрепить работу на местах. Р. С.-Д. Р. П. пережила тяжелую болезнь: кризис кончается.

Да здравствует единая, нелегальная, революционная Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия!

Из лагеря Столыпинской „рабочей“ партии.

Крупнейшим событием в этом лагере является статья Н. Рожкова в № 9—10 ликвидаторской «Нашей Зари». Это—настоящее «Сред» или манифест либеральной рабочей партии. Начиная с начала, с оценки революции и роли всех классов, и доходя с замечательной последовательностью до конца, до проекта легальной рабочей (?) партии, Рожков во всех своих рассуждениях подменяет марксизм либерализмом.

Какова объективная задача, стоящая перед Россией? Завершение смены полукрепостнического хозяйства «культурным капитализмом».—Это не по-марксистски, а по-струвенски или по-либеральному, ибо марксист различает классы с различным, октябристским, кадетским, трудовическим, пролетарским пониманием того, что есть «культурный» капитализм.

В чем гвоздь вопроса об оценке революции? Рожков осуждает хныканье и ренегатство кричащих о «неудаче» революции и противопоставляет им... великую профессорскую истину, что и во время «реакций» зреют новые социальные силы. Ясно, что подобный ответ Рожкова прикрывает с у т ь дела именно так, как это выгодно контр-революционным либералам, которые вполне признают вновь открытую Рожковым истину. Суть в том, какие классы в революции оказались способны к непосредственной, массовой, революционной борьбе и какие классы изменили ей, став прямо или косвенно на сторону контр-революции. Эту суть Рожков спрятал, подготавливая тем замалчивание разницы между революционной демократией и либерально-монархической «прогрессивной» оппозицией.

По вопросу о роли помещичьего класса Рожков сразу благополучно договорился до абсурда. Недавно-де представители этого класса «были» настоящими крепостниками, теперь «они маленькой кучкой группируются еще вокруг Пуришкевича и Маркова 2-го и бессильно (!) брызжут слюной, отравленной ядом отчаяния». Большинство дворян помещиков «постепенно и неуклонно перерождается в сельско-хозяйственную буржуазию».

На деле, как всякий знает, Марковы 2-е и Пуришкевичи у нас «всесильны, и в Думе, и еще более в Гос. Совете, и еще более в черносотенной царской шайке, и еще более в управлении Россией. Именно «их власть и их доходы» (резолуция 1908 г. де-

кабрьской конференции) обеспечивает шаг по пути такого превращения царизма в буржуазную монархию. Перерождение хозяйства крепостников в буржуазное отнюдь не устраняет непосредственно политической власти этих черносотенцев: это ясно и с точки зрения азбуки марксизма, это видно хотя бы из опыта Пруссии после 60-летнего «перерождения» (с 1848 года). У Рожкова выходит так, что в России нет ни абсолютизма, ни монархии! Рожков применяет школьный либеральный метод: благодушное отсечение (на бумаге) социальных крайностей служит «доказательством» «неизбежности компромисса».

Современная аграрная политика означает, по Рожкову, «рисующийся впереди неизбежный (!) компромисс» — между кем? «Между разными группами буржуазии». Какая же социальная сила, спросим мы нашего «марксиста», заставит пойти на компромисс Пуришкевичей, у коих в руках вся власть? Рожков не отвечает на этот вопрос. Но так как рядом у него стоит указание на процесс консолидации крупной торговой и промышленной буржуазии, на «грядущее господство умеренно-прогрессивной» буржуазии, то вывод возможен лишь один: Рожков рассчитывает на мирное отнятие власти у Пуришкевичей и Романовых умеренно-прогрессивной буржуазией.

Это невероятно, но это факт. Именно такая пошлейшая из либеральных утопий лежит в основе концепций Рожкова, похвальнощегося, что у него нет «ни грана утопии». Между крайними ликвидаторами, которые все от Ларина до Череванина, Дана и Мартова преподносят под чуточку измененными формами и фразами и м е н н о э т у о с н о в н у ю м ы с л ь мирного завоевания власти буржуазией («самое большое: при да в л е н и и «снизу») и Н. Рожковым разницы на деле нет.

Но в жизни, а не в либеральной утопии, мы видим господство пуришкевичевщины, умеряемой воркотней Гучковых и Милюковых. «Умеренно-прогрессивные» октябристы и кадеты увековечивают, а не подрывают это господство. Противоречие между этим господством и, несомненно, идущим вперед буржуазным развитием России становится все острее (а не слабее, как думают теоретики «неизбежного компромисса»). Движущей силой разрешения этого противоречия могут быть только массы, т.-е. пролетариат, ведущий за собой крестьянство.

Бывший большевик, а теперь ликвидатор отодвигает прочь эти массы так легко, как будто бы столыпинские виселицы и

веховская река помоев вытеснила их не только с арены открытой политики, не только со страниц либеральных изданий, но также и из жизни. Крестьянство слабо на выборах,—говорит наш либерал в своем «анализе»,—а рабочий класс он условно «оставляет в стороне»!!

Рожков взялся доказать, что революция в России («буря»), хотя и возможна, но не необходима. Если «оставить в стороне»—хотя бы условно, хотя бы «пока», хотя бы по случаю «слабости на выборах»—рабочий класс и крестьянство, то революция, разумеется, невозможна, а не только не необходима! Но от либерального благодушия из жизни не исчезнет ни всевластие Пуришкевича и Романова, ни революционный отпор, нарастающий в зрющем пролетариате и в голодном, истязуемом крестьянстве. Все дело в том, что л и н и ю марксиста, т.-е. революционного социал-демократа, который при всяких обстоятельствах, в самых различных формах, и в речи на митинге, и с трибуны III Думы, и в Совете Рабочих Депутатов, и в самом мирном, легальном рабочем обществе отстаивает поддержку этого отпора, укрепление его, развитие, правильное направление к полной победе,—эту линию Н. Рожков подменил везде и повсюду в своих рассуждениях линией либерала, который не хочет видеть того, что загнано в подполье, не хочет смотреть ни на что, кроме «перерождающихся» в «культурных юнкеров» Пуришкевичей или «умеренно-прогрессивных» Милюковых.

Это—именно та специфическая слепота, которая характерна для всей «Нашей Зари», для всей Столыпинской рабочей партии. В неразрывной связи с этой ослепленной либеральными шорами концепцией стоит исключительное устремление внимания на легализацию рабочей партии. Если «компромисс неизбежен», то против неизбежного бороться нечего, остается рабочему классу—подобно остальным классам вполне установившегося буржуазного строя—вить себе скромное мещанское гнездышко в уголке этого строя. Таково реальное значение проповеди легалистов, как бы ни прикрывал ее «революционными» фразами Мартов, посаженный на это ампула г.г. Потресовыми, Юриями Чацкими, Лариными, Данами и К-о.

У Рожкова это р е а л ь н о е значение легального «общества защиты интересов рабочего класса» яснее ясного. Что такого общества—даже при гегемонии в нем Прокоповичей—«начальство» не разрешит и «фактического существования» не допустит,—

это ясно. Только либеральные слепцы могут не видеть этого. Но о б щ е с т в о интеллигентов, несущих, под видом социализма, л и б е р а л ь н у ю проповедь в рабочие массы, уже осуществлено фактически. Это «общество» и есть круг сотрудников «Нашей Зари» и «Дела Жизни»; их «знамя», идейное знамя либерализма, «развертывает» Н. Рожков, когда уверяет, что без открытой организации борьба неизбежно (!) приняла бы анархический характер,—что старые лозунги превратились в мертвые слова,—что тактику нельзя сводить к «драке»,—что в новом «обществе» нет «и м ы с л и (!) о необходимости насильственного переворота» и т. п. Вот эта либеральная, ренегатская проповедь интеллигентов есть реальность, а открытое рабочее общество есть фраза. Общество либеральной защиты по-либеральному понимаемых интересов рабочего класса есть реальность,—это «общество» и есть «Наша Заря», а «открытая и широкая политическая организация» рабочих в современной России—невинное, пустое, фальшивое либеральное мечтание.

Устраивать легальные профессиональные союзы, понимая, что ни широкими, ни «политическими», ни прочными они ныне стать не могут,—дело полезное. Проповедывать либеральные вещи о политическом рабочем обществе б е з мысли о насилии,—дело пустое и вредное.

В заключение два курьеза. Курьез первый. «Если бы кто-либо,—пишет Рожков,—в ослеплении реакционным безумием, вздумал обвинять членов такого общества в стремлении к насильственному перевороту, вся тяжесть подобного бессмысленного, неосновательного, юридически-ничтожного обвинения пала бы на голову обвинителя». Картина: на голову Щегловитова и К-о падает тяжесть обвинений юридически ничтожных, и «тяжестью» этой убивает их Н. Рожков—а не Родичев...

Курьез второй. Рабочие,—пишет Рожков,—«должны взять на себя задачу политической гегемонии в борьбе за демократический строй». Рожков признает гегемонию после того, как он выпотрошил все с о д е р ж а н и е гегемонии. Рабочие,—говорит Рожков,—вы не должны бороться против «неизбежного» компромисса, но вы должны называть себя гегемонами—а быть гегемоном как раз и значит разъяснять фиктивность идеи о «неизбежности» компромисса и бороться по линии пролетарского и пролетарски-крестьянского отпора буржуазным недемократическим компромиссам.

Н. Рожков принесет такую же пользу делу борьбы с ликвидаторами, как Ю. Ларин принес пользу делу борьбы с фальшивой идеей рабочего съезда. Н. Рожков и Ю. Ларин имели смелость показаться... голенькими. Рожков—честный ликвидатор. Он заставит своей безбоязненностью думать об идейных корнях ликвидаторства. Он подтвердит еще и еще раз правильность декабрьских резолюций Р. С.-Д. Р. П. 1908 года, ибо он систематически ставит (и сплошь фальшиво разрешает) как раз те вопросы, которые в этих резолюциях разобраны и решены правильно. Рожков сделает особенно мизерными, в глазах рабочих, тех дипломатов ликвидаторства, которые подобно редакторам «Нашей Зари» (или «Голоса») вертятся и виляют, громоздят оговорочку на оговорочке, снимая с себя ответственность за «отдельные места» статьи Рожкова или за «конкретизацию» его плана. Как будто бы дело шло об отдельных местах и т. п., а не об единой, цельной, сплошной линии—линии либеральной рабочей политики!

*«Социал-Демократ» № 25
от 8 (21) декабря 1911 года.*

О дипломатии Троцкого и об одной платформе партийцев.

Процесс умирания заграничных группок, пытавшихся построить свое существование на дипломатической игре с несоциал-демократическими течениями ликвидаторства и отзовизма, наглядно иллюстрируется вышедшим недавно, после долгого перерыва, № 22 газеты Троцкого «Правда».

Газета вышла 29 ноября нов. ст.—почти месяц спустя после выхода извещения Р. О. К. Т р о ц к и й о н е м—н и с л о в а!

Для Троцкого Р. О. К. не существует. Троцкий называет себя партийцем на том основании, что для него русский партийный центр, созданный подавляющим большинством русских с.-д. организаций, есть ноль! Или, может быть, наоборот, товарищи, Троцкий с его заграничной группкой есть ноль для русских с.-д. организаций?

Самым жирным шрифтом печатает Троцкий свое заверение,—как божиться-то не лень?—что его газета «не фракционная, а партийная». Присмотритесь чуточку повнимательнее к содержа-

зию № 22, и вы увидите сразу нехитрую механику игры с непартийными фракциями впередовцев и ликвидаторов.

Вот корреспонденция из Петербурга, подписанная С. В. и рекламирующая группу «Вперед». С. В. упрекает Троцкого, что он не напечатал давным-давно посланную ему резолюцию питерцев против петиционной кампании. Троцкий, обвиненный впередовцами в «узкой фракционности» (какая черная неблагодарность!), вертится и виляет, ссылаясь на бедность его газеты и редкий ее выход. Игра шита белыми нитками: мы вам—вы нам; мы (Троцкий) помолчим о борьбе партийцев с отзовистами и обратно, мы (Троцкий) поможем рекламировать «Вперед», а вы (С. В.) уступите уж ликвидаторам «петиционную кампанику». Дипломатическая защита обеих непартийных фракций—разве же это не есть истинная партийность?

Вот фразистая передовица под громким названием: «Вперед!». «Сознательные рабочие!—читаем мы здесь,—у вас нет сейчас более важного» (вот как!) «и всеобъемлющего» (зарапоровался бедняга!) «лозунга, как свобода союзов, собраний и стачек». Социал-демократия—читаем дальше—зовет пролетариат на борьбу за республику. «Но чтоб борьба за республику не была голым» (!) «лозунгом немногих избранных, необходимо, чтобы вы, сознательные рабочие, научили массы на опыте понимать необходимость свободы коалиций и бороться за это кровное классовое требование».

Революционная фраза служит для того, чтобы прикрывать и оправдывать фальшь ликвидаторства, засоряя тем сознание рабочих. Почему лозунг республики есть голый лозунг для многих, когда республика означает невозможность разогнать Думу?—свободу коалиций и печати?—свободу крестьян от насилий и грабежа Марковых, Романовых, Пуришкевичей? Не ясно ли, что дело обстоит как раз наоборот: «голым» и бессмысленным является в качестве «всеобъемлющего» лозунга лозунг «свободы союзов» вне связи с лозунгом республики?

Бессмысленно требовать от царской монархии «свободы союзов», если не разъяснять массам несовместимость такой свободы с паризмом и необходимость для такой свободы—республики. Внесение законопроектов в Думу о свободе союзов, запросы и речи на подобные темы должны служить нам с.-д. и как раз поводом и материалом к агитации за республику.

«Сознательные рабочие должны научить массы на опыте понимать необходимость свободы коалиций!» Старая погудка

старого, истасканного еще «экономистами» русского оппортунизма! Опы́т масс есть то, когда министры закрывают их союзы, губернаторы и урядники ежедневно чинят насилия,—вот это действительно опы́т масс. А превознесение, в противовес республике, лозунга «свободы союзов» есть фраза оппортунистического интеллигента, чуждого массам. Это—фраза интеллигента, воображающего, что «опыт» с «петицией» (имеющей 1300 подписей) или с положенным под сукно законопроектom есть нечто, воспитывающее «массы». На деле их воспитывает иной, живой, а не бумажный, опыт, их просвещает агитация сознательных рабочих именно за республику—единственно всеобъемлющий в смысле политического демократизма лозунг.

Троцкий превосходно знает, что ликвидаторы в легальных изданиях как раз соединяют лозунг «свобода коалиций» с лозунгом: долой нелегальную партию, долой борьбу за республику. Задача Троцкого в том и состоит, чтобы прикрывать ликвидаторство, бросая песок в глаза рабочим.

С Троцким нельзя спорить по существу, ибо у него нет никаких взглядов. Можно и должно спорить с убежденными ликвидаторами и отзовистами, а с человеком, который играет в прикрытие ошибок и тех и других, не спорят: его разоблачают, как... дипломата самой мелкой пробы.

Поспорить надо с авторами тезисов платформы, попавших в № 22 «Правды». Их ошибка происходит либо оттого, что они незнакомы с декабрьскими (1908 г.) резолюциями Р. С.-Д. Р. П., либо оттого, что они не вполне освободились от некоторых ликвидаторских и «впередовских» шатаний мысли.

Тезис 1-й говорит, что 3-е-июньский режим есть «фактическое неограниченное господство дворян-помещиков феодального типа», при чем дальше указывается, что они «прикрывают самодержавно-бюрократический характер своего господства лжеконституционной маской фактически бесправной Гос. Думы».

Если помещичья Дума «фактически бесправна»—а это справедливо,—то как же может быть «неограниченным» господство помещиков?

Авторы забывают, что классовый характер царской монархии нисколько не устраняет громадной независимости и самостоятельности царской власти и «бюрократии», от Николая II до любого урядника. Эту ошибку—забвение самодержавия и монархии,

сведение ее непосредственно к «чистому» господству верхних классов—делали отзовисты в 1908—1909 году (см. «Пролетарий», приложение к № 44 *), делал Ларин в 1910 году, делают некоторые отдельные писатели (напр., М. Александров ⁶¹), делает ушедший к ликвидаторам Н. Рожков.

В декабрьских (1908 г.) резолюциях дан как раз такой анализ господства феодалов при поддержке буржуазии, который подсекает корни этой ошибки.

Тезис 2-й состоит в ссылке на программу-минимум Р. С.-Д. Р. П., при чем «особенно видное место» отводится многим требованиям, вроде свободы коалиций и конфискаций помещичьих земель, но не упоминается о республике. Мы думаем, что это неправильно. Вполне признавая безусловную необходимость агитации за свободу коалиций, мы думаем, что лозунг республики надо ставить на самое видное место.

Тезис 3-й: «Необходимость новых революционных выступлений широких народных масс», без чего невозможно осуществление наших требований.

Последнее архи-верно, но это только половина истины. Марксисты не могут ограничиться ссылкой на «необходимость» новых выступлений масс, они должны сначала показать, какие причины вызывают (если вызывают) наступление нового революционного кризиса. Без такого кризиса «выступления»—они всегда, если хотите, «необходимы!»—невозможны.

У авторов самые лучшие революционные намерения, но в их образе мыслей есть некоторый пробел. Декабрьские (1908 г.) резолюции выводят «необходимость» новых выступлений не так просто, но зато более правильно.

Тезис 4-й: «Возможность такого нового революционного выступления масс в более или менее ближайшем будущем и беспощадная критика... контр-революционной роли буржуазии» и т. д.

Критика нужна всегда, н е з а в и с и м о от «возможности выступлений», даже в такое время, когда выступления масс заведомо невозможны. Связывать возможность выступлений и критику значит смешивать в с е г д а обязательную линию марксизма с одним из видов борьбы (особенно высоким). Это первая ошибка. А вторая та, что «не хвались едучи на рать, а хвались едучи с рати»: о возможности выступлений говорить не к чему;

*) См. 235 стр. 1 части этого тома. Ред.

надо доказать ее делами. В платформе достаточно отметить начало подъема и подчеркнуть важность агитации и подготовки выступления масс. В ближайшем или неближайшем будущем выступления масс наступят, это покажут события.

Тезис 5-й превосходен, ибо подчеркивает огромное значение Гос. Думы, как агитационной трибуны.

Мы не знаем, кто авторы листка. Но если это—русские впереводцы (как можно думать по некоторым признакам), то их надо горячо приветствовать за избавление от одной ошибки группки «Вперед». У таких впереводцев есть совесть партийцев, ибо они дают прямой, ясный ответ на один из «больных» вопросов. Группа же «Вперед» обманывает партию самым бессовестным образом, защищая, прикрывая отзовизм и до сих пор, до декабря 1911 года, не давая прямого ответа на вопрос об участии в IV Думе. Признавать такую группу социал-демократической—значит издеваться над социал-демократизмом.

*«Социал-Демократ» № 25
от 8 (21) декабря 1911 г.*

Старое и новое.

Статья Ник. Николина⁶²⁾ в № 29 «Звезды» под характерным заглавием: «Новое в старом» поднимает ряд чрезвычайно интересных и важных вопросов. Дискуссия по этим вопросам, несомненно, желательна в интересах выяснения точной, ясной и определенной линии поведения сторонников российской рабочей демократии.

Главным недостатком статьи Ник. Николина является крайняя неопределенность многих его положений. Если автор говорит, не поясняя своих слов, что он, «быть может, во многом не согласился» бы со мною, то я, со своей стороны, должен сказать, что у Н. Николина нет положений, вызывающих разногласия, ибо нет вообще договоренных положений.

Например, Н. Николин решительно восстает против людей, которые полагают, что «наше теперешнее положение... приблизительно такое же, что и в начале 1900-х годов». Он толкует подобный взгляд в том смысле, что люди отрицают н о в о е в старом. Разумеется, они неправы, если они отрицают это. Разумеется, Н. Николин тысячу раз прав, что в старом есть новое, которое надо уметь учесть, уметь использовать. Но каково именно это новое, как именно его учесть и т. д.,—этого не гово-

рит Николин,—а, с другой стороны, из его цитаты не видно, что именно разумеют его оппоненты под словом «приблизительно». Если учесть новое в старом так, как учли его русские марксисты ровно три года тому назад, оценивая политическое положение, создавшееся после трехлетия бури и натиска (т.-е. после 1905—1907 годов), то, по моему мнению, не было бы неправильно сказать: «наше теперешнее положение п р и б л и з и т е л ь н о такое же, что и в начале девятисотых годов». Если же подобное положение выставляется без предварительной, точной, ясной, определенной оценки момента и оценки задач, тогда оно, конечно, неверно.

Старые задачи, старые методы их решения, новые приемы подготовки к решению—вот как можно бы было, на мой взгляд, передать приблизительно ответ, данный три года тому назад. Участие в III Думе, которое так горячо и так правильно защищает Ник. Николин, представляется, с точки зрения этого ответа, б е з у с л о в н о необходимым. То «течение», которое отрицает это участие или до сих пор колеблется прямо, ясно, без всяких обиняков высказаться за участие в III Думе, всеу приемлет имя рабочей демократии. На деле это течение стоит вне ее, будучи «законным оттенком» анархистского круга идей, а отнюдь не марксистского.

Возьмем вопрос о «надстройке». «Раньше могло казаться,—пишет Ник. Николин,—что бюрократия является единственным и главным врагом «всей России»,—теперь этого уже никто не думает... Мы знаем достаточно хорошо, что Марковы, Крестовниковы, Волконские, Пуришкевичи, Гучковы, Хомяковы, Авдаковы и прочие,—все это представители той социальной среды, откуда бюрократия почерпает свои силы и получает мотивы для своей деятельности».

Вполне верно и чрезвычайно ценно здесь подчеркивание Ник. Николиным связи «бюрократии» с верхами торгово-промышленной буржуазии. Отрицать эту связь, отрицать буржуазный характер современной аграрной политики, отрицать вообще «шаг по пути превращения в буржуазную монархию» могут только люди, совершенно не вдумывавшиеся в то новое, что принесено первым десятилетием XX века, совершенно не понимающие взаимозависимости экономических и политических отношений в России и значение III Думы.

Но недостаточно признать связь, надо указать точно конкретный характер этой связи. Шаг по пути превращения в нечто

новое нисколько не устраняет старого, скажем, «бюрократического» строя с его громадной самостоятельностью и независимостью, с его Толмачевски-Рейнботовским (и проч. и проч.) «своеобразием», с его финансовой бесконтрольностью. «Почерпая силы» от поддержки верхов буржуазии, бюрократия рекрутируется не из них, а из старого, совсем старого, не только дореволюционного (до 1905 г.), но и дореформенного (до 1861 г.) поместного и служилого дворянства. «Получая мотивы для своей деятельности» в значительной степени от верхов буржуазии, бюрократия дает чисто-крепостническое, исключительно-крепостническое п а р а в л е н и е и о б л и к буржуазной деятельности. Ибо, если есть разница между буржуазностью прусского юнкера и американского фермера (хотя оба они, несомненно, буржуа), то не менее очевидна и не менее велика разница между буржуазностью прусского юнкера и «буржуазностью» Маркова и Пуришкевича. По сравнению с этими последними прусский юнкер прямо-таки «европеец»!

Забвение громадной самостоятельности и независимости «бюрократии» есть главная, коренная и роковая ошибка, например, М. Александрова в его известной книжке, а Н. Рожков в № 9—10 ликвидаторской «Нашей Зари» доводит эту ошибку до абсурда. Точное определение того, насколько осталось в области так называемого «бюрократического» строя старое и какое именно изменение, вернее: видоизменение, внесено «новым», дано только в вышеуказанном, три года тому назад данном, ответе.

Отнюдь не отрицая «искания иных путей и средств», придавая громадное значение обсуждению, вторичному и повторному, обсуждению прямых ответов на проклятые вопросы, я не могу, однако, не протестовать против той контрабанды, которую проводят, например, ликвидаторы под флагом «исканий». Очевидно, что разногласия между «ищущим» Н. Рожковым и «ищущими» Потресовыми, Ежовыми, Чацкими суть разногласия, касающиеся ч а с т н о с т е й либеральной рабочей политики. Все эти «ищущие» стоят на почве именно либеральной, а не марксистской рабочей политики! Одно дело «искать путей» и обсуждать их, с точки зрения марксизма, в книгах, журналах и т. п.,—другое дело выступать с определенными ответами в практически руководящих органах.

Возьмем вопрос о «романтизме». Осуждая романтизм, как безнадежно отжившее «старое», Ник. Николини приводит пример:

«либералу казалось, что он выступает в роли защитника всех унетенных, а социалисту,—что за ним стоит вся мыслящая трудовая Россия». Пример относится к непониманию классовой борьбы, и, конечно, Николин вполне был бы прав, если бы сказал, что подобный «социалист»—очевидно, народник—на деле вовсе не социалист, а д е м о к р а т, облакающий свой демократизм псевдо-социалистической фразеологией. Но, говоря о романтизме, нельзя обходить господствующее в наиболее распространенной, именно: либеральной, печати веховское, т.-е. контрреволюционное, толкование этого термина. Нельзя не восстать против такого толкования. Нельзя не отметить того «нового», что либерализм создал в России либеральное веховское направление, от которого г.г. Милюковы отрекаются чисто-словесно, чисто-дипломатически, ведя на деле веховскую политику.

Отсюда первостепенной важности и практический вывод: межа между либерализмом и демократией должна быть, на основании «нового» опыта первых десяти лет XX века, проведена яснее. «Смешивать либеральную оппозицию с реакцией»,—конечно, абсурд, но этого вывода (делаемого Николиным) без вывода, указанного мною сейчас, решительно не достаточно.

Вообще, именно на выводах Ник. Николина сказался его основной грех неопределенности и недоговоренности. Возьмите его первый вывод: «одинаково вредно как безрассудное увлечение старыми способами действия, так и резко-отрицательное к ним отношение». Этот вывод, по-моему, не диалектический, а эклектический. Безрассудное безрассудно и поэтому всегда и безусловно вредно; об этом нечего и говорить. Чтобы придать этой части вывода живое, диалектическое, значение, надо бы сказать примерно: попытки оправдать отказ от участия в III или IV Думе ссылкой на старые способы действия были бы величайшей ошибкой, пустой фразой, бессодержательным выкриком,—несмотря на то, а вернее: именно потому, что необходимо резко-положительное отношение к этим способам.

Мимоходом, не имея возможности останавливаться на этом вопросе дольше, я отметил таким образом, как следовало бы, на мой взгляд, исправить вторую часть цитированного мною вывода.

«Звезда» № 33

от 10 декабря 1911 г.

За подписью В. Ильин.

Принципиальные вопросы избирательной кампании.

I.

Выборы в IV Думу уже не за горами, и вопрос об избирательной кампании, естественно, становится на очередь дня. Нечего и говорить, что какие бы то ни было колебания относительно того, необходимо ли с точки зрения марксизма участие в выборах, совершенно недопустимы: не внутри пределов марксизма и рабочей партии, а лишь вне пределов и первого, и второго могут быть признаны «законными» оттенки взглядов, отрицательно или неопределенно или даже безразлично относящиеся к участию. Эту элементарную истину, уже много лет тому назад (с конца 1907 г.) доказанную и подтвержденную опытом, как-то, пожалуй, неловко повторять, но ее приходится повторить, ибо худшим злом для нас является теперь распад и разброд. А этот разброд и распад поддерживают не только те, кто дает неопределенные или уклончивые ответы на элементарные вопросы, но и те, кто по дипломатии, безыдейности и т. п. защищает неопределенность и уклончивость.

Выборы в Государственную Думу, естественно, заставляют всех марксистов, всех участников рабочего движения напрячь силы для самой энергичной, упорной, инициативной работы во всех областях этого движения. Те ответы на вопросы о принципиально-программном, политическом, организационном содержании в направлении этой работы, которые выработаны в течение последних лет, должны найти теперь себе непосредственное практическое применение в специальной области «выборной» деятельности.

Мы нарочно говорим о выработанных уже ответах. Смешно было бы думать, в самом деле, что теперь, за несколько месяцев, или хотя бы даже за год до выборов, можно успеть «найти» ответы, если они не найдены еще, не обдуманы, не проверены опытом деятельности за несколько лет. Речь ведь идет об ответах на все «проклятые вопросы», касающиеся и общего мирозерцания, и оценки предыдущего, необыкновенно богатого событиями периода русской истории, и оценки переживаемого периода (определившегося в основных чертах не позже как

с 1908 г.), и задач политических и организационных, которые решались так или иначе всяким участником рабочего движения за последние, скажем, четыре года. Применить выработанные ответы и приемы деятельности к данной особой отрасли работы, к выборам в IV Думу,—вот о чем только и может идти теперь речь; говорить о том, что «в процессе выборной кампании, т.-е. одной из отраслей деятельности, могут быть выработаны ответы на вопросы, касающиеся всех отраслей деятельности, касающиеся не только 1912 года, а всего периода, начиная с 1908 года», говорить об этом—значило бы утешать себя иллюзиями или прикрывать, оправдывать царящий разброд и распад.

Речь идет об ответе на вопросы, прежде всего, программные. Что дало в этом отношении последнее четырехлетие русской жизни? Все и каждый должны будут признать, что оно не дало никаких попыток пересмотра, или исправления, или дальнейшей разработки старой программы марксистов в ее принципиальной части. Характерным для «текущего момента»,—его вернее бы было во многих отношениях назвать «застойным» или «гнилым» моментом,—является презрительное махание рукой на программу и стремление всячески укоротить, урезать ее без малейшей попытки прямого, решительного пересмотра. «Ревизионизм» в его специфическом значении буржуазного скопления марксистских истин характерен для переживаемой эпохи не как боевой ревизионизм, поднимающий «знамя восстания», (хотя бы даже так, как это делали Бернштейн в Германии около 10 лет тому назад, а в России Струве лет 15 назад или Прокопович несколько позже), а как трусливое, прячущееся отречение, часто оправдываемое «практическими», главным образом, будто бы практическими, соображениями. Преемники и продолжатели «дела» Струве и Прокоповича, г.г. Потресовы, Масловы, Левицкие и К-о, «участвовали» в царящем разброде и поддерживали его (как с другой стороны Юшкевич, Богданов, Луначарский и т. д.) посредством большей частью робких и несистематичных попыток выбросить за борт «старый» марксизм и заменить его «новым» буржуазным учением⁶³).

Теоретические вопросы не случайно, не по напризу «групп» выдвинулись на одно из первых мест в последнее четырехлетие. К числу «пустяков» относили эти вопросы, хотя бы в той или иной их части, только люди, боязливо отрекающиеся от старого. И теперь, если говорить о защите программы и мирозерцания

марксизма в связи с выборной кампанией, в «процессе» выборной кампании и т. д.,—если говорить об этом не только для выполнения «казенной» обязанности и не для того, чтобы ничего не сказать, то учитывать следует не слова, не обещания, не заверения, а именно опыт пережитого четырехлетия. Оно показало нам фактически еще и еще раз целый ряд «ненадежных попутчиков» марксизма в нашей интеллигенции (зачастую желающей быть марксистской), оно научило недоверию к таким попутчикам, оно подняло в умах думающих рабочих значение марксистской теории и марксистской программы в неурезанном ее виде.

Есть область вопросов, в которых программа сближается с тактикой и переходит в нее. Эти вопросы, разумеется, во время избирательной кампании приобретают гораздо большее непосредственное практическое значение. По этим вопросам дух отречения и разброда проявил себя несравненно сильнее. Старые задачи отпадают,—говорили одни,—ибо в России уже, в сущности, власть стала буржуазной. Развитие России отныне,—заявляли другие,—может идти, подобно германскому или австрийскому после 1848 года, без всяких «скачков». Идея гегемонии рабочего класса устарела,—говорили третьи,—марксисты должны стремиться *«не к гегемонии, а к классовой партии»* и т. д.

Нечего и говорить, что ни одного, буквально ни единого вопроса тактики нельзя разрешить, нельзя осветить сколько-нибудь цельно, полно, связно без разбора этих идей, справедливо названных «ликвидаторскими» и связанных неразрывно с широким потоком буржуазного общественного мнения, поворачивающего вспять от демократизма. Кто сколько-нибудь присматривался к практической жизни, тот знает, что разброд в области этих вопросов во сто раз сильнее, чем видно по литературе. Иначе и не может быть, конечно, в годы, следующие за событиями конца 1905 и 1906—1907 годов. Но чем «естественнее» (в буржуазной обстановке) этот распад, тем настоятельнее и насущнее для марксистов задача всесторонней и упорной борьбы с ним.

В такие периоды, как последнее четырехлетие в России, распад и отречение были свойственны всем странам: бывало и так, что не оставалось даже групп, а были лишь отдельные лица, на десять и более лет умевшие в подобной обстановке «высоко

держат знамя», хранить идеи преэминентности, применять эти идеи впоследствии в сильно измененной социально-политической обстановке. В России дело еще не так плохо, ибо в «наследство» остались нам и программа и оформленные ответы на основные тактические и организационные вопросы «момента». Ликвидаторское течение, отрекаясь от этого ответа, не в состоянии противопоставить ему ничего, абсолютно ничего, похожего на точный и ясный ответ.

Выборная кампания есть приложение определенного решения политических вопросов к сложной пропагандистской, агитационной, организационной и т. д. деятельности. Нельзя подступиться к этой кампании, не имея определенного решения. И тот оформленный ответ, который с 1908 года дан марксизмом, вполне подтвердил себя опытом четырех лет. Новое, буржуазное, содержание аграрной политики правительства; организации помещиков и буржуазии в III Думе; поведение даже самой «левой» из буржуазных партий—кадетской, столь ярко освещенное «лондонской» поездкой, и далеко не ею одной; идейные течения «веховского» типа, имевшие громадные успехи в «образованном» обществе,—все это показало ясно, что старые задачи не решены, но подход к их решению идет в новой обстановке, более буржуазной, при систематическом повороте буржуазии от демократизма к «оппозиции» ответственной, партийной, «ллойальной» и т. д. Новая обстановка, новые приемы подготовки к старому решению старых проблем; большая ясность раскола между демократией и антидемократичной либеральной буржуазией,—вот основные черты оформленного ответа марксистов на коренные политические вопросы современности.

В неразрывной связи с общим мирозерцанием марксистов, с их оценкой политического смысла и значения «третьейюньского» периода, стоит ответ на организационные вопросы. Сохранение старого в основе и приспособление его,—всяческие так наз. «возможности»: открытые общества, союзы и т. п.,—к новой обстановке. Ячейки и сеть вокруг них, в связи с ними, направляемые ими. Большая гибкость «ячеек», принятие ими более подвижных, не во всем похожих на старые, форм,—и обязательное использование не только думской трибуны, но и всяческих аналогичных «возможностей». Отнюдь не связывая руки никакой однообразной нормой, никакими обязательными формами, оставляя громадный простор выработке целесообразных

приемов и методов сочетания, этот ответ непоколебимо «тверд» принципиально—именно, он противопоставляет царящему разброду, отреченству, растерянности не только словесное провозглашение верности старому, но и основной организационный принцип, позволяющий воплотить в жизнь идейную устойчивость. Те, хотя бы и немногие, кто «накопили запас», объединяются и систематически оберегают «иерархию»: ее дух, ее учение, ее принципы, ее традиции, а не ее формы, конечно.

Ликвидаторство, наоборот, п а с у е т пред царшей (в о в с е не у нас одних, отнюдь не в рабочем только классе, а еще сильнее в других классах и партиях) бесформенностью, бросает работу над старым, превращая поиски «нового» в узаконение разброда. В широком идейном течении буржуазного общества, направленном против демократии вообще, против движения масс в частности, против недавних форм организации и руководства этим движением в особенности, ликвидаторство среди марксистов есть лишь один ручеек.

Таковы общие положения марксизма, отношение его к задачам и вопросам современности, выработанное, повторяем, не со вчерашнего дня, и надлежащее теперь претворению в «избирательную кампанию» с цельным содержанием—идейным, программным, тактическим, организационным.

II.

Обратимся к рассмотрению той позиции по вопросу об избирательной кампании, которая занята главным органом ликвидаторского течения, «Нашей Зарей».

Нет ничего более противного духу марксизма, как фраза. И, что прежде всего неприятно поражает в №№ 6 и 7—8 «Нашей Зари», так это невероятный разгул прямо-таки тартареновской фразы. Такая обычная для марксистов всех стран, даже уже в России д в а ж д ы в широком масштабе проведенная кампания, как избирательная, превращена Тартаренами нашего ликвидаторства в нечто, обставленное такими велеречивыми словами, словами и словами, что прямо не втерпез становится.

Г. Юрий Чацкий в статье «Пора начать» н а ч и н а е т изложение взглядов ликвидаторов и, в сущности, к о н ч а е т это изложение, как хозяин, оставляя г. Л. Мартову украшения, ретушовку, литературную орнаментику.

Вот образчик писаний Юрия-Тартарена:

«...Вряд ли можно рассчитывать, что выборная кампания будет проведена в организационном отношении совершенно централизованно, хотя стремиться к этому нужно всеми теми путями, о которых мы говорили..., закрепляя организационные результаты политического объединения с.-д. рабочих в виде политической кампании»...

Побойтесь бога, любезнейший конкурент Троцкого! Ну, к чему оглушать читателя вообще, а рабочего в особенности этим набором слов о результатах политического объединения в ходе политической кампании! О закреплении этих результатов! Ведь это—набор слов, важничание тяжеловесными повторениями простой вещи. Организационное «закрепление» нужно всегда, и до выборов, и после. Назвав выборы политической кампанией и, «для ради важности», «поговоривши еще о «ряде» (!) всероссийских (!) политических кампаний», вы этим шумом и треском слов за с л о н я е т е действительно насущный, жизненный, практический вопрос: к а к организовать. Нужны ли «ячейки» и около них сеть более или менее открытых непрочных союзов? да или нет? Если да, то это нужно и до выборов, и после; выборы—одна из работ, одна из многих. Если не велось систематической работы и з д а в н а, вы н и ч е г о не «закрепите» в ходе выборной кампании. Всякий практик понимает, что это пустяки. Звонкими фразами здесь прикрывается отсутствие точного ответа на о с н о в н о й вопрос о том, как нужно организовать для всякой, а не только избирательной деятельности.

Говорить по поводу выборов о «б о е в о й м о б и л и з а ц и и пролетариата» (sic! стр. 49), о «широкой иоткрытой мобилизации рабочих масс» (54) и т. д., и т. п.—значит не только не иметь никакого чувства меры, но прямо вредить скромной, по необходимости скромной, работе, воспитывая фразерство с о в е р ш е н н о т а к о г о ж е к а ч е с т в а, как у «отзовистов», «ульиматистов» и т. п. У тех выходит, что бойкотом надо особо подчеркнуть, что не похоронен «дух» (а «дух» работы должен пронизывать все ее области, выборную в том числе),—у крикунов ликвидаторства выходит; что выборы дадут все: и «боевую мобилизацию» (как только не стыдно русскому тоже-«марксисту» выписывать такие вещи), и «закрепление организационное результатов политического объединения в ходе политической кампании»! Все

мы знаем прекрасно, что ни «широкой», ни «открытой» «мобилизации масс» выборы 1912 года (если не наступит условий, в корне меняющих обстановку 1908 и 1911 годов) не дадут и дать не могут. Дадут скромную возможность не широкой и не очень открытой работы, и этой возможностью надо пользоваться, а Троцкому подражать в надутых фразах не следует.

Крик об «открытых» организациях по поводу выборов прямо неумен: давайте-ка лучше делать не очень открыто, коллеги-рабочие, скажем мы,—это будет вернее, уместнее, разумнее, полезнее для воздействия на более широкие слои, чем болтовня об «открытом» существовании. В такие времена, как наши, кричать и хвастать: «а я все открыть могу»—могут лишь люди или совсем дурные, или совсем легкомысленные.

«...Партия (классовая) проявится лишь как продукт организационного творчества самостоятельного рабочего авангарда» (41).

Уф! Пощадите! Ведь в мире партию складывали и выращивали в течение десятилетий и передовые рабочие, и действительно марксистские, переходящие вполне на сторону рабочих, «интеллигенты». И у нас не может быть иначе, и не к чему это отпугивание русского читателя-рабочего пышным вздором о «творчестве» (когда приходится азы твердить и маленькие, простенькие камушки для фундамента носить), «самодетельном» авангарде и пр. Г. Мартов тоже увлечен Чацким-Тартареном и договаривается до «самосознательных элементов рабочего класса» (№ 7—8, стр. 42), идущих на смену «самоликвидации» старого персонала (там же).

Чтобы покрепче было! «Самодетельные», «самосознательные», «творческие», «мобилизация боевая», «самое широкое», «самое открытое»... Как это не тошнит людей от этого,—употребляя щедринское выражение,—языкоблудия?

А дело в том, что вычурными, вымученными, оглушающими и отупляющими рабочего (а интеллигента еще больше, ибо рабочие смеются над стилем à la Юрий Чацкий, а больше «увлекаются» им гимназисты) фразами, приходится оперировать, когда на простые, ясные, близкие вопросы нет у писателя простого, прямого, ясного ответа. На вопросе об избирательной платформе мы можем в особенности наглядно иллюстрировать эту истину о превращении неясной мысли в неясные, напыщенные, велеречивые фразы.

III.

Г. Юрий Чацкий о важности избирательной платформы говорит тоже с большущим, большущим пафосом. Вопрос о платформе—«один из самых кардинальных вопросов». Очень хорошо! «Рабочие с.-д. должны прочувствовать (!!)

 ее (платформу), продумать, считать своей» (курсив Юрия Чацкого).

Что п р о д у м а т ь платформу должны рабочие, это верно. Также и интеллигентам, пишущим в почти-марксистских журналах, очень бы не мешало продумать платформу. Но вот что значит «прочувствовать» платформу,—это понять мудрено. Может быть, г.г. Неведомский и Луначарский в след. номере «Нашей Зари» напишут «прочувствованные» статьи о «прочувствовании» избирательной платформы самодельным авангардом самосознательных мобилизуемых масс?

Или не угодно ли следующий перл из статьи г. Ф. Дана: «...избирательная тактика совершенно меняет свой смысл и свое политическое содержание в зависимости от того, кто же является ее творцом и носителем: самоуправляющийся коллектив рабочего с.-д. авангарда со всеми его пролетарскими и интеллигентскими силами, или те или иные группки интеллигенции, хотя бы и «социал-демократической», но не выдвинутой таким коллективом, не действующей под его контролем и давлением»... Кто может сомневаться в самом деле, что Потресов и Дан отнюдь не «группка интеллигенции», а люди, «выдвинутые самоуправляющимся коллективом авангарда» и «действующие под его контролем»! О, Тартарены ликвидаторства!

Продумал ли Юрий Чацкий, Л. Мартов и Ф. Дан платформу? «Стыдно признать, да грех утаить,—пишет первый из них,—у нас бывало и так, что платформа сама по себе, а в предвыборных речах и писаниях говорят другое, идут кто в лес, кто по дрова».

Что правда, то правда. «У нас» это очень часто бывало.

Например, Юрий Чацкий, после прочувствованных слов о прочувствованной платформе принимается говорить длинные, длинные и не менее прочувствованные слова о важности и необходимости е д и н о й платформы. Прочувствованными словами нарочито заслоняется простой вопрос о том, может ли быть е д и н а я платформа, если нет единства в политических воззрениях. А если единство воззрений есть, то к чему терять напрасно слова

и ломиться в открытую дверь: ведь платформа есть изложение воззрений!

Юрий же Чацкий, поговорив «кругом да около» об «единой» платформе, пробалтывает очень неловко свой «секрет». «Крупнейшее значение,—пишет он,—мы придаем санкции (платформе) думской с.-д. фракции, при том, однако, неременном условии, что последняя не пойдет по линии наименьшего сопротивления, санкционировав платформу, навязанную ей заграничными кружками» (50)...

Это называется: *der König absolut, wenn er unseren Willen tut*,—король самодержавен, если он творит н а ш у волю. Платформа желательна единая, если не будет санкционирована платформа, «навязанная заграничными кружками». Значит, платформы то е с т ь н а - л и ц о две? одна, которую вы ругаете «навязанной из-за границы» (терминология, достойная Пуришкевича! подумайте только: Юрий Чацкий, в журнале Потресова, пишет рука об руку с Мартовым и Даном, о навязывании из-за границы! Как низко надо пасть, чтобы такими приемами науськивать неразвитых людей против «заграницы»!). Другая платформа, очевидно, та, которая идет не из-за границы, а из самоуправляющегося коллектива широких и открытых организаций мобилизуемой массы. Говоря проще и без выкрутас: «другими элементами возможной централизации является группа с.-д. (?) работников, тесно связанных с открытым рабочим движением и приобретающих все большую устойчивость и авторитет в процессе ведения политических кампаний. Мы имеем в виду в особенности Петербург и его руководящую роль в политических кампаниях последнего года». Так пишет Юрий Чацкий.

Ларчик просто открывается: «группа» петербургских ликвидаторов, всем хорошо известных по журналу г. Потресова, вот вам «элемент централизации». Ясно, очень ясно, любезный Юрий Чацкий!

Платформа должна быть единой, но... так, чтобы она не «навязывалась заграничными кружками», а удовлетворяла «группу» петербургских ликвидаторов... Горячий сторонник «единства» этот Юрий Чацкий!

IV.

Посмотрим на «основные положения платформы» у Л. Мартова... В основу ее он кладет,—как и следовало, конечно,—программу. По частям и своими словами программа эта переска-

зывается у Мартова. Остается неясным, *ту* ли программу проповедует Мартов, которая им изложена в № 7—8 «Нашей Зари»: *э т а* частичка старой программы приемлема и для Ларина, и для Левицкого, и для Прокоповича, вероятно. Или Мартов приемлет *в с ю с т а р у ю* программу?

Справедливость требует отметить, что одно местечко в статье Мартова указывает на последнее; именно: это—местечко на стр. 48, где говорится, что иногда приходится «не договаривать в ясной форме» (это правда), но дескать не следует *о т к а з ы в а т ь с я*. «Нас не заставят»—*у р е з а т ь* содержание наших требований». Это очень хорошие слова. К сожалению, этим словам не соответствует *д е л о*, ибо мы прекрасно знаем, например, что «не подогреваемый (Мартовым) в реформизме» Ларин *у р е з ы в а е т* и *о т к а з ы в а е т с я*. Нам придется убедиться очень скоро, что и Мартов в той же самой своей статье, обещая «не урезывать» и «не отказываться», на деле урезывает и отказывается.

Фактическое положение, следовательно, таково, что по вопросу о программе, как составной части и базы платформы, имеется на-лицо не одна, а две платформы: *б е з* урезывания и отказов и с теми урезками и отказами, направление которых ясно указано характером проповеди Ларина, Левицкого, Потресова.

Далее идет вопрос о тактике. Исторический смысл третьейиюньского периода должен быть оценен, и на такой оценке должны базироваться *в с е* определения наших задач, *в с е* наши «высказыванья» по каким бы то ни было общим и частным вопросам современной политики. Мартов вынужден признать и сам,—не смотря на обычные у ликвидаторов и характерные для ликвидаторства насмешки над «оценкой текущего момента»,—что вопрос этот кардинальный. И вот, по отношению к «старому», оформленнsmу ответу на этот вопрос Мартов заявляет:

«Исторический смысл «третьейиюньского» периода пытались определить неудачней, ибо способной вводить в заблуждение, формулой, говоря о шаге на пути к превращению («по пути превращения» было бы точной цитатой) в буржуазную монархию»...

«Неудачная» формула... Как это мягко сказано! А давно ли коллеги Мартова видели в этой формуле полное принципиальное отрицание той точки зрения, которая им кажется единоспасающей? Давно ли Ф. Дан говорил: «хотят переть туда, где были раз разбиты»? В чем же дело? Есть ли коренное расхождение по вопросу об историческом смысле третьейиюньского периода или нет?

Слушайте дальше:

«...В такой формулировке исчезает реальность сделанного **назад** шага к разделу власти между носителями абсолютизма и землевладельческим дворянством. Из сказанного выше следует, что те формы, в которых после событий 1905 года только и мог совершаться этот раздел, создав благоприятные условия для мобилизации и организации тех социальных сил, которых исторической миссией является работать над созданием «буржуазной монархии»...

Эти социальные силы, по Мартову,—буржуазия, которой третьеиюньский период «дал право быть легальной или терпимой оппозицией».

Приглядитесь же к рассуждению Мартова. Он упрекает «неудачную формулу» как будто бы только в том, что она забывает шаг назад, сделанный властью. Во-первых, это фактически неверно. Мартову поразительно не везет с «формулой» 1908 года: как только примется говорить о ней, так сейчас же оказывается странное неумение (или нежелание?) точно передать очень хорошо известную ему «формулу». В «формуле» говорится прямо и точно о сохранении за крепостниками и землевладельцами (а не буржуазными землевладельцами, как следовало бы говорить по Ларину) «их власти и их доходов!» Значит, ежели этакий раздел власти называть «шагом назад», то этот шаг назад не только не исчезает в нашей формуле, а напротив, констатируется самым точным образом. Во-вторых, и это главное, говоря о шаге назад, сделанном властью, Мартов прикрывается, затушевывает этим шаг назад, сделанный либеральной буржуазией. Вот где зарыта собака! Вот в чем суть рассуждения, затемняемая Мартовым.

Шаг назад, сделанный либеральной буржуазией, есть веховство этой буржуазии, ее отречение от демократизма, ее приближение к «партиям порядка», ее поддержка (прямая и косвенная, идейная и политическая) попыток старого режима удержаться ценою минимальных «шагов по пути превращения в буржуазную монархию». Буржуазная монархия не может не только сложиться, но даже и начать складываться без контр-революционной (— веховской) либеральной буржуазии. Мартов «забывает» это прежде всего и больше всего по той простой причине, что он сам «веховец»... среди марксистов.

Либерал обращает все внимание при оценке третьеиюньского периода на то, что власть сделала «шаг назад», к Пуришке-

вичам: если бы та даже самая власть при сохранении тех же самых основных черт режима (и прижима против демократии) сделала «шаг» к нему, к либералу, то это все, что ему требуется. Я доказал «Вехами», веховской политикой («Лондон» Милюкова)⁶⁴), что я, либерал, искренний, серьезный, беспощадный враг демократии «противогосударственной», отщепенской, ребячьей, преступной, «воровской», безнравственной, безбожной и как там еще говорится в «Вехах». И, несмотря на это, власть делится не со мной, а с Пуришкевичем! — вот каков смысл либеральной политики третьеиюньского периода, вот каков смысл «Столыпинского либерализма» господ Струве и Милюковых. «Я к тебе всей душой, — говорит либерал, обращая взоры к власти, — а ты мне предпочитаешь Пуришкевича!»

Наоборот, точка зрения пролетарской демократии на третьеиюньский период принципиально, коренным образом иная. «Шаг назад» к Пуришкевичам сделан властью на иной, гораздо более высокой ступени развития, чем прежде. И в 80-х годах был «шаг назад» к дворянству, но это был шаг назад на ступени пореформенной России, далеко ушедшей от времени Николаевской эпохи, когда дворянин-помещик командовал без «плутократии», без железных дорог, без растущего третьего элемента. Так и теперь, «шаг назад» к Пуришкевичам происходит на базе буржуазной аграрной политики, на базе организованного и прочного участия буржуазии в представительстве: это — гегемония Пуришкевича в общем, и Пуришкевичевском и Милюковском, повороте против демократии, против движения масс, против т. наз. «эксцессов», против т. наз. «интеллигентской («Вехи») революции» и т. д.

Задача либерала — «попугать» Пуришкевича так, чтобы он «потеснился», побольше места уступил либерализму, но так, чтобы отнюдь не могли при этом вовсе устранить с лица земли все экономические и политические основы пуришкевичевщины. Задача демократа вообще и представителя пролетарской демократии, марксиста, в особенности, испытывать резкий конфликт, чтобы втянуть на арену низы как раз для такого устранения. С точки зрения задачи преобразования России, вообще, исторический смысл третьеиюньского периода в том и состоит, что этот новый шаг по пути превращения в буржуазную монархию есть шаг к большей размежевке классов во всех отношениях и в частности к большей размежевке либерализма («ответственная» оппозиция

Пуришкевичам) и демократии (устранение всех основ пуришкевичевщины).

Отсюда ясно, что Мартов, якобы критикующий лишь «неудачную формулировку», на деле дает платформу либеральной рабочей политики. Он видит «шаг назад», сделанный старой властью к Пуришкевичам, и не видит шага назад, сделанного либеральной буржуазией к старой власти. Он видит, что события 1905 года создали благоприятные условия для «мобилизации и организации» либеральных буржуа против Пуришкевичей и рядом с Пуришкевичами, но он не видит, что эти события создали «благоприятные условия» для мобилизации и организации веховской, контр-революционной, либеральн^{ой} буржуазии против демократии, против движения масс. Из цитаты Мартова неизбежно вытекает поэтому, что рабочие должны «поддержать» либералов в их борьбе с Пуришкевичами, должны предоставить гегемонию либералам,—и отнюдь не вытекает, что рабочие должны, вопреки веховству либералов, вопреки стремлению Милюковых усесться рядом с Пуришкевичами, поднимать низы на работу полного устранения самых глубоких корней (и самых высоких вершин) пуришкевичевщины.

Отсюда ясно, далее, почему Мартов может и должен соглашаться с Лариным в остальном, расходясь с ним лишь в частных, лишь в приемах формулировки задач либеральной рабочей политики. У нас уже есть буржуазная монархия,—говорит Ларин,—у нас уже теперь землевладельцы не «крепостники», а аграрии, т-е. буржуазные, сельские предприниматели. У нас поэтому не стоят на очереди исторические «скачки», у нас должна быть «не гегемония, а классовая партия» (Левицкий). У нас задача поддерживать либералов-конституционалистов, сохраняя свою самостоятельность *). У нас нет еще буржуазной монархии,—возражает Мартов,—но для нас «вполне достаточно» знать, что сочетание абсолютизма и конституционализма противоречиво и что мы должны «ухватить старый режим за Ахиллесову пятую противоречий». Оба спорящие не видят связи родившейся или рождающейся буржуазной монархии с контр-революционностью либеральной буржуазии, у обоих исчезает со сцены

*) «Постоять за себя при предстоящем конституционном обновлении» писал Ларин.

деятельность «гегемона», по определению не только объема, но и типа буржуазного преобразования России; у обоих—говорят ли они это или нет—рабочий класс «устраивается» в новой, буржуазной России, а не устраивает ее, ведя за собою демократию, способную к отрицанию всех основ пуришкевичевщины.

V.

Небезынтересно, что дальнейшие рассуждения Мартова побивают его еще более наглядно.

«...Так,—продолжает Мартов,—реставрированные в 1815 г. Бурбоны не создали буржуазной монархии, но вынуждены были облечь господство свое и стоявшего за ними дворянства в политические формы, ускорившие организацию буржуазного класса и позволившие ему вырасти в силу, способную создать буржуазную монархию 1830 года...»

Прекрасно. До Бурбонов 1815 года, до 1789 года монархия была во Франции феодальная, патриархальная. После 1830 года монархия была буржуазная. А какая же была монархия, о которой (на голову себе) заговорил Мартов, т.-е. монархия 1815—1830 годов? Ясно, что она была «шагом на пути превращения в буржуазную монархию». Пример Мартова говорит великолепно против него! Далее. Либеральная буржуазия во Франции начала обнаруживать свою вражду к последовательной демократии еще в движении 1789—1793 годов. Задачей демократии было создание вовсе не буржуазной монархии, как прекрасно знает Мартов. И демократия Франции, с рабочим классом во главе, вопреки колебаниям, изменам, контр-революционному настроению либеральной буржуазии, создала, после долгого ряда тяжелых «кампаний», тот политический строй, который упрочился с 1871 года. В начале эпохи буржуазных революций либеральная французская буржуазия была монархической; в конце долгого периода буржуазных революций—по мере увеличивающейся решительности и самостоятельности выступлений пролетариата и демократически буржуазных («лево-блокистских», не во гнев будь сказано Л. Мартову!) элементов—французская буржуазия вся была передана в республиканскую, перевоспитана, переобучена, перерождена. В Прус-

сии, и в Германии вообще, помещик не выпускал из своих рук гегемонии во все время буржуазных революций и он «воспитал» буржуазию по образу и подобию своему. Во Франции гегемонию раза этак четыре за все восьмидесятилетие буржуазных революций отвоевал себе пролетариат в разных сочетаниях с «левооблакистскими» элементами мелкой буржуазии, и в результате буржуазия должна была создать такой политический строй, который более угоден ее антиподу.

Есть буржуазия и буржуазия. Буржуазные революции показывают нам громадное разнообразие комбинаций различных групп, слоев, элементов и самой буржуазии и рабочего класса. «Высасывать» ответ на конкретные вопросы русской буржуазной революции первого десятилетия XX века из «общего понятия» буржуазной революции в самом узком смысле слова—значит, опешлять марксизм до либерализма.

«Так, — продолжает Мартов, — после обуздания революции 1848 года, прусская власть оказалась вынужденной ввести конституцию и законодательное представительство, организованное в интересах землевладения; а на почве этих жалких зачатков конституционно-парламентского строя политически организовалась буржуазия, которой, однако, и до сих пор не удалось закончить превращения государства в «буржуазную монархию».

Вышеупомянутая формулировка грешит, таким образом, тем, что в ней отсутствует момент решительного столкновения классов, без которого проявляющаяся в актах третьейюнесского типа объективная тенденция не может реализоваться в жизни!

Не правда ли, это поистине великолепно? Мартов—положительно виртуоз по части облачения реформистских рассуждений, теорий, платформ словечками эффектно-марксистского и эффектно-революционного вида! По поводу той самой «формулы», которую критикует Мартов, Ф. Дан громил людей, желающих «переть туда, где были раз разбиты». Ю. Ларин писал, что рабочий класс должен организоваться не в «ожидании революции», а «просто-таки для твердой и планомерной защиты своих особых интересов». Теперь же Мартов делает открытие: формула грешит тем, что в ней отсутствует момент решительного столкновения классов. Прямо прелесть!

Но в этой фразе Мартова кроме комического есть еще нечто. Мартов выразился с виртуозной уклончивостью. Он не сказал,

о к а к и х классах идет у него речь. В предыдущем шла речь о землевладельцах и буржуазии. Можно предположить, что Мартов говорит здесь о решительном столкновении т о л ь к о между землевладельцами и буржуазией. Только с точки зрения т а к о г о предположения можно «взять всерьез» цитированные слова Мартова. Но зато т а к о е предположение выдает его с особенной наглядностью, как проповедника или защитника либеральной рабочей политики.

В нашей формуле «отсутствует момент решительного столкновения» между классами землевладельческим и буржуазным! Позвольте: в нашей формуле говорится прямо, определенно, точно о «м е л к и х р а з д о р а х» этих классов. С нашей точки зрения, раздоры между этими классами м е л к и. Крупное значение имеет столкновение н е этих классов, а других классов, о которых в «формуле» говорится далее столь же прямо и столь же определенно.

Вопрос стоит, следовательно, таким образом. Кто стоит на марксистской точке зрения, тот не может ждать избавления России от «третьеиюньского периода» ни от чего иного, как от «решительного столкновения классов». Надо уяснить себе исторический смысл «третьеиюньского периода», чтобы знать, к а к и е классы в современной России могут и должны (в смысле объективной необходимости, а не субъективного долженствования) притти в решительное столкновение. Мартов думает, видимо,—как думают и все ликвидаторы,—что решительное столкновение предстоит в России между помещным дворянством и либеральной буржуазией. (Заметим в скобках, что если в проекте платформы «Нашей Зари» и «Дела Жизни» будет высказан п р я м о этот взгляд, то ликвидаторы окажут большую услугу рабочему движению, разъяснив рабочим, в чем тут дело; если же в платформе этих литературных органов н е будет высказан прямо этот взгляд, то это будет означать, что платформа пишется для сокрытия взглядов, что платформа расходится с действительным идейным содержанием проповеди обоих журналов.)

Мы думаем — и в нашей «формуле» это сказано прямо,— что решительное столкновение между помещным землевладением старого типа и либеральной буржуазией России н е предстоит; столкновения между этими классами неизбежны, но в виде «мелких раздоров», которые н и ч е г о «н е р е ш а ю т» в судь-

бах России, никакого решительного, серьезного изменения к лучшему принести не могут *).

Столкновение действительно решительное предстоит между другими классами—столкновение на почве и в пределах буржуазного общества, т.-е. товарного производства и капитализма.

На чем основано такое мнение? И на теоретических соображениях, и на опыте 1905—1907 годов. В это трехлетие Россия пережила такое резкое столкновение классов, которое занимает одно из первых мест во всемирной истории резких столкновений между классами. И тем не менее, даже в это трехлетие, в обстановке буржуазного общества, не имевшего тогда самых элементарных условий и гарантий буржуазной свободы, столкновение между помещным землевладением и либеральной буржуазией, между этой последней и старой властью не было ни резким, ни решительным. Напротив, резки и решительны—сколько-нибудь резки и решительны—были столкновения между крестьянами и помещиками, между рабочими и капиталистами.

Чем объясняется это явление? В первую голову тем, что либеральная буржуазия связана слишком тесными экономическими нитями с помещным землевладением, их интересы слишком переплетены взаимно, так что для первой безопасным и желательным представляется лишь реформирование последнего, отнюдь не уничтожение его. Лучше самое медленное, даже незаметно-медленное реформирование, чем уничтожение,—так рассуждает подавляющее большинство либеральных буржуа,—и при

*) Из этого не следует, конечно, что либеральная буржуазия составляет вместе с помещным землевладением «одну реакционную массу», что конфликты первой со вторым не играют никакой роли в политике, что они не могут давать повода к демократическому движению, что эти конфликты позволительно игнорировать. Подобные выводы были бы доведением до абсурда правильного положения, были бы непониманием того, в каких границах верно это положение. Известно ведь, что «величайшая справедливость», доведенная до абсурда при непонимании границ и условий справедливого и несправедливого, превращается в «величайшую несправедливость»: *summum jus—summa injuria*. Напомним тот факт из истории русского марксизма, что на известном Лондонском конгрессе оценка либеральных партий в России (с кадетской партией во главе их) дана именно та, которая изложена в тексте, при чем признана необходимость «использовать в интересах политического воспитания народа деятельность этих партий» ⁶⁵).

данном экономическом и политическом положении России этот класс рассуждать иначе не может.

Далее, если взять, например, стачечное движение, то окажется, что Россия в указанное трехлетие развила его до высоты, не виданной ни в одной из самых передовых, наиболее капиталистических стран мира. Отсюда неизбежность такого рассуждения либеральной буржуазии, что лучше самое медленное, незаметно-медленное реформирование устарелых условий труда, чем решительный разрыв со старым; лучше сохранить старое, чем решительно разорвать с ним. Напротив, для крестьянства и для рабочих экономическое положение их делало невозможным подобное рассуждение: экономическое положение порождало здесь столкновения, действительно резкие, действительно решительные. Ошибочно думать, как думают народники относительно крестьянства, Троцкий—относительно рабочих, что эти столкновения выходят за пределы буржуазного общества. Но не подлежит ни малейшему сомнению, что всё старое, ветхое, добуржуазное этими столкновениями, и только ими, может быть (при известном исходе столкновений) устранено дочи́ста, уничтожено совершенно.

Русские помещики, от Пуришкевича вплоть до Долгорукого, воспитали и воспитывают нашу либеральную буржуазию в духе невиданного еще в истории сервизизма, косности, боязни перемен. Русские крестьяне—при данном экономическом и политическом положении России—представляют из себя буржуазный слой населения, из которого эпоха «столкновений», эпоха буржуазных революций (в историко-методологическом значении этого слова) воспитывает, при направляющем участии со стороны рабочих, буржуазию, не отличающуюся вышеуказанными приятными качествами. Воспитает ли? на этот вопрос ответ можно будет дать лишь тогда, когда эпоха буржуазных движений в России будет закончена. До тех же пор все прогрессивные направления политической мысли в России будут неизбежно делиться на два основных типа, смотря по тому, тяготеют ли они к гегемонии либерализма, стремящегося переделать, обновить Россию безобидным для Пуришкевичей образом, или к гегемонии рабочего класса, ведущего за собой лучшие элементы крестьянства.

Я сказал: «тяготеют», ибо сознательность в смысле понимания классовых корней той или иной политики предполагать

во всех прогрессивных направлениях не приходится. Но марксистам нельзя быть марксистами, если они не доискались этих корней, если они не поняли, что и защита особых интересов рабочего класса, и подготовка его к его будущей роли в буржуазной России неизбежно, в силу объективного соотношения общественных сил, направляются по тем же двум главным руслам: итти з а либерализмом (который идет за Пуришкевичами или рядом с ними) или вести демократические элементы вперед в о п р е к и колебаниям, переметыванию, веховству либерализма.

VI.

Мы подошли таким образом вплотную к вопросу о пресловутом «левоблокизме». Юрий Чацкий и Ф. Дан, без преувеличения можно сказать, рвут и мечут против левоблокизма; со стороны последнего из названных политиков это тем естественнее, что надо же прикрыть ему чем-нибудь свою измену делу рабочих и раскол организации рабочих весной 1907 г. в Петербурге ради блока с кадетами!⁶⁶). Но вопрос о левоблокизме есть интересный и важный принципиальный вопрос, если говорить не только и даже не столько об избирательных соглашениях (при настоящем избирательном законе «левый блок» весьма редко применялся на практике), а об общем характере и содержании всей избирательной пропаганды и агитации. «Заставлять» наиболее многочисленную в стране демократическую массу (крестьянство и родственные слои неземледельческой мелкой буржуазии) «делать выбор между кадетами и марксистами»; вести линию «совместных действий» рабочих и крестьянской демократии и против старого режима, и против колеблющейся контр-революционной либеральной буржуазии,—вот в чем основа и суть «левоблокистской» тактики, освященной и ходом событий 1905 года (рабочее и крестьянское движение), и голосованиями «трудовой» и рабочей групп в обеих первых Думах, и отношением прессы разных партий к коренным вопросам демократии, и даже позицией «крестьянской группы» Третьей Думы (при обилии правых элементов в этой группе!) по аграрному вопросу. Известно, что земельный проект 43 крестьян Третьей Думы гораздо демократичнее кадетского, либерального проекта, как признали и сами кадеты!

Несомненно, что именно в этом общепринципиальном смысле отвергают «левоблокизм» ликвидаторы. И так же несомнен-

но, что их отречение от левоблокизма есть измена делу демократии. Не было ни одного буржуазно-освободительного движения в мире, не дающего примеров и образцов «левоблокистской» тактики, при чем все победоносные моменты этих движений связаны всегда с успехами этой тактики, с направлением борьбы по этому пути вопреки колебаниям и изменам либерализма. Именно «левоблокистская тактика», именно союз городского «плебса» (=современного пролетариата) с демократическим крестьянством придавал размах и силу английской революции XVII, французской XVIII века. Об этом Маркс и Энгельс говорили много раз не только в 1848 году, но и гораздо позже. Чтобы не приводить много уже раз приводившихся цитат, напомним переписку Маркса и Лассалья в 1859 году. По поводу трагедии Лассалья «Зикинген» Маркс писал, что коллизия, проведенная в драме, «не только трагична, но она есть именно та самая трагическая коллизия, которая совершенно основательно привела к крушению революционную партию 1848 и 1849 годов». И Маркс, уже намечая в общих чертах всю линию будущих разногласий лассалеанцев и эйзенахцев, упрекал Лассалья, что он впадает в ошибку «тем, что ставит лютеровско-рыцарскую оппозицию выше плебейско-мюнцеровской».

Нас не касается здесь вопрос о том, правилен или неправилен упрек Маркса: мы думаем, что правилен, хотя Лассаль энергично защищался от этого упрека. Важно то, что ставить «лютеровско-рыцарскую» (либерально-помещичью в переводе на русский язык начала XX века) оппозицию выше «плебейско-мюнцеровской» (пролетарско-крестьянской, в таком же переводе) и Маркс и Лассаль считали явной ошибкой, считали абсолютно недопустимым для социал-демократа!

Ругаясь и бранясь по адресу левоблокистской тактики, ликвидаторы пытаются шумом слов заглушить встающий при этом коренной принципиальный вопрос об обязательности «левоблокизма» для всякой рабочей партии во всяком буржуазно-демократическом движении. Не будучи в состоянии поставить вопрос принципиально, они впадают в курьезные противоречия, сами себя побивая. Пример: тот же Л. Мартов, который как чумы боится «левого блока»,—пишет, формулируя в «основных положениях платформы» аграрную программу: «к прежнему наиболее верным, наиболее безбоязненным и наиболее выгод-

ным для культурного развития остается изъятие помещичьей земли из рук ее нынешних владельцев и передача ее народу». Нечаянно договорился—о ужас!—до национализации! Это во-первых. А во-вторых, высказав верную мысль, Мартов высказал (вопреки своему коллеге Череванину: см. его веховскую книгу о «Современном положении» в 1908 году) левоблокистскую мысль, ибо намеченная им аграрная программа есть программа левоблокистских действий и против старого режима, и против либеральных партий вроде к.-д.!! «Гони природу в дверь, она влетит в окно»!!

Аграрная программа, формулированная Л. Мартовым, такова, что на ней объединяются (фактически объединяются, т.-е. сходятся независимо от каких бы то ни было «соглашений») и рабочие, и крестьяне-трудовики с их идеологическими вождями в лице народников. Напротив, такая аграрная программа отделяет и рабочих, и крестьян-трудовиков, вместе взятых, от кадетов (и от либеральной буржуазии вообще). Если вы в добавление к этому, совершенно бесспорному политическому выводу, примете в соображение, что аграрный вопрос (вопрос о демократическом аграрном преобразовании) стоит в центре вопросов нашего освободительного движения, то вы увидите, что Мартов вынужден был формулировать «левоблокистскую» тактику по центральному вопросу нашей эпохи!

Как и почему случилось с нашим противником «левоблокизма» такое несчастье? Очень просто. Ему пришлось либо порывать прямо и ясно со старой программой—на это он не решился; он еще не «догнал» смелого (в ренегатстве) Череванина и Ларина. Либо надо было пересказать, хотя бы приблизительно верно, старую программу, а из нее «левоблокизм» вытекает неизбежно. Такова уже горькая судьба наших ликвидаторов.

VII.

Нам осталось еще указать на два важных места в статье Мартова. «Стремлением рабочей партии, — пишет он, — должно быть, при возникновении каждого такого конфликта внутри третьейюньюнской системы» (речь шла о конфликтах и трениях, разлагающих и подтачивающих эту систему) «побудить имущие

классы сделать тот или иной шаг в сторону демократизации законодательства и расширения конституционных гарантий и, что представляет для нас наибольшую самостоятельную ценность — расширения сферы нестесненной организации народных сил» (стр. 50, «Н. З.» № 7—8).

Формулировка, данная здесь Мартовым, очень удачна. Но это именно формулировка задач и линии либеральной рабочей политики. «Побудить имущие классы сделать шаг», «расширить сферу нестесненной организации труда» — эти фразы Мартова точь-в-точь повторяют в се, сколько-нибудь образованные, сколько-нибудь проникнутые «европейским» духом либеральные буржуа всего мира. Отличие либеральной рабочей политики от марксистской рабочей политики начинается т о л ь к о там и тогда, где и когда мы видим разъяснение рабочим недостаточности, неудовлетворительности, обмана приведенной сейчас либеральной формулировки. Побудить неимущие классы, сделать шаг к изменению с а м о й т о й «сферы», которую либералы обещают «расширять», к замене ее п р и н ц и п и а л ь н о иной «сферой», — вот как (приблизительно) следует определить задачи и стремления рабочей партии, если нет желания строить либеральную рабочую партию.

Как курьез, отметим, что Л. Мартов сам замечает по поводу своей формулировки в примечании к цитированному месту: «Эта формулировка, конечно, не преминет вызвать обвинения в оппортунизме и легализме во что бы то ни стало». И чем же он опровергает эти обвинения, как бы вы думали? Ссылкой на статью Н. Рожкова, — в № 171 «Обской Жизни». Из статьи этой Мартов приводит 5 строк, крайне неудачно сформулированных и невразумительных, об «открытых политических союзах». Мы не читали этой статьи. Допустим, что Рожков стоит за «открытую партию». Но при чем же это, раз речь идет о формулировке л и б е р а л ь н о й рабочей политики у М а р т о в а?? С которых пор для оправдания о д н о й своей ошибки можно сослаться на д р у г у ю ошибку д р у г о г о писателя?

Но всего рельефнее, всего лучше передает весь д у х статьи Мартова следующая тирада из заключительного абзаца в заключительном параграфе ее:

«Вся избирательная кампания должна нами вестись под знаменем борьбы пролетариата за свободу своего политического

самоопределения, борьбы за право иметь свою классовую партию и свободно развивать свою деятельность, за участие в политической жизни в качестве самостоятельной организованной силы. Этому принципу (слушайте!) должны быть подчинены как содержание избирательной агитации, так и методы избирательной тактики и организационной предвыборной работы».

Вот слова, п р а в и л ь н о выражающие «принцип», определяющий «содержание» всей избирательной агитации (и всей политики) ликвидаторов! Хорошие слова «не урезать ничего, не отказываться ни от чего», которыми Мартов утешал марксистского читателя, оказываются только словами, пустыми словами при т а к о й формулировке «принципа». Принцип-то оказывается принципом либеральной рабочей политики, вот в чем суть.

Либеральный буржуа говорит рабочим: вы вправе бороться, вам необходимо бороться за свободу с в о е г о политического самоопределения, за право иметь с в о ю классовую партию, свободно развивать свою деятельность, за у ч а с т и е в политической жизни в качестве самостоятельной организованной силы. Именно эти принципы либеральной, образованной, радикальной—если употреблять английский или французский термин—буржуазии и преподносит рабочим Мартов под названием марксизма.

Марксист говорит рабочим: чтобы действительно и успешно бороться за свободу «своего» политического самоопределения, вы должны бороться за свободу политического самоопределения всего народа, указывая ему последовательно демократические формы его государственного бытия, отвоевывая массы и неразвитые слои трудящихся из-под влияния либералов. Чтобы ваша партия действительно стояла на высоте понимания задач класса, чтобы ее деятельность была на деле классовой, а не цеховой, надо, чтобы она не только участвовала в политической жизни, но направляла—вопреки всем колебаниям либералов—политическую жизнь и самодеятельность широких слоев на арену более высокую, чем та, которую указывают либералы, на цели более существенные, более коренные. Не понимает задачи класса тот, кто отводит ему «самостоятельный» уголок «деятельности» на арене, пределы которой, форма и вид которой определяются или допускаются либералами. Задачи класса понимает лишь тот, кто направляет внимание (и сознание, и практическую ра-

боту и т. д.) на такое пересоздание самой этой арены, всей формы ее, всего вида ее, которое бы не ограничивалось нормами либерализма.

В чем разница обеих формулировок? Да именно в том, между прочим, что первая исключает идею «гегемонии» рабочего класса, а вторая нарочито определяет именно эту идею; первая есть современный, новейший вариант старого экономизма («рабочим экономическая, либералам политическая борьба»), вторая стремится вырвать в умах всякую почву и у старого экономизма, и у неоекономизма.

Теперь остается поставить заключительный вопрос: в чем разница между Левицким и Мартовым? В том, что первый — ликвидатор из молодых, нового поколения, свободный от традиций и воспоминаний о старом. С задором и прямою, собственными молодости, он говорит напрямик: «не гегемония, а классовая партия!» А Мартов «видывал виды», был некогда староискровцем, в нем перемешаны старые традиции, еще не вполне выветрившиеся *), и новое ликвидаторство, еще не вполне осмелевшее; поэтому он усердно клянется и божится: «ничего не урезывать, ни от чего не отказываться», а потом, после долгих, долгих окольных рассуждений проговаривается, что «принцип» — то всей избирательной агитации должен быть ликвидаторский.

А все дело как раз в «принципе» избирательной кампании.

*«Просвещение» № 1 и 2,
декабрь 1911 г. и январь 1912 г.
За подписью К. Тулин.*

Начало разоблачений о переговорах партии к.-д. с министрами.

Те, кто шесть и пять с половиной лет тому назад били тревогу по поводу переговоров к.-д. с министрами вообще и о министерских портфелях в особенности, не могут не испытывать теперь чувства глубокого удовлетворения⁶⁷⁾. Историческая правда берет свое и выплывает наружу иногда с такой стороны, с

*) Вернее: содержание этих традиций, идейное ядро их выветрилось уже вполне у Мартова, но слова остались, привычка к «приличной вывеске» «непримиримого Интернационала» сказывается.

которой менее всего можно бы было ожидать правды. Теперь разоблачения начаты и, несмотря на все усилия «заинтересованных» лиц (и партий) замять их, разоблачения не остановятся. С полной уверенностью можно сказать, что эти разоблачения будут подтверждать и подтвердят вполне правильность наших тогдашних нападений на кадетов.

Разоблачения начал Витте своей полемикой с Гучковым. Цель выступления Витте и характер его выступления—самые низменные; интриги худшего сорта, желание подставить ножку и пододвинуться к портфелю, вот его мотивы. Но известно, что когда два вора дерутся, то от этого всегда бывает некоторый выигрыш для честных людей, а если три вора дерутся, то выигрыш, вероятнее всего, увеличится.

В письме Витте самым существенным было, конечно, то, что он должен был волей-неволей установить некоторые факты,—открывая возможность (и вызывая необходимость) проверять эти факты опросом всех участников дела. Основные факты из письма Витте вытекают следующие:

1) На совещании с Витте участвовали Шипов, Гучков, Урусов, Е. Трубецкой и М. Стахович, т.-е. деятели партий кадетской, мирнообновленческой и октябристской.

2) «В первом заседании совещания между графом Витте (мы цитируем его письмо) и вышеупомянутыми общественными деятелями последовало принципиальное согласие по всем главным вопросам, за исключением вопроса о назначении министра внутренних дел».

3) «Граф Витте настаивал на назначении Дурново, а общественные деятели, за исключением князя Урусова, высказывались против этого назначения. Князь же Урусов убеждал своих коллег по совещанию, ввиду трудного момента и невозможности медлить, согласиться на назначение Дурново и, с своей стороны, чтобы показать пример, заявил, что готов принять пост товарища Дурново по министерству... В следующем заседании Шипов, Гучков и кн. Трубецкой заявили, что они не могут войти в министерство, где будет Дурново...»

4) Кандидатура Столыпина была выдвинута, но на ней не сошлись, одни были за, другие—против.

Спрашивается, какие поправки внес в это изложение дела Гучков? Он подтвердил, что «горячим защитником кандидатуры Дурново явился кн. Урусов, впоследствии член I Г. Думы».

Витте, по словам Гучкова, колебался и готов был один момент отказаться от Дурново, ибо в печати готовились разоблачения и громовые статьи против него. «Все описываемое происшествие, — добавлял Гучков, — имело место сейчас же после манифеста 17 октября, когда царствовала самая широкая, я бы сказал, необузданная свобода печати».

Переговоры были долгие: Гучков пишет о «томительных днях длящихся переговоров». О Столыпине, дескать, «никто не делал отрицательного отзыва, о котором пишет гр. Витте». Характеризуя тогдашнее положение вообще, Гучков говорит: «Много явилось теперь «спасателей» отечества... А где они тогда были?... Многие из них тогда еще не решились, по какую сторону баррикады встать».

Таковы существенные пункты разоблачений Витте и Гучкова; мелочи, конечно, оставляем в стороне. Историческая правда выступает наружу вполне определенно: 1) никаких серьезных различий между кадетами и октябристами в этот серьезнейший момент русской истории не было; 2) «многие» (из буржуазных деятелей, а по «тонкому» намеку Гучкова, пожалуй, и из министров) «тогда еще не решились, по какую сторону баррикады встать». Но факт тот, что собирались на совещание, и не раз, люди одной определенной «стороны баррикады». И министры, и октябристы, и кадеты в совещаниях стояли на одной стороне баррикады. Историческая правда не допускает ни сомнений, ни перетолкований: это были совещания, переговоры правительства с контр-революционной, либеральной буржуазией.

Теперь взгляните на поведение кадетов. После разоблачений Витте и Гучкова (письма того и другого напечатаны в Петербурге 26-го, в Москве 27-го сентября ст. ст.) кадеты хранят полное молчание о **своем** участии, пытаются только «дразнить» Гучкова. И «Речь» от 28 сентября и «Русские Ведомости» от того же числа именно «дразнят» Гучкова, что он-де потом был коллегой единомышленников Дурново, но ни поправок, ни опровержений насчет исторических фактов не печатают. Третий вор надеется, что за спором Витте и Гучкова его не заметят!

Тогда октябристы начинают «мстить» и Витте, и кадетам сразу. В «Голосе Москвы» от 14-го октября (две недели

разведок у октябристов, трусливого и подлого молчания у кадетов!), появляется «справка» под заглавием: «Союз графа Витте и П. Н. Дурново с кадетами». Новые разоблачения сводятся к следующему: 1) Е. Трубецкой в то время состоял членом к.-д. партии. 2) «Не желая вводить графа Витте в какое-либо заблуждение, кн. Трубецкой считал себя обязанным предупредить его, что о всех его переговорах с общественными деятелями» (понятно, что рабочих и крестьянских демократов к «общественным деятелям» ни октябристы, ни кадеты не относят: в октябре 1905 года рабочие и крестьяне были, очевидно, «деятелями» внеобщественными!) «он, кн. Трубецкой, будет поставлять в известность бюро своей партии, ежедневно собиравшееся для обсуждения текущих дел в квартире проф. Петражицкого»⁶⁸). 3) Против кандидатуры Столыпина особенно горячо восстал г. Петрункевич, находивший, «что в крайнем случае (sic!) надо посоветовать графу Витте назначить министром вн. дел скорее Дурново, чем Столыпина. Прочие деятели к.-д. партии вполне согласились с мнением Петрункевича, и князю Трубецкому было поручено передать графу Витте заключение общественных деятелей, заседавших в квартире Петражицкого». Трубецкой на следующее утро поехал к гр. Витте и в точности передал отзыв бюро к.-д. партии об обоих кандидатах.

Подтвердил ли Е. Трубецкой ссылку на него? Вполне подтвердил, назвав сообщение «Голоса Москвы» «с о в е р ш е н н о т о ч н ы м» — и корреспонденту «Нового Времени» (№ от 15-го октября) и корреспонденту «Речи» (№ от 19-го октября). «П о ж а л у й, н е г о д и т с я с л о в о «бюро», — говорил Трубецкой, — «следовало бы сказать: «руководители партии» (к.-д.); другая, столь же несущественная «поправка» Трубецкого относится к тому, что он ездил к Витте «может быть и не на другое утро, а через 2—3 дня». Наконец, корреспонденту «Речи» Трубецкой сказал:

«Следовало бы возразить на одно утверждение Гучкова. Он говорил, что общественные деятели не вступили в кабинет только из-за Дурново. Это не совсем так (не совсем так!) по отношению ко мне и, если не ошибаюсь, к Шипову. Я и Шипов выражали согласие вступить в состав кабинета при условии предварительной выработки программы, но Витте убеждал нас вступить в министерство, не ставя этого условия. В этом и заключается наше отличие от Гучкова, который, сколько помнится, такого

условия не ставил». Осторожно выражается по этому пункту г. Трубецкой: «не совсем так», «сколько помнится»!

Г. Петрункевич выступает в «Речи» 19-го октября—через три недели после начала разоблачений!! И посмотрите, как выступает.

Начинает он с длинного рассуждения (27 строк) о том, что на память полагаться нельзя, а мемуары вел один Шипов.

К чему это рассуждение? Хотите вы оглашения истины немедленно и полно? Тогда нет ничего легче, как назвать всех участников и опросить их. Если же вы не хотите оглашения истины о своей партии, то не к чему играть в прятки, ссылаясь на Шипова.

Далее, на 27-ми строках идет рассуждение о склонности октябристов к «уткам».—При чем это рассуждение, раз «Голос Москвы» назвал лицо, подтвердившее сообщение?? Г. Петрункевич, явно, стремится загроздить простой и ясный вопрос кучей литераторского и дипломатического сора. Это—прием не честный.

Следует 20 строк колкостей по адресу г. Трубецкого: «личное воспоминание»—никаких других воспоминаний, кроме личных, не бывает!—князь об этом «никому ни слова не говорил»—курсив Петрункевича, явно упрекающего этим Трубецкого за нескромность. Вместо прямого ответа на вопрос кадеты начинают упрекать друг друга за нескромность! Какой смысл может иметь подобный прием, кроме того, что он выдает досаду кадетов за разоблачения? выдает их попытки замять дело (дескать, не будьте, князь, нескромным дальше!).

После 74-х строк предисловия следует, наконец, опровержение по существу: 1) бюро к.-д. партии было в Москве и не могло поэтому собираться у Петражицкого; 2) Петражицкий «в то время не входил в состав лиц, руководивших делами партии»; 3) «некоторые члены (бюро к.-д. партии), находившиеся в Петербурге, не были уполномочены входить в какие-либо переговоры, а тем более в союзы с графом Витте, Дурново, или с кем-либо другим»; 4) «лично я (г. Петрункевич) был у Петражицкого один (курсив г. Петрункевича) раз и в этот раз действительно происходила беседа о возможности кандидатуры кн. Е. Трубецкого в министры народного просвещения, при чем все присутствующие выражали убеждение, что князь может занять предлагаемый пост лишь под условием ясной и определенной программы всего

министерства, вполне соответствующей условиям политического момента, притом министерство, которому «общество» (припомните, что понимают под «обществом» все спорящие: рабочие и крестьяне—не «общество») могло доверять. Весьма может быть, что при этом оценивались личные и политические качества различных кандидатов, в том числе Дурново и Столыпина, но ни моя память не сохранила горячей речи, убедившей всех присутствующих, ни память последних, к воспоминаниям которых я обратился.

Вот и все деловое «опровержение» г-на Петрункевича, добавляющего на 48-ми строках еще ряд колкостей по адресу Трубецкого, что-де память ему изменила, что партия к.-д. союза с Дурново не заключала «и не допустила члена своей партии кн. Трубецкого вступить в министерство, которое партия не могла поддерживать».

Ничего нового не прибавляют письма Трубецкого и Петрункевича в «Речи» от 27-го октября: первый настаивает, что именно Петрункевич «советовал предпочесть Дурново Столыпину», второй отрицает это.

Что же получается в итоге?

Г. Петрункевич заявил, что некоторые члены бюро, находившиеся в Петербурге, не были уполномочены входить в какие-либо переговоры, но факт переговоров он подтверждает против своей воли! «На совещании у Петражицкого,—пишет сам г. Петрункевич («Речь» 27/X),—мы обсуждали кандидатуру кн. Трубецкого».

Значит, переговоры были. Если «партия», как пишет тот же г. Петрункевич, «не допустила» Трубецкого, значит, переговоры велись от имени партии!

Г. Петрункевич побивает сам себя с замечательным искусством. Не было переговоров, но... но было «совещание о кандидатуре». Не было заседаний бюро партии, но... но было решение партии. Подобные жалкие увертки характеризуют людей, тщетно пытающихся спрятаться. Чего бы проще, в самом деле, как назвать всех участников совещания? как привести точное решение «бюро» или партии, или руководящих лиц? как изложить будто бы ясную, будто бы определенную программу, которой требовали (будто бы) кадеты от министерства Витте? Но в том-то и беда наших либералов, что они не могут сказать правды, что они боятся ее, что она их губит.

Вот и являются мелкие, мизерные уловки, увертки, отговорки, затрудняющие (для невнимательного, по крайней мере, читателя) уяснение великой важности исторического вопроса об отношении либералов к правительству в октябре 1905 года.

Почему правда губит кадетов? Потому, что факт переговоров, обстановка и условия их опровергают басню о «демократизме» кадетов и доказывают контр-революционность их либерализма.

Могла ли вообще демократическая на деле партия вступать в переговоры с таким человеком, как Витте, в такое время, как октябрь 1905 года. Нет, не могла; для подобных переговоров неизбежна была известная общая почва, именно общая почва контр-революционных стремлений, настроений, поползновений *). Не о чем было вести переговоры с Витте, кроме как о прекращении демократического, массового движения.

Далее. Если даже допустить на минуту, что кадеты вступали в переговоры не без демократических целей, то могла ли бы демократическая партия умолчать перед народом об этих переговорах, когда они были прерваны? Никоим образом не могла. Тут-то и проявляется различие между контр-революционным либерализмом и незаслуживающим подобной характеристики демократизмом. Либерал хочет расширения свободы, но так, чтобы демократия от этого не усилилась, чтобы переговоры и сближение со старой властью продолжались, укреплялись, упрочивались; поэтому либерал не может после разрыва переговоров публиковать об них, ибо этим он затруднит возобновление переговоров, «выдаст себя» демократии, порвет с властью, а именно с ней-то либерал рвать и не в состоянии. Напротив, демократ, если бы он попал в положение переговаривающегося с Витте и увидел бы тщету переговоров, тотчас опубликовал бы их, ославив этим господ Витте, разоблачив их игру, вызвав дальнейшее движение демократии вперед.

Обратите также внимание на вопрос о программе министерства и о составе его. О втором говорят все участники и говорят

*) См. прекрасное выяснение этой общей почвы на основании статей самого г. Милюкова («Год борьбы») в статье Ю. К.: «Из истории русского либерализма» в сборнике «Зарницы», Спб. 1907 г. ⁶⁹). «Отставка г-ра Витте равносильна потере последнего шанса сговориться», писал г. Милюков 18 апреля 1906 года, признавая тем самым вполне ясно и определенно, что сговоры были и были шансы, был смысл в повторении попыток к сговору.

точно и ясно: портфели такие-то предлагались такому-то. О п е р в о м же, т.-е. о программе н и е д и н о г о ясного и точного слова! Каковы бы ли претенденты на портфели, это и Трубецкой, и Петрункевич хорошо помнят и говорят. Какова была «программа», н и о д и н из них н е г о в о р и т!! Что же это, случайность? Конечно нет. Это—результат того (и несомненное доказательство того), что «программы» стояли у господ либералов на девятом месте, были пустой вывеской, «словесностью»—на деле никакой иной программы, кроме укрепления власти и ослабления демократии, Витте иметь не мог, и при любых обещаниях, посулах и заявлениях он в е л бы только такую политику,—«живым» же делом было для них распределение портфелей. Только поэтому мог, например, Витте с о в с е м забыть о программе (по словам Витте, было даже полное принципиальное согласие!), а вот о том, кто лучше (или кто хуже?), Дурново или Столыпин, об этом споре все помнят, все говорят, все приводят ссылки то на речи, то на аргументы того или иного лица.

Шила в мешке не утаишь. Историческая правда даже из умышленно подкрашиваемых рассказов трех—четырех лиц выступает с достаточной определенностью.

Вся либеральная бужуазия России, от Гучкова до Миллюкова,—который, несомненно, политически ответственен за Трубецкого,—повернула сейчас же после 17-го октября *от* демократии к Витте. И это не случайность, не измена отдельных лиц, а переход к л а с с а на соответствующую его экономическим интересам контр-революционную позицию. Только стоя на этой позиции могли кадеты переговариваться с Витте через Трубецкого в 1905 году, с Треповым через Муромцева—в 1906 и т. д. Не поняв отличия контр-революционного либерализма от демократии, нельзя ничего понять ни в истории этой последней, ни в ее задачах.

«Просвещение» № 1.

декабрь 1911 г.

За подписью П.

Три запроса.

Стенографические отчеты Г. Думы—даже III Думы—представляют из себя замечательно интересный и поучительный политический материал. Не будет преувеличением сказать, что при-

ложение к бутербродной газете «Россия» ценнее всех либеральных газет. Ибо либеральные газеты прикрашивают либералов, притупляют острые углы в постановке вопросов «правыми», с одной стороны, и представителями действительных масс населения—с другой, вносят всегда и неизменно фальшь в оценку с у т и нашей «внутренней политики». А именно в п о с т а н о в к е соответствующих вопросов, именно в оценке с у т и дела и заключается центр тяжести всех социально-экономических и политических задач современности.

Попытаемся пояснить сказанное, насколько возможно, на прениях к трем запросам: об охране, о голоде, о «временном» полсжении 1881 года.

Первое заседание текущей сессии Думы открылось речью председателя-октябриста о Столыпине. Интересно было тут то, что, по словам вождя октябристов, «неусыпной заботой его (Столыпина) было неуклонное, хотя и осторожное, осмотнительное движение вперед по пути развития политической и общественной жизни России». Не правда ли, хорошо? Столыпин в качестве «прогрессиста»! Почему и н о г о «прогресса», кроме настоящего, данного,—не удовлетворяющего даже октябристов,—не может быть при всей той системе управления, при том государственном устройстве, при сохранении того класса, политику которого проводил Столыпин, на этом, вероятно, останавливалась мысль не одного демократического читателя родзянковской речи. К сожалению, никто из тех думских депутатов, присутствовавших при произнесении этой речи *) и причислявших себя к демократии, не пожелал остановиться на разъяснении к л а с с о в ы х корней Столыпинской формы «прогресса».

А повод для этого был удобный при прениях об охране. «Столыпин верил достопочтешному А. И. Гучкову,—гремел

*) Из речи Маркова 2-го мы узнаем, что рабочие депутаты не присутствовали. «Вы.—обращаясь к ним, сказал Марков 2-й,—эксроленно выразили свое отношение... когда пустовали ваши скамьи сейчас... Вы ушли... Я за это вас, если не уважаю, то понимаю». Марков 2-й ведет себя в Думе очень часто совершенно по-хулигански. Но в приведенных его словах, как и в очень многих заявлениях его коллег, видна прямая постанова вопроса с точки зрения определенного класса. Эта прямога сплошь да рядом во сто раз полезнее для развития политического сознания масс, чем избитые фразы либералов, претендующих на «надклассовую» повиацию.

Марков 2-й,—и его не менее достопочтенным друзьям из середины Думы. Он был наказан смертью за свою доверчивость. Успокоение, которое нам пришлось пережить, это есть успокоение могилы. Другого успокоения нет (голоса слева: правильно). Есть подъем революции... Нет успокоения, а грядет революция. С революцией надо биться, биться грудью, лоб о лоб (смех слева), нужно вешать этих негодяев, изуверов и мерзавцев. Вот что я имею сказать против спешности этого запроса».

Такова была постановка вопроса у представителя помещиков.

После Маркова 2-го говорил—уже по существу запроса—Родичев. Он говорил, как всегда, красно. Но постановка вопроса у этого красноречивого либерала до невероятия убогая. Либеральные фразы, фразы и больше ничего. «Когда центральный комитет (октябристов),—воскликнул г. Родичев,—заявляет по отношению к оппозиции, что она стремится к убийству своих политических противников, это есть постыдная ложь. И эту ложь я вам готов простить, если вы поклянетесь покончить с той змеей, которая овладела русской властью, покончить с шпионкратией» (стр. 23 стеногр. отч. «России», и на стр. 24 еще раз, тоже с «клятвой»).

Эффектно, «ужас, как эффектно!» Родичев готов простить октябристов, если они «поклонятся» покончить! Полноте врать, г. говорун: не только октябристы, но и вы, кадеты, сколько бы ни «клялись»,—п о к о н ч и т ь ни с каким серьезным злом не можете. Фразами о «клятвах» по такому серьезному вопросу вы з а т е м н я е т е политическое сознание масс вместо того, чтобы просветлять его, вы з а с о р я е т е головы шумихой слов вместо того, чтобы объяснять спокойно, просто, ясно излагать, п о ч е м у эта «змея» овладела, могла овладеть, должна была овладеть данной властью.

Не объясняя этого, боясь просто и прямо взглянуть на корень и на суть вопроса, г. Родичев отличается от октябристов именно не постановкой вопроса, отличается от них не принципиально, а только размахом красноречия. Он стоит, если посмотреть чуточку повнимательнее на его речь, если подумать над ней хоть слегка,—он стоит в сущности, на точке зрения октябристов: т о л ь к о поэтому он и может обещать им «прощение», если они «поклонятся». Все эти прощения, все эти клятвы—одна сплошная комедия, которую играют боящиеся сколько-нибудь последова-

тельной демократии либералы. Отсюда та постановка вопроса, которую мы видим у Родичева в словах о «пропорции», в защите Лопухина и т. д. Отличия по существу в позициях октябристов и либералов и е т.

Напротив, вдумайтесь в речь Покровского 2-го. Он начинает с указания на то, что запрос его и его коллег «по существу совершенно отличен» от запроса октябристов. И хотя в запросе Покровского 2-го и его коллег есть не совсем удачные места, но это отличие по существу было отмечено правильно. «Нас беспокоит не то,—говорил Покровский 2-й,—что охрана губительна для правительства, что беспокоит вас; нас беспокоит то, что охрана, которая культивируется правительством при вашем содействии, что эта охрана несет гибель стране...»

И Покровский 2-й старается о б ъ я с н и т ь—не декламировать, а объяснить,—почему нужна власти охрана, каковы классовые корни подобного учреждения (классовые корни «клятвами» и «прощениями» не затрагиваются). «Правительство,—говорил Покровский 2-й,—ставшее совершенно чуждым обществу, оно, не имевшее в обществе никакой опоры, так как оно стало врагом демократии, оно имело в самом себе только жалкие остатки из вымершего класса дворянства, оно д о л ж н о б ы л о (курсив наш) окопаться, отделиться и изолироваться от общества—и вот оно создало охрану... И вот, по мере роста широкого общественного движения, по мере того, как все широкие слои демократии захватываются этим движением, растет значение и влияние охраны».

Покровский 2-й видимо сам чувствовал, что слово «общество» тут не точно, и потому стал заменять его в е р н ы м словом: демократия. Во всяком случае он дал—и в этом его громадная заслуга—попытку о б ъ я с н е н и я сущности охраны, к уяснению ее классовых корней, ее связи со в с е м государственным устройством.

Если даже оставить в стороне необузданное и безвкусное фразерство г. Родичева, неужели не очевидно, что постановка вопроса у Покровского 2-го и у Гегечкори, как небо от земли, отличается от постановки вопроса у Родичевых? А, между тем, в постановке вопроса рабочими депутатами существенным было последовательное применение демократизма, только демократизма. Выяснение глубокой разницы между демократизмом настоящим и кадетским либерализмом (либерализмом «общества»),

всуде приемлющим имя демократии, есть одна из важнейших задач в III Думе вообще, после периода 1906—1911 г.г. в частности, перед выборами в IV Думу в особенности.

Перейдем к второму запросу, о голоде. Первым говорил г. Дзюбинский и говорил из рук вон плохо. Не то, чтобы у него не было верных фактов,—нет, он подобрал факты, безусловно верные, и просто, ясно, правдиво изложил их. Не то, чтобы у него не было сочувствия к голодающим,—нет, такое сочувствие у него несомненно есть. Не то, чтобы он упустил из виду критику правительства,—он критиковал его все время. Но он говорил, не как демократ, а как либеральный чиновник, и в этом коренной грех его речи, в этом коренной грех всей позиции «интеллигентов» трудовой группы, еще яснее выступающий, например, из протоколов Первой и Второй Думы. Дзюбинский отличался от кадетов только тем, что у него не было контр-революционных ноток, которые всякий внимательный человек всегда заметит у кадетов; по своей постановке вопроса дальше точки зрения либерального чиновника Дзюбинский не пошел. Поэтому его речь так бесконечно слаба, так убийственно скучна, так убога—особенно по сравнению с речью его коллеги по партии,—крестьянина Петрова 3-го, в котором чувствуется (как и во всех почти крестьянинах-трудовиках и Первой и Второй Думы) настоящий, нутренний, «почвенный» демократ.

Посмотрите, как начинает г. Дзюбинский. Говоря о голоде, он во главу угла ставит... что бы вы думали?.. продовольственный устав «временных правил 12 июля 1900 года»!! Вы почувствуете сразу, что этот человек, этот политический деятель самые живые впечатления о голоде почерпнул не из личного опыта, не из наблюдения над жизнью масс, не из ясного представления об этой жизни, а из учебника полицейского права, при чем, разумеется, он взял новейший и лучший учебник самого либерального, самого что ни на есть либерального профессора.

Г. Дзюбинский критикует правила 12 июля 1900 года. Посмотрите, как он критикует: «почти со времени издания правил 12 июля 1900 года они были признаны и самим правительством, и самим обществом неудовлетворительными...» Самим правительством признаны неудовлетворительными—значит, задача демократии исправлять правила 12 июля 1900 года, чтобы их могло само правительство «признать удовлетворитель-

ными!» Так и переносишься мысленно в обстановку российского провинциального присутственного места. Воздух затхлый. Пахнет канцелярией. Присутствуют губернатор, прокурор, жандармский полковник, неперенный член, два либеральных земца. Либеральный земец доказывает, что надо возбудить ходатайство об исправлении правил 12 июля 1900 года, ибо они «признаны самим правительством неудовлетворительными»... Помилосердствуйте, г. Дзюбинский! К чему же нам, демократии, нужна Дума, если мы и в нее будем переносить язык и манеру, образ «политического» мышления и постановку вопросов, которые были извинительны (если были извинительны) 30 лет тому назад в провинциальной канцелярии, в уютном мещанском «гнездышке»—кабинете либерального инженера, адвоката, профессора, земца? Для этого не нужно никакой Думы!

Пословица говорит: «скажи мне, с кем ты знаком, и я тебе скажу, кто ты такой». Когда читаешь стенографические отчеты Думы, то хочется переделать эту поговорку по адресу того или иного депутата следующим образом: «покажи мне, с кем ты говоришь, когда ты выходишь на трибуну Г. Думы, и я тебе скажу, кто ты такой».

Г. Родичев, например, говорит всегда, как и все кадеты, с правительством и с октябристами. Г. Родичев, как и все кадеты, приглашает их «поклониться» и под этим условием соглашается их «простить». В сущности, эта гениальная родичевская фраза—(нечаянно до правды договорился!)—великолепно передает весь дух кадетской политической позиции вообще, во всех Думах, во всех важнейших выступлениях к.-д. партии и в парламенте, и в печати, и в передней у министра. «Ложь я вам готов простить, если вы поклянетесь покончить с той змеей, которая овладела русской властью»,—эти слова следует выгравировать на памятнике, который пора уже поставить г. Родичеву.

Но г. Дзюбинский—не кадет; он не принадлежит к числу тех политически безграмотных людей, которые считают кадетов демократической партией; он называет себя трудовиком, народником. И у него настолько нет демократического чутья, что он, входя на трибуну Г. Думы, продолжает говорить с чиновниками. У него настолько нет чутья, что он адресуется—а это возможно в России именно из Думы и пока-что едва ли не только из Думы—не к миллионам крестьян, которые голодают, а к сотням чиновников, знающих про правила 12 июля 1900 года.

«Правила 12 июля,—говорит г. Дзюбинский,—имели чисто политическое значение; они имели в виду устранить земские общественные организации и передать это дело продовольственной помощи населению, передать его всецело в руки правительства».

«Правила 12 июля имели чисто политическое значение»... Что это за язык? Какой ветхой стариной отдает от него! Лет 25—30 тому назад, в проклятой памяти 80-е годы прошлого века, «Русские Ведомости» писали именно таким языком, критикуя с земской точки зрения правительство. Проснитесь, г. Дзюбинский! Вы проспали первое десятилетие XX века. За то время что вы изволили почивать, старая Россия умерла, родилась новая Россия. Н е л ь з я говорить с этой новой Россией таким языком, что в упрек правительству ставится «чисто политическое» значение его правил. Это—язык гораздо более реакционный, при всей его благонамеренности, чинности и аккуратной благожелательности, чем язык реакционеров в III Думе. Это—язык такого народа—или такого отпуганного от всякой политики провинциального чиновника—который считает «политику» чем-то вроде наводнения и мечтает о продовольственной кампании «без политики». С современной Россией можно говорить, только апеллируя от одной политики к другой политике, от политики одного класса к политике другого класса или других классов, от одного политического устройства к другому: это—азбука не только демократизма, но даже самого узкого либерализма, если брать серьезное значение этих политических терминов.

Вся речь Дзюбинского проникнута тем же духом, что ее начало. Он говорит о циркулярах насчет взимания податей, о податном винте, о льготных тарифах для косарей и ходоков, о том, что семена получают позже посевов, о выдаче ссуд под корову—ибо правительству нужнее прокормление скота, чем прокормление людей,—о том, что крестьяне предпочитают занять 75.000 р. из 12% в частном банке, чем в о л о к и т у беспроцентного займа 70.000 р. у казны, он приводит в заключение поучительнейшие письма с мест, рисующие нужду ужасных размеров. Но во всей этой благонамереннейшей речи нет ни искорки демократического чувства, ни капли понимания задач демократической «п о л и т и к и». Из речи вытекает несомненно,—и это хотел доказать благонамеренный г. Дзюбинский,—что наши порядки гнилы, но горестно то, что оратор даже не замечает, как из его

речи «следует» в то же время гнилая мораль гнилого либерального чиновника.

Через оратора после Дзюбинского говорил граф Толстой, депутат от Уфимской губернии, очень далекий от трудовичества, но говорил он точь-в-точь подобно Дзюбинскому: «из-за каких-то политических соображений, которыми руководствуется правительство, систематически устраняя земство от участия в продовольственном деле, от этого страдает громадная часть простого народа»... Речи Дзюбинского и гр. Толстого могли быть сказаны и двадцать, и пятьдесят лет тому назад. В этих речах еще живет старая, к счастью уже умершая, Россия, в которой не было классов, сознавших или начавших сознавать различие «политики» различных элементов населения, научившихся или начавших учиться бороться открыто и прямо за свои противоположные интересы, Россия «простого народа» внизу и либерального земца при нелиберальном в большинстве случаев чиновнике—вверху. И «простой народ», и либеральный земец пуще огня боялись тогда «каких-то политических соображений».

Переверните пару страниц стенографического отчета. Перед вами речи, которые не могли быть сказаны в России ни пятьдесят, ни двадцать, ни даже семь лет тому назад, если взять эти речи в их совокупности. Дуэль Маркова 2-го и Петрова 3-го—люди с номерами, как нарочно, чтобы показать, что перед нами типичные представители соответствующих классов, такие, каких много. Марков 2-й нападает по-старому, Петров 3-й обороняется и переходит от обороны к наступлению не по-старому.

Марков 2-й: «...Голословные и совершенно не вызванные фактическим положением дела нападки объясняются, конечно..., тем, что, что бы ни делало правительство русское, необходимо наш народ бунтовать...» «в западных губерниях... люди трудятся на земле и делают то, чего у вас на Волге не хотят делать»—(к кому обращается оратор со словами: «у вас на Волге», не совсем ясно, ибо раньше него говорил лишь трудовик Кропотков из Вятской губернии; очевидно, «у вас на Волге»,—это сказано *не* про думских депутатов, *не* про то, что есть или было в Думе, а про нечто другое,—«ибо на Волге слишком много лодырей, и это надо помнить... Мы знаем, что у вас много среди голодающих тех, кого действительно надо заставить поголодать, дабы он работал, а не бездельничал».

Петров 3-й, хотя он не с Волги, а от Пермской губернии, отвечает: «Опять напоминаю, господа, если Марков 2-й не лодырь, то он должен вспомнить 1905 и 1906 голы, после которых господа помещики получили миллионныз пособия из государственного казначейства. Что это значит? Прежде об этом должны вспомнить, а бросать вызов крестьянам вы не имели на то права».

Марков 2-й (с места): «Потише, любезный».

— Как грубо ведут себя эти «вторые» и «гретьи», не правда ли?

Какая разнузданность—по сравнению с тем чинным, достойным, государственным языком, которым Дюблинские доказывали предводителям дворянства несовершенство продовольственных правил 1850... то бишь 1900 года! — Точно из приличного кабинета приличного «общественного деятеля» мы попали куда-то на площадь, на улицу, в толкотню, суматоху. Какое неприличие, какое беспокойство! Но мы увидим сейчас, как водворил «порядок»—не подумайте: председатель, нет—приличный общественный деятель, член конституционно-демократической партии г. Шлигарев. Но спачала покончим с современной картинкой нравов.

Петров 3-й: «...Говорят, что если вы отпустите средства на продовольствие, то они их спесут в кабак. Господа, это неправильно. От кого зависит предупредить это? Ведь в настоящее время население многих губерний просит убрать кабаки, а их не убирают. Может быть, да, известную часть пропивает население. Но надо Маркову 2-му и другим посмотреть на себя, на сколько вы, господа дворяне, пропиваете? Может быть, если мы разложим на единицы, то получится, что вы пропиваете куда как больше, чем крестьяне... Пока та земля, которая должна принадлежать крестьянам, находится в руках таких Марковых, Пуришкевичей и компании, само собой, голодовки непрерывно будут продолжаться. А эти господа будут говорить, что голодовки оттого, что крестьяне лодыри.

Марков 2-й (с места): Наши не голодают.

Петров 3-й. Я думаю, господа, коренной вопрос, как уничтожить всякие голодовки, именно заключается в том, чтобы взять землю из рук тех, которые ее не возделывают, этих господ «не лодырьей», и передать тем, которые ее возделывают, и до тех пор, пока вы не передадите,—я это знаю наверно,—крестьянское население будет голодать. Само собой ясно, что та война, которая была в 1905 году, она неизбежна, к этому ведете вы, потому что голодный человек, он, что зверь, в этом отношении вы сызываете

население на то, чтобы оно создало революцию и силой вырвало то, что ему принадлежит по праву».

Если бы председатель III Думы был Муромцев, он, наверное бы, оборвал оратора: в Первой Думе он сбрыкивал за такие неуместные речи. За отсутствием Муромцева «порядок» водворил следующий оратор Шингарев. Маркова 2-го он прямо пристыдил за «балаганные ноты», а Петрову 3-му преподал урок, как следует полемизировать с Марковым. Товарищ Маркова по фракции, Вишневецкий, — сказал г. Шингарев, — «говорил искренно» и говорил за принятие запроса. Он Шингарев «надеется, что правительство будет умнее, чем речь депутата Маркова... долг русского народного представителя сказать таким господам: стыдно вам».

Родичев и Шингарев окончательно пристыдили Маркова, а Шингарев своей образцовой полемикой с Марковым уничтожил совсем «третьего».

Последний из запросов, которым посвящены настоящие заметки, был запрос о «временных» правилах 14 августа 1881 года, т.е. о знаменитом Положении об охране, возобновляемом неуклонно в течение тридцати лет и представляющем из себя фактическую российскую конституцию. Главные речи по этому запросу произнесли Тесленко и Миллюков, при чем заключительным эпизодом явилось «исключение Эллинека»⁷⁰⁾, т.е. исключение на 15 заседаний Тесленко за цитату из Эллинека, несмотря на заявление Тесленко, что его слова «были чужды того смысла, который, очевидно, хотят придать теперь те, кто желает голосовать за исключение».

Но входя подробнее в оценку этого интересного эпизода отметим только, что даже по этому — политически столь простому и ясному — вопросу о положении 14 августа 1881 года лидер партии к.-д. г. Миллюков сумел проявить во всем «блеске» специфически кадетскую узорность и фальшь постановки вопроса. «Господа — восклицал Миллюков, — нет вопроса более ягучего, чем тот вопрос, который мы поставили, ибо это есть основное, коренное противоречие русской жизни (можно ли назвать противоречие между бумагой и русской жизнью противоречием русской жизни?), это есть противоречие между существующей формой государственного строя и приемами государственного управления...»

Неправда, г. Милюков. Именно положение 14-го августа 1881 года, именно его тридцатилетний юбилей, именно его «своеобразная» «юридическая природа» доказывает, что между «существующей формой государственного строя» и приемами управления есть п о л н е й ш е е соответствие, а вовсе не «противоречие». Усматривая тут противоречие, пытаюсь конструировать пропасть между «строем» и «управлением», г. Милюков тем самым низводит свою критику зла с уровня демократической борьбы до уровня либеральных благопожеланий. Создавая на словах, фиктивно, пропасть между тем, что в жизни н е р а з р ы в н о связано, Милюков именно этим поддерживает юридические и государственно-правовые фикции, о б л и ч а ю щ и е оправдание зла, затемняющие его действительные корни. Милюков именно этим становится н а п о ч в у о к т я б р и з м а, который тоже зла не отрицает, но старается устранить ф о р м а л ь н ы е противоречия, не устраняя р е а л ь н о г о всевластия бюрократии снизу до верху и сверху до низу.

Как настоящий кадет, Милюков не только не замечает того, что он безнадежно запутался, как «демократ», что он рассуждает по-октябристски,—мало того, он даже г о р д и т с я своей «государственной» постановкой вопроса. Немедленно вслед за приведенными словами его речи читаем:

«...Противоречие это, господа, настолько очевидно, что даже из вашей среды (г. Милюков разговаривает, конечно, только с «руководящей партией III Думы», с октябристами) не раз довольно часто на него указывали, но очень редко доходили до существа, до того корня, до той первопричины, о которой мы говорим сегодня. Обыкновенно, к чему вы сводили этот вопрос о противоречии строя и управления? Вы ссылались на то, что нравы администрации нельзя уничтожить сразу...» (правильная ссылка,—если... если не устранить всей «администрации», на что не идут и кадеты) «...вы ссылались на то, что местная администрация не слушается центральных указаний, указаний из центра, самое большее, на что вы решались, это—вы обвиняли центр в том, что он не дает надлежащих указаний. Всегда вы ставили вопрос об этом, как вопрос факта; мы ставим, как вопрос права».

Вы побиваете себя великолепно, г. Милюков! Октябристы п р а в ы, вполне и всецело правы, когда они указывают на тесную, неразрывную, теснейшую, неразрывнейшую связь центра с местной администрацией. Отсюда надо делать вывод демократический, ибо отри-

цать эту связь—после всего, что знает Россия о Толмачеве, Думбадзе, Рейнботе, Илиодоре, убийцах Герценштейна и т. д.—было бы смешно. А вы делаете отсюда наивный вывод в своей полсвинчатости «вопрос права». Кто же будет определять размеры этого права? Как вы достигнете здесь «соглашения»? Что такое политическое право, как не формулировка, регистрация отношений силы? Вы списываете свои определения права из западноевропейских учебников, записавших то, что явилось в результате целого периода долгих битв на Западе, в результате установившегося (впредь до принципиально иных движений рабочего класса) отношения силы между разными элементами западной буржуазии, западного крестьянства, западных помещиков-феодалов, власти и т. д. В России этот период только еще начался, вопрос стоит у нас—такова данная историческая обстановка—именно как вопрос «факта», а вы пытаетесь назад от прямой и ясной постановки, прячете голову под крыло, одеваете себе шапку-невидимку из фикций «права». Вы стоите на точке зрения либерального чиновника, а не на точке зрения демократа.

*«Просвещение» № 1,
декабрь 1911 г.
За подписью Петербуржцев.*

Избирательная кампания в IV Государственную Думу.

II. Роль рабочих выборщиков в избирательной кампании.

Избирательная кампания по выборам в IV Думу открыта. Открыло ее правительство своими циркулярами насчет содействия «национальной» партии, своими «мероприятиями» насчет цензов для правительственных кандидатов и насчет устранения кандидатов оппозиции вообще и демократии в особенности.

Открыла избирательную кампанию и оппозиционная печать. Открыла эту кампанию и кадетская партия своими решениями насчет блока с «левыми» октябристами.

Рабочей демократии следует поэтому немедленно уделить величайшее внимание вопросу о выборах и заранее, не откладывая дела ни на неделю, систематически обсудить свою тактику, за-

ранее подготовить всех и всяческих сторонников демократии к выполнению их важной и ответственной роли.

В настоящей статье мы намерены остановиться на вопросе о роли рабочих выборщиков. Разумеется, на первый план выдвигается и здесь, как и всегда, содержание работы, т.-е. идейно-политическая линия кампании. Просвещение и организация рабочего класса, сплочение его в самостоятельную партию, солидарную с западно-европейскими, выяснение ему его исторических целей преобразования коренных условий товарного хозяйства и капитализма, неуклонное отграничение его партии от в с е х направлений буржуазной демократии, хотя бы «левых», народнических и т. д.—такова основная задача.

Эта основная задача одинакова для рабочей демократии всех стран. И именно поэтому применение ее к современной эпохе в одной из стран, в России, требует учета—в о и м я этой общей задачи—особых, конкретных задач нашего времени. Из области этих задач русской рабочей демократии выдвигаются сейчас—в силу объективных условий—на первый план две неразрывно между собой связанные задачи. Эти задачи следующие: во-первых, ясное сознание связи ликвидаторского течения (представленного, как известно, журналами «Наша Заря» и «Дело Жизни») с широко распространенным буржуазным контр-революционным течением, «веховством». Ясное сознание вреда от буржуазного влияния на пролетариат необходимо для преодоления этого влияния и для решения тех очередных, ближайших целей, касающихся самого с у щ е с т в о в а н и я рабочей демократии, которые о т р и ц а ю т с я ликвидаторами. Во-вторых, это—задача организации левой демократии, при ясной размежке демократии (буржуазной) от буржуазного либерализма. Без этого неосуществима гегемония рабочей демократии—одно из необходимых условий всякого шага вперед на пути освободительного движения вообще.

Смещение либерализма (партия кадетов) с демократией (групповики, «пародники» левого толка) принципиально в корне фальшиво и на практике ведет к измене интересам демократии. На рабочих выборщиков ложится задача отстаивать правильное понимание освободительного движения, разъяснять классовую сущность партий (не давая себя обманывать «вывескам», громким словам и эффектным названиям), ясно разделять п р а в ы х (от черной сотни до октябристов), б у р ж у а з н ы х л и б е р а л о в (кадеты и все, иже с ними) и д е м о к р а т и ю (буржуазные демокра-

ты суть трудовики и родственные им течения; затем марксисты представляют демократию пролетарскую).

Рабочие выборщики, в системе выборов по закону 3 июня 1907 года, играют особенную роль в губернских избирательных собраниях. Добиться того, чтобы в с е эти выборщики были верными, надежными представителями рабочей демократии.—такова ближайшая практическая задача.

По шести губерниям, как известно, из состава рабочих выборщиков обеспечено по одному депутату в Думу. Губернии эти: Петербургская, Московская, Владимирская, Екатеринославская, Костромская и Харьковская. Но выбор депутата производится в с е м составом губернского избирательного собрания, т.-е. почти всегда п р а в ы м и выборщиками, землевладельцами и крупными буржуа, октябристами. Чтобы обеспечить рабочих демократов в депутаты Думы, надо добиться, чтобы все без исключения рабочие выборщики принадлежали к рабочей демократии и твердо стояли на одном определенном кандидате из своей среды. Достаточно одного «перебежчика» или одного либерального, «правого» выборщика, чтобы октябристы провели именно его, вопреки большинству рабочих выборщиков!

Но рабочие выборщики имеются в составе губернских избирательных собраний не только по этим шести губерниям. Всего имеются 112 рабочих выборщиков в 44 губерниях (из 53 губерний).

Какова роль этих выборщиков? Во-первых, они должны всегда вести идейную линию, организуя демократию (в особенности крестьянскую), высвобождая ее из-под влияния либералов. Поприще деятельности тут крайне важное. Во-вторых, рабочие выборщики могут (и должны стремиться к этому) пройти в Думу при разделении голосов правых и либералов.

Поясним эту последнюю задачу примером. От Вятской губернии в III Думе два депутата социал-демократа: Астраханцев и Путятин. Между тем в Вятской губернии, по закону, депутата от рабочей курии нет. Выборщиков в Вятском губернском избирательном собрании 109, из них 4 от рабочих. Каким же образом ч е т в е р о рабочих (из 109) провели д в о и х в Думу? Вероятно, голоса в губернском избирательном собрании разделились, и либералы не могли победить правых без помощи рабочих. Вынужденные блокироваться с рабочими, либералы должны были поделиться с рабочими местами, и они провели в Думу двух социал-демократов. Состав депутатов Думы от Вятской губернии получился такой:

1 прогрессист, 3 кадет, 2 трудовика, 4 либерала и 4 демократа. В этой губернии рабочие могли бы завоевать себе и три места, если бы удалось отделить демократических выборщиков от либеральных при условии большинства первых над вторыми. Допустим, что из 109 выборщиков 54 правых (50 из 53 выборщиков от землевладельцев и 4 из 17 выборщиков от 1-го съезда городских избирателей). Допустим далее, что из остальных 55—либералов 20 (трое землевладельцев, 13 перворазрядных горожан и 4 горожан второразрядных); демократов 35 (23 крестьянских выборщика, 8 второразрядных горожан и 4 рабочих). При таких условиях демократы должны бы получить 5 мест из 8, и рабочие могли бы добиться себе трех мест при доверии к ним крестьянской демократии.

В Уфимской губернии все депутатские места захвачены либералами (относя сюда и мусульман). Демократов ни одного. Между тем трое рабочих выборщиков Уфимской губернии, при 30 выборщиках от крестьян, несомненно, могли бы, при большем умении организовывать демократию, отвоевать места и трудовикам, и себе.

От Пермской губернии в III Думе 6 либералов и 3 демократа, из них только один социал-демократ. Между тем число крестьянских выборщиков здесь 26—из них л и б е р а л а м и, которые имели большинство в губернском избирательном собрании, выбран трудовик, значит крестьянскую курию можно считать сплошь трудовической (будь хоть один из крестьян перебежчиком от демократов к либералам, либералы выбрали бы перебежчика!). То же относится ко второразрядной курии (13 выборщиков), ибо от нее тоже выбран л и б е р а л а м и трудовик. Итого, значит, число демократов среди выборщиков можно принять в $26 + 13 + 5$ рабочих = 44. Всего выборщиков 120, в том числе 59 от землевладельцев и 17 от перворазрядных горожан. Если даже все, кроме демократов, либералы, то их число = 76, т.-е. менее двух третей. Вероятнее, конечно, что часть выборщиков были правые. Значит, либералы захватили две трети мест в Думе, не имея двух третей выборщиков. Отсюда вытекает неизбежный вывод, что демократия, будь она сознательнее и лучше организована (а об этом надо позаботиться в первую голову рабочим!), не дала бы себя в обиду либералам. Социал-демократ Егоров выбран от Пермской губернии общим съездом выборщиков, т.-е. либералами, значит либералы н у ж д а л и с ь в помощи рабочих, и рабочие делали прямую ошибку, нарушали прямо интересы демократии, оказывая эту

помощь без того, чтобы добиться пропорциональной доли депутатских мест для демократии.

Мы приводим эти расчеты, подчеркивая их примерное, пояснительное значение, ибо точных данных о партийном составе выборщиков вообще и выборщиков каждой курии в отдельности у нас не имеется. В действительности дело обстоит сложнее, пестрее, чем рисуется по нашим примерным данным. Но рабочие должны усвоить себе основные соотношения сил в нашей «хитрой механике» третьиуньских выборов, а, усвоив главное, они сумеют разобраться и в частности.

Две курии, наиболее демократические (после рабочей курии, конечно, которая может и должна быть сплошь марксистской, сплошь антиликвидаторской), это — курия крестьянская и второразрядная, городская. Из них первая более демократична, чем вторая, — несмотря на неизмеримо большее отсутствие свободы выборов в деревне, неизмеримо худшие условия агитации и организации у крестьян, по сравнению с горожанами.

В самом деле, особые депутаты от II съезда городских избирателей выбраны в III Думу от 28 губерний. Выбрано 16 правых, 10 либералов и 2 демократа (Розанов от Саратовской губернии и Петров 3-й от Пермской). Особые депутаты от крестьян имеются по всем 53 губерниям: выбрано 23 правых, 17 либералов, 5 демократов и 8 беспартийных. Деля беспартийных поровну между правыми и оппозицией, получаем следующие сравнительные данные:

Депутатов III Думы:	От второразрядной городской курии:	От крестьян- ской курии:
правых	16	27
оппозиции	12 = 43%	26 = 49%

От второразрядной городской курии прошло 43 процента депутатов оппозиции, а от крестьянской — 49 процентов. Если принять во внимание, что крестьянские депутаты III Думы внесли, как известно, аграрный законопроект, который, по содержанию своему, демократичнее кадетского, при чем подписались под этим законопроектом и беспартийные и правые крестьяне, то станет ясно, что в действительности демократизм крестьянской курии еще больше превышает демократизм второразрядной городской курии, чем это видно из наших данных.

Значит, больше всего внимания рабочие вообще и рабочие выборщики в особенности должны обратить именно на крестьянскую курию и на крестьянских выборщиков. Как организаторы демократии, рабочие должны действовать в первую голову среди крестьян, затем среди второразрядных горожан. В обеих этих куриях смешение либералов с демократами особенно сильно, особенно часто наблюдается, особенно усердно культивируется кадетами, которые прямо обманывают политически неразвитых людей, пользуясь своей «парламентской» опытностью «дельцов» и своей «демократической» кличкой («конституционные демократы», «партия народной свободы»), прикрывающей анти-демократическую, веховскую, контр-революционную сущность.

Идейно-политическая задача рабочих в данный момент русского освободительного движения состоит в организации демократии. Этой задаче должна быть подчинена избирательно-техническая деятельность. Отсюда—главное внимание на крестьянскую, затем на второразрядную городскую курию. В губернском избирательном собрании первая задача рабочего-выборщика—сплочение демократов. Чтобы выставить свою кандидатуру, нужно иметь три голоса: необходимо найти двух демократов из крестьян, а в крайнем случае убедить двух либералов, которые ничем не рискуют, выставляя кандидатуру рабочего. Демократы должны в губернских избирательных собраниях блокироваться с либералами против правых. Если такой блок сразу не может состояться (в большинстве случаев, вероятно, бывает именно так в силу незнакомства выборщиков друг с другом), то демократы должны сначала проваливать с либералами правых, с п р а в ы м и — л и б е р а л о в. Тогда ни те, ни другие пройти не могут (при условии, что ни правые, ни либералы не имеют одни абсолютного большинства; если нет этого условия, то демократам в Думу не попасть). На основании статьи 119 положения о выборах назначается персрыв. Демократы, подсчитав результаты голосований, блокируются с либералами, имея уже точные данные и добиваясь пропорционального дележа депутатских мест. При этом необходимо, чтобы сначала либералы выбирали демократа, а не наоборот, ибо вся история и весь опыт Европы свидетельствует, что либералы часто обманывали демократов, демократы же никогда не обманывали либералов.

Зная, какие курии дают демократов, умея отделять демократов от либералов, рабочие выборщики в 44-х губерниях могут сыграть громадную роль и в деле организации демократии вообще, и в деле проведения в Думу большого числа рабочих демократов и буржуазных демократов (трудовиков). Теперь первых 15, вторых 14. При правильной тактике рабочих можно добиться, в случае благоприятном, удвоения числа тех и других. Либералам обеспечена в IV Думе сильная группа, человек в 100 и свыше, «ответственной», способной блокироваться с октябристами, «оппозиции» (лондонского типа). Надо добиваться, чтобы оппозиция, действительно демократическая, а не веховская, составила группу в несколько десятков человек, и этого можно добиться.

Закон дает рабочим право избирать выборщиков в 44 губерниях. Сознательные рабочие на каждой фабрике должны немедленно ознакомиться с законом, обдумать свои задачи и свое положение, озаботиться о том, чтобы выборщиками от них были настоящие рабочие демократы, а не ликвидаторы.

Сто двенадцать рабочих выборщиков, если их провести именно таким образом, сознательно, заботливо, систематично, могут принести громадную пользу и в деле сплочения рабочего класса, стремящегося к великим, мировым целям повсюду в Европе и в деле организации демократии в России.

Время не ждет. На всякого сознательного рабочего ложится трудная, но трижды благодарная задача.

*«Звезда» № 34
от 17 декабря 1911 г.
За подписью В. Фрей.*

Избирательная кампания в IV Государственную Думу.

III. Крестьянство и крестьянские выборщики в избирательной кампании.

В предыдущей статье («Звезда» № 34) *) мы говорили о роли рабочих выборщиков в избирательной кампании. Итог наших рассуждений был тот, что главная задача рабочей демократии двоякая: сплочение классов наемных рабочих и развитие его сознания,

*) См. выше 495—501 стр. этого тома. Ред.

понимания его великих исторических целей, а затем организация демократии.

Перейдем к разбору вопроса о не proletарской, т.-е. буржуазной, демократии. Какова ее главная классовая опора в России? в чем ее особенности? ее ближайшие задачи? какова роль на выборах?

Главная классовая опора буржуазной демократии в России есть крестьянство. Положение громадной массы его настолько тяжелое, гнет помещичьего землевладения над ним так силен, экономические условия так отчаянно плохи, бесправие так необычайно велико, что демократические настроения и стремления порождаются в этой среде с неувимой, стихийной неизбежностью. Такого выхода из этого положения, какой рисуется либеральной буржуазии (с кадетской партией во главе ее), именно: раздел власти с Пуришкевичами, совместное господство Пуришкевичей и Гучковых (или Милюковых) над массами,—этого выхода для миллионов крестьян быть не может. Вот почему именно классовое положение крестьянства, с одной стороны, крупной буржуазии, с другой,—неминуемо порождает глубокую разницу между демократизмом и либерализмом.

Полной определенности того и другого политического направления, полной сознательности обыкновенно не бывает, но тяготение крестьян к демократизму, буржуазии—к монархическому либерализму есть факт, доказанный окончательно столь богатыми событиями первым десятилетием XX века в России. Не только в освободительном движении 1905 года, не только в этих первых Думах крестьянская масса показала себя демократической, но даже и в господской III Думе с о р о к т р и крестьянских депутатов, в том числе правые и беспартийные, внесли земельный проект, более демократический, чем кадетский.

Вообще земельный вопрос есть главный вопрос современного русского крестьянства. В Европейской России менее чем 30.000 помещиков владеют 70 миллионами десятин земли, и почти столько же находится у 10 миллионов беднейших крестьянских дворов. С одной стороны, в среднем по 2.300 десятин на хозяйство, с другой—по семи. Экономический результат, на данном уровне исторического развития России, не мог быть иной, как самое широкое распространение всяческих видов «отработочного» хозяйства, т.-е. пережитков старой барщины. Крестьянская кабала, нищета, давно уже нигде не виданная в Европе, и средневековые голодовки—вот последствия этого.

Кадетская буржуазия хочет решить аграрный вопрос по-либеральному, сохраняя помещичьи землевладения, выкупая часть земель по «справедливой оценке», давая перевес помещикам над крестьянами в учреждениях, осуществляющих «реформу». Крестьяне не могут не склоняться к демократическому решению аграрного вопроса. Это демократическое решение несколько не затрагивает и не может затронуть—даже при полном переходе всей земли к крестьянству без выкупа—основ капиталистического общества, власти денег, товарного производства, господства рынка. Крестьянам дело рисуется большею частью довольно туманно, и народники создали целую идеологию, целое учение, представляющее этот туман в виде чего-то «социалистического»,—тогда как ничего социалистического в наиболее даже радикальном аграрном перевороте нет.

Но чем шире и сильнее становится крестьянское движение, тем на практике меньше значение этого тумана, тем больше выступает действительное, демократическое, содержание крестьянских земельных стремлений и требований. И в этой области, и еще более в области вопросов политических, всего важнее роль рабочей демократии, ее борьба против подчинения крестьян либеральному благородству. Не будет преувеличением сказать, что все успехи русской демократии вообще—и в прошлом, и в будущем—неразрывно связаны с переходом политического руководства крестьянством к рабочей демократии от либералов. Без такого перехода невозможны сколько-нибудь серьезные успехи демократии в России.

Избирательный закон 3 июня 1907 года, как известно, всего больше «разгромил» выборные права именно крестьян. Достаточно напомнить, что число выборщиков от землевладельцев этот закон увеличил с 1.952 до 2.594, т.-е. на 32,9%, а число выборщиков от крестьян и казаков уменьшил более, чем вдвое: с 2.659 до 1.168, т.-е. на 56,1%. Кроме того, по закону 3 июня депутаты в Думу от крестьянской курии (официальное название: «от съездов уполномоченных от волостей») выбираются не крестьянскими только выборщиками, как прежде, а всем составом губернских избирательных собраний, т.-е. большинством помещиков и крупных капиталистов.

При таком порядке, крестьянские демократы (трудовики) могут обеспечить себе места в Думе только при условии, если в с е без исключения выборщики от крестьян будут трудовиками.

Тогда правые помещики будут вынуждены проводить от крестьянской курии трудовиков,—подобно тому, как от рабочей курии они вынуждены были проводить социал-демократов. Но, разумеется, сплоченность, организованность, сознательность крестьян гораздо ниже, чем у рабочих. В этой области остается еще мало початый угол серьезной и благодарной работы политического выступления. Именно на эту область и должно быть обращено главное внимание всех демократов и всех «идущих в другие классы населения» марксистов, а не на область перемигивания и заигрывания с контрреволюционными либералами (кадетами),—область, излюбленную ликвидаторами из «Нашей Зари» и т. п.

Мы уже отметили прошлый раз, что крестьянская курия на выборах в III Думу оказалась наиболее демократичной из непролетарских курий. От крестьянской курии прошло в III Думу 26 депутатов оппозиции из 53, т.-е. 49⁰/₁₀₀, тогда как от второразрядной городской курии (от «II съезда городских избирателей») только 12 из 28, т.-е. 43⁰/₁₀₀. Демократов прошло в III Думу от крестьянской курии 5 из 53, т.-е. 10⁰/₁₀₀, а от второразрядной городской курии 2 из 28, т.-е. 7⁰/₁₀₀.

Интересно рассмотреть, от скольких губерний и при каком составе депутатов по всей губернии прошли в III Думу представители оппозиции от крестьянской курии. Из 53 губерний, посылающих в Думу по одному обязательному депутату от крестьянской курии, 23 послали от нее п р а в ы х (включая октябристов), затем 17 губерний дали л и б е р а л о в (кадеты, прогрессисты и мусульмане) и только пять губерний дали д е м о к р а т о в (трудо­виков). От 8 губерний прошли беспартийные крестьяне.

Рассматривая дело ближе, мы видим, что н и о д н а губерния с преобладанием правых депутатов не пропустила в III Думу ни одного демократа от крестьянской курии. Демократы (трудо­вики) прошли исключительно по губерниям, в которых нет ни одного правого депутата. Эти пять губерний—Архангельская, Вятская, Пермская, Ставропольская и Томская—дали всего в III Думу 15 либералов, 8 трудовиков и 3 социал-демократа. Едва ли можно сомневаться в том, что при большей сознательности и организованности крестьян и рабочих в этих губерниях удалось бы увеличить число демократов на счет либералов.

Здесь уместно будет, пожалуй, отметить, что всего мы насчитали 24 губернии с преобладанием депутатов оппозиции в

III Думе над правыми; в 18 губерниях из этих 24 прошли в Думу исключительно депутаты оппозиции. Эти 24 губернии послали в Думу 9 правых депутатов, 2 беспартийных, 55 либералов, 14 трудовиков и 8 социал-демократов. Поприще, как видит читатель, довольно широкое для увеличения числа демократических депутатов на счет либеральных и вообще для вырывания мелкой буржуазии и крестьянства из-под влияния либералов.

Небезынтересно отметить, далес, что из 17 губерний, давших в Думу от крестьянской курии либералов, в десяти губерниях правые депутаты преобладают над оппозиционными. Приходится предположить, что среди крестьянских выборщиков этих губерний, по общему правилу, в о в с е н е б ы л о п р а в ы х, ибо иначе их бы и выбрало правое большинство губернских избирательных собраний...

Задачи рабочей демократии по отношению к крестьянству на выборах ясны. Надо нести чисто классовую проповедь в среду пролетаризирующегося крестьянства. Надо помочь сплочению крестьян на выборах, чтобы и на основе избирательного закона 3 июня они могли создать с в о е—возможно более солидное—представительство в IV Думе, вопреки препятствиям как со стороны приверженцев старого строя, так и со стороны либералов. Надо стремиться к упрочению гегемонии рабочей демократии и разъяснять весь вред колебаний крестьянской демократии в сторону либерализма.

«Звезда» № 36

от 31 декабря 1911 г.

За подписью В. Фрей.

ДОБАВЛЕНИЕ

1908 год.

Уроки Коммуны.

18 марта в Женеве состоялся интернациональный митинг по поводу трех пролетарских годовщин: 25-летия смерти Маркса, 60-летия мартовской революции 1848 г. и годовщины Парижской Коммуны. На митинге выступил от Р. С.-Д. Р. П. тов. Ленин, говоривший о значении Коммуны. Приводим приблизительное содержание речи:

После государственного переворота, завершившего революцию 1848 г., Франция на 18 лет подпала под иго наполеоновского режима. Этот режим довел страну не только до разорения экономического, но также до унижения национального. Восставший против старого режима пролетариат взял на себя две задачи: общенациональную и классовую—освобождение Франции от нашествия Германии и социалистическое освобождение рабочих от капитализма. В таком соединении двух задач—оригинальнейшая черта Коммуны.

Буржуазия составила тогда «правительство национальной обороны», и за общенациональную независимость пролетариат должен был бороться под его руководством. На самом деле это было правительство «народной измены», назначение свое видевшее в борьбе с парижским пролетариатом. Но пролетариат не замечал этого, ослепленный патриотическими иллюзиями. Патриотическая идея ведет свое происхождение еще от Великой Революции XVIII века; она подчинила себе умы социалистов Коммуны, и Бланки, например, несомненный революционер и горячий сторонник социализма, для своей газеты не нашел более подходящего названия, как буржуазный вопль: «О т ч е с т в о в о п а с н о с т и!».

В соединении противоречивых задач—патриотизма и социализма—была роковая ошибка французских социалистов. Уже

в Манифесте Интернационала, в сентябре 1870 г., Маркс предостерегал французский пролетариат от увлечения ложной национальной идеей: глубокие изменения совершились со времен Великой Революции, классовые противоречия обострились, и если тогда борьба с реакцией всей Европы объединяла всю революционную нацию, то теперь пролетариат уже не может соединять свои интересы с интересами других, враждебных ему классов; пусть буржуазия несет ответственность за национальное унижение,—дело пролетариата бороться за социалистическое освобождение труда от ига буржуазии.

И действительно, истинная подкладка буржуазного «патриотизма» не замедлила обнаружиться. Заключив позорный мир с пруссаками, версальское правительство приступило к своей прямой задаче — и предприняло набег на страшное для него вооружение парижского пролетариата. Рабочие ответили провозглашением Коммуны и гражданской войной.

Несмотря на то, что социалистический пролетариат делился на многие секты, Коммуна явилась блестящим образцом того, как единодушно умеет пролетариат осуществлять демократические задачи, которые умела только провозглашать буржуазия. Без всякого особого сложного законодательства, просто на деле, провел захвативший власть пролетариат демократизацию общественного строя, отменил бюрократию, осуществил выборность чиновников народом.

Но две ошибки погубили плоды блестящей победы. Пролетариат остановился на полпути: вместо того, чтобы приступить к «экспроприации экспроприаторов», он увлекся мечтами о водворении высшей справедливости в стране, объединяемой общенациональной задачей; такие, например, учреждения, как банк, не были взяты, теория прудонистов насчет «справедливого обмена» и т. п. господствовала еще среди социалистов. Вторая ошибка — излишнее великодушие пролетариата: надо было истребить своих врагов, а он старался морально повлиять на них, он пренебрег значением чисто военных действий в гражданской войне и вместо того, чтобы решительным наступлением на Версаль увенчать свою победу в Париже, он медлил и дал время версальскому правительству собрать темные силы и подготовиться к кровавой майской неделе.

Но при всех ошибках Коммуна есть величайший образец величайшего пролетарского движения XIX века. Маркс высоко

оценил историческое значение Коммуны—если бы во время предательского набега версальской шайки на оружие парижского пролетариата рабочие без боя дали бы отнять его, то гибельное значение деморализации, внесенной такой слабостью в пролетарское движение, было бы во много и много раз тяжелее ущерба от потерь, которые понес рабочий класс в бою, защищая свое оружие. Как ни велики жертвы Коммуны, они искупаются значением ее для общепролетарской борьбы: она всколыхнула по Европе социалистическое движение, она показала силу гражданской войны, она рассеяла патриотические иллюзии и разбила наивную веру в общенациональные стремления буржуазии. Коммуна научила европейский пролетариат конкретно ставить задачи социалистической революции.

Урок, полученный пролетариатом, не забудется. Рабочий класс будет пользоваться им, как воспользовался уже в России в декабрьское восстание.

Эпоха, предшествовавшая русской революции, подготовлявшая ее, имеет некоторое сходство с эпохой наполеоновского ига во Франции. И в России самодержавная клика довела страну до ужасов экономического разорения и национального унижения. Но долго не могла разразиться революция—пока социальное развитие не создало условий для массового движения и, несмотря на весь героизм свой, изолированные нападения на правительство в дореволюционный период разбивались о равнодушие народных масс. Только соц.-д-тия упорной и планомерной работой воспитала массы до высших форм борьбы—массовых выступлений и гражданской вооруженной войны.

Она сумела разбить в молодом пролетариате «общенациональные» и «патриотические» заблуждения, и после того, как при ее непосредственном вмешательстве удалось вырвать из рук царя манифест 17 октября, пролетариат приступил к энергичной подготовке к дальнейшему неизбежному этапу революции—вооруженному восстанию. Свободный от «общенациональных» иллюзий он свои классовые силы сосредоточил в своих массовых организациях—Советах Рабочих и Солдатских Депутатов и т. п. И несмотря на все различие в целях и задачах, поставленных перед русской революцией, сравнительно с французской 1871 года, русский пролетариат должен был прибегнуть к тому же способу борьбы, которому начало дала Парижская Коммуна,—к гражданской войне. Помня ее уроки, он знал, что пролетариат не должен пренебре

гать мирными орудиями борьбы—они служат его повседневным, будничным интересам, они необходимы в периоды подготовки революций,—но никогда не должен он забывать и того, что классовая борьба при известных условиях выливается в формы вооруженной борьбы и гражданской войны; бывают моменты, когда интересы пролетариата требуют беспощадного истребления врагов в открытых боевых схватках. Впервые показал это французский пролетариат в Коммуне и блестяще подтвердил русский пролетариат в декабрьском восстании.

Пусть оба эти грандиозные восстания рабочего класса подавлены—будет новое восстание, перед которым слабыми окажутся силы врагов пролетариата, из которого с полной победой выйдет социалистический пролетариат.

*«Заграничная Газета» № 2
от 23 марта 1908 г.*

1909 год.

Еще о партийности и беспартийности.

Вопрос о партийных и беспартийных, нужных и о «ненужных» кандидатурах, несомненно, один из самых важных—если не самый важный—при современных выборах в современную Думу. Прежде всего и больше всего избиратели и широкая масса, следящая за выборами, должны дать себе отчет в том, зачем нужны выборы, кака я задача стоит перед думским депутатом, какова должна быть тактика петербургского депутата в III Думе. А дать себе действительно полный и точный отчет во всем этом можно только при условии партийности всей избирательной кампании.

Для тех, кто хочет отстаивать на выборах интересы действительно широких и самых широких масс населения, на первый план выдвигается задача развития политического сознания масс. В неразрывной связи с развитием этого сознания яснее определяется группировка масс, соответствующая действительным интересам тех или иных классов населения. Всякая беспартийность всегда означает, даже при исключительно удачных случаях, неясность и неразвитость политического сознания и кандидата, и поддерживающей его группы или поддерживающих его партий, и участвующей в его выборах массы.

Для всех беспорядочных партий, преследующих на выборах задачи удовлетворения интересов тех или иных небольших групп имущего населения,—развитие сознания масс всегда отходит на второй план, а ясность классовой группировки масс почти всегда представляется нежелательной и опасной. Для тех, кто не хочет встать на защиту буржуазных партий, ясность политического сознания и ясность классовой группировки выше всего. Это не исключает, конечно, при известных, особого рода условиях, временных совместных действий разного рода партий, но это без-

условно исключает всякую беспартийность и всякое ослабление или затушевывание партийности.

Но именно потому, что мы отстаиваем партийность принципиально, в интересах широких масс, в интересах их освобождения от всякого рода буржуазных влияний, в интересах полной и полнейшей ясности классовых группировок, именно поэтому нам надо всеми силами добиваться того и строжайше следить за тем, чтобы партийность была не словом только, а делом.

Беспартийный кандидат Кузьмин-Караваев, получивший уже прозвище «ненужного» кандидата, излагает, что партийных кандидатов в строгом смысле на выборах в Петербурге нет. Это мнение настолько неверное, что на опровержении его не стоит и останавливаться. В партийности кандидатур Кутлера и Н. Д. Соколова сомневаться невозможно. К.-Караваева сбило отчасти с толку то обстоятельство, что нет вполне открытой партийной жизни у обеих партий, выставивших ту и другую кандидатуру. Но это обстоятельство затрудняет партийное ведение выборов, не уничтожает необходимости в нем. Поддаваться таким затруднениям, спасовать перед ними — совершенно то же самое, что поддаваться желанию г. Столыпина слышать из уст «оппозиции» (якобы оппозиции) подтверждение его «конституционности».

Для массы, участвующей в петербургских выборах, особенно важно теперь проверить, какие партии спасовали перед этими затруднениями и какие сохранили во всей целостности и свою программу, и свои лозунги; какие пытались «приспособиться» к реакционному режиму в смысле сокращения, сужения, до рамок этого режима своей думской деятельности, своей прессы, своей организации, и какие приспособились в смысле видоизменения некоторых форм деятельности, отнюдь не в смысле урезывания своих лозунгов в Думе, отнюдь не в смысле сужения своей прессы, организации и т. д. до рамок этого режима. Такая проверка, всесторонняя, основанная на истории партий, основанная на фактах их думской и внедумской деятельности, составляет главное содержание избирательной кампании. Массы должны познакомиться еще раз в новой, более трудной для демократии, обстановке с партиями, которые претендуют на название демократических. Массы должны познакомиться еще и еще раз с отличиями буржуазной демократии от той, которая выдвинула

на этот раз Н. Д. Соколова, с отличиями их миросозерцания, их конечной цели, их отношения к задаче великого международного освободительного движения, их способности отстаивать идеалы и пути освободительного движения в России. Массы должны выйти из этой избирательной кампании более партийными, более отчетливо сознающими интересы, задачи, лозунги, точки зрения и методы действия различных классов,— вот тот неразрушимый результат, который политическое направление, представляемое Н. Д. Соколовым, ценит выше всего и которого оно сумеет добиться самой упорной, стойкой, выдержанной, всесторонней работой.

*«Новый День» № 9
от 14 (27) сентября 1909 г.
За подписью Вл. Ильин.*

О «Вехе».

Известный сборник «Вехи», составленный влиятельнейшими к.-д. публицистами, выдержавший в короткое время несколько изданий, встреченный восторгом всей реакционной печати, представляет из себя настоящее знамение времени. Как бы ни «исправляли» к.-д. газеты слишком бьющие в нос отдельные места «Вех», как бы ни отрекались от них отдельные кадеты, совершенно бессильные повлиять на политику всей к.-д. партии или задающиеся целью обмануть массы насчет истинного значения этой политики,— остается несомненный факт, что «Вехи» выразили несомненную суть современного кадетизма. Партия к.-д. есть партия «Вех».

Цена выше всего развитие политического и классового сознания масс, рабочая демократия должна приветствовать «Вехи», как великолепное разоблачение идейными вождями кадетов сущности их политического направления. «Вехи» написаны господами: Бердяевым, Булгаковым, Гершензоном, Кистяковским, Струве, Франком и Изгоевым. Одни уж эти имена известных депутатов, известных ренегатов, известных кадетов говорят достаточно много за себя. Авторы «Вех» выступают как настоящие идейные вожди целого общественного направления, давая в сжатом наброске целую энциклопедию по вопросам философии, религии, политики, публицистики, оценки всего освободительного

движения и всей истории русской демократии. Назвав «Вехи» «сборником статей о русской интеллигенции», авторы сузили этим подзаголовком действительную тему своего выступления, ибо «интеллигенция» выступает у них на деле в качестве духовного вождя, вдохновителя и выразителя всей русской демократии и всего русского освободительного движения. «Вехи» — крупнейшие вехи на пути полного разрыва русского кацетизма и русского либерализма вообще с русским освободительным движением, со всеми его основными задачами, со всеми его коренными традициями.

I.

Энциклопедия либерального ренегатства охватывает три основные темы: 1) борьба с идейными основами всего миросозерцания русской (и международной) демократии; 2) отречение от освободительного движения недавних лет и обливание его помоями; 3) открытое провозглашение своих «ливрейных» чувств (и соответствующей «ливрейной» политики по отношению к октябристской буржуазии, по отношению к старой власти, по отношению ко всей старой России вообще.

Авторы «Вех» начинают с философских основ «интеллигентного» миросозерцания. Красной нитью проходит через всю книгу решительная борьба с материализмом, который аттестуется не иначе, как догматизм, метафизика, «самая элементарная и низшая форма философствования» (стр. 4 — ссылки относятся к 1-му изданию «Вех»). Позитивизм осуждается за то, что он был «для нас» (т.-е. для уничтоженной «Вехами» русской «интеллигенции») «тождественен с материалистической метафизикой»... или истолковывался «исключительно в духе материализма» (15), тогда как — «ни один мистик, ни один верующий не может отрицать научного позитивизма и науки» (11). Не шутите! «Вражда к идеалистическим и религиозно-мистическим тенденциям» (6) — вот за что нападают «Вехи» на «интеллигенцию». «Юркевич был, во всяком случае, настоящим философом по сравнению с Чернышевским» (4).

Вполне естественно, что, стоя на этой точке зрения, «Вехи» неустанно громят атеизм «интеллигенции» и стремятся со всей решительностью и во всей полноте восстановить религиозное миросозерцание. Вполне естественно, что, уничтожив Чернышев-

ского, как философа, «Вехи» уничтожают Белинского, как публициста. Белинский, Добролюбов, Чернышевский—вожди «интеллигентов» (134, 56, 32, 17 и др.). Чаадаев, Владимир Соловьев, Достоевский—«вовсе не интеллигенты». Первые—вожди направления, с которым «Вехи» воюют не на живот, а на смерть. Вторые «неустанно твердили» то именно, что твердят и «Вехи», но «их не слушали, интеллигенция шла мимо них», гласит предисловие к «Вехам».

Читатель уже может видеть отсюда, что не на «интеллигенцию» нападают «Вехи», это только искусственный, запутывающий дело, способ выражения. Нападение ведется по всей линии против демократии, против демократического мирозерцания. А так как идейным вождям партии, которая рекламирует себя, как «конституционно-демократическую», неудобно назвать вещи их настоящими именами, то они позаимствовали терминологию у «Московских Ведомостей», они отрекаются не от демократии—(какая недостойная клевета!)—а только от «интеллигентщины».

Письмо Белинского к Гоголю, вещают «Вехи», есть «пламенное и классическое выражение интеллигентского настроения» (56). «История нашей публицистики, начиная после Белинского, в смысле жизненного разума—сплошной кошмар» (82).

Так, так. Настроение крепостных крестьян против крепостного права, очевидно, есть «интеллигентское» настроение. История протеста и борьбы самых широких масс населения с 1861 по 1905 год против остатков крепостничества во всем строе русской жизни есть, очевидно, «сплошной кошмар». Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?

«Московские Ведомости» всегда доказывали, что русская демократия, начиная хотя бы с Белинского, отнюдь не выражает интересов самых широких масс населения в борьбе за элементарнейшие права народа, нарушаемые крепостническими учреждениями, а выражает только «интеллигентское настроение».

Программа «Вех» и «Московских Ведомостей» одинакова и в философии, и в публицистике. Но в философии либеральные ре-

негаты решились сказать всю правду, раскрыть в с ю свою программу (война материализму и материалистически толкуемому позитивизму; восстановление мистики и мистического мирозерцания), а в публицистике они виляют, вертятся, иезуитничают. Они порвали с самыми основными идеями демократии, с самыми элементарными демократическими тенденциями, но делают вид, что рвут только с «интеллигентщиной». Либеральная буржуазия решительно повернула от защиты прав народа к защите учреждений, направленных против народа. Но либеральные политиканы желают сохранить название «демократов».

Тот же самый фокус, который проделали над письмом Белинского к Гоголю и над историей русской публицистики, проделывается над историей недавнего движения.

II.

В действительности нападение ведется в «Вехах» только на такую интеллигенцию, которая была выразителем демократического движения, и только за то, в чем она проявила себя, как настоящий участник этого движения. «Вехи» с бешенством нападают на интеллигенцию именно за то, что эта «маленькая подпольная секта вышла на свет божий, приобрела множество последователей и на время стала идейно-влиятельной и даже реально-могущественной» (176). Либералы сочувствовали «интеллигенции» и тайком поддерживали иногда ее, пока она оставалась т о л ь к о маленькой подпольной сектой, пока она не приобрела множества последователей, пока она не становилась реально-могущественной; это значит: либерал сочувствовал демократии, пока демократия не приводила в движение настоящих масс, ибо без вовлечения масс она только служила своекорыстным целям либерализма, она только помогала верхам либеральной буржуазии подобраться к власти. Либерал отвернулся от демократии, когда она втянула массы, начавшие осуществлять с в о и задачи, отстаивать с в о и интересы. Под прикрытием криков против демократической «интеллигенции», в о й н а кадетов ведется на деле против демократического движения масс. Одно из бесчисленных наглядных разоблачений этого в «Вехах» состоит в том, что великое общественное движение конца XVIII века,

во Франции, они объявляют «примером достаточно продолженной интеллигентской революции, с обнаружением всех ее духовных потенций» (57).

Неправда ли хорошо? Французское движение конца XVIII века представляет из себя, изволите видеть, не образец самого глубокого и широкого демократического движения масс, а образец «интеллигентской» революции! Так как нигде в мире и никогда демократические задачи не осуществлялись без движения о д н о р о д н о г о типа, то совершенно очевидно, что идейные вожди либерализма порывают именно с демократией.

В русской интеллигенции «Вехи» бранят именно то, что является н е о б х о д и м ы м спутником и выражением в с я к о г о демократического движения. «Прививка политического радикализма, интеллигентских идей к социальному радикализму народных инстинктов *) совершилась с ошеломляющей быстротой» (141) — и в этом была «не просто политическая ошибка, не просто грех тактики. Тут была ошибка моральная». Там, где нет истстрадавшихся народных масс, не может быть и демократического движения. А демократическое движение отличается от простого «бунта» как раз тем, что оно идет под знаменем известных радикальных политических идей. Демократическое движение и демократические идеи не только политически ошибочны, не только тактически неуместны, но и морально греховны, — вот к чему сводится истинная мысль «Вех», ровно ничем не отличающаяся от истинных мыслей Победоносцева. Победоносцев только честнее и прямее говорил то, что говорят Струве, Изгоевы, Франки и К-о.

Когда «Вехи» приступают к более точному определению содержания ненавистных «интеллигентских» идей, они естественно говорят о «левых» идеях вообще, о народнических и марксистских в частности. Народники обвиняются в «ложной любви к крестьянству», марксисты — «к пролетариату» (9). И те и другие уничтожаются в пух и прах за «народопоклонничество» (59, 59—60). У ненавистного «интеллигента» «бог есть народ, единственная цель есть счастье большинства» (159). Бурные речи атеистического левого блока» (29), — вот что всего больше запомнилось во II Думе кадету Булгакову, вот что особенно возмутило его.

*) «Истрадавшихся народных масс» — говорится на той же странице, двумя строками ниже.

И нет ни малейшего сомнения, что Булгаков выразил здесь несколько рельефнее, чем иные, общекадетскую психологию, выразил заветные думы всей кадетской партии.

Что для либерала стирается различие между народничеством и марксизмом, — это не случайно, а неизбежно, оно не «фортель» литератора (прекрасно знающего эти различия), а закономерное выражение современной сущности либерализма. Ибо в данное время либеральной буржуазии в России страшно и ненавистно не столько социалистическое движение рабочего класса в России, сколько демократическое движение и рабочих и крестьян, т.-е. страшно и ненавистно то, что есть общего у народничества и марксизма, их защита демократии путем обращения к массам. Для современной эпохи характерно то, что либерализм в России решительно повернул против демократии; совершенно естественно, что его не интересуют ни различия внутри демократии, ни дальнейшие цели, виды и перспективы, открывающиеся на почве осуществленной демократии.

Словечки вроде «народопоклонничество» так и кишат в «Вехах». Это не удивительно, ибо либеральной буржуазии, испугавшейся народа, ничего не остается, как кричать о «народопоклонничестве» демократов. Отступления нельзя не прикрыть особенно громким барабанным боем. Нельзя же в самом деле прямо отрицать, что обе первые Думы выражали именно в лице рабочих и крестьянских депутатов настоящие интересы, требования, взгляды рабочих и крестьянских масс. А между тем именно эти «интеллигентные» депутаты *) и внушили кадетам бездонную ненависть к «левым» за разоблачение вечных кадетских отступлений от демократизма. Нельзя же в самом деле прямо отрицать хотя бы и «четырёххвостку»; а между тем ни один сколько-нибудь честный политический деятель не усумнился в том, что выборы по «четырёххвостке», выборы действительно демократические, дали бы в современной России подавляющее большинство депутатам трудовикам вместе с депутатами рабочей партии.

*) Извращение «Вехами» обычного смысла слова «интеллигент» прямо-таки забавно. Достаточно перелистать списки депутатов обеих первых Дум, чтобы сразу увидеть подавляющее большинство крестьян у трудовиков, преобладание рабочих у с.-д. и сосредоточение массы буржуазной интеллигенции у к.-д.

Ничего не остается повернувшей вспять либеральной буржуазии, как прикрывать свой разрыв с демократией словечками из словаря «Московских Ведомостей» и «Нового Времени», эти словечки положительно пестрят весь сборник «Вех».

«Вехи» — сплошной поток реакционных помоев, вылитых на демократию. Понятно, что публицисты «Нового Времени» Розанов, Меньшиков и А. Столыпин бросились целовать «Вехи». Понятно, что Антоний Волинский пришел в восторг от этого произведения вождей либерализма.

«Когда интеллигент, — пишут «Вехи», — размышлял о своем долге перед народом, он никогда не додумывался до того, что выражающаяся в начале долга идея личной ответственности должна быть адресована не только к нему, интеллигенту, но и к народу» (139). Демократ размышлял о расширении прав и свободы народа, облекая эту мысль в слова о «долге» высших классов перед народом. Демократ никогда не мог додуматься и никогда не додумается до того, что в дореформенной стране или в стране с «конституцией» 3 июня может зайти речь об «ответственности» народа перед правящими классами. Чтобы «додуматься» до этого, демократ, или якобы демократ, должен окончательно превратиться в контр-революционного либерала.

«Эгоизм, самоутверждение — великая сила, — читаем мы в «Вехах», — именно она делает западную буржуазию могучим бессознательным орудием божьего дела на земле» (85). Это не что иное, как приправленный лампадным маслом пересказ знаменитого «Enrichissez vous!.. — обогащайтесь!» или нашего русского: «мы ставим ставку на сильных». Когда буржуазия помогала народу бороться за свободу, она объявляла эту борьбу божьим делом. Когда она испугалась народа и повернула к поддержке всякого рода средневековья против народа, — она объявила божьим делом «эгоизм», обогащение, шовинистическую внешнюю политику и т. п. Это было везде в Европе. Это повторяется и в России.

«Актом 17 октября по существу и формально революция должна была бы завершиться» (136). Это и есть альфа и омега октябризма, т.-е. программы контр-революционной буржуазии. Октябристы всегда это говорили и сообразно с этим открыто действовали. Кадеты действовали т а й к о м так же (начиная

с 17 октября), но желали прикидываться при этом демократами. Для успеха дела демократии полная, ясная, открытая размежевка между демократами и ренегатами — самая полезная, самая необходимая вещь. Надо использовать «Вехи» для этого нужного дела. «Надо иметь, наконец, смелость сознаться, — пишет ренегат Изгоев, — что в наших Государственных Думах огромное большинство депутатов, за исключением трех-четырех десятков к.-д. и октябристов, не обнаружило знаний, с которыми можно было бы приступить к управлению и переустройству России» (208). Ну, разумеется, где же мужицким депутатам трудовикам или каким-то рабочим братья за такое дело. Для этого нужно большинство к.-д. и октябристов, а для такого большинства нужна III Дума...

А чтобы народ и народопоклонники понимали свою «ответственность» перед вершителями дел в III Думе и в третьедумской России, для этого нужно проповедывать народу — вместе с Антоном Вольнским — «покаяние» («Вехи», 26), «смирение» (49), борьбу с «гордыней интеллигента» (52), «послушание» (55), «простую, грубую пищу старого моисеева десятословия» (51), борьбу с «легионом бесов, вошедших в гигантское тело России» (68). Если крестьяне выбирают трудовиков, а рабочие — социал-демократов, это, разумеется, именно такое бесовское наваждение, ибо, собственно говоря, по натуре своей, как давно уже открыли Катков и Победоносцев, народ питает «ненависть к интеллигенции» (87; читай: к демократии).

Русские граждане должны поэтому, — научают нас «Вехи», — «благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас («интеллигентов») от ярости народной» (88).

Эта тирада хороша тем, что откровенна, — полезна тем, что вскрывает правду относительно действительной сущности политики всей к.-д. партии за всю полосу 1905 — 1909 годов. Эта тирада хороша тем, что вскрывает в краткой и рельефной форме весь дух «Вех». А «Вехи» хороши тем, что вскрывают весь дух действительной политики русских либералов и русских к.-д. в том числе. Вот почему кадетская полемика с «Вехами», кадетское отречение от «Вех» — одно сплошное лицемерие, одно безысходное празднословие. Ибо на деле кадеты, как коллектив, как партия, как общественная сила, вели и ведут и м е н и о политику «Вех». Призывы итти в Булыгинскую Думу

в августе и сентябре 1905 года, измена делу демократии в конце того же года, систематическая боязнь народа и народного движения и систематическая борьба с депутатами рабочих и крестьян в обеих первых Думах, голосование за бюджет, речи Караулова о религии и Березовского об аграрном вопросе в III Думе, поездка в Лондон, — все это бесчисленные вехи именно той, именно т а к о й политики, которая идейно провозглашена в «Вехах».

Русская демократия не может сделать ни шага вперед, пока она не поймет сути этой политики, не поймет классовых ее корней.

«Новый День» № 15

от 13 декабря 1909 г.

За подписью В. Ильин.

1910 ГОД.

**Для юбилейного номера латышской газеты
„Циня“ ⁷²).**

Когда делегированный Центральным Комитетом Социал-Демократии Латышского края товарищ на пленуме Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П. делал доклад о состоянии партийной работы в социал-демократии Латышского края (этот доклад сокращенно был изложен в 12-м номере Центрального Органа нашей партии), у нас осталось впечатление об особенно «нормальном», безболезненном развитии латышской социал-демократии в переживаемое нами тяжелое время. Это впечатление было создано тем, что социал-демократия Латышского края, будучи по своему составу наиболее пролетарской и руководимая преимущественно самими рабочими, уже совершила требуемый объективными обстоятельствами переход к обсуждению особой тактики и организационных задач затягивающегося периода контр-революции. Во время революции латышский пролетариат и латышская социал-демократия занимали одно из первых, наиболее важных, мест в борьбе против самодержавия и всех сил старого режима. Не безынтересно, между прочим, отметить то, что официальная статистика забастовочного движения за 1905 год (изданная министерством торговли и промышленности) показывает нам, что Лифляндская губерния занимает первое место по настойчивости рабочего класса в забастовочной борьбе. В 1905 году в Лифляндской губернии насчитывалось всего 53.917 фабрично-заводских рабочих, а число принимавших участие в забастовках было 268.567, т.-е. почти в пять (4,98) раз больше.

Каждый фабрично-заводской рабочий Лифляндской губернии бастовал в среднем 5 раз в году. За Лифляндской губернией следует Бакинская губерния, где каждый фабрично-заводской

рабочий бастовал 4,56 раза, Тифлисская—4,49 раза, Петроковская—4,28 раза, Петербургская—4,19 раза; по Московской губ. бастовавших рабочих за 1905 год числилось 276.563, т.-е. немногим больше, чем по Лифляндской губ., в то время, как общее количество всех фабрично-заводских рабочих Московской губ. в 5 раз больше, чем в Лифляндской (285.769 против 53.917). Из этого видно, насколько сознательнее, единодушнее и революционнее выступал латышский пролетариат. Но также известно, что его руководящая авангардная роль в наступлении на самодержавие не ограничивалась забастовочной борьбой: он шел в авангарде вооруженного восстания, он больше всех содействовал поднятию движения к наивысшему уровню, т.-е. уровню восстания. Он вряд ли не больше, чем кто-либо другой, втянул в революционную борьбу против царизма и помещиков латышский сельско-хозяйственный пролетариат и латышское крестьянство.

Будучи одним из передовых отрядов российской социал-демократии во время революции, латышская рабочая партия оказалась впереди и в период тяжелой контр-революции. Из упомянутого выше отчета нам стало известно, что среди латышских социал-демократов не народилось ни особого течения от увлечения революционной фразой (вроде наших «отзовистов»), ни от увлечения легальными возможностями (вроде наших ликвидаторов, которые отрицают нелегальную партию и махают рукою на задачи по восстановлению и укреплению Р. С.-Д. Р. П.). Латышские социал-демократические рабочие сумели поставить работу по использованию всяческих легальных возможностей, легальных союзов, различных рабочих обществ, думской трибуны и т. д., при чем они ничуть не ликвидировали нелегальную революционную Соц.-Дем. Партию, а, наоборот, сохранили везде нелегальные рабочие ячейки партии, которые будут защищать и развивать традиции великой революционной борьбы, настойчиво и неуклонно подготавливая все более и более широкие и сознательные массы борцов из молодых поколений рабочего класса.

Несомненно, что среди тех причин, которыми объясняются успехи латышской социал-демократии, необходимо поставить на первое место более высокую ступень развития капитализма как в городе, так и в деревне, бóльшую ясность и определенность классовых противоречий, обострение классовых противо-

речий национальным гнетом, концентрацию латышского населения и более высокую ступень культурного развития. Во всех этих отношениях обстановка, при которой приходится действовать русскому рабочему классу, менее развита. Эта неразвитость и создает теперь более острый кризис в русской части Р. С.-Д. Р. II. Мелко-буржуазная интеллигенция в нашем движении играет большую роль, принося вместе с плюсами минусы, вместе с разработкою вопросов теории и тактики она приносит «разработку» каждого отклонения от социал-демократического пути в отдельное направление, как, например, «отзовизм» или «ликвидаторство».

Мы позволяем себе высказать надежду, что латышская социал-демократия, которая имеет полное основание гордиться своими успехами, не будет столь надменной, что махнет рукой на эти большие вопросы Р. С.-Д. Р. II.

Чем сознательнее пролетариат, тем яснее представляет он себе свои социал-демократические цели, тем энергичнее он ведет борьбу против всяких мелко-буржуазных извращений в рабочем движении, тем более он заботится об освобождении своих менее развитых товарищей-рабочих от влияния мелко-буржуазного оппортунизма.

Ликвидаторское направление в Р. С.-Д. Р. II. есть продукт российских мелко-буржуазных отношений. Либеральная буржуазия вся становится против революции, отказывается от нее, прокликает тактику 1906 года, которая, вишь, «кровава» и «бесплодна», пресмыкается перед властью имущими, призывает народ держаться только одних методов легальной борьбы. И находящаяся в нашей партии мелко-буржуазная интеллигенция поддается влиянию контр-революционного либерализма. Издается история революции в пяти томах: «Очерки по истории общественного развития в России в начале XX века», под редакцией **Маслова, Мартова и Потресова**, и в этой истории фактически пропагандируется учение ренегатов, что пролетариат «переоценил» свои силы, «недооценил» силы буржуазии и т. д., и т. д. На самом деле пролетарские массы недооценили буржуазное предательство, переоценили силы буржуазии в борьбе за свободу, недооценили своих собственных сил,—сил наступления миллионов угнетенных и эксплуатируемых.

Издаются легальные журналы («Наша Заря» и «Возрождение»), в которых проповедуются, что восстановление и укрепле-

ние нелегальной партии, нашей старой, испытанной годами Р. С.-Д. Р. П., есть «реакционная утопия». В нелегальном меньшевистском органе «Голос Социал-Демократа» защищаются тому подобные господа и пропагандируется лозунг «борьба за легальность».

Один из наиболее известных меньшевистских лидеров, Плеханов, выходит из состава редакции и из состава сотрудников всех таких изданий, объявляя войну им и приглашая меньшевиков-партийцев поддерживать и укреплять революционную, нелегальную пролетарскую партию Р. С.-Д. Р. П.

Таким образом наша партия вступила в решающий бой против всех групп легалистов, которые (т.-е. легалисты) неправильно именуют себя социал-демократами; на самом деле они разрушают дело социал-демократов, разрушают социал-демократическую классовую организацию, разменивают ее на бесформенные легальные группы, которые не имеют никаких принципов и которые фактически делают рабочий класс зависимым от либеральной идеологии и либерального политического руководства.

Лет десять тому назад наша партия провела успешную борьбу против так называемого «экономизма», который сильно родственен теперешнему «ликвидаторству». Теперь борьба гораздо труднее, поскольку силы контр-революции, — не только старой, но и новой (современной), либерально - буржуазной, контр-революции, — направлены на то, чтобы уничтожить традиции 1905 г. в рабочем классе, чтобы уничтожить его нелегальную Социал-Демократическую Партию. Но рабочий класс, который умел быть руководителем в революции 1905 г., несомненно, преодолеет все эти отклонения от соц.-демократического пути.

До революции 1905 года социал-демократы работали двадцать лет в нелегальных кружках и создали партию, которая ведет миллионы на штурм самодержавия. После революции мы можем и, следовательно, мы должны не только продолжать работу нелегальных ячеек, но в десятки раз ее усилить, окружать эти ячейки густою сетью легальных организаций, использовать для нашей агитации трибуну черной Думы, разъяснять рабочей массе уроки, полученные в революционной борьбе, и создать Социал - Демократическую Партию, которая поведет десятки миллионов на новый штурм самодержавия.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1.

Резолюции Декабрьской конференции 1908 г.

1. Резолюция по отчетам.

1) Конференция констатирует, что Ц. К. партии при современных, неслыханно тяжелых политических условиях и при создавшихся внутрипартийных отношениях делает все возможное, чтобы провести в жизнь политическую линию, намеченную Лондонским съездом. Конференция предлагает Ц. К. продолжать охранение целостности и единства партии и борьбу против дезорганизаторских тенденций внутри ее, ведущих к разрыву этого единства.

2) Констатируя, что в ряде мест замечаются со стороны некоторой части партийной интеллигенции попытки ликвидировать существующую организацию Р. С.-Д. Р. П. и заменить ее бесформенным объединением, в рамках легальности, во что бы то ни стало, хотя бы последняя покупалась ценою явного отказа от программы, тактики и традиций партии, — конференция находит необходимым самую решительную идейную и организационную борьбу с ликвидаторскими попытками и призывает всех истинно-партийных работников без различия фракций и направлений к самому энергичному сопротивлению этим попыткам.

3) Конференция полагает, что вполне успешная работа Ц. К. возможна только в том случае, если меньшинство его будет, подчиняясь партийной дисциплине, лояльно работать в рамках одного учреждения и в его исполнительных органах, и констатирует, что отказ от такой работы означает бойкот партии.

2. О современном моменте и задачах партии.

Современное политическое положение характеризуется следующими чертами:

а) Старое крепостническое самодержавие разлагается, делая еще шаг по пути превращения в буржуазную монархию, прикрывающую абсолютизм лжеконституционными формами. Открыто закреплён и признан государственным переворотом 3 июня и учреждением III Думы союз царизма с черносотенными помещиками и верхами торгово-промышленной буржуазии. Став по необходимости окончательно на путь капиталистического развития России и стремясь отстоять именно такой путь, который сохранял бы за крепостниками-землевладельцами их власть и их доходы, самодержавие лавирует между этим классом и представителями капитала. Их мелкие раздоры используются для поддержания абсолютизма, который вместе с этими классами ведет бешеную контр-революционную борьбу с обнаружившими свою силу в недавней массовой борьбе социалистическим пролетариатом и демократическим крестьянством.

б) Таким же буржуазным характером отличается аграрная политика современного царизма. Он потерял всякую веру в навинную преданность крестьянской массы монархии. Он ищет союза с богатыми крестьянами, отдавая им деревню на разграбление. Самодержавие делает судорожные усилия, чтобы поскорее сломать все общинно-надельное землевладение и укрепить исключительно частную поземельную собственность. Такая политика обостряет во сто крат все противоречия капитализма в деревне и ускоряет разделение деревни на ничтожное меньшинство реакционеров и революционную пролетарскую и полупролетарскую массу.

в) Либеральная буржуазия с партией к.-д. во главе, вступившая на контр-революционный путь, уже при первых крупных выступлениях масс в революции, продолжает идти по этому пути, еще более сближаясь с октябристами и своей царистско-националистической агитацией фактически служит службу абсолютизму и крепостникам-помещикам.

г) Крестьянские массы, как показывает даже их придавленное и искаженное представительство в III Думе, продолжают — несмотря на все преследования демократических элементов де-

ревни — оставаться при всех своих колебаниях на стороне революционно-демократического аграрного переворота, который, совершенно уничтожая помещичье землевладение, обеспечил бы тем наиболее быстрое, широкое и свободное развитие производительных сил в капиталистической России. Закон 9 ноября только ускоряет разделение крестьянских масс на непримиримо враждебные и сознательно-политические силы.

д) На пролетариата обрушилось и обрушивается всего больше ударов и со стороны самодержавия, и со стороны быстро объединяющегося и наступающего капитала. Несмотря на это, пролетариат сохраняет по сравнению с другими классами наибольшую сплоченность и наибольшую верность своей классовой партии, с которой слила его революция. Пролетариат продолжает борьбу за свои классовые интересы и углубляет свое социалистическое классовое сознание, оставаясь единственным классом, способным последовательно руководить новой революционной борьбой.

е) В общем и целом несомненно, что объективные задачи буржуазно-демократической революции в России остаются нерешенными. Продолжающийся экономический кризис, безработица и голодовка показывают, что новейшая политика самодержавия не может обеспечить условий капиталистического развития России. Эта политика неизбежно ведет к углублению политической борьбы различных классов. Основные факторы экономической и политической жизни, вызвавшие революцию 1905 года, продолжают действовать, и новый революционный кризис назревает при таком экономическом и политическом положении неизбежно.

ж) Общее обострение на мировом рынке, объясняющееся, главным образом, изменениями промышленного положения Западной Европы в сторону кризиса, перешедшего в 1908 году в форму депрессии, и революционными движениями на Востоке, знаменующими собою создание национальных капиталистических государств, усиливает конкуренцию, ведет к учащению международных столкновений, обостряя этим классовое противоречие между буржуазией и пролетариатом и делая общую международную обстановку все более революционной.

Исходя из такого положения вещей, всероссийская конференция Р. С.-Д. Р. П. признает, что основными задачами партии являются в настоящий момент следующие:

1) разъяснение широким массам народа смысла и значения новейшей политики самодержавия и роли социалистического

пролетариата, который, ведя самостоятельную классовую политику, должен руководить демократическим крестьянством в современной политике и в предстоящей революционной борьбе. Целью этой борьбы является по-прежнему свержение царизма, завоевание политической власти пролетариатом, опирающимся на революционные слои крестьянства и совершающим буржуазно-демократический переворот путем созыва Всенародного Учредительного Собрания и создания демократической республики;

2) всестороннее изучение и широкая популяризация опыта массовой борьбы в 1905 — 1907 годах, давшего незаменимые уроки, подтвердившие правильность революционно-социал-демократической тактики;

3) укрепление Р. С.-Д. Р. II., как она сложилась в революционную эпоху; ведение по-прежнему непримиримой борьбы как с самодержавием и реакционными классами, так и с буржуазным либерализмом; борьба с отступлениями от революционного марксизма и с укорачиванием лозунгов Р. С.-Д. Р. II., обнаруживающимися с особенной силой в настоящее время среди некоторых партийных элементов, поддавшихся влиянию распада;

4) всестороннее содействие экономической борьбе рабочего класса, согласно резолюциям Лондонского и Штутгартского конгрессов;

5) использование Думы и думской трибуны для революционной социал-демократической пропаганды и агитации;

6) на очередь дня выдвигается прежде всего длительная работа воспитания, организации и сплочения сознательных масс пролетариата. Затем, в подчинении этой задаче, необходимо распространение партийной работы на крестьянство и армию, особенно в форме литературной пропаганды и агитации, при чем главное внимание должно быть обращено на социалистическое воспитание пролетарских и полупролетарских элементов в крестьянстве и армии.

3. По поводу отсутствия представителя думской соц.-дем. фракции.

Конференция выражает крайнее сожаление по поводу того, что думская фракция не прислала своего делегата на общероссийскую конференцию, на которой в порядке дня стоял ряд важ-

ных вопросов и специально вопрос о деятельности думской фракции, и предлагает Ц. К-ту выяснить причины неявки делегата.

4. О думской с.-д. фракции.

По поводу деятельности думской с.-д. фракции, являющейся одним из служебных органов, подчиненных партии и ее Центральному Комитету, конференция — в целях поднятия на должную высоту необходимой для партии деятельности фракции и в интересах правильного освещения ее работ всей партией в агитации и пропаганде — констатирует:

что в деятельности фракции за истекший период, наряду с правильными выступлениями, были отклонения от политической линии нашей партии, каковыми следует признать в особенности:

а) отсутствие в программной декларации, с которой фракция выступила в начале первой думской сессии, определенно выраженного классового и социалистического содержания и урезывания и затушевывание в ней последовательно-демократических требований нашей программы - минимум;

б) отсутствие в общих бюджетных речах и формуле социалистической мотивировки голосования соц.-демократии не только против бюджета современного русского государства, но и против всякого бюджета буржуазного государства;

в) голосование за 6¹/₂ миллионов — вместо воздержания — на нужды первоначального народного образования, в действительности ассигнованные в распоряжение ультра-черносотенного министерства Шварца;

г) неоднократное некритическое восхваление I и II Дум. в их целом, как Дум «народных» и пр., и отсутствие указаний, что и в них голоса представителей рабочих и крестьян подавлялись голосами представителей небольшого меньшинства состоятельных классов;

е) отсутствие принципиальной мотивировки отказа в разрешении правительству займа на 450 миллионов рублей и отсутствие критики либеральной оппозиции, соглашавшейся голосовать за заем в несколько уменьшенном только размере и т. д.; что фракция вообще не давала должного освещения буржуазной оппозиции и с к.-д. партией во главе, фактически ставшей на путь империализма и явной поддержки контр-революции;

что фракция неоднократно не исполняла прямых постановлений Ц. К.

Ввиду всего этого, конференция, — констатируя вместе с тем, что вина за уклонения фракции лежит не на ней одной, ибо она работает при особенно тяжелых условиях черносотенной Думы, а в некоторой степени также на всех организациях партии и на ее Ц. К., которые далеко не сделали еще всего необходимого и возможного для правильной постановки думской работы партии, — находит, что:

1) в своей дальнейшей деятельности фракция должна служить партии в духе, указанном Лондонским съездом, и в согласии с директивами Ц. К. партии;

2) основной задачей фракции в контр-революционной III Думе является — служить в качестве одного из органов партии делу с.-д. пропаганды, агитации и организации, отнюдь не становясь на путь так называемого положительного законодательства и погони за мелкими мнимыми реформами и, не ограничиваясь выступлениями только по вопросам, выдвигаемым думским большинством, всячески стараться подымать в Думе вопросы, волнующие рабочие массы и нашу партию;

3) в интересах выполнения этих агитационно-пропагандистских задач фракции необходимо в возможно близком будущем:

а) внести в Думу самостоятельные проекты рабочего законодательства (8-час. рабочий день, свобода союзов и стачек, страхование рабочих и т. п.);

б) в той или иной форме подымать возможно чаще вопрос о наступлении капитала в области экономической, связывая его с изменившимся соотношением сил в политической борьбе, вопрос о безработице в городах и голодовке в деревнях и т. п.;

в) внести ряд законопроектов, выдвигающих требований нашей программы-минимум, придавая этим законопроектам популярную форму, доступную широким слоям народа;

г) начать энергичную агитацию против контр-революционной внешней политики правительства и поддерживающих его партий, а также против тех империалистических и националистических стремлений, которые усваивают себе кадеты и часть октябристов;

д) фракция должна раскрывать и клеймить с думской трибуны политику правительства и думского большинства в национальном вопросе, постоянно обращать внимание на национальные вопросы внутри государства и энергично поддерживать выставленные

партийной программой требования в защиту прав угнетенных народностей;

е) в той или другой форме поднять вопрос о положении армии и дать защиту требований, выдвинутых в дни революционного подъема солдатами и матросами;

ж) выступая на защиту местных, хотя бы мелких и частных нужд населения, фракция должна связывать эти частные нужды с общими требованиями партии и ставить своей задачей — обнаруживать перед народом невозможность сколько-нибудь удовлетворительного разрешения местных нужд при современном режиме и отказываться от поддержки тех из местных требований, которые противоречат общим интересам пролетариата;

з) по вопросу о бюджете конференция полагает, что голосование за бюджет в целом признается принципиально недопустимым. Голосование за отдельные статьи бюджета классового государства, узаконяющие расходы на орудия угнетения масс (войско, полиция, администрация, суды и т. д.), признается также недопустимым.

При голосовании за реформы или за статьи о расходах на культурные потребности, во главу угла следует положить тот принцип нашей программы, по которому с.-д. отвергают те реформы, которые связаны с полицейско-чиновничьей опекой над трудящимися классами.

Поэтому общим правилом должно быть голосование против проводимых в III Думе так называемых реформ и статей расходов на так называемые культурные потребности.

В тех же исключительных случаях, когда имеются серьезные шансы на улучшение положения рабочих и низших служащих или на действительное удовлетворение культурных потребностей широких масс населения, — фракция, смотря по обстоятельствам, воздерживается (со внесением особой мотивировки) или голосует за, обсудив предварительно вопрос с Ц. К. и представителями партийных и профессиональных организаций;

и) фракция должна связаться возможно теснее со всеми местными и национальными партийными организациями, с с.-д. группами, действующими внутри профессиональных союзов и др. рабочих организаций, с самими этими союзами и организациями; выступать на рабочих собраниях и вообще расширять по возможности свою внедумскую деятельность.

Конференция далее обращает внимание всех местных и национальных партийных организаций и Ц. К. партии на то, что недостаточное их содействие фракции, имевшее место до сих пор, в значительной степени затрудняло ее деятельность, и считает необходимым, чтобы все партийные организации:

а) доставляли во фракцию всяческие сведения о положении рабочих, действиях администрации и объединенного капитала, материалы для запросов и речей, резолюции рабочих собраний и партийных групп, проекты речей, давали систематические деловые указания относительно предстоящих шагов фракции и деловую критику прошлых ее шагов;

б) распространяли в массах речи, запросы, законопроекты и отчеты фракции, дополняя и используя ее выступления в массовой агитации, в листках и пр.

5. Организационный вопрос.

Директивы для комиссии по организационному вопросу.

Принимая во внимание, что представленные проекты резолюций и прения по организационному вопросу с ясностью обнаружили два основных течения в Р. С.-Д. Р. II. по вопросу о коренном направлении современной организационной политики вообще,—

Конференция поручает комиссии положить в основу своих работ принципы того направления, которое признает, что для работы среди масс, остающейся по-прежнему основной задачей социал-демократии, центр тяжести должен быть перенесен на создание и укрепление нелегально-партийной организации, и что только под неуклонным воздействием этой организации может быть правильно поставлена вся работа среди масс, все воздействие на думскую фракцию, вся деятельность партии вокруг думской фракции, все использование легальных и полунелегальных организаций без всякого принижения классовых задач соц.-демократии.

Принятая конференцией после комиссионной работы резолюция.

Принимая во внимание, что:

1) хотя торжество контр-революции в данный момент создает временное равнодушие к партии в среде революционно-настроен-

ных, но в социалистическом отношении малосознательных рабочих. перед партией, тем не менее, по-прежнему стоит основная задача дальнейшего развития политическо-экономической агитации и организационной работы в среде возможно более широких рабочих масс;

2) что это торжество, отдалив осуществление демократических лозунгов партии, выбрасывает из партийных рядов все колеблющиеся интеллигентские и мелко-буржуазные элементы, прикнувшие к рабочему движению, главным образом в надежде на близкое торжество революции;

3) что изменившиеся политические условия все более и более делают невозможным постановку с.-д. деятельности в рамках легальных и полуполигальных рабочих организаций;

4) что личный состав руководящих партийных учреждений все больше и больше замещается сознательными элементами пролетариата, углубляющего свое классовое самосознание под влиянием пережитого опыта революционных лет;

5) что современные условия работы делают невозможным применение принципа демократического строительства организации в полной широте,—

конференция находит, что:

а) партия должна обратить особое внимание на использование и укрепление существующих и учреждение новых нелегальных, полуполигальных и, по возможности, легальных организаций, которые могли бы служить ей опорным пунктом для агитационной, пропагандистской и практически-организационной работы среди масс,—как-то: заводские собрания, пропагандистские кружки, нелегальные и легальные профессиональные союзы, клубы, разные просветительные рабочие общества и т. д. Вся эта работа окажется возможной и плодотворной лишь в том случае, если в каждом промышленном предприятии будут существовать чисто-партийные, хотя бы немногочисленные, рабочие комитеты, тесно связанные с массами, и если вся работа в легальных организациях будет вестись под руководством нелегальной партийной организации;

б) для объединения партийной работы на местах необходимо: а) организовать в каждой области областные центры, которые должны оказывать не только техническую поддержку местным организациям, но и помогать последним и в идейном руководстве и восстанавливать их в случае провала;

б) установить самую тесную связь местных и областных организаций с Центральным Комитетом;

в) для обеспечения правильного и непрерывного функционирования местных организаций допустимо частное применение принципа кооптации, при чем кооптированные члены должны быть при первой возможности заменены товарищами, законно выбранными на основании устава. Что же касается содержания организационной работы, то конференция находит, что, помимо политической и экономической агитации в связи с современным моментом, на которую указывается в резолюциях о задачах партии и о думской фракции, партия должна обратить особенное внимание на углубление с.-д. миросозерцания среди широких кругов партийных работников, в частности, на выработку практических и идейных руководителей с.-д. движения из среды самих рабочих.

6. Об объединении национальных организаций на местах.

1) Конференция предлагает Ц.К. принять меры к проведению объединения местных организаций нашей партии во всех тех областях, где оно до сих пор — вопреки решению Стокгольмского съезда — не произошло;

2) при этом конференция находит, что объединение это должно исходить из принципа единства с.-д. организации во всякой отдельной местности, и решительно высказывается против того, чтобы в основу объединения был положен принцип федерализма.

7. Об объединении с соц.-дем. партией Литвы.

Конференция Р. С.-Д. Р. П. поручает Ц. К. сделать дальнейшие шаги к приведению в исполнение пожелания Лондонского съезда об объединении С.-Д. П. Литвы с Р. С.-Д. Р. П.

8. Об объединении с «левицей» П. П. С.

Конференция, заслушав предложение тов. меньшевиков об объединении с «левицей» П. П. С., переходит без прений к очередным делам.

9 О созыве партийного съезда.

Ввиду того, что согласно организационному уставу партийный съезд должен был состояться уже летом истекшего года и что на опрос Ц. К. часть местных организаций отозвалась в вопросе о созыве съезда одобрительно,

конференция предлагает Ц. К. произвести анкету по местным организациям по вопросу о сроке созыва съезда и о желательном модусе выборов на съезд.

Ввиду изменившихся условий партийной работы, конференция полагает, что окажется необходимым изменение норм представительства на съезд и предлагает Ц. К., при выработке модуса представительства, руководствоваться исключительно результатами анкеты, ограничиваясь подсчетом голосов.

При этом результаты анкеты должны быть опубликованы не позже как через 5 месяцев после утверждения данного решения Ц. К.

10. О работе Центрального Комитета.

1) Конференция одобряет постановления Ц. К., который, в силу создавшегося положения вещей, должен был создать в России орган сокращенного состава, облеченный всеми правами пленарного состава Ц. К.

2) Вновь выдвигающиеся принципиально-тактические вопросы, по мнению конференции, должны по возможности рассматриваться в пленуме Ц. К. и только в случаях абсолютной неотложности разрешаться сокращенным составом Ц. К.

3) Конференция предлагает Ц. К. путем более частых объездов членами Ц. К., путем рассылки агентов от сокращенного состава Ц. К., действующего в России, и путем улучшенной постановки письменных сношений усилить контроль и связь с местными, областными и национальными организациями.

4) Ввиду значения работы партии за границей и ввиду наличности за границей массы трений и дезорганизаторской оппозиции деятельности Ц. К., — конференция считает полезным и необходимым существование за границей общепартийного представительства в форме Заграничного Бюро Ц. К.

11. О Центральном Органе.

Конференция выражает свое сожаление по поводу того, что за все время от Лондонского съезда появился всего один номер Ц. О., и настаивает, чтобы Ц. К. в самом ближайшем времени приступил к изданию Ц. О.

12. О конфликте с частью заграничных групп содействия.

Конференция признает вполне правильным постановление пленарного заседания Ц. К. о постановке работы за границей и предлагает Ц. К. во имя единства партии приложить все усилия для устранения раскола за границей и для борьбы против дезорганизаторских тенденций за границей.

Резолюции Совещания расширенной редакции «Пролетария».

1. Об отзовизме и ультиматизме.

Выдвинутый революционным крылом нашей партии лозунг бойкота Булыгинской и I Гос. Думы сыграл в то время большую революционную роль и увлек за собой все наиболее активные и наиболее революционные слои рабочего класса.

Непосредственная революционная борьба широких масс вслед затем сменилась тяжелой полосой контр-революции; для соц.-демокр. стало необходимым применить свою революционную тактику к этой новой политической обстановке, и, в связи с этим, одной из высшей степени важных задач стало — использование открытой думской трибуны в целях помощи с.-д. агитации и организации.

Между тем часть рабочих, принимавших участие в непосредственной революционной борьбе, не смогла при этом быстром повороте событий сразу перейти к применению революционно-социал-демократической тактики в новых условиях контр-революции и остановилась на простом повторении лозунгов, бывших в эпоху открытой гражданской войны революционными, а теперь, при голом их повторении, могущих задержать процесс сплочения пролетариата в новых условиях борьбы.

С другой стороны, на почве этого тяжелого перелома в атмосфере упадка революционной борьбы, апатии и растерянности даже в среде части рабочих, в период разгрома рабочих организаций и их недостаточной силы сопротивления разлагающим влияниям, — в среде части рабочего класса создался индифферентизм к политической борьбе вообще и особенно сильное равнодушие к думской работе социал-демократии.

Среди этих слоев пролетариата при таких условиях могут найти себе временный успех так называемые отзовизм и ультиматизм.

Работа III Думы, открыто издевающейся над нуждами рабочих, усиливает отзовистское настроение среди этих же слоев рабочих, неспособных еще, в силу своего недостаточного социал-демократического воспитания, понять того обстоятельства, что эта же деятельность III Думы дает социал-демократам возможность революционного использования этого представительства эксплуататорских классов для выяснения широким слоям народа истинного характера самодержавия и всех контр-революционных сил, а также—необходимости революционной борьбы.

Отзовистское настроение среди этой части рабочих питалось, сверх того, теми чрезвычайно серьезными ошибками, которые были допущены социал-демократической думской фракцией, в особенности в первый год ее деятельности.

Признавая, что это отзовистское настроение имеет отрицательное значение в деле социалистического и революционного воспитания рабочего класса, — большевистская фракция считает необходимым:

а) по отношению к этим слоям рабочих—длительную работу с.-д. воспитания и организации, систематическое и настойчивое разъяснение всей политической бесплодности отзовизма и ультиматизма, действительного значения с.-д. парламентаризма и роли думской трибуны для с.-д. в период контр-революции;

б) по отношению к думской с.-д. фракции и думской работе вообще — установление тесной связи между думской фракцией и передовыми рабочими, всесторонняя помощь ей и организованный контроль и давление на нее всей партии, между прочим, и путем открытого разъяснения ей ее ошибок, фактическое осуществление руководства партией деятельностью фракции, как партийного органа, и вообще проведение большевиками в жизнь решений последней общепартийной конференции на этот счет, ибо только усиление внимания рабочих кругов к деятельности думской с.-д. фракции и их организованное участие в думской деятельности с.-д. способно на деле выправить тактику нашей думской фракции;

в) по отношению к правому крылу партии, увлекающему думскую фракцию на антипартийный путь

и отрывающему ее тем самым от рабочего авангарда, — систематическую, непримиримую борьбу и разоблачение этой губительной для партии тактики.

* * *

К нашей партии в ходе буржуазно-демократической революции примкнул ряд элементов, привлеченных не чисто пролетарской ее программой, а преимущественно ее яркой и энергичной борьбой за демократию и принявших революционно-демократические лозунги пролетарской партии вне их связи со всей борьбой социалистического пролетариата в ее целом.

Такие недостаточно проникшиеся пролетарской точкой зрения элементы оказались и в рядах нашей большевистской фракции. На почве безвременья эти элементы выказывают все больше свою недостаточную с.-д. выдержанность и, становясь во все более резкое противоречие с основами революционно-социал-демокр. тактики, создают за последний год течение, пытающееся оформить теорию отзовизма и ультиматизма, а на деле лишь возводящее в принцип и усугубляющее ложные представления о социал-демократическом парламентаризме и думской с.-д. работе.

Эти попытки создать из отзовистского настроения целую систему отзовистской политики приводят к теории, которая по существу выражает идеологию политического индифферентизма, с одной стороны, и анархических блужданий — с другой. При всей своей революционной фразеологии, теория отзовизма и ультиматизма на деле в значительной мере является оборотной стороной конституционных иллюзий, связанных с надеждами на то, что сама Государственная Дума может удовлетворить те или другие насущные требования народа, и по существу подменяет пролетарскую идеологию мелко-буржуазными тенденциями.

Не меньший вред, нежели открытый отзовизм, приносит делу с.-д. работы и т. н. ультиматизм (т.-е. то течение, которое принципиально отказывается от использования третьедумской трибуны или практическими соображениями пытается оправдать свое уклонение от выполнения этой обязанности, и, стремясь к отзыву думской с.-д. фракции, заменяет длительную работу воспитания и выпрямления думской фракции предъявлением ей немедленного ультиматума). Политический ультиматизм в настоящее время ничем не отличается от отзовизма и лишь вносит еще большую путаницу и разброд прикрытым характером своего

отзовизма. Попытки ультиматизма установить свою непосредственную связь с бойкотизмом, практиковавшимся нашей фракцией в определенный момент революции, извращает лишь действительный смысл и характер совершенно правильно примененного огромным большинством нашей партии бойкота Булыгинской и I Гос. Дум. Своей попыткой из отдельных применений бойкота представительных учреждений в тот или другой момент революции вывести линию бойкота, как отличительный признак тактики большевизма, в том числе и в период контр-революции, ультиматизм и отзовизм показывают, что эти течения по существу являются оборотной стороной меньшевизма, проповедующего огульное участие во всех представительных учреждениях, независимо от данного этапа развития революции, независимо от отсутствия или наличия революционного подъема.

Все сделанные до сих пор отзовизмом и ультиматизмом попытки обосновать принципиально свою теорию неизбежно приводят их к отрицанию основ революционного марксизма. Намечаемая ими тактика неизбежно ведет к полному разрыву с приложенной к современным русским условиям тактикой левого крыла международной социал-демократии, приводя к анархическим уклонам.

Отзовистско - ультиматистская агитация уже стала приносить несомненный вред рабочему движению и социал-демократической работе. При дальнейшем ее продолжении она может стать угрозой единству партии, ибо эта агитация приводила уже к таким уродливым явлениям, как объединение отзовистов и с.-ров (в Спб.) для проведения отказа в помощи нашему партийному представительству, а также к некоторым публичным выступлениям перед рабочими совместно с определенными синдикалистами.

Ввиду всего этого, расширенная редакция «Пролетария» заявляет, что большевизм, как определенное течение в Р. С.-Д. Р. П., ничего общего не имеет с отзовизмом и ультиматизмом и что большевистская фракция должна вести самую решительную борьбу с этими уклонами от пути революционного марксизма.

2. О богостроительских тенденциях в социал-демократической среде.

Принимая во внимание, что в настоящее время, когда — в атмосфере упадка общественного движения — рост религиозных настроений в контр-революционно-буржуазной интеллигенции

придал этого рода вопросам важное общественное значение и что в связи с этим ростом религиозных настроений делаются ныне отдельными социал-демократами попытки связать с социал-демократией проповедь веры и богостроительства и даже придать научному социализму характер религиозного верования, — расширенная редакция «Пролетария» заявляет, что она рассматривает это течение, особенно ярко пропагандируемое в статьях товарища Луначарского, как течение, порывающее с основами марксизма, приносящее по самому существу своей проповеди, а отнюдь не одной терминологии, вред революционной социал-демократической работе по просвещению рабочих масс, и что ничего общего с подобным извращением научного социализма большевистская фракция не имеет.

Далее — констатируя, что это течение является формой борьбы мелко-буржуазных тенденций с пролетарским социализмом-марксизмом, а поскольку оно переходит к обсуждению политических вопросов (как, например, в ст. Луначарского в «Литературном Распаде») — подменяет последний первыми, расширенная редакция «Пролетария» считает правильным напечатание в № 42 «Пролетария» статьи: «Не по дороге» и предлагает редакции, как и в прежнем, вести решительную борьбу с подобными тенденциями, разоблачая их антимарксистский характер.

3. По поводу протеста т. Максимова *) в связи со статьей «Не по дороге» **) (№ 42 «Пролетария»).

По поводу поданного тов. Максимовым в расширенную редакцию «Пролетария» протеста против помещения редакцией «Пролетария» статьи: «Не по дороге», — протеста, заключающего в себе угрозу расколом, расширенная редакция «Пролетария» считает нужным заявить:

1) что ссылки т. Максимова на нарушение решения редакции — не помещать философских статей на страницах нелегального органа — совершенно неосновательны, ибо борьба со всевозможными формами религиозного сознания и религиозными настроениями, откуда бы они ни исходили, является необходимой и одной из очередных задач руководящего органа фракции,

*) Псевдоним А. А. Богданова. Р е д.

**) Статья принадлежала Л. Б. Камневу. Р е д.

и страницы «Пролетария» ни под каким видом не могли быть закрыты для подобной борьбы;

2) что подобный протест должен быть рассматриваем, как попытка прикрыть богостроительскую пропаганду в с.-д. среде и помешать «Пролетарию» выполнять одну из его задач.

4. Об отношении к думской деятельности в ряду других отраслей партийной работы.

Обсудив вопрос о задачах большевистской фракции по отношению к думской деятельности в связи с другими сторонами партийной работы, расширенная редакция «Пролетария» постановила, в развитие и в применение резолюции партийной всероссийской Конференции от декабря 1908 года:

I.

1. Общей и основной задачей момента является сохранение и укрепление Р. С.-Д. Р. П. и проведение по-прежнему революционно-социал-демократической тактики в плоскости той работы, которая предписывается условиями переживаемого момента.

2. В области теории на первый план выдвигается отстаивание и развитие ортодоксального марксизма, в области же практически-политической работы, прежде всего, необходимо устройство на всех фабриках и заводах чисто партийных ячеек, которые должны:

а) войти в самое тесное соприкосновение с рабочей массой на почве повседневных интересов, экономической борьбы и т. д., вести самую живую экономическую агитацию и борьбу;

б) приложить все усилия для развития политической агитации, для чего особенно необходимо использование того крайне важного и богатого агитационного материала, который дает III Дума.

Только на этих двух крупнейших задачах при максимальном общегородском, областном и всероссийском объединении и централизации всей работы возможно воссоздать и упрочить нашу партию, как с.-д. организацию авангарда рабочего класса.

3. Необходимо превращение всех и всяческих полулегальных и легальных организаций рабочего класса в опорные пункты си-

стематической соц.-демократической пропаганды, агитации и организации, направляемой чисто партийными нелегальными ячейками. На использование в этом смысле легальных возможностей,—в какой области достигнуты уже большевиками некоторые успехи,—следует обратить значительно больше внимания, инициативы и усилий, чем это сделано до сих пор. Усиленной работой профсоюзов во всех других рабочих организациях, на съездах и т. д. следует завоевывать руководящую позицию, указанную в резолюциях Лондонского и Штутгартского конгрессов.

4. Своеобразной задаче современного момента контр-революции — использованию особенно важной в данное время легальной возможности, — именно трибуны Гос. Думы — должно быть посвящено гораздо больше инициативы, внимания и сил, чем до сих пор, при чем большевики должны и здесь отстоять путь революционно-социал-демократического парламентаризма против меньшевистского оппортунизма, ликвидаторства и парламентского кретинизма.

5. Необходимо усилить чисто социалистическую пропаганду, что в особенности предписывается заменой на руководящих партийных функциях интеллигентов рабочими.

6. Ввиду тяжелого положения, переживаемого партией, необходимо сосредоточить силы на восстановлении организации, и в первую голову рабочих комитетов, как основных партийных ячеек, и на постановке литературной агитации, легальной и нелегальной (местные и областные газеты, листки, прокламации и т. д.).

7. Необходимо продолжать пропаганду непосредственной революционной борьбы народных масс (политические забастовки, восстания и проч.), разъясняя опыт всех практиковавшихся ее методов в прошлом и условия возможного дальнейшего ее применения.

II.

Отличие революционно-социал-демократического использования парламентаризма от оппортунистического приобретает в переживаемый нами момент особенно важное значение.

Обстановка деятельности всякого буржуазного парламента вообще и нашей черносотенной октябристской Думы, в частности, способствует отчуждению социалистических депутатов от рабо-

чего движения и от партии,—способствует развитию взгляда на парламентаризм, как на нечто главное, основное, само-довлеющее. Необходимо упорной и систематической работой противодействовать этим влияниям, всесторонне развивая и проводя в жизнь взгляд на думскую с.-д. фракцию, как на один из подчиненных органов социалистического рабочего движения, как на одну из организаций партии, проводящих тактику партии в целом.

В противовес влияниям буржуазной обстановки, стремящимся свести деятельность с.-д. депутатов к мелким вопросам подсобной правительственной канцелярии и к безгласной поддержке «оппозиции» либералов, необходимо выдвигать на первый план строго-принципиальную, классовую позицию, которую должна занять с.-д. фракция в своих думских выступлениях по каким бы то ни было вопросам, необходимо настаивать на проповеди социализма с думской трибуны; на отстаивании революционно-демократических целей и революционных методов завершения стоящих по-прежнему перед Россией задач буржуазно-демократического переворота; на защите традиций и лозунгов революции без всякого их укорачивания против контр-революционного, в частности, буржуазно-либерального течения. Необходимо провести в жизнь такую думскую тактику с.-д. партии, при которой с.-д. депутаты не ограничивались бы общедемократической критикой правительства, а давали классовый анализ всех партий и в особенности партии к.-д., пытающейся выдать свою мелкую «оппозицию» за надклассовую, «общенациональную» оппозицию. Необходимо бороться с появляющимся (среди меньшевиков и ликвидаторов, в особенности) реформизмом, противопоставляя буржуазному социал-реформаторству и раболепству перед каждой квази-«реформой», осуществляемой кадетски-октябристским блоком в Думе, точку зрения революционной социал-демократии на реформы; агитация за реформы должна быть используется в целях проповеди социализма и революции, в целях сплочения и воспитания пролетариата, а попытки самодержавия осуществлять реформы должны быть используются в целях создания новых опорных пунктов рабочего движения и усиления натиска пролетариата на капитал и монархию. На вопросы рабочего законодательства должно быть обращено при этом усиленное внимание, и эти вопросы должны трактоваться равным образом не в реформистском, а в революционно-социал-демократическом духе.

III.

Все местные организации Р. С.-Д. Р. П., стоящие на точке зрения большевизма, должны приложить все усилия к тому, чтобы заинтересовать пролетариат в думской политике социал-демокр. В частности, следует обратить внимание—помимо местных и областных печатных органов—на листовую агитацию, распространяющую в массах сведения о думской работе с.-д. и направляющую эту работу в партийном духе и в духе более тесной связи с рабочим движением. Тематами таких листов могли бы быть указания на вопросы, подлежащие освещению с думской трибуны, затем подведение итога в деятельности с.-д. в Думе и группировке партий, конспекты пропагандистских речей по этим вопросам, анализ политического значения особенно важных с.-д. речей в Думе,—указания ошибок, недоговоренностей или неточностей в с.-д. думских речах,—наконец, выдержки из с.-д. думских речей с практическими выводами, важными для пропаганды и агитации и т. д.

5. Задачи большевиков в партии.

В эпоху решительного торжества контр-революции, последовавшую за разгоном II Думы, всей партийной деятельности силой вещей была предписана задача: наперекор усилиям реакции и при глубоком упадке классовой пролетарской борьбы сохранить партийную организацию, созданную в годы высшего подъема пролетарской борьбы, т.-е. как организацию, сознательно стоящую на почве ортодоксального марксизма и объединяющую все «национальные» социал-демократические организации в целях проведения единой революционной с.-д. тактики.

В ходе этой 2-летней борьбы за партию и партийность с полной ясностью определились, с одной стороны, отмежевка партии от элементов, привнесенных в нее специальными условиями буржуазно-демократической революции, с другой стороны, дальнейшее сплочение революционных социал-демократов.

С одной стороны, определились вполне те бывшие попутчики социал-демократ., которые, уходя от партии, перенесли свою деятельность целиком в различные легальные организации (кооперативы, профессиональные союзы, просветительные общества, комиссии при думской фракции), и там не только не проводили

партийной политики, но, наоборот, боролись с партией, стремясь оторвать от нее и противопоставить ей эти организации. Возводя легальность в фетиш и узкие формы деятельности, навязанные временной приниженностью и раздробленностью рабочего движения, в принцип, эти элементы—откровенные ликвидаторы партии—с полной для всех очевидностью стали на почву теоретического и тактического ревизионизма. Теснейшая связь между ликвидаторством организационным—борьба с партийными учреждениями—и принципиальной борьбой против марксистской теории и основ программы Р. С.-Д. Р. П. с полной ясностью теперь показана и доказана всей историей навязывания оппортунистической линии нашей думской фракции ее интеллигентскими советчиками, всей борьбой между ликвидаторами и партийцами внутри легальных рабочих организаций и в рабочих группах 4-х съездов—народных университетов, кооперативного, женского, фабрично-заводских врачей.

С другой стороны, левое крыло партии, на долю которого выпало руководство партией в этот период решительного торжества контр-революции, теоретически признало и на деле проводило тактику целесообразного соединения нелегальной и легальной партийной работы. Сюда относится вся партийная работа над думской фракцией и вся партийная работа в легальных и полунелегальных пролетарских организациях. Именно эти формы работы выдвинуты своеобразными условиями современного исторического момента в дополнение к основным формам партийной работы, как формы воздействия нелегальной партии на более или менее широкие массы. Именно в этих формах деятельности партия практически, на деле, сталкивается с ликвидаторством и наносит ему чувствительные удары. На этой же почве практически сближались и сближаются партийные социал-демократы различных фракций *). И здесь же, наконец, на тех же вопросах тактики и организации партии в условиях третьедумского периода, большевистская фракция открыто отмежевывается от псевдо-революционных, неустойчивых, немарксистских элементов, выступивших против новых форм партийной деятельности под флагом так называемого «отзовизма».

*) Единогласно приняты в Ц. К. резолюции о проф. союзах, кооперативах и ряд постановлений о думской работе. Подавляющее большинство—за партийную линию на последней общероссийской Конференции; опыт ведения Ц. О-гана; рабочие группы вышеуказанных съездов и т. п.

В настоящее время, намечая основные задачи большевиков, расширенная редакция «Пролетария» констатирует:

1) что в дальнейшей борьбе за партию и за партийность задачей большевистской фракции, которая должна остаться передовым борцом за партийность и революционную социал-демократическую линию в партии, является всесторонняя деятельная поддержка Ц. К. и Центрального Органа партии. Только общепартийные центральные учреждения могут в настоящий период перегруппировки партийных сил явиться авторитетным и сильным представителем партийной линии, на которой сплотились бы все действительно партийные и действительно социал-демократические элементы;

2) что в меньшевистском лагере партии, при полном пленении официального органа фракции «Голос Социал-Демократа» меньшевиками-ликвидаторами, меньшинство фракции, испытав до конца путь ликвидаторства, уже поднимает голос протеста против этого пути и ищет вновь партийной почвы для своей деятельности (письмо «выборгских» меньшевиков в Спб., раскол меньшевиков в Москве, раскол в ред. «Голос Соц.-Демократа», соответственное разделение в Бунде и т. п.);

3) что при таких обстоятельствах задачей большевиков, которые останутся сплоченными авангардом партии, является не только продолжение борьбы с ликвидаторством и всеми видами ревизионизма, но и сближение с марксистами и партийными элементами других фракций, как это диктуется общностью целей в борьбе за сохранение и укрепление Р. С.-Д. Р. П.

6. О партийной школе, устраиваемой за границей в Капри.

Расширенная редакция «Пролетария», рассмотрев вопрос о школе в Капри, признает, что организация этой школы группой инициаторов (в том числе один из членов расширенной редакции «Пролетария», т. Максимов) шла с самого начала помимо редакции «Пролетария» и сопровождалась агитацией против нее. Сделанные до сих пор группой инициаторов шаги уже с полной ясностью обнаруживают, что под видом этой школы создается новый центр откалывающейся от большевиков фракции. Инициаторы этой школы помимо общих центров вступили в сношения со многими русскими комитетами, организовали самостоятельную кассу и сборы денег, организуют свою агентуру,

даже не сообщая об этом ни редакции «Пролетария», ни общепартийному центру.

Признавая, что, при современном недостатке опытных партийных работников, целесообразно поставленная и действительно партийная школа, даже находящаяся за границей, могла бы до известной степени помочь местным организациям в деле выработки годных партийных работников из среды рабочих, и считая необходимым, с своей стороны, сделать все, что положение нашей организации позволяет для выполнения этой помощи местным организациям, расширенная редакция на основании всего образа действия инициаторов школы в Капри констатирует, что эти инициаторы преследуют не общefракционные цели, т.-е. не цели большевистской фракции, как идейного течения в партии, а свои особые, групповые идейно-политические цели. Расширенная редакция «Пролетария» констатирует, что в связи с разногласиями, обнаружившимися в нашей фракции по вопросам об отзовизме, ультиматизме, отношении к проповеди богостроительства и вообще о внутрипартийных задачах большевиков, в связи с тем, что инициаторами и организаторами школы в Капри являются исключительно представители отзовизма, ультиматизма и богостроительства, идейно-политическая физиономия этого нового центра определяется с полной ясностью.

Ввиду всего этого, расширенная редакция «Пролетария» заявляет, что большевистская фракция никакой ответственности за эту школу нести не может.

7. О большевистских конференциях.

Расширенная редакция «Пролетария» признает, как принцип, что большевистские конференции с выборами от низов и большевистские съезды допустимы только во время заседаний о б щ е п а р т и й н ы х съездов, как большевистская часть данных о б щ е п а р т и й н ы х коллегий. (Принято единогласно.)

8. Об агитации за отдельный от партии большевистский съезд, или большевистскую конференцию.

Принимая во внимание:—что большевистская фракция со времени восстановления партийного единства выделяла и спланивала сторонников своей политической линии всегда на вопросах, став-

ших уже предметом общепартийной дискуссии, и всегда путем идейной борьбы за свое решение этих вопросов на арене общепартийной—параллельные платформы и дискуссии в партийных ячейках, на общепартийных съездах;

что лишь такой путь гарантирует и сплочение действительных единомышленников, и привлечение к фракции всех элементов, по существу родственных ей;

что и для осуществления основной нашей цели, для воздействия на партию в интересах окончательного торжества в ней линии революционной социал-демократии, выделение большевиков только на общепартийной арене является единственно правильным и единственно целесообразным;

что иной путь—путь созыва особых большевистских конференций и съездов—неминуемо привел бы к расколу партии сверху донизу и нанес бы непоправимый удар той фракции, которая взяла бы на себя инициативу такого окончательного раскола Р. С.-Д. Рабочей Партии,—принимая все это во внимание, расширенная редакция «Пролетария» постановляет:

1. Предостеречь всех единомышленников против агитации за специально-большевистский съезд, как агитации, объективно ведущей к расколу партии и могущей нанести решительный удар той позиции, которая уже завоевана в партии революционной соц.-демократии.

2. Ближайшую конференцию большевиков приурочить к очередной партийной конференции, а верховным собранием фракции в целом явится собрание единомышленников на ближайшем партийном съезде.

3. Ввиду стоящих на очереди важных вопросов, волнующих партию и фракцию, большевикам в Ц. К. поручено настаивать на возможном ускорении созыва обще-партийной конференции (срок 2 — 3 месяца) и затем на ускорении созыва партийного съезда.

9. Об отколе тов. Максимова.

Признавая, что в связи со всеми вопросами порядка дня с очевидностью обнаружилось отсутствие принципиального и тактического единства между десятью членами расширенной редакции «Пролетария», с одной стороны, и тов. Максимовым, с другой стороны, признавая, далее, что со стороны т. Максимова за последнее время были сделаны шаги, направленные также и к нарушению

организационного единства большевистской фракции: констатируя, наконец, что т. Максимов дал отрицательный ответ по вопросу о подчинении постановлениям расширенной редакции «Пролетария» и о проведении их в жизнь, редакция «Пролетария» в расширенном составе снимает с себя отныне всякую ответственность за все политические шаги тов. Максимова.

Заявление, внесенное представителем большевиков из Петербурга

Мы констатируем, что произошел не раскол большевистской фракции, а откол ничтожного меньшинства расширенной редакции «Пролетария».

(Подписи присоединили еще 10 членов расширенной редакции «Пролетария».)

№ 3.

**Резолюции пленарного собрания Ц. К.
Р. С.-Д. Р. П.**

(Январь 1910 г.)

1. Положение дел в партии.

В развитие основных положений резолюций партийной конференции 1908 г., Ц. К. постановляет:

1. Тактика с.-д. всегда едина в своей принципиальной основе, идет ли речь об эпохе открытой гражданской войны и общественных потрясений или о периоде общественного застоя. Она всегда рассчитана на то, чтобы дать максимум результатов как в случае быстрой ломки условий сегодняшнего момента, так и в случае сравнительной неподвижности данной политической обстановки.

Для сознательного российского пролетариата, выходящего из состояния придавленности, в которое он был временно повергнут торжеством контр-революции, впервые открывается возможность, организуясь в массовую с.-д. партию, применять сознательно, планомерно и последовательно этот тактический метод международной с.-д-тии, выработать тактику, рассчитанную не на данную лишь конкретную обстановку ближайшего момента, а на различные пути, которыми может пойти совершающееся после поражения революции 1905 г. приспособление поколебленного абсолютизма к условиям существования капиталистического общества. Его тактика должна способствовать накоплению его сил и развитию энергии его классовой борьбы, в какую бы форму ни вылился неизбежный крах контр-революционной политики пытающегося приспособиться к потребностям буржуазного развития абсолютизма и какую бы ни принял форму неизбежный общественный

кризис. Тактика эта делает пролетариат готовым к новой открытой революционной борьбе и в то же время дает ему возможность использовать для себя все противоречия неустойчивого режима контр-революции.

2. Рабочее движение в России переживает период крупнейшего исторического перелома. С одной стороны, упадок массовой борьбы, крайнее усиление репрессий, объединение капитала и наступление его, развал организаций и бегство интеллигенции из партии,—все это порождает острый кризис с.-д. партии. С другой стороны, несомненно, наблюдается повсюду, что пробивает себе дорогу новое поколение с.-д. рабочих, прошедших под руководством с.-д. политическую школу в событиях революции и контр-революции, стремящихся отстоять задачи революции и методы ее, найти соответствующие новым условиям исторического момента формы борьбы и обновить партийную с.-д. организацию.

3. На основе такого состояния рабочего движения наблюдается повсюду у сознательных представителей его тяга к концентрации партийных с.-д. сил, к укреплению партийного единства.

Широкое контр-революционное течение в либеральных и мелко-буржуазно-демократических слоях народа усиливает в сознательном пролетариате стремление отстоять свою классовую партию, ее революционные цели и методы действия, сплотить всех с.-д. против укрепившихся и наступающих врагов.

Открытые выступления пролетариата как на думской трибуне (через с.-д. депутатов III Думы), так и на легальных съездах и во всякого рода легальных учреждениях ведут к сплочению его сил, усиливают стремление противопоставить себя всем остальным классам, оказать организованное влияние на общественную жизнь и таким образом отстоять революционно-социал-демократические цели и классовый характер своего движения.

Все сильнее сознается необходимость объединить разрозненные нелегальные группы с.-д. в открытых и полуоткрытых учреждениях и партийные рабочие ячейки, использовать все легальные учреждения для возрождения массового движения и превратить все эти учреждения в опорные пункты соц.-дем. работы; все сильнее становится стремление положить конец кустарничеству и помочь созданию работоспособного и действительно руководящего работой на местах Ц. К.-та.

У передовых рабочих, на-ряду с стремлением углубить свое социалистическое мировоззрение и понимание марксизма, крепнет

сознание необходимости усилить экономическую борьбу и профессиональное единение, а также развить политическую агитацию в массах.

4). В области идейно-политических задач с.-д. движения, в свою очередь, выдвинулись такие, которые властно требуют партийного единства и создают его через все препятствия:

а) историческая обстановка с.-д. движения в эпоху буржуазной контр-революции неизбежно порождает, как проявление буржуазного влияния на пролетариат, с одной стороны, отрицание нелегальной с.-д. партии, принижение ее роли и значения, попытки укоротить программные и тактические задачи и лозунги революционной соц.-дем. и т. д.; с другой стороны, отрицание думской работы с.-д. и использования легальных возможностей, непонимание важности того и другого, неумение приспособить революционно-демократическую тактику к своеобразным историческим условиям современного момента и т. д.;

б) неотъемлемым элементом с.-д. тактики при этих условиях является преодоление обоих уклонов путем расширения и углубления соц.-дем. работы во всех областях классовой борьбы пролетариата и разъяснения опасности этих уклонов;

в) сознание опасности обоих указанных уклонов и задача их преодоления делает еще более необходимым восстановление организационного единства Р. С.-Д. Р. П., и это обстоятельство, в связи с очерченными выше объективными условиями, усиливает необходимость уничтожения фракционности, уничтожения всех более или менее организованных фракций и превращения их в течения, не нарушающие единства партийного действия.

(В целом принято единогласно.)

2. О созыве очередной общепартийной конференции.

Ввиду того, что областные организации в настоящее время в большинстве областей разрушены и созыв обширных областных конференций до крайности затруднен политическими препятствиями, Ц. К. рекомендует произвести выборы областных делегаций на следующих началах:

а) по совещании с местными организациями Ц. К. намечает в каждой области соответствующее число важнейших пунктов с.-д. движения. Общее число делегатов от области распределяется между этими пунктами;

б) организации менее значительных пунктов с.-д. работы при соединяются для выбора делегата к ближайшим крупным пунктам.

П р и м е ч а н и е 1. Это исключает областные конференции, если созвать таковые окажется возможным.

П р и м е ч а н и е 2. При этом Ц. К., настоятельно приглашает тов. избирать делегатов на конференцию обязательно из числа партийных работников, действующих на местах.

Ц. К. признает необходимость предварительной разработки вопросов порядка дня на местах и рекомендует перенести обсуждение этих вопросов не только в районные, заводские и т. п. партийные ячейки, но и в среду с.-д-ских участников легального движения, готовых восстановить организационную связь с партией. При организации выборов п а р т и й н ы е группы в легальном рабочем движении должны быть привлечены к выборам на общих со всеми партийными ячейками основаниях.

Считаясь с тем обстоятельством, что полное установление прочной организационной связи между различными формами с.-д. деятельности на местах представляет огромные трудности, для преодоления которых неизбежно потребуются долгая и упорная работа, и признавая, что участие в ближайшей же общепартийной конференции возможно большего числа п а р т и й н ы х деятелей открытого рабочего движения могло бы сильно двинуть вперед осуществление этой задачи, Ц. К. признает необходимым дополнительное представительство от с.-д. групп в легальном движении, готовых установить прочную организационную связь с местными партийными центрами. Предоставляя этим дополнительным делегатам совещательный голос, Ц. К. передает окончательное решение вопроса о совещательных или решающих голосах самой конференции.

Для успешной подготовки ближайшей общерусской конференции и в интересах дальнейшего сплочения соц.-дем., действующих в различных областях рабочего движения, в единую партийную организацию, Ц. К. рекомендует областным и местным партийным центрам взять на себя инициативу созыва совещаний—местных и областных—из работников основных партийных ячеек фабрично-заводских, районных и т. д. комитетов, с одной стороны, и партийных с.-д. групп, а также отдельных деятелей в рабочем движении, с другой стороны.

Задачей подобных совещаний должно быть обсуждение вопросов порядка дня общепартийной конференции, а также всех вообще вопросов текущей с.-д. деятельности на местах.

Ц. К. наметил следующий предварительный порядок дня конференции:

1) экономическая борьба, проф. союзы легальные и нелегальные, профессиональная пресса, смешанные комиссии, институт старост и т. д.;

2) работа партии в связи с думской деятельностью (в том числе вопросы рабочего законодательства, страхования рабочих и проч.);

3) организованное участие в общественных съездах и во всех государственных и общественных учреждениях, затрагивающих интересы рабочего класса (городские думы, земства, общества обывателей и избирателей...);

4) кооперативы;

5) пропагандистская и организационная деятельность в различных легальных обществах (просветительные общества, клубы, общества трезвости, упрочение существующих и учреждение новых обществ);

6) вопросы пропаганды и агитации (Ц. О., рабочая газета, листки и прокламации, брошюрная литература, легальная пресса, кружки самообразования, партийная школа);

7) бюджет партии (постановка партийных организаций в финансовом отношении на пролетарской основе, правильные членские взносы, сборы, оплата нелегальной прессы);

8) организационные вопросы (политически руководящий центр в России, объединение деятельности на местах, восстановление связи между местными организациями).

(Принято всеми при одном воздержавшемся.)

3. Устав Ц. К.

1. Действующая в России коллегия членов Ц. К. пользуется всеми правами Ц. К.

2. Все члены Ц. К. обязаны исполнять ту или другую часть работы Ц. К.

3. Действующий Ц. К. состоит из членов его и кандидатов, выбранных на Лондонском съезде.

4. . . . *).

5. В случае выбытия кого-либо из . . . членов коллегии выбывший замещается выразившим желание работать в России кандидатом Лондонского съезда; в случае отсутствия таковых — одним из кандидатов, заранее намеченных коллегией не из состава кандидатов Лондонского съезда.

6. Новые кандидаты кооптируются большинством русской коллегии и при отсутствии хотя бы одного голоса против и считаются исполняющими должность членов Ц. К. впредь до утверждения их общепартийной конференцией.

7. Кандидаты, выбранные Лондонским съездом, замещают выбывающих членов Ц. К. в порядке, установленном уставом.

Вновь кооптированные кандидаты замещают выбывших по течениям, или по принадлежности к национальным организациям.

Порядок замещения выбывших членов Ц. К. устанавливается в деталях русской коллегией.

8. . . . *).

9. За границей действует назначенное Ц. К-том Заграничное Бюро Ц. К., состоящее из 5 чл. Ц. К. В состав Бюро входят три представителя «национальных» Ц. К-тов.

Ц. К-ты национальных организаций имеют право назначать в Заграничное Бюро и нечленов Ц. К. Последние не могут участвовать в пленуме Ц. К.

Заграничное Бюро Ц. К. заведует имуществом партии, издательскими и техническими делами, представляет партию за границей, объединяет заграничные группы содействия партии и служит посредствующим звеном между ними и действующим в России Ц. К-том.

Большинство членов Заграничного Бюро Ц. К. должно жить в одном городе.

10. Пленум из 15 чл. Ц. К. созывается: 1) по постановлению русской коллегии (большинством $\frac{2}{3}$ гол.), но не менее 5; 2) по единогласному постановлению Загр. Бюро Ц. К.; 3) в случае провала более половины русской части Ц. К., если арестованные не могут сейчас же быть заменены наличными кандидатами.

11. В пленум (из 15 чл.) привлекаются: 1) члены действующей в России коллегии; 2) члены Загр. Бюро Ц. К., за исключением

*) Пункты 4 и 8 не были опубликованы по конспиративным соображениям. Р е д.

тех его членов, которые не состоят членами Ц. К.; 3) если те и другие не дают числа 15, то привлекаются к работам пленума и остальные кандидаты в следующем порядке:

а) кандидаты Лондонского съезда, выполняющие какую-либо партийную работу в России;

б) члены Ц. К. и их кандидаты, живущие за границей и занятые на работе, порученной им Ц. К.-том.

При замещении кандидатур соблюдается пропорциональность течений. Вопрос о том, кто именно из кандидатов имеет право присутствовать на пленуме, решается имеющимися на-лицо действительными членами Ц. К. данного течения.

(Принято единогласно.)

4. О Центральном Органе.

Центральному Органу рекомендуется: стремясь к тому, чтобы большинство статей было неподписанных (т.-е. редакционных), помещать за подписью авторов такие статьи отдельных т.т., с которыми редакция соглашается в общем и целом, не соглашаясь с частностями, чтобы таким образом облегчить участие в Ц. О. представителей различных течений в партии.

Редакция Ц. О. составлена из 2 большевиков, 2 меньшевиков и одного представителя П. С.-Д.

5. О «Дискуссионном Сборнике».

Создается неперiodический «Дискуссионный Сборник».

Его редакция составляется из представителей (по одному) в с е х существующих в партии течений и по одному от «национальных» организаций.

Для гарантии прав меньшинства 3-м членам редакции обеспечивается право помещать статьи по одному их требованию.

6. О партийной школе.

Ц. К. постановляет: сделать подготовительные шаги к организации партийной школы за границей.

Ц. К. назначает для этого комитет из 9-ти лиц: 2 большевика, 2 меньшевика, 2 из группы «Вперед», 1 бундовец, 1 п. с.-д., 1 лат. соц.-дем.

За границей и в России немедленно открывается подписка в пользу школы.

Заграничному Бюро Ц. К. ставится на вид, что оно должно исчерпать все меры к тому, чтобы т.т. Максимов и др. отказались от организации сепаратной школы и вошли в организацию школы при Ц. К-те, в которой им должна быть обеспечена полная возможность полностью применить свои педагогические и лекторские силы.

7. Копенгагенский Международный Конгресс.

Приняты меры к организации делегации на конгресс и к составлению отчета партии; местным организациям партии предлагается с своей стороны озаботиться посылкой своих представителей на конгресс.

Если общепартийная конференция состоится до конгресса, делегация будет намечена ею.

Представителями партии в Международное Бюро единогласно выбраны т.т. Г. В. Плеханов и Н. Ленин.

8. О газете «Правда».

Ц. К. постановляет: оказывать субсидию газете «Правда» и делегировать в редакцию ее своего представителя в качестве третьего редактора.

Всякие изменения в составе редакции «Правды» производятся путем соглашения между редакцией и Ц. К.

Вопрос о превращении «Правды» в орган Ц. К. отложить до ближайшей конференции.

9. О группе «Вперед».

Ц. К. регистрирует литературную группу «Вперед» как партийную издательскую группу.

Ц. К. предлагает комиссии по организационным вопросам выработать проект мер к тому, чтобы литературно-издательские предприятия группы «Вперед» были включены в общую систему партийной литературной деятельности за границей и существование обособленной группы стало излишним.

10. О фракционных центрах.

Ввиду принятия ряда резолюций, направленных к созданию в партии фактического единства, и декларации тов. большевиков, распускающих свой организационный центр и закрывающих «Пролетарий»,—

Центральный Комитет выражает полную уверенность, что редакция Ц. О., проводя резолюции, единогласно принятые Ц. К., будет способствовать сплочению всех литературных сил без различия направлений, и высказывает убеждение, что интересы партии и партийного единства требуют закрытия в ближайшем будущем газеты «Г о л о с С о ц и а л - Д е м о к р а т а».

Согласно с этим Ц. К. обращается к т.т. меньшевикам, членам Ц. К. и Ц. О., с предложением приложить все усилия для достижения этой цели посредством воздействия на своих ближайших единомышленников. (В целом принято единогласно.)

(Вот декларация большевиков:

«Ввиду того, что Ц. К-том на его последних заседаниях сделан целый ряд шагов к уничтожению фракционных центров и к воссозданию организационного единства Р. С.-Д. Р. П.;

ввиду того, что Ц. К-том е д и н о г л а с н о принята политически важная и партийно-обязывающая резолюция, осуждающая ликвидаторство и отзовизм и признающая борьбу с этими течениями за неотъемлемый элемент политической линии партии, а проведение этой линии в жизнь обеспечено составом редакции Центрального Органа;

ввиду того также, что среди меньшевистской части партии, среди меньшевистских руководителей в частности, ясно намечается стремление покончить с своей фракционной обособленностью, прекратить издание своего фракционного органа, признать единство заграничной кассы Загр. Бюро Ц. К-та и способствовать, с своей стороны, проведению этого единства в жизнь,

мы, нижеподписавшиеся, идя целиком навстречу назревшей потребности в организационном единстве партии, заявляем:

1) мы распускаем свой фракционный центр;

2) мы прекращаем издание газеты «Пролетарий», оставляя лишь за собою право выпустить в ближайшем будущем последний итоговый номер ее, если фракционный орган меньшевиков будет продолжать выходить;

3) . . .

4) . . . (в этих 2 пунктах речь идет о немедленной передаче большевиками части своего имущества в Ц. К. и об образовании ими большевистской чисто-литературной группы);

5) всю остальную имеющуюся в нашем распоряжении наличность мы передаем стороннему держателю, предлагая ему, с своей стороны, передать отданную ему на держание сумму в кассу Ц. К-та в два годичных срока, буде в течение этого времени окажется, что меньшевистская фракция также принимает все меры, необходимые для действительного уничтожения меньшевистского центра и для утверждения организационного единства партии. Шагами, которые заставили бы нас потребовать от держателя возврата денег, мы считаем: продолжение издания меньшевиками их руководящего фракционного органа, сохранение меньшевистской фракционной кассы, отказ содействовать общепартийным центрам в России и за границей»).

В связи с этим заявлением б-ков Ц. К. вынес резолюцию, в которой говорится, между прочим, следующее: вносимая большевиками—сверх того, что они немедленно передали в кассу Ц. К., и за вычетом суммы, выданной Ц. К-том большевистской литературной группе займа на ведение чисто издательского дела,—сумма «передается трем товарищам» (о личности этих 3 товарищей достигнуто соглашение), которые в определенные сроки определенными долями должны передавать их Ц. К-ту.

Если за это время представители большевистского течения, ссылаясь на мотивы, указанные в их декларации, заявят требования о выдаче им оставшейся к тому времени суммы, то этот вопрос во всем его объеме, т.-е. выдать ли и кому именно (большевистским членам Ц. К. и Ц. О. или Центральному Комитету),—решается окончательно этими держателями, при чем предварительно созывается для этой цели пленум, который принимает по этому вопросу решение; об этом решении и о прениях сообщается держателям.

Если по тем или другим причинам не удастся в течение 3 месяцев с момента заявления представителями большевистского течения своего требования устроить пленум, созывается для той же цели комиссия из 5 членов Ц. К. (1 большевик, 1 меньшевик и по одному от «национальных» организаций).

11. Об устранении раскола за границей.

Ц. К. считает ближайшей задачей Заграничного Бюро Ц. К. устранение раскола между группами за границей и объединение их с национальными с.-д. группами (единогласно).

12. О членских взносах.

Ц. К. считает одной из высшей степени важных задач постановку партийного бюджета на более прочную основу и рекомендует товарищам сделать все усилия, чтобы добиться в возможно скором будущем правильной постановки членских взносов.

13. Об отступлении от партийной дисциплины.

Констатируя, что за время от Лондонского съезда в связи с делами ... в партии имели место факты, противоречащие партийным резолюциям, что некоторые товарищи совершили поступки, нарушающие партийную дисциплину, но, имея вместе с тем ввиду, что:

1) в намерения указанных товарищей не входило вредить интересам партии;

2) что товарищами, против которых выдвинуты обвинения, руководили лишь неправильно понятые интересы партии;

3) что это неправильное понимание объясняется к тому же по отношению к некоторым делам атмосферой, присущей моменту, непосредственно следовавшему за периодом боевых выступлений масс;

4) что организационные правонарушения и отступления от партийной дисциплины в некоторых из вышеупомянутых дел тесно связаны с существованием фракций и их борьбой внутри партии, —

Ц. К. решительно осуждает подобные отступления от партийных резолюций и нарушения партийной дисциплины и считает необходимым принять все меры к тому, чтобы такие явления впредь в партии не имели места.

Современное положение и задачи партии.

(Платформа, выработанная группой большевиков).

*Изд. группы «Вперед» *).*

Мы понимаем большевизм, как самое строгое и последовательное применение идей научного социализма к русской действительности.

1. Впервые выступил большевизм еще в те времена, когда организационное строительство нашей партии проходило свои начальные, самые тяжелые этапы. Оно было очень трудным делом не только потому, что велось в подпольи, но также и по другим, внутренним причинам. Партия создавалась посредством объединения прежде разрозненных, разбросанных кружковых организаций, которые вели на местах свою кустарную работу. Но привычки кружковой жизни продолжали упорно держаться, и мешали сплочению партии, тем более, что в составе организаций над пролетарскими элементами пресобладали тогда интеллигентские, по самой натуре своей труднее поддающиеся организационной дисциплине, менее способные к тесному партийному единению. Когда уже была выработана программа партии, когда было, таким образом, положено прочное начало общепартийной жизни, то те же самые кружки, которые руководили делом организационного объединения, особенно же кружки заграничные, обнаружили, с одной стороны, нежелание раствориться в общей работе вновь возникшего целого, с другой стороны—стремление и впредь сохранять за собою руководящее значение. Таким

*) См. статью: «Заметки публициста I. О платформе сторонников и защитников отзовизма» во 2 части этого тома. Ред.

образом партии угрожало господство кружковщины в новом виде, и самые крупные авторитеты партии энергично поддерживали его.

Тогда большевизм выступил со своими организационными лозунгами. Он требовал, чтобы интересы дела были поставлены выше всяких авторитетов, партийность—выше всяких кружковых отношений, а также чтобы российская часть партии получила преобладание над заграничной. За эти организационные идеи большевизму пришлось вести долгую борьбу; но если даже до сих пор они не вполне проведены в жизнь партии, то, по крайней мере, формально—признаются теперь всеми

Противопоставляя старой кружковщине партийность, большевизм понимал ее отнюдь не только как дисциплину и подчинение законным центрам, но главным образом как широко-организационное решение всех вопросов партийной жизни. Естественно, что лишь только представлялась возможность в устройстве самих организаций переходить от прежних замкнутых, подпольных форм к более демократическим, большевизм немедленно делал это; и в 1905 году большевики первые созвали свою общерусскую конференцию в значительном большинстве посредством выборов прямо от организованных рабочих.

Отстаивая партийность, большевизм и в дальнейшем все время шел во главе собрания партии: большевиками было проведено объединение с различными национальными организациями, большевики всюду поддерживали до сих пор единство партийной работы.

Еще другая, важнейшая сторона организационного вопроса была предметом внутренней борьбы в нашей партии; должны ли составлять основу партии сознательные, передовые элементы борющегося пролетариата, или, ради широты развития, надо строить ее прямо из стихийно-массового рабочего движения. Сторонники второго взгляда находили, что партия должна всю свою организацию приспособлять к стремлениям и пониманию пролетарских низов, что даже программа должна вырабатываться на общем рабочем съезде и т. п.

Большевизм выступил против таких воззрений: он нашел, что неправильно и неразумно подчинять социал-демократию настроениям только еще вступающих в борьбу пролетарских низов. Большевики признали, что социал-демократия есть прежде всего партия с о з н а т е л ь н о г о революционного проле-

гарната, опирающаяся на весь опыт международного социализма; она должна поднимать рабочие массы от стихийного движения до уровня высшей социалистической сознательности, а не при-
нижать свою организацию и задачи применительно к этому сти-
хийному движению. Иной и не могла быть у нас точка зрения
строгого научного социализма, который стремится организовать
рабочее движение в его высшие формы, и руководить им с наивыс-
шей планомерностью, какая в данное время может быть достиг-
нута.

2. Благодаря крайней сложности и новизне исторических
условий, среди которых нашей партии с самого начала при-
шлось действовать, было чрезвычайно трудно найти и выработать
правильную тактику,—здесь также было много ошибок и блу-
жданий. Разно оценивалась роль рабочего класса в российской
революции, отношение его к другим классам и партиям, легаль-
ные и нелегальные способы его борьбы. В значительной части
партии намечалась такая точка зрения: революция идет у нас
буржуазная, т.-е. ведущая Россию к свободе буржуазного, капи-
талистического развития; поэтому руководство в ходе револю-
ции должно принадлежать буржуазии, а именно ее либеральным
партиям; рабочий же класс должен поддерживать либеральную
оппозицию, помогать ей добиться власти; а рабочая партия обя-
зана идти на соглашения и союзы с либералами всюду, где либе-
ралы выступают против реакционных сил. В связи с этой идеей
о руководстве либеральной буржуазии, неизбежно преувеличи-
валось значение тех приемов и методов борьбы, которые наиболее
подходят к привычкам и склонностям буржуазии, которые наиме-
нее отталкивают ее—приемов легальных и мирных, методов
парламентских; сравнительно принижалось, напротив, значение
способов нелегальных и по самому применению революционных,
каковы всеобщие политические забастовки и вооруженное вос-
стание.

Большевизм отверг эти взгляды. Систематически и неодно-
кратно исследуя «исторический момент», т.-е. вопрос о том, ка-
ковы соотношения общественных сил страны, каково их напра-
вление и ход их развития, большевизм установил следующую
точку зрения на роль пролетариата и его тактику:

а) Российская революция может быть доведена до конца
и принесет стране наибольшее освобождение всех ее производи-
тельных сил только в том случае, если руководить революционной

борьбою будет рабочий класс, и если его поддержит своим массовым движением разоряющееся, жаждущее земли крестьянство.

б) Идя во главе революционной демократии, главную массу которой должна составить борющаяся за землю деревенская беднота, рабочий класс вынужден вести борьбу не только против открыто реакционных сил, но и против либеральной буржуазии; ибо эта последняя лишь прикрывается маскою демократизма, а на деле стремится достигнуть соглашения с бюрократией и реакционными помещиками, чтобы затем, получив для себя долю выгод и власти, остановить и подавить революцию.

с) Для полной победы и завершения демократической революции необходима боевая совместная диктатура пролетариата и крестьянства, а, следовательно, рабочий класс должен через своих представителей принять активное участие как в местных временных правительствах революции, так и в центральном временном правительстве.

д) Впредь до завершения революции все полу-легальные и легальные способы и пути борьбы рабочего класса, в том числе также участие в Гос. Думе, не могут иметь самостоятельного и решающего значения, но являются лишь средством собирания и подготовки сил для прямой революционной, открыто-массовой борьбы.

3. И в своих организационных, и в своих тактических воззрениях, большевизм выражал мысли и чувства наиболее сознательной, наиболее активной части русского рабочего класса. Как наша партия есть авангард борющегося пролетариата, так большевизм был до сих пор авангардом партии. Основа же, из которой вытекают эти его черты, есть его научно-социалистическое мировоззрение. А оно гораздо шире не только вопросов тактики и организации, но и самой программы; ибо социалистическое сознание рабочего класса должно охватывать не одну его непосредственную борьбу в области экономики и политики, но—всю его жизнь. Пролетариат и его союзники—социалисты, интеллигенты—вышли из старого, мещанско-крестьянского и буржуазного мира; в нем они вначале воспитывались; поэтому они, сами того не замечая, сохраняют многое из его привычек и склонностей, из его духовного склада и даже вносят в революционную борьбу. Например, ни для кого не тайна, сколько вреда партии, да и всему рабочему движению, приносит индивидуализм очень многих деятелей, их личное честолюбие, стремление вы-

двинуться, отвращение к товарищеской дисциплине, нетерпимость к товарищеской критике. Борьба взглядов благодаря этому часто осложняется, а потом и заслоняется борьбою самолюбий, силы организаций тратятся на бесплодные внутренние столкновения. Не меньше вреда приносит и широко распространенная среди партийных работников привычка слепо доверять известным авторитетам, без критики полагаться на мнения тех или иных признанных вождей, не взвешивая, отвергать всякие сомнения в их правоте... Большеvizму уже не раз приходилось вступать в борьбу с подобными пережитками прошлого, не раз приходилось отстаивать дисциплину организации против анархичности отдельных товарищей, иногда очень влиятельных и видных, разрушать авторитеты, иногда очень крупные. Но такая борьба от случая к случаю не может коренным образом изменить дела; нередко тот, кто вчера боролся за дисциплину и единство, сегодня не хочет подчиняться, когда дело касается его самого; тот, кто вчера ниспровергал авторитеты, сегодня, вольно или невольно, сам превращается в такой же авторитет.

Буржуазный мир, имея свою выработанную культуру, наложив отпечаток на современную науку, искусство, философию, через них незаметно воспитывает нас в своем направлении, в то время как классовая борьба и наш социальный идеал влекут нас в противоположную сторону. Вполне порвать с этой исторически создавшейся культурой нельзя, ибо в ней мы можем и должны почерпнуть могучее оружие для борьбы с тем же старым миром. Принимать же ее так, как она есть—значило бы сохранять в себе и то прошлое, против которого является борьба.

Выход один: пользуясь прежней, буржуазной культурой, создавать, противопоставлять ей, и распространять в массах новую, пролетарскую: развивать пролетарскую науку, укреплять истинно-товарищеские отношения в пролетарской среде, вырабатывать пролетарскую философию, направлять искусство в сторону пролетарских стремлений и опыта. Только на этом пути может быть достигнуто целостное социалистическое воспитание, которое устранил бесчисленные противоречия нашей жизни и работы, и во много раз увеличит наши силы в борьбе, а в то же время приблизит нас к идеалу социализма, вырабатывая все больше его элементов в настоящем.

Революционное крыло нашей партии обязано взять на себя эту задачу, она соответствует всей его теории и практике. То

могучее творчество, которое проявил пролетариат в своей экономической и политической организации, служит достаточным доказательством его способности к такому же культурному творчеству. Задача революционной социал-демократии—самостоятельная деятельность и самостоятельное развитие рабочего класса как в его практике, так и во всех областях его идейной жизни.

Организационный вопрос.

С 1906 года наша партия строится по принципам демократического централизма, т.-е. руководящие коллективы, начиная от заводского и кончая центральным комитетом, выбираются собраниями организованных рабочих. Признавая такой принцип вполне правильным, мы полагаем, что и впредь он должен проводиться по мере возможности широко. Между тем с 1907 года, когда реакция утвердилась в стране, проведение демократического централизма стало суживаться. Полицейские условия и провокация чрезвычайно затруднили сколько-нибудь широкие собрания организованных рабочих, и, например, городские комитеты стали пополняться, вместо избрания членов на конференциях, путем избрания их районными комитетами, а иногда даже путем кооптации.

Благодаря всему этому, ослабляется связь «низов» организации с ее «верхами», получается оторванность «низов» от общепартийной жизни, а жизнь «верхов» чрезвычайно ослабевает, как это всем известно.

Очевидно, что долго продолжаться так не может. Чтобы найти способ улучшить положение, надо прежде всего обратить внимание на состав партии.

В настоящее время в партии не мало таких членов, которые числятся в ней только по имени: никакой активной работы они не выполняют и большею частью не уплачивают членских взносов. Социал-демократами считаются, таким образом, лица, не интересующиеся жизнью партии. Их приходится затаскивать чуть не силою на партийные собрания, где они являются простыми зрителями. Их присутствие вредно отзывается на работоспособности собраний, быстроте решения очередных вопросов, а также на конспиративности.

Между тем гнет реакции делает невозможной непосредственную организацию широких пролетарских масс и тем настоятель-

Нас ставит перед партией задачу создания прочного и активного агитационно-пропагандистского аппарата. Эта задача должна быть разрешена путем поднятия активности членов партии, привлечения к ней наиболее сознательных и энергичных элементов рабочего класса, элементы же бездеятельные и мало сознательные искусственно удерживать не следует. Только такой состав партии позволит избегать кооптации, правильнее проводить выборное начало и, давая точное представление о силах партии, делает возможным наиболее полное и целесообразное их использование.

Строение наших организаций, от основных заводских ячеек до местных комитетов, при этом существенно не изменится.

Для более планомерного распределения сил по областям, для своевременной поддержки ослабевших организаций и создания новых там, где их не имеется, необходимо повсюду организовать областные центры, выбираемые областными конференциями, делегаты на которые посылаются от городских конференций. Областные центры созывают или сами, или по требованию большинства городских организаций областные конференции, а по взаимному соглашению областных центров, в случае надобности, созываются и общепартийные конференции.

Делегаты на конференции должны избираться исключительно из местных работников. Областные центры находятся в тесной связи с центральным комитетом и под его руководством.

Далее, мы считаем в высшей степени важным и необходимым бороться против того организационного дробления партии, которое выражается в нынешних фракциях, обособленных и замкнутых в себе.

Различные идейные течения неизбежно существуют во всякой сильной и жизнеспособной партии, они—залог ее роста и развития. Они находят свое выражение в литературных группах, в свободных группировках единомышленников на съездах, конференциях и т. п. Но у нас они приняли иную, совершенно ненормальную форму—партий в партии, что нарушает общее единство работы, и при нынешних условиях мешает свободному развитию самих идейных течений.

Произошло это благодаря тому, что у нас фракции большевиков и меньшевиков сложились на почве организационного раскола. Раскол этот успел завершиться раньше, чем даже вполне определились идейные различия обеих сторон. Фракции оказались

закрепленными в отдельные организации, которые партия до сих пор не могла в себе растворить.

Объединение с национальными организациями не только не повело к уничтожению фракций, но на деле увеличило их число. Полного объединения на местах не произошло; национальные партии не стали областными организациями единой всероссийской социал-демократии; в некоторых городах Западного края существует до сих пор по три комитета. Отношения между польскими социал-демократами и Бундом в высшей степени сходны с отношениями большевиков и меньшевиков, только еще более оформлены организационно.

Даже в наши центральные учреждения представителей фактически посылают фракции и национальные организации. Для партии не тайна, что именно от взаимной борьбы и взаимной дипломатии этих фракционных частей нашего Центрального Комитета в значительной мере зависит его неработоспособность.

Мы полагаем, что там, где существуют еще параллельные местные организации, фракционные или национальные, необходимо добиваться их слияния, что уже и начато самими организованными рабочими. Фракционные центры должны стать действительно лишь идейными и литературными центрами; центры же национальные должны уступить место областным.

Выполнение этих задач потребует много усилий, порою даже борьбы, но все окупится результатами.

З а в е р ш и т ь дело фракционного объединения может, конечно, только партийный съезд. Созыв съезда чрезвычайно важен для партии в силу также целого ряда других, не менее серьезных вопросов и задач. Но очевидно, что необходимо раньше сколько-нибудь укрепить работу местных организаций,—съезд, созванный среди общего упадка партии, не мог бы выразить, а тем более удовлетворить ее насущные потребности. Когда уже одиннадцать месяцев не было ни конференций, ни даже полных собраний исполнительного органа партии,—Ц. Комитета, то о съезде в ближайшее время не может быть и речи. Надо направить всю энергию на предварительную местную работу.

По вопросу о материальных средствах партии—мы полагаем, что основу их должны составлять регулярные взносы организованных рабочих. Мы считаем ненормальным нынешнее положение чуть ли не большинства русских организаций, где самую зна-

чительную долю средств образуют пожертвования со стороны и доходы от случайных предприятий. Действительно прочную и надежную материальную опору для партии могут составить только трудовые гроши самих борющихся и сознательных рабочих.

О Государственной Думе.

Мы полагаем, что все Государственные Думы до настоящего времени представляли учреждения, не имеющие реальной силы и власти, не выражающие действительного соотношения общественных сил в стране. Правительство создавало их под натиском народного движения для того, чтобы, с одной стороны, отвести массовое возбуждение от путей непосредственной борьбы на пути мирно-избирательные, с другой стороны—чтобы столкнуться в этих Думах с теми общественными группами, которые могли бы поддерживать правительство в борьбе с революцией; кроме того, оно стремилось упрочить свой падающий кредит у европейских капиталистов согласием якобы «народных» представителей на заключаемые займы. Если Дума не в достаточной мере удовлетворяла этим расчетам, правительство разгоняло ее.

Большевики все время устанавливали свое отношение к Думам с практической точки зрения, не делая из участия или неучастия в них принципиального вопроса. Когда правительство в августе 1905 года выступило с планом «Булыгинской» Думы, при помощи которой оно надеялось найти опору в темном крестьянстве, и в составе которой рабочее представительство даже не предполагалось, то большевики предложили активный бойкот этой Думы, т.-е. прямую борьбу против выборов в нее. Во время великой октябрьской забастовки «Булыгинская» Дума и была на деле сметена народной волной, раньше чем даже начались выборы в нее. Правительство, однако, не оставило прежнего плана, а только вынуждено было распространить избирательное право на городскую мелкую буржуазию и создать рабочую курию, да словесно признать за Думою законодательные права; так произошла Дума «Виттевская».

Выгоды участия в этой Думе были очевидны: возможность получить открытую трибуну для пропаганды и агитации на всю Россию, получить легальную опору для организации рабочего массового движения и для воздействия на крестьянство через его представителей. Но большевики находили, что все это

перевешивается одной важнейшей практической задачей: удерживать, пока возможно, народное движение на пути прямой революционной борьбы, мешать сговору правительства с буржуазией, не давать крестьянству успокоиться на ожидании помощи от Думы. По таким соображениям, большевики высказались за бойкот, и под этим лозунгом провели избирательную кампанию, в полной солидарности с большинством российского пролетариата.

Но революционное движение шло на убыль; крестьянство, а тем более буржуазия не последовали призыву пролетариата, и первая Дума осуществилась. После ее разгона попытки всеобщих забастовок и восстаний не удались. Выступил вопрос об участии во II Думе.

Избирательный закон, и без того плохой, был еще несколько ухудшен сенатскими разъяснениями. Но возбуждение в массах, уже недостаточное для прямой борьбы, еще далеко не улеглось; опираясь на него, было возможно развить широкую и энергичную избирательную кампанию, создать достаточно хорошее и надежное представительство рабочего класса в Думе, а через него повести серьезную агитационно-пропагандистскую работу с думской трибуны соответственно целям социал-демократии. Большевики признали выгодным и необходимым участие во II Думе. На самом деле, хотя падение революционной волны остановить было невозможно, однако II Дума была во всяком случае довольно успешно использована для политического воспитания пролетариата и отчасти даже крестьянства.

Дальнейшее усиление реакции, беспрепятственный разгон II Думы, избирательный закон 3 июня вновь поставили перед партией вопрос об отношении к выборам. Мнения среди большевиков разделились: большинство стояло за бойкот, меньшинство — против бойкота. Те и другие обосновывали свои взгляды чисто практическими соображениями, те и другие сравнивали выгоды и невыгоды участия, но при крайней сложности и трудности расчетов приходили к разным итогам. С одной стороны, возможность открытой пропаганды и агитации с думской трибуны во время политического затишья и глубокой реакции представлялась, во всяком случае, очень важной для партии. С другой стороны, было очевидно, что при тяжелом политическом и полицейском гнете для партии будет очень затруднительно руководить думской фракцией, и даже вообще сохранять связь с нею; было также

несомненно, что при новом избирательном законе самая фракция по составу и подготовке окажется слабою, и неизбежно будет делать серьезные политические ошибки; а последствия этих ошибок будут тем значительнее, что совершаться они будут не в подполье, а перед целым миром. Бойкотисты определенно полагали, что партии не удастся получить думского представительства, соответствующего ее политическому уровню, ее роли в прошлом и ее задачам в ближайшем будущем, и что те усилия, которые придется потратить на избирательную и думскую работу, не окупятся ее результатами,—что лучше сберечь эти силы для внутренней партийно-организационной работы. В одном сходились тогда все большевики без различия, бойкотисты и антибойкотисты; а именно, в отличие от меньшевиков, они полагали, что вопрос о III Думе, участия в ней или отказе от него, не может считаться центральным и основным для партийной жизни, определяющим собой какие-либо принципиальные направления в революционном крыле партии, а тем более не даст повода к расколам.

На общепартийной конференции было признано необходимым участие в Думе. Бойкотисты подчинились и активно занялись избирательной кампанией вместе со всеми остальными товарищами.

В дальнейшем, когда оторванность думской фракции от партии, колебания и ошибки фракции дали сильно себя чувствовать, возник новый вопрос. Часть товарищей стала высказываться за отозвание социал-демократических депутатов. Свое предложение они обосновывали исключительно практически, отнюдь не отказываясь принципиально ни от парламентаризма вообще, ни от использования учреждений вроде Думы, но только при иных, более благоприятных условиях.

Большая часть прежних бойкотистов заняли иную практическую позицию. Они находили, что начатое партией дело использования надо продолжать, что большие усилия, сделанные для него партией, не должны пропадать даром, да и кроме того самое отозвание фракции нельзя было бы в данное время осуществить без больших внутренних потрясений для партии, без новой расстраты ее сил. Но вместе с тем, видя, что фракция в своих действиях иногда шла в разрез с прямыми указаниями партийных центров, конференций и даже съездов, они полагали, что ее надо безусловно обязать к подчинению всем таким указаниям, что

без этого поддержка фракции партией могла бы оказаться бесплодной для партии. Эти взгляды высказала конференция центральной области, в ноябре 1908 года. По существу на ту же точку зрения стала обще-партийная конференция в январе 1909 г.

Третью точку зрения проводят теперь некоторые прежние антибойкотисты, с официальным большевистским органом во главе. Они полагают, что если прежде вопрос о третьедумской деятельности партии мог быть второстепенным и чисто-практическим, то теперь это не так. Длительная реакция, особенно сильно стеснившая нелегальную партийную работу, по их мнению, чрезвычайно увеличивает важность думской работы и выдвигает ее на первый план. Разногласия в отношении к думской фракции они, поэтому, считают коренными и основными для партийной жизни, и находят невозможной совместную работу с теми, кто в этом вопросе расходится с ними.

Мы считаем такой взгляд неправильным, и полагаем, что опыт двух лет с третьедумской фракцией доказал именно невозможность придавать думской работе центральное и основное значение. По нашему мнению, уроки этих лет реакции показывают, что наибольшую долю сил надо отдать местной работе по восстановлению организаций, по расширению и углублению пропаганды, по укреплению влияния в рабочей среде на почве непосредственных нужд и требований пролетариата, и т. п. Только сосредоточивши усилия на этих задачах и выполнивши их в более или менее значительной мере, возможно достигнуть также достаточно широкого использования Думы и думской трибуны.

Это не значит, однако, что теперь надо пренебречь думской работой. Пока партия законно не отменила и не изменила своего решения о III Думе, все организации, все члены партии обязаны поддерживать работу думской фракции всякими способами, — доставлением ей сведений, материалов и т. п., но также и критикой ее действий, а равно обязаны активно участвовать во всех частичных выборах в Думу.

За каждым членом партии остается, однако, право по-своему оценивать результаты и значение думской работы, право вносить и отстаивать в организациях практические предложения о тех или иных ее преобразованиях или хотя бы даже о ее прекращении, об «отозвании» фракции и т. п. Будучи несогласны с «отзовистами» с практической точки зрения, мы считаем и «отзовизм»

законным, в ряду прочих, оттенком революционного крыла партии. Мы полагаем, что в разнообразии оттенков при единстве принципов выражается жизненность и глубина нашего идейного течения.

Таким единым принципом в данном вопросе является для нас точка зрения революционной международной социал-демократии. Вместе с нею, мы высказываемся против обеих крайних точек зрения на парламентскую работу, существующих в международном пролетарском движении. Одна из них, оппортунистическая, придает парламентской работе исключительное значение, другая же, анархическая и синдикалистская, отрицает за нею всякое значение. Революционная же социал-демократия, полагая, что не следует уступать буржуазным классам ни одного поля борьбы, посылает своих представителей в парламенты во всех тех случаях, когда это возможно и выгодно с точки зрения обще-классовых задач партии. Но при этом она ставит своих представителей под контроль обще-партийной воли, заставляя их рабствовать в пределах партийной программы и указаний высших партийных учреждений.

С о с т а в г р у п п ы ;

Р а б о ч и е :

В. Косырев

Ф. И. Калинин.

Лобанов.

Батышев.

Черный («Арсений» из Сормова).

«Николай» (чаеразвесочник из Москвы).

«Константин» (из Гуся Хрустального).

И н т е л л и г е н т ы .

М. Горький.

М. Н. Покровский.

А. В. Луначарский.

А. Богданов (докладчик).

Ст. Волъский (А. Соколов, отзовист).

М. Лядов (отзовист).

Г. Алексинский.

В. А. Десницкий (Строев).

ПРИМЕЧАНИЯ

І ЧАСТЬ.

1) *Мукден и Цусима* — важнейшие заключительные моменты Русско-Японской войны 1904 — 1905 г.г.; под городом Мукденом (столица Китайской провинции—Маньчжурия) в феврале 1905 г. была паголову разбита русская армия под командой Куропаткина; около острова Цусима (в Корейском проливе) в мае 1905 г. был частью потоплен и частью захвачен в плен русский флот под командой адмирала Рожественского. Мукден и Цусима послужили одним из сильных толчков к развитию первой русской революции.

2) *Столыпин* — см. прим. 19 к VІІІ тому Собр. сочинений.

3) *«Русские Ведомости»* — см. прим. 95 к IV тому Собр. сочинений.

4) Здесь идет речь о двух указах правительства Столыпина: 1) от 12/VІІІ о продаже части удельных (т.-е. принадлежавших царской фамилии) земель и 2) от 27/VІІІ о распродаже казенных (т.-е. государственных) земель через посредство Крестьянского банка сельским обывателям; высота банковских цен делала, однако, эти земли доступными лишь зажиточным слоям крестьянства, которые, по мысли Столыпина, должны были создать новую опору для попавшегося царизма.

5) *Идея национализации* земли в программе Р. С.-Д. Р. П. была развита Н. Лениным на Стокгольмском Об'единительном с'езде в противоположность муниципализации, которую выдвинул П. Маслов и поддержал Плеханов. На с'езде большинством меньшевистских голосов национализация земли была отвергнута и принята программа Мартова в кастрированном виде (подробности см. в VІІ томе Собр. сочинений).

6) *Тьер*—см. прим. 90 к IV тому Собр. сочинений.

7) *Медем, В. Д.*—лидер бундовцев, ликвидатор, автор брошюры: «Социал-демократия и национальный вопрос». Умер в Нью-Йорке в январе 1923 г.

8) *Пешехонов, А. В.* — народник, сотрудник «Русского Богатства», специалист по аграрному вопросу, где проповедывал «умеренность и аккуратность, допускал «выкуп» при отчуждении в крестьянскую пользу помещичьих земель, организатор н.-с. партии. Министр продовольствия в коалиционном Временном правительстве 1917 г.

9) *«Твердокаменные»* — кличка большевиков в эпоху междупартийной борьбы в 1904—1905 г.г.

10) *Бюджетные права Гос. Думы*, по закону 6 марта 1906 г., далеко уступали соответствующим правам западно-европейских парламентов; оставались «забронированными» от Думы — министерство имп. двора, 10-миллионный фонд на экстренные расходы, кредиты, открытые на основании прежних высочайших повелений; сверх того, в экстренных случаях, совет министров мог открывать кредиты и без согласия Гос. Думы.

11) *Закон 20 февраля 1906 г.* об организации законодательных учреждений — Гос. Думы и Гос. Совета, изданный в момент жестокой реакции после декабрьского вооруженного восстания, стремился свести к нулю все обещания манифеста 17 октября относительно Гос. Думы и почти во всех пунктах реставрировал Булыгинскую законосовещательную Думу с опекой бюрократическо-помещичьего Гос. Совета.

12) *Булыгин* — министр вн. дел после 9 января, когда был уволен Святополк-Мирский; автор проекта о совещательной Думе (закон 6/VIII 1905 г.: см. прим. 52 к VII тому).

Витте — см. прим. 84 к VIII тому Собр. сочинений.

13) *Шингарев, А. И.* — земский деятель, член III и IV Государственных Дум, один из кадетских лидеров, знаток финансов, постоянный полемист с Коковцевым. Был министром финансов во Временном Правительстве, ушел в отставку вместе с другими кадетами 2 июля, накануне июльских событий. После октябрьской революции был арестован и, будучи переведен из Петропавловской крепости в частную лечебницу, был убит группой солдат и матросов.

14) Редакция Ц. О., где первоначально напечатана была данная статья, «считает нужным заметить, что критикуемый автором образ действий фракции по вопросу о расширении бюджетных прав Думы целиком был одобрен думской комиссией Ц. К-та».

15) Вопрос об образовании редакции Ц. О. в избранном на Лондонском съезде Ц. К. обсуждался на ряде заседаний; вначале было принято предложение большевиков: Ц. К. избирает главного редактора (избран Ленин) и при нем редакционную коллегию из 7 лиц: 2 большевика (были избраны А. А. Богданов и М. П. Покровский-Домов, при чем против кандидатуры первого, как сторонника бойкота Государственной Думы, был заявлен протест) и по 1 от меньшевиков (избран было заочно Г. В. Плеханов), бундовцев, латышей и поляков. Это решение 7/IX 1907 г. по инициативе Иогихеса-Тышко (член Ц. К. от польских с.-д.) было пересмотрено; пост главного редактора упразднен и, по предложению меньшевиков, новая редакционная коллегия (7 человек) избрана в составе 2 большевиков (Ленин и Покровский), 2 меньшевиков (Дан и Мартынов), 1 поляка (Иогихес), 1 бундовца (Зельцер-Гроссер), 1 латыша (П. Стучка); распорядительная комиссия для редакции избрана в составе Ленина, Мартынова и Стучки. Выход № 1 Ц. О. затянулся до февраля 1908 г.; редакция этого номера была избрана Бюро Ц. К. в заседании 22/XII 1907 г. в составе Вячеслава (Н. А. Рожкова), Игоря (Б. И. Горев) и Сп. (представитель П. С.-Д.). Этот № Ц. О. был единственным, вышедшим в России: № был конфискован, последовал провал типографии и арест всей группы сотрудников (Рожков, Горев, Зиновьев, Каменев). Со следующего, второго, № Ц. О. стал выходить за границей (вышел в феврале 1909 г.).

16) *Меоны или мирнообновленцы* — умеренно-либеральная партия, объединившая после разгона I Думы в июле 1906 г. левых октябристов вроде гр. Гейдена и правых кадетов вроде Е. Трубецкого.

17) *Революция Штуттгартского Конгресса об отношении между социалистической партией и профессиональными союзами.*

1. Для полного освобождения пролетариата от духовного, политического и экономического рабства необходима в одинаковой мере как политическая, так и экономическая борьба рабочего класса. Задача социалистических партийных организаций лежит преимущественно в области политической борьбы пролетариата, задача же профессиональных организаций лежит, главным образом, в области экономической борьбы рабочего класса. Таким образом задачи партии и профессиональных союзов одинаково важны для освободительной борьбы пролетариата.

У каждой из этих двух организаций есть соответствующая ее природе область, в которой она должна действовать вполне самостоятельно. Но наряду с этим существует все расширяющаяся область пролетарской классовой борьбы, где успех может быть достигнут лишь при помощи единодушного, согласованного действия партийной и профессиональной организации.

Борьба пролетариата будет поэтому тем плодотворнее и успешнее, чем теснее будет связь между профессиональными союзами и партийными организациями, при чем не следует упускать из виду единство профессиональной организации.

Конгресс заявляет, что рабочий класс должен стремиться к тому, чтобы во всех странах создавалась и упрочилась тесная связь между партией и профессиональными союзами.

Партия и профессиональные союзы должны помогать друг другу в своих действиях и поддерживать друг друга нравственно и в своей борьбе употреблять лишь такие средства, которые полезны для освободительной борьбы пролетариата. Они должны сталкиваться между собой в тех случаях, когда между ними существует различие во взглядах на целесообразность того или иного средства.

Профессиональные союзы тогда только в состоянии будут выполнить свой долг в деле освободительной борьбы рабочих, когда действия их будут проникнуты социалистическим духом. На Партии лежит обязанность помогать профессиональным союзам в их усилиях и улучшать социальное положение рабочих.

Конгресс заявляет, что прогресс капиталистического способа производства, растущая концентрация производительных сил, растущее объединение предпринимателей, возрастающая зависимость отдельных отраслей производства от всего буржуазного общества должны обречь деятельность профессиональных союзов на бессилие, если они будут заботиться исключительно о своих профессиональных интересах, руководясь цеховым эгоизмом и теорией гармонии интересов между трудом и капиталом.

Конгресс держится того мнения, что профессиональные союзы смогут тем успешнее вести борьбу против порабощения и эксплуатации, чем более единства будет в их организации, чем

значительнее будет их фонд, необходимый для профессиональной борьбы, чем глубже будут понимать их члены общее соотношение условий экономической жизни и чем сильнее будет их готовность к жертвам и их энтузиазм, породить которые больше всего способен социалистический идеал.

2. Конгресс обращает внимание всех профессиональных союзов на постановление, которое было предложено Брюссельской конференцией 1899 года и принято на Парижском конгрессе 1900 года—именно: предложить профессиональным союзам посылать своих представителей на международные конгрессы, а также вступить в тесные сношения с международным секретариатом профессиональных союзов с целью обмена сведениями, касающимися организации и пропаганды.

3. Конгресс поручает Международному Социалистическому Бюро собрать материалы, которые могли бы облегчить изучение отношений между профессиональными союзами и социалистическими партиями во всех странах, и представить следующему конгрессу отчет по данному вопросу.

18) *Принятая Лондонским съездом Р. С.-Д. Р. П. резолюция о профессиональных союзах (комиссионный проект).*

Подтверждая резолюцию Об'единительного съезда о работе в профессиональных союзах, съезд напоминает партийным организациям и социал-демократам, работающим в профессиональных союзах, об одной из основных задач социал-демократической работы в них—содействии признанию профессиональными союзами идейного руководства с.-д. партии, а также установлению организационной связи с ней и необходимости там, где местные условия позволяют, проводить эту задачу в жизнь.

19) *Гершун*—один из основателей и вождей партии соц.-революционеров. В годы контр-революции, в эпоху общественного распада, оппортунист и сторонник обще-опозиционного блока с либералами-кадетами.

20) *Воинс*—псевдоним А. В. Луначарского.

21) *Бебель, А.* (1840—1912)—один из основателей немецкой с.-д. партии и ее вождь. Встретившись в 1865 году с В. Либкнехтом, стал социалистом и примкнул к Интернационалу. На выборах 1867 года был выбран в рейхстаг и оставался депутатом до самой смерти. В 1869 г. Бебель и В. Либкнехт на Эйзенахском конгрессе основали немецкую с.-д. партию. Во время франко-прусской войны, Б. вместе с Либкнехтом воздержался от голосования военного займа, а после сентябрьского переворота во Франции и провозглашения республики протестовал против аннексии Эльзаса-Лотарингии. В 1872 году Б. был приговорен к двум годам тюрьмы по обвинению в государственной измене. Б. неуклонно боролся против всяких попыток перетянуть партию в сторону буржуазии (Дюринг, Бернштейн, Фольмар). Один из вождей II Интернационала, Б. боролся с оппортунизмом в международном движении, способствуя на Амстердамском конгрессе 1900 года поражению Жореса, отстаивавшего «министерализм». См. о нем статью В. И.: «А. Бебель» во 2 части XII тома Собр. сочинений.

22) *Э. П.*—Пименова, сотрудник журнала «Современный Мир».

23) *Седан*—город во Франции; здесь в 1870 г. во время франко-прусской войны была разгромлена французская армия и захвачен в плен импера-

тор Наполеон III. Разгром при Седане послужил сигналом к падению 2-й империи и установлению 3-й республики.

24) *Ллойд-Джордж* — бывший английский премьер; член либеральной партии. До войны усиленно проводил демократические реформы; лишив палату лордов права безусловного veto (право отвергать законы, принятые Нижней палатой), расширил избирательное право, пытался провести гомруль (самоуправление) для Ирландии. В эпоху империалистской войны, сделавшись премьером, в блоке с консерваторами проводил диктатуру правительства, провел обязательную воинскую повинность, умирил Ирландию, в течение трех лет руководил интервенцией на севере — в Архангельско и на юге — на Кавказе против Советской власти, после чего неудачно пытался найти примирительные ноты на Генуэзской конференции.

25) *Фабианское общество* основано в 1883 году в Англии с целью пропаганды социалистических идей и названо по имени римского вождя Фабия Кунктатора (медлителя). Его цели — пересмотр английской конституции в демократическом духе и проповедь социалистической организации производства. Но фабианцы отрицают классовую борьбу, пропагандируют сотрудничество буржуазии и пролетариата и не признают неизбежности социальной революции.

26) *Убийство в Белграде* Сербского короля Александра летом 1903 г. носило характер исключительно дворцового переворота, произведенного кучкой военных.

27) *Дейтели 1793 г.* — представители революционной мелкой буржуазии.

1) *якобинцы* (Робеспьер, Сен-Жюст, Дантон, Марат) — защитники революционного террора и централистической диктатуры во имя осуществления лозунгов: братство, равенство, свобода;

2) *жирондисты* — противники террора и сторонники автономии отдельных провинций. Жирондисты были сметены народным движением весной 1793 г., когда установилась единоличная диктатура якобинцев.

28) *Вандервельде* — председатель Международного Социалистического Бюро II Интернационала, член бельгийской с.-д. партии. С самого начала войны первым из социалистов II Интернационала вошел в буржуазное министерство своей страны. В 1914 году его письмо к русским рабочим с призывом поддерживать войну и воздержаться во имя победы от борьбы с царизмом было встречено всеобщим презрением Рабочего класса и восторгом кадетов. В настоящее время вместе со шведом Брантингом и немцем Шейдеманом продолжает возглавлять II Интернационал.

29) *Малишевский* — меньшевик крайнего правого крыла, во время выборов во II Гос. Думу настаивал на необходимости «временно» отложить в сторону лозунг республики.

30) *Гучков* — см. 13 прим. к VII тому Собр. сочинений.

31) *Извольский* — министр иностранных дел; в годы империалистской войны 1914—1917 гг. — русский посол во Франции.

32) *Муравьев* — Виленский генерал-губернатор, жестокий усмиритель польского восстания 1863 г., за что получил прозвание вешателя.

33) Один из главных героев романа Салтыкова-Щедрина: «Господа Головлевы».

34) *Камарилья* — испанское слово для обозначения тесного кружка придворных, захватившего всю полноту власти в государстве при слабом и ничтожном монархе. Таким именем называли реакционную придворную клику, фактически управлявшую страной в эпоху I Гос. Думы.

35) *Струве* — один из ранних русских социал-демократов; один из авторов манифеста Р. С.-Д. Р. П., выпущенного от имени I съезда партии в 1898 г.; участник Международного Социалистического конгресса в 1896 г., председатель «легального марксизма» (Туған-Барановский, Булгаков, Бердяев, Изгоев и др.), вскоре занявшегося «критической проверкой» (ревизией) Маркса. Струве вскоре порвал с марксизмом и встал во главе союза «Освобождение», организации либеральных интеллигентов в 1904—1905 г.г., редактируя в Штуттгарте журнал «Освобождение». Союз в 1905 г. послужил ядром для образования конституционно-демократической партии (кадетов). 1905 год быстро отбросил Струве в лагерь контр-революции. В 1909 г. Струве — один из участников сборника «Вехи», провозглашавшего разрыв русской интеллигенции с революцией, мистицизм и поступление на службу к капитализму. После Октября — министр у Врангеля; теперь редактор монархической «Русской Мысли» в Софии.

36) *Чхеидзе* — депутат III и IV Государственных Дум от Тифлисской губернии, лидер думских меньшевиков. По отношению к войне занимал неясную, сильно колеблющуюся позицию. С февраля 1917 г. до сентября был председателем Петербургского Совета Р. и С. Д. Сторонник коалиции с буржуазией. После октябрьской революции покинул активную политическую деятельность.

37) *Деятельность (V) Лондонского съезда Р. С.-Д. Р. П.* (30 апреля — 19 мая 1907 г.) подробно освещена в большевистском сборнике: «Итоги Лондонского съезда» со статьями Н. Ленина, Г. Зиновьева, В. Ногина, М. Лядова и др. (см. в VIII томе Собр. соч. статью Н. Ленина: «Отношение к буржуазным партиям») и в статье Л. Б. Каменева: «Лондонский съезд Р. С.-Д. Р. П. 1907 г.» в сборнике статей: «Между двумя революциями», стр. 60—81; см. также материалы для истории Лондонского съезда в № 5 журнала «Пролетарская Революция» и в соответствующих местах книги: «Р. К. П. в революциях ее съездов и конференций».

38) В романе Тургопева: «Дым».

39) *Государственный переворот 3 июня 1907 г.* был произведен Столыпиным одновременно с разгоном II Гос. Думы; в нарушение «основных законов», акт 3 июня изменял избирательные права в Гос. Думу в пользу помещиков и крупной буржуазии, вводя курьезную систему выборов, лишая избирательных прав окраины России, отнимая у пролетариата даже те скудные права, которыми он пользовался по Виттевскому закону 11 декабря 1905 г.

40) *Исключительные законы против социалистов* в Германии были введены всемогущим диктатором Бисмарком ввиду грозного роста рабочей партии при выборах в рейхстаг (парламент); законы воспрещали сочинения, собрания и союзы, направленные к ниспровержению общественного строя, нарушающие согласие между классами населения. Правительство могло вводить, где нужно, исключительное положение, высылавать подозритель-

ных лиц. Исключительные законы не остановили роста социал-демократии; они были отменены в 1890 г., с уходом Бисмарка в отставку.

41) *Гурко*—см. прим. 83 к VIII тому Собр. сочинений.

42) *Кутлер, Н. Н.*—министр земледелия в кабинете Витте, к.-д. правого крыла, специалист по аграрному и финансовому вопросам; теперь член правления Госбанка.

43) *Прудонизм*, по имени французского социалиста Прудона—идеология мелко-буржуазных кругов общества.

44) *Бакунин, М. А.* (1814—1876)—один из основателей анархизма и его теоретик. Участвовал в московском кружке Станкевича, где познакомился с философией Гегеля (см. ниже прим. 46). В 1840 году уехал за границу, где познакомился с Прудоном (прим. 43) и Марксом. В 1849 г. принимал участие в подготовке восстания в Дрездене, был дважды приговорен к смертной казни, но выдан русскому правительству, присудившему его к 20 годам заключения в Шлиссельбурге. Александр II заменил крепость поселением в Сибири, откуда Бакунин в 1861 г. бежал в Америку, а оттуда в Лондон; вскоре переехал в Италию и основал «Международное Братство». В 1869 г. Бакунин вступил в «Международную Ассоциацию Рабочих» (I Интернационал), оттуда был исключен в 1872 г. по настоянию Маркса. В 1870 г. организовал анархический «Федеративный союз». Не воздерживаясь от политической борьбы, Б. отрицает государство и частную собственность. Государство для него—тезис, анархия—антитезис, синтезис—«федерализм». Он стоит за вольные союзы производителей, особенно крестьян. Средства переворота: бунт («дух разрушающий есть дух созидающий»), восстание, террор, тайные организации.

45) *Бернштейн*—см. прим. 2 к IV тому Собр. сочинений.

46) *Гегель* (1770—1831)—виднейший представитель идеалистической философии; имел большое влияние на всю германскую и русскую интеллигенцию середины прошлого века, в том числе на К. Маркса, который «поставил на ноги» его диалектический метод, преобразуя его в материалистическом направлении.

47) Речь идет о книге В. Н.: «Материализм и эмпириокритицизм, перепечатанный в X томе Собр. сочинений.

48) *Бем-Баверк*—буржуазный экономист, один из противников теории трудовой ценности. См. о нем подробнее в книге Н. Бухарина: «Политическая экономия рантье».

49) *Мильеран, А.*—президент французской республики, вождь реакционной империалистской буржуазии; некогда входил в состав партии «объединенных социалистов», в 1899 г. первый из социалистов вошел в буржуазное министерство Вальдека-Руссо («Мильерановский инцидент» горячо дебатировался на Парижском конгрессе 1900 г. II Интернационала), был исключен в 1904 году из партии и стал «независимым социалистом». С тех пор крупная фигура в различных буржуазно-правительственных комбинациях, противник рабочего движения. В империалистскую войну—военный министр, организатор «борьбы до полной победы».

50) *Гэдисты*—сторонники Гэда, лидера французских социалистов революционного крыла. Гэд вел в начале XX века резкую борьбу против со-

глашателства с буржуазией, против попыток отдельных социалистов взять министерский портфель («Мильераповский инцидент»). Империалистская война отбросила непримиримого Гэда в лагерь социал-патриотов, проповедников «священного единения» с буржуазией для «защиты отечества».

Жоресисты — французские социалисты, сторонники Жореса, в противоположность «гэдистам» отстаивали в начале 1900 г. и реформизм, и вхождение социалистов в буржуазное министерство.

51) *Ферри, Э.* — был вождем «интегралстов» — центра итальянского социализма (между правыми «реформистами» и левыми «синдикалистами»), некогда представитель «ортодоксального марксизма» в Италии, выступал на Парижском конгрессе II Интернационала с резким осуждением «Мильераповского инцидента» (см. выше прим. 49), потом переходит к соглашательству, высказывается за «реализацию» социалистических идеалов, за участие в действительно либеральном кабинете.

Турати — вождь «реформистов» правого крыла, резко-оппортунистического, итальянской социалистической партии, стоит за мирную парламентскую работу и частичные улучшения в положении рабочего класса, за сотрудничество с радикальной буржуазией.

52) Речь идет об оппортунистическом лозунге Плеханова, который он выдвинул во время избирательной кампании во II Гос. Думу в конце 1906 г. и начале 1907 г. Подробнее см. о нем в статьях В. И., посвященных выборам во II Думу, в VIII томе Собр. сочинений.

53) Речь идет: 1) об июльской революции 1830 г., когда была свергнута восстановленная после Наполеона феодальной реакцией старая королевская династия Бурбонов и установилась буржуазная монархия Людовика-Филиппа и 2) о февральской революции 1848 г., когда была опрокинута монархия Л.-Филиппа и, после разгрома движения парижских рабочих генералом Кавеньяком, установилась деспотическая вторая империя Наполеона III.

54) *Думбидзе* — ялтинский градоначальник в эпоху Столыпинской реакции, крайний черносотенец, не стеснявшийся по временам игнорировать чересчур «либеральные» распоряжения центрального правительства. Типичная фигура провинциального сатрапа в годы контр-революции.

55) *Указ 11/XII 1905 года о выборах в Гос. Думу*, сохраняя курнальную систему, многостепенность выборов, предоставлял избирательные права некоторым разрядам средней и мелкой буржуазии и отчасти рабочим; участие последних в выборах было обставлено большой сложностью процедуры и крайним формализмом.

56) *Переговоры к.-д.-тов со старой властью об образовании кадетского министерства*. Первое предложение об образовании кадетского министерства было сделано в июне 1906 г. председателю Думы — Муромцеву — Треповым, который горячо ухватился за эту политическую комбинацию. В английской газете «Таймс» Трецов высказывал мысли, что ни коалиционное министерство, ни министерство, вне Думы взятое, не дадут стране успокоения. Новое министерство должно быть образовано из к.-д., как сильнейшей партии в Думе; призванный к власти, думский центр оторвется от революционного левого крыла — трудовиков; кадетам ставились условия отказаться

от требований: 1) принудительного отчуждения земли (вопрос жизни и смерти для высших сфер — земельных магнатов и крупных капиталистов) и 2) полной амнистии (предмет страха для «охранителей» государственного порядка). Муромцев отклонил предложение Трепова.

Затем, по запискам Муромцева, он, «по желанию двух-трех сановников, беседовал с ними у себя о том же»; некоторые из сановников показывали себя сторонниками чистого кадетского министерства, других надо было в этом убеждать. Далее, по прямой просьбе А. С. Ермолова, который имел специальное поручение, Муромцев устроил его свидание с Милюковым у себя на квартире. Наконец, тов. министра внутр. дел, С. Е. Крыжановский, посещая Муромцева по делам службы, дважды заявлял о желательности для Столыпина встречи с Муромцевым в каком-либо нейтральном месте. Но это не было приведено в исполнение. Крыжановский высказал воззрение своего начальника о полной желательности и возможности запятия министерских мест кадетами при непременном условии, чтобы министерство внутренних дел, как ведающее охраной, оставалось в руках Столыпина или вообще представителя старой власти. Такое же условие было поставлено и относительно военного министерства.

По словам Милюкова, все толки и «переговоры» о кадетском министерстве в течение месяца топтались на одном месте. Кадеты, повидимому, в то время не могли уступить серьезно в аграрном вопросе и в размерах амнистии, для «Звездной палаты» — переговоры были приманкой для либералов, чтобы расчистить почву для разгона Думы. Обращение Думы к народу по аграрному вопросу сыграло для придворной камарилы решающую роль в ликвидации вопроса о к.-д.-ском министерстве. Кадеты тщательно — в течение годов — скрывали свои переговоры с правительством Николая II. См. подробности в «Записках» Д. Шникова Москва 1919 г. и в брошюре Милюкова: «Три попытки». Париж 1921 г.

57) *О конференции 1907 г.* см. в книге: «Р. К. П. в резолюциях ее съездов и конференций».

58) *Научная хроника. Новые опыты оживления трупов.*

Уже древним было известно, что мертвый не безвозвратно потерян. Разложившись на основные элементы, он послужит построению новых форм жизни. Всякая существующая форма жизни сыграет роль, по крайней мере, навоза, на котором расцветает пышная новая жизнь.

Но человеческое сознание никогда не могло примириться с таким воззрением, согласно которому всякая индивидуальная форма служит просто историческим навозом, дающим рост траве и злакам, которыми питаются следующие поколения. Оно всегда вопрошало, что такое смерть, от чего она происходит, и нет ли возможности ее избежать? Оно создавало миропонимания, в которых индивидуальное бытие, индивидуальное «я», индивидуальная душа становились бессмертными.

Так от смутных и внутренне-противоречивых представлений древних египтян и греков о будущей жизни, от буддийского учения о длинном ряде перевоплощений, заканчивающихся растворением индивидуальной души в универсальной душе, от христианских легенд о воскресении мерт-

вых, от христианского учения о загробной жизни, негативном снимке с теперешней, восходим до новейших попыток Мечникова продлить человеческую жизнь, приблизить ее к бесконечности, отсрочить, устранить смерть, изучив причины, по которым она происходит.

Приспособление внутренних отношений к отношениям внешним, известная гармония между ними — основное условие существования всякой формы жизни. Разрушается эта гармония, — разрушается данная индивидуальная форма. Пока она сохраняется, форма живет. В этом загадка бессмертия.

В последнее время эти широкие выводы биологии перенесены в области социологии и оплодотворили последнюю, понимаемую как в смысле научной дисциплины, так и в смысле прикладного искусства.

Главным центром последних социологических опытов в этом направлении была Москва, к которой скоро примкнул Петербург и теперь примыкает провинция.

Что говорят нам факты? В 1902—1903 годах существовали «Русские Ведомости», «Новое Время», «Вестник Европы», «Русская Мысль», «Московские Ведомости»...

Теперь существуют «Русские Ведомости», «Вестник Европы», «Н. В.», «М. В.».

Тогда органы печати прихлопывались четырьмя лапами четырех министров; теперь для этой цели достаточно один лапы градоначальника. Тогда «Новое Время» и «Московские Ведомости» получали субсидии; теперь, кроме того, с других газет кстати и не кстати берут штрафы.

Но эти различия только усиливают характерные черты 1902—1903 г.г., но огнюдь не противоречат им. Следовательно, мы вновь переживаем 1903 год.

Тогда приспособление внутренних отношений к отношениям внешним выразилось в основании «Союза Освобождения». Под его флагом организовались адвокаты и либеральные бюрократы, землевладельцы и земские служащие, журналисты и техники. Его инициативе обязаны мы депутациями ко двору и единичными представлениями правительству, которые в октябре привели нас к конституционному дню. Приобретения утрачены потому, что единство скоро было нарушено: из единого союза, крепкого своим единством, выделились октябристы, партия демократических реформ, народные социалисты. Приобретения будут возвращены, если вместо раздробленных кукишей мы опять исподтишка демонстрируем для себя объединенный, ассоциированный, коллективный кукиш. Конечно, старой формы во всей ее чистоте не восстановить теперь. Тактика должна быть «левее кадетов». Кадеты губят движение преждевременным обнаружением вражды влево. Необходимо объединить все элементы, которые признают для настоящего времени необходимость дружественных отношений к левым. Такая организация воскресит старый «Союз Освобождения» для новой жизни, для новых побед.

Несколько месяцев тому назад состоялся первый съезд новой организации. На нем присутствовали кадеты, обойденные комитетами при назначениях кандидатов в Государственную Думу; кадеты, заявляющие себя

«левее кадетов»; видные представители партии демократических реформ; некоторые трудовики; несколько видных народных социалистов, персонажи кадетского типа, именующие себя «беспартийными левыми»; «беспартийные» типа желудочно-половых космополитов, которые ежемесячно переходят от русских кокоток и кухни к венским, от венских—к берлинским, от берлинских—к парижским, и ежедневно борются с интернациональными последствиями изучения национальной проституции. Словом, небольшая, но довольно пестрая компания, объединенная сытостью и налетом политического дилетанства.

С'езд быстро пришел к соглашению по главным для него вопросам. Экономические требования раз'единяют. Об'единить может только политическая платформа самого общего свойства. Общими требованиями должны быть всеобщее избирательное право, свобода печати, союзов, собраний и т. д. Следует избегать конкретизации в новом союзе и этих требований, так как это повело бы к распаденню. Члены союза остаются членами своих партий, в которых им предоставляется исповедывать свои партийные — политические и экономические — воззрения.

Публично союз как таковой, по решению с'езда, пока не выступает. Члены будут пропагандировать идею единения всей оппозиции перед лицом общего врага. Предложено издание собственной газеты, которая должна демонстрировать перед публичкой блок оппозиционных элементов. В перспективе имеется обещание на этот предмет 200 тысяч одним сановным экс-освобожденцем. Мысль о газете, ввиду усиления репрессий, кажется, пока оставлена. Предложено издание неперIODических сборников с участием публицистов и боллетристов.

Не мало времени посвятил с'езд обсуждению вопроса об отношении к различным партиям. Относительно кадетов договорились быстро. Для них двери широко открыты. Предполагается, что в союз пойдут кадеты с «левым устремлением». Между партиями, представленными на с'езде, царит большое единодушие касательно задач союза. Члены с'езда выразили пожелание, чтобы к союзу примкнули социалисты-революционеры. Выражена надежда, что если не организация, то отдельные с.-р-ы не откажут союзу в содействии и поддержке. Больше разговоров вызвал вопрос об отношении с.-дем. Некоторые участники с'езда, как всегда полагается в таких случаях, заявили о своем сочувствии с.-д. и в особенности о своей духовной близости к меньшевикам.

Некоторыми было предложено для установления добрых отношений с меньшевиками пригласить последних к участию в литературных предприятиях союза, которые, как упомянуто выше, будут выходить без клейма новой организации. Другие возражали, что приглашение излишне, так как меньшевики придут сами, едва лишь возникнут литературные предприятия союза. Однако, в конце концов, решено обратиться с приглашением к отдельным меньшевистским литераторам. Кое-кто из последних, как сообщают, уже ответил принципиальным согласием на сотрудничество в сборниках.

Вопрос о большевиках не вызвал никаких разговоров. Единогласно признано, что приглашать не стоит, потому что не пойдут, да еще и обругаются и начнут издеваться.

Деятельность нового союза выразилась, кроме учредительного съезда, в нескольких частных собраниях. Происходили они преимущественно в первоклассных ресторанах и т. п. учреждениях. На собраниях выяснилось, что новая организация полна жизнерадостности, молодой силы и боевой энергии. Счета по выпитому и съеденному за один вечер достигают иногда таких размеров, что на соответствующую сумму губернская соц.-дем. организация могла бы в течение месяца развивать широкую деятельность, поставить собственную типографию, отпечатать десятки тысяч листов. Боевая энергия по временам повышается настолько, что ее не выдерживает ресторанный посуда.

Сношения между столицами поддерживаются посредством делегатов, которые назначают себе соответствующие своим аппетитам «прогонные», 200 — 300 руб. за поездку.

Некоторые члены союза сделали попытку пропагандировать его идею — идею единения всей оппозиции — на двух-трех публичных собраниях в Москве. Результат получился довольно неожиданный. Выступили видные кадеты и, удовлетворительно потирая руки, заявили, что они давно приглашали и теперь приглашают к единению на обще-демократической, т. е. кадетской, платформе, и не их вина, если только теперь их голос услышали. Собрания заканчивались прославлением единения под главенством кадетов.

Члены союза к своему огорчению открывают, что они живут не в 1903, а в 1908 году, и что теперь существует кадетская партия, и что их союз не воскрешает старого союза Освобождение, а служит, увы, навозом, который питает не новые формы жизни, а все ту же старую кадетскую партию.

Но, несмотря на это открытие, они не оставляют своей игры в политику (*«Пролетарий» № 30 от 10/23 мая 1908 г.*).

59) *Депутация либералов к царю 6/VI 1905 г.* во главе с князем С. Трубецким — см. подробности о ней в статьях В. И.: «Первые шаги буржуазного представительства» и «Революционеры в белых перчатках» в VI томе Собрания сочинений.

60) *Булыгинская Дума* — на основании закона 6/VIII 1905 г. — законосовещательный орган, придаток к бюрократическому Госуд. Совету, избираемый на основе высокого имущественного ценза. Революционная с.-д.-тия, не колеблясь, объявила бойкот Гос. Думе, «меньшинство» решило принять участие в выборах.

61) *Стачка почтово-телеграфных служащих* была решена 15/XI 1905 г. на делегатском съезде Всероссийского почтово-телеграфного союза, в целях облегчения нищенского и бесправного положения работников связи. Делегаты съезда клялись представителям Петербургского С. Р. Д. вести борьбу до последней возможности. Стачка охватила телеграфную сеть страны, вызвала услуги штрейкбрехеров из рядов высокопоставленных бюрократов, представителей правых партий «порядка» и ряд репрессий со стороны поднимавшего голову правительства Витте-Дурново (22/XI — арест Всероссийского Бюро почтово-телеграфного союза, массовый локаут и т. д.). В начале декабря стачка замирает от истощения рабочих и ликвидируется в связи с неудачей декабрьской всероссийской политической стачки.

62) *Дубасов, В. Ф.* — адмирал, московский ген.-губернатор, усмиритель Московского вооруженного восстания в декабре 1905 года.

63) *Выборгский манифест*, — составленный 9 и 10 июля 1906 г. в Выборге на совещании членов только что разогнанной I Гос. Думы, преимущественно кадетов и трудовиков, призывал население не платить налогов и не давать рекрутов правительству Столыпина. На IV своем съезде кадеты отделились от этого воззвания, как слишком революционного и антигосударственного.

64) *Союз «Освобождение»* — заграничная организация русской либеральной интеллигенции, основанная П. Струве, — издавал газету «Освобождение»; в 1905 г. союз «Освобождение» слился с группой земцев-конституционалистов в одну к.-д. партию, образуя в ней левое крыло.

65) *Свеаборгское восстание* — 17—20/VII 1906 г. — организовано под непосредственным руководством офицеров с.-д-тов Емельянова и Коханского.

Ход восстания: 17/VII—возмущение минной роты; 18/VII—восставшие овладели почти всей крепостью, арестовали офицеров и начали бой с судами, стоявшими на рейде; выступление финляндской «красной гвардии» на помощь восставшим. 19/VII—восставшие заняли ряд укрепленных островков и оттеснили шесть рот пехоты. Появление учебного отряда судов Балтийского флота с дальнобойными орудиями вынудило крепость 20/VII в полдень сдаться; восставшие частью успели скрыться на лодках из крепости и затем эмигрировать в Швецию, частью были преданы военно-полевому суду и казнены.

66) *Земельный проект 104-х в I Гос. Думе.*

Земельное законодательство должно стремиться к тому, чтобы установить такие порядки, при которых вся земля с ее недрами и водами принадлежала всему народу, при чем нужная земля для сельского хозяйства могла бы отдаваться в пользование только тем, кто будет ее обрабатывать собственным трудом. Все граждане должны иметь равное право на такое пользование ею.

Для этого должен быть образован «общенародный» земельный фонд, в который должны войти все казенные, удельные, кабинетские, монастырские, церковные и помещичьи земли, превышающие установленную для каждой местности «трудовую» норму. Надельные и мелкие частновладельческие земли, не превышающие трудовой нормы, остаются за теперешними владельцами, но должны быть приняты законодательные меры, чтобы предотвратить скопление земель выше трудовой нормы в одних руках и обеспечить постепенный переход их в общенародную собственность.

Вознаграждение за отчуждаемые частновладельческие земли должно производиться за счет государства.

Земля, поскольку она служит для сельского хозяйства, отдается в пользование всем желающим обрабатывать ее своим трудом, при чем в очереди местному населению отдается преимущество перед пришлым и земледельческому — перед неземледельческим. Во всяком случае, каждый трудящийся имеет право на усадьбную оседлость в местности, где он живет.

Наделение земель из общенародного фонда производится в пределах трудовой нормы. Если земли для наделения всего земледельческого населения данной местности не хватает, то все имеющие менее продовольственной нормы получают право на переселение за счет государства в те местности империи, где земли имеется избыток.

Лицам, получившим землю из общенародного фонда и не имеющим достаточных средств для обзаведения всем необходимым для хозяйства, должна быть оказываема помощь за счет государства в форме ссуд и пособий.

Для подготовительных действий к земельной реформе и для упорядочения экономических отношений в течение переходного периода должны быть учреждены местные комитеты: губернские, уездные и волостные, избранные всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием, для организации всего населения в участие и обсуждении реформы.

Земельный проект 33-х в I Гос. Думе.

Все граждане должны иметь равное право пользования землею. «С этой целью должен быть образован общенародный земельный фонд, в который должны войти все казенные, удельные, кабинетские, монастырские и церковные земли; в тот же фонд должны быть отчуждены помещичьи и проч. частновладельческие земли, поскольку размеры отдельных владений превышают установленную для данной местности трудовую норму.

Вознаграждение за принудительно отчуждаемые и добровольно уступаемые в общенародный фонд земли частного владения должно производиться за счет государства.

Продажные залоговые и дарственные сделки на землю должны быть немедленно приостановлены.

Земля, поскольку таковая может служить для сельского хозяйства, отдается в пользование всем желающим обрабатывать ее своим трудом, при чем в очереди местному населению отдается преимущество перед пришлым и земледельческому—перед неземледельческим. Каждый трудящийся имеет право на усадьбную оседлость в той местности, в которой он живет, и право на надел в той местности, где имеется свободная земля.

Наделение земель производится в пределах трудовой нормы. Все имеющие менее продовольственной нормы получают право на переселение за счет государства в те местности империи, где в земле имеется избыток.

Лицам, не имеющим достаточно средств для обзаведения всем необходимым для хозяйства, должна быть оказываема помощь за счет государства в форме ссуд и пособий.

67) *О выборах в Петербурге во II Гос. Думу* см. подробности в ряде статей В. И. в VIII томе Собр. сочинений.

68) *Третий с'езд Р. С.-Д. Р. П. (апрель—май 1905 г. Лондон).*

Еще в феврале 1905 г. Бюро Комитетов Большинства разослало местным организациям приглашение на III партийный с'езд; меньшевистский Совет Партии, которому II с'езд присвоил право созыва с'езда, заявил протест против действий Бюро. Но вскоре с'езд был объявлен и Ц. К. партии, до того поддерживавшим меньшевиков.

Присутствовало на с'езде с решающим голосом 42 делегата от 21 местной организации и 4 делегата от Ц. К.

Главная задача была: выработать тактические директивы ввиду наступившей революции.

Директивы, данные с'ездом, сравнительно с резолюциями одновременно происходившей меньшевистской конференции, разобраны В. И. Лениным в работе: «Две тактики с.-д.-тин в демократической революции» (непечатаемо в VI томе Собр. сочинений).

69) *Кромвель Оливер (1599—1658 г.г.)*—диктатор Англии во время первой английской революции в половине XVII в., содействовал казни короля Карла I, подавил восстание ирландцев, разбил шотландцев, стоявших за короля, разогнал парламент и принял титул лорда-протектора 3-х республик—Англии, Шотландии и Ирландии.

70) В муниципализации земли, в противоположность Ленинской национализации, Плеханов находил на Стокгольмском Об'единительном с'езде Р. С.-Д. Р. П. в апреле 1906 г. «гарантию от реставрации» самодержавных порядков.

71) *Герострат*—грек, сжег храм богини Дяны в мало-азиатском городе Эфесе около 356 г. до нашей эры с целью прославиться.

72) *Польская социалистическая партия (Р. Р. С.)* образовалась в 1893 г. в период реакции против т. н. «варшавского позитивизма»—идеологии польского капитализма с программой «органического труда». Социализм Р. Р. С. был окрашен в яркие националистические цвета, отражая стремление профессиональной интеллигенции и наиболее революционной части мелкой буржуазии. Центральный пункт программы—восстановление национального польского государства, основной тактический путь—подготовка национального восстания. После революции 1905 г. Р. Р. С. распалась на 2 фракции: 1) «Лев и ду»—социалистическую и 2) революционную—националистическую, которая теперь стоит фактически у власти в Польше. Пилсудский—виднейший член Р. Р. С., а затем ее националистической фракции.

73)

РЕЗОЛЮЦИЯ *)

Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П. о постановке работы в профессиональных союзах.

1. Все более наглое наступление капитала на рабочий класс и на сделанные им за последние годы завоевания обуславливает на ближайшее время экономическую оборонительную борьбу.

2. При существующих политических условиях невозможно легальное руководство экономической борьбой. Для нелегальной работы легальные профессиональные союзы плохо приспособлены. Необходимо образовать нелегальные боевые профессиональные центры, специально приспособленные для руководства экономической борьбой по профессиям. Эти центры должны

*) Эта резолюция принята большинством в Комитете и будет от его имени внесена в общегородскую Конференцию.

опираться на содействие партии и быть тесно связанными с легальными профессиональными союзами и другими экономическими пролетарскими организациями.

3. Для образования боевых профессиональных центров необходим созыв общегородских конференций по профессиям из наиболее деятельных членов проф. союзов (члены правления) и представителей заводских и фабричных партийных ячеек.

4. Для успешного развития деятельности боевых профессиональных центров необходимо восстановить и оживить легальные профессиональные союзы и организовать их в тех профессиях, где их нет. (В случае невозможности организовать легальные профессиональные союзы организуются для поддержки боевых проф. центров кассы взаимопомощи или другие легальные пролетарские организации по профессиям.) Для оживления и направления деятельности легальных проф. союзов и иных легальных пролетарских организаций в желательную сторону все члены партии данной профессии должны состоять их деятельными членами.

5. Боевые профессиональные центры выбирают представителей, составляющих центральную общепрофессиональную группу при М. К., руководящую под контролем М. К. общепрофессиональной борьбой. В эту группу входят представитель от М. К. и представители от каждого партийного района.

6. Боевые проф. центры, связавшись при помощи проф. и партийных организаций с массами рабочих данной профессии, связывают их единым планом профессиональной борьбы. Центральная общепрофессиональная группа, связывая боевые профессиональные центры, согласует выступления отдельных профессий и подчиняет их интересам классовой борьбы пролетариата.

7. Для более успешного ведения этой работы необходимы широкие собрания по фабрикам и заводам для обсуждения экономических вопросов и образование профессиональных групп на низах, входящих в состав легальных профессиональных союзов. Эти группы и эти собрания оживят работу в легальных профессиональных союзах, расширят и укрепят их связи с массами и дадут им возможность оказывать серьезную и решительную поддержку боевым профессиональным центрам.

8. Детальный план организации на низах, план организации боевого проф. центра в каждой профессии, отношение его к легальным организациям боевого проф. центра в каждой профессии, отношение его к легальным организациям выясняются на общегородских профессиональных конференциях (п. 3), которые в основу своих работ кладут план, предложенный Ц. К. и одобренный в общем М. К.

9. В проф. группы по фабрикам и заводам входят все члены партии данного предприятия, руководя совместно жизнью этих групп и обсуждая план этого руководства на своих партийных собраниях.

10. Вопросы, связанные с общепрофессиональным движением, переносятся представителями районов (п. 5) и центр. общепроф. группы на обсуждение районных комитетов и районных собраний. Районные комитеты переносят обсуждение этих вопросов в партийные ячейки и способ-

ствуют работе проф. групп в районе. Май 1908 г. (*«Пролетарий» № 31 от 4 (17) июня 1908 г.*).

74) *Бойкотисты и отзовисты **)

Две московских резолюции о думской фракции Р. С.-Д. Р. П., напечатанные в этом номере *«Пролетария»*, представляют огромный интерес с самых различных точек зрения. Обе они являются выражением той энергичной и глубокой работы революционного сознания, которая идет в наших организациях; обе проникнуты духом непреклонной пролетарской активности и партийности. В то же время обе они — одна недостатками своей формы, другая неосмотрительной прямолинейностью своих выводов — способны подать повод к некоторым недоразумениям.

Первое из возможных недоразумений, которое я считаю необходимым устранить с первого шага, — это предположение, будто бы спор, идущий между сторонниками этих резолюций, есть повторение или продолжение спора бойкотистов с антибойкотистами. Нет, вопрос здесь поставлен совершенно новый. Одно дело — убеждать партию не обзаводиться своей фракцией в таком учреждении, как III Дума, другое — пытаться взять обратно то, что уже сделано партией.

Я полагаю, что Думская Фракция оправдала, к сожалению, худшие предвидения, сформулированные бойкотистами на июльской конференции. Уничтожающая критика деятельности думской фракции, данная в обеих резолюциях — живое тому доказательство; и я думаю, что факты высказались за правильность нашей тогдашней точки зрения. Но всякую попытку в данное время поставить на реальную почву вопрос об отзывании фракции надо признать большой ошибкой.

Большинство конференции право в своем выводе, — оно только слабо его мотивирует. После такой характеристики работ фракции, какая дала этим большинством, нельзя считать достаточным аргументом против отзыва фракции «острую необходимость в настоящее время для партии широкого использования думской трибуны в агитационных и организационных целях». Эту «острую необходимость» или, точнее, острую потребность, всякий, конечно, признает, — признавали ее и мы, бойкотисты, в то самое время, когда высказывались за бойкот; не станут, вероятно, ее отрицать и товарищи «отзовисты». Но когда эта «острая необходимость» удовлетворяется такими способами, как это описано в первых 4-х пунктах резолюции большинства, тогда всякому покажется очень странным вопрос, надо ли далее удовлетворять эту потребность. Не менее острая необходимость имеется у партии, например, в легальной печати или в материальных средствах, — значит ли это, что можно допустить всякие способы

*) От редакции *«Пролетария»*.

Ставя в зависимость вопрос о продолжении работы с.-д.-тов в Думе от «общего подъема народного движения», т. Максимов по существу дела становится на общую с нами почву. Но мы не намерены входить в дальнейшие детали решенного уже партией и жизнью вопроса о бойкоте. Гораздо важнее подчеркнуть нашу полную солидарность с автором в вопросе об «отзовизме», т.-е. о современной практической политике.

ее удовлетворения? Конечно, нет. На этом пути нельзя опровергнуть «отзовистов».

Есть нечто гораздо более важное. События имеют свою логику, и попытаться ее насильно было бы бесполезно. Партия сразу создала думскую фракцию, и мы, бойкотисты, подчиняясь решению большинства партии, приняли в этом активное участие. Раз это сделано — надо считаться с неизбежными результатами, из которых главный тот, что партия в сильнейшей степени связана этим своим шагом и никаким способом не может сложить с себя ответственности за него. И «переделать» этот шаг партия не может по своему произволу.

Такой акт, как сложение полномочий всей фракцией — акт в высшей степени революционно-боевой. Его нельзя предпринять независимо от общего подъема народного движения — без этого он просто неосуществим. Всякому ясно, что фракция, выбранная на основе закона 3 июня, абсолютно неспособна по собственной инициативе или вообще добровольно его предпринять: это было бы грандиозной и прекрасной демонстрацией, но фракция она объективно не по плечу.

Только широкие боевые выступления пролетариата могли бы создать возможность такого шага, либо увлекая за собою фракцию, либо сметая ее с пути, если бы она оказалась безнадежной. В данный момент таких условий нет, а когда они будут, тогда, может быть, не придется и заниматься этой фракцией.

А между тем всякие попытки осуществить отозвание фракции при условиях нынешнего момента не только не могли бы оказаться достаточно единодушными, — что абсолютно необходимо для их успеха, — но почти неизбежно повели бы к расколу партии, к расколу даже, вероятно, ее левого крыла... С этой точки зрения лекарство, предлагаемое отзовистами, хуже самой болезни. Партийное единство и единодушие левого крыла партии есть то, что всего более и всего острее понадобится пролетариату в момент новой массовой борьбы. Это единство и это единодушие мы должны сохранить и укрепить до того момента во что бы то ни стало.

В своем законном недовольстве деятельностью фракции «отзовисты» увлекаются настолько, что в сущности преувеличивают ее значение. Ну, каким образом эта деятельность в том виде, как она шла до сих пор, будет «способствовать укреплению конституционных иллюзий»? Не приходится ли опасаться скорее противоположного — развития на ее почве антипарламентарных настроений среди рабочих? Но и в этом смысле деятельность фракции — не такая уже крупная величина; и притом пока еще не вполне исключена возможность ее улучшения.

С этой точки зрения план партийного воздействия на фракцию, предложенный большинством Московской конференции, заслуживает полного внимания. Пока не исчерпаны указания в нем средства, — а «отзовисты» не станут утверждать, что они исчерпаны, — нельзя переходить к тактике столь беспримерно-решительной и столь безмерно-рискованной, какой была бы в данный момент тактика «отозвания».

Разумеется, применяя всевозможные способы воздействия на фракцию, не следует отвлекать на это чрезмерного количества сил и

средств, памятуя, что не в этом лежит центр тяжести нынешней партийной работы.

Должен заметить, что все здесь изложенное представляет не мое только личное мнение; оно выработано мною сообща с тов. Алексинским, бывшим членом Второй Думы, который уполномочил меня заявить о его полной солидарности со всем содержанием этой статьи. Мы думаем, что и большинство тов. бойкотистов станет на такую же точку зрения.

В обеих московских резолюциях о фракции, как и в третьей резолюции — о работе в проф. союзах, — нам особенно дорого и особенно радует нас живое, конкретно выраженное стремление выйти на дорогу широкой практической деятельности и страстное отношение к очередным практическим лозунгам. Что касается частных разногласий и противоречий, то они при этом неизбежны и необходимы; но поскольку мы, большевики, умели до сих пор и поскольку впредь сумеем разрешить их на пути широкого обсуждения, демократического голосования и партийной дисциплины. — постольку они служили и будут служить только на пользу нашему делу.

Бывший докладчик бойкотистов на июльской конференции *Максимов (А. Богданов)*.

(«Пролетарий» № 31 от 4 (17) июня 1908 года.)

75) *С.-р. максималисты* — крайнее левое течение в рядах партии с.-р.; главный организатор Н. М. Соколов, «Медведь», видный участник Московского вооруженного восстания; организационное выделение произошло в январе 1906 г. после I съезда с.-р. на особой конференции; союз максималистов широко развил террористическую деятельность (взрыв дачи Столыпина 12/VIII 1906 г.) и совершил ряд экспроприаций (наиболее известная в Фонарном пер. 14/X 1906 г. в Петербурге). Программа максималистов: 1) не ограничиваясь социализацией земли, провести и социализацию фабрик и заводов; 2) создать трудовую республику — концентрация в руках трудового народа политической власти, земли, фабрик; преимущество трудовой республики над демократической — для перехода к социализму от нее не понадобится больше революции; 3) фабрики и заводы передаются, по одной версии, рабочим артелям, по другой — коммуна и муниципалитетам. Принципы тактики: 1) террор, — сокращающий деятелей буржуазного аппарата власти, отпугивающий буржуазию от революционных элементов, и 2) экспроприации, — подрывающие экономические устои буржуазного общества.

76) *Плеве* — наиболее видный представитель полицейско-бюрократической реакции в эпоху Александра III и Николая II. В 80-х гг. упорно борется с остатками народолюбия, в 90-х годах воюет с независимостью и свободной культурой финляндского народа. После убийства Сипягина делается министром вн. дел, сталкивает Витте и на некоторое время делается полицейским диктатором России, гонитель рабочих, студенчества, земцев, он сумел изолировать самодержавие от самых умеренных слоев общества. Чувствуя надвигающуюся революционную грозу, Плеве проводил войну с Японией. Убит 15/VII 1904 г. Е. Сазоновым.

77) *Чингисхан* — татарский завоеватель XIII века, прославился крайней жестокостью по отношению к покоренным народам Азии и Европы.

78) *«L'Humanité»* — «Человечество» — Ц. О. объединенной социалистической партии во Франции, теперь Ц. О. французской компартии.

79) *Бюлов* — немецкий канцлер (премьер-министр) в 1900 — 1908 г.г., проводник империалистической политики Вильгельма II.

80) *Носке* — правый немецкий социалист, шейдемановец, военный министр германского правительства в 1919 и 1920 г.г., усмиритель пролетарской революции, заливший Германию кровью рабочих.

81) *Эрве, Г.* — французский анархо-социалист, до войны принадлежал к «крайнему левому» крылу, проповедуя антимилитаризм и апатриотизм, издавал газету *«La Guerre Sociale»* («Социальная война»); в момент объявления войны стал крайним социал-патриотом, отстаивал полный разгром Германии и переименовал свой орган в *«La Victoire»* («Победа»). Ярый враг Советской России.

82) *Карл Либкнехт* — сын одного из основателей германской с.-д. партии — Вильгельма Либкнехта. На заседании рейхстага 4 августа 1914 г. остался верен Интернационалу и вдвоем с О. Рюле голосовал против военных кредитов, в то время, как вся с.-д. фракция, насчитывавшая 110 депутатов, голосовала за кредиты. Свою борьбу за Интернационал он не ограничил парламентом и перенес на улицу, призывая рабочих к демонстрациям против войны и к борьбе за социалистическую революцию. На первомайской демонстрации в Берлине, Л. был арестован и приговорен к заключению в каторжной тюрьме, откуда его освободили ноябрьская революция 1918 года. После победы большевиков в России, Либкнехт, находясь в тюрьме, одним из первых в Германии стал на сторону русской революции, призывая рабочих организовать Советы, по русскому образцу. Во время восстания берлинских рабочих в январе 1919 г. стоял во главе движения, будучи членом революционного комитета, после его ликвидации был арестован правительством Шейдемана и предательски убит вместе с Розой Люксембург германскими офицерами. Имя К. Либкнехта во время войны стало синонимом социальной революции и знаменем Коммунистического Интернационала, идейным основателем которого он был.

83) *Роза Люксембург* — видная деятельница международного социалистического движения. Работая вместе с Львом Юнгхесом (Тышко) в Швейцарии, она много сделала для выработки теоретического обоснования польского с.-д. движения; способствовала образованию в 1893 г. «Социал-Демократии Царства Польского» (впоследствии «С.-д.-тии Польши и Литвы»). На Цюрихский Международный конгресс Л. получила мандат от варшавских рабочих. В 1897 г. переехала в Германию. Во время расцвета бернштейнианского ревизионизма, а позднее «министерализма» (Мильера), Л. повела с этим течением решительную войну, заняв место на левом крыле германской партии. В 1907 г. участвовала в качестве делегата от с.-д.-тии Польши и Литвы на Лондонском съезде Р. С.-Д. Р. П., поддерживая по основным вопросам большевистскую фракцию. С 1907 года Л. всецело отдалась германской работе. За это время ею написан большой труд: «Накопление капитала». С первого дня империалистской войны, Л. заняла интернационалистско-революционную позицию, пытаясь вместе с Мерингом и К. Цеткин издать манифест к рабочим. Вскоре Л. вошла в «Союз Спартака», основанный Карлом Либкнехтом.

В 1906 году была арестована в административном порядке. В тюрьме написала (под псевдонимом «Юниус») брошюру «Кризис с.-д.-тии» (см. в ней статью В. И. в XIII томе Собр. сочинений), где предсказала распад второго Интернационала и образование Коминтерна. Ноябрьская революция в Германии дала ей возможность развить самую широкую агитацию за социалистическую революцию. После январского восстания 1919 года предательски убита вместе с Карлом Либкнехтом немецкими офицерами.

84) *Фальер Арман* — президент Французской республики, представитель правых буржуазных кругов.

85) *Фавр Жюль (1809 — 1880 г.г.)* — парижский адвокат, блестящий оратор, враг 2-й империи Наполеона III. После провозглашения III республики был министром иностранных дел в кабинете Тьера, договаривался с Бисмарком о заключении мира.

86) *Шварц, А. Н.* — проф. Моск. унив., потом министр народного просвещения в Столыпинскую эпоху, крайний реакционер.

87) Содержание этого Обращения точно охарактеризовано в резолюции Исп. Ком. Ц. К. Р. С.-Д. Р. II. (см. ниже прим. 88).

88) На собрании Исполнительной Комиссии Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. II. 22 сентября после обсуждения вопроса о студенческом движении в Петербурге в числе других постановлений принято следующее:

«Ввиду известного обращения студенческого коалиционного комитета «К обществу и студенчеству» П. К. Р. С.-Д. Р. II. ставит партийным социал-демократическим студенческим группам на вид:

1) что обращение это, с начала до конца проникнутое идеями самого пошлого буржуазного либерализма и знаменующее подчинение большинства студенчества кадетско-октябрьскому руководству, принимается, однако, за выражение стремлений и мнений студенчества революционного;

2) что поэтому социал-демократическому студенчеству настоятельно необходимо публично заявить со всей определенностью, что энергично поддерживая данное академическое движение и его академические требования, оно — студенчество социал-демократическое — общего ничего не имеет с этим октябристско-кадетским обращением и подчиняет свое участие в академическом движении задачам соц.-дем. в общенародной борьбе с царизмом» (*«Пролетарий» № 36 от 3 (16) октября 1908 года*).

89) См. выше прим. 64.

90) *Гюисманс* — секретарь Международного Социалистического Бюро II Интернационала, соратник Вандервельде, член бельгийской социалистической партии.

91) *Вальян, М. Э.* — видный деятель французского социализма. Прикнюк к Коммуне и был выбран ее членом; версальцы приговорили В. к смерти, вследствие чего ему пришлось бежать в Лондон, где он близко сошелся с Марксом и Энгельсом и вошел в Совет I Интернационала; В. вернулся во Францию по амнистии 1884 года, заняв одно из первых мест во французском социалистическом движении.

92) *Гайндман* — марксист, вожьд и основатель Британской социалистической партии. С начала империалистской войны скатился к социал-патриотизму, вследствие чего в 1915 г. был исключен из партии, сохранившей

верность революции и, после объединения с другими левыми группами, в 1920 г. превратившейся в Британскую коммунистическую партию.

93) *Рубанович, И. А.* — народоволец; после разгрома «Народной Воли» эмигрировал за границу; в 1893 году вошел в парижскую «группу старых народовольцев». С образования партии соц.-рев. примкнул к ней, являясь официальным представителем партии за границей; с января 1904 г. по декабрь 1909 г. редактировал издававшийся партией в Париже журнал: «La Tribune Russe» («Русская Трибуна»; всего вышло 12 номеров), член Международного Социалистического Бюро от с.-р. В годы войны социал-патрист и соглашатель, противник Советской власти.

94) *Адлер Виктор* — марксист-ортодокс, руководитель и теоретик австрийской социал-демократии, один из виднейших деятелей II Интернационала, сторонник Каутского в годы империалистской войны. Министр буржуазного временного правительства Австрии после ноябрьской революции 1918 г.

95) *Макдональд, Рамсей* — вождь английской независимой рабочей партии, депутат, входил во время войны в парламентский блок с либералами, один из главарей и вдохновителей амстердамского объединения профессиональных союзов. В данный момент английский премьер от Рабочей партии.

96) Аннексия Австрией в 1908 г. турецких провинций, Боснии и Герцеговины, временно оккупированных ею по Берлинскому трактату 1878 г. — одно из ярких проявлений хищнического европейского империализма, разорвавшего без церемоний склеенный дипломатами «ключок бумажки».

97) *Брантинг* — депутат и вождь шведской социалистической партии, один из вождей II Интернационала, сохранивший ему верность до сих пор. Ортодокс до войны, сторонник франко-английской ориентации в империалистскую войну; после войны был премьером шведского королевского правительства.

98) *Ледебур* — старый марксист, соратник Бебеля и Гаазе, в годы войны занимавший интернационалистскую позицию, участник Циммервальдской конференции, подписавшийся под ее манифестом, но решительный противник «Циммервальдской левой». С отколом от германской с.-д. партии «независимых» один из их лидеров. После ноябрьской революции в Германии некоторое время входил в правительство. Вместе с Карлом Либкнехтом и Шольце состоял членом революционного комитета в Берлине во время январского восстания 1919 года, оставаясь противником диктатуры пролетариата и защитником «демократии». После победы коммунистов на конгрессе в Галле ушел из партии вместе с правыми независимыми.

99) *Конституция 3 мая 1791 г. в Польше* была попыткой либерального дворянства (шляхты) укрепить распадавшееся Польское государство. Попытка кончилась полной неудачей, и в 1795 г. Польша прекратила самостоятельное существование вплоть до Версальского договора после империалистской войны 1914 — 1918 г.г.

100) *Илюдор* — известный реакционный проповедник, фанатик, пользовавшийся в 1908 — 1912 г.г. сильным влиянием в реакционных кругах; в 1913 г. порвал со своими прежними друзьями, выступил против влияния Распутина при дворе и бежал за границу (издал воспоминания о Распу-

тине — «Святой чорт»). После революции 1917 г. возвратился в Россию и выступал одно время сторонником радикальных реформ в церкви.

101) *А. И. Скворцов* — экономист, проф. Ново-Александровского сельскохозяйственного института; см. о нем подробнее в прим. 58 к II тому Собр. сочинений.

102) Речь идет о помещенной на 53 — 61 стр. I части этого тома статье В. И.: «Марксизм и ревизионизм»; примечание (в нашем изд. на стр. 56) касается «Очерков философии марксизма» Богданова и Ко.

103) «*Заря*» — журнал, издававшийся старыми «искровцами» в 1901 — 1903 г. г.; был посвящен разработке теоретических вопросов марксизма и с.-д.-тин. Статьи В. И. из «Зари» перепечатаны в V томе Собрания сочинений: 1) «Случайные заметки» из № 1; 2) «Гонители земства и Аннибалы либерализма» из № 2 — 3 и 3) «Внутреннее обозрение» из № 2 — 3.

104) В конце 1905 г. П. Маслов выступил с проектом «муниципализации» земли и защищал его на Об'единительном с'езде в качестве докладчика от меньшевиков. Но на с'езде «муниципалисты» должны были сделать уступку «разделистам». Вместо первоначальной Масловской программы получилась «кастрированная» программа, в которой оказались смешанными и национализация, и муниципализация, и раздел. См. подробности в IX т. Собр. сочинений.

105) *Общерусская конференция 1908 г.*

На конференцию, состоявшейся в Париже в декабре 1908 г., были представлены почти все крупнейшие партийные организации: петербургская, московская и центральный промышленный район (Московский комитет, Московский окружный комитет, Иваново-Вознесенский союз, Владимирский Окружной комитет, Костромской Окружной комитет, Нижегородский комитет, Сормовский, Орловский, Брянский и др. организации центрального района, — всего числом 16), Урал, Юг, Кавказ, Северо-Западный край (Вильна, Двинск), Бунд и социал-демократия Царства Польского и Литвы; социал-демократия Латышского края не могла принять участия в общепартийной конференции, в силу полицейских условий. Петербургская организация была представлена 2 делегатами, избранными расширенным составом Петербургского Комитета; Москва и центральный промышленный район избрали на состоявшейся областной конференции 5 делегатов, но трое из них по независящим обстоятельствам не могли явиться, так что вся центрально-промышленная область была представлена лишь двумя делегатами. Урал прислал лишь одного представителя, Юг — также одного, сильно запоздавшего; от Бунда было 3 делегата, а от Польской соц.-дем. — 5. Северо-западный делегат приехал лишь к концу конференции. Кавказ был представлен 3 делегатами. Наконец, в Поволжье состоялась областная конференция, на которой был избран делегат, не прибывший, однако, по независящим от него обстоятельствам. Ряд более мелких организаций не мог принять участия в конференции, в силу устава о созыве ее. С совещательным голосом присутствовал на конференции делегат от Ц. К. С.-Д. Партии Литвы, представивший проект об'единения. Из членов Ц. К. присутствовало больше половины.

Резолюции конференции см. Приложение, документы под № 1.

106) Поддерживая революционные выступления крестьянства вплоть до конфискации помещичьих земель, Р. С.-Д. Р. П. всегда и неизменно будет противодействовать всяким попыткам задерживать ход экономического развития. Стремясь при победоносном развитии революции передать конфискованные земли во владение демократических учреждений местного самоуправления, Р. С.-Д. Р. П., в случае неблагоприятных для этого условий, выскажется за раздел между крестьянами тех помещичьих земель, на которых фактически ведется мелкое хозяйство, или которые составляют необходимые для его округления угодия. При этом партия во всех случаях и при всяком положении демократических аграрных преобразований ставит своей задачей неуклонно стремиться к самостоятельной классовой организации сельского пролетариата, разъяснять ему непримиримую противоположность его интересов интересам крестьянской буржуазии, предостерегать его от обольщения системой мелкого хозяйства, которая никогда при существовании товарного производства не в состоянии уничтожить нищеты масс, и, наконец, указывать на необходимость полного социалистического переворота, как единственного средства уничтожить всякую нищету и всякую эксплуатацию.

107) Речь идет о политических порядках, установившихся во Франции: 1) в начале Великой Французской Революции, когда существовала еще королевская власть, ограниченная буржуазным Законодательным Собранием (1789—1792 г.г.) и 2) в эпоху реставрации Бурбонов, когда король правил вместе с помещичьи-буржуазным парламентом (1815—1830 г.г.).

108) *Череванин* (Ф. А. Липкин) — с.-д. меньшевик правого крыла (см. о нем статью В. И. в VII томе: «Выступление Мартова и Череванина в буржуазной печати») и впоследствии видный ликвидатор. На Об'единительном съезде выступал докладчиком от меньшевиков по вопросу о вооруженном восстании.

109) См. об этом брошюру В. И.: «Земская кампания и план «Искры» в VI томе Собр. сочинений.

110) Речь идет о кровавом Петербургском воскресенье 9 января 1905 г. См. о нем подробнее в VI томе Собр. сочинений.

111) *Г. Кунов* — один из видных представителей германской социал-демократии, автор ряда работ, из которых наиболее известны: «Происхождение религии и веры в бога», «Марксова теория истории, общества и государства» и друг.; примыкает теперь к правому, контр-революционному крылу социалистического движения. См. о нем подробнее в книге Н. Бухарина: «Теория исторического материализма».

112) *Письмо рабочего в редакцию «Рабочего Знамени».*

Товарищи! Мы обращаемся к вам с этим письмом не для того, чтобы внести раздор в наши ряды, а для того, чтобы привлечь ваше внимание к тому насущному вопросу, который выдвинут жизнью. Ни для кого из нас, работающих в партии, не тайна, что работников-профессионалов становится с каждым днем меньше, что внутри-организационная дисциплина распалась, что многие и многие сознательные рабочие ушли в сторону от партийной деятельности. Некоторыми овладело такое уныние, что они готовы хоронить партию и петь панихиды по живому покойнику. Мы далеки

от подобного пессимизма; расстройство партийной работы мы считаем легко поправимым злом, а общие условия политической жизни не только не внушают нам могильного настроения, но, напротив, заставляют предвидеть новую революционную волну и напрячь все силы, чтобы подготовиться к ней. Однако усилия партии и сплочение пролетариата под старыми испытанными знаменами достижимо при одном условии: если мы бросим нашу апатию, если мы отрхнем овладевшую нами умственную лень и, вместо того, чтобы бессильно проклипать действительность, постараемся понять ее и сделать выводы из полученных нами уроков.

На наш взгляд, главная беда партии заключается в том, что она не страхнула еще иллюзий и не сумела практически приспособиться к создавшемуся положению вещей. У нас нет конституции, — это отлично сознают все; и, однако, мы действуем так, как если бы конституция была — и притом конституция не из самых плохих. Реакция отбросила нас в до-«октябрьские» дни; а на ее удары мы отвечаем тактикой, приспособленной к парламентскому режиму. Мы с головой засунуты в подполье; и, однако, мы упорно высовываем наши демократические конечности, за что и платимся непрерывными провалами крупных партийных ячеек. Жить так дальше — значит действительно хоронить себя: кто стоит на месте, тот умирает. К чему приспособляться нашей партии — к годам застоя или к новому общественному подъему? По нашему мнению, действительность отвечает на данный вопрос достаточно красноречиво. Столыпинская политика не разрешила ни одной из тех задач, которые выдвигает буржуазный строй.

Крестьянство нищает с поразительной быстротой: промышленность остановилась на мертвой точке и вместо расцвета обещает новый кризис, ибо покупательная способность населения падает с каждым месяцем, а новых рынков сбыта не предвидится никаких. На-ряду с этим параличом хозяйственной жизни все яснее и яснее вырисовывается господствующая роль монархически-настроенного дворянства, которое ухищряется отравить существование даже консервативных элементов населения. Международное же положение дел таково, что в любой момент может втянуть эту рассыпанную храмину российского государства в дальне- или ближне-восточную авантюру. Трудно, конечно, и даже невозможно сказать, каков будет тот внешний повод, который приведет в движение изголодавшиеся народные массы: быть может, политический подъем вырастет сам собой, быть может, он явится в результате международных столкновений. Несомненно лишь одно, что объективные причины революции не устранены, что они продолжают действовать в прежнем направлении и неизбежно толкают к единственно возможной революционной развязке.

Если революция не ликвидирована, то именно к ней, а не к переживаемой нами гнилой политической минуте должны мы приспособить нашу тактику и нашу организацию.

Естественным завершением партии, ее, так сказать, дипломатическим представителем является думская фракция. Спрашивается, целесообразно ли ее существование при данных политических условиях, способствует ли она развитию партийной жизни или, наоборот, задерживает его. С.-д. фрак-

ция должна выражать волю организованного пролетариата; ее работа плодотворна только тогда, когда она живет в тесном общении с массами, подвергается непрерывному учету и контролю с их стороны, и во всех своих действиях соотносится с запросами и настроениями, возникающими в рабочей среде. Между тем, полицейские условия, в которые загнана социал-демократия, делает такое общение невозможным; от представительства остался пустой звук, и группа с.-д. депутатов превращается в какую-то замкнутую, ни для кого не видимую комиссию по разработке законопроектов, которые не могут быть проведены.

Одним из главных мотивов, побуждающих партию принять участие в выборах, было упование на пропагандистско-агитационную роль «думской трибуны»; действительность, однако, показала, что агитация в III Думе сводится к нулю, во-первых, благодаря составу самой группы, а во-вторых, благодаря полному равнодушию масс ко всему тому, что происходит в стенах Таврического дворца.

Таким образом фракция не выполнила, да и не могла выполнить, тех задач, которые на нее возлагались; отсутствие же ярких выступлений и полная оторванность фракции от жизни и интересов, хотя бы наиболее сознательной части пролетариата (не говоря уже о широких массах), дали удобный повод для того, чтобы дискредитировать всю партию в глазах рабочих. Создалось представление, что социал-демократия примирилась с создавшимся положением вещей и думает о мирной культурной работе; существование фракции стало как бы доказательством того, что революция похоронена если не на словах, то, по крайней мере, на деле. Пусть это мнение не верно: но опровергнуть его мы можем не доводами, а фактами. Прорвите полицейские рогатки, отделяющие депутатов от масс, заставьте фракцию выступать более резко и ярко, словом, слейте органически ее работу с жизнью пролетариата—тогда рабочие, быть может, признают за ней положительные стороны; но так как каждое изменение ее деятельности связано с изменением режима, воздействовать на который мы сейчас не в силах, то всякие мечты о расширении и углублении фракционной работы приходится оставить. Одно из двух — или мы хотим, во что бы то ни стало, сохранить фракцию (подобно тому, как кадеты хотели, во что бы то ни стало, сберечь II Думу) — тогда нам необходимо сделать и все вытекающие отсюда выводы, т.е. примириться с изолированностью депутатов и не только не протестовать против бесцветности депутатских речей, но эту бесцветность вменить им в обязанность, как лучшую гарантию от возможности исключения; или мы хотим развить до максимума ее энергию, не считаясь с общеполейскими и думскими препятствиями, — тогда мы сознательно должны идти навстречу устранению с.-д. депутатов из Думы, тогда мы — «отзовисты». На наш взгляд вывод из всего этого напрашивается само собой: ошибку, которую мы совершили, приняв участие в выборах, необходимо ликвидировать; фракции необходимо предложить, чтобы она сложила свои полномочия. Такой шаг, с одной стороны, ясно подчеркивает в глазах рабочих масс отношение с.-д. партии к Думе, с другой стороны, он укажет им, что нет иных выходов, кроме нелегальной организации и подготовки к новым массовым выступлениям

Однако отзыв депутатов сам по себе является лишь первым шагом, прологом к дальнейшим действиям. Он окажет влияние лишь тогда, если за словами будет стоять дело, если партия изменит всю свою тактику и перестроит всю свою организацию в целях возрождения революции.

На наш взгляд в партийную работу должны быть внесены следующие изменения:

1) Постановка организации. Опыт показал, что выборное начало при данных полицейских условиях, с одной стороны, не может быть осуществлено во всей своей полноте и благодаря этому превращается в фикцию, с другой стороны, противоречит конспиративным соображениям, что ведет к непрерывным провалам. Поэтому центральные партийные ячейки (комитеты) должны не избираться, а назначаться Ц. К. и пополняться путем кооптации. Для расширения работы должны быть образованы в рабочей среде строго обособленные друг от друга подсобные группы, выполняющие какую-либо одну функцию (пропаганда низшего и среднего типа, коллегии сотрудников для местного органа, агитация среди солдат и т. д.), обладающие самостоятельностью в сфере своей непосредственной работы, а в сфере общепартийных выступлений подчиненные руководству местного комитета. Таким образом, отрывая партийные ячейки друг от друга, партия получит возможность соединять конспирацию с расширением своей деятельности.

2) Постановка агитации. До сих пор агитация сводилась к тому, чтобы внушить массам определенный лозунг. Агитация нового типа должна, прежде чем выставить тот или иной лозунг, привлечь массы к его обсуждению, если не устным, то, по крайней мере, письменным путем (анкетная система). Таким образом создается действительная живая связь масс с жизнью партии—и это будет служить естественной заменой того организационного демократизма, осуществить который мы не в силах.

3) Постановка пропаганды. Особенное внимание должно быть обращено на выработку пропагандистов из среды рабочих; для этого должно быть образовано из наиболее опытных теоретиков нечто вроде инструкторской коллегии.

4) Партия должна на страницах «Пролетария» и Ц. О. посвятить особенное внимание выяснению того характера, которым будет отличаться новый общественный подъем: нашу повседневную тактику мы должны сообразовать с запросами этого, как мы надеемся, недалекого будущего.

5) Что же касается общего содержания агитации и пропаганды, то необходимо как можно ярче подчеркивать не столько общедемократический, ибо он уже усвоен достаточно рабочими массами, сколько социалистический элемент социал-демократии. Вот, на наш взгляд, крупные вопросы, которые партии необходимо и теоретически, и практически решить.

113) *Письмо рабочего в редакцию «Пролетария».*

Глухая реакция в отсутствие какой-либо политической жизни, в связи с массой репрессий, поставили перед партией вопрос: «Что делать?». И товарищи различно отзывались на этот вопрос. Иные хотят уничтожить

партию, иные—«выдумать» лозунги, если их не выдвигает жизнь, иные—вернуться к старым условиям работы и проч., и проч. Ведь, на что, кажись, странно звучит «изобретение лозунга», а в настоящее время, к сожалению, и с этим приходится считаться. Я не буду останавливаться на оппортунистическом лозунге «долой партию», но и лозунги «Долой Думу», или наиболее ходкий (из курьезных) в Питере лозунгов «Долой фракцию»—является не более, не менее, как продуктом полной растерянности, деморализации, тактической беспечности, результатом непонимания текущего и неспособности предвидеть следующие моменты. Три последние годы партия шла под каким-то лозунгом текущего момента, начиная с бойкотов и вооруженного восстания, до выборов в третью Думу и работы в проф. союзах и кооперативах. Сверх центральных лозунгов, объединявших партию, почти каждая организация имела свои лозунги—местные, как-то: забастовки, локауты, движение безработных и т. д. Перед работниками, таким образом, всегда стояла определенная центральная задача, и было ясно, что делать. Били в одну точку. Но вот в политической жизни страны наступил «штиль», пролетарская партия разгромлена, и, не имея политического щита, экономические организации частью прекратили свое существование, частью его «влачат». Лозунгов нет,—и часть партийных работников растерянно, тщетно ищет их. Что делать? Кажется, что могло быть проще ответа на этот вопрос: «делайте, что нужно для укрепления партии, пропагандируйте, делайте то, что должны делать всегда работники Рабочей Партии». Однако, если так ответить, немногие поймут. Дело в том, что, начиная с 1905 г., мы агитировали, пропагандировали почти только «текущий момент»; о нем мы говорили на организационных собраниях, о нем писали. Мы организовывали тысячи рабочих, провели бесчисленное—за эти три года—количество собраний, и везде господствовал «текущий момент». Рабочий, попав в кружок, с первого дня и до бесконечности слушал о «текущем моменте». Шел ли он слушать на расширенное собрание докладчика или выбирал своего представителя на съезд, везде его преследовал—текущий момент. Изредка в пылу полемики по «текущему моменту» он слышал (поскольку это касалось «текущего момента») о Великой Французской Революции или революции в Германии в 1848 г. Жадно вслушивается... но нет, опять все он же... Пробыв года полтора в партии, рабочий кое-как начинает понимать об с.-р., меньшевиках, к.-д., но сказать, чтобы он был соц.-демократом—этого сказать нельзя. Он становится революционером, демократом, но только не социалистом! Отчасти, конечно, необходимо было уделить массу внимания «текущему моменту». Если наши меньшевики хныкали по поводу «вечных дискуссий» о нем, то только потому, что их на этих вопросах неизменно били. Однако пылкому увлечению текущим моментом много способствовала, во-первых, та масса вопросов, которые выдвигала перед нами жизнь, во-вторых, главным образом, те обостренные отношения и организационная конкуренция, которые существовали между двумя течениями нашей партии. Результаты не заставили себя ждать. Наступила реакция, и от десятков тысяч организованных рабочих уцелели десятки, сотни. Отовсюду жалобы на недостаток работников и апатию рабочих. Могло ли быть иначе? Нет. Воспитанники «текущего момента» покинули партию. А,

ведь, начиная с осени 1906 г. рабочие настоятельно просили дать им знания, необходимые для партийного работника. Многие еще перед второй Думой указывали даже в высших партийных учреждениях на необходимость создать из рабочих школы пропагандистов и агитаторов, но безрезультатно. Все продолжало идти по-старому. К довершению бед столицы летом переживали острый кризис недостатка в рабочих, — «революция уезжала на дачу», т.е. интеллигенты, по преимуществу учащаяся молодежь, раз'езжались по домам. Летом столичные организации рассыпались почти по швам и осенью, приехав с «дачи», партийные работники должны были почти всю осень только «восстанавливать». Уже одно это в достаточной степени должно было указывать как на случайность кадров наших работников, так и на необходимость создания таковых из самих рабочих. Мы это своевременно не сделали, и это—большое несчастье. Прошло еще лето, наступила осень, и в партийные ряды не вернулось и половины. Часть бывших работников интеллигентов «разочаровалась», часть ударилась в академизм. Немного уцелело и из старых испытанных работников: кто в тюрьме, кто в ссылке, а то и на каторге, кто эмигрировал. И несмотря на «осень» в партии остро ощущается недостаток работников. И в такое время люди жалуются на то, что нет лозунгов, изобретают их и не знают, что делать! Предстоит колоссальная работа, требующая терпения и энергии. Предстоит исправить невольные погрешности трех лет и взяться, наконец, за создание руководителей партии из самих рабочих, т.е. наиболее более прочного фундамента партии, и задача серьезных партийных работников немедленно, не хныча над «упадком настроения», — взяться за осуществление этой великой задачи.

Есть ли для этого подходящее настроение среди рабочих? Разве рабочих не коснулась реакция? — посыпятся вопросы. Конечно, реакция очень сильно коснулась рабочих, особенно поверхностно организованных, при чем даже и среди сознательных рабочих стремление к знанию под влиянием реакции вылилось частью в нежелательные чисто-академические формы, т.е. — подготовиться на аттестат зрелости или к университету и уйти из рядов пролетариата, стать интеллигентом и... только, частью — в стремлении к чисто профессиональному образованию, как-то — черчению, рисованию и т. д., т.е. тоже улучшить индивидуальными усилиями свое экономическое положение. Но наиболее революционные, наиболее светлые слои пролетариата по-прежнему стремятся получить знания, необходимые для более плодотворного сознательного служения рабочему делу!

Итак, товарищи, и с этой стороны препятствий нет. Рабочие давно сознали и требуют осуществить то, что мы еще и сейчас все только собираемся сделать. В Питере были попытки к созданию таких кружков (или как я их называю — школ) в начале 1907 г., но и в них начали с того, что учили рабочих говорить по «текущему моменту»! Насколько плодотворны были результаты, — предоставляю судить товарищам. Независимо от школ агитаторов и пропагандистов, мы должны изменить характер работы и в высших кружках, ведя их в чисто социалистическом духе, проходя прежде всего принципы научного социализма, и тогда нам не нужно месяцами пере-

жевывать какой-либо текущий вопрос, и эс-эры, анархисты и махаевские течения будут — не страшны.

Мне, пожалуй, скажут, что я хочу «изолировать рабочих от политической жизни» и много пр. страшных слов. На самом деле ничего подобного нет. Постольку, поскольку жизнь будет выставлять серьезные текущие вопросы, мы можем их обсуждать либо в легальных рамках (лекции в рабочих клубах и просто публичные), если же вопрос не подходящ, — на организационных и специальных собраниях. Дело в том, что не нужно из этих вопросов делать целые «кампании», приспособлять всю жизнь партии только к «текущим моментам» (конечно, момент непосредственных выступлений пролетариата — вопрос исключительный).

Намечаются ли в данный момент такие серьезные вопросы? Отвечу — да. Какие? Экономическое состояние России; наступление капитала и борьба с ним; государственное страхование рабочих; закон 9 ноября. Особое значение я придаю 1-му и 4-му, но, к сожалению, считал 1-й вопрос наиболее важным, я должен тут выяснить весь сумбур, который существует по этому вопросу в рядах партийных работников. Для того, чтобы полнее выяснить всю важность этого вопроса для практиков, я должен вам иллюстрировать их положение в рядах т.т. рабочих. Практик, пропагандист или организатор является на пролетарское собрание, речь идет о судьбах русской революции и вдруг из рядов слушателей задается вопрос: «Скажите, товарищ, ведь при кризисе революция кажется должна идти к подъему и после революции всегда бывает промышленный подъем; кризис переживаем мы теперь или промышленный подъем». Товарищи! Вам я предоставляю судить положение практика. За последние два года у нас часто пытались разрешить этот вопрос, но как? Поверхностно, чисто субъективно, основываясь на наблюдениях над какой-либо одной отраслью промышленности или над одной промышленной областью. Были случаи, когда в одном большевистском сборнике один литератор доказывал существование промышленного кризиса, в следующем, другой — существование подъема. Если вспомнить, что эти сборники предполагались при издании не для широких рабочих масс, а для идейного руководства практиков, что после этих достопамятных сборников ничего значительного по этому вопросу в партийной прессе не выходило, — то факт сумбура налицо.

Жадно ждут практики серьезных экономических исследований со стороны кого-либо из видных партийных теоретиков (без различия меньшевиков или большевиков), а подобный вопрос, ввиду его важности для всякого с.-д., именно требует труда незаурядного теоретика; тщетно теоретики говорят обо всем, что угодно, кроме подобных насущных вопросов. Разработан ли более или менее прилично вопрос о законе 9 ноября? Нет. Почему? Быть может, мне т.т. теоретики укажут, что, дескать, негде писать, условия и все такое проч. Позвольте усомниться, товарищ. А философские сборники? А «Пролетарий»? Я допускаю, что философия очень полезная вещь, как и множество других ей подобных, но в данный момент я склонен думать, что в нашей работе серьезное экономическое исследование много важнее и прямо необходимо. В «Пролетарии» и так места мало, — возразят мне, — то о Тол-

стом, то о студентах, то о народническом распаде и т. д., обо всем ведь нужно написать...

Но позвольте, товарищ, придя к рабочим, нам, практикам, не придется толковать о Толстом и студентах, ибо тем и другим пролетарии слишком мало уделяют внимания, но нам неизбежно придется говорить о судьбах русской революции, а, как марксисты, мы можем оценивать всякие политические или социальные движения и предвидеть таковые, основываясь только на строго экономическом исследовании страны. Есть ли в данный момент у нас таковое? Ответьте. Не лучше дело обстоит и с другим вопросом. В состоянии ли практики сами разобраться в этих довольно сложных вопросах? Ответ может быть только отрицательный, ибо для осуществления самых необходимых организационных задач—работников более нежели не достаточно, и практику, добросовестно работающему в партии, едва хватает времени для прочтения газет и подготовки к работе; где уж тут возиться с материалами, страшно разбросанными и требующими для работы над ними специального навыка, не говоря уже о том, что каждый при исследовании будет приходить к вполне оригинальным результатам.

Итак, не только перед практиками, но и перед теоретиками в этом направлении стоит большая работа; своими специальными занятиями они обязаны облегчить нам работу и—немного пожертвовать «злободневными» (порою только модными) вопросами для пользы партии, для укрепления корней ее в рабочих массах.

Михаил Томский.

114) Резолюция Московской Общегородской конференции Р. С.-Д. Р. П. об отношении к думской фракции.

Обсудив почти пятимесячную деятельность социал-демократической фракции в III Государственной Думе и признавая, —

1) что работа ее, поскольку она отражалась в выступлениях фракции, отнюдь не может быть названа последовательной социалистической и революционной (в некоторых случаях она не заслуживает имени даже определенно демократической), что во фракции замечается непрекращающийся до последнего времени ряд шатаний в сторону мелко-буржуазного оппортунизма, принижения социал-демократических лозунгов и программных требований, забвения служебного значения своей деятельности по отношению к внедумской борьбе пролетариата;

2) что, в частности, особенно резко проявились эти шатания в декларации фракции, в отсутствии социал-демократической критики приходного и расходного бюджета при передаче Думой его в комиссию, в присоединении социал-демократической фракции к октябристскому переходу при сдаче в комиссию кадетского законопроекта о расширении бюджетных прав Думы, в выступлении по поводу запроса о Виленском охранном отделении, в отказе социал-демократического оратора от слова при обсуждении действительности избрания Шмидта, в выступлении по поводу ассигнования на народное образование;

3) что эта же невыдержанная, неустойчивая позиция фракции накладывает на всю ее работу печать бессилия и неуверенности и приводит к недостаточному с ее стороны проявлению инициативы: так до сих пор фракция еще не внесла ни одного запроса, несмотря на то, что положение

пролетариата и его партии давали и дают немало поводов для последних; наконец,

4) что те организационные трения, которые возникали между Центральным Комитетом партии и социал-демократической фракцией, свидетельствуют нам, что фракция часто забывала, что она является только партийной организацией, а следовательно, и для нее обязательно подчинение директивам партийных съездов и избранного последним Центрального Комитета — приняв все это во внимание и стоя на точке зрения острой необходимости в настоящее время для партии широкого использования думской трибуны для агитационных и организационных целей, Московская Общегородская Конференция Р. С.-Д. Р. П. признает, —

1) что в настоящее время отзыв социал-демократической фракции из III Государственной Думы мог бы неблагоприятно отразиться на классовой борьбе пролетариата, что ошибки, допущенные фракцией, объясняются далеко по партийной подготовке и выдержке невысоким составом фракции, избранной по закону 3 июня, массой непривычной работы, которая возложена была партией на плечи товарищей депутатов и в которой им особенно первое время трудно было даже ориентироваться, не только справиться с препятствиями, которые обильно ставятся им в их выступлениях, как президиумом Думы, так и особенно октябристско-черносотенным большинством ее и, что особенно важно, недостаточно внимательным отношением к работе фракции как со стороны Центрального Комитета, так и со стороны местных организаций.

2) что устранение этих ошибок возможно путем проведения в жизнь следующих мер.

I. Со стороны местных организаций:

1) самые широкие круги сознательного пролетариата должны быть привлечены к зоркому наблюдению за деятельностью социал-демократической фракцией в Государственной Думе и к самому энергичному воздействию на нее, что может быть достигнуто, а) обсуждением во всех партийных организациях, профессиональных союзах и всевозможных других рабочих учреждениях важнейших вопросов, обсуждаемых думской фракцией, а также и выступлений ее в Думе, и б) в организации систематического общепартийного влияния на фракцию путем наказов и резолюций по поводу прошедших и предстоящих ее выступлений;

2) в целях облегчения работы тов. депутатов должны быть организованы думские комиссии при местных комитетах для собирания материала и разработки его, при чем они должны быть тесно связаны с таковыми же фракции.

II. Со стороны фракции — она должна приложить со своей стороны все усилия, чтобы тесно связаться как с местными организациями, так и непосредственно с широкими массами пролетариата; это может быть достигнуто путем посещений делегатами мест избрания и путем регулярных, мотивированных сообщений о своей работе и выступлениях в Думе; эти сообщения должны быть возложены совместно на обязанность думской комиссии при Центральном Комитете и на бюро фракции.

Заключение. Московская Общегородская Конференция выражает уверенность, что проведение в жизнь предложенных ею мер, как прежде всего

самой фракцией, так и учреждениями партии, восстановит в глазах широких пролетарских масс теперь сильно пошатнувшийся авторитет ее, выведет фракцию из ее теперь изолированного положения, сделает ее одной из самых необходимых партийных организаций, служащей своей агитационной работой с думской трибуны великому делу пролетарской внедумской борьбы (*«Пролетарий» № 31 от 4 (17) июля 1908 года*).

115) Уменьше применять свою тактику к различным условиям парасташи кризиса характерно для революционной соц.-демократии, в противоположность пропитанному буквоедством и отсутствием диалектического подхода к действительности соц.-дем. оппортунизму; диалектичность тактики отчетливо сказалась в годы контр-революции, в эпоху междумфракционной борьбы, нарастания буржуазной монархии и подготовки нового революционного кризиса.

116) *Буланжизм* — от Буланже, французского генерала III республики, который, пользуясь популярностью среди населения, вошел в сношения с роялистами для устройства государственного переворота; парижское население увлеклось модным генералом, так что монархический военный переворот в 1889 г. едва не удался Буланже.

117) *Письмо из Петербурга*. (В Думской Социал-Демократической Фракции). В нашей печати то-и-дело появляются статьи о думской фракции; в этих статьях товарищи с различных сторон обсуждают деятельность социал-демократической фракции и приходят к различным выводам. Когда я читал эти статьи, то мне постоянно бросалась в глаза полная неосведомленность авторов о внутренней работе фракции, о тех подготовительных занятиях, какие происходят во фракции перед каждым выступлением в Думе. А эта сторона дела мне представляется особенно важной, потому что она объясняет многое. Мне думается, что если внимательно проследить за ходом подготовительных работ, то значительную часть ошибок с товарищей депутатов придется снять и все дело возложить на их так называемых «сведущих» лиц.

На днях о работах фракции мною сделан подробный доклад Петербургскому Комитету, который единогласно одобрил мой отчет. Этот отчет — в сильно сокращенном виде — я теперь предлагаю вниманию всех товарищей.

О составе самой фракции долго говорить не придется. Шесть депутатов являются представителями непосредственно рабочих и сами — рабочие, а остальные — люди интеллигентных профессий, избранные по общим курам. Выдающихся и особенно талантливых людей во фракции нет; вообще, но есть 6 — 7 человек безусловно энергичных и искренне-преданных партии. Работы в первой сессии — как бы мало производительны они ни были — дали депутатам многое: они сильно развились, ознакомились с думской техникой и вообще «вошли в курс дела». За время каникул большая часть депутатов усиленно занималась и теперь приступают к работе, значительно более опытными и подготовленными...

Все это дает право теперь — во второй сессии — предъявлять к депутатам большие требования не только в смысле общего неуклонного следования по принципиальной линии, но и в смысле внешней технической стороны работ, речей и выступлений.

По первым шагам, конечно, судить трудно, но многое уже и теперь говорит за то, что фракция начинает как будто «выправляться». На 2-м заседании фракции, например, со стороны депутатов раздавались настойчивые заявления, что «прежде всего раз-на-всегда нужно покончить с тем, что в прошлую сессию мешало нам работать. Именно: нужно перестать не только говорить, но и думать, что за тот или иной шаг, за то или иное выступление нас могут исключить из Думы, отдать под суд... Нужно сознаться, что этот Дамоклов меч все время пугал нас и мешал широте наших выступлений». Поскольку мне приходится разговаривать с депутатами, эти заявления очень искренни, и все или почти все депутаты признают необходимость эмансипация от этого кошмара. Ближайший опыт покажет, насколько эти заявления и самобичевания не пустые слова, — но и самый факт их довольно характерен.

Другая интересная перемена в депутатах — это настойчивое желание разбить скорлупу фракционных стес и поближе сойтись с петербургским пролетариатом. Как известно, в прошлую сессию фракция посещение депутатами рабочих и партийных собраний ввела в такие рамки, что сделала их почти невозможными. Теперь же с первых шагов заметно как раз обратное: обязать всех депутатов посещать все собрания рабочих. Отдельные депутаты уже показали свое желание на деле... Эта перемена объясняется впечатлениями, вынесенными депутатами с мест, а также сильным недовольством со стороны партийных организаций.

Товарищи, предъявляющие к фракции те или иные требования — должны заранее знать ее силы. Гениев и талантов в ней нет; если фракция по мере своих сил будет вести верную принципиальную линию в Думе и работать внутри нашей организации — это все, что можно от нее требовать.

Как видно из состава самой фракции — основной тон ее работ и выступлений принадлежит сведущим лицам. Нужно знать, что даже теперь — после серьезного опыта — без сведущих лиц фракция бессильна. Самая серьезная предварительная работа исполняется этими лицами и вполне понятно, что эти сведущие лица кладут на выступления свой личный отпечаток. И вот в этом отношении положение фракции особенно печально. Сведущие люди есть. Может быть их даже слишком много. Осведомленность их во многих вопросах не подлежит никакому сомнению. Но нужно прямо сказать, что принципиальная позиция их и их партийная выдержка — ниже всякой критики. Если бы здесь перечислить многие из имен этих сведущих людей, то товарищи увидели бы среди них явных литературных врагов нашей партии. Кроме того, на каждое заседание фракции являются новые сведущие лица, порой известные лишь одному или двум из старых сведущих людей, и принимают участие в заседании с правом решающего голоса. Положение, вследствие этого, создается такое, что один почти никому не известный человек, «подозрительный» член партии определяет тот или иной характер — порой в высшей степени важного выступления. Вопрос решается голосованием, и часто один голос решает все.

Но это лишь одна сторона дела. Очень часто поведение сведущих людей в прямом смысле недопустимо: заявление, что наша программа — ста-

рые фразы, которые нужно перестать повторять; хихиканье при словах «партийная дисциплина»; усмешки при заявлениях о мнении той или другой организации, — все это великолепно характеризует партийность некоторых сведущих людей. Понятно, какой оттенок накладывают они на деятельность фракции, которая не в силах была, однако, обойтись без их помощи.

Дело дошло до того, что на одном из заседаний фракции, некоторыми из самих депутатов был поднят вопрос об урегулировании посещений фракции сведущими лицами. «Многих из сведущих лиц я совершенно не знаю, между тем обсуждаются вопросы, за правильное решение которых упреки посылаются только на нас»... По требованию представителя партии вопрос о каждом сведущем лице в отдельности должен решаться фракцией совместно с представителями партии. Фракция утвердила это предложение. Однако дело это, к сожалению, до сих пор не упорядочено.

На первом заседании депутаты обменялись впечатлениями, полученными ими на местах. Впечатления эти настолько интересны, что на них стоит остановиться несколько подробнее. Из всех депутатов только одному представителю Благовещенска, Чиликину, было разрешено легальное собрание, остальные, несмотря на все ходатайства, потерпели в этом отношении полное фиаско. При чем некоторые администраторы при разговорах с депутатами о легальных собраниях были откровенно циничны. «Помилуйте, — сказал генерал-губернатор представителю г. Тифлиса — Чхеидзе, — мы вас хватаем на всех перекрестках, а вы хотите, чтобы я вам разрешил собрание! Социал-демократов нужно искоренять, а не способствовать их деятельности»... Представителю Костромской губернии Суркову губернатор заявил: «Вы плохие социал-демократы, даже многие организации отказываются от вас, в «России» я читал резолюции Московского и Петербургского Комитетов, где вас порядочно-таки пробирают»... Сурков ответил, что не дело губернатора вмешиваться в партийные разногласия, и что он должен только разрешить требуемое на основании законов собрание. Губернатор собрания не разрешил.

Депутатам пришлось довольствоваться беседами с отдельными лицами и частными собраниями. Общие впечатления с различных мест России далеко не утешительны.

Во Владимирской губернии доклады о работе Думы пронеслись: два—в Иваново-Вознесенске, два—во Владимире и один—в Шуе. Принципиальной стороной дела совершенно не интересовались; задавали вопросы о подробностях фактической стороны дела; выражали неудовольствие депутатами за то, что «они ничего не сделали, а только десятки получают». Предлагалось иногда уйти из Государственной Думы «по совести». Вообще к Государственной Думе замечается полный индифферентизм; за ее деятельностью не следят; газет не читают. Социал-демократической фракцией тоже не интересуются и о ее деятельности мало осведомлены. Партийные организации на местах очень ослаблены. В Екатеринославской губернии был сделан отчет о деятельности фракции в местной газете. Прочтены доклады в районах города. Обнаружилось недовольство фракцией за неосведомление. Одно из собраний было настроено почти за отзыв фракции; мотивировалось

это тем, что фракция ничего не может сделать в этой Думе и деятельность фракции вообще не революционна. Однако постановления об отзыве фракции принято не было, решили подождать второй сессии. В среднем на каждом докладе присутствовало человек 50—60. В Юзовке было сделано четыре доклада. Здесь к работам Думы и фракции относятся с большим интересом; сетуют на плохое осведомление. В Юзово-Петровском заводе к деятельности Думы и фракции относятся тоже с интересом. Рабочие хорошо осведомлены, потому что выписывают «Россию» и читают stenографические отчеты. От фракции требовали отчета о ее деятельности. На могиле жертв рудничной катастрофы, где во время панихиды присутствовало до 3.000 рабочих, депутаты выступали с речами, встреченными с энтузиазмом. В Кривом Роге было три доклада. Вынесены постановления о скорейшем вынесении фракцией законопроектов о профессиональных союзах и аграрном вопросе. В Александровске на ряде собраний от 40 до 60 человек выносились резолюции, одобряющие деятельность фракции. Был сделан доклад для крестьян с разъяснением, может ли III Дума дать крестьянам земли. И на этом собрании деятельность фракции одобрена.

В Костромской губернии был ряд отчетов в собраниях в 60—70 человек. Слушатели интересовались исключительно фактической, преимущественно анекдотической стороной дела. Настроение рабочих очень подавленное. Партийные организации и проф. союзы сильно подорваны. Индифферентизм к политике настолько силен, что «к Думе нет никакого отношения».

В Москве было собрание в 150 человек, на котором обнаружилось «отзовищеское» течение; объясняется оно, по словам депутатов, полной неосведомленностью и извращенной передачей сведений о деятельности фракции. Кроме того, рабочие протестуют, что Чиликин голосовал против постановления фракции; что фракция голосовала за 7.000.000 рублей на начальное образование, и что вообще характер деятельности фракции не социал-демократичен. Было еще специальное собрание в 300 слишком человек, на котором очень подробно обсуждалась деятельность Думы и фракции. Отзовищеских течений не обнаружилось. Сетовали, однако, на то, что деятельность фракции тускла, фракция не дает никакого отчета, не осведомляет и т. п. В Московской губернии было несколько собраний неорганизованных рабочих, на которых деятельность фракции одобрена; на собраниях же партийных рабочих обнаружилось заметное отзовищеское течение.

В Дагестанской области к представителю явились старики от аулов с просьбой никаких собраний не устраивать, потому что собрания эти грозят репрессиями. Поэтому депутаты не могли на местах получить сведений от своих избирателей. Один из депутатов поехал в Баку, чтобы там собрать рабочих-дагестанцев и побеседовать с ними, но собрать удалось лишь человек 15—20, которые и заявили, что отсутствие интереса к Думе и фракции объясняется неосведомленностью и тем еще, что фракция не касается местных вопросов, затрагивающих интересы населения и особенно магометан Кавказа. Из отдельных разговоров выяснилось, что к Думе почти полный индифферентизм.

В Забайкальской области не удалось устроить никаких собраний. Рабочие боятся репрессий и остерегаются посещать собрания. Осведомление здесь настолько слабо, что о Думе не знают ничего.

Частные беседы с казаками Забайкальской области выяснили их сильно оппозиционное отношение к правительству и индифферентизм по отношению к Думе и фракции. От депутатов казаки настойчиво требовали выдвигать в Думе на первую очередь местные вопросы.

В Кубанской области настроенные в массах очень подавленное. Усиливаются анархические и максималистские течения. В местной газете Екатеринодара помещались речи депутатов социал-демократов, поэтому на неосведомленность о деятельности фракции особых жалоб нет. За работой Думы и выступлениями социал-демократов следят с интересом. Партийные организации очень слабы. Отзовистских течений нет.

В Иркутской области депутат обехал крупные торгово-промышленные села. Всюду сверх ожидания — значительная осведомленность о деятельности фракции. Отрицательного отношения к фракции не наблюдалось. Рекомендовалось вести пропагандистско-агитационную деятельность, принципиально освещать конкретные факты действительности и выдвигать местные вопросы. Разбитые в 1907 году партийные организации восстанавливаются. Ведется усиленная пропагандистско-агитационная работа. Заметно по всей области возрождающееся оживление.

В Тифлисской губернии был ряд докладов о деятельности Думы и фракции на ряде частных собраний отдельных собеседований. Среди крестьян по отношению к Думе сильный интерес. Особенно нетерпеливо ждут разбора в Думе местных вопросов. Как известно, на Кавказе до сих пор существуют временно-обязанные, которым теперь представляется удобный случай выкупиться. Задавались вопросы — идти на выкуп или нет? Положение депутата было довольно скверное. Не было никакой возможности дать тот или иной удовлетворительный ответ. Отношение рабочих к Государственной Думе отрицательное. «Дума ничего не даст и ничего мы от нее не ждем». Осведомленность о деятельности фракции плоха и интерес к фракции слаб. Вообще, по наблюдению депутатов, влияние социал-демократии на Кавказе noticeably пошатнулось. Образовалась национально-демократическая партия дворян, которая в своем органе ведет систематическую травлю социал-демократов. То же делают и национал-федералисты. В рядах социал-демократов заметен сильный разброд, сплошь и рядом наблюдается переход к террористам. Газеты социал-демократического направления закрыты и нет возможности давать должный отпор нападкам буржуазной прессы. Вследствие закрытия многих заводов, среди рабочих масс сильное недовольство социал-демократией, которую обвиняют в том, что она непомерными экономическими требованиями на фабриках и заводах — повела к их закрытию. Характерным признаком упадка влияния социал-демократии может служить полное отсутствие членских взносов, которые раньше вносились аккуратно. Денежные средства организации иссякли. Профессиональные организации впадают в жалкое существование. Отзовистских течений ни в Кутаисе, ни в Тифлисе нет. В Баку есть и некоторые «отзовисты», но в какой степени они влиятельны среди масс — сказать трудно.

В Благовещенске депутату Чиликину разрешили легальное собрание. На нем присутствовало около двух тысяч человек — рабочих, купцов, интеллигентов и других обывателей. Доклад депутата продолжался три часа; прений не было, но задавались вопросы самого разнообразного характера. Враждебного отношения к фракции нет. Кроме того устроено было закрытое собрание в городской думе по вопросу о введении земства в Сибири. Были собрания с крестьянами, партийные собрания — всюду выражалось доверие социал-демократическим депутатам. Отзовистов нет вовсе.

В Рижской губернии на собраниях публика интересовалась, главным образом, анекдотической стороной дела. О деятельности фракции плохо осведомлены и требовали отчетов. Со стороны партийных товарищей обычные упреки за несоциалистические декларации и т. д. Бунд выразил недовольство фракции за ее индифферентное отношение к еврейскому вопросу, который она ни разу не выдвинула, несмотря на удобные случаи. Пробовали напечатать отчеты в газете, но полиция арестовала номер с отчетом. Партийные организации разбиты. Профессиональные союзы впадают в жалкое существование. Недавно организованный «Союз по обработке дерева» — функционирует плохо. Существует ряд обществ взаимопомощи, но они к политике индифферентны, и только два из них примыкают к социал-демократии.

В Перми был сделан доклад, на котором вынесено одобрение фракции. В Лысве рабочие интересовались, главным образом, фактической стороной дела и Пуришкевичем. Интересовались, однако, вопросом о государственном страховании рабочих и нормальном отдыхе служащих. Собеседования с рабочими были на многих заводах Урала, — всюду настроение в массах подавленное. Объясняется это тем ужасным экономическим положением, в котором находятся массы в настоящее время на Урале. Некоторые заводы совсем закрылись, другие не выдают по целым месяцам заработанных денег и т. д. Кроме того беспощадные полицейские репрессии: дело дошло до того, что рабочие попадают в немилость за получение легальных газет прогрессивного характера. Подобные газеты задерживаются на почте и в заводских конторах. Немудрено, что осведомления о деятельности Государственной Думы и фракции в массах — никакого. Отношение к Думе и фракции индифферентное. Партийные организации сильно подорваны репрессиями как в Перми, так и на заводах...

Вот беглое извлечение из отчетов депутатов о впечатлениях на местах. Подробно написать все изложенное ими немислимо: это заняло бы несколько номеров «Пролетария». Я ограничился тем, что мне кажется наиболее существенным и из чего исходили все ораторы в дискуссии о тактике во вторую сессию... Общее впечатление от отчетов получается далеко не радостное. Тем более, если прибавить к изложенному сведения, полученные из ловозских губерний. Может быть, депутаты немного и сгустили краски, но все же общая картина положения организаций и настроения масс такова, что требует неотложной, усиленной деятельности...

Заседание фракции 11 октября посвящено было подведению итогов положения дел на местах и разбору отношения к фракции, высказанного в партийной прессе. В первой и второй части заседания это было особенно интересно. Докладчик по первому вопросу подробно анализировал полу-

ченные сведения и пришел к следующим общим выводам: 1) констатируется в большинстве случаев полная неосведомленность населения и особенно рабочих о деятельности Госуд. Думы и с.-д. фракции; *2) полный индифферентизм населения к Гос. Думе, или отрицательное отношение к Думе и фракции и лишь в редких случаях интерес и одобрение деятельности фракции. Конкретные предложения, которые вытекают отсюда — по мнению докладчика — должны быть таковы: 1) вносить в Государственную Думу запросы и законопроекты, касающиеся широких народных масс рабочих и крестьян, могущих живо заинтересоваться этим. Наряду с этим вести общую критику политики правительства и думского большинства; 2) поставить хорошо осведомление, чтобы дать возможность оценить все стороны работы фракции. Попытаться устроить нелегальные собрания для отчетов о деятельности фракции; 3) издавать печатные отчеты.

В связи с первым предложением коснулись вопроса о постановке вопросов местного характера, затрагивающих близко интересы широких масс, как, например, — вопрос о посессионных землях, о переселении для кавказских крестьян. Депутаты указывали, что лишь постановкой насущных местных вопросов можно привлечь внимание населения, которое теперь мало интересуется вопросами общей политики. Представитель Спб. организованных рабочих указывал, что на первую очередь должны быть выдвинуты вопросы, близко затрагивающие интересы пролетариата — социальное законодательство, вопрос о разгроме профессиональных союзов, нормировка рабочего дня и т. п. «Теперь в Петербурге рабочие в профессиональных союзах и в партии особенно заинтересованы вопросом о страховании рабочих. Ждут, как по этому вопросу выскажется фракция. Верная принципиальная постановка таких вопросов привлечет к фракции внимание масс и может создать необходимое для партийного строительства настроение»... «Отрицательное отношение к фракции со стороны рабочих объясняется именно плохой политикой ее в этом вопросе».

После дебатов пришли к тому, что постановка таких вопросов необходима в первую очередь. Общие выводы предложено было сделать после второго доклада «о нападках партийной прессы». Докладчик по этому вопросу — депутат П. — не оправдал возложенных на него ожиданий. Предполагалось, что он представит всесторонний доклад о всевозможных течениях в партии по отношению к фракции. Тем более, что накануне лишь сведущее лицо. С. заявил, что «в смысле получения литературы депутат П. — человек особенно счастливый». Между тем весь доклад депутата П. был построен на последних номерах «Пролетария». П. прочел статьи о фракции в номерах 31, 32, 33, 34 и 35. Упуская из виду то обстоятельство, что в «Пролетарии» по вопросу о фракции открыта дискуссия, — П. все мнения, изложенные в статьях различных товарищей, приписал редакции «Пролетария», нашел, что «у «Пролетария» нет какой-либо общей линии», что «нападки его основаны на той же неосведомленности и суждениях по слухам, каковы характерны для всех нападок». «Общие выводы, к которым я пришел, почти все статьи «Пролетария», таковы: нападки на фракцию носят чисто фракционный характер и объясняются они, главным образом, тем, что во многих товарищах жив еще бойкотистский дух. Критика нашей работы

злостная; к нам нет простого товарищеского уважения. Такие фразы, как «какой-нибудь Чиликин» — прямо недопустимы». Докладчик никакого предложения не делал, но со стороны некоторых господ «сведущих» лиц послышались голоса за то, чтобы выразить этому резкое порицание. Товарищ С., возражая докладчику, — указал, что мнения «Пролетария» нельзя назвать фракционными. «Мы ведь не знаем мнения какой-либо иной фракции. Нам эти иные мнения не представлены. Поэтому будем разбирать статьи по существу, отвлекшись от всякой фракционности. Резкая критика лучше полного индифферентизма. «Пролетарий» против отзыва фракции, а упреки его в большей части нужно признать справедливыми». Представитель П. К. обращает внимание собрания на то, что в «Пролетарии» открыт обмен мнений по вопросу о фракции, что почти каждая статья снабжена редакционной пометкой и что мнения редакции изложены в редакционных статьях, с которыми фракции и нужно считаться. Отдельные же статьи — это мнения отдельных лиц, а с ними нужно считаться, как с таковыми.

Полное отсутствие нной литературы, кроме «Пролетария», поставило заседание в неловкое положение. В самом деле приходилось считаться только с одним «Пролетарием», как выразителем мнений партии. Многим это далеко не было приятно, однако, в конце концов, заседание принуждено было считаться с фактом. Общее заключение, к которому пришли, было таково: со стороны отдельных партийных работников и некоторых партийных организаций в прессе выражено резко-отрицательное отношение к деятельности фракции, порой с отзовистской окраской; со стороны руководящего партийного органа нет такого отношения и не высказывается необходимости настаивать на отзыве фракции из Думы. После довольно продолжительных суждений об отношении партийной прессы к фракции решено никакой резолюции по этому поводу не принимать и все замечания и прямые нападки в прессе принять во внимание при рассматривании вопроса о постановке дальнейшей работы фракции в Думе.

Вопрос о дальнейшей работе фракции свелся на этом заседании к чисто-техническому вопросу о сношениях с населением и об осведомлении фракции о своей деятельности. Очень долго обсуждалось кому следует посылать законопроекты для разработки и ознакомления с ними рабочих и крестьянских масс; много говорилось о том, из каких рабочих организаций должно приглашать во фракцию представителей и т. п. Тщетно отдельные товарищи старались направить прения на вопрос о том, как заинтересовать пролетариат и крестьянство работами фракции, какова должна быть деятельность фракции, чтобы население чувствовало потребность в общении с ней. Большинство сведущих людей предпочитало обсуждать вопросы о механической связи с населением, и в этом смысле в конце концов и было принято решение.

В целях получения материалов о положении рабочих масс и крестьянства, а также и осведомленности о настроении на местах, фракция решила: а) связаться теснее с рабочими организациями (проф. союзами, просветительными обществами, кооперативами) б) избирателями вообще; в) привлечь к работам в комиссию по рабочему вопросу проф. союзы; d) непо-

средственно связаться с Центральным Бюро проф. союзов; е) посылать материалы по рабочему вопросу во все рабочие организации России.

Само собой разумеется, что необходимость связи с партийными организациями считалась решенной. При этом были оглашены два заявления Петербургской организации: 1) вследствие постоянного требования организованных рабочих, — П. К. убедительнейше просит товарищей депутатов поспешить составлением отчета о деятельности фракции в первую сессию Государственной Думы; 2) Петербургская организация просит товарищей депутатов для тесной связи с петербургским пролетариатом и для содействия организации в ее работах, посещать все как организационные, так и общепролетарские собрания, где присутствие депутатов окажется необходимым. На первое заявление фракция ответила, что все возможное для скорого издания отчета сделано, и в непродолжительном времени он будет опубликован. Обсуждение второго заявления отложили до следующего заседания (*«Пролетарий» № 39 от 13 (26) ноября 1908 г.*).

118) *Народовая демократия* — польская буржуазная партия с Дмовским во главе. Об отношении к ней соц.-демократии см. резолюцию Лондонского съезда Р. С.-Д. Р. П. в VIII томе Собр. соч.

119) См. ряд статей В. И. из *«Пролетария»* за февраль 1907 г., перепечатанных в VIII томе Собр. сочинений: «Значение выборов в Петербурге», «Итоги выборов в Думу» и т. д.

120) *Д. Толстой* — министр народн. просвещения при Александре II и мин. внутренних дел при Александре III; ввел классическую систему в средней школе и успешно ликвидировал так назыв. «реформы» 60-х г. г.

121) *Угрюм-Бурчеев* — карриатура на известного временщика Аракчеева у Салтыкова-Шедрина в его «Истории одного города».

122) См. II приложение к VII тому Собр. сочинений, документы под №№ 6 и 9.

123) См. приложение к этому, документ под № 1.

124) *Доррер, Булацель, Пуришкевич* — вожди черносотенцев во II Думе, крупные помещики.

125) *Манифесты*: 1) к армии и флоту, 2) ко всему российскому крестьянству и 3) ко всему народу — см. прим. 266, 267 и 270 к VII тому Собр. сочинений.

126) Речь идет о статьях В. И. из № 1 *«Пролетария»*: 1) «О бойкоте», 2) «Политический кризис и провал оппортунистической тактики» и из № 8: 1) «О блоках с кадетами», 2) «Борьба с кадетствующими с.-д. и партийная дисциплина» и 3) «Особое мнение, внесенное на I всероссийскую конференцию Р. С. Д.-Р. П.» от имени 14 делегатов — большевиков, латышей и поляков.

127) *«Манифест С. Р. Д. ко всему населению России»* (принят на заседании Исп. Ком., 29/XI, отредактирован 1/XII Комиссией из представителей Исп. Ком., Крест. союза и социалистических партий):

Правительство на краю банкротства. Оно превратило страну в развалины и усеяло их трупами. Измученные и изголодавшиеся крестьяне не в состоянии платить подати. Правительство на народные деньги открыло кредит помещикам. Теперь ему некуда деваться с заложенными помещи-

чьими усадьбами. Фабрики и заводы стоят без дела. Нет работы. Общий торговый застой. Правительство на капитал иностранных займов строило железные дороги, флот, крепости, запасалось оружием. Иссякли иностранные источники,—исчезли казенные заказы. Купец, поставщик, подрядчик заводчик, привыкшие обогащаться на казенный счет, остаются без наживы и закрывают свои конторы и заводы. Одно банкротство следует за другим. Банки рушатся. Все торговые обороты сократились до последней крайности.

Борьба правительства с революцией создает непрерывные волнения. Никто не уверен больше в завтрашнем дне.

Иностранный капитал уходит обратно за границу. Уплывает в заграничные банки и капитал «чисто русский». Богачи продают свое имущество и спасаются за границу. Хищники бегут вои из страны и уносят с собой народное добро.

Правительство издавна все доходы государства тратило на армию и флот. Школ нет. Дороги залущены. Несмотря на это, не хватает даже на продовольственное содержание солдат. Проиграли войну отчасти потому, что не было достаточно военных запасов. По всей стране поднимаются восстания обнищавшей и голодной армии.

Железнодорожное хозяйство расстроено, массы железных дорог опустошены правительством. Чтобы восстановить железнодорожное хозяйство необходимы многие сотни миллионов.

Правительство расхищало сберегательные кассы и роздало вклады на поддержку частных банков и промышленных предприятий, нередко совершенно дутых. Капиталом мелких вкладчиков оно ведет игру на бирже, подвергая его ежедневному риску.

Золотой запас государственного банка ничтожен в сравнении с требованиями по государственным займам и запросам торговых оборотов. Он разлетится в пыль, если при всех сделках будут требовать размена на золотую монету.

Пользуясь безотчетностью государственных финансов, правительство давно уже делает займы, далеко превосходящие платежные средства страны. Оно новыми займами покрывает проценты по старым.

Правительство год за годом составляет фальшивую смету доходов и расходов, при чем и те, и другие показывают меньше действительных, грабя по произволу, высчитывает избыток, вместо ежегодного недочета. Бесконтрольные чиновники расхищают и без того истощенную казну.

Приостановить это финансовое разорение может только после свержения самодержавия Учредительное Собрание. Оно займется строгим исследованием государственных финансов и установит подробную, ясную, точную и проверенную смету государственных доходов и расходов (бюджет).

Страх перед народным контролем, который раскроет перед всем миром финансовую несостоятельность правительства, заставляет его затягивать созыв народного представительства.

Финансовое банкротство государства создано самодержавием так же, как и его военное банкротство. Народному представителю пред-

стоит только одна задача по возможности скорей провести расчет по долгам.

Защищая все хищничество, правительство заставляет народ вести с ним смертную борьбу. В этой борьбе гибнут и разоряются сотни тысяч граждан и разрушаются в своих основах производство, торговля и средства сообщения.

Исход один—свергнуть правительство, отнять у него последние силы. Надо отрезать у него последний источник существования: финансовые доходы. Необходимо это не только для политического и экономического освобождения страны, но и, в частности, для упорядочения финансового хозяйства государства.

Мы поэтому решаем:

Отказываться от взноса выкупных и всех других казенных платежей. Требовать при всех сделках, при выдаче заработной платы и жалованья—уплаты золотом, а при суммах меньше пяти рублей—полновесной звонкой монетой.

Брать вклады из ссудо-сберегательных касс и из государственного банка, требуя уплаты всей суммы золотом.

Самодержавие никогда не пользовалось доверием народа и не имело от него полномочий.

В настоящее время правительство распоряжается в границах собственного государства, как в завоеванной стране.

Посему мы решаем не допускать уплаты долгов по всем тем займам, которые царское правительство заключило, когда явно и открыто вело войну со всем народом.

Совет Рабочих Депутатов.

Главный Комитет Всероссийского Крестьянского Союза.

Центральный Комитет и Организационная Комиссия Социал-Демократической Рабочей Партии.

Центральный Комитет Партии Социалистов-Революционеров.

Центральный Комитет Польской Социалистической партии.

128) Резолюция Спб. «отзовистов», предложенная ими расширенному заседанию Пет. Ком. перед общепартийной конференцией.

Принимая во внимание:

1) что первый этап революции закончен и Россия, под влиянием развивающихся в ней экономических противоречий, идет навстречу новому революционному подьему, характеризующемуся резким столкновением пролетариата, широких масс крестьянства и обнищавшей мелкой городской буржуазии с правящим блоком крупной буржуазии и помещиков-крепостников, при чем в данное время под покровом внешнего затишья совершается скрытая работа организации сил; 2) что разрешение этого столкновения при наличии сильно развитых в России классовых противоречий примет форму революции, которая приведет к вооруженному восстанию для свержения самодержавно-крепостнического строя—с лозунгом Учредительного Со-

брании и демократической республики, с одной стороны, и радикальных экономических реформ,—с другой (конфискация земель без выкупа, широкое рабочее законодательство, муниципальные реформы); 3) что ввиду этого социал-демократия, как партия последовательно революционная, должна на первом плане поставить внедумскую борьбу и работу для доведения революции до полной победы и для этой цели организацию пролетариата и широких масс крестьянства, развитие в пролетариате принципиально выдержанного классового самосознания и пропаганду республиканских идей в среде мелкой городской буржуазии; 4) что партия может пользоваться лишь теми формами организационного и агитационного действия, которые не затушевывают и не ослабляют революционной борьбы, решительно борясь против всяких сделок контр-революционных слоев буржуазии с самодержавием; 5) что наша Государственная Дума не может быть рассматриваема, как парламент, работающий в рамках политической свободы и при известной свободе классовой борьбы пролетариата, а является лишь сделкой между царизмом и крупной буржуазией и попыткой при помощи этой подделки под парламент сохранить основы самодержавно-крепостнического режима; 6) что социал-демократия, ввиду этого, приняла участие в III Г. Думе, лишенной законодательной власти, лишь с целью использовать ее для критически агитационно-пропагандистской и организационной работы среди масс «во всей широте и полноте», что и было поставлено на первый план для думской фракции резолюцией общерусской конференции:

Принимая все это во внимание,—

Мы предлагаем общерусской конференции Р. С. Д.-Р. П. признать: а) что Г. Дума 3 июня, являясь несомненной сделкой контр-революционных слоев буржуазии с самодержавием и орудием контр-революции, лишь укрепляет самодержавие, покрывает и санкционирует его преступления, и что 8-месячная деятельность III Государственной Думы показала, что социал-демократия не может ее использовать и для агитационных и организационных целей путем думской работы; б) что наша фракция, в силу внешних условий современного момента, установленного в самой Думе право-октябрьским блоком режима и по причине ее неудовлетворительного состава вследствие невозможных условий выборов, упорно вела оппортунистическую тактику, не могла и не может быть твердой и последовательной представительницей революционного пролетариата, не может раскрывать во всей широте и полноте наши революционные требования (согласно воле партии), совершенно оторвана от пролетариата и, таким образом, не выполняет возложенных на нее задач и только принижает социал-демократические лозунги и способствует затемнению классового самосознания пролетариата; в) что дальнейшее участие в Г. Думе с.-д. фракции в силу этого может принести лишь вред пролетариату и широким народным массам и ронять достоинство и влияние с.-д. партии в их глазах. В силу всех этих соображений, мы предлагаем общероссийской конференции признать своевременным и необходимым для партии: 1) начать широкую агитацию в массах за лозунг «Долой III Г. Думу!», в противовес ей выставить лозунг «Да здравствует Учредительное Собрание, созданное революционным путем», выдвигая эти лозунги не как призыв к непосредственным активным действиям, невозможным в данное время, а с целью пропаганды и агитации;

2) отозвать из III Государственной Думы социал-демократическую фракцию, что подчеркнет как истинный характер III Гос. Думы, так и революционную тактику социал-демократии, и

3) все свои силы посвятить организации, подготовке революционного пролетариата и крестьянства к открытой революционной борьбе и пропаганде республиканско-демократических идей в среде мелкой буржуазии, вести усиленную работу в партийных, пролетарских, военных и крестьянских организациях, в профессиональных союзах и т. п. в принципиально выдержанном духе революционной социал-демократии (*Приложение к № 44 «Пролетария» от 4 (17) апреля 1909 года*).

129) *Группа «Освобождение Труда»*—первая русская революционная группа за границей, ставшая на почву научного социализма. В ее состав вошли в 1883 г. бывшие народники-чернопередыльцы — Г. В. Плеханов, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод и В. Н. Игнатов. Группа занялась изданием «Библиотеки современного социализма», куда вошли в русском переводе важнейшие произведения Маркса и Энгельса. В 80-х г. г. появляются самостоятельные работы Плеханова и Аксельрода, преимущественно по вопросам критики русского народничества, а в 1884 г. группа выпускает «Проект программы русских социал-демократов». В начале 1895 г. по инициативе группы был основан Союз русских социал-демократов, при чем редакция изданий Союза принадлежала группе. В ноябре 1898 г. на I съезде Союза группа отказалась от редактирования его изданий, разойдясь с большинством членов Союза (Кричевский, Акимов, Иваньшин, Прокопович, Кускова и др.) в оценке очередных задач рабочего движения в России. В апреле 1900 г. на II съезде Союза произошел окончательный раскол. Группа все время неуклонно выдерживала строгую тактическую линию революционного социализма и резко восстала против оппортунизма Союза, который подменил революционные задачи мелкой стихийной борьбой за злободневные экономические интересы. Все попытки в 1901 г. привести к тактическому единству действия группы и Союза не увенчались успехом по вине оппортунистов; в конце 1901 года группа слилась вместе с организацией «Заря» и «Искра» в «Заграничную лигу русской революционной социал-демократии». Группа принимает ближайшее участие в издании «Искры» и «Зари» и ведет деятельную работу по подготовке II партийного съезда (в области программных и тактических вопросов). На съезде Р. С. Д. Р. П. группа заявляет о прекращении своего обособленного существования.

130) Полемику В. И. против рабочедельства и экономизма см. в его брошюре: «Что делать?», перепечатанной в V томе Собрания сочинений.

131) *Сборник «Общественное движение в России в начале XX века»* выходил под ред. Л. Мартова, Н. Маслова и А. Потресова в V томах (1 том—«Предвестники и основные причины эволюции». 2 том—«Массовое движение». 3 том—«Партии». 4 том—«Изменения в течение 1904—1907 гг. экономического и политического строя». 5 том—«Эволюция идей»). «Преследуя чистые научные задачи, издание стремилось собранием возможно более полно и объективно разработанного фактического материала — представить картину важного периода развития русской общественной мысли».

132) *Фейербах* (1804—1872)—ученик Гегеля; в «Сущности христианства» доказывал, что господство религиозных систем над умами кончилось; свет сознания указывает человеку высшую цель в самом себе и в земной жизни, вне которой другой не существует. Задача Фейербаха сделать «молодое поколение из верующих — мыслителями, из молебныхиков — работниками, из кандидатов «загробного мира» — студентами земного»...

133) *Эрфуртская программа*—программа немецкой социал-демократии, утвержденной на Партейтаге (с'езде) в Эрфурте в 1891 г.

134) *Энциклопедисты* — представители французской радикальной буржуазии XVIII в., авторы так назыв. «Энциклопедии (словаря) наук, искусства и ремесел»—проповедывали атеизм и материализм.

135) *«Вехи»*—сборник статей вставших в мистицизм, кающихся после «революционного угара» 1905—1907 г. г., интеллигентов, бывших марксистов, Булгакова, Бердяева, П. Струве и др.

136) Речь идет о военных экзекуциях Николая I, которые упрочили за Россией в Зап. Европе репутацию «европейского жандарма»: 1) усмирении польского восстания 1830 г., когда Польша, вопреки постановлениям Венского Конгресса, потеряла свою автономию и конституционные привилегии и 2) усмирении в 1849 г. венгерской революции русской армией ген. Паскевича в интересах защиты «легитимизма» — законности и порядка в Европе.

137) *Совещание расширенной редакции «Пролетария»*. Совещание состоялось в июне 1909 г. в Париже; присутствовали: 4 члена редакции «Пролетария», 3 представителя большевиков, работающих в местных организациях—Петербургской, Московской, Областной и Уральской, и 5 членов Ц. К. — большевики.

138) См. выше прим. 45.

139) *А. А. Богданов (Малиновский)* примкнул к с.-д. движению в начале 90-х годов. После раскола партии на II с'езде активно примкнул к большинству, и, принимая деятельное участие в Б. К. Б. и организации III с'езда (см. подробнее в VI. томе Собр. сочинений), вошел в Ц. К. На Стокгольмском Об'единительном с'езде вновь был переизбран в общепартийный Ц. К. После разгона Второй Государственной Думы занял обособленную позицию, настаивая на бойкоте Думы и отзыве из нее с.-д. фракции, и, пытаясь создать собственную лево-большевистскую фракцию («богдановцы»), издавал за границей газету «Вперед» при участии А. Луначарского, Г. Алексинского, Ст. Вольского и др. («впередовцы»). Б. пытался создать собственную философскую систему («эмпириомонизм»), родственную идеалистическим построениям Маха и Авенариуса (см. о ней подробнее в книге В. И. «Материализм и эмпириокритицизм», перепечатанной в X томе Собр. соч.). Б. в 1909 г. был исключен из большевистской фракции и с тех пор стоит вне партии.

140) *Марат* — псевдоним В. Л. Шанцера (1867 — 1911 г. г.), член группы «Голос Труда» в 1904 — 1905 г. г.; после III с'езда — агент Ц. К. для Центрального района; в Московском Федеративном Совете 1905 г. Марат был постоянным председателем; арестованный накануне декабрьского вооруженного восстания, с весны 1906 г. был в ссылке в Сибири, — откуда бежал за границу. Член Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. в глухие годы Столыпинской реакции.

¹⁴¹⁾ *Письмо Лядова.* Прошу Вас не отказать напечатать в ближайшем № «Пролетария» мое следующее заявление:

Ввиду того, что

1) до сих пор на всех партийных съездах и конференциях и во всей моей партийной работе в местных организациях я выступал, постоянно подчиняясь решениям фракции большевиков, одним из основателей которой я являюсь;

2) что, выбирая совместно со всеми остальными делегатами-большевиками Лондонского съезда большевистский идейный центр (расширенную редакцию «Пролетария»), я тем самым возложил на себя идейную и моральную ответственность за все действия этого центра;

3) что решения, принятые на последнем заседании расширенной редакции «Пролетария», резко расходятся с моей принципиальной позицией и глубоко возмущают мои представления о товарищеской и революционной этике,—

я заявляю, что, оставаясь, по-прежнему верным всем традициям, установленным на наших съездах и конференциях,

1) я слагаю с себя всякую моральную и идейную ответственность за деятельность вновь сложившегося идейного центра большевиков,

2) впредь ничего общего с редакцией «Пролетария» не имею и сотрудником этого органа не состою и

3) освобождаю себя от всякой фракционной дисциплины, поскольку хранителем этой дисциплины является теперешняя редакция «Пролетария».

С социал-демократическим приветом делегат последней партийной конференции от центральной пром. области. (1/VII 1909 г.)

¹⁴²⁾ *Лева* — речь идет о тов. Владимирове, теперешнем замнаркомфина С. С. С. Р.

¹⁴³⁾ *Иннокентий* — Иосиф Федорович Дубровинский.

¹⁴⁴⁾ См. выше 42 примечание.

¹⁴⁵⁾ *Водовозов, В. В.* — публицист и общественный деятель радикально-буржуазного лагеря; много работал по вопросам избирательного права и организации политических партий; сотрудник «Нашей Жизни»; с 1906 г. сблизился с трудовиками.

¹⁴⁶⁾ *Соколов, Н. Д.* — присяжный поверенный, с.-д., постоянный защитник по видным политическим процессам в Столыпинскую контр-революцию.

¹⁴⁷⁾ После разгрома II Гос. Думы на II Всероссийской Конференции Р. С.-Д. Р. П. А. А. Богданов защищал лозунг бойкота III Думы. Победила точка зрения Ленина, обоснованная им в статье: «Против бойкота», перепечатанной в VIII томе Собр. сочинений.

¹⁴⁸⁾ *Стан (ислав)* — Вольский, тогда «левый», большевик-отзовист, теперь — рожгат, противник Сов. власти.

¹⁴⁹⁾ *Ст. — в* — Станислав Вольский (см. предп. замечание).

¹⁵⁰⁾ «Credo» (Символ веры) составлено Кусковой, отражает взгляды «молодых» с.-д.; здесь под практику «экономистов» был подведен модный теоретический фундамент в духе бернштейнианства. Рабочий класс в России может и должен вести, как класс, одну только экономическую борьбу за непосредственные «ре а л ь н ы е» улучшения, не притязая на самостоятельные выступления за свободу политическую; политическая борьба—

достояние «общества—буржуазно-либеральной оппозиции», рабочий класс должен только поддерживать либералов. «Credo» вызвало резкий протест со стороны 17 представителей революционного крыла с.-д.-тии во главе с Н. Лениным. (См. подробнее в I томе Собр. сочинений).

151) Статья Л. Каменева: «Не по дороге» из № 42 «Пролетария», направленная против «богдановцев», перепечатана в сборнике его статей: «Между двумя революциями», на стр. 258 — 265.

152) *Ер* — Станислав Вольский (см. выше прим. 148).

153) См. подробности этого «устранения» в брошюре И. Меньши: «Шаг вперед, два шага назад», перепечатанной в V томе Собр. сочинений.

154) Речь идет об осуждении Плехановым Декабрьского вооруженного восстания («Не нужно было братья за оружие»), об агитации его за блоки с либералами, поддержке кадетских лозунгов во время избирательной кампании во II Гос. Думу («Полновластная Дума») об участии его в органах буржуазной печати (газета «Товарищ») и т. д.

155) *В связи с избирательной кампанией Петербургский Ком. Р. С.-Д. Р. Партии принял следующую резолюцию-платформу:*

Объективные задачи, продиктованные развитием производительных сил, выросшие перед страной в предреволюционный период, целиком во всей своей остроте сохранялись и сейчас, после подавления революционного подъема 1905 — 1906 гг.

Но сейчас правительство и правящая буржуазия, держа страну в тисках реакции, стараются в то же время разрешить эти задачи, с наибольшей выгодой для себя и с наименьшей для народных масс.

Третья Дума и является тем органом контр-революции, который пытается дать выход производительным силам и приспособить власть к современным формам хозяйства, но лишь настолько, чтобы на долю народных масс вообще и пролетариата, в частности, пришелся бы минимум выгод этого приспособления.

Ясно, что этот путь «революции сверху» ведет страну к затяжному, мучительному для народных масс кризису, в конце концов все же приводящему к революционному взрыву.

Но таковой путь разрешения, стоящей перед страной задачи, из рук Столыпина-Пуринкевича-Гучкова-Миллюкова не только разорителен, но и почти невозможен.

Ни правительство военно-полевых судов и смертных казней, ни его неразрывный союзник—крайнее правое крыло Гос. Думы, представляющее интересы 130 тыс. помещиков-крепостников, во имя которых совершен переворот 3 июня, не захотят и не в состоянии дать выхода производительным силам страны, так как это тесно связано с уничтожением феодальных остатков, т.-е. именно того, чем живет эта экономически вырождающаяся группа.

Что касается умеренно-правых и октябристов, представляющих интересы наиболее отсталой части капиталистической буржуазии, то и они не могут успешно разрешить этой задачи выведения из тупика экономической и политической реакции, не посягнув на основу политической и экономической силы своих союзников-крепостников.

Этим самым они, во-первых, порвали бы с правительством Пуринкевич-Марков, что грозило бы вообще их существованию в Думе, а во-вторых,

подрывать основу крепостничества—значит расчислить свободный путь для развития чисто буржуазных отношений, а это грозит октябристской части буржуазии потерей политического и экономического господства в стране, которое перейдет к более развитому слою буржуазии.

Не лучше обстоит дело и с к.-д., которые всей своей прошлой деятельностью как в Думе, так и вне ее (особенно поездкой депутатов в Лондон и Париж) показали, что русская либеральная буржуазия в своем стремлении к власти не идет дальше торгашества с царизмом за счет интересов народных масс, да и по существу своему, стоя перед самостоятельностью масс и в особенности перед самостоятельным движением пролетариата, иначе поступать и не может.

Таким образом слабость и трусость нашей буржуазии, зависимость ее от реакционного правительства и аграриев обрекает на неудачу все попытки разрешить проблему революции сверху. Сам же факт существования распри между элементами контр-революции и свидетельствует лишь о наличии объективных условий, обрекающих на неудачу все реформаторские потуги правящей буржуазии и лавирующего между борющимися течениями контр-революционного правительства. И перед нами, социал-демократами, стоит задача невозможной скорее и полнее организовать народные массы для радикального социально-политического переворота путем революции снизу, авангардом которой может явиться только пролетариат.

Таким образом задача с.-д. фракции в Думе сводится, в переживаемый период безграничного торжества реакции, к использованию думской трибуны в целях агитации и пропаганды с.-д. идей, а также организации рабочих масс. Социал-демократическая фракция отнюдь не ставит своей целью так называемую органическую работу в Думе, но она всей своей деятельностью там разоблачает перед страной контр-революционный характер всей работы Думы и своей критикой деятельности всех представленных в ней буржуазных партий внедряет в сознание масс необходимость борьбы за осуществление наиболее существенных демократических требований.

Предвыборная кампания должна быть использована в целях агитации и организации вокруг требований социал-демократической программы в целом, при чем во главу угла политической агитации должен быть поставлен лозунг Учредительного Собрания и демократической республики. Эти лозунги, как и все остальные пункты наших программных требований, не должны укорачиваться из страха отпугнуть от нашей кандидатуры монархически-настроенных избирателей.

Но, с другой стороны, он не должен заслонить собой основной цели международной социал-демократии—достижения социализма, и для этого рекомендуется при агитации за демократическую республику проводить взгляд с.-д. на этот лозунг, как на средство скорейшего достижения основной цели, как на необходимый этап по пути к социализму.

Считая весьма важным и необходимым использование предстоящей избирательной кампании, П. К. постановляет принять в ней деятельное участие (*«Пролетарий» № 49 от 3 (16) октября 1909 года*).

156) *Никифор Ефремович Вилонов* (Михаил Заводской).

1 мая (н. ст.) 1911 года, в Давосе (Швейцария), скончался на 27 году жизни от туберкулеза легких один из самых выдающихся партийных работников—рабочий Михаил Заводской (Н. Е. Вилонов).

Н. Е. Вилонов — сын столыра калужских железно-дор. мастерских — родился в 1885 году. Кончив техническое железно-дорожное училище, Вилонов поступает на работу в киевские железно-дорожные мастерские.

Там он попадает под влияние с.-д. и в 1902 году 19-летним юношей вступает в местную с.-д. организацию. Его вступление в партию совпадает как раз с тем ее периодом, когда она из небольших зародышевых ячеек начинает превращаться в организованную партию российского пролетариата. Партии нужны были энергичные работники, люди большой инициативы и широкого политического размаха. Одним из таких работников является молодой Вилонов.

С несокрушимой энергией, с пламенным энтузиазмом полного сил борца отдается он пролетарскому делу. И на первых же шагах своей революционной деятельности обнаруживает колоссальные способности и недоуменный политический талант. Будучи сам рабочим, работая в железно-дорожных мастерских, он успевает бывать в рабочих кружках; заниматься организаторскими делами и много работать над своим собственным образованием. Правда, для этого часто приходится потихоньку оставлять мастерские и незамеченным перелезть через забор.

Его популярность и влияние беспрерывно растет среди рабочих. Выдающийся по своим способностям, влиянию и мощности своей фигуры, — Вилонов не может долго оставаться незамеченным для охранников; он вскоре вынужден бежать в Екатеринослав.

В Екатеринославе поле революционной деятельности для Вилонова значительно расширяется. Здесь его застают первый грандиозный подъем рабочего движения, охватившего весь Юг России. Вилонов с большим успехом выступает на рабочих собраниях, участвует в демонстрации, во время которой его жестоко избивают палками. В конце 1903 года он арестован и после 7 месяцев тюремного заключения выслан административно в Енисейскую губернию на два года.

Летом 1904 г. Михаил бежит из ссылки, переодевшись челдоном, и вплавь переплывает Енисей. С этих пор для него начинается жизнь нелегального со всеми, связанными с ней, скитаниями и лишениями.

Из ссылки Вилонов прибывает в Казань. Он опять принимается за прерванную революционную деятельность. «Весна» Святополк-Мирского дает некоторую возможность проникнуть с.-д. голосу из революционного подполья на открытые либеральные банкеты, земские собрания и пр. И Вилонов выступает на этих банкетах с беспощадной критикой либерального пустословия, бичует с необычайной силой будущих кадетов и призывает к революционной борьбе, под знаменем с.-д.

К этому времени Вилонов обнаруживает изумительную работоспособность во всех областях партийной деятельности. Он часто говорил: «каждый революционер должен быть энциклопедистом». И он был таким «энциклопедистом»-революционером: он выступает на дискуссиях с профессорами в университете перед огромной студенческой аудиторией, ведет дис-

куссии с соц.-революционерами, устраивает вечеринки, на которых читает рефераты, ведет работу среди алафузовских рабочих, организует кружки, составляет прокламации и листки и сам по ночам печатает их в устроенной им же типографии.

В декабре 1904 г. ему приходится бежать в Самару.

Из Самары Восточное Бюро Ц. К. отправляет Михаила на Урал. Здесь застаёт его Кровавое Воскресенье и наступившее после него нарастание революции. Необходимо широко развернуть партийную работу, поставить ее в массовых размерах. Но для этого нет достаточно сил на Урале. Вилонов находит счастливый выход из этого положения: трудно найти пропагандистов и агитаторов, но гораздо легче найти техников. И Вилонов организует из Екатеринбурга несколько типографий, чтобы, поставив их в разных местах Урала, распространять в широких размерах литературу среди мало затронутых с.-д. пропагандой уральских рабочих. В то же время он энергично принимается за подготовку партийных работников из местных рабочих. Его изумительная энергия в эту пору не знает предела и действует на всех самым заражающим образом.

Но уже 31 января 1905 г. Вилонов арестован — он попадает в полицейскую засаду. Обладая большой физической силой, он бросает задержавшего его стражника на землю и вырывается, оставив у стражника рукав своей поддевки; однако погоня его настигает и задерживает на пруду в то время, когда он поскользнулся и упал. Попад в тюрьму, Вилонов усиленно занимается; главным образом — аграрным вопросом; он ведет в то же время деятельную переписку с волей, стараясь быть в курсе дела революционной борьбы, от которой его оторвала тюрьма. Он пользуется большим влиянием и среди тюремного населения: он умеет подчинять своей сильной воле и тюремных надзирателей, которые зачастую совершенно безвозмездно доставляют ему письма, газеты и даже ключи, пилки и другие инструменты, необходимые для побега, мысль о котором никогда Вилонова не оставляет. Он энергично и решительно боролся все время за улучшение условий тюремного режима, причиняя массу хлопот тюремной администрации и заставляя ее часто буквально трепетать. Предпринятые шаги к побегу из Екатеринбургской тюрьмы были обнаружены внезапным обыском в его камере. В мае Вилонова совместно с другими товарищами переводят «за беспокойный нрав» в Николаевские арестантские роты. Отголоски революционной борьбы, происходящей на воле, доходят до нас и в этой, заброшенной в лесу тюрьме. В такой момент тяжело сидеть в тюрьме. Вилонов энергично принимается за подготовку к побегу; он ведет подкоп, через который совместно с 4-мя товарищами (в том числе пишущий эти строки) бежит 10 июля 1905 г. Побег был очень скоро обнаружен и снаряжена погоня, которой удается всех задержать. Начинается кровавая, зверская расправа над беглецами. Задержанных волокут обратно в тюрьму за волосы. Толпы надзирателей и солдат набрасываются на них, сшибают с ног и бьют своими тяжелыми подковными сапогами по голове, по спине, по бокам, по чему попало, бьют прикладами, револьверами по груди, проламывают головы, бьют до потери сознания, бьют и издеваются... Истерзанных и окровавленных, Вилонова с товарищами, бросают в темный грязный карцер, где они плавают в собственной крови..

Освобожденный по манифесту, Вилонов едет в Самару. Дни свободы. Перед Вилоновым открывается широкая возможность приложения своих сил, своего таланта. Он выступает с громадным успехом на больших митингах и собраниях; энергично борется с влиянием черной сотни, организует боевую дружину; он отправляется с пропагандой с.-д. идей к волжским кручникам, несет яркий светоч социалистического сознания в эту самую темную, самую отсталую среду рабочего класса; ему удается их организовать и приобщить к великому движению и великой борьбе за свободу и социализм.

В декабре, когда реакция начинает одерживать свои первые победы, Вилонову приходится бежать от ареста в Уфу. Здесь его скоро арестовывают, но через короткое время освобождают. Он переносит свою деятельность в Екатеринбург. Удачной «конфискацией» 12 пудов типографского прирфта он обеспечивает местную организацию хорошей техникой.

Но и на этот раз ему не приходится долго оставаться на воле. В марте 1906 года его арестовывают в лесу на партийном собрании во время выборов на объединительный съезд. Его опять переводят в Николаевские арестантские роты. Здесь он начинает энергичную борьбу за улучшение каторжного тюремного режима. Обструкции, многодневная голодовка—все пускается им в ход во время этой борьбы. Когда издевательства тюремной администрации становятся невыносимыми, он решает на самоубийство. Он обливает керосином матрац, на котором лежит, и поджигает его, предпочтя сгореть или задохнуться в дыму, чем изо дня в день терпеть от того жестокого и кровавого произвола, от тех гнусных и отвратительных глумлений над заключенными, которыми так отличается этот царский застенок и благодаря которым он получил позорную известность на всю Россию... Тюремные надзиратели скоро заметили дым и ворвались к нему в камеру, они накрыли его одеялами и стали нещадно избивать, пока он не потерял сознания. С этих пор Вилонов начинает харкать кровью. Вскоре после этого его переводят в камышловскую тюрьму, откуда он, переодетшись надзирателем, совершает удачный побег.

Вилонов отправляется в Москву. Он опять за революционной работой. Ему поручают Лефортовский район, в котором он широко развертывает свою широкую, многогранную деятельность, ведя, между прочим, кампанию против оппортунистических элементов в нашей партии.

Но напряженная, первая революционная работа, скитания, долгие годы тюрьмы, эшаны и высылки—сломили этот могучий колосс; его здоровье, подтачиваемое неумолимым туберкулезным процессом, сильно расшаталось. По настоянию товарищей, он едет лечиться в Геленджик. И там он находит для себя соц.-дем. работу. Он занимается организацией рабочих на местном цементном заводе. За недостатком средств он вынужден прекратить лечение. В декабре Вилонов снова в Москве и снова на работе в Лефортовском районе. Вскоре он простуживается, и болезнь его принимает острую форму. Ему приходится ехать в Ялту. Но и здесь, в санатории, больного Вилонова опять подстерегает тюрьма: по несчастной случайности, его принимают за какого-то эсперантиста, арестовывают и отправляют в Севастопольскую тюрьму. По установлению личности, он получает административную высылку в Туруханский край, которую, ввиду болезни, заменяют ему ссылкой на три года в Астраханскую губернию. Прибыв в Черный Яр, Вилонов через

три дня бежит оттуда в Казань. Затем едет лечиться на кумыс в Уфимскую губернию; попутно работает в Златоусте. Осенью 1907 года опять должен ехать в Геленджик. В марте 1908 г. удачно избегает ареста, едет в Россию и возвращается в Черный Яр.

В октябре 1908 г. получает разрешение на выезд за границу. За границей Вилонов принимает самое деятельное и энергичное участие в устройстве партийной школы в Капри. Он создает огромную важность подготовки партийных работников из самих рабочих, работников, вооруженных знанием. Он совершает самую важную подготовительную организационную работу, отправляется в Москву, объезжает Центральный район, собирает слушателей из рабочих и приезжает с ними в Капри. Через короткое время, когда разногласия между большевиками раз'ясняются, он примыкает к политической позиции редакции «Пролетария». После пленума Ц. К. большевики назначают Михаила кандидатом для кооптации в Ц. Комитет нашей партии. За границей Михаил работает над философской книгой, которая почти написана и окончить которую ему помешала преждевременная смерть.

Такова короткая, но в высшей степени богатая революционная жизнь этого выдающегося рабочего социал-демократа.

До последнего вздоха, до последнего мгновения своей короткой жизни Вилонов остается верен великому знамени социалистического пролетариата, до последнего вздоха он полон беспредельной веры в торжество пролетарского дела. Живя в момент политического разброда и идейных шатаний, он, благодаря своему здоровому пролетарскому чутью, остается верен революционным принципам Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Слугам пачея и беспроектного произвола удалось преждевременно сразить одного из самых выдающихся, самых ярких представителей передовых русских рабочих.

Вилонов умер. Его уже нет больше среди нас. Но память о нем долго будет жить в Р. С.-Д. Р. П.

Пусть же память об этом борце и мученике долга озаряет великий путь к грядущим победам, пусть к величайшему идеалу всех времен—к социализму (*«Социал-Демократ» № 14 от 22 июня (5 июля), 1910 г.*). За подписью.

157) *Бобриков*—финляндский генерал-губернатор, усердный исполнитель полицейско-русификаторской политики Плеве. Грубые приемы при уничтожении политической самостоятельности, культурных достижений финляндского народа повлекли достойную для него казнь со стороны финляндского «активиста», сына сенатора, Е. Шаумана.

158) *Кронштадтское восстание*—восстание в Свеаборге (см. прим. 65) вызвало восстание в Кронштадте, где работала Петербургская военная организация; 20/VII вспыхнуло восстание среди 4 и 5 морских экипажей под руководством с.-р., матроса Егорова; к восставшим примкнула часть сапер; попытка поднять весь гарнизон крепости не удалась. После обстрела форт, где заперлись восставшие, сдался, и военно-полевой суд закончил дело умирением.

159) *Брентано*—представитель современной немецкой буржуазной экономической науки, проф. Мюнхенского университета, тонкий защитник буржуазных интересов под флагом наилучшего с ученой точки зрения разрешения социального вопроса. Главные его тезисы: 1) Марксова трудовая теория

ценности—поверпа; 2) неверно и вредно учение Маркса о прибавочной ценности, ввиду социальных заслуг предпринимателя; 3) только создание плапомерной организации из рабочих и предпринимателей, охватывающей все отрасли труда, только «гармония классов» сможет облегчить недуги капиталистического общества.

В. Зомбарт — профессор, представитель современной немецкой буржуазной науки. Тезисы Зомбарта: 1) обоготворение инициативы и творческой энергии капитала, открывающих необъятные культурные возможности для человеческой личности; 2) отвращение к американской форме капитализма—трестам, тейлоризму и т. п., порабащивающим личность. Взгляды Зомбарта характерны для психологии вырождающегося рацтве.

160) *Ткачев, П. Н.* — бывший сотрудник Писаревского «Русского Слова» в 60-х г. г., привлеченный к суду по нечаевскому делу, эмигрант с 70-х г. г., издавал в Женеве в 1875—1877 г. г. «Набат», где развивал необычайную для революционного народничества той эпохи мысль — совершить демократическую и социальную революцию при помощи захвата государственной власти кучкой заговорщиков. Тезис Ткачева: «Революция осуществляется революционным государством, которое уничтожает консервативные и реакционные элементы общества, упраздняет все те учреждения, которые препятствуют установлению равенства и братства, и вводит в жизнь учреждения, благоприятствующие их развитию». Оказал влияние на идеологию партии «Народная Воля».

161) *Генриетта Роланд Гольст* — писательница, примыкала к левому крылу голландского социалистического движения, в годы войны вела анти-милитаристическую пропаганду, организатор женских рабочих союзов, в настоящее время вместе с Антоном Паннекуком издает журнал «De Nieuwe Tijd», примыкающий к левому коммунизму, участница III конгресса Коминтерна.

162) *Вяц(еслав)* — речь идет о Н. А. Рожкове, тогда видном представителе большевизма.

163) Речь идет о книге Н. Ленина: «Материализм и эмпириокритицизм» (вошла в X том его Собр. сочинений) — как лучшей характеристике диалектического материализма.

164) *Даты* 30—48—71 — Июльская революция 1830 г., Февральская революция 1848 г. и Парижская Коммуна 1871 г.

Даты 63 — 65 — Прусский конституционный конфликт между немецкими бюргерами и вождем юнкеров (помещиков) — Бисмарком, — закончившийся победой последнего.

II ЧАСТЬ.

1) *«Пролетарий»* — орган большевиков с 21 августа 1906 г., когда вышел № 1 (статьи на него В. И. перепечатаны во 2 части VII тома Собр. сочинений), сначала издавался в Финляндии, потом издание было перенесено с начала 1908 г.—с переездом В. И.—за границу. На январском пленуме Ц. К. было решено закрыть фракционные органы большевиков (*«Пролетарий»*) и меньшевиков-ликвидаторов (*«Голос Социал-Демократа»*). Вместо них должен был выходить в качестве Центрального Органа: *«Социал-Демократ»*. *«Пролетарий»* был закрыт на № 50, и литературная деятельность В. И. переместилась в *«Социал-Демократ»*.

2) Речь идет о ликвидаторстве.

3) Речь идет об отзовизме.

4) См. приложение к этому тому, документы под № 2.

5) Так называется движение либерально-буржуазных кругов в эпоху «весны» Святополк-Мирского (осень 1904 г.); на банкетах земцы, адвокаты, инженеры и т. п. выносили резолюции с требованиями конституции, свобод и т. д. Новая *«Искра»* требовала всемерной поддержки либералов; критику меньшевиков В. И. дает в брошюре: *«Земская кампания и план Искры»*.

6) Речь идет о республиках, образовавшихся в Сибири (Читинская, Красноярская), на Кавказе, в Прибалтийском крае.

7) *Чернышевский, Н. Г.* (1828—1889 г.г.)—выдающийся русский материалист и социалист-утопист. Выступал в качестве критика и публициста в *«Отечественных Записках»* и *«Современнике»*. 12 июня 1862 г. Ч. был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, откуда был отправлен в Сибирь на каторгу; был возвращен в Россию только в 1883 г. Ч. дал философское обоснование последующему народническому движению, считал крестьянскую общину ядром будущего социалистического общества (см. его *«Критику философских предубеждений против общинного землевладения»* и др.). Еще в 50-х г. г. выступал, как сторонник Фейербаха и, по выражению В. И., «сумел вплоть до 1888 г. остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников. Но Ч. не сумел, — вернее не мог, в силу отсталости русской жизни, — подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса» (см. подробнее на 304—306 стр. X тома Собр. сочинений Н. Ленина).

8) *Григорий* — речь идет о Г. Зиновьеве.

Инокентий — И. Ф. Дубровинский.

9) *Крамольников* — Г. Н. Пригорный (на III съезде Р. С.-Д. Р. П. — Мосальский).

Антон — М. С. Макодзюб (на II съезде — М. Панин).

Вадим — В. К. Иков.

Роман — К. Н. Ермолаев.

Юрий — П. А. Бронштейн.

Михаил — И. А. Исув.

Га — аз — Е. Маевский (В. А. Гутковский).

Кольцов — Б. А. Гинзбург.

10) *Стива Нович* (Иванович) — один из основателей меньшевизма в первую эпоху меньшевизма — ближайший единомышленник Мартова, затем последовательный ликвидатор, контр-революционер в 1919 — 1920 г.г., сотрудник Денкина в Одессе, теперь издаст в Берлине контр-революционный с.-д. журнал «Заря».

11) *«Правда»* (всего 25 №№) — 1908 — 1912 г. г. вначале как орган Украинского Союза «Спілька», потом как общепартийное предприятие редактировалась Троцким; Пленумом Ц. К. в 1910 г. было решено ввести в ред. «Правды» представителя Ц. К. (введен Каменев), приписать на счет кассы Ц. К. часть расходов по изданию и предложить ближайшей партийной конференции объявить «Правду» органом Ц. К. Тренин, вскоре начавшиеся, закончились выходом Каменева из редакции «Правды» и основанием Ц. К. популярной газеты: «Рабочая Газета»; № 1 вышел 12/XI н. ст. 1910 г. (всего 9 №№).

12) См. прим. 24 к VIII тому Собр. сочинений.

13) *Ионов* (Ф. М. Койген) — один из виднейших деятелей Бунда. Родился в 1871 г. Работал сначала в народовольческих кружках, а с 1892 г. вступает в социал-демократические кружки юга России. После ареста в Одессе (2 года) и ссылки (4 г.), в 1902 году возвращается к активной работе и вступает в Бунд. С 1903 г. член Ц. К. Бунда. Как представитель Бунда был на Об'единительном съезде и на Лондонском. Был выдающимся организатором. Во время империалистской войны жил по болезни за границей, был в интернационалистском крыле Бунда. Вместе с Бундом вошел в Р. К. П. Был завкагитпропом Восточного обкома. Умер 22 октября 1923 г. в Мерапе.

14) *Ан* — псевдоним Ноя Жорданна, видного меньшевика, председателя совета министров в меньшевистской Грузии.

15) *К. С.* — речь идет о Сталине.

16) *Азефщина* — от Е. Азефа, видного с.-р. террориста, который одновременно был видным охранником-прокуратором.

17) *Ренегатское «Общественное движение»* — см. прим. 131 к I части этого тома.

18) *Брошюра: «Земская кампания и план Искры»* — перепечатана в VI томе Собр. сочинений.

19) Речь идет о поддержке Плехановым лозунга ответственного, из рядов Гос. Думы вышедшего (г.-с. кадетского), министерства в эпоху I Гос. Думы и о лозунге «полновластная Дума», на котором он думал объединить все революционные и оппозиционные партии (включая и кадет) на выборах во II Гос. Думу.

20) Речь идет о книге Г. В. Плеханова: «К вопросу о развитии материалистического взгляда на историю», где зараз давалось и точное изложение

матерналистического мировоззрения, и критика народников с Н. Михайловским во главе.

21) *Рабочий Ар* — Ф. И. Калинин, ныне уже умерший; заведывал Пролеткультом.

22) *В. Базаров* (В. Руднев) — социал-демократ, примыкавший в эпоху революции 1905 г. к большевикам. После февральской революции 1917 года интернационалист и один из редакторов Горьковской «Новой Жизни»; экономист, переводчик «Капитала»; теперь видный член Соед. Академии и член Президиума Госплана.

Мост (1846 — 1900) — видный германский с.-д. в 70-х годах, депутат Рейхстага, Мост в эпоху исключительного закона эволюционировал в сторону анархизма, эмигрировал сначала в Англию, затем в Америку; в своих работах пропагандировал применение самых крайних методов борьбы — террористические покушения, экспроприации и т. д.

23) *Фейербах* — см. прим. 132 к I части этого тома.

24) *Неведомский* — Н. И. Иорданский, редактор журнала: «Современный Мир», недавний политред в Италии.

25) *Монархия Толмачева в Одессе* — речь идет о деятельности одесского градоначальника ген. Толмачева, который самовластно правил Одессой, не считаясь с распоряжениями центральных властей и даже самого Столыпина; не говоря о расправах с «политическими преступниками», так же «самостоятельно» поступал Толмачев в вопросах университетской автономии, борьбы с чумой и т. п.

26) *Голосовец И.* — Игорь — псевдоним Б. И. Гольдмана-Горева.

27) Ц. К-том был делегирован в редакцию венской «Правды» в январе 1910 г. в качестве представителя Л. Б. Каменев.

28) *Платформа 104 по аграрному вопросу* — см. прим. 66 к I части этого тома.

29) Речь идет в первом случае о работах, прежде всего, самого В. И.: «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «Развитие капитализма в России» и друг. (II и III томы Собр. сочинений, о полемике Плеханова против народничества («Обоснование народничества в трудах г. В. В.») и, наконец, о работах представителей так называемого «легального марксизма»; во втором случае — о работе обеих фракций Р. С.-Д. Р. II. в эпоху революции, особенно во время выборов в I и II Гос. Думы, во время деятельности этих Дум, и в третьем случае — о философских работах махистов-впередовцев (Сборник: «Очерки по философии марксизма») и о положительном обосновании материализма вместе с полемикой против махистов у В. И. (в книге: «Материализм и эмпириокритицизм») и у Плеханова в его «Письмах г. А. Богданову».

30) *Энциклопедисты XVIII века* — см. прим. 134 к I части этого тома.

31) *Кавелин, К. Д.* (1818—1885 г.г.) — проф. Петербургского ун-в., юрист, этнограф, публицист умеренно-либерального направления в 60-х г.г.; рекомендовал либеральному дворянству не думать об «увенчании здания» реформ конституцией, а отдаться земской деятельности в провинции.

32) Речь идет о легальном большевистском журнале «Мысль», который выходил с декабря 1910 г. по июнь 1911 г. и был прикрыт на № 5.

83) О рабочем съезде см. статьи В. И.: «Обывательщина в революционной среде» (об Аксельроде) во 2 части VII тома Собр. сочинений и «Кризис меньшевизма» (о Ларине) в VIII томе.

34) *Миров* (псевдоним В. К. Икова) — меньшевик-кооператор.

Левецкий (В. О. Цедербаум) — соц. демократ, меньшевик-ликвидатор.

35) См. подробнее разбор теории «тактики-процесса» Мартынова и Кричевского в брошюре В. И.: «Что делать?», перепечатанной в V томе Собр. сочинений.

36) *В. О. Богданов* — меньшевик-оборонец, член Ц. И. К. в эпоху буржуазной революции 1917 г.

37) Статью В. И.: «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» см. во II томе Собр. сочинений.

38) *А. Московский* (Габриэль Хундадзе), — меньшевик, представитель меньшевистского грузинского правительства в 1919 г. в Москве.

39) *Родзянко* — до революции 1905 г. председатель Екатеринославской губ. земской управы (см. о нем у В. И. в «Внутреннем обозрении» из № 2—3 «Зари» за 1901 г., стр. 98 тома V Собр. сочинений). Председатель III и IV Государственных Дум, октябрист. После февральской революции был председателем Исполнительного Комитета членов Государственной Думы; деятельный организатор крупно-буржуазной реакции в эпоху Керенского. После октябрьской революции был в лагере Каледина и Корнилова, а потом эмигрировал за границу, где продолжал контр-революционную деятельность. Умер недавно в Юго-Славии.

40) *Ренненкампф* и *Меллер-Закомельский* — генералы, усмирители вооруженного восстания в конце 1905 г. и начале 1906 г., первый — в Забайкалье, второй — в Прибалтике.

41) *Мартовский «кризис» 1911 г.* был искусственно создан Столыпиным. Гос. Совет не пропустил за «либерализм» проект Столыпина о введении земства в 6 западных губерниях. Столыпин распустил на три дня Думу и Совет и провел законопроект в порядке управления помимо законодательных органов. Недоверие Столыпину, вынесенное III Гос. Думой, было бурей в стакане воды и ни к каким реальным политическим последствиям не привело.

42) Эта статья дает с обычной для В. И. сжатостью и меткостью изложения точное резюме споров между революционной социал-демократией и ликвидаторством.

43) *З. Б. Ц. К.* — Заграничное Бюро Ц. К., созданное по решению пленума Ц. К. осенью 1908 г.; после пленума 1910 г. оно было признано всеми с.-д. течениями; в состав его входили от меньшевиков В. И. Гольдман-Горев (Игорь), от большевиков — Н. Семашко (Александров), — ныне наркомздрав, от польских с.-д. — Ледер; от латышей — Берзин, замененный затем, после победы латышей с.-д.-тии меньшевистского течения, — Шарцем-Элиас; от Бунда — Либер (М. И. Гольдман). Просуществовало до середины 1911 г., когда в нем образовалось меньшевистское большинство, после чего большевистский член З. Б. Ц. К., Н. А. Семашко, вышел из состава З. Б. Ц. К.

44) Состоявшаяся 21 — 23 июля 1907 г. II общерусская конференция Р. С.-Д. Р. П., решив принять участие в выборах в III Государственную Думу, постановила, что «с.-д.-тия выступает на выборах самостоятельно, не вступая ни в какие избирательные соглашения на первых выборах», что «при перебаллотировке (на первой стадии выборов) допускается соглашение со всеми партиями левее к.-д.»; что только «на второй стадии и дальнейших допускаются соглашения со всеми революционными и оппозиционными партиями до к.-д... включительно». Эти основные директивы были утверждены Ц. К. партии, а в следующем его заседании была принята избирательная платформа (*«Известия Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.» № 2 от 17 августа 1907 г.*).

45) Брошюра Л. Б. Каменева: «Две партии» вышла в августе 1911 г. в Париже в издании «Рабочей Газеты»; ее задачей было подвести итог всей идейной организационной борьбы с меньшевиками за 1907 — 1911 г.г.; ряд глав из нее перепечатан в сборнике «Между двумя революциями» под заголовком: «Меньшевики разывают с революцией».

46) Виктор — Таратута, теперь председатель треста «Моссукно».

47) *Дневничный* — Ф. И. Цедербаум — меньшевик-партиец.

48) Приводим здесь письмо тов. К(оба) — Сталина:

С.-Петербург. В Выборгском районе состоялось собрание партийных рабочих, посвященное вопросу о воссоздании и укреплении районных организаций. На этом собрании был сделан обширный доклад одного из видных местных литераторов-ликвидаторов (в тексте названо имя. Редакция Центрального Органа). Доклад развивал положения, на которых возможно возрождение новой с.-д. партии. Главные мысли заключались в том, что никаких организаций в партийном смысле не нужно, а только необходимо сосредоточить всю работу на открытой арене — для этой цели предполагается создание («самочинно») «инициативных» групп, которые занимались бы исключительно открытой работой: организацией докладов и собраний (публично, по закону 4 марта — так вот Столыпин и разрешит) по вопросам: государственное страхование, петиция, избирательная кампания в IV Думу и муниципальным вопросам, как-то: удешевление трамваев, водоснабжение и пр.

Такой план партийной организации на одной открытой работе встретил дружный отпор со стороны партийных рабочих, в том числе и принципиальных меньшевиков. Один из товарищей, член петербургской организации, изобличил в своем ответе типичное ликвидаторство докладчика — и после целого ряда критических речей был поставлен вопрос ребром: партийная социал-демократическая организация, нелегальная и ведущая всю работу как открытую, так и нелегальную; или «инициативные» группы — легальные и нелегальные, но ведущие работу только на почве закона — открыто.

Голосованием было принято первое — ликвидатор остался в единственном числе (на собрании присутствовало 16 рабочих представителей от отдельных заводов и фабрик), решено направить все усилия к объединению всех с.-д. элементов в тесные ячейки по заводам, фабрикам, союзам и клубам. Подробно не излагаю весьма интересных и дельных прений.

Считаю необходимым упомянуть еще вот что: «ликвидатором» было заявлено перед всем собранием, что только что состоялось совещание представителей от 8 (?) крупных городов, деятелей легального рабочего движения (о ч е в и д н о, л и к в и д а т о р о в. К.), которое находит, что для возрождения соц.-дем. партии нужны новые приемы и новые методы — приемы эти были указаны в докладе «ликвидатора».

Это же совещание легальных деятелей констатировало, что 3-летние попытки возрождения партии подпольным путем ни к чему-де не привели. В числе других были будто бы представители от Одессы и Екатеринослава, которые говорили, что в Екатеринославе и Одессе не существует ни открытых, ни закрытых рабочих организаций. Кого же спрашивается они представляли? (*«Социал-Демократ» № 23 от 1 (14) сентября 1911 года, за подписью К.*).

Коба-Сталин—И. В. Джугашвили, крестьянин Тифлисской губернии. Один из виднейших организаторов и руководителей большевиков. В начале 1912 года был кооптирован в состав Ц. К. Р. С.-Д. Р. П., после общепартийной конференции в Праге вошел в Русское бюро Ц. К. и нелегально работал в России, где вскоре подвергся аресту и высылке в Туруханск. Вернулся из ссылки после февральской революции. Ближайший сотрудник Ленина в эпоху подготовки и проведения октябрьской революции. Бессменный член Ц. К. с 1912 г. и Совете Нар. Ком. с 1917 г.

49) Приводим полностью это *«Заявление» от 25 августа 1911 г.*

Назначенная совещанием членов Ц. К. Комиссия (из 3-х членов Ц. К., принадлежащих к различным направлениям в нашей партии) по созыву пленума Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П. доводит до сведения всех членов партии нижеследующее:

1) Один из членов нашей Комиссии немедленно после окончания совещания делегатов внес официальное предложение большинству З. Б. Ц. К., тоже признавшему теперь, наконец, необходимость пленума,—заявить созывом пленума Ц. К. совместно с нашей Комиссией и под взаимным контролем. Это предложение большинством З. Б. Ц. К. было отклонено.

2) Наша Комиссия официально обратилась к представителю голосовцев З. Б. Ц. К.—В. Игореву с просьбой сообщить, не может ли он сам снестись с членами и кандидатами Ц. К. меньшевиками (перечислены их имена) или дать нам адреса для сношений с ними по вопросу о пленуме. Представитель голосовцев В. Игорев ответил нам только присылкой печатного листка «З. Б. Ц. К.» от 24 июня 1911 г., в каком-то листке В. Игорев подчеркнул слова: «З. Б. Ц. К.» считает незаконными как самое совещание, так все созданные и созываемые им «учреждения». С той же просьбой помочь нам снестись с членами и кандидатами Ц. К. меньшевиками мы обратились к национальным Центральным Комитетам (Бунда и латышей). Ответа на эту просьбу мы от них не получили.

3) Что касается членов Ц. К. большевиков, то, по имеющимся у нас сведениям, с их стороны нет никаких препятствий к тому, чтобы пленум состоялся в самом ближайшем будущем.

4) Большинство З. Б. Ц. К., признавшее под давлением совещания необходимость пленума, до сих пор, т.-е. в продолжение целых 2½ месяцев, насколько нам известно, ничего не сделало для фактического созыва пленума. По крайней мере, ни один из членов совещания де-кйстов (имеющих право участия в пленуме) никаких уведомлений от большинства З. Б. Ц. К. не получил.

Ввиду этих фактов ответственность за новый срыв пленума Ц. К. опять падает на большинство З. Б. Ц. К.

Комиссия по созыву пленума, назначенная Советом членов Ц. К. 25 августа 1911 года.

Р. С. От Заграничного Комитета Латышской соц.-дем. мы получили уведомление, что наше письмо (с приглашением назначить желательный срок пленума) переслано в Ц. К. латышской соц.-дем. От Бунда никакого ответа не последовало.

В нашем письме к членам и кандидатам Ц. К. мы ставили им следующие два вопроса:

1) работают ли они теперь в какой-либо партийной организации и намерены ли и впредь вести партийную работу?

2) желают ли и могут ли они прибыть на заседания пленума: и если могут, то когда? (*«Социал-Демократ» № 23 от 1 (14) сентября 1911 года*).

50) Столыпин был тяжело ранен 1 сентября 1911 г. охранником Богровым в Киевском театре, умер 5 сентября.

51) *Герман* — партийная кличка тов. Данишевского в то время.

Аркадий — партийная кличка Ф. Калинина в то время.

52) *Юрий Чацкий* — Бронштейн, крайний меньшевик-ликвидатор.

53) *Ольденберг и Гайдебран* — вожди юнкеров (крупных помещиков) в Пруссии; Гайдебран получил прозвище «некоронованного короля» Пруссии.

54) *«Chambre introuvable»* — палата, которую нигде нельзя найти, — так прозвали реакционный французский парламент после реставрации Бурбонов, который в стремлении восстановить «старый порядок», сметенный Великой революцией, шел дальше самого короля Людовика XVIII. Король был вынужден распустить палату, чтобы добиться более соответствующего соотношения социальных сил в стране парламента.

55) Речь идет о предисловии Р. Н. С. (П. Струве) к брошюре Витте: «Самодержавие и земство». Предисловие подробно разобрано В. И. в статье: «Пониматели земства и Анибалы либерализма», перепечатанной в V томе Собрания сочинений.

56) *«Прогрессисты» в III Гос. Думе* — так называлась группа либеральной буржуазии во главе с П. Ефремовым и В. Ржевским, которая не желала подчиняться деспотическим замашкам кадетского лидера Милюкова и откололась от кадетов организационно. Тактическая особенность «прогрессистов» — голосование в некоторых вопросах чутью «левее к.-д.».

57) *Принятая Лондонским съездом резолюция об отношении к непролетарским партиям.*

Принимая во внимание:

1) что перед Р.С.-Д.Р.П. в настоящее время выдвигается с особенной настоятельностью задача определить классовое содержание различных не-

пролетарских партий, учесть взаимоотношение классов в данный момент и в соответствии с этим определить свое отношение к другим партиям;

2) что социал-демократия всегда признавала необходимость поддержки оппозиционного и революционного движения, направленного против существующего в России общественного и политического порядка;

3) что на социал-демократии лежит обязанность сделать все для выполнения пролетариатом роли вождя в буржуазно-демократической революции, при сохранении полной самостоятельности его классовой позиции;— принимая это во внимание съезд признает:

1) что реакционные и черносотенные партии (союз русского народа, монархисты, совет объединенного дворянства и проч.) все решительнее и определеннее выступают как классовые организации крепостников — помещиков, что они путем национальной травли и организации погромов стремятся поглотить революцию в крови междоусобной войны;— социал-демократия должна, указывая на теснейшую связь этих партий с царизмом, разъяснять необходимость непримиримой борьбы за полное уничтожение всех социальных и политических остатков крепостнического варварства;

2) что такие партии, как союз 17 октября, торгово-промышленная партия, отчасти партия мирного обновления и т. п., представляют из себя организации, опирающиеся на часть помещиков и более отсталые слои самой буржуазии, вполне уже ставшие на сторону контр-революции, явно поддерживающие правительство и ставящие своей задачей осуществление цензовой и самой антидемократической конституции; социал-демократия должна вести с этими партиями самую беспощадную борьбу;

3) что партия либерально-монархической буржуазии и главная из этих партий — к.-д. определенно отвернулись уже теперь от революции и преследуют задачу прекращения ее путем сделки с контр-революцией, социальной основой таких партий являющиеся экономически более прогрессивные слои буржуазии, особенно же буржуазная интеллигенция, тогда как часть городской и деревенской мелкой буржуазии идет еще за этими партиями только в силу традиций и будучи прямо обманываема либералами; что политические стремления этих партий не выходят за пределы конституционной монархии, защищенной полицией и двухпалатной системой, постоянной армией и проч. от посягательства пролетариата;— социал-демократия должна использовать в интересах политического воспитания народа деятельность этих партий, противопоставляя их лицемерно-демократической фразеологии последовательный демократизм пролетариата, разоблачая распространяемые ими конституционные иллюзии и беспощадно борясь против их гегемонии над демократической мелкой буржуазией;

4) что народнические или трудовые группы (н.-соц., трудовая группа, с.-р.) более или менее близко выражают интересы и точку зрения широких народных масс деревенской и городской мелкой буржуазии, колеблясь между подчинением гегемонии либералов и решительной борьбой против помещичьего землевладения и крепостнического государства; эти партии облачают свои, в сущности, буржуазно-демократические задачи более или менее туманной социалистической идеологией;— социал-демократия должна неуклонно разоблачать их псевдо-социалистический характер и бороться с их стремлением затушевать классовую противоположность между про-

летарием и мелким хозяйчиком, а с другой стороны, всеми силами вырывать из-под влияния и руководства либералов, заставляя эти партии делать выбор между политикой к.-д. и политикой революционного пролетариата, и принуждая их таким образом, в борьбе за доведение демократической революции до конца, становиться на сторону с.-д. против черносотенцев и к.-д.;

5) вытекающие отсюда совместные действия должны исключать всякую возможность каких бы то ни было отступлений от с.-д. программы и тактики, служа лишь целям общего натиска как против реакции, так и против предательской тактики либеральной буржуазии.

58) *Лаура Лафарг* — дочь Маркса.

Поль Лафарг — зять Маркса, видный деятель Коммуны и французского социализма, составил с Гэдом «Программу рабочей партии»; его сочинения издаются Институтом Маркса и Энгельса под ред. Рязанова.

59) *Шварц* — псевдоним Элиаса, представителя латышских с.-д. в Ц. К. партии, ныне член латвийского сейма и один из редакторов «Социал-Демократа» (органа Латвийской С.-Д. Р. П.).

60) *Тышко* — псевдоним Лео Йогихеса, известного деятеля польской и германской с.-д., позднее коммуниста, убитого в 1919 г. в Берлине после подавления спартаковского восстания.

Марк (Зоммер-Любимов) — член Ц. К. в 1904 — 1905 г.г., в 1911 г. вождь группы большевиков-примиренцев вместе с Иннокентием (Дубровинским).

61) Здесь идет речь о книге М. С. Ольминского, написанной под псевдонимом М. Александров: «Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России».

62) *Ник. Николин* (Н. Н. Андреев) — сторонник направления, представленного венской «Правдой».

63) Речь идет о попытках «впередовцев» подвести вместо материализма новый философский фундамент под марксизм — эмпириокритицизм Авенариуса и Маха в форме «эмпириомонизма» Богданова, «эмпириосимволизма» Юшкевича и т. д. Об этих попытках см. подробнее в книге В. И.: «Материализм и эмпириокритицизм» в X томе Собр. сочинений.

Попытки махистов нашли наиболее полное выражение в сборнике: «Очерки по философии марксизма». Спб. 1908.

Содержание:

1. Базаров, В. Мистицизм и реализм нашего времени.
2. Берман. О диалектике.
3. Богданов, А. Страна идолов и философия марксизма.
4. Гельфонд. Философия Дидгена и современный позитивизм.
5. Луначарский, А. Атеизм.
6. Юшкевич, П. Современная энергетика с точки зрения эмпириосимволизма.

7. Суворов, Н. Основания социальной философии.

64) Речь идет о поездке русских «парламентариев» (от националистов до кадетов во главе с Милюковым включительно) в Лондон, где Милюков произносил речи, называя себя представителем «оппозиции его величества», распространяя конституционные иллюзии относительно России среди английских буржуазных кругов.

65) Здесь идет речь — по цензурным соображениям — о резолюции Лондонского съезда об отношении к непролетарским партиям (см. выше прим. 57).

66) См. подробности в брошюрах В. И., перепечатанных в VIII томе Собр. сочинений: 1) «Социал-демократия и выборы в Думу», 2) «Услышишь суд глуща...», 3) «Протест 31 меньшевика».

67) Речь идет о ряде статей В. И., посвященных разоблачению двурешнической политики либералов-кадетов, в 1906 и 1907 г.г. (см. подробнее в VII и VIII томах Собр. сочинений).

68) *Петражицкий* — проф. Петербургского унив., специалист по философии права, правый кадет, член I Гос. Думы от Петербурга.

69) Речь идет о статье Л. Б. Каменева: «Год борьбы» русского либерализма», перепечатанной в его сборнике: «Между двумя революциями», на стр. 85 — 125.

70) *Эллинек* — немецкий профессор, знаток государственного права; труды Эллинека служили настольной книгой для кадетов.

71) «*Новый День*» — еженедельная газета, выходившая под ред. Морданского и др. сотрудников «Современного Мира» в VIII — IX 1909 г. в Петербурге (в период дополнительных выборов на место исключенного из Гос. Думы к.-д. Коллюбаккина) и защищавшая кандидатуру с.-д.-та Соколова (всего вышло 15 №№).

72) «*Циня*» (*Борьба*) — нелегальная газета на латышском языке — начала выходить в марте 1904 года как издание Прибалтийской латышской социал-демократической рабочей организации, после образования Латышской Социал-Демократической Рабочей Партии, в июне 1904 года, стала ее изданием, а после вхождения Лат. С.-Д. Р. П. в Р. С.-Д. Р. П. на Лондонском съезде — с 1908 года — центральным органом Социал-Демократии Латышского Края. В настоящее время «Циня» выходит как Центральный Орган Латышской Коммунистической Партии. В течение своего двадцатилетнего существования только с марта по июль 1917 года и с января по май 1919 года «Циня» выходит легально; в течение всего остального времени (более 19 лет) — нелегально. Юбилейный номер (100-й) «Циня», для которого писалась статья Ленина, был отпечатан после провала, вторично в 1910 году.

У к а з а т е л ь и м е н .

А.

- Абдул-Гамид—I: 132, 135.
 Августовский—II: 34, 79.
 Авдаков—II: 457.
 Аврамов—I: 127, 129, 132.
 Аджемов—I: 14.
 Адлер—I: 127—128, 134—135, 370—371.
 Аксельрод—I: 225, 245, 274; II: 29, 35, 48—50, 62—63, 88—90, 92, 183, 200, 240, 243, 345, 440.
 Александров (Семашко)—II: 334, 345.
 М Александров (Ольминский)—II: 449, 452.
 Алексеев—II: 272—273.
 Алексинский—I: 311, 318—319, 327, 338, 344; II: 49—50, 62—63.
 Ансель—II: 101, 103.
 Ан (Жордания)—II: 68.
 Ар (Ф. Калинин)—II: 95—97.
 Аркадий—II: 384.
 Астраханцев (деп. III Думы)—II: 497.
 Ауэр—II: 253—254.

Б.

- Бабушкин—II: 130—134.
 Базаров—I: 56; II: 143—146, 195, 202, 209—212.
 Бакунин—I: 54.
 Балаклеев—I: 186—187.
 Бебель—I: 26, 107, 241—242; II: 103, 106, 108, 218, 294—295, 353—354.
 Белл—I: 26—28.
 Белинский—II: 517—518.
 Белоусов—I: 195—196, 242, 265, 459; II: 208.
 Бельтов (Шеханов)—II: 94, 210.
 Бем-Баверк—I: 56, 58; II: 406.
 Бер—II: 345.
 Бердяев—II: 515.

- Березовский—I: 188—190; II: 229—230, 523.
 Бернс—I: 129, 131, 322; II: 318.
 Бернштейн—I: 55, 59—60, 67, 158, 282, 369; II: 103, 195, 249, 253—254, 349, 455.
 Бисмарк—I: 6, 66, 111, 251—252, 258; II: 217, 277, 353.
 Бланки—II: 509.
 Блох—II: 112.
 Бобриков—I: 342.
 Бобринский—I: 16, 186; II: 37.
 Бобянский—I: 188.
 А. Богданов—I: 56, 88, 281, 283—284, 286, 300—305, 308—328, 331—334, 337—338, 340, 344—345, 352—353, 355—357, 372; II: 63—64, 88, 94—95, 98, 455.
 Б. Богданов—II: 98, 255—259.
 Брантинг—I: 136, 269.
 Брентано—I: 348; II: 295, 297.
 Бриан—I: 105, 359; II: 80, 318.
 Де-Брукер—I: 60, 135; II: 256.
 Булат—II: 274.
 Булаков—II: 24—25, 27, 295, 515, 519—520.
 Булыгин—I: 13, 70, 182, 301; II: 25—26, 162, 298, 304, 315—316, 522.
 Буренин—II: 245—246.
 Бурцев—II: 427.
 Бюлов—I: 105.

В.

- В. В.—II: 230.
 Валентинов—I: 244; II: 94.
 Вальян—I: 127, 135, 368.
 Ван-Коль—I: 132, 135—137, 369—370.
 Вандервельде—I: 31, 60; II: 107.
 А. Варский—II: 108.
 Вибо—I: 103, 106.
 Вивиани—II: 80.
 Виктор (Тарагута)—II: 345.

Виллих—II: 250—251.
Витте—I: 13, 66, 68, 70, 79, 190, 301;
II: 26, 185, 247, 316, 364, 402,
478—484.
Вихляев—I: 199.
Водовозов—I: 291—292.
Войлошников—II: 96, 274.
Воинов (Луначарский)—I: 23; II: 96,
103, 108—109.
Волконский—II: 274, 451.
Вурм—II: 104—106.
Вячеслав (Рожков)—I: 371.

Г.

Галлифе—I: 102.
Гайндман—I: 127, 129, 131, 313—315,
387—393; II: 309—311, 403—409.
Галич—I: 292.
Гегель—I: 55; II: 208.
Гегечкори—I: 196; II: 24, 37—38,
403, 416, 418, 487.
Гейдебран—II: 412.
Гейден—II: 369.
Герман (Данишевский)—II: 384.
Герценштейн—II: 495.
Гершензон—II: 515.
Гершуни—I: 22, 97.
Гирш—II: 406.
Глейзиер—I: 126, 130, 132.
Гоголь—II: 517—518.
Голицын—I: 186.
Горемыкин—I: 365.
Гортер—I: 369.
Горький—I: 338, 360—361; II: 21—22.
Григорий (Зиновьев)—II: 31.
Громобой—II: 222—230, 280—282.
Гужон—I: 244.
Гурко—I: 51; II: 391.
Гучков—I: 33—34, 67, 212, 341, 372—
373; II: 24—25, 94, 197, 214, 364—
365, 369—370, 402, 415, 443, 451,
478—480, 484—485, 502.
Гэд—I: 60, 135; II: 105—106.
К. Гюисманс—I: 125.

Д.

Дан—I: 61—67, 174, 225, 245, 274, 295,
298, 313; II: 29, 32, 34, 44—45,
79, 81, 85, 90, 195, 240, 268, 334,
345—346, 350, 359, 384, 398, 440,
443—444, 461—463, 468, 472.
Д. Джордж—I: 192; II: 409.
Дзюбинский—II: 488—492.
Дионео—II: 408.
Дитц—I: 153.
Дневницкий—II: 355.
Добролюбов—II: 517.
П. Долгоруков—II: 471.

Домов (Покровский)—I: 331; II: 98.
Достоевский—II: 517.
Дубасов—I: 70.
Дубровин—I: 240.
Думбадзе—I: 66, 68; II: 392, 418, 495.
Дурново—II: 364—365, 479—482, 484.
Дюринг—I: 54, 56, 250—252, 258;
II: 205.

Е.

Егоров (леп. III Думы)—II: 498.
Ежов (С. Цедербаум)—II: 452.
Ер (Вольский)—I: 318—319, 323, 326.
Ерманский—I: 244.
Ермолов—II: 128.
Ерогин—I: 316—317.

Ж.

Жилкин—II: 122.
Житловский—I: 134—135.
Жорес—I: 60, 111—113, 135, 270; II:
99, 101—106, 249.

З.

Зингер—I: 370; II: 216—219.
Зомбарт—I: 348; II: 295, 297.
Зорге—I: 129; II: 408.
Зубатов—I: 52.
Зюдекум—I: 38, 40.

И.

Игорев (Гольдман-Горев)—II: 323,
345, 361, 382.
Извольский—I: 33—35, 140—141,
144—145.
Изгоев—I: 42—44, 292, 365; II: 145—
146, 198, 204, 206, 222, 316, 337,
348, 397, 515, 519.
Илиодор—I: 147, 240; II: 391, 495.
Иппокентий (Дубровинский)—I:
289; II: 31.
Ионов (Койрен)—II: 52—57, 59—61,
73—78, 85—86, 374, 376, 382,
435, 439.
Иорданский—I: 27.

К.

К. (Сталин)—II: 358.
Кавелин—II: 234.
З. Каган—II: 309—311.
Каменский—I: 264.
П. Каменев—II: 343—346, 483.
Кант—I: 55; II: 208.
Капустин—I: 33—34, 186, 264.
Караулов—I: 265—266; II: 180—181,
227, 316, 348, 423, 523.

Карпелес—II: 101, 103.
 Катков—II: 522.
 Каутский—I: 20, 76, 78—79, 81, 109,
 111, 126—131, 137, 230—233, 282,
 328, 338; II: 147, 206—208, 300,
 337, 345.
 Квельч—II: 310—311.
 Кейр-Гарди—I: 100.
 Кизеветтер—I: 244.
 Кистяковский—II: 515.
 Клемансо—I: 101—102, 105, 140,
 144, 169.
 Коган—II: 248—249.
 Коковцев—I: 14; II: 402.
 Кольцов (Гинзбург)—II: 34, 79.
 Коммиссаржевская—II: 177.
 Кондурушкин—II: 400.
 Конт—II: 144.
 Красин—I: 300, 322—323, 325, 331.
 Крестовников—I: 244—245, 248,
 250; II: 451.
 Кричевский—I: 94, 313; II: 254.
 Кромер—I: 104.
 Кромвель—I: 80.
 Кропотов—I: 192.
 Крупенский—I: 341.
 Крыжановский—II: 368.
 Кузнецов—II: 429—432.
 Кузьмин-Караваев—II: 514.
 Кунов—I: 167; II: 426.
 Кускова—I: 244, 354.
 Кутлер—I: 52, 189, 291; II: 514.

Л.

Лабриола—I: 60.
 Лавров—II: 205—206.
 Лагардель—I: 60.
 Ларин—I: 356; II: 242—250, 344,
 350—353, 355—357, 359—360, 373,
 384, 387, 392, 397—398, 418—419,
 443—444, 446, 449, 463—464, 466,
 468, 474.
 Лассаль—I: 178, 202; II: 407, 473.
 Л. Лафарг—II: 416—417, 432—433.
 П. Лафарг—II: 416—417, 432—433.
 Лева (Владимиров)—I: 289.
 Левицкий—II: 184, 202, 211, 239—
 240, 242, 254—255, 257—259,
 268—269, 297, 319—321, 349, 357,
 359—360, 379, 384, 387, 396, 398,
 455, 463, 466, 477.
 Ледебур—I: 137.
 Ледер—II: 439—440.
 Либер—II: 323, 360—361.
 К. Либкнехт—I: 108, 178; II: 48,
 218, 354.
 Ллойд-Джордж—I: 28.
 Лондзберн—II: 312—313.
 Лопатин—II: 180.

Лопухин—II: 487.
 Луначарский—I: 25, 257, 318—319,
 338, 344, 352; II: 94, 440, 455, 461.
 Лыкошин—I: 185, 188.
 Львов 1-й—I: 185—186; II: 369.
 Р. Люксембург—I: 112—113, 328;
 II: 300—301, 308.
 Лядов—I: 287—288, 313, 318, 338, 344.
 Ляфонтэн—I: 135—136.
 Ляхов—I: 99, 144; II: 391.

М.

Мадзини—II: 404.
 Р. Макдональд—I: 130; II: 249,
 311, 313, 402, 418.
 Макалов—I: 272; II: 231, 265—266.
 Малишевский—I: 32.
 Мануилов—I: 244.
 Ман—II: 256.
 Марат (Шанцер)—I: 281, 284, 315, 331.
 Марк (Зоммер-Любимов)—II: 241, 437.
 Марков 2-й—I: 94; II: 24, 94, 273,
 370, 402, 412—413, 421—423,
 428—429, 442, 447, 451—452,
 485—486.
 Маркс—I: 25, 40—41, 53—62, 67, 72—
 74, 82, 111, 147—154, 156, 166—
 169, 178, 200, 202, 232—233, 246,
 250—254, 259, 273, 305; II: 48,
 174, 207, 231—232, 250—251, 294—
 295, 301, 403—409, 473, 491—493,
 509—510.
 Мартов—I: 78, 217, 219, 222—227,
 229—233, 245, 249, 274, 298, 347—
 350, 354, 356, 360; II: 29, 31, 34—
 35, 44, 48, 52, 56, 58, 61—64, 66,
 79, 82, 85, 88—90, 163, 166, 173,
 182—184, 187—188, 195, 240, 241—
 255, 258, 268—270, 292—295, 297—
 298, 300—304, 307, 324—334, 344—
 346, 350, 355—357, 359, 381, 384,
 396—398, 427, 443—444, 458, 460—
 464, 466—469, 473—477, 526.
 Мартынов—I: 94, 168, 249, 313, 325,
 350—351, 474; II: 29, 35, 48, 63,
 79, 82, 240, 254, 345.
 П. Маслов—I: 145, 147—154, 166—
 169, 244, 298, 346—350, 354, 360;
 II: 79, 147, 294, 455, 526.
 Медем—I: 9.
 Мейендорф—I: 267.
 Меллер-Закомельский—II: 278.
 Меньшиков—II: 222—230, 234, 245,
 266, 337, 400, 521.
 Меринг—I: 232, 295, 337, 345.
 Миллеран—I: 59; II: 80—81.
 Милюков—I: 33—35, 52—53, 67, 141,
 188, 266, 270—272, 292, 361—365;
 II: 41, 69, 72, 184, 196, 214, 225—

227, 240, 367, 369—370, 398, 402,
415, 443—444, 453, 465—466, 483—
484, 493—494, 502.
В. Мирон—II: 244, 247.
Михаил—II: 34—36, 45—46, 56, 59,
76, 78—79, 82, 85—86, 91, 97, 183,
187, 268—270, 306, 324, 360—361,
379, 385, 436.
Михайловский, П. К.—II: 205—
206.
Морли—II: 310, 405.
Морозов—II: 222—223.
А. Московский—II: 270.
Мост—II: 137.
Муромцев—II: 119—123, 127, 132, 177,
197—198, 368—369, 402, 4—4, 493.
Мюльбергер—I: 54.

Н.

Набоков—II: 344.
Надеждин—I: 94.
Наполеон—II: 511.
Неведомский (Иорданский) — II:
150, 461.
Николин (Н. Андреев)—II: 450—453.
Николаев (см. Красин).
Ст. Нович—II: 45.
Носке—I: 107.

О.

Оболенский—II: 364.
Ольденбург—II: 412.
Н.—он—II: 230—232.
Отзовист (Малуильский)—I: 170—
184

П.

Паннекук—I: 369; II: 134, 136—137.
Петражицкий—II: 480—481.
Петров 3-й—I: 193—194; II: 400, 402,
416, 418, 488, 491—493, 499.
Петрункевич—II: 480—482, 484.
Пешехонов—I: 10, 18; II: 81—82, 258.
Пилецкий—II: 243—244.
Плеве—I: 95; II: 362.
Плеханов—I: 20, 22—27, 56, 61—62,
77, 79, 81—82, 148, 150, 154,
166—169, 193—194, 231—232,
274—276, 285, 294—300, 321—322,
326—328, 353—354, 356—358, 360,
372; II: 6, 30—32, 33, 44, 46, 48—
49, 58, 64, 75, 78, 86, 88—92, 108,
147, 204—207, 211—212, 254, 270,
308, 320, 323, 326, 379, 384, 436, 527.
Победоносцев—II: 519, 522.
Погожев—II: 154.
Покровский 2-й—I: 11, 13—14; II:
38, 42, 96—97, 403, 487.

Половнев—I: 240.
Потресов—I: 225, 274—275, 297—299,
325—328, 347, 349, 354—356, 360,
372; II: 48, 71—72, 74—76, 78—79,
81—82, 85—86, 90—91, 143, 145—
146, 183, 186—188, 190—212, 239—
240, 242, 253—254, 257—259, 268—
269, 294, 306, 320, 323, 344—346,
357, 359—361, 373, 379, 384, 397,
397—398, 418, 438, 444, 452, 455,
461—463, 526.
Прокорович—I: 225, 244, 313, 326;
II: 108, 397, 418, 444, 455, 463.
Прудон—I: 52.
Пурешкевич—I: 212, 240, 265; II:
94, 184, 208, 225, 227, 273, 369—
370, 391, 393, 402—403, 412—416,
421—422, 424, 427—428, 442—444,
447, 451—452, 462, 464—467, 471—
472, 492, 502.
Путятин (деп. III Думы)—II: 497.

Р.

Разин—I: 193.
Рейнбот—II: 391, 452, 495.
Ренненкампф—II: 131, 278.
Родзянко—II: 272, 274—275, 485.
Родичев—I: 188; II: 95, 403, 445,
486—487, 489.
Рожков (член III Думы) — I: 192,
266—267.
Н. Рожков — I: 371; II: 410—419,
442—446, 449, 452, 475.
Розанов (депутат III Думы)—I: 267;
II: 499.
Розанов, В. В. (писатель)—II: 521.
Роланд-Гольст—I: 354, 358, 369.
Роман (Ермолаев)—II: 34—36, 45—46,
59, 78, 97, 183, 187, 268—270, 306,
324, 360—361, 379, 385, 436.
Рубанович—I: 127—129, 134—135;
II: 180—181.
Руссель—I: 127, 129.
Рябушинский—II: 222.

С.

Сажин—II: 93—96.
Сатурин—I: 14.
Свердлов, Я. М.—I: 371—374.
Семенов—I: 225, 246.
Скворцов—I: 147.
Смирнов—II: 373.
Н. Д. Соколов — I: 229—293; II:
514—515.
В. Соловьев—II: 517.
Ст. (Вольский)—I: 280, 313.
М. Стахович—II: 364, 478.
Степанов II: 402.

Столыпин, А.—II: 521.

Столыпин, П. А.—I: 6—8, 16, 18, 52—53, 63—67, 76, 94, 118, 156—158, 174, 188, 190, 196, 211—212, 216, 233, 248, 272, 291—293, 349, 351, 359, 365—366, 372—373; II: 10, 27, 36, 39, 41—43, 79, 83, 91, 93—96, 111, 113, 122, 129, 178, 184, 186, 215—216, 260, 265, 271—272, 280—283, 313—317, 323, 328—331, 358, 361—369, 373, 387—391, 393—395, 398, 402, 442, 444, 465, 479—480, 482, 484—485, 514.

Сторчак—I: 190—191.

К. С. (Сталин)—II: 68.

Стрельцов—I: 67; II: 108—109.

Струве—I: 36, 40, 50—51, 53, 64—68, 70, 123, 185, 192, 244, 266, 271, 348, 365, 372; II: 196, 198, 232, 240, 256, 259, 295, 316, 344, 348, 367, 418, 442, 455, 465, 515, 519.

Сурков—I: 250, 259, 264, 267.

Сухомлинов—II: 180.

Т.

Тайлок—I: 100.

Тесленко—II: 313—316, 493.

Тимирязев—I: 244—245.

Титтони—I: 140.

Л. Тихомиров—II: 180.

Ткачев—I: 350.

Толмачев—II: 178, 216, 370, 392, 452, 495.

Д. Толстой—I: 185.

Л. Толстой—I: 113—118; II: 115—119, 127, 143—145, 171—175, 177—178, 393.

Толстой (деп. III Думы)—II: 491.

Томилов—I: 193.

М. Томский—I: 170—174, 184.

Горн—I: 270.

Трепов—I: 68, 70, 182, 190; II: 25, 27, 123, 402, 484.

Троцкий—I: 226—227, 229—230, 325, 344—345; II: 49—53, 55—56, 58—59, 64—65, 75—78, 85—86, 99, 108—109, 182, 187—194, 292—293, 296—298, 302—303, 306—308, 325, 335—338, 359—360, 371—374, 376—377, 379, 381—382, 435—437, 440, 446—448, 459—460, 471.

Е. Трубецкой—II: 178, 364, 402, 478, 480—482, 484.

Трульстра—I: 368—370.

Туган-Барановский—II: 236.

Тышко—II: 78, 437, 439—440.

Тьер—I: 9, 113; II: 276, 278, 405.

У.

Уваров—I: 264; II: 95.

Урусов—II: 364—365, 402, 478.

Ф.

Фавр—I: 113.

Фальер—I: 113, 269.

Фаллу—I: 9.

Фейербах—I: 251, 253, 257; II: 144, 208.

Фирсов—I: 24.

Фольмар—I: 26, 107—109, 111; II: 253—254.

Франк—II: 198, 295, 515, 519.

А. Франс—II: 146.

Франц-Иосиф—I: 131, 140.

Х.

Холл—II: 312—313.

Хомяков—II: 272, 451.

Ц.

К. Цеткин—II: 337, 345.

Ч.

Чаадаев—II: 517.

Ю. Чацкий—II: 379, 382, 444, 452, 458—462, 472.

Челышев—I: 16.

Череванин—I: 157, 162, 225, 244, 274—275, 347, 359, 354—356, 358—360; II: 34, 79, 90, 108, 147, 162, 166, 443, 474.

Чернышевский—II: 27, 234, 262—263, 516—517.

Чиликин—I: 181.

Чингисхан—I: 100.

Чуковский—II: 210—212.

Чупров—I: 52.

Чхейдзе—I: 36.

Ш.

Шварц—I: 118, 181.

Шварц (Элиас) — II: 360 — 361, 437.

Шен—I: 140.

Шидловский—I: 185—186, 188.

Шингарев—I: 13—14, 188; II: 95, 492—493.

Шиппель—I: 142—144.

Шипов—II: 197, 364, 478, 480—481.

Шубинский—II: 40.

Шульгин—II: 125.

щ.

Щегловитов—II: 445.

э.

Эдуард 7-й—I: 132, 140, 269.

Эллинек—II: 493.

Эльм—II: 101—105.

Энгельс—I: 31, 54, 56, 62, 66—67.

74, 80—81, 111, 129, 148, 156,

158—159, 166—167, 232—233,

249—254, 258—259, 305: II: 26,

48, 90—91, 138, 205, 218, 251.

311, 407—409, 473.

Эрве—I: 107—109, 111

Эренталь—I: 140—141

ю.

Юрий (Чапкий, Бронштейн)—II: 34—
36, 45—46, 56, 59, 78, 97, 183,
187, 268—270, 306, 324, 360—361,
379, 385, 395, 398.

Юркевич—II: 516

Юшкевич—II: 94, 455.

я.

Якоби—I: 24

СОДЕРЖАНИЕ.

1910 год.

	<i>Стр.</i>
К единству. («Социал-Демократ», № 11 от 13 (26) февраля 1910 г.)	5
Заметки публициста. I. «О платформе» сторонников и защитников отзовизма. («Дискуссионный Листок», № 1 от 6 (19) марта 1910 г.)	13
Листок о Гаивасе. (18 марта 1910 г.)	22
За что бороться. («Социал-Демократ», № 12 от 23 марта (5 апреля 1910 г.)	24
«Голос» ликвидаторов против партии (Ответ «Голосу Соц.-Демократа»). («Социал-Демократ», № 12 от 23 марта (5 апреля) 1910 г.)	29
Бояться за армию. («Социал-Демократ», № 13 от 26 апреля (9 мая) 1910 г.	36
Партийное объединение за границей. («Социал-Демократ», № 13 от 26 апреля (9 мая) 1910 г.)	43
Одно из препятствий партийному единству. («Социал-Демократ», № 13 от 26 апреля (9 мая) 1910 г.)	46
Заметки публициста. II. «Объединительный кризис» в нашей партии. («Дискуссионный Листок», № 2 от 24 мая (7 июня) 1910 г.)	48
О фракции «впередовцев». («Социал-Демократ», № 15—16 от 30 августа (12 сентября) 1910 г.)	93
Вопрос о кооперативах на Международном Соц. Конгрессе в Копенгагене. («Социал-Демократ», № 17 от 25 сентября (8 октября) 1910 г.)	99
О том, как некоторые соц.-демократы знакомят Интернационал о положении дел в Р. С.-Д. Р. П. («Социал-Демократ», № 17 от 25 сентября (8 октября) 1910 г.)	107
Уроки революции. («Рабочая Газета», № 1 от 31 октября (13 ноября) 1910 г.)	108
Л. Н. Толстой. («Социал-Демократ», № 18 от 16 (29) ноября 1910 г.)	115
О демонстрации по поводу смерти Муромцева. («Социал-Демократ», № 18 от 16 (29) ноября 1910 г.)	119
Не начало ли поворота? («Социал-Демократ», № 18 от 16 (29) ноября 1910 г.)	123
Начало демонстраций. («Рабочая Газета», № 2 от 18 (31) декабря 1910 г.)	125
Что делается в деревне? («Рабочая Газета», № 2 от 18 (31) декабря 1910 г.)	128
Иван Васильевич Бабушкин. (Некролог.) («Рабочая Газета», № 2 от 18 (31) декабря 1910 г.)	130
Разногласия в европейском рабочем движении. («Звезда», № 1 от 16 декабря 1910 г.)	133
О некоторых особенностях исторического развития марксизма. («Звезда», № 2 от 23 декабря 1910 г.)	138
Герои «оговорочки». («Мысль», № 1 за декабрь 1910 г.)	143
О статистике стачек в России. («Мысль», № 1 за декабрь 1910 г. и № 2 за январь 1911 г.)	148

1911 год.

	Стр
Л. Н. Толстой и его эпоха. («Звезда», № 6 от 22 января 1911 г.)	171
Начало оживления. («Социал-Демократ», № 19—20 от 13 (26) января 1911 г.)	175
Карьера русского террориста. (Социал-Демократ, № 19—20 от 13 (26) января 1911 г.)	180
О положении дел в партии. (Приложение к № 19—20 «Соц. Демократа» от 13 (26) января 1911 г.)	182
Наши упразднители. (О г. Потресове и В. Базарове). («Мысль», № 2 за январь и № 3 за февраль 1911 г.)	195
Кадеты о двух лагерях и о разумном компромиссе. («Звезда», № 8 от 5 февраля 1911 г.)	212
Павел Зингер. («Рабочая Газета», № 3 от 8 (21) февраля 1911 г.)	216
Пятидесятилетие падения крепостного права. (Рабочая Газета, № 3 от 8 (21) февраля 1911 г.)	219
Меньшиков, Громобой, Изгоев. («Звезда», № 11 от 26 февраля 1911 г.)	222
По поводу юбилея. («Мысль», № 3 за февраль 1911 г.)	230
О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве. («Мысль», № 4 за март 1911 г.)	238
Полемические заметки. («Мысль», № 4 за март 1911 г.)	256
«Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция. (Соц.-Демократ, № 21—22 от 19 марта (1 апреля) 1911 г.)	259
Разрушители партии в роли «разрушителей легенд». («Социал-Демократ», № 21—22 от 19 марта (1 апреля) 1911 г.)	268
Кадеты и октябристы. («Звезда», № 16 от 2 апреля 1911 г.)	272
Памяти Коммуны. («Рабочая Газета», № 4—5 от 15 (28) апреля 1911 г.)	275
О значении кризиса. («Звезда», № 18 от 16 апреля 1911 г.)	279
Разговор легалиста с противником ликвидаторства. (Дискуссионный Листок, № 3 от 29 апреля (12 мая) 1911 г.)	283
Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России. (Дискуссионный Листок, № 3 от 29 апреля (12 мая) 1911 г.)	292
Конгресс английской социал-демократической партии. («Звезда», № 18 от 16 апреля 1911 г.)	308
К итогам думской сессии. «Вместе делали». («Звезда», № 24 от 28 мая 1911 г.)	313
О старых, но вечно новых истинах. («Звезда», № 25 от 11 июня 1911 г.)	317
Резолюция II Парижской группы Р. С.-Д. Р. II. 7 (20) июля 1911 г.)	321
Ко всем соц.-дем. партийным организациям, группам и кружкам. (1 августа 1911 г.)	329
Предисловие к брошюре Л. Б. Каменева: «Две партии». (2 августа 1911 г.)	343
Реформизм в русской социал-демократии. («Социал-Демократ», № 23 от 1 (14) сентября 1911 г.)	346
Примечание от редакции к корреспонденции из Петербурга. («Социал-Демократ», № 23 от 1 (14) сентября 1911 г.)	358
Примечание редакции к «Заявлению» 25 августа 1911 г. («Социал-Демократ», № 23 от 1 (14) сентября 1911 г.)	360
Столыпин и революция. («Социал-Демократ», № 24 от 18 (31) октября 1911 г.)	361
О новой фракции примиренцев или добродетельных. («Социал-Демократ», № 24 от 18 (31) октября 1911 г.)	370
Об избирательной кампании и избирательной платформе. («Социал-Демократ», № 24 от 18 (31) октября 1911 г.)	388
Из лагеря Столыпинской «рабочей» партии. («Социал-Демократ», № 24 от 18 (31) октября 1911 г.)	395
Старое и новое. (Из заметок газетного читателя). («Звезда», № 28 от 5 ноября 1911 г.)	399
Два центра. («Звезда», № 28 от 5 ноября 1911 г.)	401
Гайндман о Марксе. («Звезда», № 31 от 26 ноября 1911 г.)	403
Манифест либеральной рабочей партии. («Звезда», № 32 от 3 декабря 1911 г.)	410
Избирательная кампания в IV Гос. Думу. I. Основные принципиальные вопросы. («Звезда», № 33 от 10 декабря 1911 г.)	419

	<i>Стр.</i>
О лозунгах и о постановке думской и внедумской соц.-дем. работы. («Социал-Демократ», № 25 от 8 (21) декабря 1911 г.)	423
Речь, произнесенная от имени Р. С. Д. Р. П. на похоронах Поля и Лауры Лафарг. («Социал-Демократ», № 25 от 8 (21) декабря 1911 г.)	432
Развязка партийного кризиса. («Социал-Демократ», № 25 от 8 (21) декабря 1911 г.)	433
Из лагеря Столыпинской «рабочей» партии. («Социал-Демократ», № 25 от 8 (21) декабря 1911 г.)	442
О дипломатии Троцкого и об одной платформе партийцев. («Социал-Демократ», № 25 от 8 (21) декабря 1911 г.)	446
Старое и новое. («Звезда», № 33 от 10 декабря 1911 г.)	450
Принципиальные вопросы избирательной кампании. («Просвещение», № 1 за декабрь 1911 г. и № 2 за январь 1912 г.)	454
Начало разоблачений о переговорах партии к.-д. с министрами. («Просвещение», № 1 за декабрь 1911 г.)	477
Три запроса. («Просвещение», № 1 за декабрь 1911 г.)	484
Избирательная кампания в IV Гос. Думу. II. Роль рабочих-выборщиков в избирательной кампании. («Звезда», № 34 от 17 декабря 1911 г.)	495
Избирательная кампания в IV Гос. Думу. III. Крестьянство и крестьянские выборщики в избирательной кампании. («Звезда», № 36 от 31 декабря 1911 г.)	501
Добавление	507—528
Уроки Коммуны. (Заграничная Газета, № 2 от 23 марта 1908 г.)	509
Еще о партийности и беспартийности. («Новый День», № 9 от 14 (27) сентября 1909 г.)	513
О «Вехах». («Новый День», № 15 от 13 декабря 1909 г.)	515
Для юбилейного номера латышской газеты «Циня»	524
Приложение	529—567
№ 1. Резолюция Декабрьской Конференции 1908 г.	531
№ 2. Резолюции Совещания расширенной редакции «Пролетария»	543
№ 3. Резолюции пленарного собрания Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (Январь 1910 г.)	557
№ 4. Платформа впередовцев	568
Примечания	581—646
Указатель имен	647—652

